1105

91
Ш86

ПУТЕШЕСТВІЕ

КЪ СѢВЕРО-ВОСТОКУ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ

ЧРЕЗЪ

ТУНДРЫ САМОѢДОВЪ КЪ СѢВЕРНЫМЪ УРАЛЬСКИМЪ ГОРАМЪ,

ПРЕДПРИНЯТОЕ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ВЪ 1837 ГОДУ

Александромъ Шренкомъ.

1120059 Р
(69)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА.

Тюменская
областная библиотека
Сектор ведения книги

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.

1855.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 31 Октября 1855 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

А. Фрейганъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Глава I.	Поѣздка изъ С. Петербурга въ Архангельскъ	1.
» II.	Пребываніе въ Архангельскѣ . .	34.
» III.	Поѣздка изъ Архангельска въ Мезень.	41.
» IV.	Пребываніе въ Мезени . . .	105.
» V.	Путешествіе изъ Мезени къ мѣстечку Устьцыльмѣ на берегу Печоры . .	129.
» VI.	Пребываніе въ Устьцыльмѣ . .	177.
» VII.	Путешествіе изъ Устьцыльмы къ поселенію на рѣкѣ Колвѣ и пребываніе въ немъ	201.
» VIII.	Путешествіе по рѣкѣ Колвѣ и по Большеземельной тундрѣ до острова Вайгача.	234.
» IX.	Путешествіе отъ Югрскаго пролива къ Уралу	336.
» X.	Путешествіе отъ Уральскаго хребта черезъ Большеземельную тундру къ Пустозерску.	418.
» XI.	Пребываніе въ Пустозерскѣ . .	505.
» XII.	Путешествіе изъ Пустозерска въ Мезень.	569.
» XIII.	Обратный путь изъ Мезени въ Архангельскъ, а оттуда въ С. Петербургъ.	637.

I.

ПОѢЗДКА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Утромъ, 8-го Апрѣля, отправился я изъ столицы въ **Шлиссельбургъ**, по почтовой дорогѣ вдоль лѣваго берега Невы, которая спокойно протекаетъ здѣсь по однообразной песчаной равнинѣ, поросшей хвойнымъ лѣсомъ. Нева еще покоилась подъ своимъ ледянымъ покрываломъ, и только прибрежныя деревни и села напоминали, какъ оживляются весною, по вскрытіи рѣки, ея величественныя воды, по которымъ разнородныя суда спѣшатъ доставлять столицѣ произведенія отдаленныхъ нѣдръ государства. Сообщенію по рѣкѣ и близости столицы обязаны прибрежные жители видимымъ благосостояніемъ и наружными удобствами жизни, всюду привѣтствующими взоры путешественника. Судоходство по Невѣ вообще удобно, и препятствія, нѣкогда представлявшіяся въ различныхъ мѣстахъ отъ осадка валуновъ въ руслѣ рѣки, между прочимъ особенно близъ Пеллы, бывшаго увеселительнаго дворца Потемкина, давно устранены посредствомъ очищенія и углубленія фарватера.

Далеко изъ-за песчаныхъ равнинъ, поросшихъ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ, виднѣются башни Шлиссельбургскія. У этого городка, находящагося при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, начинается Ладожскій каналъ, и торговля съ судами, въ большомъ количествѣ проходящими по сему водяному пути, содѣлалась самымъ выгоднымъ промысломъ городскихъ жителей. Другую не менѣе важную отрасль промышленности представляетъ имъ рыбная ловля на Ладожскомъ озерѣ, и доходъ съ нея тѣмъ вѣрнѣе, что сбытъ рыбнаго товара большею частію обезпеченъ договорами, заключаемыми съ столичными торговцами. Особенная часть города Шлиссельбурга обязана здѣшнимъ рыбакамъ своимъ названіемъ **Рыбацкой**, которымъ простолюдинъ нерѣдко означаетъ цѣлый городъ; да и самое имя **Шлюссельбургъ** превращается въ устахъ простаго народа въ **Шлюшинъ**, какъ слово **Петербургъ** въ **Питеръ**. У Шведовъ, какъ извѣстно, крѣпость именовалась **Нотебургъ**; нынѣшнее названіе дано ей Императоромъ Петромъ Великимъ, справедливо почитавшимъ это мѣсто ключемъ къ обладанію всею Невскою страною. Древнее русское имя города: **Орѣховъ**, **Орѣховецъ**, или **Орѣшекъ**, вѣроятно, происходитъ отъ небольшаго острова при истокѣ Невы, на которомъ находится крѣпость съ частью города и который уподобляется всплывшему на поверхность водъ орѣшку. Какъ съ одной стороны Петербургъ есть средоточіе всего, что отправляется по Невѣ въ столицу, такъ, съ другой стороны, многіе достаточные столичные жители, въ смиренной страннической одеждѣ и пѣшкомъ, отправляются по Шлиссельбургской дорогѣ, съ намѣреніемъ излить благочестивую молитву предъ чудотворною иконою Богоматери, которой

возсылаются особенныя моленія во всѣхъ церквахъ Шлиссельбургскихъ [1]).

Отъ Шлиссельбурга почтовая дорога идетъ далѣе вдоль Ладожскаго канала; разстояніе 28⅔ верстъ до слѣдующей станціи **Шельдихи**, по случаю крайне испорченной дороги, проѣхали мы ровно шесть часовъ,

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ, не доѣзжая Шельдихи. вдоль канала лежали большіе запасы известняка, обтесаннаго плитами, и потому въ техническомъ употребленіи называемаго **плитнякомъ**. Осенью и зимою, когда вообще прекращаются судоходство и всякія полевыя работы, добываютъ плитнякъ на многочисленныхъ каменоломняхъ здѣшняго края, и свозятъ къ каналу для отправки лѣтомъ въ столицу. Этотъ известнякъ принадлежитъ къ системѣ Петербургскихъ известняковъ, и съ ними вмѣстѣ, какъ извѣстно изъ новѣйшихъ изслѣдованій Мурчисона, Верпеля, графа Кейзерлинга и предшествовавшихъ ихъ Странгвайса и Пандера, относится къ Силурійской группѣ.

У села **Лавы**, на рѣкѣ того-же имени, впадающей въ Ладожское озеро, находился караванъ барокъ, перезимовавшихъ въ этомъ мѣстѣ. Почтовая дорога уклоняется здѣсь отъ канала, вдоль котораго доселѣ тянулась, и пролегаетъ далѣе во внутрь страны. На пути нерѣдко встрѣчались намъ крестьяне, небольшими толпами пѣшкомъ отправлявшіеся въ Петербургъ. Всѣ они большею частію каменьщики и плотники изъ Вологодской, Вятской, Костромской, Ярославской, Олонецкой и даже изъ Ар-

---

[1]) Описанія и исторія городка, см. «*Озерецковскій*, путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому», стр. 4.

хангельской губерніи, зиму провели на родинѣ, а теперь шли на работу въ столицу, гдѣ лѣтомъ всегда довольно занятія трудолюбивымъ рукамъ.

У **Черной**, послѣдней станціи не доѣзжая городка Новой Ладоги, почти подъ 60° ш. и 50° д., исчезаетъ *орѣшникъ* (Corylus Avellena) изъ числа деревьевъ, свойственныхъ здѣшнему краю, и не встрѣчается болѣе на всемъ пространствѣ до Архангельска. Неплодородная песчанистая почва, поросшая хвойнымъ лѣсомъ, совершенно неблагопріятная сему кустарнику, полагаетъ ему преждевременную границу тамъ, гдѣ климатъ еще мало отличается отъ Петербургскаго.

Новая Ладога, незначительный городокъ на лѣвомъ берегу Волхова, при впаденіи его въ Ладожское озеро съ южнаго берега, расположенъ на обширной песчаной равнинѣ. Новою Ладогою названъ онъ въ противоположность достопримѣчательной Старой Ладоги, нѣкогда бывшаго мѣстопребыванія Рюрика, которая въ настоящее время обратилась въ мѣстечко или слободу ветхой наружности, и находится на берегу Волхова, въ 13-ти верстахъ отъ Новой Ладоги, вверхъ по теченію рѣки. У Новой Ладоги оканчивается Ладожскій каналъ, вливаясь въ Волховъ, или, лучше сказать, продолжается въ видѣ другаго канала, соединяющаго **Волховъ** съ рѣкою **Сясью** и называемаго **Сясскимъ** каналомъ. Памятникъ изъ дикаго камня, составляющій украшеніе городка, надписью своею напоминаетъ о началѣ устройства Ладожскаго канала въ царствованіе Петра Великаго; а въ селеніи Дубно, какъ утверждаютъ, хранится еще судно, на которомъ Монархъ, по окончаніи работъ, проѣхалъ по каналу отъ Дубно до Ладоги; тутъ-же, на память по-

томства, благоговѣніе къ геніальному Царю сохранило нѣкоторыя орудія, употребленныя собственными руками его при многотрудныхъ земляныхъ работахъ [1]).

Ладожскій каналъ, на разстояніи 104 верстъ, будучи шириною отъ 10-ти до 14-ти саженъ, и глубиною въ 7, а весною до 10-ти футовъ, соединяетъ Неву у Шлиссельбурга съ Волховымъ у Новой Ладоги. **Сясскій каналъ**, будучи продолженіемъ Ладожскаго, соединяетъ устье Волхова съ устьемъ Сяси близъ Сясскаго Рядка, на протяженіи 10-ти верстъ, при 8-ми саженяхъ и 5-ти футахъ ширины; наконецъ, изъ Сяси на пространствѣ 15-ти верстъ проведенъ **Свирскій** или **Вороновъ каналъ** къ устью Свири, соединяющей Онежское озеро съ Ладожскимъ. Вся эта система каналовъ имѣетъ въ виду, какъ извѣстно, избѣжаніе плаванія по Ладожскому озеру: чудное зеркало его водъ, покрывая собою множество подводныхъ камней и обуреваемое сѣверными вѣтрами, часто подвергается неправильному стрывистому волненію, и потому чрезвычайно пагубно и опасно для судоходства [2]). Во время сильныхъ весеннихъ бурь, весь южный берегъ озера не рѣдко покрывается напосными льдинами, которыя срываютъ или повреждаютъ прибрежныя рыбацкія хижины. Ладожскій ледъ не всегда спускается естественнымъ путемъ своимъ—рѣкою Невою; при перемѣнномъ вѣтрѣ онъ нерѣдко кружится по озеру до поздней весны, пока не размоетъ его водою; или бываетъ разбросанъ по берегамъ, на коихъ долго лежитъ, пока не растаетъ. Эти различныя обстоятельства вѣроятно имѣютъ вліяніе

---

[1]) См. *Озерецковскій*, Пут. по озер. Лад. и Онежскому, стр. 552.

[2]) См. «Russlands Wasserverbindungen» стр. 27 и 28.

на климатъ всего края, измѣняя свойство лѣтней температуры въ прибрежныхъ полосахъ, и потому должны быть очень ощутительны для здѣшняго хлѣбопашества, но доселѣ еще не изслѣдованы надлежащимъ образомъ.

У Новой Ладоги переправились мы по льду Волхова, устье котораго представляетъ здѣсь рѣку значительной ширины, и ѣхали до **Сясскаго Рядка**, или **Сясскихъ Рядковъ** вдоль канала, по песчаной равнинѣ, поросшей невысокими соснами и елями, и кое-гдѣ можжевеловыми, ольховыми и березовыми кустарниками. У **Сясскаго Рядка** переѣзжаютъ рѣку **Сясь**, далѣе, у слѣдующей станціи, **Шхаповой**, рѣку **Воронку**, и наконецъ рѣку **Пашу**; всѣ три впадаютъ въ Ладожское озеро. Значительнѣйшая изъ нихъ рѣка **Паша**; она почти до верховья своего судоходна, на берегахъ ея растутъ прекрасные лѣса и воды ея приводятъ въ дѣйствіе двѣ пильныя мельницы, принадлежащія Петербургскому торговцу лѣсомъ Громову; далѣе, вверхъ по рѣкѣ, строятъ на ней барки.

На станціи **Оятской** взяли мы зимнюю повозку и переѣхали по льду рѣку **Оять**, значительнѣйшій изъ Свирскихъ притоковъ, которая составляетъ границу между губерніями Петербургской и Олонецкой.

Страна нижней Свири, равнина, во многихъ мѣстахъ представляющая обширныя болотистыя низменности, поросла соснами, ольховыми и ивовыми кустарниками и тощимъ березовымъ лѣсомъ. Въ настоящее время года многія изъ этихъ низменностей были совершенно потоплены, такъ, что нашимъ лошадямъ часто приходилось итти глубоко въ водѣ, и это обстоятельство затрудняло насъ болѣе нежели иного пѣшехода промышленника,

отправлявшагося въ Петербургъ: такой молодецъ, въ одной легкой холщевой рубахѣ, босыми ногами бодро шагаетъ чрезъ огромныя лужи, и не боится промочить ни обуви, ни платья: одно и другое у него за плечами.

Песчаная и болотистая почва здѣшняго края не слишкомъ благопріятна земледѣлію; почные морозы здѣсь уже не рѣдко уничтожаютъ надежду поселянина, и потому онъ охотно принимается за другія отрасли промышленности, свойственныя краю. Вообще здѣшніе крестьяне и прибрежные жители судоходной Свири пускаются въ различные торговые обороты съ мимоплывущими судами, или занимаются ремесломъ каменьщиковъ и плотниковъ на мѣстѣ и въ Петербургѣ, строятъ суда на Свирскихъ берегахъ, или работаютъ на здѣшнихъ каменоломняхъ; самая рѣка Свирь представляетъ имъ богатый промыселъ въ рыбной ловлѣ, при легкомъ сбытѣ рыбы въ столицѣ Здѣсь ловятся: *сиги* (Salmo lavaretus,) *лососи* (Salmo eriox), *окуни* (Perca fluviatilis), *ерши* (Perca cernua), *язи* (Cyprinus Idus), *щуки* (Esox lucius) и *плотва* (Cyprinus erythrophthalmus).—Нижняя Свирь, и особенно Ладожское озеро изобилуютъ *корюшкою* (Cyprinus epersanomarinus), которая не водится ни въ средней и верхней Свири, ни въ Онежскомъ озерѣ; эта небольшая рыба, какъ свѣжая, такъ равно копченая и маринованная, имѣетъ пріятный вкусъ и много употребляется въ Петербургѣ. Изъ всѣхъ показанныхъ видовъ рыбы, всего болѣе дорожатъ сигами и лососиной; на мѣстѣ ловли одинъ сигъ стоитъ отъ 50 до 60 копѣекъ [1]); за лосося полнорослаго, т. е. имѣющаго

---

[1]) Цѣны товаровъ всюду означены по общеупотреблявшемуся въ то время счету на ассигнаціи или на мѣдь, по которому нынѣшній серебряный рубль заключаетъ 3 рубли 50 к. ассигнаціями.

длины 12-ть вершковъ, платятъ $2\frac{1}{2}$ и даже 3 рубля, но та же рыба, меньшей величины, въ оптовой торговлѣ цѣнится въ половину менѣе. Суда, употребляемыя для провоза рыбы, суть ладьи съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ въ нижнемъ продѣланы отверстія: пространство между обоими днами наполняется рыбою, которая посредствомъ такого устройства во время провоза безпрестанно находится въ свободно проточной водѣ, и это единственно представляетъ возможность доставлять рыбу живую на мѣсто ея назначенія. Осенью, эти суда проплываютъ разстояніе отъ Ладейнаго Поля до Петербурга, по каналамъ въ продолженіе сутокъ; напротивъ того, лѣтомъ, когда вода въ каналахъ, какъ утверждаютъ, по своей возвышенной температурѣ дѣлается пагубною для рыбы, суда принуждены проѣзжать по самому озеру, гдѣ при частомъ противномъ вѣтрѣ, они употребляютъ на проѣздъ гораздо болѣе времени.

Довольно значительное занятіе прибрежныхъ жителей Свирскихъ составляетъ кромѣ того приготовленіе угольевъ, чрезвычайно важная отрасль промышленности въ здѣшнемъ краѣ, изобилующемъ лѣсами.

Рѣка Свирь въ своемъ теченіи отъ Ладейнаго Поля до устья рѣчки Яндебы, впадающей въ нее съ лѣва, образуетъ пороги, которые, по видимому, здѣсь также какъ и въ Невѣ, происходятъ отъ осадка валуновъ въ руслѣ рѣки. Для безопасности судоходства, на всемъ этомъ пространствѣ рѣки, въ разстояніяхъ 10, 15 и 20 верстъ одна отъ другой, устроены лоцманскія пристани, гдѣ суда, плывущія по Свири, нанимаютъ лоцмановъ для безопаснаго препровожденія ихъ чрезъ пороги. Изъ сосѣдственныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи, внизъ по

рѣкѣ Свири отправляется большое количество корабельнаго строеваго лѣса въ Петербургъ; такіе силавы состоятъ изъ сосновыхъ и лиственичныхъ бревенъ: послѣднія доставляются изъ Пудожскаго, самаго сѣвернаго уѣзда Олонецкой губерніи, такъ какъ далѣе къ югу лиственница не произрастаетъ.

Замѣтимъ еще особенность въ нарѣчіи, свойственную разговорному языку жителей по берегамъ Свирскимъ и по южному берегу Онежскаго озера. Въ словахъ, гдѣ звукъ *е* письменно выражается буквою *ѣ*, здѣсь всегда вмѣсто *е* произносятъ *и*; такимъ образомъ говорятъ: вмѣсто пѣтъ питъ, вмѣсто снѣгъ снигъ, скорія, долія, вмѣсто скорѣе, далѣе, и т. п. особенность, которая по всему вѣроятію перешла на сѣверъ изъ Малороссійскаго нарѣчія. Буква *о* выговаривается здѣсь какъ чистое *о* всегда подобно произношенію въ Архангельской губерніи, въ Сибири и во многихъ другихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ московско-русское, нарѣчіе, принятое въ разговорѣ образованныхъ людей, превращаетъ *о* при произношеніи въ чистое *а* вездѣ, гдѣ на немъ нѣтъ ударенія. Нерѣдко также можно слышать сокращеніе окончанія третьяго лица единственнаго числа: буди вмѣсто будетъ, и проч., что снова еще постояннѣе выражается въ нарѣчіи Малороссійскомъ.

У **Заострова** Свирь разливается довольно широко и образуетъ островъ. **Ладейное Поле** скорѣе можно принять за обширное селеніе, нежели за городокъ, и только нѣкоторое значеніе получаетъ онъ по своему выгодному мѣстоположенію на лѣвомъ берегу Свири. Достопримѣчательна здѣсь казенная верфь, заложенная Петромъ Великимъ, на которой строятся небольшія плоскодонныя рѣчныя суда, поднимающія не болѣе 4000 пудъ

груза. Съ этой верфи спущенъ былъ ботикъ, который нынѣ хранится въ селеніи Дубно [1]).

Начиная отъ станціи **Трощинецъ** почва дѣлается волнообразно-холмистою и все болѣе и болѣе возвышается, будучи прорѣзана глубокими долинами. Эта гряда холмистыхъ возвышенностей отдѣляетъ воды Ладожскаго озера отъ водъ озера Онежскаго; сѣверное продолженіе ея прорѣзается поперечною долиною Свири. Почти на половинѣ пути отъ станціи Трощинецъ до **Бардовской** дорога достигаетъ рубежа водъ, поднимаясь на холмъ, который почитается самою возвышенною точкою окрестной страны, открывающею взорамъ отдаленный западный и сѣверный небосклонъ. Роскошный лѣсъ растетъ на холмистой почвѣ въ изобиліи: высокія и стройныя сосны и ели перемѣшаны съ осиновымъ лѣсомъ и мелкимъ березникомъ. Медвѣди, волки, россомахи и куницы живутъ въ этихъ лѣсахъ, не рѣдко причиняя значительный вредъ окрестнымъ стадамъ, почему здѣшніе крестьяне поклялись мстить своимъ хищнымъ сосѣдямъ. Такъ, во время нашего проѣзда, на станціи Бардовской, лежалъ при послѣднемъ издыханіи крестьянинъ, истерзанный медвѣдицею: въ окрестности появилась медвѣдица, у которой похитили дѣтенышей, и трое здоровыхъ парней, вооруженные вилами, отправились съ намѣреніемъ убить самку; вскорѣ имъ удалось отыскать ее, и отчаянный бой завязался. Къ несчастію, оружіе одного изъ нихъ было не довольно остро, и возпилось звѣрю въ такое мѣсто, гдѣ рана не бываетъ смертельна, такъ, что мед-

---

[1]) *Озерецковскій*, Пут. по оз. Лад. и Он., стр. 148, и Georgi Beschreibung des russ Reichs. Ч. II От. I стр. 45

вѣдица успѣла оберпуться, схватить своего противника и истерзать его до полусмерти прежде, нежели товарищи бѣдняка подоспѣли къ нему на помощь и общими силами убили звѣря.

На станціи **Булаевской** впервые узналъ я упряжь **гусемъ**, и съ тѣхъ поръ ютпюдь не пристрастился къ этой ѣздѣ. Гусемъ называется та упряжка, при которой лошади впрягаются не врядъ, какъ обыкновенно, по двѣ, три и болѣе ихъ цугомъ одна за другою, и всѣ онѣ, кромѣ коренной, бѣгутъ между двумя длинными постромками, прикрѣпленными къ оглоблямъ саней. Кромѣ двухъ возжей для управленія коренною, необходимы еще двѣ длинныя возжи для управленія передовою лошадью; однако этихъ послѣднихъ очень часто совершенно не достаетъ, и въ такомъ случаѣ правятъ только одною коренною, а переднія лошади должны по ея движенію направлять свой бѣгъ и повиноваться голосу ямщика. Каждой изъ переднихъ лошадей прикрѣпляется за правымъ ухомъ небольшой пучекъ соломы, для того, чтобы она находилась въ безпрестанномъ ожиданіи удара бичемъ и тѣмъ самымъ постоянно побуждалась къ требуемой отъ нея дѣятельности, пріобыкши съ этой стороны получать удары, между тѣмъ, какъ пучекъ соломы препятствуетъ ей замѣчать отдаленность ямщика. Изрѣдка на одну изъ среднихъ лошадей садятъ мальчика вмѣсто форрейтора и тѣмъ отчасти поддерживаютъ порядокъ этаго поѣзда. Всѣ невыгоды такой упряжи бросаются въ глаза. Когда переднія лошади худо помогаютъ коренной, то ямщикъ, не будучи въ состояніи владѣть чрезмѣрно длиннымъ кнутомъ, каждый разъ принужденъ соскакивать съ облучка, на бѣгу догонять лѣнивую лошадь и

подчивать ее заслуженными ударами,—всѣ лошади, очень естественно, пускаются бѣжать скорѣе, и ямщикъ тогда долженъ разсчитать, какъ бы во время быстраго мимолета саней ловко попасть опять на облучекъ. Притомъ лошади должны быть весьма хорошо пріучены, чего на дѣлѣ нѣтъ; обыкновенно, когда передней лошади приходится повиноваться возжамъ при проѣздѣ по какой нибудь мѣстности, она бросается въ сторону и останавливается, ямщикъ же принужденъ бываетъ догонять ее и хватать за узду, чтобъ повернуть въ надлежащую сторону. Но едва лошадь завидитъ его приближеніе, то, желая ускользнуть отъ него, быстро поворачиваетъ въ противоположное направленіе, при чемъ не рѣдко цѣлая упряжь приходитъ въ замѣшательство и круто повернутыя сани или опрокидываются, или весь поѣздъ отправляется къ родимымъ яслямъ. Не взирая на такое множество неудобствъ, упряжка гусемъ здѣсь, равно какъ и въ Архангельской губерніи, общеупотребительна и сдѣлалась необходимостью по причинѣ снѣговъ, которые, выпадая въ изобиліи, часто на сажень вышиною наваливаются между заборами въ сосѣдствѣ деревень; разумѣется, по такому снѣгу легче проложить дорогу лошадямъ, запряженнымъ гусемъ, нежели въ рядъ. По этой причинѣ вся ширина зимней проѣзжей дороги въ здѣшнемъ краѣ не болѣе ширины узкихъ саней, и походитъ скорѣе на ровъ, который уклоняется то въ одну, то въ другую сторону, и въ которомъ сани, на разстояніи цѣлыхъ верстъ, катятся въ косвенномъ положеніи. Такимъ образомъ, здѣсь на ямщикѣ лежитъ еще обязанность соблюдать равновѣсіе, и потому онъ, смотря по наклоненію саней, передвигается то на одну то на другую сторону облучка, а гдѣ сани

уже слишкомъ наклоняются на одинъ бокъ, тамъ бываетъ принужденъ соскочить съ мѣста и цѣлымъ туловищемъ поддерживать сани, чтобы они совершенно не опрокинулись. Такъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ не рѣдко случается видѣть, съ какимъ неподдѣльнымъ усердіемъ ямщикъ предохраняетъ сани отъ паденія и бѣжитъ подлѣ нихъ на пространствѣ цѣлыхъ верстъ; да и во время нашей поѣздки встрѣчались по дорогѣ мѣста, гдѣ было болѣе труда ямщику, нежели лошадямъ, и гдѣ онъ, на разстояніи трехъ четвертей цѣлой станціи бѣжалъ подлѣ саней, съ неутомимою дѣятельностью безпрерывно работалъ кнутомъ, поддерживалъ сани, или перекачивался съ одной стороны облучка на другую для соблюденія равновѣсія. Подобныя гимнастическія упражненія не столько производятъ состраданіе въ путешественникахъ, сколько возбуждаютъ ихъ смѣхъ, и забавляли насъ часто въ продолженіи цѣлаго пути, пока отъ времени до времени какой нибудь сильный толчекъ опрокидывалъ насъ въ мокрый снѣгъ, который высокими сугробами навалень былъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ иныхъ мѣстахъ или вовсе не было снѣга, или онъ лежалъ въ такомъ количествѣ и былъ такъ глубокъ и рыхлъ, что лошади уходили въ него по грудь, съ большимъ трудомъ были отрываемы помощію людей и чрезъ нѣсколько шаговъ снова въ него погружались, и это именно всегда случалось между заборами, коими обыкновенно около деревень на большомъ разстояніи, по обѣимъ сторонамъ большой дороги, отгораживаютъ пахатныя поля для предохраненія ихъ отъ скота; такія отгороженныя полосы дороги между двумя заборами называютъ **улицы** (по здѣшнему произношенію улицы), которыя въ настоящее

время года составляютъ значительное бѣдствіе для проѣзжающихъ.

Близъ станціи **Булавской** переѣхали мы по льду небольшаго озера **Шермпнскаго**. Апрѣля 11-го подулъ пріятный весенній вѣтерокъ, и солнечные лучи, отражаемые снѣжною поверхностью ослѣпляющей бѣлизны, производили ощутительную боль на кожѣ лица.

Немаловажное значеніе между произрастеніями здѣшняго края получила обыкновенная *свекла* (здѣсъ называемая *красною рѣпою*). Она не подвержена не урожаю и потому самому ее садятъ во множествѣ, такъ, что каждый крестьянинъ ежегодно высѣваетъ свои 10 и болѣе четвертей свеклы, и ѣстъ ее сырую и печеную, варитъ изъ нея кисель, и приготовляетъ особеннаго рода квасъ, который замѣняетъ Олонецкимъ жителямъ настоящій русскій квасъ изъ ржаной муки, хотя и заключаетъ въ себѣ для непривыкшихъ къ нему слабительное свойство. Для полученія этого напитка берутъ бочку, на дно которой кладутъ слой горячихъ каменьевъ, а на нихъ почти до половины бочки всыпаютъ свеклы; потомъ снова слѣдуетъ слой горячихъ каменьевъ и свеклы, которую накрываютъ третьимъ и послѣднимъ слоемъ горячихъ каменьевъ, послѣ чего всему даютъ простоять 36 часовъ или даже двое сутокъ; по прошествіи этого времени каменья вынимаютъ и пропарившіеся корни обливаютъ водою, которая вытягиваетъ сокъ изъ свеклы, и вотъ все приготовленіе кисло-сладкаго, довольно невкуснаго напитка, извѣстнаго здѣсь подъ названіемъ **кваса**. Всѣ сорты хлѣба, *рожь*, *ячмень*, *овесъ*, даже не въ большомъ количествѣ *пшеница*, еще засѣваются здѣсь, хотя полевыя сѣмена, особенно на сѣверныхъ покато-

стяхъ холмовъ, довольно часто уничтожаются ночными морозами, наступающими уже въ половинѣ Августа. Такимъ образомъ земледѣліе не занимаетъ много рукъ въ Олонецкой губерніи, тѣмъ болѣе, что самое важное хлѣбное растеніе, рожь, среднимъ числомъ приноситъ едвали болѣе двухъ, и только въ урожайные годы на плодородной почвѣ до 6-ти зеренъ. Сѣмена всѣхъ хлѣбныхъ растеній обыкновенно привозятся изъ сосѣдственной губерніи Новгородской. Не однократныя попытки воздѣлыванія сѣменъ, взятыхъ изъ странъ болѣе южныхъ, рѣшительно не удались, потому что хотя зерно и образовывалось какъ нельзя лучше, но, привыкши къ климату, гдѣ вообще растительность гораздо медленнѣе, никогда не дозрѣвало, между тѣмъ какъ туземное зерно доставляло хорошую жатву. Пшеничными зернами крестьяне смежныхъ губерній стараются взаимно помѣняться и тѣмъ самымъ безпрестанно доставлять пшеницѣ новую почву, что чрезвычайно содѣйствуетъ къ ея дозрѣванію. Во множествѣ также садятъ здѣсь *огородный горохъ*, а сѣмена равномѣрно вывозятъ изъ Новгородской губерніи. Обыкновенныя кухонныя овощи здѣсь *картофель* и *лукъ;* капусты не садятъ, потому что она слишкомъ растетъ въ листъ, не образуя кочней. О разведеніи плодовыхъ деревьевъ нельзя и подумать; при сильныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ они замерзаютъ зимою, а осенью не даютъ плода. Самую обыкновенную пищу составляетъ рыба, въ изобиліи доставляемая здѣшними рѣками. Напротивъ того мясо при недостаткѣ хорошихъ пастбищъ для скотоводства, принадлежитъ къ дорогимъ, и потому рѣдкимъ, припасамъ. Довольно значительно также употребленіе въ пищу грибовъ, коими изобилуютъ лѣсистыя сырыя мѣста; грибы

набираютъ лѣтомъ и осенью, сушатъ или солятъ ихъ, и вообще въ большомъ количествѣ запасаютъ на зиму. Подъ общимъ названіемъ *рыжиковъ*, употребляемымъ вмѣсто неизвѣстнаго здѣсь слова «грибы», вѣроятно подразумѣваютъ весьма различныя породы грибовъ, въ особенности же Agaricus deliciosus, который и въ прочихъ мѣстахъ Россіи называется рыжиками, и привозится въ изобиліи именно изъ Вологды.

На разстояніи между станціями **Бараковой** и **Оштапской** почва все еще волнообразна–холмиста, однакоже холмы замѣтно понижаются, и далѣе къ СВ. страна превращается въ равнину, простирающуюся до рѣки Вытегры. Рубежи озеръ Ладожскаго и Онежскаго изворачиваются на ЮВ., гдѣ раздѣляютъ воды Онежскаго и Бѣлоозера. Съ одной изъ здѣшнихъ возвышенностей открываются взору въ синеватой дали берега Онежскаго озера.

Станція **Оштапская** находится при рѣкѣ того-же названія, которая не судоходна; по ней однако строятся рѣчныя суда. Вмѣстѣ съ холмистою почвою Ладожскаго хребта постепенно исчезаютъ прекрасные лѣса и является обширная болотистая и торфянистая равнина, какую встрѣтили мы на нижней Свири, точно также поросшая тощими соснами и березникомъ, или кое-гдѣ по клочистымъ, осокою подернутымъ болотамъ разсѣянными мелкими кустарниками, *ивникомъ*, *голубелью*, *багульникомъ* Andromeda calyculata; и только изрѣдка встрѣчается взору сухая песчаная почва, покрытая сосновымъ лѣсомъ.

Красивый городъ **Вытегра** обязанъ своимъ значеніемъ счастливому положенію на рѣкѣ Вытегрѣ, близъ впаденія ея въ Онежское озеро, положеніе, по которому

1120059

этотъ городокъ пользуется выгодами судоходства изъ приволжскихъ странъ. Сообщеніе съ Волгою совершается посредствомъ Маріинскаго канала. Отъ **Рыбинска** на Волгѣ суда плывутъ вверхъ по **Шекснѣ**, на коей они принуждены преобороть нѣсколько пороговъ, пока достигнутъ истока этой рѣки изъ **Бѣлоозера**; послѣ того продолжаютъ путь по спокойнымъ водамъ сего озера до устья впадающей въ него рѣки **Ковжи**, слѣдуютъ вверхъ по ней, и изъ нея входятъ въ **Маріинскій каналъ**, который на протяженіи $7\frac{1}{2}$ верстъ, посредствомъ небольшаго озера **Матко**, соединяетъ Ковжу съ Вытегрою въ 57-ми верстахъ выше города Вытегры. Онежское озеро хотя и менѣе Ладожскаго по объему и по количеству водъ; но своимъ естественнымъ положеніемъ совершенно уподобляется первому, и, хотя въ мéньшей степени, по представляетъ судоходству равныя трудности; а потому и здѣсь устроенъ обходный каналъ, который сокращаетъ водяной путь и посредствомъ котораго, какъ и посредствомъ Ладожскаго, Маріинскій каналъ достигаетъ своего настоящаго значенія, какъ путь сообщенія внутренней Россіи съ обширнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ торговли при Балтійскомъ морѣ. **Онежскій каналъ** вытекаетъ изъ рѣки Вытегры въ 14-ти верстахъ выше ея истока, и на протяженіи $19\frac{1}{2}$ верстъ, при $17\frac{1}{2}$ саженяхъ ширины и 7 футахъ глубины, вливается въ Онежское озеро съ южнаго его берега [1]). Не одни граждане Вытегры обязаны своимъ благосостояніемъ положенію города вблизи Маріинскаго канала: окрестнымъ

---

[1]) Болѣе подробное описаніе этихъ каналовъ изложено въ «Вол. Собщ. Россіи», стр. 78 и слѣд.

деревнямъ и селамъ опъ даетъ не менѣе того возможность выгодно сбывать свои произведенія, и такимъ образомъ Маріинскій каналъ, произведеніемъ котораго обязаны блаженной памяти Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, выдавшей на устройство его 2½ милліона рублей изъ собственныхъ капиталовъ, составляетъ не маловажное благодѣяніе для всего края. Плывущія мимо Вытегры нагруженныя суда доставляли въ Петербургъ хлѣбъ въ зернѣ и мукою, льняное сѣмя, водку, соль, желѣзо, чугунъ, мѣдь, бревна, деготь, смолу, сало, полотна, шерсть и т. п.

Мы переѣхали рѣку по красиво построенному мосту въ самомъ городкѣ, и продолжали путь по ровной окраинѣ долины, на лѣвомъ берегу; потомъ дорога спускается къ подошвѣ долины и по ней ведетъ далѣе, справа окаймленная берегомъ, слѣва высокими, лѣсистыми холмами и глубокими лощинами. На станціи **Бѣлый ручей** намъ снова дали зимнюю повозку, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Вытегры вовсе не было уже зимняго пути. Дорога извивается вдоль по рѣчной долинѣ, которую мы не разъ переѣзжали. Въ разныхъ мѣстахъ, по каналу, расположены уютные домики надзирающихъ чиновниковъ, а у **Маріинскаго шлюза** построенъ большой каменный домъ, назначенный для госпиталя приставленнымъ къ каналу солдатамъ. Далѣе, въ 12-ти верстахъ отъ Бѣлаго Ручья, у **Петровскаго шлюза**, по сю сторону, на берегу канала, находится часовня, гдѣ судоходцы обыкновенно отправляютъ молебствіе и приносятъ небольшіе вклады. Противъ часовни, на другомъ берегу канала, по повелѣнію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, въ воспоминаніе Императрицы

Маріи, воздвигнутъ четырехсторонній гранитный обелискъ, на подножіи котораго видны четыре надписи, излагающія исторію совершенныхъ работъ [1]). Великій Петръ предполагалъ уже прорыть здѣсь каналъ, и, какъ видно изъ надписи, въ 1711-мъ году осматривая здѣшнюю мѣстность, однажды, утомленный странствіемъ, отдыхалъ тамъ, гдѣ нынѣ возвышается памятникъ. Впрочемъ устройство канала было дѣйствительно предпринято при Императорѣ Павлѣ I, въ 1799 году, и окончено въ царствованіе Императора Александра I. въ 1808, вопреки многимъ другимъ предположеніямъ, совершенно согласно плану Петрову, какъ путь сообщенія между Ковжею и Вытегрою.

Мы вскорѣ доѣхали до **Маткозера**, противоположный берегъ коего покрытъ прекраснымъ хвойнымъ лѣсомъ, составляющимъ собственность Петербургскаго купца Громова, ежегодно отправляющаго отсюда большіе сплавы строеваго лѣса въ столицу. Взоръ путешественника еще на мгновеніе останавливается на озерѣ **Ковжо**, вблизи котораго идетъ дорога, послѣ чего мы вскорѣ достигли деревни **Конецкой**.

Здѣсь крестьяне жаловались на прошлогоднюю (1830) жатву, принесшую, по ихъ словамъ, **пьяный**, **хмельной хлѣбъ**, который, будучи употребленъ въ пищу, производилъ тягостное одуреніе, а если имъ постоянно питались, то человѣкъ постепенно лишался силъ и наконецъ умиралъ. Хлѣбъ этотъ отличался отъ обыкновеннаго ржанаго болѣе свѣтлымъ, даже

---

[1]) Содержаніе надписей см. въ «Rutslands Watserver» стр. 77. подробное описаніе съ рисункомъ въ «Engelhardts Miscellu.»

отчасти красноватымъ цвѣтомъ, имѣлъ странный запахъ и горькій вкусъ; мука также казалась красноватою. Причиною такого вреднаго явленія призналъ я необыкновенное количество головнистыхъ зеренъ между здоровыми. Ночной морозъ, наступившій во время цвѣта ржи, послужилъ поводомъ къ ихъ образованію, да и самыя здоровыя сѣмена были менѣе обыкновенныхъ и имѣли изсохшій, морщиноватый видъ. Этотъ хлѣбъ употребляли въ пищу, не угадывая основы нездороваго его свойства; но въ цѣлой деревнѣ поселяне жаловались на совершенное разслабленіе, и попадавшіяся мнѣ на глаза дѣти имѣли видъ блѣдный и изнуренный; небывалая смертность господствовала со времени послѣдней жатвы, и молодые свѣжіе люди внезапно чахли, нерѣдко чрезъ двѣ недѣли отдавая Богу душу; особенно же умирали малолѣтные. Такимъ образомъ, бѣдняки употребляли въ пищу хлѣбъ, каковъ онъ былъ, или примѣшивали къ нему купленной муки, отчего онъ дѣлался менѣе вреднымъ; и только немногіе зажиточные крестьяне собственною мукою, размѣшанною въ водѣ, кормили своихъ лошадей, на которыхъ эта пища не производила никакого вреднаго дѣйствія, хотя нѣкоторыя лошади никакъ не принимались за такое пойло. Пояснивъ крестьянамъ причину вреднаго свойства ихъ хлѣба, я совѣтовалъ имъ очищать необходимое каждый разъ для употребленія количество хлѣба отъ головнистыхъ зеренъ и занятіе это возложить на ихъ праздныхъ дѣтей. Но, къ сожалѣнію, совѣтъ мой, какъ я узналъ на возвратномъ пути, никто изъ нихъ не попытался даже привести въ исполненіе. Впрочемъ, такого рода неурожай былъ вполнѣ мѣстный

и ограничивался **Вадогскимъ** приходомъ, къ которому причисляется деревня Конецкая.

Отъ **Конецкой** дорога слѣдуетъ на нѣкоторомъ разстояніи южному берегу **Ковжинскаго** озера, по холмистой мѣстности, которая постепенно превращается въ равнину. Прекрасные лѣса снова покрываютъ почву въ большомъ изобиліи; *сосны*, *ели* и *осины* суть господствующія породы деревъ; *ольховый* кустарникъ опушаетъ лѣса; *береза* встрѣчается довольно часто, но всегда какъ тощее дерево, перемѣшанное съ другими; на всемъ пути отъ Петербурга до Архангельска мнѣ не случалось видѣть чисто березовыхъ лѣсовъ, такъ что здѣшній край совершенно не производитъ лиственныхъ лѣсовъ: ибо и сосна большею частію растетъ вмѣстѣ съ хвойнымъ лѣсомъ, и, хотя является иногда независимо маленькими рощами, однако же не образуетъ большихъ лѣсовъ. За нѣсколько верстъ предъ станціей **Прокшинской** переѣхали мы чрезъ рѣчку **Кемь**, которая къ сѣверу отсюда истекаетъ изъ Кемь-озера и впадаетъ въ Бѣлоозеро, недалеко отъ устья Ковжи. Въ верховьяхъ рѣки Кеми, верстахъ въ 40 отъ того мѣста, гдѣ мы переѣхали чрезъ рѣку, растутъ, какъ увѣряютъ *лиственничныя* деревья, самыя южныя, о которыхъ я получилъ свѣденіе, достигающія 60° широты (подъ 55° д.); говорили, что купецъ Громовъ, обладающій въ здѣшнемъ краю обширными лѣсами, отправилъ отсюда извѣстное количество лиственничныхъ бревенъ въ Петербургъ.

Здѣсь снова чаще встрѣчаются крѣпостные крестьяне, между тѣмъ какъ большая часть поселянъ Олонецкой губерніи суть государственные и удѣльные.

Землепашество здѣшняго края не значительно; хлѣбъ

большею частію воздѣлывается на лѣсныхъ пашняхъ. *Свекла* не составляетъ болѣе значительнаго предмета въ земледѣліи, какъ на южномъ берегу Онежскаго озера; вмѣсто обыкновеннаго *садоваго гороха*, слишкомъ часто замерзающаго отъ ночныхъ заморозовъ, поля засѣваютъ мелкимъ *сѣрымъ горошкомъ*; *капусту* мало садятъ, потому что она слишкомъ уростаетъ въ стебли, не образуя кочней, и часто замерзаетъ; въ Перхнискоій она не рѣдко служитъ кормомъ скоту.

По ту сторону станціи **Прокшинскоій**, холмистая страна совершенно превращается въ равнину, которая простирается за **Кречетовскую**, **Чуриловскую** и еще далѣе. Богатство лѣсомъ исчезаетъ вмѣстѣ съ холмами; самыя деревья здѣсь не такъ высоки, какъ въ холмистомъ краю; всего чаще видны низменности, поросшія ивовымъ кустарникомъ, здѣсь называемымъ **райдою** или **райдиною**.

У станціи **Кречетовскоій**, около 61° шир., впервые встрѣчаются *сѣверные олени*, которые небольшими стадами бродятъ по окрестнымъ лѣсамъ и иногда составляютъ для крестьянъ предметъ охоты; на лѣто они исчезаютъ, а если и встрѣчаются, то чрезвычайно рѣдко. Здѣшняя страна изобилуетъ также хищными звѣрями: медвѣдями, волками, лисицами и куницами; во множествѣ встрѣчаются зайцы и бѣлки; послѣднихъ, въ значительномъ количествѣ, стрѣляютъ и продаютъ въ городкѣ Каргополѣ. Въ пернатоій дичи также нѣтъ недостатка, хотя крестьяне вообще не большіе любители охоты.

По случаю весьма испорченныхъ дорогъ, наше путешествіе шло очень медленно. Лошади безпрестанно погружались въ глубокій снѣгъ и были снова отрываемы. Мы переѣхали чрезъ рѣчки **Ухту** и **Тихманку**, объ

впадающія на В. въ озеро **Лача**, видѣвшееся справа дороги, и достигли станціи **Филосовской**.

Земледѣліемъ здѣсь еще ревностно занимаются, хотя ночные заморозы въ Маѣ и Іюнѣ, настигающіе хлѣбъ во время цвѣта, или въ половинѣ Августа, когда зерно наливается, не рѣдко въ одну ночь уничтожаютъ надежду цѣлаго года. Преимущественно сѣютъ *ячмень*, менѣе *рожь* и *овесъ*, потомъ *сѣрый горошекъ*, и очень небольшое количество *пшеницы*: а потому пшеничнаго хлѣба спрашивать въ деревняхъ было напрасно, такъ какъ и вообще обѣдъ теперь, во время великаго поста, былъ довольно скудный: грибы и горохъ, не полевой, но садовый, покупаемый крестьянами изъ другихъ мѣстъ, такъ какъ онъ здѣсь не дозрѣваетъ;— потомъ рыба,—все это приготовленное съ постнымъ масломъ—вотъ лучшее, что можно было получить; кусокъ дичи только изрѣдка являлся на моемъ столѣ; за то самоваръ былъ всюду къ нашимъ услугамъ, хотя чаю не было въ запасѣ, а если онъ и былъ, то вѣроятно его хранили для праздниковъ. Изъ огородныхъ овощей садятъ около деревень: *капусту*, *брюкву*, *рѣпу*, *рѣдьку* и *лукъ*. Грибы, а именно порода называемая *красными рыжиками*, вѣроятно *Agaricus deliciosus*, не только составляютъ для крестьянъ значительный предметъ пищи зимою, но посоленные въ боченкахъ, или сушеные, отсылаются въ столицу. Озеро Лача снабжаетъ жителей *налимами*, *щуками*, *окунями*, *ершами*, *язями*, *лещами*, *плотвою* и *сигами*. Запасы соленой баранины и свинины всюду висѣли подъ навѣсами домовъ и вялились на воздухѣ.

Около станціи Философской растетъ довольно лѣсу; но по большой дорогѣ не видно еще *лиственницы*, которая

встрѣчается только въ 50 или 60 верстахъ отсюда въ верховьяхъ рѣки **Ухты**, около селеній **Сунды и Ухты.**

Равнина, поросшая обильнымъ лѣсомъ, простирается до городка **Каргополя**; тутъ, какъ увѣряютъ, встрѣчается уже *лиственница*, а зимою не рѣдко посѣщаетъ здѣшніе лѣса *сѣверный олень*. Незначительный городокъ Каргополь, въ которомъ считается едвали 2000 жителей обоего пола, лежитъ при рѣкѣ Онегѣ, въ 5-ти верстахъ ниже истока ея изъ озера Лача; въ немъ считается до 20 церквей, изъ которыхъ 3 монастырскія и одна кладбищенская, прочія же 26, а именно 18 зимнихъ и 8 лѣтнихъ, принадлежатъ 8-ми мѣстнымъ приходамъ, такъ что на каждыя двѣ церкви приходится числомъ не болѣе 250 прихожанъ. Жители городка почти исключительно заняты дубленіемъ и обработкою мѣховъ, для чего Каргопольцы скупаютъ сырой товаръ не только изъ окрестныхъ мѣстъ, но и въ Архангельской губерніи и на ярмаркахъ, даже на Ирбитской въ Сибири, перерабатываютъ его въ мѣха и отправляютъ на продажу въ Петербургъ, Москву и на всѣ значительныя ярмарки. Особенно славятся здѣсь приготовленные бѣличьи мѣха.

Вчера, разсказывали намъ, не далеко отъ Каргополя, на большой дорогѣ, утонула въ снѣгу лошадь, прежде нежели усѣли ее отрыть, что̀ можетъ дать достаточное понятіе о состояніи дорогъ въ этомъ краю весною. Необычайныя груды снѣга лежали около деревень между заборами.

Отъ Каргополя дорога идетъ далѣе по долинѣ рѣки **Онеги**, которая здѣсь еще незначительна. Въ селѣ **Усть-Вельскомъ Погостѣ** женщины занимаются особенно пряжею шерстяныхъ издѣлій, и приготовляютъ изъ

шерсти собственныхъ овецъ фуфайки, носки, чулки и т. п. товары, которые продаютъ на мѣстѣ. или иногда отсылаютъ въ Петербургъ ; каждому проѣзжему предлагаютъ купить этихъ рукодѣлій, и меня окружили молодыя крестьянки, каждая спѣша развязать свой узелокъ, чтобъ сбыть свое вязанье. Мнѣ предлагали купить другой странный товаръ, значеніе котораго я никакъ не могъ разгадать пока ближе не разглядѣлъ его состава; это чудо походило на красную клеенчатую матерію, въ самомъ—же дѣлѣ было лакомство здѣшняго издѣлія и состояло изъ раздавленной земляники, которую кладутъ на отрѣзокъ пропитаннаго масломъ полотна и такимъ образомъ сушатъ на солнцѣ, послѣ чего тонкая пластинка снимается, и тѣмъ болѣе получаетъ сходство съ красною клеенкою, что на нижней плоскости ея отражается ткань полотна.

У станціи **Архангельской** мы переѣхали по льду рѣку **Онегу**, протекающую въ низкихъ берегахъ, на которыхъ растетъ мало лѣса, а быть можетъ, его здѣсь и вырубили. По ту сторону рѣки, не доѣзжая 7-ми верстъ до станціи **Коневской** (62° шир.), замѣтилъ я первыя *лиственницы*, которыя являются здѣсь какъ стройныя молодыя деревья, небольшими рощами, или по одиначкѣ, будучи перемѣшаны съ другимъ хвойнымъ лѣсомъ, и далѣе часто встрѣчаются въ лѣсахъ сѣвера.

На всемъ разстояніи отъ С. Петербурга до здѣшняго края, и далѣе въ Двинской долинѣ до самаго Архангельска, замѣчаются часто эрратическіе валуны плутоническихъ и преобразованныхъ горныхъ породъ, подобно какъ въ странахъ по берегамъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей, хотя далѣе на сѣверъ они встрѣчаются рѣже и въ мѣньшихъ размѣрахъ ; по крайней мѣрѣ я не замѣчалъ ихъ

здѣсь, ни въ томъ множествѣ, ни въ такихъ огромныхъ глыбахъ, каковыми они часто являются въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, обстоятельство вновь свидѣтельствующее, что эти валуны въ Прибалтійскомъ краю ближе лежатъ къ первоначальному своему мѣсторожденію, нежели находимые на дальномъ сѣверѣ, чѣмъ выигрывается новое доказательство о происхожденіи эрратическихъ глыбъ въ странахъ Скандинавскаго и Финскаго кряжей.

Рѣка **Онега** открывается взору въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ большой дороги; на берегахъ ея, отъѣхавъ три версты отъ станціи **Красновской**, замѣтилъ я единственную на всемъ пути отъ Петербурга до Архангельска, рощу исключительно состоявшую изъ *березъ*; но эта береза уже не то высокое чудное дерево умѣреннаго сѣвера; напротивъ того, здѣсь настоящая родина *лиственницы*, выростающей стройными деревьями. Это *Сибирская лиственница*, *Larix sibirica*, которую не должно смѣшивать съ близко-сродною ей, растущею въ Европейскихъ альпахъ, *Larix europaea*.

У деревни **Федотовой** выѣзжаютъ изъ долины рѣки Онеги, такъ какъ большая дорога уклоняется далѣе на сѣверовостокъ къ Двинской долинѣ. Въ 16-ти верстахъ отъ этой деревни отстоитъ граница Архангельской губерніи. Отъ самой Федотовой ($62^1\,2^0$ шир.), на протяженіи болѣе 150 верстъ, до **Ваймуги** ($63^1/_2{}^0$ шир.), равнина поросла величественнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Высокія деревья *лиственницы*, *сосны* и *ели*, между которыми кое-гдѣ произрастаетъ *береза* и *ольха*, образуютъ здѣшніе лѣса, въ безмолвной тишинѣ которыхъ только зимою раздаются удары топора, доставляющаго къ портамъ Архангельскому и Онежскому лучшій кораблестроитель-

ный лѣсъ, сплавляемый по здѣшнимъ рѣкамъ; — лѣса слѣдовательно доставляютъ пользу только чрезъ посредство водныхъ путей, которымъ туземцы обязаны своимъ благосостояніемъ, и потому всѣ они преимущественно разселились по берегамъ рѣкъ, между тѣмъ какъ большая дорога обезлюдѣла и только незначительныя деревни съ бѣднымъ народонаселеніемъ встрѣчаются по ней среди дремучихъ лѣсовъ на разстояніи 25 и 30 верстъ одна отъ другой. Такое богатство лѣсовъ могло бы содѣлаться неисчерпаемымъ при хозяйственномъ устройствѣ; но сплавляемыя деревья уже нынѣ вырубаются въ чащѣ лѣса, далеко отъ рѣкъ, къ которымъ подвозятся съ большимъ трудомъ и непомѣрными издержками.

У станціи **Плесецкой** исчезаетъ *пшеница* изъ числа хлѣбныхъ растеній, и, далѣе на Сѣверъ не дозрѣвая, ни гдѣ не воздѣлывается; сѣверная граница ея слѣдовательно здѣсь проходитъ подъ 62½° шир.; но на вѣрную жатву пшеницы въ цѣлой Олонецкой губерніи нельзя надѣяться. *Рожь*, *ячмень* и *овесъ* постоянно засѣваютъ, равно какъ *ленъ* и *конопель*, хотя стебли послѣдняго остаются короткими; *полевой горохъ* очень худо поспѣваетъ; на выжженыхъ полянахъ, въ лѣсахъ, сѣютъ *рѣпу*; изъ овощей встрѣчается здѣсь *капуста*, *рѣдька* и *лукъ*. Въ окрестностяхъ слѣдующей станціи, **Кодыша**, земледѣліе преимущественно устремилось къ многочисленнымъ въ этомъ мѣстѣ озерамъ, по берегамъ которыхъ хлѣбъ, какъ замѣчается, менѣе страдаетъ отъ ночныхъ заморозовъ, обстоятельство, происходящее быть можетъ и отъ того, что пашни большею частію лежатъ среди лѣсовъ, въ защитѣ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Но изъ хлѣбовъ посредственную жатву даютъ здѣсь только *ячмень* и *рожь*, между

тѣмъ какъ *овесъ* даже и въ означенныхъ мѣстностяхъ часто замерзаетъ, а *полевой горохъ* здѣсь уже не засѣваютъ, такъ что сѣверная граница его находится подъ 63° шир. Даже *картофель* часто замерзаетъ въ цвѣтѣ, образовавъ картофелины величиною едва съ простой орѣхъ. *Капуста* иногда поспѣваетъ и потому садится. Но *свекла*, *огурцы*, *садовой горохъ* и *бобы*, все это для здѣшняго края сдѣлалось овощами благословеннаго юга, и желаніе развести ихъ напрасно. Здѣшній край изобилуетъ пернатою дичью, и крестьяне, большею частію хорошіе стрѣлки, отправляютъ часть своей охотничьей добычи въ Петербургъ.

Апрѣля 18-го праздновали Пасху; но погода была отнюдь не праздничная, напротивъ дождливая и пасмурная, и мы должны были снова трястись на тѣлегѣ. У станціи **Селецкой** не сѣютъ болѣе и *овса*, такъ какъ онъ почти никогда не дозрѣваетъ; крестьяне покупаютъ его изъ другихъ мѣстъ, или кормятъ лошадей ячменемъ сѣномъ и сѣчкой. Такимъ образомъ, сѣверная граница овса находится въ $63\frac{1}{4}°$ шир. Здѣсь еще хорошо поспѣваютъ только *ячмень* и *рожь*, изъ овощей воздѣлываются *рѣпа*, *картофель*, *рѣдька* и *лукъ*; *ленъ* и *конопель* даютъ очень короткіе стебли, *капуста* не образуетъ кочней. Не взирая на столь жалкое состояніе земледѣлія, крестьяне живутъ видимо въ довольствѣ, которое обусловливается лѣсомъ и сплавомъ его внизъ по рѣкѣ Емцѣ. Въ окрестностяхъ села **Емецкаго**, лежащаго на той-же рѣкѣ, бродитъ зимою по лѣсамъ *сѣверный олень*, стадами, простирающимися отъ 20 до 30 головъ. Цѣна за шкуру сѣвернаго оленя среднимъ числомъ не превышаетъ здѣсь 2 руб. 50 к. Въ окрестныхъ около села

Емецкаго лѣсахъ, какъ мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ отчетовъ, между породами хвойныхъ деревъ замѣчается *Сибирская пихта* (*Abies sibirica* Ledeb.), которая къ западу исчезаетъ, но далѣе на востокъ, въ южной части Архангельской губерніи, не въ рѣдкость, и уже образуетъ цѣлые лѣса на Двинскомъ притокѣ **Вагѣ**, а равно и на верховьяхъ рѣки **Мезени** въ **Пенкурскомъ** уѣздѣ; встрѣчается также въ верховьяхъ **Печоры**, гдѣ, еще въ чертѣ Архангельской губерніи, является въ сообществѣ *Сибирскаго кедра (Pinus Cembra)*

У станціи **Ваймуги**, на рѣкѣ того же наименованія, которая впадаетъ въ Емцу и подобно сей послѣдней служитъ къ сплаву лѣса, снова засѣваютъ немного *овса*, который однакожъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду земерзалъ. Равнина между станціями Ваймугой и **Сійской** постепенно покрывается холмами и въ разныхъ направленіяхъ усѣяна небольшими озерами, дающими начало рѣчкѣ **Сіѣ**, которая, протекши небольшое пространство, впадаетъ въ Двину. По имени той рѣчки названъ монастырь, стѣны котораго виднѣются справа, невдалекѣ отъ дороги. Это монастырь святаго Антонія Сійскаго; настоятелемъ его былъ въ то время почтенный пріятель мой Архимандритъ Веніаминъ, о которомъ въ послѣдствіи я буду имѣть случай неоднократно упоминать.

Въ 14-ти верстахъ по ту сторону станціи Сійской, дорога выходитъ къ берегу Двины и, начиная отсюда до самаго Архангельска, извивается по долинѣ Двинской, то отдаляясь, то приближаясь къ рѣкѣ, отъ времени до времени представляющей путешественнику свои величественныя воды. Деревни и села тянутся вдоль береговъ и придаютъ рѣкѣ видъ жизни и обитаемости, доказываю-

щихъ всю важность благословенныхъ водъ ея для здѣшняго края. Рѣка большею частію протекаетъ между крутыми берегами, отъ которыхъ почва съ обѣихъ сторонъ возвышается легкимъ отклономъ, простираясь далѣе обширною равниною, прорѣзанною въ иномъ мѣстѣ глубокою поперечною рытвиною, служащею русломъ одному изъ ея притоковъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорога окаймлена молодымъ хвойнымъ лѣсомъ и тощими березами; стройнаго же лѣса нигдѣ не встрѣчается, да и водяное сообщеніе столь близко и удобно, что если бы и были лѣса, то давно уже нашли бы себѣ сбытъ и употребленіе въ Архангельскѣ.

У станціи **Копачевской**, подъ 63²/₃° шир., *лен*ъ перешагнулъ сѣверную границу своего доспѣванія; и самая *конопель* дастъ только короткіе стебли, хотя еще и воздѣлывается въ небольшомъ количествѣ. По мѣрѣ удаленія на сѣверъ, земледѣліе болѣе и болѣе принимаетъ жалкій видъ; и на оборотъ, довольство крестьянина увеличивается. Въ самомъ дѣлѣ, жилища поселянъ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ видъ радующій взоры: снаружи избы украшены пестрыми рѣзными работами, внутри просторны и чисты.

У станціи Копачевской, какъ увѣряютъ, въ берегу Двины выходятъ известняки, которыхъ однакоже мнѣ не удалось осмотрѣть; самое русло рѣки здѣсь каменисто и не безопасно для судоходства.

Наконецъ достигъ я стариннаго города **Холмогоръ** на Двинѣ, отнюдь не соотвѣтствовавшаго понятіямъ, какія я себѣ составилъ о немъ, что̀ испытали уже и другіе путешественники. Весь городъ есть разбросанная безъ плана куча бѣдныхъ домовъ и хижинъ, кото-

рые доставляютъ скудное убѣжище едва ли 450 жителямъ. Замѣчательный для изслѣдователя исторіи сихъ странъ городокъ Холмогоры возбуждаетъ вниманіе любителя Русской литературы, какъ родина Ломоносова. Монументъ, вылитый изъ мѣди, воздвигнутый въ 1832 году въ Архангельскѣ, говоритъ о славѣ Ломоносова, а Холмогорскій гражданинъ съ нѣкоторою гордостію указываетъ путнику на одинъ изъ Двинскихъ острововъ, гдѣ видѣется колокольня Куростровa, и на скромную деревеньку, гдѣ родился знаменитый его соотечественникъ, и гдѣ до сего времени живутъ родственники поэта, извѣстные своими красивыми издѣліями изъ слоновой кости. Этимъ особеннымъ родомъ промышленности, т. е. точеніемъ и вырѣзываніемъ различныхъ украшеній и бездѣлокъ изъ моржевыхъ клыковъ и ископаемой слоновой кости, заняты многіе Холмогорскіе граждане; они довели свое искусство до удивительной степени совершенства и выгодно сбываютъ свои издѣлія въ Петербургѣ и Москвѣ. По недостатку времени, я отложилъ до болѣе удобнаго случая посѣщеніе мастерскихъ этихъ художниковъ.

Въ цѣлой Россіи славится рогатый скотъ здѣшняго края, происходящій отъ Остъ-Финляндской породы, которая была введена здѣсь по приказанію Императрицы Екатерины II и въ послѣдствіи времени, повелѣніемъ Императора Александра, въ 1819 году, возобновлена новымъ племенемъ для завода. Этотъ рогатый скотъ пасется въ уѣздахъ Архангельскомъ и Пинегскомъ, на рѣкѣ Мезени въ Мезенскомъ уѣздѣ, и подъ общимъ названіемъ **Холмогорскаго** ежегодно пригоняется въ Петербургъ и Москву. Коровы этой породы большею частію бураго цвѣта, очень хорошо сложены и даютъ много молока,

но тучностью и дородствомъ далеко уступаютъ Украинскимъ. Не менѣе славятся въ Россіи Холмогорскіе телята, которые посредствомъ тщательнаго откармливанія достигаютъ почти невѣроятнаго вѣса.

Что-же касается земледѣлія, то изъ всѣхъ хлѣбовъ здѣсь сѣются только *ячмень* и *рожь*, но и тѣ часто замерзаютъ. При печеніи обыкновенно смѣшиваютъ здѣшнюю муку съ Архангельскою, привозимою изъ южныхъ областей, и увѣряютъ, что чрезъ эту смѣсь хлѣбъ лучше подымается на опарѣ. *Конопель* хотя и не совершенно дозрѣваетъ, но въ Двинской долинѣ доставляетъ снова хорошіе стебли отъ 1 до 1½ аршинъ длиною. Здѣсь садятъ также *картофель*, *рѣпу*, *рѣдьку* и *лукъ*.

По ту сторону Холмогоръ проѣхали мы по узкому и длинному рукаву или заливу Двины, называемому **Курья**; и отсюда снова обозрѣли чудную рѣку съ ея населенными берегами, гдѣ видимо увеличивающееся довольство жителей доказываетъ сосѣдство приморскаго порта, кипящаго торговлею и промышленностью. У станціи **Каскогорской** переѣхали мы чрезъ рѣку, ледяной покровъ которой рыхлостью своею возвѣщалъ скорое вскрытіе рѣки и начало вожделенной весны.

Съ каждымъ шагомъ удаленія къ сѣверу, вліяніе климата все болѣе и болѣе ощущаемо въ хлѣбопашествѣ. Даже и *рожь* здѣсь не всегда удается; въ три послѣдніе года сряду она постоянно замерзала; а потому ее засѣваютъ здѣсь въ небольшомъ количествѣ, и сѣверная граница ея воздѣлыванія можетъ быть принята едва ли много далѣе параллели города Архангельска (64° 3′ шир.). У станціи **Каскогорской** и **Бабошеговской** сѣютъ почти исключительно *ячмень*. Еще ранѣе встрѣчаетъ свою

границу *конопля*, которую выше Холмогоръ ($64\frac{1}{2}°$ шир.) не разводятъ. Даже *капусты* здѣсь нигдѣ болѣе не садятъ, хотя еще далѣе къ сѣверу, на островахъ въ устьѣ Двины, пользующихся болѣе умѣреннымъ климатомъ, капуста снова произрастаетъ и разводится тамъ для потребленія Архангелогородцевъ. Въ Каскогорской нѣтъ *картофеля;* но онъ есть еще при Бабопеговской. *Рѣпа*, *рѣдька* и *лукъ* суть обыкновенныя овощи, разводимыя въ Архангельскѣ.

Низкій еловый лѣсъ окаймляетъ дорогу, и исчезаетъ вблизи рѣки.

Тринадцать верстъ не доѣзжая Архангельска, съ одной изъ возвышенностей видны колокольни и домы сѣверной гавани, при устьѣ Двины. По болотистой низменности, поросшей тощими *соснами*, *багульникомъ*, *Andromeda calyculata* и мхомъ, со всѣхъ сторонъ окружающей Архангельскъ, мимо сахарнаго завода Брандта, 20-го Апрѣля утромъ, подъѣхали мы къ городскимъ воротамъ.

Къ немалой радости моей я удостовѣрился, что, не взирая на поѣздку въ тряской телѣгѣ и на частое опрокидываніе саней, инструменты мои остались невредимы; барометръ Парротова устройства и здѣсь снова доказалъ свое превосходство.

II.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ.

Многіе путешественники, посѣщавшіе городъ Архангельскъ, достаточно описали его. Мнѣ удалось бросить только бѣглый взглядъ на сѣверную гавань Россіи, при моемъ двукратномъ, но, не смотря на то, мимолетномъ тамъ пребываніи, и потому благосклонные читатели благоволятъ усмотрѣть въ другихъ сочиненіяхъ описаніе Архангельска болѣе подробное [1]), къ которому я, съ своей

---

[1]) Древнѣйшее описаніе города Архангельска принадлежитъ знаменитому голландскому живописцу Корнелису де Бруину, обыкновенно называемому Корнель Ле-Брёнъ, который, въ 1701 году, приплывъ въ Архангельскъ на голландскомъ кораблѣ, воспользовался своимъ пребываніемъ тамъ, описалъ городъ въ его тогдашнемъ положеніи и приложилъ нѣкоторыя извѣстія о Самоѣдахъ, которыхъ здѣсь встрѣтилъ; его разсказъ объ этомъ племени принадлежитъ къ достовѣрнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ, извѣстіямъ того времени. Изъ Архангельска предпринялъ онъ обширныя свои путешествія, чрезъ все Россійское государство, въ Персію и Восточную Индію, которыхъ описаніе вышло въ Амстердамѣ въ 1711 году, въ больш. in fol., украшенное многими прекрасными гравюрами, подъ заглавіемъ: «Reizen over Moscovie door Persie en Indie: Verrykt met Driehondert Konstplaten, vertoonende de beroemste lantschappen en steden, ook de byzondere dragten, beesten, gewassen en planten.

стороны, могу прибавить только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Архангельскъ въ столь многихъ отношеніяхъ важенъ для Русскаго государства, что одинъ,

---

die daer bevonden worden,» и пр. См. тамъ о городѣ Архангельскѣ стран. 14—17, и переводъ изъ этой книги въ *Аделунговой* «Geschichte der Schiffahrten und Versuche zur Entdeckung des nordöstlichen Weges nach Japan u. China и проч. стран. 427, 428.

Въ 1771 году городъ Архангельскъ подробно описанъ академикомъ *Лепехинымъ*, см. его «Путешествія» т. III. стран, 330 и слѣд., и т. IV. стр. I и слѣд., гдѣ мы находимъ также историческую лѣтопись города со времени его построенія въ 1584 году. Но древнѣйшія извѣстія объ исторіи Архангельска содержатся въ «*Двинской Лѣтописи*, писанной около конца 17-го столѣтія неизвѣстной особою и изданной въ Москвѣ, въ 1703 году. Эта лѣтопись, въ послѣдствіи умноженная нѣкоторыми приложеніями и продолженная, вышла тамъ же вторичнымъ изданіемъ въ 1748 году. То и другое изданія чрезвычайно рѣдки.

Описаніе Архангельска *Молчановымъ* въ его «Описаніи Архангельской губерніи« (стран. 63—103), подобно всѣмъ извѣстіямъ этого автора, есть чистый выборъ изъ сочиненія Лепехина.

Болѣе новое подробное описаніе, съ планомъ города, сдѣлалъ въ 1828 *Рудольфъ Рихтеръ*, проживавшій въ Архангельскѣ по своему званію военнаго медика. См. его книгу «Versuch einer medicinischen Topographie der Gouv.- und Hafenstadt Archangelsk« Дерптъ. 1828. 8°.

Но самое занимательное и богатое своимъ содержаніемъ описаніе сѣверной гавани находимъ мы въ сочиненіи *Федора Литке:* «Четырекратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ» С. Петерб. 1828 2 ч. 4°, со многими картами и рисунками, Ч. I. Стр. 128—132. Авторъ разсматриваетъ Архангельскъ преимущественно какъ приморскій и портовый городъ. Изъ Архангельской гавани, въ 1821 — 1824 годахъ, отважный морякъ неутомимо совершалъ свои попытки къ Новой Землѣ: хотя усилія его не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, не смотря на то наука землепознанія обязана его путешествіямъ и критическимъ изслѣдованіямъ новыми богатѣйшими свѣдѣніями о водахъ и берегахъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, равно о видѣ и естественномъ положеніи полярнаго острова, составлявшаго цѣль его предпріятій.

бѣгло брошенный, взглядъ не въ состояніи схватить всѣхъ отдѣльныхъ отношеній, которыя на самомъ мѣстѣ, свидѣтельствуютъ о его значеніи. Онъ важенъ:

1) **какъ сѣверный приморскій торговый городъ**, равно значительный для внѣшней заморской и для внутренней сухопутной торговли. Сею послѣднею доставляются средства губерніямъ Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и Олонецкой, превосходными водяными путями, съ незначительными издержками, привозить свои издѣлія къ приморскому порту, гдѣ они находятъ легкій и выгодный сбытъ, и въ замѣнъ, изъ первыхъ рукъ, получаются иностранные товары. Что же касается до внѣшней торговли моремъ, то изъ Архангельска ежегодно отправляется нѣсколько судовъ въ Атлантическій океанъ, къ различнымъ портамъ Европейскимъ и Сѣверо-Американскимъ; и эта торговля со временемъ можетъ пріобрѣсти гораздо бо́льшую значительность, если Архангелогородцы рѣшатся вести ее посредствомъ собственныхъ судовъ, между тѣмъ какъ доселѣ иностранные купцы бо́льшею частію сами пріѣзжаютъ за товарами въ Архангельскъ.

Архангельскъ важенъ, во вторыхъ, какъ **военная гавань и укрѣпленіе**, господствующее надъ сѣверными берегами Европейской Россіи и достаточно обезпеченное Новодвинскою крѣпостію, лежащею при устьѣ Двины, на островѣ Линской Прилукъ [1]), которая въ состояніи дать отпоръ сильному непріятелю.

---

[1]) Не «*прилуги*», какъ пишетъ Литке, Ч. I. Стр. 160. Словомъ «*прилукъ*» обозначаютъ въ Архангельской губерніи *внѣшнюю дугу теченія*, гдѣ вода притекаетъ съ сильнымъ стремленіемъ («*прилучается*») въ

3) Архангельская корабельная верфь весьма важна для Русскаго Флота, который она приумножила значительнымъ числомъ военныхъ кораблей [1]). Вслѣдствіе того получаютъ важное значеніе

4) Лѣса Архангельскіе, которыхъ главное управленіе находится въ городѣ. По сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ отъ главнаго лѣсничаго, г-на Дёлера, считаетя въ здѣшнемъ краю до 31 милльона десятинъ лѣсовъ. Наконецъ

5) Губернскій городъ Архангельскъ есть мѣстопребываніе всѣхъ высшихъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ и начальника духовенства, въ особѣ Епископа Архангельскаго и Олонецкаго.

По пріѣздѣ въ Архангельскъ, я поспѣшилъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Военному Губернатору, Его Превосходительству г-ну Контръ-Адмиралу Сулимѣ, былъ имъ принятъ съ ласковымъ радушіемъ и въ домѣ его имѣлъ случай познакомиться со всѣми значительными чиновниками, равно какъ и съ нѣкоторыми особами города. Почтенный старецъ съ искреннею готовностью предложилъ мнѣ свое сильное содѣйствіе для достиженія цѣлей моего путешествія, и въ по-

---

противоположность *ко внутренней дугѣ теченія*, «*пасолоку*» при которомъ часто берегъ бываетъ плоскій и служитъ для причала мелкимъ судамъ, которыя здѣсь вытаскиваются,—«*волочутся*» на берегъ. Отъ того же корня *лукъ*, отъ котораго происходитъ существительное *прилукъ* и глаголъ *прилучаться*, должно конечно произвести слово *Лукоморье*, которое, слѣдовательно, обозначаетъ морской берегъ, мимо коего съ сильнымъ теченіемъ стремится прибывающа я вода прилива.

[1]) *Литке*, въ прив. 101. 102.

слѣдствіи оказалъ мнѣ его въ полной мѣрѣ, ибо его вліянію, въ особенности, обязанъ я дѣятельнымъ пособіемъ въ достиженіи моихъ намѣреній со стороны мѣстнаго начальства въ Мезени, почему не могу не изъявить Его Превосходительству открыто чувствительнѣйшей моей признательности.

Изъ особъ, которыхъ бесѣда могла быть для меня во многихъ отношеніяхъ занимательна и поучительна, во время непродолжительнаго пребыванія моего въ Архангельскѣ, я познакомился со старшимъ лѣсничимъ г. Дёлеромъ и съ архимандритомъ **Веніаминомъ**, настоятелемъ Сійскаго монастыря. Г-ну Дёлеру я благодаренъ за нѣкоторыя свѣдѣнія о лѣсахъ Архангельской губерніи; кромѣ того онъ имѣлъ благосклонность сообщить мнѣ для просмотра нѣкоторыя сушеныя растенія, собранныя однимъ изъ его чиновниковъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря. Но въ высшей степени занимательно было для меня знакомство съ архимандритомъ Веніаминомъ: этотъ просвѣщенный инокъ былъ единственный человѣкъ, которому тундры Самоѣдовъ, цѣль моего путешествія—были извѣстны на всемъ ихъ протяженіи. Въ продолженіи многихъ лѣтъ, по порученію Правительства, объѣзжалъ онъ этотъ край въ качествѣ миссіонера и проникалъ до Карскаго моря и до острова Вайгача. Усиліями его болѣе половины Самоѣдовъ было обращено въ христіанство, и воздвигнуты были три церкви среди тундръ для этой новой духовной паствы. Руководимый духомъ изысканія и любви къ истинѣ, почтенный миссіонеръ собралъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія объ этнографическихъ отношеніяхъ Самоѣдскаго народа и о естественномъ состояніи арктическихъ тундръ; онъ обладалъ основательными свѣдѣ-

ніями въ языкѣ Самоѣдовъ, и не только составилъ словарь и грамматику его, но даже позаботился передать на немъ Св. Евангеліе.

Не могу также не упомянуть о знакомствѣ моемъ съ господами братьями **Брандтъ**, которыхъ имя во многихъ странахъ Архангельскоій губерніи произносится съ чувствомъ благодарности; обширная ихъ торговля составляетъ истинное благодѣяніе того края. Покойный отецъ ихъ нѣкогда записалъ это имя въ лѣтописяхъ путешествій и попытокъ на Новую Землю.

Наконецъ, я посѣтилъ въ Архангельскѣ достойнаго проповѣдника евангелической общины, г-на **Брема**, въ которомъ встрѣтилъ почтеннаго земляка, радушно привѣтствовавшаго меня у себя въ домѣ, гдѣ посвятилъ я нѣсколько пріятныхъ часовъ дружескимъ воспоминаніямъ объ общей родинѣ нашей при Балтійскомъ морѣ.

Къ пріѣзду всѣми ожидаемаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича составлялась въ Архангельскѣ выставка губерискихъ произведеній, и для этой цѣли были соединены небольшія коллекціи естественныхъ предметовъ, находившіяся во владѣніи частныхъ лицъ; однакоже эти коллекціи не много заключали въ себѣ любопытнаго: нѣсколько раковинъ, морскихъ звѣздъ, рыба зубатка, и т. п. съ Лапландскаго берега, щетки горнаго хрусталя съ Онежскаго озера, куски желѣзнаго колчедана, который обыкновенно слылъ здѣсь золото содержащею рудою, и аммониты съ рѣки Печоры; все это было соединено безъ точнѣйшаго означенія мѣсторожденій, и потому мало представляло достойнаго вниманія. Сожалѣю, что, по недостатку времени, я слишкомъ бѣгло разсмотрѣлъ небольшой гербаріи растеній

собранныхъ въ окресностяхъ Архангельска г. **Богуславомъ**, старшимъ учителемъ при здѣшней гимназіи.

О странахъ, которыя я предполагалъ объѣхать, за исключеніемъ поучительныхъ извѣстій, почерпнутыхъ въ пріятной бесѣдѣ съ архимандритомъ Веніаминомъ, тщетно старался я получить въ Архангельскѣ свѣдѣнія, такъ какъ и для самихъ Архангелогородцевъ весь край на востокъ былъ землею невѣдомою, и только немногимъ изъ нихъ случалось бывать нѣсколько далѣе; **Пустозерскъ** же, при устьѣ Печоры, оставался самою отдаленною цѣлью поѣздокъ.

VIII.

ПОѢЗДКА ИЗЪ АРХАНГЕЛЬСКА ВЪ МЕЗЕНЬ.

Разныя занятія удерживали меня нѣсколько дней въ Архангельскѣ. Наконецъ, 28-го Апрѣля, я выѣхалъ, ускоривъ отъѣздъ въ намѣреніи переѣхать еще по льду Двину у **Касковой** и **Усть-Пинеги**, въ дальнѣйшемъ пути, до Мезени, не предполагая встрѣтить значительныхъ препятствій, и ближайшею цѣлію желая достигнуть Мезени, гдѣ почиталъ необходимымъ для моихъ предначертаній остановиться на нѣсколько времени. Но на этотъ разъ случай не благопріятствовалъ моимъ намѣреніямъ; ибо, подъѣхавъ къ станціи **Каскогорской**, я испыталъ непріятное удивленіе, увидя невозможность переѣхать чрезъ Двину, потому что въ 6-ти верстахъ выше этой станціи рѣка уже вскрылась, и здѣсь съ часу на часъ, ожидали что тронется ледъ. Такимъ образомъ, я былъ принужденъ остановиться на станціи, и ждать, пока рѣка очистится отъ льда; легкая почта, назначенная въ Петербургъ, раздѣляла со мной неудачу.

Деревня **Каскогорская** или **Каскова Гора** находится на правомъ возвышенномъ берегу Двины, которая

въ этомъ мѣстѣ омываетъ нѣсколько острововъ и, своею значительною шириною, представляетъ величественный видъ, особенно во время весенняго полноводія, когда воды ея покрываются барками и ладьями, лодками или здѣсь такъ называемыми **карбасами**, и плотами, которые всѣ спѣшатъ въ Архангельскъ. Напротивъ, лѣтомъ, когда воды понизятся до обыкновенной ихъ высоты, эфемерная оживленность рѣки снова исчезаетъ; только изрѣдка плыветъ внизъ по ея водамъ какая-нибудь запоздалая барка, и тамъ, гдѣ весною многочисленная флотилія различныхъ судовъ быстро спѣшитъ въ Архангельскъ,— лѣтомъ, одинокая ладья должна идти осторожно, пытая глубину фарватера, такъ какъ всюду угрожаютъ ей мели и подводные камни; не рѣдко случается, что сѣвшія на мель суда должны искать помощи прибрежныхъ жителей. Судоходство по Двинѣ бо́льшею частію производится изъ губерній Вологодской и Вятской, а равно изъ уѣздовъ Шенкурскаго и Пинежскаго Архангельской губерніи; первыя преимущественно доставляютъ хлѣбъ, коноплю, ленъ и льняное сѣмя, сало и сальныя свѣчи, желѣзо, юфть, рогожи изъ липоваго лыка и бревна; изъ Шенкурскаго уѣзда везутъ деготь, смолу, скипидаръ и поташъ; изъ Пинеги и Мезени идетъ большая часть лѣсныхъ сплавовъ.

О земледѣліи здѣшняго края уже было нами упомянуто; оно незначительно и дурно устроено, такъ какъ крестьянинъ изъ году въ годъ сѣетъ свой хлѣбъ на одномъ и томъ же полѣ. Посѣвъ производится какъ можно ранѣе, такъ, что старательный хозяинъ уже теперь засѣялъ свое поле ячменемъ; посредствомъ такого ранняго посѣва хлѣбъ выигрываетъ болѣе времени на про-

израстеніе, и вѣрнѣе избѣгаетъ ночныхъ заморозовъ, наступающихъ въ Августѣ мѣсяцѣ; въ здѣшнемъ краю, два дня болѣе ранняго посѣва могутъ очень много споспѣшествовать къ счастливой жатвѣ. Но очень часто однакоже хлѣбъ замерзаетъ на корнѣ, и крестьянинъ уже бываетъ доволенъ, когда вообще есть возможность молотить полузрѣлый колосъ.

Эти обстоятельства, столь неблагопріятныя земледѣлію, превратили здѣшняго хлѣбопашца въ промышленника, который рѣшился добывать себѣ пропитаніе инымъ образомъ и изъ другихъ источниковъ природы. Прекрасный водяной путь въ Архангельскъ благопріятствуетъ торговому обороту съ мимоплывущими судами и это сообщеніе съ портовымъ городомъ доставляетъ Архангельцамъ средство выгодно сбывать тамъ лѣсные сплавы, и на вырученныя за нихъ деньги покупать себѣ хлѣбъ. Если къ тому присовокупить еще скотоводство, охоту и рыбную ловлю, то житель Двинскаго края вполнѣ обезпеченъ на счетъ своего пропитанія, а еслибъ наконецъ онъ встрѣтилъ неудачу во всѣхъ предпріятіяхъ домашняго края, то ему остается еще одно средство къ поправленію своихъ обстоятельствъ,—отправиться на работы въ Петербургъ.

При впаденіи Пинеги съ праваго берега Двины, эта обширная рѣка, увеличенная значительнымъ притокомъ, и раздѣленная на нѣсколько рукавовъ, образуетъ множество острововъ, которые простираются до параллели станціи Бабонеговской. Здѣсь, Двина снова соединяется въ одно русло, но вскорѣ потомъ, немного выше Архангельска, распадается дельтою, изобилующую островами, и въ 40 верстахъ отъ города впадаетъ въ море четырмя

главными устьями, со множествомъ ихъ рукавовъ. Двинскіе острова большею частію суть необитаемыя плоскія низменности, покрытыя лугами или поросшія ольховыми и ивовыми кустарниками; они ежегодно затопляются водою вполнѣ или отчасти, чѣмъ самымъ Двина, подобно Египетскому Нилу, оплодотворяетъ свои берега, которые лѣтомъ расцвѣтаютъ роскошными лугами и высокая трава коихъ въ большомъ количествѣ доставляетъ превосходный подножный кормъ, что особенно способствуетъ преуспѣянію скотоводства въ здѣшнемъ краю и, не взирая на суровый климатъ, споспѣшествуетъ поддержанію здѣсь отличной породы Голландскаго рогатаго скота въ ея первоначальной красотѣ. Овцеводство же не удается по причинѣ сырости и низменнаго положенія страны, и потому рѣдко встрѣчается.

Двинскіе острова особенно богаты болотною дичью; весною они покрыты цѣлыми стаями *гусей* и *лебедей*, *утокъ*, *пырковъ* и *куликовъ* различнѣйшихъ породъ. Но окрестные лѣса еще болѣе изобилуютъ дичью имъ свойственною, *простыми* и *глухими тетеревами*, *куропатками* и особенно *рябчиками*. Охота въ Архангельской губерніи не воспрещается круглый годъ, не будучи ограничена и въ мѣстности; эта льгота предоставлена Архангельскому сѣверу наравнѣ съ нѣкоторыми Сибирскими областями, въ видѣ исключенія изъ общихъ постановленій, такъ какъ охота въ этихъ странахъ доставляетъ часто единственное средство пропитанія жителей, чего конечно нельзя сказать о прибрежныхъ обитателяхъ Двины. Общее постановленіе, воспрещающее охотиться за дичью во время высиживанія птенцовъ, только въ томъ уклоняется для здѣшняго края, что, хотя охота и дозволена во всякое

время года, но во время высиживанія позволяется стрѣлять дичь только для собственнаго потребленія, а не для продажи; кромѣ того, большое количество дичи ежегодно отправляется отсюда въ Петербургъ, гдѣ Архангельскіе продавцы соперничаютъ съ Вологодскими, такъ какъ и Вологодская губернія не менѣе Архангельской снабжаетъ столицу значительнымъ количествомъ дичины, а соперничество ихъ не рѣдко производитъ то, что товаръ одного или другаго залеживается и не продается въ Петербургѣ, причиняя тѣмъ значительные убытки торговцамъ.

Для охоты за простыми и глухими тетеревами, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ и въ другихъ мѣстахъ, употребляется обще распространенная тамъ и легко къ охотѣ пріучаемая порода домашнихъ собакъ, походящихъ на лисицъ. Такая собака обязана открыть чутьемъ мѣстопребываніе дичи и когда она почитаетъ себя на довольно близкомъ разстояніи отъ предполагаемаго мѣста, то проворно бросается въ ту сторону, гдѣ, повидимому, скрывается дичь; испуганная птица взлетаетъ, но обыкновенно садится на ближайшее дерево и вперяетъ глаза на собаку, которая, съ своей стороны, подбѣгаетъ къ дереву и начинаетъ безостановочно лаять на дичь. Въ это время охотникъ можетъ легко приблизиться, не будучи замѣченъ испуганною дичью, по которой онъ навѣрное стрѣляетъ; бываетъ даже не рѣдко, что одна птица за другою падаетъ съ одного и того же дерева отъ выстрѣловъ, не думая употреблять въ дѣло своихъ крыльевъ, находясь въ какомъ то безсознательномъ состояніи.

Окрестность изобилуетъ также множествомъ дикихъ четвероногихъ животныхъ; только *волкъ* уклоняется отъ лѣсовъ и изыскиваетъ для своего пребыванія болѣе открытыя мѣста. Въ зимнее время часто встрѣчаются *сѣверные олени*.

Прибрежные жители Двины прилежно занимаются рыболовствомъ, доставляющимъ *семгу* и *нельму, палимовъ, щукъ, плотву, суговъ, окуней*, и *ершей*.

Въ большомъ обыкновеніи здѣсь отправленіе рабочихъ въ столицу. Тамъ они вступаютъ въ такъ называемыя **артели** или товарищества, соединяющіяся для общей работы и общей прибыли, и исправляющія различныя ремесла и занятія; такимъ образомъ есть артели каменьщиковъ, плотниковъ, дрягилей, и т. п. Эти товарищества пользуются въ столицѣ добрымъ кредитомъ, ибо ручаются общею кассою за прочность исправляемыхъ ими работъ. Напримѣръ, артель дрягилей, къ которой преимущественно присоединяются Архангельскіе крестьяне, рѣдко знающіе какое-нибудь ремесло, берется нагрузить или разгрузить судно; купецъ, съ которымъ она рядится, хотя можетъ гораздо дешевле исполнить ту же работу отдѣльно нанятыми поденщиками, но скорѣе согласится имѣть дѣло съ артелью, будучи обезпеченъ въ томъ, что его товары будутъ хорошо уложены и при нагрузкѣ ничего не пропадетъ; подрядъ заключается по письменному условію, за точное исполненіе котораго отвѣчаетъ вся артель, которая уже изъ одного того, чтобы поддержать свой кредитъ, безропотно вознаграждаетъ весь убытокъ, могущій произойти отъ неосторожности рабочихъ. Исправляемыя работы въ равной мѣрѣ распредѣлены между всѣми артельщиками, изъ коихъ каждому назначено особенное занятіе. Подобное товарищество не рѣдко состоитъ изъ 300 или

400 человѣкъ; изъ среды ихъ избираются староста, десятскіе и казначей, которые строго наблюдаютъ за поведеніемъ каждаго отдѣльнаго артельщика. Для поддержанія порядка и кредита въ товариществѣ, всякій проступокъ отдѣльнаго рабочаго, пьянство, буйство, словомъ, все, что можетъ повредить доброй славѣ цѣлой артели, облагается довольно значительнымъ денежнымъ штрафомъ по соразмѣрности вины, и штрафныя деньги присоединяются къ общей артельной кассѣ. Каждый здоровый работникъ можетъ быть принятъ въ число артельщиковъ, причемъ онъ долженъ внести въ кассу извѣстную сумму въ видѣ залога за себя и на покрытіе издержекъ по артели, и въ то же время онъ обязуется извѣстное число лѣтъ оставаться въ товариществѣ. Къ концу лѣта, когда живое время работъ прекращается, общая заработка артели приводится въ извѣстность и каждому отдѣльному артельщику выдается доля соразмѣрная внесенной имъ въ артельную кассу суммѣ. Если одинъ изъ артельщиковъ оставляетъ товарищество, то ему возвращаются внесенныя при вступленіи деньги, за вычетомъ израсходованныхъ на общія потребности. Не рѣдко случается, что принадлежащій къ какой-нибудь артели крестьянинъ хорошаго поведенія, въ непродолжительное время, скопляетъ довольно значительный капиталецъ.

Въ позднюю осень и зимой, когда замерзшая рѣка препятствуетъ всѣмъ промысламъ, праздный житель Двинскій принимается плести корзины. Для этой цѣли срубаютъ здоровую сосну, отдѣляютъ наружные пласты древесины нижней безвѣтвистой части пня, и расщепляютъ ее на драницы, шириною въ два дюйма, изъ коихъ плетутъ различной величины корзины, употребляе-

мыя въ большомъ количествѣ и продаваемыя весьма дешево въ Архангельскѣ. Это занятіе также, и болѣе нежели сколько кажется, споспѣшествуетъ къ истребленію здѣшнихъ лѣсовъ. Крестьянинъ, намѣревающійся плести корзины, получаетъ отъ лѣсничаго письменное дозволеніе срубить въ лѣсу дерево, за что обязанъ внести незначительную пошлину, такъ какъ во всей Архангельской, равно какъ и въ Олонецкой губерніяхъ, крестьянамъ предоставлено безденежное пользованіе лѣсомъ для домашняго обихода. Промышленникъ вырубаетъ лучшую въ лѣсу сосну, но изъ цѣлаго дерева идетъ въ дѣло только древесина нижняго безвѣтвистаго пня, между тѣмъ какъ все прочее оставляется въ лѣсу безъ употребленія; кромѣ того, не всякое съ виду хорошее дерево годно для плетенія корзинъ: у одного древесина дурно разщепляется параллельными драпями, въ другомъ, сверхъ чаянія, встрѣчаются старые суки, дѣлающіе его негоднымъ, и въ такомъ случаѣ срубленное дерево бросаютъ, и крестьянинъ принимается рубить новое; такимъ образомъ иногда срубаютъ 5, 6 деревъ, пока отъищется годное къ употребленію; если же разсудить, что весь барышъ отъ числа корзинъ, доставляемыхъ однимъ деревомъ, простирается отъ 2-хъ до 3-хъ рублей, то отличное бревно строеваго лѣса, такимъ образомъ, обходится въ 50 копѣекъ ассигнаціями!

Апрѣля 29, въ 9 часовъ вечера, тронулся на Двинѣ ледъ, и я спѣшилъ насладиться величавымъ зрѣлищемъ съ высокаго берега рѣки. Обширное ледяное поле, окруженное небольшими льдинами, медленно тянулось внизъ по теченію, потомъ съ трескомъ переломилось на-двое и испуганная на островахъ пернатая дичь подняла гром-

кій крикъ. Этимъ временемъ иногда пользуются охотники для удачнаго промысла. Въ ожиданіи, что ледъ скоро тронется, они отправляются на одинъ изъ острововъ, изобилующихъ водяною дичью; ледъ внезапно ломается; гонимыя сильнымъ теченіемъ льдины выдвигаются на плоскій берегъ острова, а дичь, отъ испуга, забывая употребленіе крыльевъ, бѣгомъ тѣснится къ срединѣ острова, гдѣ охотникъ встрѣчаетъ легкую и богатую наживу. Рыбакъ, съ своей стороны, пользуется тѣмъ же мгновеніемъ: онъ отыскиваетъ спокойное мѣсто у берега, гдѣ рѣка остается свободною ото льда, или гдѣ льдины несутся не слишкомъ быстро, и здѣсь закидываетъ свои сѣти, которыя въ короткое время наполняются обезпокоенными обитателями водъ. Сила, съ какою несется ледъ, зависитъ отъ болѣе или менѣе одновременнаго вскрытія притоковъ рѣки. Если они вскрываются одинъ за другимъ постепенно, то и Двинскій ледъ ломается также постепенно; часто онъ загромождаетъ проходы между острововъ и мелей, отчего вода достигаетъ необыкновенной высоты и затопляетъ острова и низменные берега, что не рѣдко испытываютъ въ самомъ Архангельскѣ, весьма подверженномъ весеннимъ наводненіямъ.

Едва ледъ успѣетъ пройдти, и вода рѣчная начнетъ понижаться, какъ она вторично начинаетъ возвышаться; тогда наступаетъ такъ называемая здѣсь «коренная вода», о которой замѣчаютъ, будто она появляется въ Касковой ровно 12 дней спустя по вскрытіи Двины, и говорятъ, что коренная вода возвышается очень постепенно въ продолженіе 12 дней и снова убываетъ въ теченіе такого же времени, пока не достигнетъ своего обыкновен-

каго уровня; эту правильность чиселъ, разумѣется, должно почитать только приблизительно точною. Далѣе утверждаютъ, что самый потокъ коренной воды замѣтно отличается болѣе теплою водою и болѣе темнымъ цвѣтомъ, отъ обыкновенной воды Двинской, а время ея теченія особенно благопріятно рыбной ловлѣ, потому-что тогда рыба спокойно держится на днѣ рѣки. Что̀ такое собственно эта коренная вода, я не могъ узнать положительно: быть можетъ, это притокъ Двины отъ постепенно протаявающей въ глубинѣ почвы; или, что̀ еще вѣроятнѣе, и такого мнѣнія держатся также прибрежные жители, коренная вода есть приливъ Вычегды, которая, со своими притоками, вскрывается гораздо ранѣе Двины, и, въ означенное время мало по малу прибывая въ нее, по освобожденіи ея ото льда, несетъ свои болѣе согрѣвшіяся и потому болѣе легкія воды на поверхности Двинскихъ водъ; что же касается до рыбы, то она скрывается на днѣ рѣки, избѣгая, вѣроятно, болѣе теплыхъ водъ верхнихъ слоевъ; ибо, что внезапный переходъ изъ холодной въ болѣе теплыя воды гибеленъ для рыбы, тому можетъ служить доказательствомъ приведенный нами опытъ Свирскихъ рыбаковъ, которые, единственно для избѣжанія теплой воды въ каналахъ, провозятъ живую рыбу изъ Свири въ Петербургъ по Ладожскому озеру.

Апрѣля 30 ледъ въ рѣкѣ сплотился и не подвигался далѣе, почему я снова принужденъ былъ прибѣгнуть къ терпѣнію и занимался на станціи чѣмъ позволялъ случай; между прочимъ, станціонный смотритель пригласилъ меня прогуляться по окрестности. Мы сѣли въ лодку и отправились вверхъ по ручью, превративше-

муся въ рѣчку, надъ которымъ возвышались покрытые водою ольховые и ивовые кустарники. Въ лѣсу природа была еще погружена въ глубокое зимнее спокойствіе, хотя роскошные мхи покрывали почву свѣжею зеленью, но ни одно еще растеніе не показывалось вновь изъ безжизненной земли, мѣстами еще покрытой высокимъ снѣгомъ. Намъ не пришлось стрѣлять другой дичи, кромѣ несчастной чайки; изъ крыловыхъ костей ея хозяинъ мой приготовлялъ свистки, употребляемые для приманки на охотѣ за рябчиками. Ночь была ясная и для сѣвернаго неба весенняя, ибо термометръ въ полночь не упадалъ ниже — 1° Цельз.

Мая 2-го, прогуливаясь по берегу Двины, къ немалой радости моей, замѣтилъ я, что первенцы флоры, *Tussilago Farfara* и *Bryum tectorum*, начинали разцвѣтать. Высокій берегъ рѣки глинистъ и безлѣсенъ; скалистыхъ же обнаженій нигдѣ не встрѣчается. Въ 12-ти верстахъ отсюда, при истокѣ изъ болотъ протекающаго здѣсь ручья, крестьяне добываютъ глину, изъ которой ежегодно изготовляютъ до 40,000 кирпичей, сбываемыхъ частію по сосѣднимъ деревнямъ, по 5 рублей, а частію на иностранные корабли, по 8 рублей за тысячу.

Наконецъ Двина столько очистилась ото льда, что дозволила мнѣ, 3 Мая, въ 7 часовъ утра, отправиться на карбасѣ до мѣстечка **Курьи**, разстояніемъ около 7 верстъ, откуда я проѣхалъ далѣе берегомъ 6 верстъ; но тутъ снова принужденъ былъ ѣхать водою 8 верстъ до Холмогоръ, потому что всѣ низменныя дороги были затоплены. Благопріятствуемая теплымъ и свѣтлымъ весеннимъ днемъ, поѣздка водою была довольно занимательна: на затопленныхъ островахъ, чрезъ которые мы

часто переплывали, виды были *ольховникъ* и *ивы* (*Salix Capraea*) въ полномъ цвѣтѣ; испуганныя плескомъ вёселъ водяныя птицы всѣхъ родовъ поднимались цѣлыми стаями. Точно также продолжалъ я путь отъ Холмогоръ далѣе, отчасти сухимъ путемъ, по испорченнымъ дорогамъ, а отчасти водою, вдоль рукавовъ рѣки, переплывая луга и острова, покрытые водою, и достигъ устья **Пинеги**, впадающей съ праваго берега въ Двину, гдѣ остановился на почтовой станціи, лежащей въ 19 верстахъ отъ Холмогоръ, въ селѣ **Усть-Пинегѣ**. Правый берегъ Двины окаймленъ здѣсь высокимъ скалистымъ обрывомъ, состоящимъ изъ горизонтальныхъ пластовъ известняка, состава котораго по недостатку времени я не могъ изслѣдовать точнѣе [1]). Вмѣстѣ со скалистою почвою, снова появляется *лиственница*, покрывающая высокимъ лѣсомъ правый берегъ рѣки, между тѣмъ какъ на лѣвомъ растутъ одиѣ *сосны* и *ели*, кое-гдѣ одинокія *березы* и *ольховый* кустарникъ.

---

[1]) Поспѣшность, съ какою стремился я поѣхать до Мезени, чтобы тѣмъ скорѣе углубиться на сѣверъ, а также полноводіе Пинеги, не мало затруднявшее поѣздку, удержали меня въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ точнѣйшаго наблюденія геогностическаго состава этого любопытнаго берега; но въ послѣдствіи, осенью 1839 года, возвращаясь изъ путешествія по берегамъ Русской Лапландіи, чрезъ Архангельскъ въ С. Петербургъ, я воспользовался досугомъ и снова посѣтилъ берега Пинеги вверхъ до Усть-Ежуги; привожу наблюденія этой поѣздки въ надлежащемъ мѣстѣ, въ примѣчаніяхъ.

Известнякъ, составляющій ниже Усть-Пинѣги правый берегъ Двины, возвышающійся отъ 3 до 4 саженъ надъ рѣкою, въ нижнихъ пластахъ содержитъ плотную, довольно твердую породу, въ среднихъ особенно рыхлъ и бѣлъ, и здѣсь, по большей части, весьма походитъ на мѣлъ, хотя всю формацію, по содержащимся въ ней окаменѣлостямъ

Усть-Пинега есть застава, чрезъ которую должно проходить все, что отправляется водою по Двинѣ и Пинегѣ въ Архангельскъ; по этой причинѣ здѣсь построена караульня и приставленъ чиновникъ, имѣющій надзоръ надъ идущими внизъ по рѣкѣ плотами лѣсовъ. Строевой и корабельный лѣсъ состоитъ изъ лиственничныхъ и сосновыхъ бревенъ, которыя сплавляютъ для казенной верфи въ Архангельскъ изъ уѣздовъ Архангельскаго, Пинегскаго, Шенкурскаго и части Мезенскаго, равно какъ и изъ сѣверныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи; сплавы состоятъ также изъ основныхъ бревенъ, продаваемыхъ казною оптовымъ торговцамъ Архангельскимъ; но эти бревна не должны превышать положенной мѣры въ поперечникѣ (8 вершковъ) и извѣстной длины, потому что превышающія означенную мѣру берутся на казен-

---

должно причислить къ горному известняку. Окаменѣлости, особенно въ твердыхъ пластахъ, хорошо сохранены, хотя естественныя оболочки ихъ постоянно разрушены. Онѣ наполняютъ камень, особенно же въ среднихъ слояхъ, въ такомъ множествѣ, что онъ весь является образованнымъ изъ органическихъ остатковъ. Преимущественно встрѣчаются звѣнья *энкринитовъ*, образующія сами по себѣ нѣсколько пластовъ, при чемъ не рѣдко, по мѣрѣ умаленія экземпляровъ, горная порода, съ виду не заключая органическихъ остатковъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ, довольно рыхло между собою соединенныхъ зеренъ. Во множествѣ встрѣчается также *Spirifer mosquensis* Phill. Сверхъ того замѣчаются: *Spirifer Strangwaysii* Vern. и *S. Saranae var.* Vern. *Productus medusa* Kon. *var. concinnus* и *P. semireticulatus* Mart. var., *Terebratula canalis* Murch. *var. carbonica*, *Chonetes sarcinulata* Kon. *Schizodus rossicus* Vern. *var.*, *Conocardium uralicum* Vern. *Arca sp. Chemnitzia acuminata* Goldf., *Euomphalus aequalis* Sow.? *Bellerophon hiulcus* Sow., *Natica Omaliana* Kon, *Orthoceratites ovalis* Phill.. *Fenestella carinata* M. Coy. *Cyathophyllum ibicinum* Fisch. *var. minor* Lond. и очень рѣдко слѣды *Трилобитовъ*, а именно породы *Phillipisia*.

ныя верфи. Всѣ лѣсные сплавы задерживаются при Усть-Пинегѣ, и назначаемые частнымъ людямъ обязаны платить извѣстную пошлину, различную, смотря по толщинѣ и длинѣ бревенъ; за 8-ми вершковые въ поперечникѣ, какъ за самые толстые, взимается 80 коп., за 7-ми вершковые 60 коп. пошлины и т. д. Лиственичнаго лѣса казна не продаетъ въ частныя руки, а ели, какъ неупотребляемыя въ строеніи, совсѣмъ не сплавляются. Недавно къ этой караульнѣ приставленъ еще другой чиновникъ, обязанный вести счетъ также и всѣмъ другимъ товарамъ, идущимъ въ Архангельскъ, и взимать съ нихъ незначительную пошлину.

Достойнымъ замѣчанія естествоиспытателя является здѣсь то обстоятельство, что, со времени соединенія Двины съ Волгою посредствомъ Екатерининскаго канала, въ Двинѣ появилась *стерлядь (Accipenser ruthenus)*. Разсказываютъ, что въ первое время своего появленія, если эта рыба, тогда вполнѣ неизвѣстная рыбакамъ, попадалась въ сѣти, то ее снова бросали въ воду, какъ безполезное чудище, или продавали за безцѣнокъ; но теперь уже поступаютъ осмотрительнѣе и везутъ ее какъ драгоцѣнность въ Архангельскъ, гдѣ она болѣе не ловится и гдѣ за аршинную стерлядь даютъ 30 рублей.

Земледѣліе въ Усть-Пинегѣ ограничивается *ячменемъ*, *рожью*, *коноплей* и *льномъ*, которые однакоже всѣ, и въ особенности ленъ, довольно часто замерзаютъ. Воздѣлываніе *картофеля* очень незначительно, хотя крестьяне были поощряемы къ тому правительствомъ, за нѣсколько лѣтъ посылавшимъ чиновника для этой цѣли объѣзжать губернію; впрочемъ, замѣтить должно, что на успѣхъ картофеля въ здѣшнемъ климатѣ мало на-

дежды; картофелины, какъ единогласно увѣряютъ, всегда остаются мѣлкими, а листъ очень часто замерзаетъ.

Отъ Усть-Пинеги почтовая дорога тянется на разстояніи 181 версты по долинѣ рѣки Пинеги, которая на этомъ протяженіи удерживаетъ главное направленіе свое отъ В. на З. къ Двинѣ. Лѣтняя дорога тянется по обоимъ берегамъ и четыре раза пересѣкаетъ рѣку. До ближней станціи въ деревнѣ **Нижней Палепгѣ**, отстоящей 13 верстъ отъ Усть-Пинеги, она ведетъ по правому берегу и бо̀льшею частію въ виду рѣки, спокойно протекающей здѣсь между крутыхъ и отвѣсныхъ скалъ известняка, окаймленныхъ высокимъ *лиственичнымъ*, *сосновымъ* и *еловымъ* лѣсомъ; въ настоящее время года Пинега превратилась въ значительную рѣку и представляла живописный видъ. У деревни Нижней Палепги, расположенной на лѣвомъ берегу Пинеги, при впаденіи въ нее рѣчки **Палепги**, мы переѣхали рѣку въ лодкѣ, которую отправили къ намъ съ противоположнаго берега; нѣсколько выше по рѣкѣ ледъ сплотился и лежалъ неподвижно.

Плотный твердый известнякъ, горизонтально напластованный въ слояхъ отъ 1 до $1^1/_2$ футовъ толщиною, образуетъ здѣсь берегъ рѣки. Пласты его необыкновенно кремнисты, изобилуютъ роговикомъ и кремнемъ, отдѣлившимися отчасти въ прослойкахъ, до 6 дюймовъ толщиною, между пластовъ известняка, а еще чаще въ разновидныхъ гнѣздахъ и почкахъ, то валунообразно округленныхъ, то иначе образованныхъ, и различныхъ по величинѣ, наполняющихъ собою массу известняка. Во многихъ мѣстахъ самый известнякъ принимаетъ кремнеподобный видъ и отличается необыкновенною плот-

ностью. Но нижніе пласты его, по видимому, не содержатъ кремнистыхъ почекъ, и здѣсь порода весьма сходствуетъ, въ наружномъ видѣ, съ Усть-Пинегскимъ известнякомъ, хотя бѣдна окаменѣлостями; впрочемъ я нашелъ въ ней *Euomphalus aequalis* Sow. съ его естественною оболочкою. Почти всѣ органическіе остатки, въ верхнихъ и среднихъ пластахъ сохранившіеся, обращены въ кремень. Поверхность кремнистыхъ прослойковъ часто сплошь покрываетъ *Productus medusa* Kon., при чемъ раковина выпуклостью своею постоянно обращена кверху. Кромѣ того, здѣсь попадается *Productus sulcatus* Sow., *Neffedievii* Vern., *pustulosus* Phill. и *semireticulatus* Mart.; рѣже встрѣчаются *Ortoceratites ovalis* Phill., отпечатки *Fenestella* и звѣнья *эпкринитовъ*. Кремнистыя почки содержатъ сѣрый, рѣже желтовато-бурый роговикъ, переходящій въ кремень. Концентрическія полосы, болѣе темнаго цвѣта, почти всегда обозначаются въ отдѣльныхъ кремнистыхъ почкахъ, и таковыя же полосы, хотя не столь рѣзко обозначенныя, но въ томъ же порядкѣ, часто встрѣчаются въ окружающей ихъ массѣ известняка, такъ, что онъ, въ окружности кремней отличаясь, и большею твердостью своею, и раковистымъ изломомъ, какъ бы постепенно переходитъ въ кремнистыя почки, хотя плоскости, ограничивающія массу кремней, остаются ясны и самые кремни легко выбиваются изъ известняка. Въ этихъ почкахъ не рѣдко встрѣчаются небольшія пустоты, коихъ стѣнки покрыты микроскопическими кристаллами кварца, на поверхности которыхъ образовались большіе скаленоэдрическіе кристаллы известковаго шпата.

Нашли въ окрестности Нижней Паленги весьма ка-

мениcты. и слой чернозема, покрывающій пласты известняка, обыкновенно не толще оной пядени; почему земледѣліе по рѣкѣ Пинегѣ почти составляетъ только постороннее занятіе, главнымъ же промысломъ остается сплавъ лѣса, доставляемаго въ Архангельскъ на счетъ казны, получающей значительнѣйшую часть лиственницы изъ Пинегскаго уѣзда, или же по частнымъ договорамъ съ торговцами. Для этой цѣли посылаются, какъ отъ казны, такъ и отъ частныхъ торговцевъ, коммиссіонеры, которые объѣзжаютъ судоходныя рѣки, заключая съ крестьянами условія, по которымъ послѣдніе принимаютъ на себя доставку извѣстнаго числа бревенъ положенныхъ размѣровъ, такъ, что каждая семья обязуется доставить отъ 200 до 300 бревенъ. Вырубка деревьевъ совершается осенью и зимою; стараются подыскать деревья какъ можно ближе отъ берега какого-либо протока, по водамъ котораго весною спускаютъ срубленныя бревна, отдѣльно или небольшими плотами, а въ случаѣ невозможности, доставляютъ ихъ сухимъ путемъ къ рѣкѣ Пинегѣ. По очищеніи рѣки ото льда, деревья соединяютъ въ плоты, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 40 или 50 штукъ, и сплавляютъ ихъ къ Двинѣ; при Усть-Пинегѣ взимается установленная пошлина, послѣ чего бревна сколачиваютъ въ огромные плоты, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ деревъ, положенныхъ рядами одинъ на другой, и такъ отправляютъ далѣе по Двинѣ, въ Архангельскъ. Плата, получаемая крестьянином за срубку и сплавъ деревьевъ до Архангельска, разсчитывается съ каждаго бревна, соображая его длину и поперечникъ, а равномѣрно и разстояніе пути отъ мѣста его назначенія. За лиственничный лѣсъ, доставляемый въ Архангельскъ

изъ Пинегскаго уѣзда, казна платить за бревно въ одну сажень длиною и отъ 4 до 5 вершковъ въ поперечникѣ (называемое **брусомъ**)—1 рубль, за бревно въ 3 саж. длины и отъ 6 до 7 вершк. въ поперечникѣ—2 рубля; за деревья отъ 8 до 10 вершковъ въ поперечникѣ — 5 рублей, и съ увеличивающеюся толщиною и красотою лиственничныхъ бревенъ, цѣна за нихъ несоразмѣрно возвышается до 30, 50 и даже до 100 рублей. Частные покупатели платятъ крестьянину за каждое сосновое дерево,—а такія бревна не должны быть свыше 3 саженей длины и 8 вершковъ въ поперечникѣ,—по 30 копѣекъ.

Рыболовство въ рѣкѣ Пинегѣ довольно незначительно и занимаются имъ почти исключительно для домашней потребности, ибо рѣка не слишкомъ изобилуетъ рыбою. Здѣсь ловятся *щуки, налимы, сиги, лещи, окуни* и *ерши:* рыбу ловятъ сѣтями и плетеными изъ ивовыхъ прутьевъ мордами; послѣднія погружаются на дно рѣки, отверстіемъ противъ теченія, у высокихъ береговъ, вдоль которыхъ сильно стремится вода. Осенью заходитъ въ рѣку и *семга;* но *стерлядь* здѣсь уже болѣе не встрѣчается.

Дорога по берегу рѣки была затоплена, и потому въ **Верхней Паленгѣ**, деревнѣ при ручьѣ или рѣчкѣ того же имени, я былъ принужденъ нанять двухъ крестьянъ, которые на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, съ помощію топора, проложили мнѣ дорогу чрезъ густой хвойный лѣсъ. Это неудобство, постигающее здѣсь почти каждаго путешественника весною, могло бы легко быть устранено посредствомъ какой либо узкой лѣсной дороги. Послѣ продолжительной ѣзды, мы наконецъ выбрались на почтовую дорогу, тамъ, гдѣ

она, удаляясь отъ берега рѣки, не была затоплена, и безпрепятственно могли продолжать путь. Здѣсь, въ однообразномъ лѣсу, провожатый устремляетъ ваше вниманіе на рѣдкость природы: на двѣ сосны, выросшія подлѣ дороги, въ разстояніи одна отъ другой около двухъ аршинъ, изъ которыхъ одно дерево, нѣсколько моложе и тоньше другаго, срослось съ этимъ послѣднимъ, на высотѣ 4 или 5 саженей отъ земли, толстою горизонтальною вѣтвью, какъ бы перекладиною, такъ, что въ самомъ дѣлѣ нельзя положительно сказать — которому изъ обоихъ деревьевъ принадлежитъ эта вѣтвь. На пути встрѣтили мы толпу коноваловъ, которые заложивъ свои снаряды за плеча, весело шли по дорогѣ: то были Мезенскіе поселяне, у которыхъ искусство коноленія въ большомъ употребленіи; они ходятъ по губерніи съ мѣста на мѣсто, отправляя свое ремесло.

У деревни **Угзенги**, при устьѣ рѣчки того же имени, въ 22-хъ верстахъ отъ Нижей Паленги, мнѣ пришлось снова переѣзжать Пшегу, по которой въ то время шелъ сильный ледъ; но мои гребцы, подобно змѣямъ, извивались между льдинъ въ легкомъ карбасѣ. Начиная отъ Нижней Паленги, долина рѣки постепенно разширяется; берега понижаются и скалистыя обнаженія исчезаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пропадаетъ и господствующій на вершинахъ ихъ *лиственничный* лѣсъ, далѣе виднѣющійся только изрѣдка, небольшими группами, между *сосенъ* и *елей*. Но при **Угзенгѣ** берегъ снова возвышается скалистымъ обнаженіемъ [1]) и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Правый берегъ рѣки, нѣсколько ниже деревни *Угзенги*, составляетъ известнякъ очень похожій на описанный нами при Нижней Па-

опять появляется *лиственница*, пышно покрывая высоты его. Это наблюденіе, такъ какъ и позднѣйшія мои замѣчанія, привели меня къ заключенію, что произрастаніе лиственницы постоянно сопровождаетъ скалистый грунтъ, преимущественно известняка, лежащаго не въ значительной глубинѣ подъ наносною почвою. Въ мѣстахъ, гдѣ господствовали известняки, почти всегда встрѣчался роскошный лиственничный лѣсъ; а также на оборотъ, я очень рѣдко обманывался, когда, по произрастанію лиственницы, заключалъ о существующихъ въ томъ мѣстѣ каменныхъ породахъ. Хотя я и не замѣчалъ скалистыхъ обнаженій въ южной части Архангельской губерніи, во время проѣзда моего по обширной равнинѣ той страны, поросшей болѣе нежели на 150 верстъ превосходными лиственницами, но что известковый слой находится тамъ въ самой незначительной глубинѣ подъ на-

---

лонгѣ и заключающій въ себѣ, хотя въ меньшемъ количествѣ, тѣ же кремнистыя почки. Эта горная порода въ иномъ мѣстѣ походитъ на мѣлъ, а въ другомъ принимаетъ видъ плотный или сланцеватый, отламываясь тонкими звонками пластинами. Роговикъ, бѣлый или желтоватый, встрѣчается только отдѣльными почками, не составляя прослойковъ. Изъ окаменѣлостей находятся здѣсь почти всѣ виды, приведенные нами при описаніи известняковъ у Нижней Палеиги. Кремнистыя почки, на поверхности своей совершенно покрыты *Fusulina cylindrica* Fisch. *var. inflata*, и та же раковина, въ необычайномъ множествѣ, показывается при разбитіи глыбъ, въ ихъ поперечномъ изломѣ. Кромѣ этой раковины, отличающей верхніе пласты горнаго известняка, не замѣченной нами у Нижней Палеиги, здѣсь встрѣчаются еще: *Spirifer mosquensis* Fisch. и *Chonetes sarcinulata* Kon.; равномѣрно нашли мы въ валунѣ, при подножіи смежнаго скалистаго берега, но безспорно принадлежащемъ къ тому же известняку: *Lithostrotion floriforme* Flem., *Anlopora campanulata* M'Coy *Cyathophyllum ibicinum* Fisch *var. minor* Loud., *Archaeocidaris rossicus*.

носными пластами; таковое заключеніе заставляетъ меня сдѣлать, что каменистыя дороги около Каргополя покрыты обломками известняка, и предположеніе мое подтверждается извѣстіями Георги, по которымъ въ долинѣ рѣки Онеги проходятъ пласты «сланцеватаго известняка съ морскими раковинами и другими окаменѣлостями,» перемежающіеся съ «гипсовыми пластами,»—породы, принадлежащія, вѣроятно, къ той же формаціи горнаго известняка, которая господствуетъ въ низовьяхъ Двины и Пинеги [1]) И потому, мнѣ кажется, что сѣверная лиственница постоянно произрастаетъ на такой почвѣ, гдѣ она можетъ простирать свои корни въ трещины и разсѣлины поверхностно лежащихъ каменныхъ породъ, по преимуществу известняка.

Въ тогдашнее время года всюду видны были, по берегамъ рѣкъ, большіе запасы сосновыхъ бревенъ, приготовленныхъ къ сплаву и бо́льшею частію назначенныхъ въ Архангельскъ, для торговаго дома Брандта.

Вмѣстѣ со сплавомъ лѣса, прибрежные жители Пинеги занимаются охотою. Огнестрѣльное оружіе, обыкновенно употребляемое Архангельцами для охоты, есть такъ называемая **винтовка**, ружье съ восьмигранным крѣпкимъ стволомъ, изъ котораго стрѣляютъ пулею и которое, какъ говоритъ названіе, внутри извивается винтомъ. Устройство курка, почти всегда грубой кузнечной работы, показано на приложенномъ рисункѣ (табл. I.), снятомъ въ Мезени и не требующемъ дальнѣйшихъ поясненій. Обыкновенное же ружье для стрѣльбы дробью

---

[1]) J. G. Georgi. geograph. physik. und naturhist. Beschreibung des russischen Reichs. Königsb. 1797. См. Ч. I. стран. 135.

(**дробовка, дробовикъ**) едва по названію извѣстно архангельскимъ охотникамъ, которые, изъ своей винтовки, не стрѣляютъ прямо отъ руки; здѣшній стрѣлокъ кладетъ конецъ ружейнаго ствола на какой либо выдающійся сукъ дерева, или же на подставку, носимую для того съ собою и при стрѣльбѣ втыкаемую въ землю;— потомъ становится на колѣни, или садится на землю и долго прицѣливается, прежде нежели мѣтко выстрѣлитъ. Архангелецъ никогда не стрѣляетъ дичи на бѣгу или на лету; и при этой охотѣ, не знаешь, чему болѣе удивляться: медленности ли, съ какою стрѣлокъ приступаетъ къ дѣлу, или мѣткости его, или, наконецъ, дурной кузнечной работѣ его ружья, свойство и недостатки котораго самымъ точнымъ образомъ извѣстны хорошему промышленнику, умѣющему всегда, вѣрнымъ разсчетомъ, при выстрѣлѣ, устранять недостатки своего оружія. Предметы охоты суть: *сѣверный олень*, за которымъ охотятся особенно осенью и весною; кромѣ того, *медвѣди*, *лисицы*, *россомахи*, *рѣчныя выдры*, *куницы*, *горностаи*, *бѣлки* и *зайцы*. Всѣ мѣха продаются въ городѣ Пинегѣ, на двухъ ежегодно устраеваемыхъ тамъ ярмаркахъ, куда мѣховщики съѣзжаются изъ Каргополя, Галича и другихъ Русскихъ городовъ. Медвѣжьи мѣха стоятъ на этихъ ярмаркахъ отъ 20 до 30 рублей; лисьи отъ 10 до 15 рублей; за чернобурыхъ лисицъ, которыя чрезвычайно рѣдко попадаются, платятъ 50 и болѣе рублей; за мѣхъ рѣчныхъ выдръ 25 или 30 руб., за хорошій купій мѣхъ 4 руб.; горностаи стоятъ 3 рубля 60 или 70 коп.; бѣличій мѣхъ только 22 или 25 коп. штука. Цѣна на шкуры сѣверныхъ оленей очень измѣняется, смотря по ихъ добротѣ и годности, зависящимъ отъ времени года,

когда животное было убито. Лучшіе мѣха доставляютъ олени, застрѣленные осенью или въ началѣ зимы, потому что шерсть ихъ тогда гуще и длиннѣе; въ концѣ же зимы или весною подъ шкурою оленей появляются червячки, до такой степени истачивающіе шкуру, которая сверхъ того, въ это время сильно линяетъ, что весь мѣхъ дѣлается почти негоднымъ; въ это время стоитъ онъ не болѣе $1^1/_2$ или 2 рублей, тогда какъ за осеннія и зимнія шкуры платятъ отъ 4 до 6 рублей за каждую. Также и для мяса стрѣляютъ сѣвернаго оленя всего болѣе осенью и зимою, ибо послѣ обильнаго корма, лѣтомъ, мясо его жирно и вкусно. Волчьихъ шкуръ бываетъ очень немного на Пинегскихъ ярмаркахъ, потому что волкъ рѣдко заглядываетъ въ лѣса Архангельской губерніи.

Пернатая дичь равномѣрно во множествѣ водится въ Пинегскомъ уѣздѣ, котораго гербъ справедливо представляетъ двухъ рябчиковъ въ золотомъ полѣ. Рябчики продаются во время Пинегскихъ ярмарокъ по 8 или 10 коп., а всякая другая пернатая дичь по 40 или 50 коп. за штуку. Лебяжій пухъ съ Двины и Пинеги доставляется въ Архангельскъ, гдѣ скорняки платятъ за нее $2^1/_2$ рубля и переработываютъ ее въ дамское украшеніе.

При **Угзепкѣ**, проѣзжая дорога снова была затоплена, а по рѣкѣ шелъ сильный ледъ. Не смотря на то, я напялъ лодку съ четырьмя гребцами и рѣшился продолжать путь вверхъ по рѣкѣ. Мы принуждены были бороться съ сильнымъ теченіемъ и въ тоже время отталкивать отъ лодки огромныя льдины, а потому подвигались очень медленно впередъ, пока наконецъ берегъ понизился и мы увидѣли себя на свободной отъ льда, хотя все еще быстро текущей водѣ, затопившей луга и сѣно-

косы, и не безъ труда продолжали наше путешествіе. Эти низменные берега, по коимъ рѣка разлилась на широкое пространство, подобно берегамъ и островамъ Двинскимъ, обязаны ежегоднымъ весеннимъ наводненіямъ своею плодородностью и роскошными лугами, и здѣсь благопріятствующими скотоводству. Далѣе отъ берега, за чертою весенняго полноводья, страна покрывается *еловымъ* и *сосновымъ лѣсомъ*, съ которымъ мѣстами перемѣшаны группы *лиственницы*, *березы* и *осины*; напротивъ того, на затопленныхъ низменностяхъ растутъ только *ольховые* и *ивовые* кустарники, окаймляющіе луга въ лѣтнее время; между ними тогда цвѣли двѣ породы ивъ. Въ лѣсу раздавалось пѣніе птицы, походившее на голосъ соловья, хотя не болѣе громкое, чѣмъ пѣніе нашего обыкновеннаго соловья, однакожъ не столь звучное и не такъ богатое переливами; то былъ вѣроятно такъ называемый *Польскій соловей* (*Sylvia philomela*, der Spros ser), котораго доселѣ мнѣ не случалось слышать.

Мы употребили не менѣе 9-ти часовъ времени на проѣздъ разстоянія 22-хъ верстъ до ближней станціи, въ деревнѣ **Кузопема**, въ виду коей пришлось намъ еще нѣсколько времени лавировать, чтобы выбраться изъ обмелѣвшаго залива, въ который насъ занесло теченіемъ, пока наконецъ не причалили мы къ вожделенному берегу.

Мая 5-го, рано утромъ, мы снова пустились въ путь водою, чрезъ высоко потопленныя низменности. Рѣка очистилась ото льда; берега ея постепенно понизились; начиная отъ Угзенги, скалистыхъ обнаженій болѣе не встрѣчается, а съ ними вмѣстѣ исчезаетъ и лиственница. При менѣе сильномъ теченіи, мы успѣшнѣе

подвигались вперед и вскоре достигли станціи Вешкомы, на лѣвомъ берегу Пинеги, въ 20-ти верстахъ отъ Кузомены.

Земледѣліе здѣшняго края плохо; уже нѣсколько лѣтъ сряду не было никакихъ жатвъ; хлѣбъ всегда замерзалъ. Кромѣ обоихъ родовъ хлѣба, въ Вешкомѣ и Кузомемѣ сѣютъ немного *льна*, который однакоже часто замерзаетъ. *Конопля* поспѣваетъ на берегахъ Пинеги обыкновенно посредственно и рѣдко хорошо. Въ огородахъ нельзя найти ничего, кромѣ *рѣпы*, *рѣдьки* и *луку*; даже *капусты* болѣе не садятъ. Благодѣяніе для тѣхъ краевъ, гдѣ хлѣба такъ часто не даютъ жатвы, составляютъ, какъ въ городѣ Архангельскѣ, такъ и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Архангельской губерніи, учрежденные казною хлѣбные магазины, гдѣ крестьянинъ, всегда имѣющій средства заработать себѣ деньги, получаетъ, за относительно дешевую цѣну, необходимое количество зерна для своего потребленія и для засѣва.

Отъ Вешкомы мы продолжали путь водою. Сидя въ лодкѣ, я спокойно закурилъ сигару, какъ вдругъ замѣтилъ, что женщина, сидѣвшая противъ меня и, занимавшая должность гребца, внезапно бросила весло, платкомъ заткнула себѣ ротъ и носъ, вперила въ меня безсмысленный взоръ, и, отъ времени до времени, издавала несвязные звуки. Озабоченный этими признаками болѣзненнаго состоянія, я спросилъ, что съ нею, но не получилъ отъ нея отвѣта, а прочіе спутники мои, по видимому совершенно свыкшіеся съ подобнымъ зрѣлищемъ, спокойно посмѣиваясь моему незнанію, объяснили мнѣ, что она страдаетъ икотою, и потому не можетъ переносить моего табачнаго дыма, доносимаго до

шея вѣтромъ. Эта **икота** есть недугъ, вообще чрезвычайно распространенный между злѣшними женщинами; сколько мнѣ кажется, его должно причислить къ разряду истерическихъ болѣзней, въ столь многоразличныхъ видахъ проявляющихся у прекраснаго пола. Болѣзнь, въ своихъ легкихъ степеняхъ, обнаруживается тѣмъ, что одержимая ею, едва завидитъ какой либо ей противный предметъ, или же съ намѣреніемъ будетъ дразнима, показываетъ свое отвращеніе описанными припадками; если же недугъ оказывается сильно, тогда больная приходитъ въ бѣшенство противъ виновника своего отвращенія, плюетъ на него, ругается, забывая всякое чувство женской стыдливости, при чемъ начинаетъ кричать безсвязными звѣрскими звуками (что и называется **икать**), бросается на окружающихъ, наконецъ, въ высшемъ порывѣ сумашествія, съ лицомъ подернутымъ красноватою синевою, обращаетъ свою ярость на самое себя, бьется и въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы. По прошествіи нѣкотораго времени, припадки прекращаются, больная снова приходитъ въ себя и является какъ бы ни въ чемъ не бывало; то-же самое случилось и съ нашею больною; она была крѣпкаго тѣлосложенія, на видъ совершенно здорова, и вскорѣ, по прошествіи припадка, сама, хотя и съ видимымъ отвращеніемъ, говорила о своей болѣзни. Доказательствомъ тому, что икота принадлежитъ къ разряду истерическихъ недуговъ, можетъ служить, между прочимъ, уже то обстоятельство, что этою болѣзнью почти исключительно страдаютъ женщины, и преимущественно замужнія, хотя бываютъ примѣры, что и мужчины ею одержимы. Но въ то же время достовѣр-

но можно сказать, что не все, извѣстное подъ общимъ названіемъ икоты, есть дѣйствительно болѣзнь; изъ того, что мнѣ случалось видѣть и слышать, я напротивъ убѣдился, что очень многія, быть можетъ половина страждущихъ икотою женщинъ, на дѣлѣ притворяются, и припадокъ икоты, овладѣвающій больною—по страшному случаю—каждый разъ какъ скоро что либо дѣлается на перекоръ ея желанію, служитъ ей благовиднымъ средствомъ покорять своей волѣ непокорнаго супруга и постоянно держать его въ должномъ повиновеніи. Мнѣ извѣстны нѣкоторые случаи, гдѣ женщины, опасаясь строгой угрозы, сознавались въ своемъ притворствѣ, и тѣмъ самымъ основательно излечивались отъ болѣзни. Замѣченное у страждущихъ икотою отвращеніе отъ табаку очень обыкновенно, и можетъ быть составляетъ причину, почему табакъ ни въ какомъ видѣ не употребляется ни Пинегскими, ни Мезенскими поселянами; между тѣмъ какъ жители Вашки, въ южной части Мезенскаго уѣзда, гдѣ болѣзнь не замѣчается, вообще до того пристрастны къ табаку, что даже женщины курятъ и нюхаютъ, а матери вдуваютъ мелкій нюхательный табакъ въ носъ грудным младенцамъ, чтобы они крѣпче спали. Наконецъ, я долженъ заключить замѣчаніемъ, уже и до меня сдѣланнымъ другими, что женщины владычествуютъ равно на сѣверѣ, какъ и на югѣ: истина, мною самимъ на дѣлѣ испытанная: ибо въ угожденіе красивой бабенкѣ, которой противенъ былъ табачный дымъ, я не закурилъ болѣе моей сигары.

Волны Пинеги вздымались отъ бурнаго западнаго вѣтра, когда мы достигли станціи **Юрольской**, въ 20-ти верстахъ отъ Вёшкомы, на правомъ берегу рѣки.

Здѣсь уже можно замѣтить, какъ свойственная поселянамъ одежда постепенно измѣняется по требованію климата и сообразуется съ произведеніями сѣвера: вмѣсто Русскаго овчиннаго тулупа, часто встрѣчается уже Самоѣдская малица, мѣховая рубаха изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, обыкновенное, отъ Самоѣдовъ взятое одѣяніе Мезенскаго крестьянина, которое мы въ послѣдствіи опишемъ подробнѣе; на головѣ носятъ тамъ легкую шапочку изъ двойнаго мѣха пыжиковъ (молодыхъ оленей); эта шапочка плотно прилегаетъ къ головѣ, прикрывая въ то же время двумя клапанами уши; обувью служатъ или обыкновенные непромокаемые сапоги изъ толстой юфтевой кожи, такъ называемые бахилы, носимые сѣверными промышленниками и вполнѣ соотвѣтствующіе климату; сапоги эти, подъ самымъ колѣномъ, на подобіе чулка, подвязываются узкою шерстяною подвязкою; или, вмѣсто этихъ сапоговъ, носятъ короткіе непромокаемые полусапоги изъ толстой тюленьей кожи; у бѣдняковъ же, хотя и рѣже, встрѣчается обувь изъ березовой коры.

Противъ Юролы, на правомъ берегу рѣки, построена принадлежащая къ селенію церковь, а далѣе, гдѣ правый берегъ достигаетъ самаго значительнаго своего возвышенія, виднѣются зданія Краспогорскаго мужскаго монастыря, который въ старину назывался Черногорскимъ [1]), а нынѣшнимъ своимъ наименованіемъ обязанъ темнокрасному цвѣту береговыхъ обрывовъ окрестъ лежащая холмистая страна также называется «Красногорскими Горами.» Геогностическаго свой-

[1]) Исторію и описаніе этого монастыря можно найти въ „Молчанова Описаніи Арханг. губерніи," стран. 200—203.

ства этихъ высотъ я не имѣлъ возможности разсмотрѣть ближе, такъ какъ путь нашъ постоянно держался плоскаго лѣваго берега рѣки, гдѣ наводненные луга и низменности дозволяли намъ спокойно плавать. И здѣсь водная поверхность изобиловала дичью; утки и гуси стаями поднимались при нашемъ приближеніи; мы замѣтили также нѣсколькихъ лебедей.

Въ 2-хъ верстахъ ниже Юролы, лѣвый берегъ Пинеги окаймленъ бѣлоснѣжными утесами кристаллическаго гипса. Порода эта весьма мелкозерниста, бѣла какъ снѣгъ, кое-гдѣ съ сѣроватыми или красноватыми прожилками и пятнами; не ясно напластована въ толстыхъ горизонтальныхъ слояхъ; утесы ея показываютъ округленную и сглаженную поверхность, усѣянную топкими разсѣлинами. Сѣроватый твердый известково-гипсовой мергель (см. стр. 64. Примѣч.) образуетъ тонкій горизонтальный прослоекъ между пластами господствующей породы.

Замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ я разсматривалъ эти утесы, гребцы мои стали мнѣ разсказывать о достопримѣчательныхъ, большихъ и пространныхъ пещерахъ, находящихся неподалеку отъ города Пинеги, на правомъ берегу рѣки; разсказъ этотъ былъ для меня тѣмъ любопытнѣе, что въ Архангельскѣ еще слышалъ я о существованіи замѣчательной пещеры близъ города Пинеги, хотя и не могли съ точностью обозначить мнѣ ея положенія; такимъ образомъ, мы вскорѣ условились, что они повезутъ меня къ пещерамъ, о которыхъ говорили. Между тѣмъ, скалистое обнаженіе снова исчезло; мимо низменнаго, кустарниками поросшаго берега, стремилось сильное теченіе, противъ котораго мы съ

трудомъ боролись, тѣмъ болѣе, что окраина берега не вездѣ дозволяла подвигаться бичевою. Не доѣзжая 5^ти или 6^ти верстъ до города, мы достигли наконецъ высокаго гипсоваго берега, котораго отвѣсныя бѣлыя скалы, къ моему удивленію, назвали мнѣ искомыми пещерами; причемъ я, конечно понялъ недоумѣніе, узнавъ, что въ Архангельской губерніи словомъ пещоры обозначаютъ не только пещеры, но также высокіе крутые утесы. И здѣсь каменная порода вообще обнаруживала одинакій видъ, хотя нѣсколько болѣе плотности въ составѣ, образуя тѣже округленныя обнаженія скалъ, которыхъ поверхность является сглаженною дѣйствіемъ атмосферическихъ водъ, и какъ бы измытою наподобіе пещеръ, что нѣкоторымъ образомъ оправдывало названіе пещеръ. Порода известняка также показывается въ обнаженіи, наружнымъ видомъ довольно походящая на известнякъ у Нижней Паленги (стран. 55), но не имѣя тѣхъ кремнистыхъ сращеній; она лежитъ надъ гипсомъ горизонтальными пластами, толщиною отъ ½ до 2^хъ футовъ, и покрыта глинистою почвою, на которой произрастаетъ высокій *лиственичный* лѣсъ; корни его, углубляясь въ известнякъ, не мало способствуютъ его разрушенному виду, мѣстами, гипсъ, повидимому, удаляется въ глубь и въ обрывѣ берега показывается одинъ известнякъ; или же обѣ породы исчезаютъ, и низменный берегъ не обнаруживаетъ скалистаго обнаженія. И здѣсь, гипсъ, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ футовъ, сколько я слѣдилъ его утесы, заключаетъ въ себѣ горизонтальный, измѣняющійся въ толщинѣ отъ 1 люйма до ½ фута, прослоекъ болѣе твердаго известково-гипсоваго мергеля, весьма отли-

чнаго отъ бѣлоснѣжной породы гипса своимъ сѣрожелтоватымъ цвѣтомъ; мѣстами онъ являетъ болѣе кристаллическое, мѣстами плотное и нерѣдко сланцеватое сложеніе. Господствующая порода бѣлаго гипса, образующая береговые утесы, представляетъ горизонтальные пласты толщиною въ 2 или 3 фута, хотя напластованіе ея выказывается неясно, и утесы большею частію кажутся какъ бы вылитыми изъ одной массы [1]).

У городка **Пинеги**, рѣка разливается довольно

---

1) Лѣтняя дорога ведетъ по возвышенности лѣваго берега рѣки. Здѣсь, равномѣрно, на разстояніи 5-ти или 6-ти верстъ не доѣзжая до городка, встрѣчается утесистый гипсовый берегъ, который я очень внимательно разсматривалъ на всемъ его протяженіи около 2-хъ верстъ. Порода, въ иномъ мѣстѣ мелкозернистая и довольно твердая, въ другомъ, представляетъ болѣе крупное зерно и менѣе твердости; она бѣла какъ снѣгъ и переходитъ въ сѣроватый, красноватый и желтоватый цвѣтъ, или испещрена сѣроватыми и красноватыми прожилками и пятнами. Кристаллы селенита, часто сросшіеся въ розовидную группу, прозрачные, безцвѣтные или буроватаго цвѣта, нерѣдко наполняютъ господствующую породу; эти группы буроватыхъ гипсовыхъ кристалловъ составляютъ также самостоятельную породу, находимую въ тонкихъ прослойкахъ на небольшомъ протяженіи. Господствующая порода гипса заключаетъ въ себѣ также тонкіе прослойки и гнѣзда красноватой глины, во всѣхъ направленіяхъ проникнутые прожилками волокнистаго гипса. Эти глинистые прослойки нерѣдко окрашиваютъ своимъ цвѣтомъ господствующую породу гипса, которая бываетъ проникнута въ цѣлой массѣ механическимъ растворомъ глины, или же, въ иномъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ болѣе мелкозернистое сложеніе и большую твердость, пропитается глиною въ тончайшихъ своихъ разсѣлинахъ сѣтообразно связанными прожилками. Поверхность гипса мѣстами покрываетъ слой въ 2 или 3 фута толщины желтоватаго, довольно рыхлаго, въ изломѣ землистаго известняка, мѣстами не заключающаго въ себѣ окаменѣлостей, мѣстами же преисполненнаго двухъ небольшихъ двустворчатыхъ раковинъ, *Avicula antiqua* Münst. и *My-*

широко, обтекая нѣсколько малыхъ острововъ, и однимъ изъ сѣверныхъ рукавовъ своихъ обвивая большій, низменный, новыми кустарниками поросшій островъ. На этомъ сѣверномъ рукавѣ рѣки расположенъ городъ, въ виду котораго мы столь долго блуждали между отмелями и потопленными пастбищами, что утреннее солнце уже ярко засіяло на небосклонѣ, когда мы причалили къ берегу, гдѣ привѣтствовалъ насъ ра-

---

tilus Pallasii Vern., вмѣстѣ съ *Chemnitzia acuminata* Goldf., которыя, встрѣчаясь обыкновенно въ чрезвычайно малой величинѣ, придаютъ породѣ видъ настоящаго оолита. Этотъ известнякъ, наконецъ, покрываетъ известковая брекчія, гораздо позднѣйшаго, быть можетъ третичнаго образованія, которой пластъ, тамъ, гдѣ я наблюдалъ его въ разрѣзѣ надъ известнякомъ, имѣлъ не болѣе 3-хъ дюймовъ въ поперечникѣ. Эта брекчія состоитъ изъ остроградныхъ обломковъ вышеописаннаго желтоватаго известняка, связанныхъ между собою сѣровато-бурымъ цементомъ, въ которомъ они лежатъ весьма правильно, широкими плоскостями горизонтально и параллельно одинъ къ другому, На нижней плоскости слоя, тамъ, гдѣ онъ лежитъ надъ известнякомъ, мѣстами встрѣчаются сросшіяся съ нимъ округленныя гальки плутоническихъ породъ, безъ сомнѣнія принадлежащія къ эрратическимъ валунамъ. Та же брекчія замѣчалась въ огромныхъ обломкахъ, у подножія скалистаго берега, и въ этихъ обломкахъ показывала тотъ же составъ. хотя здѣсь куски известняка. въ нѣсколько дюймовъ и до 1½ футовъ въ поперечникѣ,, лежали безъ всякой правильности, перемѣшанные между собою; въ нихъ также заключались эрратическіе валуны гранита, вмѣстѣ съ галькáми роговика. Пластъ. которому принадлежали эти обломки, имѣлъ по-крайней-мѣрѣ 3 фута въ поперечникѣ.

Другіе, величиною не менѣе значительные обломки, покоившіеся у подножія тѣхъ же береговыхъ скалъ гипса, показывали странную, брекчіевидную смѣсь бѣлаго кристаллическаго мелкозернистаго гипса, съ сѣроватымъ плотнымъ гипсовымъ мергелемъ, въ которой сей послѣдній является остроконечными, походящими на обломки кусками, лежащими, какъ и въ вышеописанной известковой брекчіи, широкими

но подымающійся Еврей, единственный изъ своего племени, встрѣтившійся мнѣ во время поѣздки моей на сѣверъ. Онъ окинулъ насъ съ головы до ногъ испытующимъ взглядомъ и не могъ, подстрекаемый любопытствомъ, не распросить меня о томъ, другомъ и третьемъ.

Куча потемнѣвшихъ отъ ветхости деревянныхъ домовъ не придаетъ благопріятнаго вида городку, заключающему въ себѣ около 600 жителей обоихъ половъ; главное украшеніе его составляетъ новая каменная церковь, построенная на открытомъ мѣстѣ, на берегу рѣки, подлѣ старой деревянной, въ которой божественную службу отправляютъ только въ лѣтнее время. Постройка здѣсь общеупотребительная во всемъ сѣверномъ краѣ: это большею частію строенія въ два этажа, изъ коихъ въ верхнемъ живутъ почетныя лица дома, а въ нижнемъ помѣщается домашняя прислуга. Не рѣдко также бываетъ между здѣшними горожанами, какъ и у сельскихъ

плоскостями своими параллельно между собою и къ горизонтальной площади пласта, и на подобіе цемента связанными зернистымъ гипсомъ. Эта порода, однакоже, только наружнымъ видомъ походитъ на брекчію, представляя, конечно, весьма различное образованіе. Мнѣ не удалось отыскать ея въ скалистомъ разрѣзѣ берега.

И здѣсь, далѣе по берегу, гипсовый камень содержитъ въ себѣ также промежуточный, до 5 футовъ толстый пластъ известково-гипсоваго мергеля, въ составъ котораго то углекислая, то сѣрнокислая извести входятъ въ большемъ количествѣ, почему порода болѣе или менѣе сильно вскипаетъ съ кислотами, въ послѣднемъ измѣненіи показывая большую плотность и тонкослацеватое сложеніе, и ломаясь въ тонкія, звучныя пластинки. Въ другихъ видоизмѣненіяхъ, порода, при меньшей плотности и почти землистомъ изломѣ, являетъ глинистый запахъ и прилипаетъ къ языку, доказывая тѣмъ самымъ присутствіе въ составѣ ея глинистыхъ частей. Всѣ эти видоизмѣненія безпрестанно переходятъ одно въ другое.

обывателей, что самъ домохозяинъ съ своею семьею занимаетъ нижній этажъ, а въ верхнемъ одна или двѣ комнаты устраиваются для пріема гостей. Съ жилыми покоями подъ одною крышею обыкновенно находится хлѣвъ, коего верхняя часть употребляется для завоза экипажей и для склада разнаго домашняго скарба; къ этому сараю снизу ведетъ досчатый подъѣздъ.

Жители городка находятъ свое продовольствіе преимущественно въ торговлѣ, благопріятствуемой легкимъ путемъ сообщенія съ Архангельскомъ и со внутренностію страны. Для поддержанія этой торговли, какъ уже было замѣчено, учреждены въ Пинегѣ двѣ постоянныя ярмарки, значительно облегчающія обмѣнъ произведеній. Первая изъ нихъ, **Никольская**, бываетъ зимою, между 6-мъ и 12-мъ Декабря; вторая, **Благовѣщенская**, весною, отъ 25-го до 30-го Марта. На нихъ съѣзжаются купцы изъ Галича и Кargополя, изъ Архангельска и Холмогоръ, равно какъ и торгующіе мѣщане изъ Мезени и даже изъ Пустозерска. Предметы обмѣна суть сырыя произведенія сѣвера, въ особенности мѣха и пернатая дичь, которые отсюда развозятъ далеко по всему государству; кромѣ того рогатый скотъ, рыба, сало морскихъ звѣрей, и т. п.; въ замѣнъ этихъ товаровъ, изъ внутреннихъ губерній привозятъ хлѣба и мануфактурные товары: шелковыя и шерстяныя ткани, ситцы и холстинки; Архангельскъ доставляетъ соленую треску, которая, какъ ежедневная пища туземнаго крестьянина, послѣ хлѣба, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ припасовъ; изъ Мезени же и Пустозерска получается большая часть мѣховъ, а также и дорогая соленая рыба, развозимая отсюда по всей

Россіи. На эти ярмарки пріѣзжаютъ также и Самоѣды съ Канинскаго полуострова, которые зимою во множествѣ бродятъ по мшистымъ равнинамъ Зимняго берега и въ лѣсахъ между рѣками Мезенью и Пинегой, доходя даже до Двины близъ Архангельска, оставленнаго ими незадолго до моего туда прибытія; а къ ярмаркѣ появляются съ своими чумами и стадами въ окрестностяхъ городка Пинеги. Они привозятъ мѣха и оленьи шкуры; но участвуютъ въ ярмаркѣ почти исключительно какъ праздные зѣваки, спуская немедленно въ питейномъ домѣ случайно кое-гдѣ выученную копѣйку. Кромѣ ярмарокъ, въ Пинегѣ бываетъ также еженедѣльный торгъ по воскреснымъ днямъ, и на этомъ рынкѣ, окрестные поселяне снабжаютъ жителей городка мясомъ, свѣжею рыбою, дичиною и другими съѣстными припасами.

Знакомству здѣшняго уѣзднаго судьи, г-на **Лильга**, посѣщавшаго тундры нѣсколько лѣтъ сряду въ званіи землемѣра, обязанъ я нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями къ тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія до сихъ поръ удалось мнѣ собрать о томъ краѣ. Незначительный же споръ, возникшій у меня, относительно моего дальнѣйшаго отправленія на почтовой станціи, доставилъ мнѣ случай познакомиться съ г-номъ уѣзднымъ почтмейстеромъ, который до тѣхъ поръ не отпустилъ меня изъ своего дома, пока я вмѣстѣ съ нимъ не вкусилъ его обѣда.

Въ 3 часа по полудни я могъ продолжать путь, какъ и прежде, водою. Берегъ рѣки, вышиною отъ 5 до 6 сажень, на коемъ расположенъ городъ, состоитъ изъ рыхлаго песка, покрытаго слоемъ около 2-хъ фу-

говъ толщиною известковой россыпи, поучительной въ томъ отношеніи, что въ этой рыхлой почвѣ мы находимъ точное подобіе той известковой брекчіи, которая, въ 6-ти верстахъ внизъ по рѣкѣ, покрываетъ известнякъ и разсѣяна огромными обломками у подножія гипсоваго обнаженія, составляя породу, въ томъ мѣстѣ твердостью далеко превосходящую мелообразный известнякъ. И здѣсь, равномѣрно, болѣе или менѣе остроконечные различной величины обломки известняка перемѣшаны съ рыхлымъ пескомъ, который, будучи проникнутъ растворомъ извести, получаетъ извѣстную связность и тѣмъ самымъ дѣлается способнымъ заступать мѣсто цемента въ конгломератѣ. Содержимые кое-гдѣ гальки гранита и роговика довершаютъ это сходство; первые принадлежатъ къ эрратическимъ валунамъ, вторые, конечно, вымыты изъ кремнистыхъ желваковъ известняка и нанесены вмѣстѣ съ его обломками. Слой чернозема, едва-ли въ футъ толщиною, покрываетъ эту россыпь.

Проплывъ нѣкоторое разстояніе вдоль праваго берега рѣки, мы обратились къ противоположному, гдѣ, при урочищѣ, называемомъ **Марьиною горою**, снова выказывается скалистое обнаженіе. И здѣсь, въ нижнихъ глыбахъ, лежитъ неоднократно разсмотрѣнная уже нами гипсовая порода, которая кверху постепенно болѣе и болѣе перемежается съ известковыми прослойками, или же, будучи сплошь проникнута известью, превращается въ известко-гипсовый мергель, коего ровные, или волнистые и изогнутые, на большемъ же протяженіи постоянно горизонтальные и безпрестанно выклинивающіеся пласты перемѣжаются съ прослойками

гипса, также извивающимися и волнообразными, и прорѣзаются по всѣмъ направленіямъ гипсовыми прожилками. Порода гипса, замѣчаемая въ этихъ слояхъ и прожилкахъ, бо́льшею частію показываетъ волокнистое видоизмѣненіе минерала, бѣлаго или краснова́таго цвѣта; прослойки и жилы его обыкновенно вскорѣ выклиниваются, какъ и пласты гипсоваго мергеля, имѣя нѣсколько линій и до двухъ и трехъ дюймовъ въ поперечникѣ; вмѣсто жилковатаго гипса, въ горизонтальныхъ прослойкахъ, которые обыкновенно показываютъ болѣе значительную толщину, иногда встрѣчается мелкозернистый гипсъ; и наконецъ, нерѣдко, пласты мергеля въ цѣлой массѣ являются видимо проникнутыми зернистымъ гипсомъ и преисполненными гипсовыхъ гнѣздъ и сращеній, которыя, будучи обнажены въ поперечномъ разрѣзѣ вывѣтрѣлыхъ слоевъ мергеля, показываютъ видъ лежащихъ одинъ подлѣ другаго, сплюснутыхъ, округленныхъ гипсовыхъ галекъ. А потому и здѣсь снова углекислая и сѣрнокислая известь являются въ тѣснѣйшемъ взаимномъ соединеніи. Можно бы подумать, что количество сѣрной кислоты, потребное для образованія кристаллическаго гипса, было уже издержано въ нижнихъ каменныхъ слояхъ, гдѣ мы находимъ извѣстные намъ огромные пласты гипса, и что остатокъ этой кислоты не былъ достаточенъ для превращенія безпрестанно приносимой водами углекислой извести въ сѣрнокислую, а потому одна только часть оной подверглась превращенію, между тѣмъ какъ другая, не измѣняясь въ своемъ составѣ, дала осадокъ и вмѣстѣ съ первою образовала съ нею многоразличныя механическія смѣси. Предположеніе это, впрочемъ,

принадлежитъ къ области геологіи, которая, какъ поэзія геогнозіи, должна оставаться чуждою нашему прозаическому повѣствованію.

Мы продолжали плаваніе мимо низменныхъ, въ то время едва надъ поверхностью водъ возвышавшихся, поросшихъ ивникомъ острововъ, вдоль лѣваго берега рѣки. Вскорѣ, однакоже, рѣка съузилась и высокій скалистый обрывъ снова окаймилъ лѣвый берегъ, мимо котораго быстрое стремленіе воды затрудняло плаваніе на греблѣ противъ теченія, при чемъ еще болѣе задерживало насъ множество закинутыхъ здѣсь рыбацкихъ плетушекъ; ибо гребцы принуждены были безпрестанно вытаскивать ихъ изъ воды, чтобы освободить путь по окраинѣ берега; впрочемъ, они вознаграждали свои труды, считая себя въ полномъ правѣ забирать, попадавшуюся въ плетушкахъ рыбу; самый же снарядъ для улова снова добросовѣстно бросали въ воду, не желая, по ихъ отзыву, причинять убытка его владѣльцу.

Едва возвышаясь надъ поверхностью воды, кое-гдѣ выказывается знакомый намъ бѣлый кристаллическій гипсъ, съ его округленными утесами, составляя подножіе скалистаго берега, возвышающагося обрывомъ отъ 6 до 7 сажень надъ рѣкою. Въ нижнихъ слояхъ этого обнаженія видѣнъ красно-бурый, довольно мягкій, глинисто-гипсовый мергель, лежащій горизонтальными, хотя весьма волнообразными пластами, отъ 2 до 3 футовъ толщиною. Порода эта отчасти имѣетъ видъ кристаллическій, болѣе или менѣе мелко-или крупнозернистый, и послѣднее видоизмѣненіе, тамъ, гдѣ содержитъ менѣе глины, не рѣдко являетъ въ своемъ изломѣ свойственныя гипсу розовидныя группы двойни-

ковыхъ кристалловъ, или же эта порода показывается въ составѣ плотною, и чаще всего сланцеватою переходя въ тонкослоистое сложеніе; въ послѣднемъ видоизмѣненіи она обнаруживаетъ наклонность отдѣляться огромными, какъ бы **отпиленными** плитами, которыя, покоясь у подножія скалистаго берега, подвергаются разрушающему вліянію атмосферическихъ водъ, наболѣе по направленію пластинокъ сланца, почему самому эти плитовидные обломки, въ поперечномъ изломѣ пласта, часто представляютъ зубцы, на подобіе зубьевъ **гребня** или **пилы**; обстоятельство, которому безспорно обязано своимъ наименованіемъ лежащее на высотѣ скалистаго берега селеніе **Пильегоры**. Эта гипсовая порода, въ верхнихъ слояхъ обрыва, болѣе и болѣе перемѣшивается съ краснобурою глиною, при чемъ лишается своей твердости, дѣлаясь рыхлою, растирающеюся между пальцами. Та-же краснобурая глина, болѣе или менѣе свободная отъ примѣси гипса, является самостоятельно въ многочисленныхъ промежуточныхъ пластахъ, гнѣздахъ и толщевидныхъ массахъ, проникая всѣ ниже ея лежащія породы и протѣснясь между плоскостей ихъ сланцевъ, обусловливаетъ свойственный имъ родъ вывѣтриванія. Наконецъ, толстый верхній слой глины покрываетъ все протяженіе скалистаго берега. Жилковатый гипсъ, бѣлый или красноватый, заключается во всѣхъ этихъ мергеляхъ, тѣмъ изобильнѣе, чѣмъ мягче пласты и чѣмъ богаче ихъ содержаніе глиною; онъ является горизонтальными или волнистыми прослойками, до 3-хъ дюймовъ въ поперечникѣ, которые, впрочемъ постоянно выклиниваются; или же онъ проникаетъ формаціи, въ особенности

глинистые пласты и гнѣзда, въ безчисленныхъ тонкихъ прожилкахъ, отдѣляющихся по всѣмъ направленіямъ отъ горизонтальныхъ прослойковъ минерала. Такимъ образомъ, гипсъ и глина представляютъ составныя части, образующія берегъ: первый являясь самобытною породою въ нижнихъ, а вторая въ верхнихъ горизонтахъ; въ среднемъ же промежуточномъ пространствѣ, они встрѣчаются совокупно, то составляя механическую смѣсь, въ видѣ *глинисто-гипсоваго мергеля*, то каждое въ своемъ видѣ, какъ глинистые пласты. отдѣлившіе въ кристаллическомъ видѣ содержавшуюся въ нихъ сѣрнокислую известь въ прослойкахъ и прожилкахъ. Углекислая же известь, постоянно сопровождающая бѣлый, въ основаніи лежащій гипсъ въ видѣ *известково-гипсоваго мергеля*, не входитъ въ составъ этихъ *глинисто-гипсовыхъ мергелей*.

Берегъ возвышается крутыми и нависшими утесами, которые, будучи прорѣзаны глубокими разсѣлинами, образуютъ нерѣдко прекрасныя группы скалъ, которымъ, для живописнаго дѣйствія, недостаетъ только роскошной зелени лиственныхъ лѣсовъ. *Лиственница* уже исчезаетъ вмѣстѣ съ известнякомъ; *сосны* и *ели* покрываютъ лѣсистую страну. Но окраинѣ же глинистаго берега во множествѣ произрастаетъ *Tussilago Farfara*, растеніе, привѣтствующее первымъ цвѣтомъ сѣверную весну.

Мелкій дождь, при суровой осенней погодѣ, превратился въ снѣгъ, когда мы остановились въ селѣ **Ильегорахъ**, лежащемъ въ 16-ти верстахъ отъ Пинеги на высотѣ описаннаго лѣваго берега рѣки [1]). Зе-

1) Лѣтняя дорога отъ Пинеги до Ильегоръ пересѣкаетъ два рукава рѣки, и далѣе ведетъ по ея лѣвому берегу. До деревни Заго-

младѣліе здѣшняго края ограничивается посѣвомъ *ячменя* и *ржи*, вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ *конопли* и *льна*, хотя сѣмена всѣхъ этихъ нивороелей часто недозрѣваютъ, а ленъ не рѣдко замерзаетъ на корнѣ. Садятъ также немного *картофеля*, который, однако, на берегахъ Пинеги, весьма скудно вознаграждаетъ труды.

Мая 7-го, непріятно изумилъ насъ видъ зимы, которымъ окрестность облеклась въ теченіе ночи; снѣгъ падалъ безостановочно, и суровый СВ, «косматый дя-

---

рья, въ 8-и верстахъ отъ Пинеги, она пролегаетъ по песчаной почвѣ, не показывающей скалистаго обнаженія; отсюда, далѣе, господствуетъ красноБурый глинисто-гипсовый мергель. Путь безпрерывно тянется по сосновому лѣсу. На всемъ этомъ разстояніи замѣчанія достойными являются безчисленныя воронкообразныя углубленія, разсѣянныя по ровной поверхности земли, которыя придаютъ столь особенный видъ гипсовымъ почвамъ, и происходятъ отъ земляныхъ обрывовъ, ежегодно случающихся въ почвѣ здѣшняго края. Эти воронки обыкновенно имѣютъ отъ 1 до 3 саженей отвѣстной глубины и окрасны деровыми, болѣе или менѣе круто наклоненными стѣнками, нерѣдко на днѣ впадины заключая небольшой водоемъ. Туземцы особеннымъ словомъ означаютъ эти воронки, называя ихъ *муригами* (ед. *мурга*). Не далеко отъ Пильегоръ намъ показывали въ лѣсу двѣ такія воронки, находившіяся въ самомъ ихъ образованіи отъ бывшихъ незадолго до того земляныхъ обрывовъ. Одна изъ нихъ была впадина около 25-ти шаговъ въ окружности и 4-хъ саженей отвѣстной глубины, на днѣ которой видѣлась, въ краснобуромъ гипсовомъ мергелѣ, открытая разсѣлина, образовавшаяся, вѣроятно, чрезъ размытіе рыхлой глиняной толщи; покрывающій эту разсѣлину, около сажени толстый пластъ глинистопесчаной почвы въ одномъ мѣстѣ обрушился отъ своей собственной тяжести, отъ чего и произошла воронка, которой стѣнки и дно въ послѣдствіи зарастаютъ травою и засыпаются пескомъ, скрывая такимъ образомъ отъ глазъ пустоту открытой разсѣлины и образуя впадину правильнаго вида. Водоемы на днѣ этихъ воронокъ суть остатки наполнявшаго ихъ снѣга. Другая нами осмотрѣнная небольшая мурга показывала точно такое же образованіе.

дя», какъ называетъ его Архангельскій поселянинъ, продувалъ тѣло до костей. Мы плыли вдоль лѣваго берега рѣки, и, для избѣжанія стремительности теченія, по обыкновенію, старались отыскивать затопленныя низменности; не смотря на то, мы подвигались впередъ очень медленно, а въ полдень сдѣлали привалъ и развели огонь, около котораго утомленные мои гребцы отогрѣвались и варили себѣ обѣдъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ рыбъ, добытыхъ ими изъ рыбацкихъ плетушекъ. Это небреженіе чужой собственности впрочемъ отнюдь не должна бросать невыгодной тѣни на характеръ честныхъ обитателей Пинегскаго прибрежья; въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно назвать несправедливымъ то, что пловецъ, за трудъ — вытащить изъ воды 5 или 10 рыбацкихъ корзинъ, вынетъ нѣсколько найденныхъ въ нихъ рыбъ для своего обѣда; не менѣе несправедливымъ казалось бы и то, что трудное само по себѣ уже плаваніе по рѣкѣ, какъ по единственной проѣзжей весенней дорогѣ, еще болѣе затрудняютъ плетушками, что, впрочемъ, снова необходимо для насущнаго пропитанія прибрежныхъ жителей. Такимъ образомъ, здѣсь руководствуетъ обычаемъ молча заключенный договоръ, по которому плавателю уступается нѣкоторое количество рыбы, въ замѣнъ же отъ него требуется, чтобы онъ принялъ на себя трудъ, — вынутыя имъ корзины снова, по правилу, забросить въ воду.

Высокіе прекраснымъ *лиственничнымъ*, *сосновымъ* и *еловымъ* лѣсомъ увѣнчанные, утесистые берега рѣки вообще неизмѣнно удерживаютъ свое геогностическое свойство. Впрочемъ, бѣлая зернистая гипсовая порода,

служащая основаніемъ скалистому берегу, кажется, исчезаетъ въ глубинѣ, въ послѣдній разъ являясь на правомъ берегу рѣки, у деревни **Сахновой**. Здѣсь, мѣстами, покрытая краснобурымъ глинисто-гипсовымъ мергелемъ, она какъ-бы постепенно переходитъ въ сей послѣдній, принимая въ себя промежуточные мергелевые слои, которые кверху болѣе и болѣе учащаются и принимаютъ большіе размѣры въ толщину, пока наконецъ бѣлый гипсъ не исчезаетъ совершенно. Къ этимъ слоямъ глинисто-гипсовыхъ мергелей, перемежающимся съ зернистымъ гипсомъ, присоединяются еще прослойки волокнистаго гипса и известково-гипсоваго мергеля; этотъ послѣдній представляетъ здѣсь любопытное видоизмѣненіе, образуя породу, очень ясно показывающую механическую смѣсь сѣрнокислой извести съ углекислою, ибо красноватыя кристаллическія зерна гипса равномѣрно разсѣяны въ грунтовой массѣ сѣроватой, съ кислотами сильно вскипающей извести.

Мы употребили не менѣе двѣнадцати часовъ на проѣздъ разстоянія 27-ми верстъ, отъ Пильегоръ до слѣдующей станціи, **Усть-Почи**, при устьѣ рѣчки **Почи**, впадающейвъ Пинегу, и хотя оттуда безостановочно ѣхали далѣе, но всеже не ранѣе 3-хъ часовъ утра достигли станціи **Усть-Іожуги**, въ 24-хъ верстахъ отъ Усть-Почи. Древняя Усть-Іожуга находится на правомъ берегу Пинеги, при самомъ впаденіи въ нее рѣки Іожуги. Протекая доселѣ въ направленіи къ ССВ, рѣка Пинега встрѣчаетъ здѣсь лежащія къ сѣверу высоты, измѣняющія ея направленіе, и, описывая большую дугу, течетъ на ССЗ до города Пинега, гдѣ поворачиваетъ на ЗЮЗ и въ этомъ направленіи впадаетъ въ Двину. Рѣка **Іожуга**,

истекающая изъ такъ называемыхъ **Кулойскихъ** горъ и въ главномъ западномъ направленіи впадающая въ Пинегу, при весеннемъ полноводіи въ ширинѣ мало уступаетъ сей послѣдней. Известковые берега, поросшіе *лиственничнымъ*, *еловымъ* и *сосновымъ* лѣсомъ, окаймляютъ совпадающія рѣки въ мѣстѣ ихъ соединенія [1]).

При Усть-Іожуги начинается такъ называемая **Верхняя или Нисегорская Тайбола**, имя, означающее необитаемую полосу земли, на протяженіи около 100 верстъ, между долиною рѣки Пинеги, при Усть-Іожугѣ и теченіемъ рѣки Мезени, при селѣ **Кольнеписегорѣ**. **Верхнею** называется она въ противоположность **Нижней или Кулойской Тайболѣ**, означающей мало населенную полосу земли, по которой пролегаетъ зимняя дорога между городками Пинегомъ и Мезенью въ системѣ рѣки Кулоя, а также въ противоположность **Вожгорской Тайболѣ**, или необитаемой полосѣ, между селомъ **Вожгорой** на рѣкѣ Мезени и мѣсечкомъ **Усть-Цыльмою** на Печорѣ, гдѣ также идетъ зимняя дорога. Слово **Тайбола**, употребляемое въ Архангельской губерніи для означенія мало населенной или вовсе необитаемой полосы земли, чрезъ которую пролегаетъ какой либо путь сообщенія, чуждо Русскому языку и, по всему вѣроятію, должно быть причислено къ разряду мѣстныхъ

---

[1]) Красно-бурый гипсовый мергель остается господствующею породою на разстояніи отъ Пильегоръ до 15-ти верстъ выше Усть-Ночи, гдѣ онъ исчезаетъ; въ одной верстѣ отсюда, неподалеку отъ деревни Вальтёвой, берега рѣки образуетъ красный глинистый известнякъ, который, имѣя малую твердость, сильно расщепляется и составляетъ крутые, утесистые берега, покрытые красно-бурою глиною, въ которыхъ мы тщетно старались отыскивать окаменѣлости. Но у самой деревни

выраженій, перетедшихъ въ Архангельское парѣчіе изъ Финно-Чудскаго или нынѣшняго Зырянскаго языка.

Наконецъ мы покинули берега Пинеги и поплыли вверхъ по рѣкѣ Іожугѣ, гдѣ скалистое обнаженіе постепенно исчезаетъ и на низменномъ берегу только роскошный лѣсъ стройныхъ, высокихъ *лиственицъ* указываетъ на известковый слой, лежащій не глубоко подъ почвою. Проплывъ около 14-и верстъ, мы причалили къ

Вальтёвой, лежащей въ нѣкоторомъ разстояніи ниже Усть-Іожуги, при устьѣ впадающей справа въ Пинегу рѣчки Сѣбы, этотъ известнякъ лежитъ въ основаніи изобилующихъ окаменѣлостями пластовъ известняка Пермской формаціи, которые по правому берегу рѣки, крутымъ отвѣсомъ, имѣющимъ около 160 футовъ вышины, тянутся до Усть-Іожуги, гдѣ я подробнѣе извѣдалъ ихъ и приобрѣлъ значительное количество окаменѣлостей.

Нижніе пласты, покрывающіе красный известнякъ, составляетъ сѣрый, грубый въ изломѣ известнякъ, который, заключая во множествѣ разсѣянныя звѣнья *Энкринитовъ*, изобилуетъ кораллами и остатками двустворчатыхъ раковинъ, а также нерѣдко содержитъ въ себѣ гальки известняка еще древнѣйшаго образованія. Его органическіе остатки большею частію превосходно сохранены и раковины удержали свои естественныя оболочки. Кораллы принадлежатъ къ видамъ: *Stenopora crassa* Londsd., *Polypora biarmica* Keys. и *infundibuliformis* Goldf.; изъ двустворчатыхъ раковинъ особенно часто встрѣчаются *Spirifer Schrenkii* Keys., *Terebratula Royssiana* Keys. и *Productus Cancrini* Vern.: изъ отдѣленія же Гастероподовъ былъ замѣченъ только одинъ видъ *Euomphalus pentangulatus* Sow. *var.*

Надъ этимъ грубымъ известнякомъ мѣстами показывается менѣе толстый пластъ мергеля, состоящій исключительно изъ одного вида двустворчатыхъ раковинъ, *Productus hemisphaerium* Kutorga, и такимъ образомъ представляющій настоящую раковинную отмель, заселенную этими животными въ числѣ милліоновъ экземпляровъ, которыхъ оболочки весьма правильно лежатъ своими широкими плоскостями по направленію слоеванія и вполнѣ сохранили тончайшія подробности своего наружнаго

правому берегу рѣки, и отсюда я послалъ одного изъ гребцовъ къ слѣдующей станціи, **Кокорпой Избѣ**, отстоявшей 8-мь верстъ, внутрь страны, отъ мѣста нашего привала, съ приказаніемъ привести лошадей. Въ ожиданіи возвращенія посланнаго, люди мои развели свѣтлый огонекъ и, окруживъ его животворное пламя, завязали живой разговоръ. Одинъ изъ нихъ, которому когда-то привелось, на Архангельскомъ купеческомъ суднѣ, заѣхать въ Испанію, какъ человѣкъ бывалый, пустился въ росказни, и слушатели, смотря по обороту, какой при-

---

и внутренняго устройства. Подобныя раковинныя отмели образуетъ и *Productus Cancrini*, который, впрочемъ, еще обильнѣе вышепоименованнаго вида, распространенъ по цѣлой формаціи, отъ нижнихъ до самыхъ поверхностныхъ пластовъ.

Съ возвышеніемъ отъ нижнихъ слоевъ кверху, пласты содержатъ въ себѣ болѣе глины, и известняки уступаютъ свое мѣсто толстому наслоенію многоразлично между собою перемежающихся мергелей, то болѣе известковаго, то глинистаго свойства, и столь же часто переходящихъ въ чистую темносѣрую пластическую глину. Эти перемежающіеся слои глинистыхъ мергелей и известняковъ продолжаются до самой поверхности, гдѣ чистый известковой пластъ, заключающій *Productus Cancrini*, встрѣчается подъ наносною почвою.

Въ палеонтологическомъ отношеніи, мергелевые пласты представляютъ замѣтное умеьшеніе въ количествѣ экземпляровъ, въ особенности коралловъ, противъ заключающихся въ нижнихъ известковыхъ пластахъ, хотя въ нихъ встрѣчаются всѣ тѣ же виды, къ которымъ еще присоединяется довольно значительное число новыхъ, и такимъ образомъ большее многоразличіе органическихъ остатковъ, при меньшемъ количествѣ экземпляровъ, составляетъ отличительное свойство мергелевыхъ пластовъ. Эти, здѣсь только встрѣчающіеся виды, суть: *Cardiomorpha minuta* Keys., особенно очень распространенная, *Modiola simpla* Keys., *Osteodesma Kutorgana* Vern., *Terebratula elongata* Schloth. и *Geinitzian.* Vern., *Avicula speluncaria* Schloth. и *lorata* Keys. (?), одна *Natica*, одна *Conularia* n. sp., *Cytherina Pollux* Eichw. и др.

нимало его повѣствованіе, то безмолвно, разинувъ рты, внимали словамъ разскащика, то громко хохотали, когда краснобай подчивалъ ихъ какимъ либо забавнымъ похожденіемъ. «Остался бы я» — такъ заключилъ онъ наконецъ свой разсказъ — «въ Гишпанской славной землѣ, да лучше, подумалъ, зажить на нашей матушкѣ-Пинегѣ.»

Послѣ долгаго ожиданія, явились наконецъ сани, запряженныя парою лошадей, и я радъ былъ прекратить утомительную ѣзду водою. Проѣзжая дорога шла вдоль рѣчки Еюги, извивающейся справа, по холмистой странѣ, поросшей преимущественно хвойными лѣсами — *лиственницы*, *сосны* и *ели*, съ коими перемѣшиваются *березы*, *осины* и *ольховые* кустарники.

Наступила ночь, когда я доѣхалъ до станціи **Кокорной Избы**, отстоящей 22 версты отъ Усть-Іожуги, гдѣ я остановился для ночлега. Именемъ этой станціи означается ветхая хижина въ глухомъ лѣсу, которой единственные живые обитатели — два человѣка, съ двумя лошадьми, обязанные провозить путешественниковъ. Глубокая ночная тишина господствовала въ окрестной хвойной дебри, только вѣтеръ покачивалъ верхи высокихъ лиственницъ и свисталъ сквозь разбитыя окошницы хижины, вдувая хлопья снѣга въ горницу, гдѣ я, при тускломъ свѣтѣ горящей лучины, записывалъ мои замѣтки; вокругъ меня лежали, погруженные въ глубокій сонъ, обитатели хижины.

Дорога отъ Кокорной до **Колодливой Избы** (20 в.) тянется вдоль узкаго лѣснаго ручья, по имени **Карва**, образующаго, въ соединеніи съ ручьемъ **Воропомъ**, рѣчку **Колодливую**, чрезъ которую мы должны были пе-

рѣзжать на этомъ пути; означенная рѣчка, усиленная ручьями **Кыдыма** и **Чолусъ**, далѣе, въ низовьѣ своемъ, принимаетъ названіе **Мезенской Іожуги** и впадаетъ въ рѣку **Мезень**. Станція Колодливая Изба находится на берегу рѣчки Колодливой, которую и здѣсь уже многіе называютъ **Мезенскою Іожугою**.

Названія исчисленныхъ рѣкъ ясно доказываютъ чуждое, нерусское происхожденіе, въ чемъ легко согласится съ нами каждый, знающій хотя нѣсколько свойства русскаго языка. А потому эти имена вѣроятно наслѣдованы отъ народа, встрѣченнаго здѣсь Русскими при первомъ ихъ водвореніи въ этомъ краю, и это есть народъ, извѣстный въ исторіи тѣхъ странъ подъ названіемъ **Заволоцкой Чуди**, — туземцы, которые, по всѣмъ до насъ дошедшимъ объ нихъ извѣстіямъ, принадлежали къ многочисленному племени Финновъ. Многія названія мѣстностей, между ними особенно наименованія рѣкъ по всей Архангельской губерніи, несомнѣнно носятъ отпечатокъ Финскаго происхожденія. и потому мы попытаемся подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію преимущественно нѣкоторыя имена рѣкъ. Слово **Іожуга** на пр., природный Финнъ произноситъ **Іоссуга**; въ этомъ же послѣднемъ легко узнается слово **Іоссу-іогги**, которое по-эстонски, — а это нарѣчіе мы имѣемъ полное право употреблять для цѣли этимологическихъ выводовъ наровнѣ съ Финскимъ, ибо намъ не извѣстно, съ которымъ изъ этихъ языковъ было въ бо́льшемъ сродствѣ нарѣчіе древне-Чудское, — обозначаетъ **бѣгущую**, т. е. **быстро текущую** рѣку (отъ глагола іооста, бѣжать, и **іогги**, рѣка); наименованіе это вѣроятно указываетъ на часто встрѣчающіяся въ рѣкѣ **быстрины**; и

дѣйствительно, мы находимъ ихъ въ верхнемъ теченіи Іожуги на нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ воды ея съ сильнымъ стремленіемъ текуть по руслу, покрытому каменными валунами: эти быстрины дали рѣкѣ ея чудскофинское имя, переиначенное въ русское, очень близкое къ тому названіе. Иначе удивительнымъ должно бы показаться обстоятельство, что три здѣшнія рѣки одинакого наименованія всѣ образуютъ въ своемъ теченіи быстрины или пороги, гдѣ вода стремится по скалистымъ уступамъ или по руслу покрытому валунами, — явленіе, очень необыкновенное въ рѣкахъ, протекающихъ по ровной странѣ, бѣдной утесами; а именно: описываемый нами притокъ Пинеги, для отличія называемый **Пинежскою Іожугою**; потомъ, впадающая въ рѣку Мезень **Мезенская Іожуга**, пороги которой столь значительны, что плывущіе вверхъ по рѣкѣ плоты только съ большимъ трудомъ ихъ превозмогаютъ; и наконецъ, третья рѣка того же названія, составляющая притокъ Кулоя.

Вышеупомянутый ручей **Еюга**, на всемъ своемъ протяженіи извивающійся сквозь мрачные тѣнистые хвойные лѣса, вѣроятно, до поздней весны удерживаетъ ледяной покровъ въ своемъ глубоко врѣзанномъ руслѣ, когда всѣ окрестныя воды уже свободны отъ льда, — и вотъ причина, по которой ему дано имя **Еа-іогги**. т. е. **ледяная рѣчка**. — Труднѣе вывести происхожденіе названія **Пинеги**? во всякомъ случаѣ оно не русское, потому что на русскомъ для него нѣтъ значенія и, сверхъ того, оно имѣетъ характеристическое окончаніе, которое такъ часто встрѣчается въ именахъ рѣкъ Архангельской губерніи, на га, ѣга, уга, юга, (наприм. Палеига, Волонга. Пукшеига, Пинега, Онега, Индега, Чуега, Палуга, Рочуга,

Латтюга, Іожуга, Еюга, Урдюга, Немпюга, Мудьюга и ми. др.); это окончаніе есть не иное что, какъ сокращенное финское слово іогги или іокки, означающее рѣку, и по этой причинѣ на этихъ конечныхъ слогахъ нѣтъ ударенія, которое во всѣхъ 14-ти исчисленныхъ именахъ рѣкъ, — число ихъ, впрочемъ, можно значительно умножить, — за исключеніемъ единственнаго названія **Онеги**, всегда стоитъ на первомъ слогѣ, чего, какъ общаго отличія всѣхъ нерусскихъ наименованій мѣстностей въ Архангельской губерніи, было бы уже достаточно, чтобы приписать имъ финское происхожденіе. Что касается до нашей **Онеги**, то имя ея, быть можетъ, произошло отъ слова **Онитъ-іогги**, означающаго зубцовую рѣку и напоминающаго намъ русское названіе ея берега, на которомъ лежитъ селеніе **Онье-горы** (см. стр. 79). Такъ, въ Вологодской губерніи, имя рѣчки **Югъ**, впадающей въ **Сухону** и, въ соединеніи съ нею, образующей Двину, могло обозначать просто рѣчку, **іогги, іокки**, которая, сливаясь съ болѣе широкою главною рѣкою, въ сравненіи съ этою послѣднею была слишкомъ незначительна и потому не заслуживала особеннаго наименованія. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ разнообразно сокращаемомъ словѣ, столь распространенномъ въ конечныхъ слогахъ названій рѣкъ, скрывается финское названіе рѣки, и конечно никто впрѣ не согласится болѣе съ догадками **Татищева** и **Болтина**, которые, основываясь единственно на имени рѣки Юга, перемѣщаютъ въ тотъ край мѣста жительства древнихъ **Югровъ** и страну **Югрію**. Если, впрочемъ, нѣкоторое знакомство съ финскими языками соединить съ точнымъ познаніемъ мѣстностей, то вѣроятно окажется

возможность объяснить очень многія топографическія имена Архангельской губерніи, словопроизведеніе которыхъ нынѣ скрывается въ неизвѣстности; равнымъ образомъ, подобное изысканіе было бы въ состояніи открыть намъ нѣсколько остатковъ древняго Чудскаго языка, которые, даже и при скудномъ сборѣ, все таки были бы достаточны для доказательства того, что этотъ языкъ есть одно и то же финское нарѣчіе, сохранившееся понынѣ въ устахъ **Зырянъ.**

Отъ послѣдней станціи Колодливой Избы до **Чубласскаго Ручья** считается 16-ть верстъ, и на этомъ пространствѣ переѣзжаютъ границу Мезенскаго уѣзда, гдѣ тотчасъ сдѣлался ощутителенъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Къ приготовляемой для печенія мукѣ всюду примѣшивали, на треть и даже на половину, соломы, которую предварительно, дабы придать ей хрупкость, сушили въ печи, послѣ чего толкли въ деревянной ступкѣ и просѣвали чрезъ рѣшето. Спеченный изъ такой смѣси хлѣбъ былъ естественно тѣмъ менѣе питателенъ, чѣмъ болѣе содержалъ въ себѣ соломы; но увеличенный объемъ служилъ для наполненія желудка, привыкшаго къ употребленію пищи въ большомъ количествѣ. Сегодня, въ видѣ исключенія, ради праздника, ямщики на станціи спекли себѣ чистый, безъ примѣси соломы, ржаной хлѣбъ. Кромѣ того пара застрѣленныхъ куропатокъ составляла украшеніе стола. Впрочемъ замѣчаютъ, что и количество дичи значительно убавилось въ здѣшнемъ краю. Мезенскіе поселяне болѣе или менѣе всѣ порядочные стрѣлки; ямщикъ, везущій путешественника, рѣдко забываетъ взять съ собою свою винтовку и собаку и во время ѣзды, съ позволенія сѣдока, употребляетъ ихъ въ дѣло. Лай

собаки, которая сопровождаетъ сани, рыская по окрестному лѣсу, извѣщаетъ охотника, что дичь найдена; извозщикъ — стрѣлокъ скромно проситъ у сѣдока позволенія остановиться и, получивъ оное, отправляется въ лѣсъ, гдѣ, слѣдуя лаю собаки, отыскиваетъ и бьетъ дичь. Лѣса изобилуютъ *глухими тетеревами (Tetrao Urogallus, глухарь*, а въ здѣшнемъ краю: самецъ—*чухарь*, а самка—*пеструха)*, *тетеревами (Tetrao Tetrix*, по-русски тетерька, здѣсь: самецъ *косачь*, самка *маріуха* или *маракушка)*, *рябчиками (Tetrao Bonasia, рябъ, рябокъ)*, *куропатками (Lagopus albus, куропать)*. Эту дичину также ловятъ силками, разставляемыми у опушки хвойныхъ лѣсовъ, подъ мелкимъ кустарникомъ, гдѣ она отыскиваетъ себѣ пищу, и ямщикъ, проѣзжая мимо, не минуетъ осмотрѣть этихъ силковъ. Изъ четвероногихъ въ лѣсахъ живутъ *сѣверные олени*, *медвѣди*, *лисицы*, *россомахи*, *рѣчныя выдры*, *куницы*, *бѣлки* и изрѣдка *горностаи*. Волковъ же здѣсь вовсе не встрѣчается.

Отъ Чубласскаго Ручья проѣхали мы 20 в. до станціи **Залазной Рѣчки**, а отсюда, въ ночь, разстояніе 25 верстъ до села **Большенисегоры**, лежащаго на лѣвомъ берегу Мезени, гдѣ и кончается **Верхняя** или **Нисегорская** тайбола. Эта необитаемая полоса земли состоитъ изъ лѣсистыхъ равнинъ, покрытыхъ только изрѣдка невысокими холмами и перерѣзанныхъ множествомъ ручьевъ и рѣчекъ; каменныхъ породъ я не замѣчалъ, хотя онѣ встрѣчаются кое-гдѣ въ перерѣзахъ водъ. Таково свойство порубежной страны между притоками Ишеги и Кулоя съ одной и притоками Мезени съ другой стороны; въ дальнѣйшемъ ея сѣверномъ протяженіи, гдѣ

отдѣльные холмы и скалистыя обнаженія болѣе выказываютъ горную породу, она принимаетъ названіе **Кулойскихъ** горъ. — имя, въ болѣе обширномъ смыслѣ распространяемое и на самый означенный рубежъ водъ. Хвойные боры, которые здѣсь, не прерываясь тянутся на разстояніи 100 верстъ, состоятъ изъ высокихъ *елей*, *сосенъ* и *лиственицъ*, подъ защитою которыхъ и лиственные лѣса, *березы* и *осины*, преуспѣваютъ лучше нежели въ иномъ мѣстѣ здѣшняго края; среди этихъ лѣсовъ произрастаютъ *ольховникъ*, *черемуха и рябина*. Изъ кустарниковъ замѣтилъ я *жимолость* (Lonicera Pallasii), здѣсь называемую *кобылицею*, *красную* и *черную смородину*, первую подъ именемъ *кисслицы*, вторую — просто *смородины*. Впрочемъ 10 Мая, здѣсь не было еще примѣтно ни малѣйшаго слѣда пробужденія растительной природы. Упомянутыя четыре хижины, служащія станціями, гдѣ проѣзжающій можетъ получить одновременно пару лошадей, суть единственныя мѣста со временными обитателями, которые, по извѣстной очереди, прибываютъ сюда изъ деревень, лежащихъ по берегамъ Пинеги и Мезени, и исполняя возложенную на нихъ обязанность, около полугода проводятъ жизнь въ Тайболѣ.

Въ Большеписегорѣ и далѣе внизъ по Мезени голодъ былъ повсемѣстный и жестокій; употребляемый въ пищу хлѣбъ состоялъ изъ ячменной или ржаной муки, къ которой примѣшивалась, на $^2/_3$ или $^1/_4$ ея вѣса толченая солома. Нерѣдко также пекли хлѣбъ изъ зеренъ двухъ растеній семейства Крестовидныхъ, которыя, въ числѣ негодныхъ травъ, во множествѣ растутъ

между хлѣбами [1]) и пожинаются вмѣстѣ съ ними; ихъ молотятъ вмѣстѣ съ пустою стебельками погибшаго отъ мороза хлѣба, сушатъ и пекутъ хлѣбъ изъ нихъ однихъ, или съ небольшою примѣсью муки. Но такъ какъ приготовляемое изъ нихъ тѣсто не поднимается на опарѣ, то изъ него пекутся только плоскія хлѣбныя лепешки не пріятно-кисловатаго, нѣсколько ячменемъ отзывающагося вкуса и особеннаго запаха. Употребленіе этого хлѣба причиняетъ колотье въ желудкѣ; продолжительное же употребленіе столь вредной пищи изнуряетъ тѣлесныя силы. Кромѣ торицы, жалкимъ суррогатомъ хлѣбной муки, или примѣсью къ оной, служитъ еще— болотный мохъ (Sphabnum) и березовая кора. Въ цѣломъ уѣздѣ не имѣлось продажнаго зерноваго хлѣба, ибо и казенный магазинъ былъ опорожненъ; очень немногіе крестьяне случайно запасли только самое необходимое количество зерна для предстоявшаго засѣва. Предметы столь мало вознаграждающаго земледѣлія суть *ячмень* и *рожь*, которые уже нѣсколько лѣтъ сряду замерзали, что часто случается также съ *коноплею* и *льномъ*; не взирая на то, эти послѣдніе все еще возлѣлываются въ небольшомъ количествѣ. *Картофель* равномѣрно садятъ, хотя трава его очень часто замерзаетъ, а картофелины остаются чрезвычайно мелкими. Щедрѣе земледѣлія вознаграждаетъ труды охота за пернатою дичью, особенно за рябчиками, коихъ хорошій стрѣлокъ, при нѣкоторомъ прилежаніи,

---

1) Эти травы называютъ здѣсь *торицею*, и различаютъ ея два рода. Кажется, это сѣмена *Erysimum cheiranthoides Thlaspi arvense*.

въ одну зиму убиваетъ болѣе 100 паръ, сбывая эту добычу въ сосѣдственныхъ уѣздныхъ городкахъ, откуда ее развозятъ далѣе.

Сплавъ бревенъ составляетъ также одинъ изъ промысловъ заботливаго крестьянина, занимающій прибрежныхъ жителей Мезени и ея притоковъ **Пезы, Чуеги, Юромы, Вашки** и др., въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть годные лѣса. Потому я считаю неизлишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя подробности о томъ, какъ этотъ промыселъ производится въ Мезенскомъ краѣ.

Здѣсь предметъ лѣснаго сплава исключительно составляютъ лиственничныя бревна для казенныхъ верфей въ Архангельскѣ, ибо, при затруднительномъ водяномъ сообщеніи, доставленіе менѣе цѣннаго сосноваго лѣса не вознаграждаетъ хлопотъ. Здѣшніе крестьяне, какъ и въ Пинегскомъ уѣздѣ, предпринимаютъ доставку лѣса по письменнымъ условіямъ, заключаемымъ съ казною, отъ которой, для этой цѣли, по деревнямъ разсылаются чиновники. Вырубка совершается осенью и зимою, каждый поселянинъ срубаетъ въ ближайшихъ отъ него борахъ такое число бревенъ положенныхъ размѣровъ, какое онъ обязался выставить. Назначенныя для срубки деревья отчасти уже предварительно отмѣчаются чиновниками Архангельскаго адмиралтейства, которые обозрѣваютъ лѣса, осѣняющіе берега рѣкъ. Бревна опредѣленнаго размѣра, при поперечникѣ отъ 18 до 20 англ. дюймовъ, обыкновенно разнятся въ длинѣ между 32 и 38 футами; рѣдко встрѣчаются стволы, имѣющіе до 32 дюймовъ ($1\frac{1}{2}$ русск. аршина) въ поперечникѣ, и эти послѣдніе должны имѣть

въ длину, по крайней мѣрѣ, 24 фута; они обозначаются техническимъ названіемъ **брусьевъ.**

Срубленныя въ лѣсу бревна подвозятъ къ ближайшимъ водамъ отчасти на лошадяхъ, или, если снѣгъ глубокъ, а разстояніе слишкомъ велико, посредствомъ людей, и въ такомъ случаѣ, отъ 25 до до 30 человѣкъ соединяются для перевоза одного бревна. Весною тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, деревья соединяютъ въ плоты. Такой плотъ, называемый **поромомъ,** на Мезени, долженъ заключать въ себѣ около 100 бревенъ, скрѣпленныхъ между собою посредствомъ поперечныхъ шестовъ, еловыми и березовыми прутьями. Этотъ поромъ отправляютъ къ устью **Мезенской Іожуги,** гдѣ должно вести его вверхъ по теченію, а для этой цѣли его разнимаютъ и дѣлятъ на мѣньшіе плоты, каждый въ 25 или 40 бревенъ, при чемъ сообразуются съ числомъ работниковъ и толщиною стволовъ, полагая числомъ немного болѣе двухъ на человѣка. Плотамъ, плывущимъ вверхъ по Іожугѣ, даютъ видъ спереди заостренный, помѣщая самыя длинныя деревья въ срединѣ пласта; на этомъ пластѣ связанныхъ бревенъ (**плитѣ**) ставятъ, въ видѣ **мачты,** молодую съ корнемъ вырубленную ель въ двѣ сажени вышиною и около $2\frac{1}{2}$ или 3 вершковъ въ поперечникѣ; на вершинѣ этой мачты прикрѣпляется **бичева,** посредствомъ которой бугсируютъ плотъ вверхъ по рѣкѣ; это совершается соединенными силами 20-ти или 30-ти работниковъ, изъ которыхъ каждый, посредствомъ широкаго кожанаго ремня (**лямки**), обнимающаго плечи, тянетъ за общую веревку, между тѣмъ какъ 2 или 3 человѣка, стоя на плотѣ, даютъ ему должное направленіе, длинными шестами упираясь въ дно рѣки. Рѣка Іожуга

образуетъ въ теченіи своемъ значительные пороги, гдѣ она стремительно несется по скалистымъ уступамъ и валунамъ, и здѣсь плоты поднимаются противъ теченія только съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Иногда случается, что стремительность теченія на высотѣ пороговъ превозмогаетъ силы работниковъ, и плотъ, поворачиваясь передиею частью назадъ, безостановочно уносится быстриною и ниже порога разбивается о берега —неудача, при которой иной работникъ, не успѣвающій сбросить съ плечъ лямку, увлекается бичевою въ воду и лишается жизни. Люди, находящіеся на плоту, проворно бросаются въ лодку, всегда сопровождающую плотъ, и ниже порога перехватываютъ въ связи оставшуюся его часть, укрѣпляя ее у берега, между тѣмъ какъ другіе работники отправляются къ изгибамъ рѣки, гдѣ собираютъ остальныя разсѣянныя бревна, послѣ чего снова скрѣпляютъ плотъ по прежнему и съ новыми силами, но съ бо̀льшею осторожностью, начинаютъ бугсировать его вверхъ по рѣкѣ; или же дѣлятъ его еще на мѐньшія части и такимъ образомъ перетаскиваютъ черезъ порогъ, выше котораго отдѣльныя части снова соединяются въ цѣлое. Такимъ образомъ плотъ бугсируется до мѣста, находящагося въ 7-ми или 8-ми верстахъ выше **Колодливой Избы**, гдѣ его разнимаютъ и бревна вытаскиваютъ на берегъ, а отсюда, сухимъ путемъ на ло̀шадяхъ, по величинѣ бревна и по состоянію дороги, впрягая подъ каждое бревно отъ 6 до 12 лошадей, перевозятъ чрезъ 20 верстный волокъ, къ рѣчкѣ **Еюги**, гдѣ, по наступающему въ это время мелководію, дѣлающему невозможнымъ дальнѣйшее отправленіе лѣса по рѣкамъ, бревна

оставляются до весны слѣдующаго года. Тогда, во время полноводья, бревна отдѣльно сплавляются внизъ по рѣчкѣ Еюги до **Пинегской Ижуги**, гдѣ ихъ снова соединяютъ въ плоты и отсюда, по легкому водяному пути, **Пинегою** и **Двиною**, доставляютъ въ **Архангельскъ**.

Такъ какъ сплавъ лѣса означеннымъ путемъ представляетъ такъ много затрудненій, то крестьяне съ 1829 г. старались проложить другую дорогу. Для этого поромъ спускаютъ внизъ по рѣкѣ Мезени, до впаденія въ нее слѣва рѣчки **Каменки**, верстахъ въ 3-хъ ниже города Мезени, гдѣ, дождавшись благопріятной погоды, поромъ проводятъ, вдоль морскаго берега, къ устью рѣки Кулоя. Чтобы проплыть это разстояніе, поромъ разнимаютъ и дѣлятъ на меньшія части, заключающія въ себѣ отъ 25 до 40 бревенъ, которымъ даютъ четырехсторонюю фигуру, не выставляя на нихъ мачты. Дождавшись безвѣтрія или попутнаго вѣтра, эти плоты, при наступившемъ морскомъ отливѣ, спускаютъ внизъ по рѣкѣ, огибаютъ мысъ **Толстой** и, къ Западу отъ него, выходятъ въ море, гдѣ каждый отдѣльный плотъ буксируютъ вдоль берега посредствомъ карбаса, на которомъ находятся 6 дюжихъ гребцовъ; при попутномъ-же вѣтрѣ выставляютъ паруса. Такимъ образомъ достигаютъ рѣчки **Ольховки**, у мыса **Маслянаго** [1]). Здѣсь, во время отлива и прибывающаго прилива, дѣлаютъ роз-

---

1) Мысъ Толстой носъ есть широкій уголъ материка, образуемый лѣвымъ берегомъ рѣки Мезени и морскимъ берегомъ, примыкающимъ къ нему около 10 верстъ ниже: онъ находится почти на одной высотѣ съ деревнею Семжею, на противолежащемъ Канискомъ бе-

дыхъ, ожидая слѣдующаго полнаго прилива, перѣдко однако пагубнаго для судоходцевъ, ибо вмѣстѣ съ нимъ наступаетъ иногда сильный морской вѣтеръ, который гонитъ плоты на утесистый берегъ, гдѣ они крушатся и бревна разбрасываются по берегу, между тѣмъ какъ карбасы подвергаются величайшей опасности быть разбитыми о подводные камни, такъ-что судоходцы могутъ почитать себя счастливыми, если бѣда застигнетъ ихъ на мѣстѣ становища при **Ольховкѣ**, или вблизи устьевъ рѣкъ **Ваповки** или **Карговки**, гдѣ, въ случаѣ нужды, есть возможность спасти жизнь на берегу; во всякомъ же другомъ мѣстѣ имъ предстоитъ неминуемая гибель, ибо высокіе береговые утесы, о которые разбивается легкое судно, высятся на всемъ протяженіи каменною плотиною, кромѣ означенныхъ точекъ, нигдѣ не представляя возможности подняться. Если пловцы счастливо избѣгли опасности, то они ждутъ отлива и тотчасъ начинаютъ поиски, чтобы собрать разсѣянный по окраинѣ берега лѣсъ; если же изъ числа бревенъ нѣкоторыхъ не достаетъ, то промышленники, коли тому не препятствуетъ сильный вѣтеръ, отправляются на лодкѣ вдоль берега для окончательнаго отысканія потери, ибо море не уноситъ отъ берега ни одного бревна, и до тѣхъ поръ не успокаиваются, пока не перехватятъ послѣдняго въ недостаткѣ считающагося ствола. Плоты снова послѣ того скрѣпляютъ, ждутъ снова безвѣтрія или попутнаго

регу. Карговской носъ есть мысъ, выдающійся въ море на правомъ берегу, при впаденіи рѣки Кулоя. Между ними лежитъ мысъ Масляной. Слѣва, или къ Западу отъ послѣдняго, вливается рѣчка Ваповка, а далѣе, къ мысу Карговскому, рѣчка Карговка. Справа отъ мыса Маслянаго, между нимъ и Толстымъ носомъ, находится устье рѣчки Ольховки.

вѣтра и вторично пускаются въ путь. Берегъ, простираю-щійся между мысами **Масляпымъ** и **Карговскимъ**, во всякое время грозитъ опасностью мореходцу, даже когда онъ плыветъ въ порожнемъ карбасѣ, ибо здѣсь, отъ подножія высокихъ, крутыхъ береговыхъ обрывовъ (**угоръ**), на разстояніи около 200 саженей, простирается въ море въ видѣ уступа, сплошной рифъ съ горизонтальною поверхностью (**луда**); этотъ рифъ во время полнаго прилива совершенно покрывается водою, во время же отлива на сажень въ вышину выдается надъ уровнемъ воды отвѣсными, по большей части неприступными обрывами; случай, легкій порывъ вѣтра съ моря, неминуемо приганяетъ легкое судно къ этому рифу и разбиваетъ его. Если же идетъ благополучно, то при полномъ и убывающемъ приливѣ огибаютъ мысъ **Масляной** и, мимо мыса **Карговскаго**, входятъ въ устье **Кулоя**, гдѣ ближайшій приливъ подвигаетъ плоты на 30 верстъ вверхъ по рѣкѣ, до селенія **Долгощельскаго**, на правомъ берегу **Кулоя**; здѣсь дѣлается роздыхъ, въ ожиданіи вновь наступающаго прилива, который несетъ [1]) плоты еще

---

1) Сколь сильно здѣсь стремленіе морскаго прилива, можно судить потому, что оно въ состояніи поднимать еще лѣсные сплавы на 70 верстъ, вверхъ по рѣкѣ К у л о ю; дѣйствіе же его простирается еще на 30 верстъ далѣе, до селенія К а р ь е п о л ь с к а г о и такимъ образомъ ощутительно на растояніи почти 100 верстъ отъ устья рѣки, возвышая здѣсь еще на $^1/_4$ аршина уровень рѣчной воды. Въ рѣкѣ Мезени приливъ и отливъ близъ города еще правильно перемежаются между собою, возвышеніе же прилива ощутительно еще гораздо далѣе вверхъ по рѣкѣ. Академикъ Л е п е х и н ъ, проѣхавшій по Кулою, до селенія Долгощельскаго, замѣчаетъ, что морскимъ приливомъ, на 60 верстъ вверхъ по рѣкѣ, выбрасываются на рѣчные берега морскія травы и зоофиты, и многіе наводняемые луга засыпаются морскимъ пескомъ. *Лепехина* Дневн. записки, т. IV стран. 103.

40 верстъ вверхъ по рѣкѣ, до небольшаго длиннаго рѣчнаго залива, называемаго **Курьею**, гдѣ плоты перевязываютъ (**перепорамливаютъ**), давая имъ видъ описанныхъ выше при плаваніи по Іожугѣ, послѣ чего бугсируютъ ихъ на бичевѣ вверхъ по рѣкѣ Кулою, до волока при деревнѣ **Кулогорахъ**. Здѣсь, еще въ то же лѣто, плоты разнимаютъ и отдѣльныя бревна подвозятъ на лошадяхъ или съ помощію людей къ рѣкѣ **Пинегѣ**, гдѣ они оставляются для сплава въ **Архангельскъ** до слѣдующей весны.

Препятствія, представляющіяся сплаву лѣсовъ послѣднимъ описаннымъ путемъ, столь многоразличны, что очень рѣдко удается доставить ихъ въ одно лѣто къ Пинегѣ; потому они обыкновенно оставляются на зиму ниже Пинегскаго волока, и уже слѣдующею весною ихъ спускаютъ въ Пинегу по особенному, весеннему водному сообщенію **Бѣлой съ Пинегою**, посредствомъ **Полоя** [1]). Эти препятствія представляются во первыхъ въ томъ случаѣ, если промышленники, доставляющіе лѣсъ, подвозятъ плоты къ Каменкѣ только позднею весною, что̀ легко случается, когда, въ безводные годы, при спускѣ по рѣкѣ Мезени, въ слѣдствіе ея мелководія, плоты садятся на мель или же бурями наносятся на о̀тмели, во множествѣ покрывающія ея фарватеръ, при чемъ теряется много времени. Кромѣ того продолжительные морскіе вѣтры могутъ слишкомъ долго замедлить выходъ изъ Каменки; наконецъ, различныя

1) Это странное, только во время весенняго полноводья существующее естественное, водное сообщеніе между двумя рѣками, текущими въ противуположныхъ направленіяхъ, въ послѣдствіи будетъ точнѣе объяснено.

бѣдственныя приключенія при морскомъ плаваніи могутъ похитить много времени, или даже повести за собою совершенную неудачу.

Вотъ что мы хотѣли сказать о промыслѣ лѣснаго сплава. Въ Большенисегорѣ я нанялъ большую лодку съ двумя гребцами, которые взялись довезти меня, внизъ по Мезени, до городка, ибо и здѣсь большая дорога на правомъ берегу рѣки была непроходима. Быстро и весело плыли мы внизъ по теченію, и мои гребцы, съ виду отважные промышленники, только не задолго воротившіеся съ тюленьяго, въ настоящую весну удачнаго промысла въ Мезенской губѣ, сократили мнѣ время разсказами о похожденіяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергаются участвующіе въ этихъ удивительныхъ предпріятіяхъ.

До города и далѣе, до самаго устья своего, рѣка удерживаетъ постоянно однообразный видъ, разливаясь широкимъ протокомъ, котораго русло однакоже не глубоко и усѣяно множествомъ низменныхъ, ивовыми и ольховыми кустарниками поросшихъ острововъ, а лѣтомъ, сверхъ того, безчисленными песчаными отмелями, которыя въ это время года дѣлаютъ совершенно невозможнымъ плаваніе по рѣкѣ для судовъ большаго размѣра. Берега Мезени сплошь каменисты, часто возвышаются крутыми обрывами, и каменная порода, ихъ составляющая, до самаго городка удерживаетъ весьма однообразное свойство. Это есть плотный красный известнякъ, горизонтально напластованный въ слояхъ различной толщины, довольно мягкій, и потому легко разрушающійся въ плитообразные и неправильные куски и въ мелкую россыпь, покрывающую обрывы утесовъ

вездѣ, гдѣ они не слишкомъ круты. Мѣстами, въ нѣсколькихъ послѣдующихъ пластахъ, или въ неправильно ограниченныхъ массахъ, порода измѣняетъ господствующій свой красный цвѣтъ въ сѣрый, не претерпѣвая, впрочемъ, другаго измѣненія въ своихъ свойствахъ. Не взирая на всѣ свои поиски, я не могъ открыть въ ней окаменѣлостей. Высокіе хвойные лѣса покрываютъ утесистый берегъ, далѣе на сѣверъ однако приближаясь къ городу, постепенно тощаютъ, пока *лиственница* совершенно исчезаетъ изъ среды ихъ, хотя сѣверная граница этого дерева, какъ мы въ этомъ въ послѣдствіи убѣдимся, встрѣчается еще далѣе къ Сѣверу.

У села **Азополя**, лежащаго верстахъ въ 60-ти выше города, на правомъ берегу рѣки, сдѣлали мы привалъ для обѣда. Земледѣліе здѣсь все болѣе и болѣе дѣлается неудачнымъ. Во время семинедѣльнаго, великаго поста предъ Пасхой, поселяне не употребляли въ пищу ни молока своихъ коровъ, ни дичи, равномѣрно и два положенные еженедѣльно постные дня, они питаются однимъ хлѣбомъ; даже маленькимъ дѣтямъ чрезвычайно рѣдко и неохотно допускается изъятіе изъ церковныхъ правилъ. Въ этомъ строгомъ соблюденіи церковнаго ученія я усматриваю правдивый нравъ и сильную волю, которые въ Русскомъ еще неизмѣнно сохранили первобытный типъ Славянскаго племени, какъ его описываетъ лѣтописецъ Несторъ.

Для ночлега мы остановились въ деревнѣ **Жуковой Горѣ**, расположенной въ 43 верстахъ выше

Мезени, на правомъ берегу рѣки, гдѣ находилась и почтовая станція. Извѣстія о здѣшнемъ земледѣліи были почти тѣже самыя, какъ и въ Нисегорѣ. Опыты воздѣлыванія *картофеля*, произведенные здѣсь, равно какъ и при Азополѣ, доказали, что трава почти ежегодно замерзала, а картофелины, если не подвергались той же участи, всегда оставались очень мелки.

Шесть дѣтей съ любопытствомъ поглазѣвъ на чуждаго гостя, усѣлись вокругъ чаши съ кореньями, вырытыми ими въ полѣ, и съ удовольствіемъ, сбирались ими насладиться: то были шишковатые коренья *Chaerophyllum bulbosum*, которые въ здѣшнемъ краю по сладковатому своему вкусу, часто составляютъ любимое лакомство. — Страданіе икотой здѣсь повсемѣстно распространено.

Въ 2 часа по полуночи, 11 Мая, мы снова сѣли въ лодку, для продолженія нашей поѣздки внизъ по рѣкѣ, а чрезъ нѣсколько часовъ проѣхали мимо села **Лампожни**, которое будучи расположено на южной окопечности узкаго, на нѣсколько верстъ до города простирающагося, низменнаго острова, осталось справа позади насъ. Здѣсь впервые, насъ поразилъ видъ двухъ самоѣдскихъ шалашей. Законченная поверхность и множество покрывающихъ ихъ заплатъ обличали бѣдность ихъ обитателей, которые вмѣстѣ съ утратою своихъ оленей, покинули сладостную кочевую жизнь и здѣсь, вблизи деревень, избрали свое постоянное мѣстопребываніе въ скудномъ жилищѣ, гдѣ они исправляютъ небольшія работы, или же, по бо́льшей части, существуютъ благотворительностію сель-

скихъ обывателей. Два совершенно подобныхъ шалаша находились на противоположномъ правомъ берегу рѣки, у деревни **Курьи.**

Около 8-ми часовъ утра, въ отдаленіи почти 5-ти верстъ, увидѣли мы деревянныя колокольни и домы города **Мезени**, но въ тоже время примѣтили на горизонтѣ узкую, свѣтлую полосу, оказавшуюся, при нашемъ къ ней приближеніи, непроницаемою массою льдинъ, которыя, сплотившись, совершенно заграждали намъ путь, обстоятельство, тѣмъ болѣе поразительное, что до сихъ поръ мы плыли по рѣкѣ вполнѣ свободной ото льда; здѣсь не оставалось выбора: мы должны были пуститься въ обратный путь, въ намѣреніи, быть можетъ, близъ Курьи выйдти на берегъ и оттуда на лошадяхъ доѣхать до города. И такъ мы плыли съ чрезвычайнымъ усиліемъ на греблѣ противъ теченія до Лампожни, и далѣе до Курьи, а наконецъ и здѣсь также не могли причалить, потому что толстый ледъ обложилъ берегъ и наполнилъ всѣ его изгибы. Въ досадѣ на неудачу, гребцы мои снова принялись за весла, подвигаясь еще далѣе вверхъ по рѣкѣ, къ станціи **Заозерью**; однако-же замѣтно было, что количество льда болѣе и болѣе увеличивалось, пока наконецъ онъ насъ совершенно не окружилъ; по всему вѣроятію, этотъ ледъ запружалъ рѣку Пезу и, освободясь отъ ея напора, тянулся теперь сплошною массою по главному протоку. При этихъ обстоятельствахъ нельзя было думать о дальнѣйшемъ плаваніи впередъ, и мы должны были только заботиться, чтобы нашу скорлупу не раздавило льдами, а потому мы съ осторожностію изворачивались между льдинами, доколѣ наше судно не об-

рѣло гавани и вѣрнѣйшей защиты отъ напиравшаго льда за огромной ледяною массою, укрѣпившеюся на отмели и легко устранявшею собою льдины, по обѣ стороны тянувшіяся мимо насъ. Въ этомъ положеніи провели мы около трехъ часовъ времени, покамѣсть ледъ не сталъ рѣдѣть и, наконецъ, между льдинами не оказался свободный проѣздъ. Такимъ образомъ, у Заозерья вышли мы на берегъ, гдѣ я тотчасъ взялъ почтовыхъ лошадей и поспѣшилъ въ Мезень.

Земледѣліе у Заозерья почти исключительно ограничивается посѣвомъ небольшаго количества *ячменя*; опыты засѣва *ржи* производили въ жатву чаще пустую солому, нежели зрѣлый хлѣбъ. Кромѣ того воздѣлываютъ немного *конопли; льна* болѣе не разводятъ, и потому самая сѣверная граница его произрастанія въ здѣшнемъ краю не переходитъ параллели $65^1/_2{}^\circ$ шир.

Дорога идетъ близъ рѣки, мѣстами открывающейся взору, по песчаной низменности, чрезъ тощій *сосновый* и *еловый* лѣсъ, который уже нерѣдко обнаруживаетъ на себѣ вліяніе отдаленнаго сѣвера въ уродливомъ ростѣ деревъ. *Осина* являлась здѣсь тонкимъ, жалкимъ деревцомъ, много 2-хъ или 3-хъ саженей въ вышину, но, впрочемъ, не изуродованнаго вида; на сѣверъ отъ Мезени это дерево болѣе не встрѣчается и слѣдовательно около $65^3/_4{}^\circ$ шир. достигаетъ самой сѣверной границы своего произрастанія. Наконецъ, ближе къ городку, почва поросла только тощими *березами* и *соснами*, между коими стелятся *ерникъ (Betula nana)*, *Andromeda calyculata*, *обыкновенный багульникъ*, *Empetrum nigrum* и *Calluna vulgaris*. Но даже этотъ жалкій лѣсъ совершенно исче

заетъ версты двѣ не доѣзжая до городка, и здѣсь, хотя еще въ значительномъ разстояніи отъ сѣвернаго предѣла лѣсовъ, васъ окружаетъ уже открытая тундра, въ самомъ точномъ значеніи слова, которая впрочемъ еще лелѣетъ кое-какія растенія, не встрѣчаемыя въ открытыхъ тундрахъ, лежащихъ за границею лѣсовъ.

Наконецъ, въ 7 часовъ вечера я доѣхалъ до городка, отъ коего за полсутки тому назадъ уже находился въ столь близкомъ разстояніи, и занялъ квартиру у одного изъ достаточныхъ здѣшнихъ гражданъ **Василія Попова**, который, по старинному обычаю тотчасъ велѣлъ истопить для гостя баню и усадилъ меня за сытный ужинъ.

IV.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МЕЗЕНИ.

По прибытіи въ городокъ, я посѣтилъ капитана-исправника Мезенскаго уѣзда, г. **Попова**, и, къ моему удовольствію, узналъ, что онъ уже получилъ отъ г. Архангельскаго Гражданскаго Губернатора предписаніе относительно моего путешествія, а съ своей стороны, г. Поповъ обѣщалъ мнѣ самую дѣятельную помощь. Отъ здѣшнихъ жителей, часто посѣщающихъ тундры Малой и Канинской земли и находящихся постоянно въ разныхъ сношеніяхъ съ ихъ обитателями, а потому подробно знающихъ тамошній край, я, по возможности, старался собрать свѣдѣнія о страпахъ, которыя намѣревался объѣхать, и о средствахъ къ проѣзду по сѣвернымъ тундрамъ, дабы, сообразно съ тѣмъ, устроить мои предначертанія. Я первоначально располагалъ изъ **Мезени** отправиться чрезъ тундры въ **Пустозерскъ**, но какъ оленные Самоѣды только во время зимы живутъ въ сосѣдствѣ Мезени, въ настоящее же время всѣ уже удалились на сѣверъ: то я принужденъ былъ измѣнить свой планъ, предполагая достигнуть болѣе отдаленныхъ селеній на берегахъ Печоры лѣтнимъ путемъ, пролегающимъ водою по притокамъ Мезени и Печоры.

Эта перемѣна маршрута казалась мнѣ тѣмъ выгоднѣе, что по той сѣверной дорогѣ, гдѣ, сверхъ того, въ настоящее время года, нельзя было ожидать никакой добычи въ растеніяхъ, я надѣялся проѣхать на возвратномъ пути моемъ осенью. Сообразно тому, я далъ порученіе купить лодку, которая должна была ожидать меня при устьѣ Пезы, и нанять гребцовъ, для проѣзда по рѣкамъ, до **Устьцыльмы**, на **Печорѣ**. Между тѣмъ въ Мезени я закупилъ нѣкоторыя для путешествія необходимыя вещи; запасъ корабельныхъ сухарей былъ самымъ важнымъ предметомъ въ этомъ безлюдномъ краю; безъ чая и сахара привыкшій къ этимъ предметамъ житель сѣвера также почти не можетъ обойтись; какъ самое удобное одѣяніе для путешествія на сѣверѣ, купилъ я самоѣдскую малицу или мѣховую рубаху, которая въ послѣдствіи оказалась необходимою; наконецъ, для раздачи, въ видѣ уплаты за оказанныя услуги, какъ и для подарковъ Самоѣдамъ, были куплены разные предметы, на примѣръ порохъ и свинецъ, огнива, толстое сукно различныхъ яркихъ цвѣтовъ, особенно краснаго, мѣдныя пуговицы, курительный, нюхательный табакъ и тому подобное. Англійскія же удочки, для той же цѣли пріобрѣтенныя мною въ Архангельскѣ, оказались въ послѣдствіи совершенно непримѣнимыми, ибо искусство ловить рыбу удою даже и по преданію было вполнѣ неизвѣстно Самоѣдамъ.

Разставаясь съ Мезенью, я считаю неизлишнимъ присовокупить нѣкоторыя замѣчанія о городкѣ и его окрестностяхъ. Городъ Мезень расположенъ на равнинѣ, пересѣченной двумя протоками, на высокомъ правомъ берегу одного рукава рѣки Мезени, въ 40-ка верстахъ

выше изліянія этой рѣки въ Мезенскій заливъ Бѣлаго моря. Разстояніе его отъ Архангельска, если ѣхать чрезъ **Нисегорскую Тайболу**, по коей, впрочемъ, ѣздятъ только лѣтомъ, 504 версты; по прямому же зимнему пути чрезъ **Кулойскій Посадъ**, гдѣ давно уже опредѣлено было проложить почтовый трактъ, который однакожъ, по причинѣ лѣсныхъ болотъ, досель еще остается не проѣзжаемымъ, считается не болѣе 376 верстъ. Послѣдній путь также описываетъ еще значительную околицу, такъ какъ на картѣ разстояніе между обоими городами, по прямой линіи, пересѣкающей лѣсистую и болотистую, непроѣзжаемую страну, заключаетъ всего около 200 верстъ. Подъ настоящимъ своимъ именемъ городъ существуетъ съ 1775 года, вслѣдствіе соединенія въ одно названіе двухъ мѣстечекъ или слободъ, **Окладниковой** и **Кузнецовой**, изъ коихъ первая южнѣе, по картѣ Бѣлаго Моря Капитана Рейнеке, лежитъ подъ 65° 50' и 30'' шир. и 44° 17' вост. долг. отъ Гринв. меридіана, въ окружности болѣе послѣдней, и составляетъ главную часть города; а Кузнецова слобода находится около 1½ верстъ отъ первой, внизъ по теченію рѣки.

Число жителей, коихъ считается до 500 душъ муж. и 650 жен. пола, составляютъ торгующіе мѣщане и немногіе купцы. Болѣе обширная часть, слободка **Окладникова**, служитъ мѣстопребываніемъ городскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, почему здѣсь живутъ всѣ чиновники. Деревянные, болѣе или менѣе на одинъ покрой построенные домы, видомъ своимъ согласуются съ нависшими надъ ними сѣверными береговыми туманами, и однообразіе этихъ потускнѣвшихъ рядовъ строеній пре-

рывается только двумя церквами, которыя, находясь на открытомъ мѣстѣ, почти въ срединѣ слободы, выстроены изъ дерева, третья церковь находится внѣ города, при кладбищѣ, а четвертая въ сѣверной слободкѣ Кузнецовой.

Для воспитанія юношества въ Мезени учреждено низшее народное училище, гдѣ три учителя обучаютъ дѣтей обоего пола, грамотѣ, письму, закону Божію и ариѳметикѣ. Нѣбольшая, но сообразно цѣли избранная библіотека, находившаяся при училищѣ, могла дѣйствительно изумлять здѣсь, гдѣ можно было почитать себя за предѣлами просвѣщеннаго міра,

Морскіе промыслы, сопряженные съ торговлею произведеніями отдаленнаго сѣвера, рыбная ловля, скотоводство и разведеніе сѣверныхъ оленей, — вотъ источники, утверждающіе благосостояніе, большею частію замѣтное между Мезенскими горожанами. Для облегченія торговыхъ оборотовъ, учреждена ежегодная ярмарка, которой срокъ опредѣленъ отъ 6-го до 12-го числа Января, но которая обыкновенно продолжается отъ двухъ до трехъ недѣль. Впрочемъ Мезенская торговля пришла въ большой упадокъ, почему и эта ярмарка почти совершенно утратила свое значеніе. Во время процвѣтанія торговли, на Мезенскую ярмарку съѣзжались купцы изъ Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и съ Вашки, а привозимые съ собою товары, хлѣбъ, желѣзныя издѣлія, бумажныя и шелковыя матеріи, ситцы, сукно и другія мануфактурныя произведенія, преимущественно вымѣнивали на сало и кожу морскихъ звѣрей, на рыбу, особенно отличную соленую семгу, на перпатую дичь, гусиный, лебяжій и гагачій пухъ и перья, Колгуевскихъ

соленыхъ гусей, кожи, мясо сѣверныхъ оленей, масло и т. п. Упадокъ этой торговли, съ одной стороны, должно приписать тому, что морскіе промыслы и рыбная ловля въ Мезенскомъ краѣ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ значительно умепьшились, между тѣмъ какъ съ другой стороны, хлѣбъ, главнѣйшій ввозный предметъ торговли, въ болѣе южныхъ уѣздахъ, и въ Пинегскомъ и по верховьямъ Мезени, уже нѣсколько лѣтъ сряду не доставлялъ хорошихъ жатвъ, такъ что, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, оказался недостатокъ главныхъ предметовъ торговли въ мѣстахъ, которыя ихъ производили. А потому теперь на Мезенскую ярмарку пріѣзжаютъ только немногіе мелочные торговцы изъ Холмогоръ и Пинеги, сбывающіе здѣшнимъ горожанамъ только необходимые для жизненныхъ потребностей товары, какъ то: холстъ, сукно, ситцы, чаи, сахаръ и проч.

Одной изъ самыхъ доходныхъ отраслей здѣшней промышленности считаются морскіе промыслы на Зимнемъ и Канинскомъ берегахъ Бѣлаго Моря. Намѣреваясь посвятить отдѣльную главу описанію этихъ занимательныхъ предпріятій сѣвернаго прибрежья, я почитаю достаточнымъ здѣсь лишь бѣгло упомянуть объ нихъ.

Нѣкоторые изъ Мезенскихъ горожанъ на своихъ карбасахъ, небольшихъ морскихъ судахъ, ежегодно отправляются къ Лапландскимъ берегамъ и въ Норвегію, занимаясь тамъ уловомъ трески. Другіе направляютъ свой путь къ острову Колгуеву, гдѣ они въ теченіе лѣта ловятъ моржей и дельфиновъ въ Чешской губѣ, или рыбу въ устьяхъ рѣкъ, или же бьютъ гусей и собираютъ гагачій пухъ на поименованномъ островѣ. Всѣ сіи занятія однако болѣе и болѣе прекращаются, и

нынѣ весьма немногіе граждане владѣютъ собственными карбасами, между тѣмъ какъ въ старину предпріимчивые Мезенцы отправляли ежегодно въ большомъ количествѣ ладьи для моржеваго промысла на Новую Землю, гдѣ теперь едва ли кто-либо изъ нихъ появляется.

Множество луговъ и сѣнокосовъ по берегамъ рѣки и на низменныхъ ея островахъ, въ здѣшнемъ краю, такъ же, какъ на берегахъ Двины и Пинеги, благопріятствуютъ скотоводству; Мезенскій рогатый скотъ, подобно Холмогорскому, первопачально голландскаго происхожденія, и еще въ 1819 г. возобновленъ тремя парами фрижскаго скота; онъ немного уступаетъ въ добротѣ послѣднему и скупается Архангелогородскими и Холмогорскими торговцами, которые сбываютъ его въ Россіи подъ общимъ именемъ Холмогорскаго. Мезенскія лошади также хороши; хотя не велики ростомъ, но крѣпки и надежны. Овецъ содержатъ лишь въ небольшомъ количествѣ, для домашней потребности въ шерсти. Изъ домашнихъ животныхъ не было видно свиней, и я не помню, чтобы мнѣ случалось встрѣчать ихъ гдѣ либо въ Архангельской губерніи, сколько мнѣ она извѣстна, хотя **Молчановъ** о томъ упоминаетъ [1]).

Нѣкоторые изъ болѣе достаточныхъ Мезенцевъ занимаются разведеніемъ сѣверныхъ оленей въ сосѣдственныхъ самоѣдскихъ тундрахъ; впрочемъ, даже этотъ источникъ промышленности и обогащенія не такъ доходенъ нынѣ, сколько бывалъ прежде; причины же тому должно искать въ пагубной язвѣ, свирѣпствовавшей между сѣверными оленями съ 1831 по 1833 годъ, на протяженіи всей Малой Земли, почти до

1) *Молчановъ*, въ означ. соч. стран. 213.

самаго отдаленнаго сѣвера, и похитившей у владѣльцевъ бо́льшую часть ихъ стадъ. Съ другой стороны, новый уставъ для управленія Самоѣдовъ, получившій силу въ 1835 г. и своими мудрыми постановленіями доставившій благодѣтельное покровительство и защиту обитателямъ тундры, въ которыхъ они до сего времени нуждались, также нѣсколько ограничилъ для Русскихъ разведеніе оленей, по справедливости требуя отъ инозем-цевъ, уплаты самоѣдской общинѣ извѣстной ежегодной пошлины, такъ называемыхъ покопытныхъ денегъ, за стада, содержимыя на пастбищахъ, лежащихъ въ самоѣдскихъ владѣніяхъ [1]). Пошлина эта количественно не опредѣлена, а потому различна, смотря по соглашенію каждаго владѣльца съ самоѣдскими общинами тундръ Канинской и Малоземельной; обыкновенно же она простирается до 7 и много до 10 к., выплачиваемыхъ ежегодно за каждаго оленя. Въ настоящее время владѣлецъ стада отъ 700 до 1000 головъ считается уже богатымъ оленеводомъ, тогда какъ прежде эти люди обладали втрое бо́льшимъ числомъ оленей. Впрочемъ, добросовѣстные горожане признаются въ томъ, что оленеводство въ тундрѣ, не взирая на всѣ въ новѣйшее время ограничивающія его обстоятельства, все еще доставляетъ немаловажныя выгоды.

Величественная рѣка, омывающая городъ, раздѣляется на три рукава, образуя два острова, изъ коихъ одинъ, упомянутый нами выше, **Ламиженскій**, а другой, на западъ отъ него лежащій. Хотя городъ от-

---

1) Уставъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

стоитъ на 40 верстъ отъ впаденія рѣки въ Мезенскій заливъ, не смотря на то, здѣсь замѣчаются необычайно и притомъ весьма правильно перемежающіеся приливъ и отливъ; по всѣмъ собраннымъ мною извѣстіямъ, разность въ поверхности при отливѣ приливѣ простирается отъ 2 до 3 сажепей отвѣстной высоты,—показаніе, казавшееся мнѣ преувеличеннымъ, и которое я, по этому, располагался отнести на счетъ ошибочнаго наблюденія на неотвѣсныхъ плоскостяхъ, которое, однакоже, было подтверждаемо столькими доводами, что, хотя я и не производилъ собственныхъ по этому предмету, наблюденій, однакоже въ справедливости онаго нисколько не сомнѣваюсь. Грамотные люди изъ здѣшнихъ горожанъ равномѣрно замѣчали мнѣ, что показываемая «въ книгахъ», — подъ которыми они конечно разумѣли Ѳомина «Описаніе Бѣлаго моря» (стр. 37) и Молчанова «Описаніе Архангельской губерніи» (стр. 3),—вышина прилива въ Мезенскомъ заливѣ, па 15 футовъ, далеко не соотвѣтствуетъ истинѣ, будучи гораздо значительнѣе, при чемъ было именно упомипаемо, что наблюденія производились при отвѣсцыхъ плоскостяхъ. То-же самое было повторяемо жителями западнаго Канпскаго Берега, гдѣ разница водной поверхности прилива и отлива, по берегамъ залива и въ рѣчныхъ устьяхъ, обыкновенно простирается до 4, а при высокихъ приливахъ до 6, и даже до 7 сажепей. Сверхъ того, значительныя разстоянія, на которыя вода морскаго прилива гонится вверхъ противъ теченія рѣкъ, заставляютъ уже заключать о необыкновенно высокомъ приливѣ, подобномъ тому, который замѣтенъ на берегахъ Французской Бретани и Магелланова пролива, или

въ каналѣ Св. Георгія, гдѣ какъ извѣстно сильные приливы возвышаютъ море до 45 и 50 , даже до 72 футовъ, слѣдовательно еще гораздо выше, нежели въ Мезенскомъ заливѣ [1]). Въ Ледовитомъ морѣ, сколько мнѣ извѣстно, ни гдѣ не замѣтно равно высокаго прилива, причину тому конечно должно искать въ положеніи Бѣлаго Моря вообще и Мезенскаго залива въ особенности. Показанная нашими учеными мореплавателями, по новѣйшимъ изысканіямъ, обыкновенная вышина прилива въ устьяхъ рѣкъ Мезени и Кулоя содержитъ около 20 или 22 футовъ [2]). Постоянное измѣненіе водной поверхности вслѣдствіе прилива и отлива, а также сила, съ какою морская вода гонится вверхъ по теченію рѣки, служатъ изъясненіемъ другаго явленія, которое можетъ показаться необыкновеннымъ, то есть позднаго замерзанія рѣки Мезени ; она обыкновенно покрывается льдомъ не прежде половины Ноября, освобождаясь отъ него въ началѣ Мая [3]), между тѣмъ какъ Двина у Архангельска, слѣдовательно подъ высшей широтой, хотя и вскрывается въ то же самое время, т. е. среднимъ числомъ около 1-го Мая, однако уже въ послѣдней половинѣ Октября снова облекается ледянымъ покровомъ [4]). Ѳомипъ живою кистью описываетъ стремительность прилива на низменныхъ прибрежьяхъ Мезенскаго залива [5]). «Приливъ этотъ», — повѣствуетъ

---

1) Lyel Grundsätze der Geologie, т. II стр. 163.

2) Записки Гидрографическаго Депо. С. Петерб. 1837. Т. V, стр. 22.

3) *Молчановъ*, въ пр. соч., стран. 208.

4) *Литке*. Путешествіе, стран. 116.

5) *Ѳомина*, Описаніе Бѣлаго моря съ его берегами и островами. С. Петерб. 1797, 8. стр. 48.

отъ,—«особливо когда вѣетъ сильный вѣтеръ стремится къ морскому берегу и къ рѣкамъ весьма страшно шумящими волнами, изъ которыхъ одна больше другой;— пасущійся тамъ скотъ знаетъ время этого прилива и безъ всякаго побужденія заранѣе убирается съ низменныхъ мѣстъ на возвышенныя; потому что лишь только вода начнетъ прибывать, то уже никакой ускоренный бѣгъ не въ состояніи спасти его отъ смерти.»

Около 65 или 70 лѣтъ тому назадъ, городъ Мезень посѣщали англійскіе купцы, учредившіе здѣсь контору для своей транспортной торговли лѣсомъ и основавшіе пильную мельницу при устьѣ рѣчки **Каменки**, впадающей съ лѣваго берега, въ 5-ти вер. ниже города, въ Мезень. Однако же мелководіе и множество отмелей въ рѣкѣ препятствовали ихъ судамъ доходить до города, а потому они стояли на якорѣ подъ мысомъ **Толстикомъ** или **Толстымъ Носомъ**, при впаденіи рѣки; но и здѣсь нуждались въ порядочной рейдѣ и не находили хорошаго якорнаго грунта, такъ что бурный приливъ легко срывалъ ихъ суда съ якорей; когда же случилось однажды, что при сильной бурѣ многія ихъ суда потерпѣли крушеніе, то Англичане рѣшились снять свое заведеніе.

Рѣка Мезень, извѣстная Самоѣдамъ только при ея устьѣ, до впаденія въ нее **Пезы**, называется у нихъ **Лободка-Яу**; послѣднее слово означаетъ море, а первое есть искаженное русское слово **слободка**, такъ что все вмѣстѣ можно перевести словами: море у **слободки**; ибо русское наименованіе городка только въ позднѣйшее время заимствовано отъ рѣки и неизвѣстно Самоѣдамъ, которые еще и понынѣ обозначаютъ городъ Мезень—

по двумъ первоначальнымъ его мѣстечкамъ—названіемъ **Лободка**. Точно такъ-же видимъ мы, что и рѣка **Печора** получила свое самоѣдское наименованіе отъ русскаго селенія при ея устьѣ: ибо слово **Сапархарда**, самоѣдское названіе мѣстечка **Пустозерска**, въ переводѣ значитъ **городъ-вопповъ**, а **Сапаръ-Яу** есть имя рѣки **Печоры**.

Каменную почву здѣшняго края составляетъ вышеописанный красный известнякъ, который, будучи на сажень въ вышину покрытъ наплывными пластами земли, выказывается крутымъ обрывомъ на берегу рѣки. При этой глубинѣ онъ всегда является замерзшимъ, такъ что никогда не оттаявающій ледянистый слой земли здѣсь, какъ и въ Якутскѣ, встрѣчается еще въ предѣлахъ земледѣлія. Какъ далеко эта ледянистая почва простирается на югъ, это осталось мнѣ неизвѣстнымъ, и едвали имѣютъ о томъ непосредственное свѣдѣніе чрезъ наблюденіе и сами туземцы. Самая значительная глубина, достигнутая при копаніи колодцевъ въ Мезени, составляетъ немного болѣе двухъ саженей, глубина, при которой замерзшій слой не былъ еще проникнутъ. При этихъ обстоятельствахъ рытье колодцевъ сопряжено съ большимъ трудомъ и совершается съ помощію огня который разводятъ въ ямѣ для оттаиванія почвы, послѣ чего мягкій разсѣвшійся камень раздробляется ломами, и въ ямѣ снова разводятъ огонь, что продолжается до тѣхъ поръ, пока колодезъ не достигнетъ потребной глубины. Въ прежніе годы известнякъ находилъ въ Мезени свое техническое примѣненіе къ складкѣ печей, что совершалось слѣдующимъ образомъ: сначала выстраивали деревянную форму, которой внутреннее пространство

имѣло видъ предполагаемой печи; эта внутренность наполнялась измельченными кусками (негашеной) извести, которая въ самой формѣ была превращаема въ порошокъ посредствомъ деревянныхъ пестовъ, послѣ чего, довольно странно. приготовленную такимъ образомъ известь обливали растворомъ поваренной соли въ квасѣ, отъ чего получалась густая масса, наполнявшая весь объемъ деревянной формы. Этой массѣ давали нѣсколько времени просохнуть, послѣ чего снимали внѣшнюю форму и внутри раскладывали огонь, отъ котораго внутренняя деревянная подставка выгорала, и такимъ образомъ печь была готова. Говорятъ, что таковыя печи были неразрушимы и стояли болѣе столѣтія, переживая самое строеніе. Къ сожалѣнію эти печи нынѣ вовсе вышли изъ употребленія и замѣнены скорѣе складываемыми кирпичными печами, которыя далеко не такъ прочны.

Пользуясь ясною, пріятною весеннею погодою, я, въ сопровожденіи инспектора народнаго училища, г. **Быстрова**, 14 Мая, предпринялъ прогулку за городъ, желая взглянуть на его окрестности. Къ южной сторонѣ его прилегаютъ пашни, которыя всѣ были незасѣяны и на которыхъ нѣсколько женщинъ и дѣтей усердно трудились собирать корни *Chaerophyllum bulbosum*, едва показывавшагося изъ земли. Корни эти назначались въ пищу для сбереженія драгоцѣннаго хлѣба. О томъ, какъ неудачны бывали жатвы Мезенскихъ жителей, можно судить потому, что зерновые хлѣба въ нижнихъ широтахъ уже восемь лѣтъ сряду не доставляли никакихъ жатвъ, или же давали самый худой урожай; Мезень же составляетъ самый крайній сѣверный предѣлъ, гдѣ вообще еще занимаются земледѣліемъ, хотя при

настоящихъ обстоятельствахъ множество пашень, оставшись въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ необработанными, покрылись уже дерномъ. Потому самому мезенское земледѣліе исключительно ограничивается засѣвомъ небольшаго количества *ячменя*. *Рожь* не сѣется, такъ какъ изъ многократныхъ опытовъ убѣдились. что она даетъ жатву только въ рѣдкіе благопріятные годы; *конопли* здѣсь также не воздѣлываютъ, ибо она даетъ слишкомъ короткіе стебли, сѣмяна же никогда не созрѣваютъ. Такъ какъ воздѣлываніе ржи и конопли встрѣчается еще у Заозерья, то сѣверная ихъ граница лежитъ между этими обоими мѣстами, проходя почти подъ $65\frac{3}{4}^{0}$ широты, и совпадаетъ съ сѣверною границею распространенія *осины*. Въ окрестностяхъ Мезени также дѣлались попытки къ разведенію *льна*, но всегда неудачныя. Точно также выше 65-го градуса широты нельзя съ выгодою воздѣлывать *картофеля* [1]). Въ нѣкоторые годы удается *капуста*, или, лучше сказать, она не замерзаетъ, хотя только уростаетъ въ листья, не образуя кочней.

---

1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, однакожъ, нѣкоторый странствующій искатель приключеній намѣревался развести картофель даже у Самоѣдской церкви на Печи, въ Канинской землѣ, подъ $66\frac{1}{2}^{0}$ шир, какъ опредѣлительно объщалъ въ письменномъ договорѣ съ тогдашнимъ Архангельскимъ епископомъ, за что ему слѣдовало получить умѣренное вознагражденіе въ 300 руб. Дѣйствительно, онъ отправился на мѣсто и прожилъ тамъ лѣто, не слишкомъ впрочемъ помышляя о своемъ картофелѣ, послѣ чего онъ, по пріѣздѣ туда епископа зимою, представилъ ему блюдо картофеля, который выдавалъ за плодъ своихъ стараній, но который къ сожалѣнію выросъ подъ болѣе благословеннымъ небомъ. Архимандритъ Веніаминъ, тогда сопровождавшій епископа, замѣтилъ, что это былъ самый дорогой картофель, который онъ когда либо вкушалъ, такъ какъ блюдо его обошлось въ 300 рублей.

Единственныя съ успѣхомъ разводимыя овощи суть: *желтая рѣпа*, которая по тому самому воздѣлывается во множествѣ и употребляется въ пищу сырая и сушеная, а также *рѣдька* и *лукъ*.

По этимъ даннымъ, представляющимъ земледѣліе Мезенцевъ въ столь невыгодномъ состояніи, можно бы было пожелать, чтобы обитатели этихъ странъ сѣвера вовсе отъ него отказались и, взамѣнъ того, съ бо́льшимъ рвеніемъ обратились къ торговлѣ, къ охотѣ за морскими звѣрьми, къ рыбной ловлѣ и разведенію сѣверныхъ оленей. Многія обстоятельства однакожъ, которыя должно взвѣсить, содѣлываютъ эту перемѣну въ хозяйствѣ сѣверныхъ жителей едвали выгодною. Добыча всѣхъ родовъ морскихъ звѣрей, какъ уже неоднократно было замѣчено, ныпѣ въ Ледовитомъ морѣ, на всемъ его пространствѣ, посѣщаемомъ Архангельцами, далеко не столь обильна, какъ бывала прежде, когда промыслы занимали менѣе рукъ, и, въ слѣдствіе общаго наблюдаемаго закона природы, по которому животныя постепенно удаляются изъ того края, гдѣ ихъ много преслѣдуютъ, эта добыча должна тѣмъ болѣе уменьшиться, чѣмъ болѣе охота за звѣрьми дѣлается общимъ занятіемъ народнымъ. Точно также замѣчено значительное уменьшеніе крылатой дичи въ Мезенскомъ уѣздѣ вездѣ, гдѣ она добывается въ большомъ количествѣ. Песецъ въ Большеземельной тундрѣ Самоѣдовъ, хотя конечно отчасти и по большему размноженію оленьихъ стадъ,—попадается несравненно рѣже; рыбная ловля въ рѣкѣ Мезени, уже за многіе годы тому назадъ, далеко не доставляетъ прежней богатой добычи, и самый Пустозерскъ, въ послѣднее время ощутилъ силь-

ную убыль въ рыбѣ. Тоже самое наконецъ видимъ мы на пространствѣ всего сѣвера, обратимся ли мы къ берегамъ Гренландіи и Шпицбергена, гдѣ столь знаменитая нѣкогда китовая ловля давно уже совершенно прекращена, или къ Нѣмецкому морю, видѣвшему нѣкогда флотиліи сельделововъ, которымъ цѣлый народъ обязанъ былъ своимъ благосостояніемъ, или наконецъ къ берегамъ сѣверо-западной Америки, гдѣ животное, нѣкогда тысячами ловимое, усиліями человѣка. постепенно исчезло съ лица земли.

Не менѣе невыгодъ поведетъ за собою чрезмѣрное размноженіе оленеводства Мезенскихъ жителей въ Самоѣдскихъ тундрахъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого размноженія стадъ будетъ недостатокъ въ пастбищахъ, какъ мы это замѣчаемъ въ Большеземельной тундрѣ, гдѣ, въ слѣдствіе поселенія Зырянъ, стада оленей столь сильно размножились, что оленій мохъ или ягель, единственное богатство и необходимое условіе обитаемости арктическихъ равнинъ, нынѣ такъ вытоптанъ и съѣденъ, что оленеводы вскорѣ самою природою будутъ принуждены поставить предѣлы размноженію своихъ стадъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ и торговля Мезенская, основанная на доходѣ тѣхъ отраслей промышленности, сбывая непосредственныя произведенія края, не способна къ значительному распространенію. Неоспоримою истиною остается, что сѣверъ бѣденъ и допускаетъ только извѣстное, относительно умѣренное число обитателей, которому обезпечиваетъ пропитаніе; какъ скоро это число увеличится, то вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы ни показалось страннымъ таковое утвержденіе, тотчасъ являются

слѣды слишкомъ сильной населенности: звѣри, постоянно преслѣдуемые, мало по малу истребляются или покидаютъ край, а пастбища дѣлаются недостаточными для прокормленія многочисленныхъ стадъ множества владѣльцевъ; то, что удовлетворяло необходимымъ потребностямъ извѣстнаго числа жителей, должно раздѣлиться на участки между гораздо большимъ общимъ количествомъ. Необходимое слѣдствіе всего этого есть всеобщее обѣдненіе и наступающій недостатокъ, какъ и въ слѣдствіе дѣйствительнаго многолюдства, такъ что если число жителей края оцѣнять не только относительно къ занимаемой площади, но и въ отношеніи продуктивности края, то многолюдство встрѣтиться можетъ также при весьма умѣренномъ количествѣ обитателей.

Природа сѣвернаго края допускаетъ многоразличные способы къ пріобрѣтенію, но ни одного не обезпечиваетъ. Морскіе промыслы, какъ мы это увидимъ въ нашемъ объ нихъ повѣствованіи, не менѣе земледѣлія, по разнымъ обстоятельствамъ, представляютъ свои перемежки и неудачные годы. При томъ въ одной и той же странѣ, количество какъ постоянно обитающихъ, такъ и по временамъ посѣщающихъ ея берега и рѣки животныхъ, четвероногихъ ли, земныхъ, или морскихъ обитателей, или же крылатой дичи и рыбы, въ разные годы бываетъ весьма неодинаково, что зависитъ отъ обстоятельствъ, господствующихъ въ общемъ хозяйствѣ природы, не всегда легко открываемыхъ соображеніемъ наблюдателя. Къ тому присовокупляются еще обстоятельства провоза и торговли; такъ, — чтобы привести только одинъ примѣръ, — столь обильная въ устьяхъ сѣвер-

ныхъ рѣкъ ловля семги, въ рѣкѣ **Поноѣ**, на Лапландскомъ берегу Бѣлаго моря, иной годъ производится въ столь позднее время осени, что провозъ рыбы въ Архангельскъ черезъ море, по которому плаваніе безопасно только въ продолженіе небольшой части года, не можетъ быть предпринятъ, а въ слѣдствіе того рыба не бываетъ продана. Наконецъ и самое скотоводство на дальнемъ сѣверѣ, какъ и повсюду, не представляетъ вѣрной удачи, и Мезенцы имѣютъ еще въ свѣжей памяти опустошительный падежъ оленей, который въ 1831—33 годахъ, почти совершенно лишилъ Самоѣдовъ Малоземельной тундры оленьихъ стадъ и тѣмъ самымъ достаточныхъ кочующихъ владѣльцевъ превратилъ въ осѣдлыхъ бѣдняковъ.

Въ слѣдствіе всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ, жителю сѣвера остается искать свое обезпеченіе единственно въ возможнѣйшемъ умноженіи числа отраслей своей промышленности, что даетъ ему возможность списскивать средства къ пропитанію въ прибыли отъ одного или нѣсколькихъ его промысловъ, когда въ неудачные годы всѣ прочіе обманутъ его надежду. Такимъ образомъ и самое земледѣліе въ широтахъ мезенскихъ, не взирая на его жалкое состояніе, не должно вовсе быть заброшено, истина, давно постигнутая туземцами и водворившая надъ оледенѣлою почвою сѣверной равнины пахатную землю, по которой, вопреки всякаго столь часто напрасно употребляемаго старанія, упорная настойчивость сѣвернаго жителя отъ времени до времени снова проводитъ плугъ и борону. Нѣсколько удачныхъ жатвъ все таки вознаграждаютъ за многіе напрасно употребленные труды, а эти-то годы поддерживаютъ на-

дежду, подстрекая къ новому труду. Въ хорошіе годы, ячмень въ Мезенскомъ округѣ обыкновенно приноситъ четвертое и пятое зерно, рожь пятое и шестое; на плодородной почвѣ, въ самые благопріятные годы, послѣдній приносилъ 8 и 10, и даже, какъ рѣдкое событіе, до 20-ти зеренъ; соразмѣрно съ тѣмъ и ячмень. Пахатную почву въ окрестностяхъ Мезени составляетъ глина, довольно благопріятствующая растительности, покрытая тонкимъ слоемъ легкой песчаной земли. Замѣтимъ также, что земледѣліе здѣшняго края допускаетъ усовершенствованіе, и неудачу хлѣбовъ приписывать должно не только одному климатическому дѣйствію высшаго сѣвера, но безъ сомнѣнія также, и быть можетъ не менѣе того, неправильному обработыванію пашни. Такъ какъ прибрежные жители Мезени держатъ много скота, пахатной же земли имѣютъ не большое количество, то они всегда обладаютъ избыткомъ навоза, который вывозится на поле, въ слѣдствіе чего и безъ того уже плодородная почва, чрезмѣрно унавоженная, и при томъ весьма густо засѣянная, производитъ чрезвычайно густой и роскошно выростающій хлѣбъ, который обыкновенно ложится послѣ цвѣта; но этотъ роскошный хлѣбъ требуетъ болѣе времени для созрѣнія, а потому часто не можетъ избѣжать почныхъ морозовъ, наступающихъ во время созрѣванія, между тѣмъ какъ другой, менѣе сочный, счастливо дозрѣваетъ. Разница двухъ трехъ дней болѣе или менѣе, потребныхъ для окончанія періода растительности, при кратковременности здѣшняго лѣта, часто бываетъ рѣшительною. Недавно только начали примѣчать эту ошибку, хотя старинное обыкновеніе конечно еще долго продержится; не рѣдко также

слышишь отъ жителей и слѣдующее разсужденіе: если на тощей пашнѣ не густо посѣянный хлѣбъ и созрѣваетъ иногда, между тѣмъ какъ густымъ и роскошнымъ хлѣбомъ поросшее поле не даетъ жатвы, то, въ замѣнъ, сіе послѣднее, въ благодатные годы, принесетъ вдвое болѣе перваго, чѣмъ самымъ потерю одного года можетъ замѣнить, если даже не превзойти, барышъ другаго. Но при этомъ разсужденіи не помышляютъ о томъ, что равномѣрная, хотя и умѣренная, но вѣрная жатва всегда предохраняетъ отъ голода, между тѣмъ какъ обильная, но отъ времени до времени только собираемая всегда оставляетъ много голодныхъ промежутковъ.

Природа въ окрестностяхъ города показывала еще весьма мало слѣдовъ возникающей жизни, и только немногіе ростки отваживались появляться на суровый весенній воздухъ. Все, что можно было узнать, и то болѣе изъ остатковъ произрастенія прошедшаго года, были слѣдующіе виды: *Spiraea Ulmaria*, *Pyrola minor* и *secunda*, *Vaccinium Vitis Idaea*, *Rubus Chamaemorus*, *Alchemilla vulgaris*, *Achillea Millefolium*, *Caltha palustris*, *Geum rivale*, *Cirsium acaule*, *Hieracium Pilosella*, *Veratrum album*, *Botrychium rutaceum*. Кое-какіе кустарники виднѣлись на низменномъ потопленномъ луговомъ берегу рѣки. Лѣсъ появляется только на южной сторонѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города; на востокъ и сѣверъ взоръ теряется въ необозримой тундрѣ,— безлѣсной, клочистой, торфяной и болотистой равнинѣ, которая только изрѣдка показываетъ сухой грунтъ, по большой части покрыта вѣчно влажнымъ одѣяломъ гигроскопическихъ лишаевъ и мховъ, и мѣстами вмѣщаетъ небольшія скопища водъ, постоянныя, или же только весеннею порою образующія-

ся отъ таянія снѣговъ. Въ лощинахъ этой болотистой равнины лежало еще множество снѣгу, отчасти скопившагося до необычайной вышины, груды, исчезающія только къ концу Іюня или въ Іюлѣ. *Березовый ерникъ*, *багульникъ*, обыкновенная *голубель* и *воронца (Empetrum nigrum)*, начинавшая разцвѣтать на мѣстахъ наиболѣе освѣщенныхъ солнцемъ, вмѣстѣ съ немногими неопредѣлимыми видами *ивняка*, образуютъ низменный кустарникъ, покрывающій эти однообразныя тундряныя равнины, въ углубленіяхъ которыхъ всюду заселяется болотный мохъ (*Sphagnum*), образующій губчатую мшистую зыбь, на которой мѣстами стелется низкій стебель *клюквы (Oxycoccus palustris)*. Различнаго рода лишаи во множествѣ произрастаютъ на сырой болотистой почвѣ, между кустарникомъ, котораго засохшія вѣтви тотчасъ покрываются этими паразитами. Изъ прозябающихъ здѣсь лишаевъ я наиболѣе замѣчалъ: *Cetraria islandica*, *Cladonia rangiferina*, *Peltigera aphtosa* и *horizontalis*, *Cladonia fimbriata*, *cornuta* и *cornucupioides*, *Stereocaulon tomentosum*, *Biatora icmadophila* Fr. *Parmelia tartarea* β. *frigida* Fr. и многіе другіе.

Во время нашей прогулки, мы посѣтили нѣсколько Самоѣдскихъ шалашей, находившихся близъ города, но въ нихъ застали только женщинъ и дѣтей, потому что мужчины шатались по городу. Женщины по большей части занимались рукодѣльемъ, сшивая оленьи кожи для шубъ и обуви, и первое мое знакомство съ этимъ племенемъ не имѣло ничего такого, что бы могло произвести на меня пріятное впечатлѣніе. Все на нихъ было грязно, и при нашемъ входѣ въ шалаши, онѣ едва поднимали глаза отъ своей работы, какъ бы не удостоивая насъ

взгляда; тѣмъ менѣе была рѣчь о какомъ либо бѣгломъ привѣтствіи при встрѣчѣ или прощаніи; о нашемъ присутствіи нисколько не заботились, тѣмъ менѣе вниманія обращали на любопытство, съ какимъ мы разсматривали ихъ самихъ со всѣмъ ихъ домочадствомъ. Изумительное душевное спокойствіе,—если не назвать это безжизненнымъ тупоуміемъ,—выражалось въ этихъ дурныхъ лицахъ и было вмѣстѣ съ тѣмъ первою и не слишкомъ выгодною чертою характера, замѣченною мною въ обитателяхъ арктической тундры, съ которыми мнѣ приходилось провести наступающее лѣто. Эти Самоѣды, подобно всѣмъ ихъ собратіямъ, которыхъ шалаши изъ году въ годъ можно встрѣтить въ сосѣдствѣ селеній Мезенской округи, суть обѣднѣвшія семейства, которыя, въ слѣдствіе гибельной язвы лишившись своихъ оленьихъ стадъ, принуждены были покинуть привольную кочевую жизнь по тундрѣ и, поселясь вблизи Русскихъ селеній, исправленіемъ мелочныхъ услугъ должны были добывать себѣ пропитаніе. Потребности ихъ столь ограничены, ихъ притязанія такъ маловажны для осѣдлыхъ жителей, что послѣдніе ни сколько не обременены этимъ сосѣдствомъ. Какъ впрочемъ они ни бѣдны, не смотря на то, я не помню, чтобы когда либо Самоѣдъ просилъ у меня милостыни. Къ тягостнымъ работамъ они вовсе не способны, отчасти и преимущественно по своей лѣни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому, что работы Русскаго не соотвѣтствуютъ его неупражненнымъ въ такихъ работахъ силамъ физическимъ. Та же самая лѣность къ труду препятствуетъ Самоѣду покинуть свою скудную, но за то праздную жизнь, и замѣнить развалившійся свой кочевой шалашъ, чрезъ

который давно уже проложили себѣ путь всѣ вѣтры поднебесные, хижиною осѣдлаго жителя. Обращаясь къ новому образу жизни, онъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ отстать отъ всѣхъ обычаевъ и любимыхъ привычекъ прежняго кочеваго быта, дабы приноровиться къ новымъ, ему доселѣ чуждымъ, рѣшимость, требующая мужественной силы характера, которой Самоѣдъ, при своей лѣнивой безпечности, вовсе не имѣетъ. Натопленная комната въ зимнее время уже была бы противна его врожденной натурѣ, и ему долго пришлось бы силою духа преодолѣвать свою наклонность, прежде нежели наша комнатная теплота соотвѣтствовала бы физическому свойству его тѣла, а тѣмъ болѣе сдѣлалась бы для него потребностью. Сверхъ того обѣднѣвшій Самоѣдъ, въ своемъ настоящемъ положеніи, отнюдь не въ состояніи устроить даже самое скудное домашнее хозяйство; для пріобрѣтенія же онъ не имѣетъ ни средствъ, ни склонности, ни наконецъ способности. Его искусство— не имѣть потребностей; оно его кормитъ; счастіе его— праздность.

Мы возвратились довольные нашею прогулкою. Я провелъ еще нѣсколько дней среди различныхъ приготовленій къ путешествію, и наконецъ получилъ извѣстіе, что для меня снаряжена лодка на рѣкѣ **Безѣ** и наняты три работника, ожидавшіе меня у деревни **Поповой**, при той же рѣкѣ. Я могъ надѣяться встрѣтить рѣки очищенныя ото льда, ибо и рѣка Мезень у города, за нѣсколько дней уже совершенно освободилась отъ послѣднихъ льдовъ; а потому я рѣшился немедленно отправиться въ путь. Въ проводники ко мнѣ, еще въ Ме-

зени, вызвался отставной морякъ (ботсманъ), отправлявшійся на свою родину, въ мѣстечко Устьцыльму, на Печорѣ, и въ тоже время хотѣлъ быть мнѣ слугою и поваромъ, а въ случаѣ потребности и всѣмъ прочимъ. Такимъ образомъ 19-го Мая по полудни я выѣхалъ изъ городка.

V.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ МЕЗЕНИ КЪ МѢСТЕЧКУ УСТЬ-ЦЫЛЬМѢ НА БЕРЕГУ ПЕЧОРЫ.

(Мая 19). Путь мой пролегалъ по большой дорогѣ до почтовой станціи **Заозерья** и восемь верстъ далѣе, до села **Дорогой Горы**, лежащаго между холмовъ на правомъ берегу и получившаго свое названіе отъ мѣстоположенія, особенно благопріятствующаго земледѣлію, ибо около «**Дорогой горы**» хлѣбъ созрѣваетъ даже тогда, когда въ окрестностяхъ небываетъ вовсе жатвы, не говоря уже о томъ, что жатва здѣсь бываетъ всегда обильнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ. Отсюда мы отправились на лодкѣ, вверхъ по рѣкѣ, къ селу **Жерди**, лежащему въ 10 верстахъ отъ **Дорогой Горы**; здѣсь мы опять взяли лошадей и уже ночью прибыли въ деревню **Попову** или **Усть-Пезу**, на правомъ берегу Пёзы, въ 7 верстахъ отъ Жерди и въ 5-ти выше впаденія Пёзы. На всемъ этомъ пространствѣ преобладаетъ тощій *сосновый* и *еловый* лѣсъ, въ которомъ *лиственица* попадается только въ видѣ отдѣльныхъ деревьевъ; даже *ель* довольно часто встрѣчается искривленною. Лѣса, какъ говорятъ, въ нижнемъ теченіи Пёзы уже не зани-

мают обширных пространств, произрастая по берегам рѣк опушками, не болѣе 3 или 5 в. шириною, края которых, особливо далѣе къ сѣверу, переходят въ открытую безлѣсную тундру, мѣстами прерываемую разбросанными лѣсными оазами или лѣсными *островами*. Впрочем и сами туземцы имѣют лишь недостаточное познаніе об обитаемом ими краѣ, так как им не представляется случая проникать въ вдаль от рѣчных береговъ. Снѣг на поляхъ уже исчез и земледѣльцы вездѣ трудились надъ плугом и бороною, хотя лѣс еще сильно напоминал о зимѣ. Въ послѣдніе три дня ежедневно порошил снѣг, но, при весьма перемѣнчивой погодѣ, он къ обѣду не оставлял уже слѣда.

(Мая 20.) Въ 9 часов утра я сѣл въ лодку и, въ сопровожденіи трех нанятых мною работников и ботсмана, пустился вверх по Пезѣ. Что касается до моего судна, то оно вполнѣ соотвѣтствовало моим потребностям, хотя стоило мнѣ не болѣе 13 р. ас.: оно было легко, но просторно и снабжено крышею изъ досок, достаточною для защиты от дождя. Однакожъ рѣка была превсполнена весеннимъ полноводіем, и мы должны были медленно подвигаться противъ быстраго теченія, почти единственно помощію весел, так как окраины береговъ, способныя для бичевы, почти вездѣ были потоплены водою. Около деревни **Поповой**, на берегу рѣки, обнаруживается красный известнякъ, который сопровождаетъ рѣку Мезень отъ Нисегоръ до самаго морскаго прибрежья, удерживая на всем этом пространствѣ одинъ и тотъ же видъ и будучи, как и тамъ, покрытъ слоем красно-бурой глины.

Въ десяти верстахъ отъ **Усть-Пезы** [1]), рѣка, по которой мы плыли, принимаетъ въ себя съ лѣвой стороны рѣку **Няфту**; при устьѣ, находится незначительное мѣстечко **Усть-Няфта**, гдѣ мы причалили къ противоположному берегу чтобы сварить себѣ къ обѣду нѣсколько рыбъ, и я отправился по окрестностямъ осматривать возникающія растенія. Деревья и кустарники, береза, рябина, черемуха, розы (вѣроятно *R. acicularis* Lindl.), *Lonicera Pallasii*, *Ribes alpinum*, пускали уже

---

1) Такъ какъ въ странѣ, предъ нами лежащей, далѣе не были производимы инструментальныя измѣренія, то замѣтить слѣдуетъ, что всѣ приведенныя нами разстоянія означены по разсиросамъ у туземцевъ, которыхъ показанія большею частію въ точности между собою совпадаютъ. Разстоянія эти вездѣ считаются по теченію рѣки, въ старинныхъ верстахъ, бывшимъ въ общемъ употребленіи до царствованія Петра Великаго, нынѣ же сохранившихся только для дальнѣйшихъ разстояній. Эти старинныя версты заключаютъ въ себѣ 700 саженей (4900 Англ. футовъ), и потому называются *семисотенными*, въ сравненіи съ новыми, *пятисотенными* верстами. И такъ, старинная верста равняется 1,4 новыхъ верстъ, и 5 старинныхъ (=7 новыхъ) верстъ составляютъ весьма близко одну географическую милю, почему въ старину иностранные путешественники постоянно считали по 5 верстъ нѣмецкую милю, между тѣмъ какъ нынѣ считаются 7. Въ странахъ между Волгою и Камою, въ Казанской, Пермской, и друг. губерн., разстоянія считаются по *Чумаксамъ*, названіе, какъ кажется, финскаго происхожденія, перешедшее въ Русское нарѣчіе тѣхъ странъ изъ языка Вотяковъ. Одна *Чумакса* заключаетъ 5 старинныхъ верстъ или 7 новыхъ и, слѣдовательно, равняется одной географической милѣ. Откуда это измѣреніе разстояній по чумаксамъ, удивляющее насъ своимъ соотвѣтствованіемъ съ географическими милями, заимствовано народами нашего отдаленнаго Востока,—ибо у Татаръ, Черемиссовъ, Вотяковъ оно равномѣрно находится въ употребленіи, — это обстоятельство, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ неизъяснено нашими историками. см. Müller, Sammlung russ. Gesch. T. III, ч. 4 стр. 310.

свои почки, между тѣмъ какъ *Alchemilla vulgaris*, *Aegopodium Podagraria*, *Veratrum album*, *Caltha palustris* только еще выглядывали изъ земли.

Берега рѣки постепенно уравниваются, горныя породы исчезаютъ, и рѣка медленно изливается между песчаными незамѣтно возвышающимися берегами, покрытыми еловымъ лѣсомъ, въ которомъ изрѣдка попадается лиственница и береза, между тѣмъ какъ ивовые и ольховые кустарники окаймляютъ берега; сосна и осина также рѣдко встрѣчаются взорамъ. Въ 25 в. отъ **Усть-Няфты**, при устьѣ рѣчки **Лохтуры**, впадающей въ Пёзу съ правой ея стороны, мы расположились ночлегомъ на противолежащемъ лѣсистомъ берегу рѣки. Люди мои тотчасъ развели веселый огонь, заварили чай, наготовили рыбы и за трапезой у нихъ завязался дружескій разговоръ.

Была тихая и свѣжая ночь; небо слегка было подернуто облаками, которыя, безпрестанно измѣняя свои формы, медленно неслись надъ окружавшимъ насъ темнымъ лѣсомъ. Ночная тишина прерывалась голосами тетеревовъ и рябчиковъ, кукушки и журавля, равно и нѣжнымъ щебетаньемъ пѣвчихъ птицъ; отъ времени до времени слышенъ былъ тяжелый полетъ глухаря по лѣсу или тихій глухой шумъ, раздававшійся въ воздухѣ отъ вѣянія крыльевъ дикихъ утокъ, перелетавшихъ огромными стаями на сѣверъ. Всѣ эти звуки пробуждавшейся жизни, послѣ продолжительной мертвой тишины, сливались въ одну дивную майскую пѣснь сѣверной весенней ночи, сильно потрясающую душу сѣвернаго жителя. Долго еще сидѣлъ я на берегу, прислушиваясь къ этимъ звукамъ природы и въ раздумьѣ смотря на воды

которыя медленно и съ тихимъ, едва слышнымъ журчаньемъ, пробивали себѣ путь чрезъ непроходимые лѣса; между тѣмъ утомленные мои сопутники, расположась во кругѣ погасавшихъ угольевъ, спали, послѣ проведеннаго въ трудахъ дня, крѣпкимъ сномъ.

(21 Мая). Накрапывавшій дождь разбудилъ насъ рано утромъ. Къ несчастію прекрасная ночь смѣнилась суровымъ и дождливымъ днемъ и, вмѣсто умѣреннаго южнаго вѣтра, подулъ сильный сѣверовосточный. На берегу рѣки мѣстами были разбросаны маленькія хижины или, лучше сказать, жалкія ветхія лачужки, служащія во время лѣта кратковременнымъ убѣжищемъ для ихъ хозяевъ, которые изъ дальнихъ селеній, лежащихъ по берегамъ Мезени, посѣщаютъ эти страны для того, чтобы воспользоваться травою разстилающихся по берегамъ Пезы обильныхъ пастбищъ, не имѣющихъ хозяевъ. Въ лѣсу я замѣтилъ толстую, бурею сломанную лиственницу, которая, будучи измѣрена на высотѣ двухъ футовъ отъ земли, при объемѣ 7½ англ. ф., имѣла 28 дюймовъ въ діаметрѣ; судя по годовалымъ кольцамъ, дереву этому можно было дать 125 лѣтъ. Въ томъ же лѣсу мы видѣли значительной величины березы, которыя однакожъ были далеко не такъ величественны, какъ березы, растущія въ умѣренномъ поясѣ. Мы расположились ночлегомъ въ деревнѣ *Бычевской*, называемой также Игумновской и лежащей въ 50 в. отъ Усть-Пёзы и въ 25 в. отъ послѣдняго нашего ночлега. Населеніе этого мѣстечка состоитъ изъ двухъ семействъ, занимающихся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Главныя земледѣльческія статьи здѣсь составляютъ исключительно ячмень и рѣпа Прежде сѣялась и рожь, но частые неурожаи заставили

здѣшнихъ жителей ограничиться однимъ ячменемъ; почему и здѣсь всѣ единогласно прославляли прежнія времена и жаловались на порчу климата. Опыты, произведенные надъ картофелемъ, показали, что онъ въ иные годы даетъ порядочный урожай; но при всемъ томъ его не сажаютъ. Чѣмъ неудачнѣе идетъ земледѣліе, тѣмъ успѣшнѣе подвигается скотоводство, которое здѣсь поддерживается роскошными лугами, разстилающимися по берегамъ Шезы.

Здѣсь также во множествѣ собирались коренья растенія Chaerophillum bulbosum, которые употребляются въ пищу въ сыромъ, вареномъ и сушеномъ видѣ; корень этотъ имѣетъ сладковатый вкусъ, особливо когда онъ высушенъ, почему его и ѣдятъ охотнѣе въ сушеномъ видѣ.

(22 Мая). Погода не подавала никакой надежды на исправленіе; сѣрыя дождевыя тучи покрывали все небо и, при сильномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, отъ времени до времени падалъ снѣгъ, между тѣмъ какъ въ 6 часовъ утра термометръ стоялъ на 2° Ц. Мы остановились около необитаемой лѣтней хижины, въ 10 верст. отъ деревни Бычьей, и рыбакъ принесъ намъ цѣлую корзину только-что наловленной рыбы, большая часть которой принадлежала къ породамъ, водящимся въ Пезѣ, а именно: щуки, окуни, налимы (Gadus lota), язи (Cyprinus idus), сороги (Cypr. rutilus), ельцы (Cypr. leuciscus), харіусы (Salmo Thymallus) и сиги (Salmo lavaretus). Хотя и здѣсь ощутителенъ недостатокъ въ хлѣбѣ, однакожъ рыба и дичь, которыя мы здѣсь повсюду получали почти за безцѣнокъ, вполнѣ замѣняютъ здѣшнимъ обывателямъ этотъ недостатокъ. Правда, и здѣсь съ нѣкотораго времени стали замѣчать, что количество дичи уменьшается, но все же оно еще такъ значительно, что каждый хозяинъ не-

премѣнно долженъ быть охотникомъ и что осенью для охоты сюда стекаются даже тѣ промышленники, которые живутъ по нижнему теченію Пёзы и Мезени. Огромное количество дичи отвозится отсюда на ярмарки въ Пинегу, гдѣ она скупается и отправляется внутрь Россіи до самой Москвы. Главная охота за дичью производится осенью и продолжается обыкновенно до Николина дня. Въ одну осень всякій охотникъ легко убьетъ отъ 50 до 100 паръ рябчиковъ и куропатокъ, которыхъ онъ продастъ по 65 к. и даже по 1 рублю за пару; кромѣ того непремѣнно застрѣлитъ отъ 30 до 90 штукъ тетерекъ и глухарей, за которыхъ ему вѣрно дадутъ по 40 и даже по 80 коп. Такимъ образомъ уже одна охота ему даетъ возможность запастись необходимымъ количествомъ хлѣба, закупая его на вырученныя за дичь деньги. Вотъ обстоятельство, которое, соединяясь съ мѣстностями, благопріятствующими скотоводству, привлекло первыхъ обитателей въ эти вообще незаманчивые лѣса. Прибрежные жители Мезени и Кулоя, въ слѣдствіе бо́льшей населенности тѣхъ странъ, не имѣютъ столько дичи, но зато они производятъ богатый ловъ семги. Что же касается до охоты за морскими животными, то она производится сообща всѣми прибрежными жителями. Несравненно бѣднѣе рѣка Пёза живностію, водящеюся въ водѣ: единственныя птицы, замѣченныя нами на ея водахъ, были утки и нѣсколько гусей; притомъ же онѣ останавливаются здѣсь только временно, улетая далѣе на сѣверъ.

Около 25 в. отъ Бычьей лежитъ селеніе Лобанова, населенное также только двумя семействами и находящееся на лѣвомъ берегу Пёзы. Нѣсколько верстъ

далѣе, рѣка окаймляется крутымъ известковымъ берегомъ, покрытымъ древою и обломками: этотъ известнякъ имѣетъ большую аналогію съ мезенскими красными известняками, отъ которыхъ онъ отличается только сѣрымъ или зеленовато-сѣрымъ цвѣтомъ и бо́льшею плотностію; притомъ же онъ, кажется, покрытъ пескомъ и на немъ не видать того слоя краснобурой глины, который прикрываетъ мезенскій известнякъ.

Въ 14 в. отъ Лобановой мы расположились ночлегомъ на пологости праваго берега, покрытой густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ высокихъ, стройныхъ елей и лиственицъ, между которыми изрѣдка попадаются сосны и нѣсколько лиственныхъ деревъ. Тѣнистая почва вся была усѣяна брусникой (Vac. Vitis Idaea и Hypnum splendens); также весьма часто попадалось растеніе Lycopodium annotinum, находившееся въ полномъ цвѣтѣ. На скалистомъ берегу, возвышающемся отъ 6 до 7 саж., и здѣсь преобладаетъ желтоватый и сѣроватый известнякъ, который, будучи частію плотнаго, частію слоеватаго строенія, превосходитъ своею твердостію мезенскій известнякъ, а между тѣмъ былъ до того разрушенъ, что нельзя было замѣтить его выходовъ. Здѣсь также не было краснобурой глины, а флёцъ кам. породы непосредственно покрывался слоемъ песку. По этому кажется, что мезенскій известнякъ обязанъ своимъ краснымъ цвѣтомъ прикрывающему его глинистому слою, такъ какъ онъ удерживаетъ его только тамъ, гдѣ его покрываетъ краснобурая глина, которая, растворяясь въ водѣ, проникаетъ слои известняка и сообщаетъ имъ свой собственный цвѣтъ, тѣмъ болѣе, что этому способствуетъ незначительная твердость и сильная трещиноватость известняка и что только

тѣ отдѣльные пласты, отдѣльныя гнѣзда и неправильно ограниченныя массы удерживаютъ свой первоначальный сѣроватый цвѣтъ, которыхъ плотность не позволяетъ окрашивающему веществу проникнуть въ нихъ. Подлѣ обломковъ этого известняка, по окраинѣ берега, замѣчались еще другіе, довольно острые обломки древнѣйшихъ горныхъ породъ, въ томъ числѣ песчаники, весьма твердый плотный известнякъ, кварцевая порода, роговики, кварцеватый, глинистый и точильный сланцы, желѣзо-слюдковый сланецъ (который дѣйствовалъ на магнитную стрѣлку) и т. п. Мало округленныя формы этихъ породъ заставляли предполагать, что начало ихъ должно быть не слишкомъ далеко, а потому-то я и началъ искать его въ раздѣлѣ водъ Мезени и Печоры и былъ очень доволенъ, что по обломкамъ разгадалъ всю скалистую почву этихъ высотъ, не внесенную еще въ лѣтописи науки.

Возвратившись съ гулянья, я закутался въ свою малицу, цѣну которой теперь вполнѣ сталъ понимать, и уснулъ подъ длинными вѣтвями ели, гдѣ около огня расположились и сопутники мои.

23 Мая термометръ показывалъ -2½ Ц. и на утро я увидѣлъ, что чернила мои въ стклянкѣ замерзли; пронзительно-холодный вѣтеръ, дувшій съ СВ., принесъ съ собою снѣгъ и градъ. Проѣхавъ около 24 верстъ, мы прибыли къ мѣстечку Виругѣ, лежащему на правомъ берегу Пёзы и обитаемому однимъ семействомъ; да и все-то оно состоитъ изъ одной жалкой лачужки съ пристроенной къ ней баней. Какой-то старикъ крестьянинъ, вмѣстѣ съ женою своею, ведетъ здѣсь пустынническую жизнь, занимаясь разведеніемъ ячменя и стрѣляніемъ рябчиковъ. Они терпѣли сильный недостатокъ въ хлѣбѣ и

потому, вкушая хлѣбъ, спеченный изъ соломы, невольно восхваляли Сибирь, на благословенныхъ поляхъ которой посѣваютъ всѣ хлѣба. И дѣйствительно, нѣсколько семействъ покинули Мезенскій уѣздъ, въ надеждѣ найти себѣ новое отечество въ Сибири. — Такимъ образомъ у всякаго есть свой климатъ, свое небо, которое его привлекаетъ, и Самоѣдъ на зиму съ удовольствіемъ отправляется въ Мезень, потому что здѣшній суровый воздухъ для него столь же пріятенъ какъ для перелетной птицы зефиры, дующіе на берегахъ рѣки Ганга.

Противъ Вируги высокій песчаный берегъ окаймляетъ рѣку, которая, омывая лѣсистый мысъ, описываетъ здѣсь большую дугу. Между тѣмъ какъ лодка моя, чтобы объѣхать этотъ мысъ, должна была проплыть около 6-ти верстъ, я предпочелъ перейти чрезъ него пѣшкомъ, потому что разстояніе здѣсь равнялось всего какимъ-нибудь тремъ четвертямъ версты; мы проходили по песчаному сосновому лѣсу, сухая почва котораго покрыта была яглемъ и мхами, а именно: Cladonia rangiferina, fimbriata и cornucupioides, Peltigera aphthosa. horizontalis и crocea, Polytrichum juniperinum и piliferum, Bryum caespititium; annotinum и т. п. Изъ явнобрачныхъ, кромѣ Empetrum nigrum, Arctostaphylos officinalis и Vac. Vitis Idaea, мы ничего не нашли.

Послѣ двухъ часовъ ѣзды и лодка наша прибыла, и мы, усѣвшись въ ней, снова отправились водой вдоль высокаго песчанаго берега, усаженнаго елями и соснами; у деревни Мосѣевской, находящейся въ 15 в. отъ Вируги, насъ застала сильная мятель и мы должны были подумать о ночлегѣ, такъ какъ ни кому изъ насъ не хотѣлось проводить ночь подъ открытымъ небомъ.

(24 Мая). Проснувшись, мы увидѣли, что вся мѣстность была покрыта снѣгомъ и что мятель все еще продолжалась; поэтому мы рѣшились обождать нѣсколько часовъ.—Деревня, въ которой мы находились, населена двумя семействами, изъ которыхъ въ настоящее время были на лицо только двѣ бабы, между тѣмъ какъ мужья ихъ находились въ Мезени, куда они отправлялись для закупки хлѣба въ казенныхъ хлѣбныхъ магазинахъ. Хозяйка наша, среди множества другихъ домашнихъ занятій, прилежно снимала кору съ нѣкоторыхъ березовыхъ полѣньевъ, которыя она одно за другимъ укладывала въ печку, между тѣмъ какъ кора тщательно собиралась, сушилась и примѣшивалась къ мукѣ. Такого рода хлѣбъ имѣетъ видъ лепешекъ красновато-бураго тѣста, и если ⅔ муки смѣшать съ ⅓ по вѣсу березовой коры, то получается хлѣбъ совершенно вкусный, т. е. «что ѣшь и горемъ не зовешь,» какъ выразилась наша хозяйка; къ несчастію часто приходится печь хлѣбъ изъ такой муки, въ которой больше коры, чѣмъ ржи. Употребленіе сосновой коры для печенія хлѣба, столь обыкновенное въ сѣверной Финляндіи и Олонецѣ, здѣсь вовсе не извѣстно. За то къ мукѣ иногда примѣшиваютъ на половину сушеной и истолченой въ порошокъ рыбы, отчего конечно увеличивается только объемъ испеченаго хлѣба, а отнюдь не абсолютное количество съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ рыба и живность всегда вполнѣ замѣняютъ недостатокъ хлѣба, такъ-что въ этихъ странахъ не ощущается такого сильнаго голода, какъ по берегамъ Мезени. Вполнѣ сочувствуя нуждамъ ближнихъ своихъ, я долженъ однакожъ замѣтить, что крестьянинъ, привыкшій считать хлѣбъ суще-

ственнѣйшею частію своей пищи, въ случаѣ недостатка въ немъ, напрасно жалуется на голодъ, потому что въ то время, какъ хозяйка одной рукой обдираетъ кору съ полѣньевъ для печенія изъ нея хлѣба, она другою продаетъ свѣжее масло и куриныя яйца, которыя вѣроятно были бы потреблены ею самою, если бы нужда была дѣйствительно такъ велика, какъ она ее представляетъ. Притомъ же я видѣлъ у ней куръ и хорошо откормленный скотъ. Прибрежные жители Пёзы хотя и занимаются скотоводствомъ, которому много способствуютъ прекрасныя пастбища, разстилающіяся по берегамъ рѣки, однакожъ здѣшній скотъ уступаетъ въ добротѣ мезенскому.

Къ обѣду снѣгъ пересталъ и вѣтеръ поутихъ, такъ-что мы опять могли отправиться въ путь. Между тѣмъ какъ лодка моя снова принуждена была описать большую дугу, я въ сопровожденіи одного изъ моихъ людей пошелъ по проселочной дорогѣ, ведущей чрезъ лѣсъ. Вправо отъ насъ лежало устье рѣчки Палуги, которая наискось отъ Мосѣевской впадаетъ въ лѣвый берегъ Пёзы. Почва сухаго сосноваго лѣса была вся покрыта яглемъ, по которому видно было, что за него уже принималось не одно стадо сѣверныхъ оленей; говорятъ, что Самоѣды проводятъ въ этой странѣ бо́льшую часть зимы. По низменностямъ разстилается мрачный и тѣнистый лѣсъ, покрывающій высохшую и мягкую мшистую почву, на которой Dicranum strumiferum и только-что распустившійся Polytrichum juniperinum ростетъ столь плотными дернами, что другимъ растеніямъ едва представляется возможность поселиться между ними; за то тѣмъ величественнѣе и красивѣе вьется надъ ними Linnaea borealis; мѣстами появляются Oxalis Acetosella и Chrysosplenium

alternifolium съ цвѣтными почками, равно Geranium palustre и Aconitum Lycoctonum; Peltigera crocea, покрытое безчисленнымъ множествомъ чешуекъ, ростетъ мѣстами во влажныхъ мхахъ. На самыхъ низменныхъ мѣстахъ скопляются наружныя воды, которыя всасываются растеніемъ Sphagnum acutifolium; здѣсь же и лѣсъ смѣняется кустарниками; во мшистыхъ болотахъ намъ часто попадалось только что распускавшееся Eriophorum vaginatum. Не смотря на продолжительную холодную погоду, луга примѣтно начинали зеленѣть и многія растенія на нихъ уже распускались, а именно: Achillea Millefolium, Alchemilla vulgaris, Hieracium Pilosella, Aegopodium Podagraria, Spiraea Ulmaria, Veratrum album и Trollius europaeus, равно какъ и маленькая Adoxa Moschatellina.

Сопутникъ мой, видя, что я съ такимъ вниманіемъ разсматриваю травы, началъ увѣрять меня, что эта наука ему нисколько не чужда, что онъ напротивъ того глубоко проникъ всѣ тайны природы и знаетъ 47 различныхъ растеній и даже различныя дѣйствія всѣхъ травъ: а именно, онъ когда-то служилъ у умнаго врача, какъ разсказываетъ, и выучился у него пускать кровь; но будучи уже достаточно посвященъ въ это искусство, онъ неоднократно самъ собиралъ аптекарскія травы и употреблялъ ихъ будто бы очень удачно при леченіи. Впрочемъ, какъ я потомъ узналъ отъ своихъ людей, онъ считался у нихъ опаснымъ человѣкомъ, имѣющимъ сношеніе съ нечистыми силами, которыя будто помогаютъ ему портить людей, т. е. наводить на нихъ разныя болѣзни; такъ нѣсколько бабъ, страдавшихъ икотою, слыли за испорченныхъ и болѣзнь ихъ приписывалась его чарамъ. И дѣйствительно, я замѣтилъ, что не только всѣ дере-

венскіе жители, но и мои люди принимали его всегда очень радушно, вѣроятно изъ боязни раздражить его и навлечь на себя гнѣвъ его, хотя постоянно смотрѣли на него съ какою-то недовѣрчивостью. Этотъ мнимый чародѣй и есть тотъ самый, съ которымъ одинъ изъ моихъ работниковъ побратался, вѣроятно съ цѣлію отклонить отъ себя его чары. Такимъ образомъ и здѣсь наука должна была испытать недовѣріе простолюдиновъ. Впрочемъ познанія моего медика прикрывались такою тьмою, что изъ нихъ едвали можно было бы извлечь даже самую малую частицу; такъ же трудно было разгадать болѣзни, которыя онъ называлъ совершенно посвоему. Такъ напр. онъ называлъ красную грыжу, вѣроятно Haemorrhagia, и совѣтовалъ противъ нея пить отваръ растенія Cladonia cornucopioides; можетъ быть онъ придерживался методы древнихъ, прописывая это средство по причинѣ алыхъ плодовъ этого растенія, которое впрочемъ, по его мнѣнію непремѣнно должно быть собираемо при захожденіи солнца. Противъ ссадинъ, погтоѣдовъ и т. п. онъ совѣтовалъ дѣлать припарки изъ листьевъ растенія Pyrola rotundifolia или minor, которое онъ даже называетъ погтоѣдной травой, и т. п. Наконецъ онъ и самъ вѣрилъ въ возможность испортить человѣка при содѣйствіи нечистыхъ духовъ, и въ доказательство того весьма серьёзно привелъ мнѣ въ примѣръ одного крестьянина, котораго онъ нетолько самъ видѣлъ, но даже пользовалъ, и который, страдая въ одно время и красной грыжей и икотою, до того былъ испорченъ, что на тѣлѣ его образовались вереда, изъ которыхъ выходили щетины, овечья шерсть, солома, опилки, дресва и т. п. Люди мои подтвердили этотъ разсказъ, прибавивъ

по секрету, что разскащикъ-то и былъ виновникъ этой болѣзни. Все это напоминало мнѣ о различныхъ штукахъ волшебства, которыя дѣлались въ Германіи нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Среди подобныхъ разговоровъ со своимъ сопутникомъ, я не замѣтилъ, какъ мы вышли къ рѣкѣ, на противоположномъ берегу которой находилось мѣстечко Калинина. Такъ какъ лодка наша еще не показывалась, то мы велѣли перевезти себя на другую сторону, гдѣ зашли къ одному крестьянину, который слылъ за самаго богатаго по всему теченію Пёзы и который принялъ насъ весьма радушно, угостивъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, а послѣ стола десертомъ, состоявшимъ изъ кореньевъ растенія Chaerophyllum. Между тѣмъ лодка наша прибыла, и когда люди мои подкрѣпили свои силы обѣдомъ, мы отправились далѣе и вскорѣ пріѣхали въ селеніе Бакову, лежащее въ 20 в. отъ Мосѣевской. И на этомъ пространствѣ рѣка большею частію окаймлена высокими песчаными берегами, на которыхъ ростутъ сосны, ели и нѣсколько лиственницъ; эти непрерывные мачтовые лѣса образуютъ, по берегамъ Пёзы и ея притоковъ, всегда только весьма не широкую опушку, граничащую съ открытою тундрой.

Въ Баковой также небыло на лицо мущинъ, потому что одна часть ихъ закупала въ Мезени хлѣбъ, а другая занималась рыбною ловлею въ близлежащихъ озерахъ; жены же ихъ и дѣти сидѣли между тѣмъ безъ хлѣба, почему повсюду были видны запасы болотнаго мха, соломы и березовой коры, назначенныхъ для печенія лепешекъ.

(25 Мая). Умѣренный ЮЮВ вѣтеръ сопровождался тепломъ и яркимъ небомъ, термометръ въ обѣдъ показывалъ 10° Ц. и я наконецъ увѣрился, что и въ этомъ отдаленномъ сѣверѣ существуетъ весна. Насъ провожали песчаные берега, которые мѣстами понижаются, а потомъ опять возвышаются на нѣсколько сажень въ видѣ крутыхъ утесовъ; тотъ же непрерывный лѣсъ изъ елей и сосенъ, между которыми изрѣдка проглядываютъ лиственницы и березы, такъ что глазъ путешественника утомляется, встрѣчая безпрестанно одно и тоже. Къ тому же страна эта весьма скудно населена, потому что отъ Язовца, небольшаго селенія, находящагося въ 7½ в. выше Баковой, къ востоку встрѣчается населенное мѣстечко Елкина не ближе какъ на растояніи 85 в. или 17 нѣмецк. миль; къ сѣверу же до кочевьевъ Самоѣдскихъ и къ югу до рѣки Мезени нѣтъ ни одного жителя.

Къ вечеру небо снова покрылось тучами и мелкій дождь засталъ насъ въ то самое время, когда мы уже отыскали для ночлега удобное мѣсто, въ 50 в. отъ Баковой; густой мрачный лѣсъ покрывалъ умѣренно наклонный скатъ и мы нашли здѣсь на первый случай достаточное убѣжище отъ дождя; веселый огонь, на которомъ варился нашъ ужинъ, согрѣвалъ наши члены, а зеленый лѣсъ служилъ намъ кровомъ.

(26 Мая). Во время ночи дождь перешелъ въ снѣгъ, который покрывалъ землю на нѣсколько дюймовъ и который при тихой безвѣтренной погодѣ не переставалъ падать огромными хлопьями. Люди мои единогласно просили меня позволить имъ сегодня отдохнуть, такъ какъ бугсировка судна при глубокомъ снѣгѣ, покрывавшемъ берега, была работа весьма трудная, а гребля при быст-

ромъ теченіи воды, не могла насъ далеко подвинуть, притомъ же мы не имѣли въ виду встрѣтить хижину, гдѣ бы работники, послѣ такой трудной работы, могли высушить свои промокшія платья. Разсудивъ все это, я не могъ отказать ихъ просьбѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ уже нѣсколько дней сряду жаловался на сильную боль въ груди. Люди мои весьма обрадовались моему согласію и развели такой огонь, что едва не подожгли весь лѣсъ; тутъ они разсѣлись и съ видимымъ удовольствіемъ начали завтракать и распивать чаи, которымъ я ихъ поподчивалъ. Между тѣмъ къ общему несчастію нашему мы замѣтили, что ель, подъ которою мы сидѣли, уже не могла болѣе отвращать отъ насъ сырости и таявшій снѣгъ преспокойно капалъ съ зеленой нашей кровли. Тогда мой никогда не унывающій медикъ и боташикъ затянулъ пѣсню, которую вскорѣ подхватили и прочіе, а именно: «калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ» и т. д.

Снѣгъ шелъ цѣлый день безъ умолку. Къ вечеру мы двинулись нѣсколько впередъ, чтобы найти себѣ удобнѣйшее мѣсто для ночлега, и вскорѣ мы дѣйствительно отыскали его подъ вѣтвями двухъ величественныхъ лиственницъ, которыя вмѣстѣ съ не менѣе величественною елью составляли тріумвиратъ. Крыша, которую образовали густыя вѣтви этихъ деревъ, была такъ плотна, что могла защитить насъ отъ самой сильной мятели; огонь же, разведенный возлѣ насъ и поддерживаемый всю ночь, достаточно нагрѣвалъ нашъ воздушный домъ.

(27 Мая). Утромъ въ 3 часа снѣгъ наконецъ пересталъ и мы немедленно отправились въ путь; однакожъ работникамъ чрезвычайно трудно было бугсировать мою

лодку, потому что на краю лѣса снѣгъ образовалъ слой, отъ 6 до 8 вершковъ толщиною и вся мѣстность вообще приняла видъ зимы, между тѣмъ температура была довольно тепла и термометръ въ 10 час. утра стоялъ на 1¼° Ц. Въ 8 часовъ вечера мы оставили мѣстечко Елкину въ лѣво, а —

(28 Мая) въ 3 часа утра прибыли въ деревню Сафонову, лежащую въ 14 в. отъ Елкиной; здѣсь всѣ крестьяне находились въ большомъ горѣ, потому что глубокій снѣгъ не позволялъ имъ выгонять скотъ свой въ поле, а между тѣмъ запасъ сѣна уже весь истощился; по этому они прибѣгли къ послѣднему средству —т. е. собрали для своего скота мха и ягля, такъ какъ это обыкновенная пища рогатаго скота въ это время года. Такая поздняя весна, какъ нынѣшняя, даже въ этихъ странахъ принадлежитъ къ необыкновеннымъ явленіямъ, потому что и старики едва могутъ припомнить подобную. Впрочемъ, не смотря на холодный воздухъ, снѣжное покрывало значительно уменьшалось, и при пріѣздѣ нашемъ въ Сафонову солнце весело проглядывало между разсѣявавшимися тучами.

Къ несчастію моему я принужденъ былъ пробыть въ Сафоновой одинъ день лишній, потому что это было послѣднее населенное мѣстечко по теченію Пёзы и люди мои просили у меня позволенія спечь себѣ такое количество хлѣба, которое хватило бы имъ на все время путешествія по 280-верстному безлюдному пространству. Я также запасся нѣкоторыми съѣстными припасами, и это мнѣ не стоило большаго труда, не смотря на общій недостатокъ въ хлѣбѣ; потому что заботливая хозяйка наша приготовила запасъ разнаго мяса, живности, рыбы,

масла и молока. Надо бы было удивляться, что люди эти, не смотря на такое разнообразіе съѣстныхъ припасовъ, жаловались на голодъ; но не должны забывать того, что въ постные дни, всѣ эти статьи остаются безъ употребленія. Хозяйка наша имѣла также небольшое стадо сѣверныхъ оленей, состоявшее изъ 50 головъ, которыя паслись въ тундрахъ подъ присмотромъ наемнаго Самоѣда. Вообще же сѣверный олень не принадлежитъ къ хозяйству прибрежныхъ жителей Пёзы, потому что эти послѣдніе, не смотря на суровость климата обитаемой ими страны, все еще не перестаютъ надѣяться на счастливыя жатвы, хотя между прочимъ ячмень есть единственный хлѣбъ, который здѣсь разводится съ успѣхомъ.

Къ 11 часамъ вечера люди мои кончили всѣ свои приготовленія и мы ночью же отправились далѣе.

(29 Мая). Наконецъ-то мы были обрадованы теплымъ весеннимъ днемъ, потому что, при ясномъ небѣ и умѣренномъ ЮВ вѣтрѣ, термометръ въ 10 ч. утра стоялъ на 12½° Ц. Снѣгъ уже наканунѣ весь растаялъ, а потому рѣка замѣтно наводнилась. Видъ береговъ ея былъ однообразенъ. По моему расчету мы отъѣхали отъ Сафоновой на 52½ версты и расположились ночевать подъ толстою елью. Была прекрасная майская ночь и еще въ полночь термометръ показывалъ 10° Ц.; теплый ЮВ вѣтеръ едва шевелилъ воздухъ и легкій сумракъ, который можетъ сравняться съ яснымъ лѣтнимъ вечеромъ тотчасъ по захожденіи солнца въ южнѣйшихъ широтахъ, покрывалъ землю на подобіе прозрачнаго флера. Между тѣмъ какъ все предалось покою, я воспользовался тихою ночью для ботаническихъ занятій въ окружавшемъ насъ лѣсѣ. Тем-

'ный еловый лѣсъ, по обыкновенію, показывалъ мшистую почву, покрытую Hypnum splendens или Dicranum strumiferum и Polytrichum juniperinum. Мѣстами на ней сохранялся еще зимній снѣгъ, а подъ самымъ мхомъ она даже не успѣла оттаять. Толстые древесные стволы, подмытые водою рѣки или вырванные изъ песчаной земли бурею, покрываютъ почву этого сѣвернаго лѣса самыми неправильными группами и гніютъ, скрываясь отъ глазъ путешественника подъ плотною тканью, образовавшеюся изъ лишаевъ, мховъ и Jüngermannien, которые на вывѣтривающейся подпочвѣ производятъ новую свѣжую растительность.

(30 Мая) Проѣхавъ около 7½ в. отъ мѣста нашего ночлега, мы прибыли къ точкѣ соединенія двухъ рѣчекъ, Самосары и Рочуги, которыя, изливая воды свои въ одинъ и тотъ же каналъ, образуютъ Пёзу. Первая изъ нихъ изливается къ точкѣ соединенія въ СЗ-номъ направленіи (*), между тѣмъ какъ главное направленіе ея западное или ЗСЗ, а источники ея находятся въ бассейнѣ озера; послѣдняя, т. е. Рочуга, вытекаетъ изъ ССВ и при соединеніи своемъ кажется шире и значительнѣе Самосары. И такъ мы оставили Пёзу и начали подыматься вверхъ по Рочугѣ. На песчаномъ краю берега цвѣла Tussilago Farfara var.; въ вѣчно однообразныхъ лѣсахъ нельзя было ничего видѣть, кромѣ Vacc. Vitis Idaéa и Myrtillus, Pyrolae, Linnaea и повсюду распространен-

(*) Въ моемъ дневникѣ направленіе Самосары при точкѣ соединенія обѣихъ рѣкъ показано сѣверозападное, что я принимаю не иначе, какъ за описку, не смотря на то, что показаніе это согласуется даже съ чертежемъ подробной карты.

ные мхи и лишаи. На скудныхъ лугахъ, которые изрѣдка представлялись взорамъ нашимъ, все находилось еще только въ зародышѣ и Valeriana officinalis было единственное растеніе, котораго мы до сихъ поръ не встрѣчали. При однообразномъ характерѣ береговъ рѣки насъ поразила между прочимъ одна перемѣна, а именно отсутствіе лиственницы, которой мы не видѣли уже почти отъ самой Елкиной, гдѣ находились послѣднія деревья этой породы. Перемѣна эта показалась намъ тѣмъ страннѣе, что песчаные берега постоянно удерживали свой характеръ; очень можетъ быть, что ее должно приписать отсутствію известковаго флеца, до котораго это дерево до сихъ поръ проникало своими корнями.

Въ 9 или 10 верс. отъ соединенія обѣихъ рѣкъ, на правомъ берегу Рочуги, стоятъ нѣсколько покинутыхъ хижинъ, жители которыхъ переселились въ Сибирь. Въ 9 в. отсюда мы оставили въ сторонѣ устье Урдюги, которая, вытекая съ сѣвера, изливаетъ воды свои въ Рочугу, текущую здѣсь въ СЗ-номъ направленіи, и которая въ ширинѣ нисколько не уступаетъ послѣдней. Въ верхнемъ своемъ теченіи Урдюда слѣдуетъ западному направленію, точно такъ какъ Рочуга, около источниковъ своихъ, принимаетъ болѣе З или ЗЮЗ-ное направленіе. Всѣ эти воды вытекаютъ изъ плоскаго земляного хребта, который, служа раздѣломъ водъ, текущихъ въ Мезень и Печору, тянется подъ этими широтами въ видѣ едва-замѣтной возвышенности.

Выше устья Урдюги рѣка Рочуга становится замѣтно уже, а теченіе ея быстрѣе; чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ труднѣе было людямъ моимъ бугсировать лодку, и

по моему расчету, вмѣсто 2½ версть въ часъ, мы лѣзли всего двѣ версты.

На плоскомъ краю берега мы замѣтили слѣды сѣверныхъ оленей и медвѣдей, которыхъ одинъ и тотъ же инстинктъ пригонялъ къ водѣ; говорятъ, что послѣдніе до того расплодились въ здѣшнихъ лѣсахъ, что путешественники, плавающіе по Пёзѣ и Рочугѣ, обыкновенно встрѣчаютъ одного или двухъ медвѣдей; намъ, благодаря Бога, ни одинъ не попадался.—Мы расположились ночлегомъ на правомъ берегу рѣки, въ 47½ в. отъ послѣдняго нашего пристанища и въ 100 в. отъ Сафоновой, и я по обыкновенію посвятилъ ночные часы ботаникѣ: я отправился вдоль берега небольшаго лѣснаго ручья, который, вытекая изъ турфяныхъ болотъ косогора, вливается въ Рочугу около мѣста нашего ночлега. Тѣнистые поросшіе елями холмы окаймляютъ глубокую пропасть, по которой воды изливаются быстрыми и шумными потоками. Косогоръ, возвышаясь надъ зеркаломъ Рочуги на 60—70 фут., разстилается въ видѣ горизонтальной равнины и представляетъ, то безлѣсное турфяное болото жалкой наружности, то прекрасный сосновый лѣсъ, котораго почва устлана на всемъ пространствѣ бѣлымъ мшистымъ ковромъ, состоящимъ почти исключительно изъ ягля и нѣсколькихъ другихъ кладоній (Cl. fimbriata и cornucopioides), и только мѣстами изъза толстаго покрывала проглядываетъ зеленое растеньице. Какая удивительная разница въ дѣйствіи, произведеннымъ на меня этой безмолвною тишиною ночи въ сухомъ хвойномъ лѣсу съ его меланхолически качающимися верхушками и тѣми ночами, которыя я провелъ на

берегахъ нижней Пёзы, гдѣ къ хвойному лѣсу присоединяются зеленые луга и красный лѣсъ!

Изъ явнобрачныхъ растеній, около опушки лѣса, мнѣ попадались: Paeonia, которую я впослѣдствіи призналъ за P. intermedia Mey., Polygonum Bistorta, Thalictrum, Delphinium и Aconitum Lycoctonum Wahl.; всѣ эти растенія только еще начинали распускаться. Красный звѣробой и Lonicera Pallasii встрѣчались мнѣ необыкновенно часто.

(31 Мая) Отъѣхавъ на 10 в. отъ нашего ночлега, мы опять увидѣли лиственницу, которая, не смотря на то, что характеръ береговъ рѣки оставался тотъ же, начала показываться чаще и чаще. Это заставило меня предположить, что вблизи находятся горныя породы; между тѣмъ люди, на разспросы мои объ этомъ предметѣ, отвѣчали, что хотя въ этой странѣ и нѣтъ каменныхъ горъ, однакожъ въ руслѣ рѣки, надъ зеркаломъ водъ, находится множество черныхъ и бѣлыхъ каменныхъ плитъ, которыя видны только во время мелководія и которыя значительно затрудняютъ плаваніе вверхъ по рѣкѣ. Принадлежатъ-ли эти каменныя плиты къ лежащимъ на дневной поверхности горнымъ породамъ, или представляютъ только наносныя обломочныя плиты? Вотъ вопросъ, котораго я не могъ разрѣшить съ точностію. Впрочемъ появленіе лиственницы заставляетъ предполагать первое, и обозначенныя въ описаніи плиты представляютъ вѣроятно глинистые сланцы и известняки, обломки которыхъ встрѣчались уже намъ на берегахъ Пёзы.

Послѣ обѣда небо покрылось тучами и насъ спрыснулъ первый майскій дождь. Въ 9 часовъ вечера мы прибыли къ Пёзскому волоку, т. е. къ тому мѣсту, къ

которому стремится каждый путешественникъ, находящійся между Мезенью и Устьцыльмою, потому что здѣсь конецъ трудному плаванію вверхъ по рѣкѣ; отсюда путешественникъ быстро спускается по Цыльмѣ въ Устьцыльму, или по Пёзѣ—въ Мезень. Небольшое пространство земли, а именно какія-нибудь 15 верстъ отдѣляютъ Рочугу отъ Чирки, притока Цыльмы, а потому здѣсь всегда есть лошади, которыя перевозятъ, отъ одной рѣки до другой, не только путешественниковъ и ихъ поклажу, но даже лодки, на которыхъ они подымались вверхъ по рѣкѣ; перевозка этихъ послѣднихъ, конечно, весьма затруднительна, но тѣмъ не менѣе она необходима, потому что берега Чирки и Рочуги здѣсь необитаемы, и слѣдовательно добыть лодку никакимъ образомъ не возможно. Нѣсколько хижинъ стоятъ на высокомъ правомъ берегу Рочуги и служатъ временнымъ мѣстопребываніемъ ямщиковъ, которые обязаны держать восемь лошадей для перевозки путешественниковъ и ихъ лодокъ. Подрядъ принимается по договору съ общиною Койносской волости, мѣстопребываніе которой находится на рѣкѣ Мезенѣ, почти около впаденія въ нее Пижмы; хотя волость эта и значительно отдалена отсюда, однакожъ къ ней приписана большая часть селеній, расположенныхъ вдоль Пёзы, равно какъ и Пёзской волокъ.

Радость о прибытіи нашемъ къ волоку вскорѣ кончилась, когда мы увидѣли, что здѣсь нѣтъ ни одной живой души. — Не желая терять времени, я тотчасъ же послалъ двухъ молодцевъ въ единственное мѣстечко этой страны, гдѣ мы надѣялись встрѣтить людей, а именно въ Койнопскую пустыню (лежащую въ 40 в. отъ Рочугскихъ хижинъ, на берегу Цыльмы), чтобы добыть

оттуда лошадей, которыя бы перевезли чрезъ волокъ какъ насъ самихъ, такъ и лодку нашу. Самъ же я терпѣливо рѣшился ждать возвращенія посланныхъ.

Жалкая хижина съ двумя отверстіями, замѣняющими окна, представляла жилое строеніе; принадлежности ея: отдѣленіе для лошадиной сбруи, имѣвшее въ объемъ всего одну квадр. сажень, и баня съ такою низенькою дверью, что войти въ нее можно было не иначе какъ ползкомъ. Для отправленія молитвы, около хижины былъ водруженъ крестъ, между тѣмъ какъ другой былъ привязанъ къ верхушкѣ высокой ели. Поперечныя перекладины обоихъ крестовъ, согласно съ церковными установленіями, были обращены почти прямо къ востоку, а изображеніе распятія находилось на западной сторонѣ, такъ-что молящійся всегда обращался лицомъ къ востоку. Мнѣ нѣсколько разъ удавалось видѣть русскаго мужика, творящаго молитву подъ открытымъ небомъ, гдѣ взоръ его не привлекался никакимъ наружнымъ изображеніемъ божества, и онъ почти всегда стоялъ лицомъ къ востоку, гдѣ восходитъ благотворное свѣтило; несравненно рѣже онъ обращалъ взоры свои въ ту сторону, гдѣ находится солнце.

(1 Іюля) Утромъ рано я отправилъ своихъ людей въ Кайносскую пустыню. Сначала я думалъ отправиться вмѣстѣ съ ними, чтобы познакомиться со свойствами этой мѣстности, тѣмъ болѣе, что дорога, по которой имъ надо было итти, вела черезъ нагорную равнину плоской возвышенности, служащей раздѣломъ водъ, гдѣ я предполагалъ встрѣтить обнажения горныхъ породъ; но потомъ оставилъ свое намѣреніе, потому что узналъ отъ людей, которые уже не разъ тамъ бывали, что страна

эта почти на всемъ пространствѣ нашего пути усѣяна одними болотами и сухимъ хвойнымъ лѣсомъ и что она перерѣзана безчисленнымъ множествомъ ручьевъ и источниковъ и только весьма немногими холмистыми возвышеніями; слѣдовъ же обнаженія горныхъ породъ нигдѣ нельзя было открыть, такъ какъ первые обнаженные камни встрѣчаются снова не ближе какъ около Цыльмы. На этомъ основаніи я остался около нашей хижины на берегу Рочуги и по возможности старался извлечь пользу изъ оставшагося мнѣ свободнаго времени, употребляя его на изслѣдованіе окрестностей. О горныхъ породахъ этой страны я ничего не могъ узнать, потому что по берегу рѣки, покрайней мѣрѣ при настоящемъ полноводіи послѣдней, нельзя было впдѣть ни одной обнаженной горной породы. Все, что я могъ замѣтить, это-не большіе довольно острокрайные обломки твердаго тонкослоеватаго глинистаго сланца сѣро-чернаго цвѣта.

Изъ растеній здѣсь цвѣли: *Ranunculus Auricomus*, *Ornithogalum luteum*, *Tufsilago Farfara*, *Eriophorum vaginatum*, *Chrysosplenium alternifolium*, *Adoxa Moschatellina*; также нѣсколько ивъ, окаймляющихъ берегъ рѣки. *Botrychium rutaceum*, ростущій на обращенномъ къ солнцу возвышеніи рѣчнаго берега, уже отцвѣталъ. Окружавшій насъ лѣсъ выказывалъ свои обыкновенныя мѣстопребыванія: сухія покрытыя ягелемъ равнины, гдѣ можно встрѣтить *Кладоніи* и *Stereocaulon tomentosum*, между которыми попадаются также *Cetraria islandica*, *Peltigera crocea*, *Arctostaphylos officinalis* и *Lycopodium complanatum*; или же тѣнистая, покрытая лѣсомъ, холмистая земля, почва которой, вообще мшистая, усѣяна преимущественно слѣдующими растеніями: *Hypnum splen-*

dens, *Dicranum strumiferum* и *Polytrichum juniperinum*, а также: *Peltigera horizontalis*, *aphthosa* и *arctica*, *Biatora icmadophila*, *Parmelia tartarea* β. *frigida*, *Dicranum heteromallum*, *Tetraphis pellucida*, *Leskea polyantha*, *Ceratodon purpureus*, *Jungermannia reptans* и *ciliaris*; *Lycopodium annotinum* мнѣ попадалось довольно часто; кромѣ того я встрѣчалъ нѣсколько экземпляровъ Aconitum Lycoctonum, а молодые отпрыски и сохранившіеся съ прошлаго лѣта остатки піоновъ (Paeonia intermedia), которые въ Іюнѣ мѣсяцѣ красуются своими яркими цвѣтами, занимаютъ цѣлыя пространства сырой тѣнистой низменности.—Гораздо бѣдиѣе и скучиѣе турфяныя и мшистыя болота, въ которыхъ растутъ только кривыя деревья и мелкіе кустарники, какъ то: *Betula nana*, *Ledum palustre*, *Calluna vulgaris*, *Empetrum nigrum*, *Arctostaph. officinalis* и т. п. Тѣнистые скаты лѣса на берегу рѣки окаймляются различными видами ивъ (Salix hastata, aurita, Capraea), равно черемухой, рябиной, красной смородиной, *Lonicera Pallasii*, *Spiraea chamaedrifolia*; послѣдняго мы до сихъ поръ еще ни гдѣ не встрѣчали; вокругъ деревьевъ и кустарниковъ вьется растеніе Atragene alpina, извѣстное у туземцевъ подъ именемъ дикаго хмѣля. Однакожъ большая часть кустарниковъ едва обнаруживали признаки жизни и растительность, только-что начавшая развиваться, отстала отъ весны въ окресностяхъ С. Петербурга на цѣлыя четыре недѣли. За то установившаяся въ воздухѣ весенняя теплота была тѣмъ пріятиѣе; термометръ поднимался до 21° Ц.

(2 Іюня). День былъ тихій и жаркій, какой бываетъ у насъ среди лѣта; на небѣ не было ни одного

облака и температура послѣ обѣда увеличилась до 24° Ц. Растительность въ теченіи сутокъ сдѣлала невѣроятные успѣхи: молодые отпрыски быстро пробились изъ-подъ постепенно размягчавшейся почвы; луга покрылись свѣжею зеленью; береза распустилась; лиственница показала свои пучечки мелкихъ листьевъ; ивы разцвѣли; Spiraea chamaedryfolia обѣщала вездѣ также одѣть лѣтнюю свою одежду. Казалось волшебное дуновеніе внезапно пробудило въ природѣ жизнь. Солнце скрылось теперь за лѣсомъ на какой-нибудь часъ, не болѣе; ночи были также свѣтлы какъ и дни и я,—какъ это, говорятъ, случается со всѣми путешествующими по отдаленному Сѣверу,—совершенно потерялъ сонъ: я или блуждалъ по лѣсу, или же занимался чтеніемъ, письмомъ и даже рисованіемъ. Послѣдніе же двадцать четыре часа я употребилъ на то, чтобы каждые полчаса слѣдить за измѣненіями термометра и барометра, желая изслѣдовать различныя перемѣны, происходящія въ термометрѣ и давленіе воздуха въ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что наблюденіямъ этимъ весьма много способствовало необыкновенно спокойное состояніе атмосферы.

Между тѣмъ оставшіеся при мнѣ люди наслаждались совершеннымъ покоемъ; самымъ любезнымъ занятіемъ ихъ было ходить въ баню, которую они натапливали до нес plus ultra и въ которой они каждый день съ видимымъ наслажденіемъ расправляли свои члены вѣниками. Я велѣлъ туда внести термометръ, и когда, спустя нѣсколько времени мнѣ подпесли его къ дверямъ,—въ самую баню я не въ состояніи былъ войти,—онъ стоялъ еще очень высоко, несмотря на то, что успѣлъ уже опуститься вслѣдствіе притока внѣшняго воздуха чрезъ

раскрытую дверь ; довольно того, что я не могъ удержать въ рукѣ металлической скалы.

3 Іюня одинъ изъ моихъ посланныхъ возвратился съ печальнымъ извѣстіемъ, что въ Кайносской Пустыни уже два года тому назадъ всѣ лошади до одной погибли вслѣдствіе скотскаго падежа, что тамъ нельзя достать также ни одной лодки, потому что крестьяне со своими лодками отправились на ярмарку въ Устьцильму, и что въ Кайносѣ остался только дряхлый старичекъ съ двумя старухами. Другой посланный, которому Койносскіе жители сказали, что въ Котѣ онъ можетъ встрѣтить нѣсколько Самоѣдовъ съ сѣверными оленями, былъ столь же несчастливъ, потому что, по прибытіи въ Коту, онъ нашелъ только свѣжіе слѣды пребыванія тамъ Самоѣдовъ между тѣмъ какъ сами они уже изчезли, отправившись, безъ всякаго сомнѣнія, далѣе на сѣверъ. Такимъ образомъ мы потеряли всякую надежду найти средство къ дальнѣйшему путешествію; лошадей у насъ не было, сѣверныхъ оленей также; и если бы мы собственными силами и перетащили свою поклажу черезъ волокъ, то все же, откуда намъ взять лодку для дальнѣйшаго плаванія? Къ счастію я это предвидѣлъ и потому уже изъ Усть-Пёзы написалъ къ исправнику письмо, въ которомъ просилъ его, въ случаѣ мезенскіе ямщики еще не думаютъ возвращаться, поторопить ихъ ѣхать обратно. Итакъ намъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ покориться обстоятельствамъ и терпѣливо ожидать прибытія ямщиковъ.

Около 10 часовъ утра на небѣ показались громовыя тучи и вслѣдъ за тѣмъ послышался отдаленный громъ, который впрочемъ до насъ не дошелъ, потому

что тучи прошли стороной. Между тѣмъ жара становилась невыносимою: около 10 часовъ утра было 22½° Ц. *Betula nana* начала цвѣсти, и я въ дополненіе къ поименованнымъ уже мною растеніямъ нашелъ цвѣтущій экземпляръ **волчьяго лыка** *(Daphne Mezereum)*.

4 Іюня березы, которыя два дня тому назадъ едва обнаруживали первыя признаки жизни, совершенно распустились.

Мѣсто, на которомъ мы оставались по неволѣ, не представляло ничего замѣчательнаго. Я, по возможности, съ пользою проводилъ праздное время, между тѣмъ какъ люди мои проводили его во снѣ. Въ одинъ прекрасный день имъ пришла фантазія напиться и для этой цѣли они приготовили себѣ отваръ цѣлибухи (nux vomica), которая, по причинѣ охмѣляющаго дѣйствія своего, замѣняетъ спиртовые напитки и не рѣдко употребляется Мезенцами; однакожъ я разстроилъ ихъ планъ, выливъ драгоцѣнную влагу на землю.

(5 Іюня) Люди мои въ Койносскомъ скитѣ узнали, что въ 15 верстахъ отъ нашего мѣстопребыванія, на берегу изобилующаго рыбою озера Зюрзы, находится жилище рыбака; и такъ какъ они начинали ощущать недостатокъ въ хлѣбѣ. точно такъ, какъ и я замѣтилъ сильное уменьшеніе своихъ припасовъ, происшедшее отъ пребыванія нашего въ безхлѣбныхъ деревняхъ около Пе́зы, то мы рѣшились отыскать рыбака въ надеждѣ поживиться у него, если не мукой, то по-крайней мѣрѣ свѣжей рыбой. Около полудня мы начали свое странствованіе, оставили впрочемъ двухъ людей на мѣстѣ, чтобы они, въ случаѣ прибытія ямщиковъ, могли намъ дать знать. Тропинка, по которой мы направили свои

стопы, вела по сплюснутымъ холмамъ и равнинамъ черезъ сосновый лѣсъ. Сухой песчаный грунтъ послѣдняго представлялъ безконечные луга, только мѣстами смѣняющіеся пространствами меньшаго протяженія, которыя, какъ будто желая дать отдохнуть утомленному глазу путешественника, переодѣваются въ красноватую мантію цвѣтущаго растенія Polytrichum piliferum и, не взирая на сухость своей почвы, радушно принимаютъ въ свое лоно нѣкоторыя явнобрачныя растенія, какъ напр. Arctostaph. officin., Empetrum, Vaccinium Vitis idaea, Carex ciliata. На скатахъ холмовъ и въ углубленіяхъ долинъ лѣсъ становится гуще и сосна здѣсь уступаетъ свое господство ели; грунтъ же усѣянъ растеніемъ Hypnum splendens, среди котораго красуется цвѣтущая Luzula pilosa.

Отошедши на 4 в. отъ нашихъ хижинъ, мы очутились около быстраго ручья, такъ называемой **Бѣлой Рѣчки**, которая изливаетъ свои прозрачныя воды по каменистому руслу и которая обязана своимъ названіемъ толстымъ пластамъ обломковъ бѣлаго известняка, прикрывающимъ берегъ ея. Угловатый видъ этихъ обломковъ, равно и количество ихъ, заставляли полагать, что первоначальное мѣсторожденіе этой породы находится недалеко отсюда, между тѣмъ какъ встрѣчающіеся между ними округленныя массы роговика, судя по виду гальковъ, вѣроятно принадлежатъ къ кремнистымъ сросткамъ того же самаго известняка. Перешедши ручей въ бродъ и приблизившись къ Рочугѣ, правый берегъ которой ограничиваетъ впѣшнюю ея дугу и представляетъ собою крутой обрывъ отъ 8 до 9 саж. вышиною, мы снова набрели на известнякъ, который, не бу-

лучи впрочемъ смѣшанъ съ массами кремизема, расположенъ толстыми горизонтальными слоями на высотѣ 15—20 фут. отъ уровня воды и покрытъ пластомъ песку въ 5 и 6 ф. толщиною. Старанія наши отыскать окаменѣлости были тщетны. Только между валунами, по окраинѣ рѣчнаго берега, мы замѣтили известнякъ, который по содержавшимся органическимъ веществамъ считался принадлежностію пермской системы; а также обломки сѣрочернаго глинистаго сланца, точильника и роговика, все породы, принадлежавшія верховьямъ рѣки. Среди гальковъ, на берегу рѣки, выглядывала цвѣтущая *Nardosmia laevigata*, а на высотѣ берега, вмѣстѣ съ известнякомъ, показалась величественная лиственница.

Тутъ намъ пришлось перейти рѣчку въ бродъ, что было очень не трудно сдѣлать, потому что вода ея едва покрывала наши колѣна. По ту сторону рѣчки мѣстность оставалась столь же однообразною. Въ 2½ в. отъ Рочуги мы перешли черезъ Черный ручей и намъ представились болотистыя низменности и обросшія кустарникомъ мшистыя болота, гдѣ кромѣ Betula nana, Caltha palustris и Eriophorum vaginatum, начинали цвѣсти также: Bubus Chamaemorus, Schollera Oxycoccos и Andromeda calyculata. Къ вечеру мы достигли цѣли нашего странствованія и увидѣли себя въ рыбачьей хижинѣ, хозяинъ которой принялъ насъ очень ласково. Едва мы прибыли къ мѣсту, какъ пошелъ теплый дождь, который имѣлъ благотворное вліяніе на развивавшуюся растительность.

6 Іюня была Троица, почему люди мои просили меня позволить имъ не согласиться на мое желаніе отправиться ловить рыбу въ озерѣ съ ранняго утра, а от-

ложить это занятіе на послѣ обѣда, т. е. послѣ 9 часовъ утра, потому что въ это время они могли отобѣдать. Любезный нашъ хозяинъ далъ намъ двѣ лодки и неводъ въ 80 саж. длиною и, взявъ съ собой своего работника, стараго Самоѣда, пошелъ вмѣстѣ съ нами на ловлю. Между тѣмъ какъ люди гребли веслами, я замѣтилъ на высокой лиственницѣ, стоявшей на берегу озера, орлиное гнѣздо, обитатель котораго по приближеніи нашемъ взвился на воздухъ. При этомъ рыбакъ замѣтилъ, что этотъ гость вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ гнѣздится все на одномъ и томъ же деревѣ, а между тѣмъ еще никто не дерзалъ нарушить его спокойствія. По общему мнѣнію мезенскихъ крестьянъ всякій, кто застрѣлитъ орла, — эту царскую птицу, которая, какъ эмблема имперіи, изображается на государственной монетѣ, считается преступникомъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водящаяся въ водѣ живность, какъ напр. утки, дикіе гуси и. т. д., ловится также силками, которые разставляются надъ зеркаломъ воды, между иовыми кустарниками, то иногда случается, что орелъ, низвергаясь на пойманную въ силкахъ птицу, самъ запутывается и погибаетъ. Такой случай хозяинъ силковъ считаетъ для себя величайшимъ несчастіемъ, потому что онъ считаетъ себя виновникомъ гибели орла.

Ловъ нашъ былъ весьма удаченъ. Въ двѣ тони, заброшенныя на мое и хозяиново счастіе, вытащали 26 сиговъ, нѣсколько налимовъ и другихъ водящихся въ Пезѣ рыбъ, между прочимъ достаточное количество такъ называемыхъ озерскихъ сельдей (Salmo Albula L. Pall.).

Зюраа не совсѣмъ незначительное озеро; оно имѣетъ около 5 в. длины и 1½—2 в. ширины; въ верхнюю его часть вливается **Лиственничная Виска**, а нижняя даетъ начало **Зюрзенской Вискѣ**, впадающей въ Рочугу. Жители Койносской пустыни, единственнаго обитаемаго мѣстечка этой страны, построили на берегу этого озера извѣстную намъ хижину, которая въ опредѣленное время года служитъ имъ пристанищемъ; поселяются же они здѣсь для того, чтобы заниматься рыбною ловлею на Зюрзѣ. Рыбаки начинаютъ свое занятіе въ половинѣ или въ концѣ мая и продолжаютъ его до наступленія зимы. Наловленная рыба частію подвергается соленію въ бочкахъ, частію сушится, частію же, послѣ Филиппова дня (11 Окт.), сохраняется замороженная. Во все время своего пребыванія около Зюрзы, пять человѣкъ обыкновенно наловятъ отъ 10 до 15 бочекъ рыбы и все это количество зимнимъ путемъ отправляется для продажи на Никольскую ярмарку въ Пинегѣ или въ Мезень. Цѣна рыбы на этихъ ярмаркахъ бываетъ различна, смотря по достоинству самой рыбы. Такъ напр. бочка сиговъ стоитъ обыкновенно 50 руб., тогда какъ за такую же бочку щукъ платится всего 20 р.; мелкая рыба продается на вѣсъ, по 4 и по 5 р. за пудъ. Среднимъ числомъ за каждую бочку выручается 25—30 руб.; въ разницу свѣжая рыба около Пезы продается дороже; такъ напр. фунтъ сига стоитъ 10, а другой рыбы 5 и 7 копѣекъ. Должно однакожъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени, а именно съ тѣхъ поръ, какъ жители Кайносской пустыни обѣдиѣли, эта рыбная ловля также пришла въ упадокъ, такъ-что вмѣсто прежнихъ 5 человѣкъ, которые обыкновенно про-

водили здѣсь лѣто, теперь рыбною ловлею занимаются только двое.

Потомки первыхъ обитателей Койносской Пустыни пріобрѣли себѣ нѣкоторое состояніе, котораго они впрочемъ въ послѣдніе годы лишились вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ случаевъ. Они занимались земледѣліемъ, сѣяли ячмень и небольшое количество ржи, но частые неурожаи принудили ихъ совершенно оставить этотъ промыселъ и обратить все свое вниманіе на скотоводство, которому благопріятствовала уже самая мѣстность. Произведенія его, какъ то: масло, сало, овечья шерсть, мясо и кожа, отправляются зимнемъ путемъ на Никольскую ярмарку въ Пинегу, гдѣ они вымѣниваются на хлѣбъ и другіе необходимые предметы. Еще очень недавно у Койносскихъ жителей было около 300 головъ сѣверныхъ оленей и слишкомъ 20 лошадей; но послѣдній скотскій падежъ, въ одну весну, лишилъ ихъ всего этого богатства. Для скота своего они дѣлали большіе запасы не только сѣна, но и ягля, отъ котораго рогатый скотъ никогда не отказывается; одинъ лошади пренебрегаютъ этимъ кормомъ.

Запасшись достаточнымъ количествомъ муки и рыбы, мы собрались въ обратный путь къ нашимъ хижинамъ. Рочуга, вслѣдствіе вчерашняго продолжительнаго дождя, сильно разлилась и заставила насъ призадуматься о томъ, какъ перебраться черезъ нее. Здѣшній житель, правда, никогда не затрудняется въ подобныхъ случаяхъ, потому что два срубленныхъ дерева,—топоръ же всегда при немъ,—будучи положены поперекъ рѣки, составляютъ обыкновенно очень надежный мостъ; однакожъ приготовленіе такого моста отняло бы у насъ покрайней

мѣрѣ часъ времени, почему мы и рѣшились итти опять въ бродъ. Хотя мы всѣ и благополучно перешли на другую сторону, однакожъ рискъ съ нашей стороны былъ большой, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода прежде едва покрывала колѣна, теперь мы уходили въ нее по поясъ; притомъ же теченіе воды было такъ сильно, что мы на скольскомъ днѣ могли держаться на ногахъ только помощію длинныхъ шестовъ, которыми каждый изъ насъ запасся. По срединѣ рѣки я какъ-то поскользнулся и теченіе такъ быстро понесло меня, что я съ большимъ трудомъ опять могъ встать на ноги.

7 Іюня меня разбудили съ пріятною вѣстью, что ночью пріѣхали ямщики и привели въ наше распоряженіе цѣлыхъ восемь лошадей. Я немедленно велѣлъ начать укладывать вещи. Лодка наша, которая всю ночь простояла на берегу, чтобы просохнуть и сдѣлаться полегче, была спущена на рѣку; вся поклажа уложена въ трехъ найденныхъ здѣсь высокихъ саняхъ особеннаго устройства, и въ каждые изъ нихъ запряжено было по одной лошади; лодку же должны были тащить четыре лошади, запряженныя гусемъ, такъ какъ узкая дорога не допускала никакой другой упряжи. Съ этимъ страннымъ караваномъ мы утромъ рано отправились въ путь. Процессія наша, какъ это можно себѣ представить, подвигалась впередъ чрезвычайно медленно, такъ что я имѣлъ время ознакомиться съ мѣстностями, по которымъ мы проѣзжали, и заняться ботаникою. Умѣренно покатые холмы смѣнялись обширными болотистыми низменностями. Пустой сосновый лѣсъ, обнаруживавшій свѣжіе слѣды пожара, покрываетъ песчаныя возвышенія, которыхъ сухая и совершенно безплодная почва, на не-

обозримыхъ пространствахъ, обложена дернами изъ Polytrichum piliferum, между которыми, кромѣ Calex ciliata W. и Arctostaph. officin., едва ли найдется еще что нибудь. Въ болотахъ, прерывающихъ лѣсъ, также ничего невидать, кромѣ березы ерника и низенькихъ ивовыхъ кустарниковъ (Salix hastata и arenaria), Ledum palustre, Andromeda calyculata и polifolia, Rubus Chamaemorus и Eriophorum vaginatum и angustifolium. Лошади наши безпрестанно вязли въ этихъ болотахъ и люди всякій разъ общими силами должны были вытаскивать ихъ, что весьма замедляло нашу ѣзду. Проѣхавъ верстъ съ пять, мы должны были переходить черезъ маленькій ручей, который, протекая лѣсомъ, вливается въ Рочугу. Начиная съ долины этой послѣдней земля возвышается очень постепенно, такъ-что высота ея отъ уровня моря равняется какимъ нибудь 400, а отъ зеркала Рочуги около хижинъ, стоящихъ у волока, всего только 200 парижск. футамъ. Отъѣхавъ на 7 верстъ отъ этихъ хижинъ, мы очутились на низменномъ берегу озера, извѣстнаго подъ именемъ **Перваго Волоковаго озера**, гдѣ ожидали прибытія лодки, которую спустили на воду для того, чтобы ее съ помощію веселъ перевезли на нашъ берегъ; лошадей же повели кругомъ по сухому пути. Узенькая, заросшая ивовыми кустарниками рѣчка, или лучше сказать каналъ, по которому мы должны были пробивать себѣ дорогу топоромъ, ведетъ изъ перваго Волоковаго озера во **Второе**. На восточномъ берегу этого послѣдняго мы сдѣлали привалъ, чтобы подождать прибытія лошадей. Оба озера имѣютъ почти равную величину и, простираясь почти на 3 в. въ длину, лежатъ на линіи рубежа водъ Мезени и Печоры или на нагорной равни-

нѣ Тиманскаго кряжа, едва замѣтныя возвышенія котораго повсюду носятъ характеръ настоящей равнины. На восточномъ концѣ втораго озера находится ручей Рубиха, который, протекая въ юговосточномъ направленіи, проводитъ воду этихъ двухъ озеръ въ Чирку. Съ этой послѣдней онъ соединяется въ 15 верстахъ ниже хижины, которая стоитъ на лѣвомъ берегу Чирки и къ которой нельзя иначе попасть, какъ черезъ волокъ, ведущій отъ Рочуги къ Чиркѣ. Если можно когда нибудь думать о возстановленіи порядочнаго воднаго сообщенія между Рочугой и Чиркой, то упомянутый ручей весьма много способствуетъ осуществленію этого плана, потому что еще очень недавно на немъ ѣздили на маленькихъ лодкахъ, чтобы изъ Волоковыхъ озеръ водой же попасть въ Чирку, причемъ затруднительная дорога сухимъ путемъ сокращалась на половину, а самая непроходимая ея часть оставалась совершенно въ сторонѣ. Рубахой (1) названъ этотъ ручей потому, что лодочники, живущіе на берегахъ Рочуги, имѣли обыкновеніе всякій годъ вырубать ивовые кустарники, окаймляющіе ручей; это дѣлалось для того, чтобы освободить въ немъ фарватеръ. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ вырубка кустарниковъ прекратилась и ручей въ теченіе этого времени до того обросъ, что нѣтъ никакой возможности ѣхать по немъ.

Когда лошади пріѣхали, ихъ тѣмъ же порядкомъ впрягли въ лодку и сани, и мы отправились дальше.

---

(1) Какъ давно уже извѣстно это водное сообщеніе, это доказываютъ записки Гербершгейна, который упоминаетъ о томъ же ручьѣ и подъ тѣмъ же именемъ. Сравни Herbesrtein a. a. O.

Земля и здѣсь подымалась очень постепенно, представляя собою покрытый лѣсомъ холмистый, песчаный грунтъ, который, достигнувъ высоты 470 пар. фут. надъ уровнемъ моря, точно также постепенно, почти незамѣтно, начинаетъ опять понижаться. Вскорѣ мы очутились на краю лѣса и увидѣли передъ собою обширную болотистую низменность, гдѣ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили Мезень, взорамъ нашимъ открылся отдаленный горизонтъ, отражавшій на небѣ синеватую узкую кайму восточныхъ равнинъ.

Теперь намъ приходилось переправляться черезъ самую песносную часть волока, потому что передъ нами разстилалась обширная болотистая равнина, мягкая и топкая, гдѣ даже не было кустарниковъ, которыхъ корни могли бы укрѣпить нѣсколько почву, а только Eriophorum vaginatum и angustifolium и другія мелкія травы. Каждый шагъ сопровождался съ неимовѣрными усиліями, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди вязли только по колѣна, лошади уходили по самую грудь и не могли уже двигаться ни назадъ ни впередъ; при этомъ люди всякій разъ общими силами вытаскивали ихъ за голову и за хвостъ. Наконецъ послѣ многихъ труловъ имъ удалось перевезти сани чрезъ болота, между тѣмъ какъ лодка, которую уломившіяся лошади не могли болѣе тащить, осталась въ болотѣ до слѣдующаго утра.

Мы отправились ночевать въ хижину, стоявшую на правомъ берегу Рочуги и имѣвшую по обыкновенію весьма невыгодное устройство, потому что объемъ ея едва равнялся одной кубической сажени. Исключая нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ, вся поклажа была переве-

зена очень благополучно. На берегу рѣки намъ попалась цвѣтущая Rubus arcticus и Lycopodium Selago. Тотъ же глинистый сланецъ, который мы находили около Рочуги, встрѣчается здѣсь въ огромныхъ обломочныхъ глыбахъ.

(8 Іюня). Утромъ рано лодку приволокли къ рѣкѣ и спустили на воду и уже въ 10 часовъ мы катили внизъ по быстрому ручью. Этотъ самъ по себѣ весьма незначительный ручей, благодаря продолжительному дождю, такъ наводнился, что онъ почти во всемъ своемъ теченіи предлагалъ удобный фарватеръ, выключая только немногія мѣста въ нижнемъ его теченіи, гдѣ онъ съ увеличенною скоростью изливается по обломочнымъ глыбамъ, которыя, будучи только слегка покрыты водою, задѣваютъ киль проѣзжающей здѣсь лодки. Эти мѣста у туземцевъ называются кременцами; изъ нихъ два болѣе другихъ затрудняютъ плаваніе, особливо при мелководіи, когда весь ручей имѣетъ весьма неглубокое каменистое русло. Горная порода, которая проглядываетъ изъ-подъ покрытыхъ травою холмовъ, есть глинистый сланецъ. Ели и лиственницы ростутъ на высотѣ берега рѣчки, крутые скаты которой смѣняются прекрасными лугами.

Въ теченіи двухъ часовъ мы проѣхали всю рѣку до самаго устья ея, откуда своротили въ ея главную рѣку, Ыльму, по которой поѣхали дальше. Послѣ обѣда насъ настигла гроза, сопровождаемая проливнымъ дождемъ, отъ котораго мы нашли убѣжище подъ густыми вѣтвями елей и лиственницъ. Берегъ рѣки и здѣсь окаймляется скалами, которыя, будучи нѣсколько саженъ вышиною и представляя крутой обрывъ, возвышаются

надъ зеркаломъ воды. Горныя породы, изъ которыхъ этотъ берегъ составленъ, придаютъ ему особенную форму, такъ-что онъ представляетъ растянутые холмы съ крутыми скатами и плоскими вершинами, смѣняющіеся по временамъ узкими пропастями, въ которыхъ наружныя воды съ крутыхъ и отвѣсныхъ высотъ низвергаются на обнаженные концы слоевъ горныхъ породъ или ихъ обломки. Берегъ рѣки покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Горная порода уподобляется, то песчаному глинистому сланцу, то настоящему песчанику, смотря по тому, обнаруживаетъ-ли она сланцевидное сложеніе, или, теряя это послѣднее, переходитъ въ плотный глинистый песчаникъ. При умѣренной плотности, она имѣетъ зеленоватый цвѣтъ, переливающій въ сѣрый, бурый и оливковый; болѣе плотныя видоизмѣненія ея обнаруживаютъ грубый изломъ и должны быть разсматриваемы какъ глинистый песчаникъ, который, по мѣрѣ того, какъ глиноземъ становится существеннѣйшею составною частью его массы, принимаетъ сланцевидное сложеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и видъ настоящаго глинистаго сланца. Примѣшанныя къ нему слюдяныя чешуйки часто придаютъ поверхностямъ слоевъ мерцающій блескъ. Нѣкоторыя видоизмѣненія этой горной породы обнаруживаютъ слабое дѣйствіе на магнитную стрѣлку. Бурый цвѣтъ ея происходитъ отъ соединяющейся въ ней водной желѣзной окиси. Тѣ слои, въ которыхъ эта послѣдняя преобладаетъ, образуютъ темно-бурый сланце-видный желѣзистый песчаникъ; въ другихъ же мѣстахъ видѣнъ сѣрый или зеленовато-сѣрый глиноземъ, который кверху все болѣе и болѣе берегъ перевѣсъ надъ прочими составными частями горной породы и часто одинъ образуетъ весь верх-

ній слой, между тѣмъ какъ тонкослоеватыя видоизмѣненія глинистаго сланца преобладаютъ въ нижнихъ частяхъ формаціи. Изъ органическихъ остатковъ въ горной породѣ мѣстами видно множество оттисковъ растеній Sigillaria и Calamita (?), поверхности спаевъ которыхъ большею частію бываютъ покрыты раскрашеннымъ черными гагатовымъ минераломъ, проникающимъ горную породу и въ видѣ самостоятельныхъ жилъ отъ нѣсколькихъ дюймовъ до $1\frac{1}{2}$ дюйма толщиною. Тотъ же самый минералъ былъ найденъ нами въ нѣсколькихъ валунахъ на берегу рѣки, но только весьма страннаго устройства, потому что отдѣльныя гагатовыя зерна его были соединены другъ съ другомъ помощію цемента изъ углекислой извести, представляющей въ черной гагатовой массѣ бѣлую сѣть, которой петли часто обнаруживаютъ нѣкоторую правильность, представляя весьма тонкія перегородочки большихъ клѣтокъ, наполненныхъ гагатовою массою. Въ послѣдствіи я получилъ въ Устьцыльмѣ подобные же валуны, величиною съ голову и съ плотною темнаго цвѣта горною породою, сросшеюся весьма неправильно (1). Между этими растительными остатками, найденными въ принесенныхъ мнѣ образчикахъ, была открыта также часть рыбы изъ породы *Bothryolepis* (2).

Чтобы выиграть во времени, я рѣшился, хотя весьма неохотно, продолжать путь свой ночью; но за то мрачное, тучами покрытое небо вскорѣ воспрепятствовало мнѣ изслѣдовать берегъ рѣки, котораго мы держались.

---

(1) Этотъ зернистый гагатовой минералъ, къ сожалѣнію, еще не изслѣдованъ.

(2) Открытіе графа *Кейзерлинга*.

(9 Іюня). Ночью мы быстро ѣхали внизъ по Цильмѣ, оставивъ за собой устья **Космы, Рудяки** и **Мылы**, которыя вмѣстѣ съ **Тобышемъ**, суть значительнѣйшіе притоки Цыльмы, такъ что мы очутились въ 170 верстахъ отъ ночлега нашего на берегу **Чирки**. Растянутые холмы изчезли; берегъ становился ниже, холмы болѣе и болѣе сглаживались и разъединялись болѣе широкими долинами; даже мрачные хвойные лѣса сдѣлались гораздо рѣже; на берегахъ, вмѣсто нихъ, появлялись невысокіе лиственные деревья, прерываемыя маленькими группами лиственницъ и представлявшія дивную смѣсь кустарниковъ со свѣжею сочною весеннею зеленью. Между этою зеленью находилась черемуха и рябина, кустарники ольхи, Lanicera Pallasii и Ribes rubrum, послѣдніе два въ цвѣтѣ; равно нѣсколько родовъ ивъ, какъ напр. *Salix stipularis*, *hastata* и др.; береза и осина мѣстами мѣшались съ елью, а чаще съ лиственницею.— Дождя, правда, не было, но между тѣмъ подувалъ суровый СЗ вѣтеръ, такъ-что въ 10 часовъ утра не было даже полныхъ 5° тепла.

На лѣвомъ берегу рѣки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья **Тобыша**, опять показалась обнаженная горная порода, представлявшая, то охряно-желтый, то темно-бурый желѣзистый песчаникъ (средней твердости и съ крупнымъ округленнымъ зерномъ), переходящій въ конгломератъ, котораго онъ составлялъ основную массу, и который включалъ въ себѣ округленные валуны весьма различной величины, начиная отъ мелкихъ зеренъ до массъ съ кулакъ или даже съ человѣческую голову. Между этими валунами замѣчаются въ особенности роговики, также плотный и занозистый кварцъ, твердый

и крупнозернистый песчаникъ съ большою примѣсью колчедана и роговообманковая горная порода ; кромѣ того небольшое количество глинистаго сланца и бѣлаго глинозема , образовавшагося вслѣдствіе выв҃тр҃иванія перваго. Крупный желтоватый песокъ , а рѣже глина покрываетъ выходы горныхъ породъ въ видѣ наноснаго слоя.—Между этими конгломератами и тѣми глинистыми песчаниками , которые были встрѣчены нами въ верховьяхъ Цыльмы и Чирки, а именно по берегамъ Цыльмы, нѣсколько выше рѣки Мылы , обнажается толща известняковъ.

Проѣхавъ безлюдное пространство въ 65 геогр. миль, мы наконецъ встрѣтили на лѣвомъ берегу Цыльмы, въ 10 верстахъ выше впаденія въ нее Тобыша, первое населенное мѣсто, а именно хижины зажиточнаго устьцыльмскаго хозяина Артемія Носова, а нѣсколько ниже ихъ — хижины Филиппа Носова. Эти мѣстечки суть ничто иное какъ колоніи устьцыльмскихъ переселенцевъ, пользующихся большею частію благосостояніемъ, которымъ они обязаны преимущественно скотоводству, поощряемому прекрасными лугами и пастбищами, разстилающимися по берегамъ Цыльмы. Многочисленныя стада здѣшнихъ владѣльцевъ состоятъ большею частію изъ безрогаго скота, который здѣсь цѣнится дороже рогатаго; не будучи вообще крупенъ, онъ отличается крѣпкимъ сложеніемъ и тучностію; цвѣтъ его обыкновенно пѣгій, молока даетъ много. Овцеводство незначительно. Нѣкоторые зажиточные крестьяне имѣютъ даже стада сѣверныхъ оленей, число которыхъ однакожъ теперь значительно уменьшилось; въ прежніе годы Филиппъ Носовъ, слывущій за богатѣйшаго между

цыльмскими обывателями, имѣлъ стало сѣверныхъ оленей въ 1000 головъ. Земледѣліе у нихъ также не совсѣмъ оставлено безъ вниманія: еще до сихъ поръ ежегодно сѣется извѣстное количество ячменя, несмотря на то, что урожай уже не составляетъ единственной надежды земледѣльца.

Противъ хижинъ Носова, высокій песчаный берегъ рѣки образуетъ перпендикулярный обрывъ; бѣлый песокъ въ немъ расположенъ толстыми слоями, нижнія части которыхъ принимаютъ конструкцію мягкаго удобораструемаго песчаника. Обнаженной же горной породы мы, до самой Устьцыльмы нигдѣ не встрѣчали. Берегъ между тѣмъ значительно уравнивается и у подошвы его видно множество гальковъ; горныя породы, образующія эти гальки, суть по большой части песчаники, замѣченные нами въ верхнемъ теченіи рѣки, также желѣзистый конгломератъ съ возникающими изъ него массами валуновъ. Кромѣ того часто замѣчается кварцовый песчаникъ, наружная поверхность котораго имѣетъ охряно-желтый побѣжалый цвѣтъ и который нѣсколько ниже Трусовыхъ хижинъ попадается огромными глыбами, имѣющими по нѣсколько футовъ въ діаметрѣ. Между гальками я замѣтилъ также гагатовой минералъ, о которомъ мы уже говорили, кусочки лучистаго халцедона съ массами плотнаго сферосидерита, а изъ окаменѣлостей Lithostrontion floriforme, характеристическіе кораллы горнаго известняка. Сѣрый глиноземъ, мѣстами покрытый пескомъ, образуетъ почти исключительно верхній наносный слой рѣчнаго берега.

Хижины, къ которымъ мы пріѣхали, были оставлены своими хозяевами, уѣзжавшими въ Устьцыльму дѣ-

лать закупки необходимыхъ жизненныхъ припасовъ у Чердынскихъ купцевъ, которые всякій годъ въ это время пріѣзжаютъ туда. Такимъ образомъ деревня Рочёво, послѣдняя при Цыльмѣ, лежащая въ 30 в. отъ Устьцыльмы и обитаемое шестью семействами, была совершенно пуста, когда мы туда пріѣхали, а хижины всѣ тщательно заперты; нѣсколько же верстъ дальше мы встрѣтили все дѣтское народонаселеніе этой деревни, собранное въ одно мѣсто, около небольшой хижинки, для стереженія пасшагося здѣсь домашняго скота. Старшему изъ этихъ малютокъ могло быть 12 лѣтъ, не болѣе. Они суетились около жалкаго огонька и очень резонабельно варили себѣ ужинъ. Несчастная хижина, около которой они находились и которая собственно служила баней, была слишкомъ мала для того, чтобы помѣстить въ себѣ всѣхъ ихъ, а потому бѣдныя дѣти, несмотря на суровую погоду, преспокойно бѣгали по стужѣ босекомъ и въ изорванныхъ сорочкахъ. Это спартанское воспитаніе, которое съ одной стороны образуетъ мощное и здоровое тѣло, отличающее жителя Архангельской губерніи, а съ другой часто очень рано поглощаетъ многія слабыя натуры, всего болѣе приличествуетъ сѣверу, потому что послѣдній, для преодолѣнія трудностей, съ которыми постоянно сопряжено здѣсь добываніе средствъ къ жизни, непремѣнно требуетъ крѣпкихъ натуръ, не боящихся ни стужи, ни вѣтровъ этого суроваго края; нѣжные же и слабые организмы уже ни въ какомъ случаѣ не могутъ существовать подъ этими широтами.

(10 Іюня). Плоскіе берега Цыльмы теперь были покрыты лугами и мелкимъ кустарникомъ. Въ 5-ти верстахъ отъ устья Узицы, впадающей въ главную съ пра-

вой ея стороны, и въ 15-ти отъ Устьцыльмы, Цыльма, представляющая здѣсь славную и широкую рѣку, отдѣляетъ съ лѣвой своей стороны рукавъ, который съ двумя побочными рукавами омываетъ три острова, остающіеся влѣво отъ фарватера. Всѣ эти острова низменны и имѣютъ, какъ говорятъ, круглую форму; каждый изъ двухъ верхнихъ острововъ имѣетъ около 5 верстъ длины и почти столько же ширины; третій же, лежащій ниже прочихъ, нѣсколько по меньше. Всѣ они изобилуютъ прекрасными лугами, почему Устьцыльмцы имѣютъ здѣсь свои сѣнокосы и пастбища. Первый или верхній изъ этихъ острововъ называется **Большимъ**; слѣдующій за нимъ по теченію рѣки, будучи незначительно меньше, носитъ названіе **Коровьяго острова**, потому что на немъ преимущественно пасется скотъ; третій или нижній, по объему несравненно меньшій другихъ, названъ по имени прежняго его владѣльца—**Чиригинымъ** островомъ, а рукава, омывающіе эту группу, извѣстны подъ общимъ именемъ **Шаровъ**. Главная рѣка течетъ въ южномъ направленіи, мимо маленькаго Архипелага, къ Печорѣ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она приближается къ послѣдней, именно около самаго устья, она соединяетъ свои воды съ водами Пижмы, такъ что обѣ рѣки вливаются въ главную однимъ устьемъ. Въ дельтѣ этихъ соединенныхъ устьевъ лежитъ Середовой островъ. Тотъ же рубежъ водъ между Мезенью и Печорою, изъ котораго вытекаетъ Цыльма, въ нижнихъ широтахъ даетъ также начало Пижмѣ; эта послѣдняя течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и, принимая видъ довольно значительной рѣки, уступающей однакожъ Цыльмѣ въ ширинѣ, вливается въ Печору. На картахъ устье Пижмы

обыкновенно обозначается выше Цыльмскаго, что противорѣчитъ сдѣланнымъ нами показаніямъ, основаннымъ на словахъ Устьцыльмцевъ, такъ какъ, по причинѣ сильнаго разлитія водъ, самимъ намъ убѣдиться въ этомъ было невозможно. Даже Печора, въ которую мы теперь въѣхали въ виду Устьцыльмы, разлилась величественной рѣкой, и волны ея, при сильномъ СЗ вѣтрѣ, съ яростью бились объ нашу лодку, какъ бы досадуя на то, что имъ пришлось нести такую ничтожную тяжесть, вовсе несоотвѣтствовавшую силѣ рѣки.

Въ 9 часовъ утра мы достигли мѣстечка Устьцыльмы, которое обязано этимъ названіемъ своему положенію на правомъ берегу Печоры, противъ устья Цыльмы. Тотчасъ по прибытіи нашемъ въ мѣстечко, я послалъ нарочнаго въ Ижму, за находившимся тамъ нижнимъ чиновникомъ уѣзднаго суда, сельскимъ засѣдателемъ Кузминымъ, котораго мнѣ капитанъ-исправникъ назначилъ въ проводники во время моего путешествія по тундрамъ. Самъ же я остался пока въ мѣстечкѣ и занялся приготовленіемъ къ дальнѣйшему путешествію, а также отправленіемъ въ С. Петербургъ сдѣланныхъ мною до сихъ поръ коллекцій.

VI.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ УСТЬЦЫЛЬМѢ.

Мѣстечко Устьцыльма, находясь подъ 65° 26' 24'' с. ш. и 49° 48' 52'' в. д. [1]), принадлежитъ, вмѣстѣ съ Пустозерскомъ и Пякмою, къ тремъ отдаленнымъ слободкамъ; каждая изъ нихъ есть мѣстопребываніе сельскаго управленія для трехъ округовъ, на которые въ административномъ отношеніи дѣлится восточная часть Мезенскаго уѣзда, лежащая въ области рѣки Печоры. Оно представляетъ длинный (около 2 верстъ), но узкій рядъ старыхъ и закоптѣлыхъ домовъ, расположенныхъ вдоль отлогаго-нѣсколько праваго берега Печоры и отличающихся своею вмѣстимостію и внутреннею чистотою. По послѣдней ревизіи во всемъ округѣ оказалось 1287 душъ муж. пола; но при этомъ приняты въ расчетъ, какъ селенія, расположенныя по берегамъ Цыльмы, такъ и деревни, лежащія при Печорѣ, выше и ниже описываемаго нами мѣстечка.

---

1) По Крузенштерну. См. ученыя наблюденія во время путеш. по краю, орошаемому Печорою, въ 1842 г. С П б. 1846 г. 4 стр. 8.

Что касается до источниковъ жизни и доходовъ здѣшнихъ обывателей, то всѣ они ограничиваются рыбною ловлею, скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ, а также торговлею, основанною на этихъ отрасляхъ промышленности. Здѣшнія воды изобилуютъ разными породами дорогихъ рыбъ. Важнѣйшія изъ нихъ суть: *семга* (Salmo nobilis Pall.), *пельма* (S. Leucichtys Pall.), *пелядь* (S. Pelet Lepech.), *чиръ* (S. nasutus) и сигъ (S. lavaretus). Къ обыкновеннымъ рѣчнымъ рыбамъ, которыя не поступаютъ въ продажу, а потребляются дома, относятся: щуки, налимы, окуни, ерши и мн. др.

Скотоводство,—благодаря прекраснымъ и обильнымъ пажитямъ, занимающимъ берега Печоры и низменные острова ея, равно и 25-верстное пространство береговъ р. Цильмы, начиная отъ ея устья,—находится въ цвѣтущемъ состояніи; но надо замѣтить, что здѣсь разведеніе комолой скотины предпочитается разведенію рогатаго скота, а потому количество этого послѣдняго весьма незначительно. Такъ какъ лѣтомъ почти весь скотъ пасется на островахъ, то доеніе коровъ сопряжено для хозяекъ съ большими неудобствами, потому что онѣ для исправленія своей работы всякій день два раза должны отправляться на острова или посылать туда своихъ работницъ; поэтому-то всякій день, рано утромъ и поздно вечеромъ, можно видѣть множество наполненныхъ поющими бабами лодокъ, которыя, разсѣкая гладкую поверхность рѣки, стремятся къ двумъ опредѣленнымъ пунктамъ, Среднему и Коровьему островамъ, находящимся почти въ одинаковомъ разстояніи отъ берега и служащимъ общественными пастбищами деревни. Въ случаѣ неблагопріятной бурной погоды, препятствующей

плаванію по рѣкѣ, стадо остается недоеннымъ, обстоятельство, весьма невыгодное для хозяйства, потому что бывали примѣры, что по случаю продолжительной бури, коровы, остававшись нѣсколько дней сряду недоенными, вовсе переставали давать молоко.

Овцы разводятся для хозяйственной потребности только въ весьма небольшомъ количествѣ; тоже можно сказать и о лошадяхъ. За то нѣкоторые по-зажиточнѣе крестьяне обладаютъ стадами сѣверныхъ оленей, изъ которыхъ нѣкоторыя простираются отъ 5 до 7 сотъ головъ. Эти сѣверные олени пасутся въ югозападной части Большеземельной тундры, при р. Шапкинѣ и на сѣверъ отъ нея, внѣ лѣсныхъ границъ. Надзоръ за ними имѣютъ частью наемные Самоѣды, частью сами хозяева, которые тогда цѣлое лѣто кочуютъ въ тундрахъ. Впрочемъ изъ устьцыльмскихъ крестьянъ не многіе владѣютъ сѣверными оленями, да и самыя стада ихъ незначительны.

Земледѣліе, какъ этого должно ожидать отъ географическаго положенія страны, находится въ плохомъ состояніи: ячмень, который сѣется въ небольшомъ количествѣ на солнечныхъ скатахъ холмовъ, есть единственный хлѣбъ, разводимый въ Устьцыльмѣ, но и этотъ уже восемь лѣтъ какъ не созрѣвалъ, такъ-что теперь, по недостатку сѣмянъ, почти ⅔ полей остаются незасѣянными. Оттого-то и здѣсь бѣдные крестьяне мѣшаютъ хлѣбъ съ соломою и болотнымъ мхомъ, между тѣмъ какъ богатые, успѣвшіе запастись имъ путемъ торговли, обращаютъ его въ источникъ дохода. При мнѣ ячмень на поляхъ показывалъ уже четвертое зерно. Жатва тамъ начинается обыкновенно въ началѣ или въ половинѣ августа. Изъ корнеплодныхъ растеній

здѣсь разводится рѣпа, брюква, морковь и пр.; старанія развести капусту остаются тщетными, а картофель, посаженный по приказанію окружнаго начальника въ видѣ опыта, уродился величиною съ каленый орѣхъ.

При мнѣ торговля въ Устьцыльмѣ значительно оживилась; причиною тому было прибытіе сюда чердынскихъ купцовъ, которые всякій годъ спускаются на своихъ судахъ внизъ по Нёчорѣ, для видовъ торговли съ прибрежными ея жителями, и которые теперь успѣли уже познакомить Устьцыльмцевъ и жителей немногихъ окрестныхъ селеній съ веселымъ торжествомъ ярмарки. Здѣшніе обыватели называютъ этихъ купцовъ Усольцами, т. е. прибрежными жителями рѣки Усолки, на томъ основаніи, что нѣсколько десятилѣтій тому назадъ городъ Соликамскъ, лежащій въ Пермской губ. при рѣкѣ Усолкѣ, близъ впаденія ея въ Каму, имѣлъ въ своихъ рукахъ всю торговлю съ архангельскимъ сѣверомъ; но правильнѣе ихъ называть Чердынцами, потому что теперь эту торговлю присвоилъ себѣ городъ Чердынь, который, лежа ближе къ Нечорѣ при рѣкѣ Колвѣ, другомъ притокѣ Камы, производитъ ее тѣмъ же путемъ. Чердынцы обыкновенно пріѣзжаютъ въ Устьцыльму въ началѣ или въ половинѣ Іюня. Торговля ихъ съ архангельскимъ сѣверомъ представляетъ по большей части мѣну. Они привозятъ съ собою преимущественно ржаную муку, а также ячную и пшеничную, далѣе: толокно, ячменную и пшенную крупу; наконецъ небольшое количество грубаго сукна, холста и ситцу, чай, сахаръ и нѣкоторые мелочные товары. Касательно упомянутыхъ нами мануфактурныхъ издѣлій надо однакожъ замѣтить, что онѣ назначаются преиму-

щественно въ Пустозерскъ, потому что Устьцыльмцамъ гораздо выгоднѣе закупать ихъ на зимнихъ ярмаркахъ, устраиваемыхъ при Вашкѣ и въ Пинегѣ.

Въ замѣнъ этихъ товаровъ Чердынцы получаютъ въ Устьцыльмѣ почти исключительно рыбу и только весьма малая часть ихъ покупается на наличныя деньги. При мнѣ цѣны товарамъ были слѣдующія:

Пудъ ржаной муки стоилъ 2 р.
— ячменной . . . . 2 р. и 10—20 коп.
— пшеничной . . . 6 р.
— толокна . . . . 3 р.
— ячменной крупы . 3 р.
— пшенной крупы . . . 4 р.

Совсѣмъ другая цѣна была на рыбу, а именно: пудъ сёмги стоилъ около 8 р., пудъ нельмы, пеледя и чира—5 р. (а при покупкѣ по мелочамъ—12½ к. за ф.), пудъ сиговъ—р. (а по мелочи 10 коп. за ф.). Менѣе цѣнная рыба, какъ щука, налимъ, окунь, ершъ и др., иногородными купцами вовсе не покупается, при томъ же она продается безъ различія породы по 5 коп. за ф.

Однакожъ упомянутыя нами цѣны на сѣверные припасы, привозимые Чердынцами, остаются постоянными только при покупкѣ на наличныя деньги, при покупкѣ же на кредитъ, какъ это довольно часто бываетъ въ Устьцыльмѣ, — онѣ всегда нѣсколько возвышаются. Такъ пудъ ржаной муки при покупкѣ на кредитъ стоилъ не 2 р., а 2 р. 20 коп; соразмѣрно съ этимъ возвышаются въ своей цѣнѣ и другіе товары.

Изъ Водяныхъ Сообщеній Россіи видно, что водяной путь, ежегодно совершаемый Чердынцами при отправленіи ихъ изъ Колвы (на которой лежитъ горо-

докъ Печора) въ Печору, былъ уже прежде извѣстенъ; но *такъ какъ свѣдѣнія*, отобранныя мною касательно этого пути у Чердынцевъ, не вполнѣ согласуются съ показаніями упомянутаго нами сочиненія, то я, съ позволенія читателя, нѣсколько распространюсь объ этомъ предметѣ.

Весной, съ первымъ вскрытіемъ рѣкъ, Чердынцы, предпринимающіе путешествіе въ Печору, подымаются на своихъ судахъ вверхъ по Колвѣ, поворачиваютъ потомъ на лѣво въ притокъ ея Вишору и спускаются по ней въ небольшое озеро-Чусовое. Проплывши озеро, они въѣзжаютъ въ небольшую рѣчку Березовку, вливающуюся въ сѣверный конецъ Чусоваго, поворачиваютъ отсюда на право въ притокъ ея съ лѣвой стороны-Вогулку и, проплывши нѣсколько верстъ, останавливаются на ней въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сближается съ Волошницей, притокомъ Печоры, и гдѣ между двумя поименованными рѣками, т. е. Вогулкой и Волошницей, находится волокъ или полоса земли около 4 верстъ шириною, раздѣляющая двѣ сблизившіяся рѣки и ведущая черезъ песчаную равнину, обросшую хвойнымъ лѣсомъ. Здѣсь суда разгружаются, а товары на лошадяхъ (содержимыхъ тамъ для этой цѣли) перевозятся черезъ волокъ къ Волошницѣ, гдѣ они нагружаются на новыя, нарочно для того приготовленныя суда, которыя тогда спускаются по Волошницѣ въ Печору. Прежде, когда торговля съ архангельскимъ сѣверомъ находилась почти въ совершенномъ упадкѣ, товары перевозились на маленькихъ судахъ; въ этомъ находили ту выгоду, что ихъ не надо было разгружать, потому что лошади перевозили грузъ черезъ волокъ вмѣстѣ съ судами. Разстояніе

отъ Чердыни до Устьцыльмы, если ѣхать по описанному нами пути, считается до 1000 в. Но здѣсь должно замѣтить, что почти ⅔ купцовъ, не доѣзжая Устьцыльмы, заворачиваютъ на право въ устье Пижмы, вливающейся въ Печору, въ 35 верстахъ отъ Устьцыльмы, и, проплывши по ней 60 в., останавливаются у Зырянской слободки Пижмы, богатые жители которой скупаютъ у нихъ на наличныя деньги если не всѣ, то по-крайней мѣрѣ большую часть товаровъ. Изъ Пижмы Чердынцы съ остаткомъ своихъ товаровъ отправляются мимо Устьцыльмы въ Пустозерскъ, гдѣ сбываютъ остальное и нагружаютъ суда свои солепой рыбой.

Суда, употребляемыя Чердынцами для плаванія по Печорѣ, называются каюками; на нихъ обыкновенно нагружаютъ не болѣе 1500 или 2000, а на самыя большія не болѣе 3000 пудъ. Только изрѣдка появляются на Печорѣ суда съ грузомъ въ 4 или 5000 пудъ; такія суда называются барками и замѣчательны тѣмъ, что онѣ не возвращаются обратно, а остаются въ Устьцыльмѣ или Пустозерскѣ, гдѣ идутъ на постройку или на топку печей. Въ сопровожденіи барокъ и каюковъ всегда идутъ такъ называемыя повозки, т. е. большія лодки, носящія до 300 пудъ груза и оказывающія Чердынцамъ большую услугу на возвратномъ пути, потому что при помощи ихъ преодолѣваются препятствія, которыя противупоставляютъ большимъ судамъ мелкое русло и отмели Печоры и Волошницы. Эти повозки, подобно всѣмъ обыкновеннымъ рѣчнымъ лодкамъ прибрежныхъ жителей Печоры, имѣютъ тотъ важный недостатокъ, что онѣ движутся посредствомъ прямаго паруса, который дѣйствуетъ только при совершенно по-

путномъ вѣтрѣ и потому, вслѣдствіе частыхъ извилинъ здѣшнихъ рѣкъ, только весьма рѣдко можетъ быть употребляемъ во время большихъ плаваній. Для укладки рыбы, забираемой въ Устьцыльмѣ и Пустозерскѣ, Чердынцы привозятъ съ собою большое число бочекъ, которыя они дорогой закупаютъ у прибрежныхъ жителей Пижмы и Печоры.—Подлѣсничій, которому ввѣренъ надзоръ за лѣсами въ округахъ трехъ отдаленныхъ слободокъ, а слѣдовательно и во всей восточной части Мезенскаго уѣзда, обязанъ ревизовать число этихъ бочекъ, взимать съ нихъ узаконенную пошлину, равняющуюся 60 к. за каждую, безъ различія величины, и налагать на нихъ клейма, безъ которыхъ они не могутъ быть пропущены. Что касается до бочекъ, закупаемыхъ Чердынцами ниже Устьцыльмы, то онѣ ревизуются уже на обратномъ пути. Такая пошлина взимается въ годъ круглымъ числомъ съ 500 бочекъ; однакожъ, основываясь на этихъ данныхъ, нельзя еще заключать о количествѣ рыбы, ежегодно вывозимой изъ Устьцыльмы и Пустозерска, потому-что во-первыхъ величина бочекъ весьма различна, заключая въ себѣ отъ 4—20 пудъ соленой рыбы, а во вторыхъ, по недостатку средствъ имѣть строгій надзоръ, многія бочки проскользаютъ безъ клеймъ и безъ пошлины, такъ-что результатъ нашъ во всякомъ случаѣ будетъ не точенъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Устьцыльмѣ, Чердынцы отправляются на своихъ судахъ въ Пустозерскъ, обыкновенно называемый пустозерскимъ городкомъ или просто городкомъ, гдѣ торговля съ богатыми жителями бываетъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Устьцыльмѣ. Если рыбная ловля въ Пустозерскѣ была удачная, то

купцы тотчасъ же приступаютъ къ продажѣ остальныхъ своихъ товаровъ, послѣ чего, нагрузивъ суда свои рыбой, пускаются въ обратный путь ; въ противномъ же случаѣ часть купцовъ, не желая возвращаться домой съ голыми руками, остается въ Пустозерскѣ до осени. Чердынцы собираются въ обратный путь обыкновенно въ Іюлѣ, Августѣ, или Сентябрѣ, но по причинѣ мелководія встрѣчаютъ уже въ верховьяхъ Печоры нѣкоторыя препятствія; въ особенности затруднительно плаваніе по рѣкамъ Вогулкѣ и Волошницѣ, которыя въ началѣ осени бываютъ такъ мелки, что для проложенія каюкамъ пути надо запружать рѣку парусами, натягивая ихъ въ два ряда поперегъ русла ; вслѣдствіе такой операціи вода передъ судами постоянно прибываетъ и даетъ имъ возможность подвигаться на одну или двѣ версты, послѣ чего работа снова начинается. Для этого дѣйствія есть особенное техническое выраженіе, говорятъ: «запарусить рѣку» или просто «запарусить.»

Весьма желательно бы было, чтобы Вогулка и Волошница были соединены посредствомъ канала, который очень легко можетъ быть проведенъ, если углубить мелкое русло обѣихъ рѣчекъ. Есть также возможность соединить Волгу съ тремя большими рѣками сѣверо-европейской Россіи — Печорою, Мезенью и Сѣв. Двиною. Такое сообщеніе принесло бы ту выгоду, что обитатели сѣвернаго края Россіи, въ слѣдствіе облегченнаго подвоза продуктовъ внутреннихъ губерній, навсегда были бы обезпечены на счетъ жизненныхъ потребностей, а съ другой стороны произведенія сѣверной полосы и ея моря были бы гораздо доступнѣе для жителей внутренней Россіи. Одинъ изъ такихъ каналовъ, соединяющій Волгу съ Двиною, былъ проектированъ уже Петромъ В., на-

чать при Екатеринѣ II въ 1781 г., а въ царствованіе блаженной памяти Императора Александра открытъ подъ названіемъ сѣв. Екатерининскаго канала. Онъ соединяетъ Сѣв. Кельтму, побочную Вычегды, съ Джуричью, притокомъ Южной Кельтмы, впадающей въ Каму. Посредствомъ Вычегды Волга и Двина могутъ быть соединены съ Мезенью; для этого надо провести каналъ, или между Юлою, притокомъ Вычегды, и Ирвою, притокомъ Мезени, или между Торою и Яренгою, притоками Вычегды, и Вашкою, побочною Мезени. Съ Печорою Волга можетъ быть соединена или подобнымъ же образомъ, т. е. при помощи Вогулки и Волошницы, или, что еще лучше, посредствомъ двухъ рѣчекъ, носящихъ одно названіе Милвы, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Печору, далеко ниже Волошницы, а другая даетъ начало притоку Вычегды. По этимъ двумъ путямъ уже производятся торговые обороты, не смотря на то, что плаваніе по нимъ весьма затруднительно. Конечно, судя по скудной производительности сѣвера, торговля едва-ли можетъ ожидать блестящихъ результатовъ отъ этихъ путей, но за то они доставили бы выгоды гораздо большія, а именно: такое обширное пространство земли, какъ нашъ сѣверъ, снабжалось бы жизненными потребностями безъ особенныхъ издержекъ, потому что эти послѣдвія покрывались бы пошлиною, собираемою съ проходящихъ судовъ; кромѣ того они способствовали бы увеличенію народонаселенія, работы же, которыхъ требуетъ сооруженіе и содержаніе каналовъ, доставили бы значительному числу рукъ вѣрный промыселъ. Наконецъ казенные хлѣбные магазины, устроенные во всѣхъ уѣздахъ и мѣстечкахъ дальняго сѣвера, были бы всегда полны, между тѣмъ какъ те-

перь эти же магазины, по затруднительности путей сообщенія не въ состояніи удовлетворять требованій большей части обитателей сѣвера. При обильныхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ покупатели были бы избавлены отъ произвола продавцевъ въ назначеніи цѣнъ на хлѣбъ; голодъ, которому къ сожалѣнію такъ часто подвергаются сѣверные жители, былъ бы наконецъ предотвращенъ и благосостояніе необходимо водворилось бы между жителями цѣлаго края. Изъ всего этого мы убѣждены, что, когда современемъ изъ Архангельска въ Одессу будетъ проложена желѣзная дорога, будутъ существовать и каналы, проведенные согласно начертанному нами плану. Теперь же позвольте намъ опять переселиться въ наше скромное мѣстечко на Печорѣ.

Осенью и зимой Устьцыльмцы обыкновенно посѣщаютъ ярмарки, устраиваемыя на Вашкѣ и въ Пинегѣ, чтобы сбыть продукты рыбной ловли, добытые ими по отъѣздѣ Чердынцевъ; но надо замѣтить, что товары здѣсь, по причинѣ затруднительнаго транспорта по дальнимъ дорогамъ, распродаются только на наличныя деньги.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ предметѣ, который добывается Чердынцами на Печорѣ, это точильный камень, выламываемый при верховьяхъ этой рѣки, на одной изъ ея побочныхъ, впадающей съ лѣвой ея стороны. Гора, на которой много рукъ занято ломкою этого камня, находится при упомянутой рѣчкѣ (названіе которой мнѣ неизвѣстно), въ 5 верстахъ выше впаденія ея въ Печору, и по роду выламываемаго на ней камня, представляющаго глинистый или точильный сланецъ, на-

зывается Брусяной или Точильной горой (*). Этого камня здѣсь добывается ежегодно до 50,000 пудъ и все это количество отправляется внутрь Россіи.

Во время пребыванія моего въ Устьцыльмѣ двое изъ туземныхъ крестьянъ пришли ко мнѣ съ извѣстіемъ, что они знаютъ по Цыльмѣ серебряную руду. Эта новость сильно заинтересовала меня, такъ какъ намъ изъ Русской Исторіи извѣстно, что горнымъ дѣломъ здѣсь занимались уже въ концѣ XV вѣка; а потому я часто и при всякомъ удобномъ случаѣ разспрашивалъ прибрежныхъ жителей Пезы, не слыхали-ли они чего нибудь объ этомъ производствѣ отъ своихъ предковъ, и хотя мнѣ многіе говорили, что они дѣйствительно слышали объ немъ, однакожъ никто изъ нихъ не могъ мнѣ опредѣлительно указать то мѣсто, гдѣ эти рудники находятся. Самъ же я во время путешествія моего по рѣкѣ Цыльмѣ, не могъ открыть слѣдовъ ихъ.—Какова за то была моя радость, когда мнѣ представился случай не только точно узнать мѣстность этихъ рудниковъ, но и видѣть пробы, добытыя изъ нихъ. Виновниками моей радости были: Алексѣй Крюковъ, который, побывавъ на своемъ вѣку на Сибирскихъ рудникахъ, имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ горномъ дѣлѣ, и простой, но не глупый крестьянинъ Иванъ Ляпуновъ. Они принесли мнѣ, вмѣстѣ съ пробною рудою, нѣкоторое количество минераловъ и горныхъ породъ,

---

(*) Это безъ сомнѣнія та самая, которая въ «Подробной Картѣ» обозначена подъ именемъ *Брусянаго камня гора* и которую И. К. Крузенштернъ называетъ Соплезою, полагая географическое положеніе ея подъ 64° 22′ 34″ с. ш. и 55° 15′ 20″ в. д. См. уч. Путеш. по Печорской странѣ стр. 7.

собранныхъ ими на цыльмскихъ розсыпяхъ. Чтобы обстоятельнѣе описать это обстоятельство, я къ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ этихъ людей, присоединилъ то, что слышалъ въ послѣдствіи отъ мезенскаго мѣщанина Алексѣя Окладникова. Этотъ послѣдній, находясь въ службѣ Вятскаго купца Рязанцова, который въ 1838 г. получилъ привиллегію на розысканіе руды въ Архангельской губ., три года сряду (1838 — 1841) прожилъ въ этомъ краю съ двумя мастерами съ Пермскихъ мѣдныхъ рудниковъ, и въ разныхъ пунктахъ добылъ до 200 пудъ мѣдной руды, которая содержала до 40% очищенной мѣди и показывала слѣды содержавшагося въ ней серебра. Пробы, показанныя мнѣ устьцыльмскими крестьянами, состояли изъ смѣси различныхъ мѣдныхъ рудъ, преимущественно изъ красной мѣди, мѣднаго блеска, также мѣдной зелени, блеклой руды и т. д. и содержала по пробѣ, произведенной въ С.Петербургѣ г. полковникомъ Іоссой, 68% мѣди и въ пудѣ 1 зол. серебра; значитъ это была не серебряная, а богатая мѣдная руда.

Карамзинъ Россійскій Исторіографъ повѣствуетъ (*), что въ 1491 г. два нѣмца Иванъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровичемъ и Иваномъ Болтинымъ, отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печоры (**). Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ

(*) Карамзинъ Ист. Госуд. Рос. Т. VI стр. 226.

(**) Въ Вѣтхой Супод. лѣт. № 365, № 508 сказано: «въ лѣто 6999 Марта 2 (значитъ не 1491, а 1492 г.) отпусти В. Князь Мануила Иларіева сына, Грека, да съ нимъ своихъ дѣтей боярскихъ, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробкина, да Ондрюшку Петрова съ мастеры съ фрасы серебра дѣлати и мѣди на рѣцѣ на Цылимѣ, Устюга 60 человѣкъ, съ Двины 100, съ Няпеги 80; а Пермичь и Вымичь и Вычего-

извѣстіемъ, что нашли ее вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ 20 отъ Космы, въ 300 отъ Печоры и 3500 отъ Москвы, на пространствѣ 10 верстъ. Такое важное открытіе очень обрадовало царя Іоанна III; «съ того времени,» продолжаетъ Карамзинъ, «мы начали сами добывать металлы, плавить и чеканить монету изъ своего серебра.» Горная жила расположена по лѣвому берегу Цыльмы, а именно въ той части ея басейна, которая ограничивается устьями рѣкъ Космы и Рудяники, находящимися почти въ разстояніи 25 верстъ другъ отъ друга. Около 15 верстъ ниже впаденія Космы, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, примѣчается много давнишнихъ шахтъ, а на большомъ пространствѣ, по направленію къ Рудяникѣ, по всей жилѣ, простирающейся на 10 верстъ, видны слѣды древнѣйшей разработки. Кромѣ того въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ, а именно: по лѣвому берегу Пыльмы, въ 15 верстахъ выше Космы, и, проѣхавъ 9 верстъ выше Рудяники, находятся остатки древнихъ строеній съ кирпичными печами, также остатки погребовъ, угольныхъ кучъ, кузнечныхъ и плавильныхъ печей, а вокругъ ихъ прежніе шлаки; мало того, указываютъ даже на мѣста, гдѣ производилась промывка и толченіе руды. Слѣды древнихъ шахтъ сохранились и далѣе этого мѣста по обѣимъ берегамъ Космы, около 5 верстъ выше впаденія ея въ Цыльму.

Что касается до появленія этихъ рудъ, то онѣ, какъ единогласно утверждаютъ собранныя мною свѣдѣнія,

---

жанъ и Усоличь 100; тѣмъ ужина проводити въ судѣхъ до мѣста, а не дѣлати. Смотри Карамз. Исторія Государства Россійскаго Томъ VI. страница 82 примѣчаніе 260.

обыкновенно содержатся въ сѣрой или сѣровато-бѣлой глинѣ, которая покрываетъ бурый желѣзистый песчаникъ съ его конгломератомъ и горныя породы каменноугольной формаціи, найденныя мною между устьями рѣкъ Милы и Тобыша, или же находится на поверхности промежуточныхъ слоевъ, имѣющихъ отъ 8 вершковъ до 1 аршина толщины. Эти слои глины пропикнуты рудой частію въ видѣ тоненькихъ жилъ, тянущихся по всѣмъ направленіямъ, частію въ видѣ гнѣздъ большей или меньшей величины; иногда же, но это бываетъ довольно рѣдко, руда образуетъ горизонтальные выклинивающіеся слои, которые впрочемъ никогда не бываютъ болѣе вершка толщиною. Это-то самое появленіе руды въ мягкой глинѣ,—которая, будучи размочена и смыта наружной водой, легко освобождаетъ содержащіяся въ ней рудныя гнѣзда, разбрасываемыя потомъ въ видѣ валуновъ по берегамъ рѣкъ,—и объясняетъ намъ раннее открытіе ея въ такой странѣ, которая и до сихъ поръ еще принадлежитъ къ самымъ неизвѣстнымъ въ Россіи. Это же самое обстоятельство даетъ намъ право утверждать, что туземные жители знали объ этой рудѣ гораздо прежде, нежели слухъ объ ней дошелъ до великокняжескаго престола. Что посланные в. Княземъ мастера съ большимъ рвеніемъ принялись работать и употребляли все свое стараніе, чтобы устроить здѣсь на-долго горный промыселъ, это доказывается множествомъ вырытыхъ ими шахтъ и подземными работами. Но съ другой стороны появленіе рудъ мѣстами въ видѣ гнѣздъ или въ видѣ песчаныхъ жилокъ, большею частію весьма тонкихъ, заставило горнопромышленниковъ отчаяться въ ихъ предпріятіи и возвратиться, послѣ семимѣсячнаго отсутствія, по-своясн, такъ-

что результатомъ такого важнаго по видимому открытія было только небольшое количество выплавленной изъ руды мѣди и столько серебра, что государь могъ имѣть удовольствіе вычеканить нѣсколько монетъ изъ русскаго металла. Но этому-то исторіографъ едва-ли справедливо говоритъ, будто Россія со времени открытія цыльмскихъ рудниковъ сама стала добывать и плавить металлы и чеканить монеты изъ собственнаго своего серебра, потому что у насъ нѣтъ доказательствъ, что эта единственная экспедиція, снаряженная къ берегамъ Цыльмы, ввела въ употребленіе горный промыселъ и имѣла слѣдствіемъ постоянное добываніе металла для монетной потребности.

Но тѣмъ не менѣе извѣстно, что отъ времени до времени къ Печорѣ снаряжались новыя экспедиціи для ученаго изслѣдованія страны, вошедшей уже разъ въ извѣстность по мѣсторожденію руды. Попытки эти дѣлались тѣмъ охотнѣе, что туземные жители мало по малу стали распускать слухъ, который и теперь еще носится, будто тамошніе поселяне,—изъ опасенія, что въ случаѣ успѣха горнаго промысла имъ вмѣнятъ въ обязанность обработывать руды, — подкупили нѣмецкихъ мастеровъ объявить богатые серебряные рудники на Цыльмѣ не стоющими разработки. Эти позднѣйшія предпріятія, исполненныя можетъ быть частными лицами, — такъ какъ въ лѣтописяхъ объ нихъ не сохранилось ни какихъ извѣстій,—имѣли слѣдствіемъ открытіе рудниковъ въ новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ странахъ. Такъ напр. открыта руда на рѣкѣ Сулѣ, въ малоземельной тундрѣ, около 60 верстъ выше деревни Котькиной, лежащей на берегу этой рѣки, въ 100 верстахъ отъ ея устья, если ѣхать водой, и только въ 40, если ѣхать сухимъ путемъ.

Это мѣстность славится великолѣпнымъ водопадомъ, который образуется паденіемъ рѣки съ вертикальной известковой терассы, возвышающейся почти на 3 сажени. И здѣсь руда заключена въ синеватой или сѣрой глинѣ, лежащей подъ слоемъ охрянаго желѣзистаго песчаника, и хотя мѣдная руда здѣсь содержитъ нѣсколько больше серебра, нежели цыльмская, однакожъ она точно также разбросана, какъ и послѣдняя, такъ-что обработка ея едва-ли принесетъ какую-либо выгоду. Во время лѣта 1840 г. Окладниковъ съ 26 человѣками работалъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ и дѣйствительно добылъ небольшое количество богатой мѣдной руды, однакожъ никакъ не могъ открыть жилы нѣсколько бо̀льшаго протяженія. И здѣсь найдены слѣды прежняго горнаго пропзводства, которое однакожъ, какъ говоритъ преданіе, было гораздо позже производства при рѣкѣ Цыльмѣ, потому что это доказывается и примѣтными остатками его: здѣшніе шахты и подземные ходы, развалины плавильни и кузницы, жилыя строенія и магазины гораздо менѣе попорчены временемъ, нежели остатки горнаго производства при Цыльмѣ; кромѣ того здѣсь найдено нѣсколько молотовъ, долотъ и другихъ орудій, необходимыхъ для горныхъ работъ. Другое мѣсто, гдѣ также открываются слѣды прежняго горнаго производства, находится при той же рѣчкѣ, около 15 верстъ выше упомянутой деревни Коськиной. Впрочемъ мѣсторожденіе руды не ограничивается одними поименованными мною мѣстами; оно распространено и по правому берегу Цыльмы, по ея притокамъ Номбиру и Малѣ и, какъ кажется, по всей здѣшней формаціи. Но такъ какъ всѣ эти рудники одинаковы по содержанію металла и притомъ всѣ они

встрѣчаются въ разбросѣ въ глинистыхъ слояхъ, то они едва ли когда нибудь будутъ причиною введенія въ тѣхъ странахъ постояннаго горнаго промысла. Но тѣмъ не менѣе постоянное горное производство было бы большимъ благодѣяніемъ для этой страны, гдѣ такъ много бѣдныхъ обывателей, и если смотрѣть съ этой точки, то рудники эти стоятъ разработки даже и тогда, когда добытый металлъ будетъ только покрывать издержки производства, чему однакожъ не предвидится никакой надежды.

Теперь приведу еще нѣсколько пробъ минераловъ, представленныхъ мнѣ упомянутыми усть-цыльмскими крестьянами вмѣстѣ съ мѣдными рудами. А именно:

1. Черный *гагатовидный минералъ* зернистаго сложенія, который я находилъ уже на Цыльмѣ вмѣстѣ съ оттисками растеній въ глинистомъ песчаниковомъ сланцѣ. Эти пробы собраны на берегахъ Космы, но по берегамъ Цыльмы онѣ, говорятъ, встрѣчаются не только въ видѣ тонкихъ жилъ, какъ я это видѣлъ, но и слоями, имѣющими отъ ½ до 1½ ар. толщины; притомъ же здѣсь этотъ минералъ содержится также въ желѣзистомъ песчаникѣ. Къ сожалѣнію, онъ все еще не совсѣмъ точно изслѣдованъ.

2. Тотъ же минералъ въ соединеніи съ мѣдною рудою, съ которою онъ совершенно срастается. Въ такомъ видѣ его находятъ по берегамъ Цыльмы, нѣсколько выше древнихъ рудниковъ.

3. *Окаменѣлое дерево, проникнутое желѣзнымъ колчеданомъ*, найдено въ слоѣ глины на песчаномъ правомъ берегу Цыльмы, около 3 в. отъ устья Тобыша. Въ этомъ слоѣ содержится много желѣзнаго колчедана, который потому за-частую встрѣчается на берегахъ Цыльмы и

почти всѣхъ притоковъ его, въ рыхлыхъ валунахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ извѣстнымъ уже намъ бурымъ желѣзистымъ песчаникамъ и его конгломератамъ.

4. *Желѣзистая охра*, встрѣчаемая также въ цыльмскихъ галькахъ и свойственная желѣзистымъ песчаникамъ, и 5. *Твердый глинистый желѣзнякъ*, добываемый оттуда же.

6. *Халцедонъ* и *роговикъ*, содержащіеся въ промежуткахъ между желѣзистыми песчаниками и его конгломератомъ, а отсюда уже разбросанные по галькамъ рѣчныхъ береговъ.

7. *Аметистъ* съ береговъ Космы, около 70 в. выше ея устья; здѣсь же подъ прибрежнымъ галькомъ найдена большая друза, отъ которой мнѣ однакожъ удалось видѣть только маленькій кристаллъ, вѣроятно потому, что крестьяне боялись конфискаціи такой драгоцѣнности.

8. *Плотный известнякъ*, находимый по Цыльмѣ въ 10 верст. выше устья Малы. Полагаютъ, что это единственное обнаженіе известняка, встрѣчаемое на берегахъ этой рѣки. Этотъ минералъ былъ совершенно сходенъ съ найденнымъ въ большихъ глыбахъ валуновъ на трусовскихъ заводахъ.

9. Наконецъ, напитанный горною смолою черный горючій сланецъ, добываемый на берегахъ рѣки Ухты, притока Ижмы; эта горная порода здѣсь всѣмъ извѣстна и нѣкоторыми называется доманикомъ. (*) Такъ какъ

(*). Съ появленіемъ этаго смолянаго сланца безспорно связано присутствіе нефтяныхъ ключей, которые находятся на томъ же мѣстѣ по рѣкѣ Ухтѣ, притоку Ижмы, и которыхъ присутствіе въ Доманикѣ было извѣстно уже Витсену Въ первомъ изданіи его знаменитаго сочиненія «Сѣверная и Восточная Татарія» (Nord en Oost Tartarye), вышедшее въ

она, не смотря на незначительную твердость свою, нѣсколько полируется, то она способна къ обдѣлыванію даже самыми несовершенными инструментами. Зыряне умѣютъ выдѣлывать изъ этого сланца разныя вещи, изъ которыхъ мнѣ нѣкоторыя удалось видѣть.

Амстердамѣ въ 1692 г., на стр. 593 сказано: «Рѣка Ухта отстоитъ отъ Печоры на одинъ сутки; на этой рѣкѣ, въ разстояніи 1½ мили отъ волока, есть мелкое мѣсто, гдѣ изъ воды выдѣляется жиръ, представляющій черную нефть; здѣсь-то и находятъ доманикъ, который горитъ на подобіе свѣчи, издавая отъ себя черный свѣтъ». Это древнѣйшее извѣстіе о доманикѣ оставалось долгое время единственнымъ и только въ новѣйшее время снова заговорили объ этой удивительной горной породѣ. Сначала заговорилъ объ ней Борнувоголовъ въ своемъ сочиненіи, помѣщенномъ въ запискахъ Общества естествоиспытателей въ Москвѣ т. III г. 1812; въ этой статьѣ находится и химическое разложеніе доманика, произведенное Клапротомъ, къ несчастію, я не могъ пользоваться сю. Потомъ Молчановъ въ своемъ описаніи Архангельской губ., вышедшемъ въ 1813 г. (см. стр. 35); но былъ ли онъ очевидцемъ или воспользовался чужими свѣдѣніями, этого я не знаю, потому что этотъ писатель никогда ни на что не ссылается. Онъ говоритъ, что на рѣкѣ Ухтѣ, въ 300 в. отъ мѣстечка [illegible] того же имени, находился слѣдующій снарядъ добыванія горной смолы: нефтяный ключъ былъ огороженъ четыреxсторонним срубомъ изъ 13 бревенчатыхъ вѣнцовъ, изъ которыхъ 6 погружались посредствомъ балласта на дно рѣки, а остальные находились поверхъ воды (или землею, какъ онъ говоритъ). По срединѣ этого сруба, надъ самымъ ключемъ утверждался ящикъ съ узкимъ дномъ, имѣвшимъ отверстіе, чрезъ которое собиралась заключающаяся въ водѣ горная смола; — теперь же, продолжаетъ онъ, не осталось никакихъ слѣдовъ отъ этихъ снарядовъ, а видна только горная смола, походящая на простую древесную и плавающая на поверхности воды. Вѣрнѣйшія извѣстія мы почерпаемъ изъ статьи, помѣщенной Вологодскимъ Вице-Губернаторомъ въ Горный Журналъ за 1831 г. № 5, стр. 321—329; въ ней опредѣлительно указывается мѣстность и техническое употребленіе горной смолы. Важность этого доманика доказывается здѣсь тѣмъ, что Зыряне Яренскаго уѣзда Вологодской губ. не страшатся затруднительнаго плаванія по рѣкѣ на пространствѣ 430 верстъ туда и обратно, за что

Однакожъ довольно о минеральномъ царствѣ этой страны. 16 Іюня я поѣхалъ осмотрѣть окрестности Усть-цыльмы. По постепенно возвышающимся холмамъ, окаймляющимъ долину Печоры, я поднялся на возвышеніе, откуда взору путешественника представляется довольно открытый видъ, закрывающійся холмами и возвышенной землей только по сю сторону рѣки, по направленію къ В. и СВ. Въ логахъ моихъ, по сѣверозападному направленію, протекала величественная Печора, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ вѣрныхъ двѣ версты въ ширину; на берегу ея, окаймляя подошву холмовъ, тянется рядъ ветхихъ домовъ, среди которыхъ мрачно и угрюмо высматриваетъ древностная церковь. По ту сторону рѣки взоръ покоится на обширныхъ равнинахъ, ограничивающихся на западномъ небосклонѣ спиѣющеюся вдали окран-

---

они убиваютъ ровно 7 недѣль, чтобы только добраться до мѣсторожденія доманика, и каждый изъ нихъ возвращается съ грузомъ, состоящимъ изъ 150 большихъ плитъ, чтобы распродать ихъ потомъ мастерамъ, занимающимся выдѣлкою площадокъ для столовъ, линеекъ и т. д. Эти мастера, тѣже мѣстные крестьяне, художники сами по себѣ, собственно обязаны служить на саловаряхъ. Въ этомъ сочиненіи описывается способъ добыванія горной смолы, всплывающей на поверхность рѣки Ухты, и указывается на снарядъ, который былъ устроенъ на этомъ мѣстѣ въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ прошедшаго вѣка московскимъ купцомъ или мѣщаниномъ Набатовымъ; вѣроятно это тотъ самый снарядъ, о которомъ говоритъ Молчановъ. Въ этомъ же Журналѣ за 1832 г., № 2. стр. 303 находится химич. разложеніе горной породы, которая, по порученію ученаго Комитета Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ изслѣдована нѣсколько точнѣе. Наконецъ, въ новѣйшее время появилось сочиненіе Графа Кейзерлинга, подъ заглавіемъ: «О доманикѣ». Это сочиненіе даетъ намъ ясное понятіе о горной смолѣ, потому что въ немъ не только подробно описано геогностическое происхожденіе ея вмѣстѣ съ нефтяными ключами и наружные признаки, но даже указано ей мѣсто, какое она должна занимать въ ми-

ною горь, вѣроятно тиманскаго камня. Эта окраина, по видимому, очень мало возвышается надъ равниною, потому что я даже вооруженнымъ глазомъ могъ разглядѣть только едва-примѣтно выдавшіяся возвышенности. Къ сѣверозападу же эта волнистая широкая окраина горъ повышается нѣсколько въ видѣ террассы и, достигнувъ того мѣста, гдѣ взору представляется открытая безлѣсная возвышенность, снова принимаетъ горизонтальное положеніе и такимъ образомъ теряется въ дальній сѣверъ.

Холмы,—на южныхъ скатахъ которыхъ разстилаются пашни здѣшнихъ жителей, частію теперь еще занимавшихся обработкою своихъ полей,-пересѣкаются болотистыми или лѣсистыми и травянистыми долинами, въ которыя стекаютъ маленькіе ручейки. Береза, ольха (Alnus viridis) и ива (J. arbuscula и hastata) растутъ здѣсь по обыкновенію кустарниками, а ель, нерѣдко искривленная и худо взращенная, составляетъ здѣсь господствующую

нералогіи. Къ этому сочиненію прибавлено описаніе минералогическихъ признаковъ доманика и химическій анализъ его, составленный Г. Вертомъ. Авторъ также знакомитъ насъ съ этимологіею этого страннаго названія, производя его, вмѣстѣ съ Проф. Прессомъ, знатокомъ славянскихъ нарѣчій, отъ слова *дымъ*, на томъ основаніи, что этотъ смолистый минералъ, который при сгараніи сильно дымится, издавал отъ себя запахъ нефти, употреблялся мезенскими крестьянами для куренія въ хатахъ, и потому назывался *дымникомъ*, а на зыранскомъ языкѣ—*дыманикомъ*. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что какой-то писатель въ другой статьѣ Гор. Жур. говоритъ, что во время скотскаго падежа въ Вологод. губ. скотъ окуривали доманикомъ. Что касается до появленія доманика въ Новой Землѣ, о которомъ упоминаетъ Кейзерлингъ, ссылаясь на Оклад-никова, то это, кажется, было извѣстно уже Георги, потому что, описывая этотъ островъ, онъ говоритъ, что на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтны слѣды каменнаго угля и горной смолы. См. Georgi's naturhist. Beschreibung des rufsischen Reiches ч. II. Отд. I. стр. 33.

хвойную породу (*). Изъ кустарниковъ и травъ здѣсь растутъ: Juniperus nana, Empetrum nigrum, Rubus arcticus, Vaccinium Myrtillus, Pyrola minor, Viola biflora и palustris (epipsila Ledeb.), Eriophorum Scheuchzeri, Trollius europaeus, Chrysosplenium alternifolium, Ranunculus acris, Trientalis europaea, Adoxa Moschatellina, Luzula vernalis и campestris, Taraxacum ceratophorum Ledeb., Oxalis Acetosella, Stellaria uliginosa Sm.

Еще коснусь я нѣсколько краснаго искусства устьцыльмскихъ хозяекъ, которое ограничивается окрашиваніемъ шерсти домашнихъ овецъ для хозяйственной потребности. Цвѣта, въ которые здѣсь окрашиваютъ шерсть, суть: желтый, красный, зеленый и синій. Для окрашиванія въ желтый цвѣтъ, служащій въ тоже время основою для краснаго и зеленаго, берутъ растеніе зелецицу, смѣшиваютъ его пополамъ со свѣжими березовыми листьями и кипятятъ въ водѣ; въ полученный отваръ кладутъ ложку ячневаго или ржанаго киселя, для произведенія надлежащаго броженія, и оставляютъ смѣсь

(*) Экземпляры ели находящіеся въ моемъ гербаріумѣ, собраны мною въ Устьцыльмѣ на скатѣ одного холма я, какъ это видно изъ сравненія ихъ съ сибирскими экземплярами, принадлежатъ безъ сомнѣнія въ Ледебуровой Picea obovata. Но есть ли эта порода единственная во всей восточн. части Арх. губ., этого я не могъ рѣшить, такъ какъ сибирская ель по наружному виду отличается отъ обыкновенной только тѣмъ, что у ней плоды стоятъ къ верху, между тѣмъ какъ у обыкновенной они висятъ; но и это различіе исчезаетъ, когда входишь въ лѣсъ, гдѣ растутъ богатыя сибирскія ели, потому что послѣднія нерѣдко такъ наклоняютъ свои длинныя вѣтви, обремененныя тяжестію плодовъ, что ихъ очень легко можно принять за обыкновенныя. Что касается до лиственницы, растущей въ Арх. губ., то она (Larix sibirica Ledeb.) отлична отъ Larix europaea, встрѣчающейся на европейскихъ альпахъ.

эту на произволь дней на 5 или на 6. По прошествіи этихъ 5 или 6 дней шерсть опускаютъ въ окисленную жидкость, кипятятъ и потомъ вынимаютъ и сушатъ. Вслѣдствіе такой операціи шерсть получаетъ прочный свѣтложелтый цвѣтъ соломы. Чтобы изъ этого послѣдняго получить красный цвѣтъ, желтую шерсть кипятятъ съ корешьями растенія Матуры (Galium boreale), отчего получается не менѣе прочный кирпичный цвѣтъ. Для превращенія же основнаго желтаго цвѣта въ зеленый, желтую шерсть кипятятъ въ растворѣ простой синьки, отъ количества которой зависитъ яркость зеленаго цвѣта. Наконецъ синій цвѣтъ сообщается неокрашенной шерсти чрезъ кипяченіе ея въ растворѣ синьки.

Такъ какъ я уже 6 дней пробылъ въ Устьцыльмѣ и терялъ дорогое время, а сопутникъ мой все еще не являлся, то я 16 Іюня рѣшился выѣхать, въ надеждѣ встрѣтить его на дорогѣ, или, если нѣтъ, вовсе отказаться отъ него. Я уже готовился къ отъѣзду, какъ вдругъ мнѣ доложили о его прибытіи; однакожъ первое его появленіе произвело на меня весьма непріятное впечатлѣніе, потому что онъ былъ совершенно пьянъ: отпуская мнѣ безчисленные поклоны, онъ увѣрялъ меня въ совершенной своей ко мнѣ привязанности, приводилъ мнѣ причины своего замедленія и убѣдительно просилъ меня отложить поѣздку до слѣдующаго дня, чтобы дать ему время приготовиться какъ слѣдуетъ. Видя его жалкое положеніе, я конечно не могъ отвергнуть его просьбы и потому остался еще на одну ночь въ Устьцыльмѣ.

VIII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ УСТЬЦЫЛЬМЫ КЪ ПОСЕЛЕНІЮ НА РѢКѢ КОЛВѢ И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ НЕМЪ.

(Іюня 17). Не раньше какъ къ полудню могъ я собрать свою вялую братію. Несчастный провожатый мой дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе «приговиться какъ слѣдуетъ,» потому что онъ опять до того нарѣзался, что его буквально надо было втащить въ лодку. Экипажъ мой состоялъ изъ пяти работниковъ, а весь грузъ моего судна простирался до 100 пудъ; для защиты отъ дождя къ судну была придѣлана изъ досокъ крыша, которая здѣсь такъ важно называется палубой. Къ концу мачтоваго шеста была привязана веревка, служившая для бугсировки судна, а также на него можно было натянуть прямой парусъ, который однакожъ приносилъ намъ очень мало пользы, потому что онъ, какъ я уже прежде говорилъ, годенъ только при полномъ попутномъ вѣтрѣ. Погода была весьма неблагопріятная: совершенно противный, почти бурный югозападный вѣтеръ, принимавшій по временамъ южное и юговосточное направленіе, сильно взволновалъ рѣку и принудилъ насъ помощію веселъ и бугсировки

судна, держась праваго берега, медленно взбираться вверхъ по рѣкѣ; но такъ какъ по причинѣ высокой воды нельзя было бугсировать судно, то работники мои снова должны были взяться, кто за весла, кто за шесты, и дѣйствовать общими силами, чтобы только заставить лодку двигаться впередъ. Между тѣмъ вѣтеръ постепенно усиливался, волны увеличивались, такъ что судно наше черпало уже бортами воду и мы принуждены были у мѣстечка Коровьяго Ручья, въ 5 верстахъ отъ Устьцыльмы, причалить къ берегу и обождать непогоду.

Въ 10 часовъ вечера вѣтеръ унялся и обратился въ тихій сѣверо-западный, которымъ мы не замедлили воспользоваться, чтобы отыскать себѣ лучшій ночлегъ въ мѣстечкѣ Горовой деревнѣ, лежащей въ 8 верстахъ отъ Устьцыльмы, куда мы и прибыли въ полночь. Небо равномѣрно подернулось сѣрыми тучами и туманомъ, дождь лилъ безъ умолку въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ; несмотря на то, вся страна вдругъ озарилась розовымъ свѣтомъ, изливавшимся отъ ярко-освѣщенной зоны на сѣверномъ горизонтѣ. Это была вечерняя заря, которая постепенно угасала въ красноватыхъ облакахъ, чтобы, обратившись въ утреннюю, снова и гораздо сильнѣе воспламенить небо. Однакожъ я былъ готовъ принять это явленіе за слабое сѣверное сіяніе; крестьяне же которыхъ я заставилъ обратить вниманіе на безподобное небо, далеко не раздѣляли моего энтузіазма, а одинъ изъ нихъ даже очень равнодушно пробормоталъ: «заря загорѣлась.» Надо замѣтить, что въ сѣверной Россіи подъ словомъ *Заря* разумѣется не только обыкновенная заря, т. е. утренняя и вечерняя, но и сѣверное сіяніе, которое здѣсь обыкновенно

считается предвѣстникомъ продолжительныхъ дождей или сильныхъ вѣтровъ.

Уже выше Устьцыльмы и недалеко отъ этого мѣстечка Печора оканчиваетъ кривую линію, которую она описываетъ въ этой странѣ для того, чтобы перемѣнить прежнее свое западное и югозападное направленіе на сѣверное, въ которомъ она достигаетъ высшихъ широтъ; выше Коровьяго Ручья, рѣка течетъ на западъ съ маленькимъ только уклоненіемъ на сѣверъ. Правый берегъ ея, — а только этотъ могъ быть мною изслѣдованъ, потому что мы во время плаванія держались его, между тѣмъ какъ лѣвой находился слишкомъ далеко отъ насъ,—начиная отъ Устьцыльцы, постепенно повышается, такъ что за Коровьимъ Ручьемъ онъ поднялся уже на цѣлыхъ сто футовъ и представлялъ неровные, большею частію крутые скаты, прерываемые глубокими и узкими пропастями, въ которыя стекаетъ ключевая и наружная вода. Впрочемъ я нигдѣ не могъ открыть слѣдовъ твердаго камня, потому что всѣ эти береговые скаты образуются исключительно изъ толстыхъ слоевъ глины, смѣшанной тамъ и сямъ съ краснобурымъ суглинкомъ, пескомъ и валунами, а въ верхнихъ слояхъ большею частію переходящей въ чистый песокъ, который на низменныхъ берегахъ, гдѣ глина исчезаетъ, образуетъ даже округленные холмики.—Эти слои наносной глины лежатъ обыкновенно на отвердѣлой сѣраго, а мѣстами красно-желтаго или краснобураго цвѣта, глинѣ, которая, будучи размягчена водой, сильно распадается и обрушивается большею частію совершенно перпендикулярно къ краю берега; впрочемъ она отстоитъ отъ поверхности воды едва-ли выше 5 футовъ и отдѣляется отъ покрывающихъ ее верх-

ихъ слоевъ глины чрезвычайно рѣзкою горизонтальною чертою.—На высотѣ берега растетъ красный лѣсъ, береза, ольха въ кустарникѣ и ива, а на скатахъ тамъ и сямъ цвѣтетъ Atragene alpina или Tussilago Farfara; вообще же говоря, эти скаты лишены всякой растительности. Гальки, найденные мною во множествѣ на краю берега, явно принадлежали къ двумъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга мѣсторожденіямъ. Они состояли частію изъ древнѣйшихъ конгломератовъ, аналогическихъ съ тѣми, которые я открылъ въ послѣдствіи на Уралѣ, на такъ называемой малой скалѣ полярныхъ лисицъ; далѣе здѣсь встрѣчались известняки, въ которыхъ скрывались ортоцератиты и трилобиты; глинистый сланецъ различнаго сложенія и различной плотности, какимъ его находили уже при Чиркѣ и Рочугѣ и на Волокѣ между ними; наконецъ кремнистый сланецъ, роговикъ, кварцъ и т. д. Отъ этихъ валуновъ древнѣйшихъ горныхъ породъ, которые на видъ совершенно почти круглые, отличаются другіе—несравненно позднѣйшей формаціи, схожіе большею частію съ тѣми, которые найдены на Цыльмѣ и которые, не смотря на несравненно меньшую плотность, на видъ гораздо свѣжье и только нѣсколько круглы, почему мѣсторожденіе ихъ должно искать въ недальнемъ отсюда разстояніи, а именно на берегу самой Печоры или при одной изъ ея побочныхъ. Это былъ желѣзистый желтаго и бураго цвѣта песчаникъ вмѣстѣ съ конгломератомъ, котораго нельзя было отличить отъ цыльмскаго и плотный кварцовый известнякъ, найденный потомъ уже на Поганомъ носу, въ одно время съ конгломератомъ.

(18 Іюня). Послѣ продолжительнаго плаванія по рѣкѣ, мы расположились на покрытомъ травой берегу, у

небольшой необитаемой хижины, построенной ижемскими Зырянами, которые часто отправляются этимъ путемъ въ Устьцильму, и служащей имъ защитою отъ дождя и непогоды. Въ этомъ мѣстѣ растительность принимаетъ болѣе веселый и разнообразный характеръ, нежели въ мрачныхъ хвойныхъ лѣсахъ Розы, Рочуги и Чирки. Холмы съ ихъ тѣнистыми долинами и пропастями поросли краснымъ лѣсомъ, преимущественно березами, между которыми изрѣдка замѣшается ель; сосны здѣсь вовсе нѣтъ, а лиственница растетъ только отдѣльными деревьями. На роскошной травянистой почвѣ цвѣла Hierochloa borealis вмѣстѣ съ другими часто уже мною упомянутыми растеніями, между тѣмъ какъ прекрасная Paeonia intermedia Meyer, роскошно поднявшись, распускала свои почки; кустарники Lonicera Pallasii и Rosa acicularis Lindl. были нѣсколько разъ обвиты длинными и гибкими вѣтвями растенія Atragene alpina, огромные бѣлые цвѣты котораго умильно выглядывали изъ-за красивыхъ зеленыхъ листьевъ. По дорогѣ мы встрѣтили лодку съ Тиманскими Самоѣдами, которые, возвращаясь изъ Ижмы, спѣшили домой. Всѣ они говорили чисто по-русски и разсказывали намъ, какъ ихъ выслали изъ Ижмы за то, что они проживали тамъ безъ подорожной(*). Вскорѣ послѣ того, а именно когда мы пристали къберегу противъ самаго

(*) Къ Ижемскому правленію относится часть Самоѣдовъ Большеземельной тундры, между тѣмъ какъ Тиманскіе или Малоземельные Самоѣды находятся подъ вѣдомствомъ Пустозерскаго и Мезенскаго правленій, и потому они, на основаніи § 25 Устава объ Упр. Самоѣдами, не смѣютъ отлучаться изъ своего округа, не получивъ предварительно изъ Правленія узаконенной подорожной. Зыряне же, у которыхъ они были во служеніи, не исполнили этого правила.

устья р. Ижмы, намъ попалось одно зырянское семейство, которое, отправляясь изъ Устьцыльмы въ Ижму, расположилось на берегу. Самоѣдка, провожавшая это семейство въ качествѣ служанки, показывала характеристическія черты лица, служащія типомъ необыкновенной уродливости ея націи, такъ что даже между ея единоплеменницами мнѣ рѣдко удавалось встрѣчать подобныхъ. Представьте себѣ дюжую, низенькаго роста женщину съ такою короткою шеею, что голова ея,—круглая какъ шаръ и покрытая гладкими и черными какъ смоль волосами,—кажется сросшеюся съ туловищемъ: прибавьте къ тому совершенно плоское лицо со скулами, до такой степени выдавшимися, что прямая линія, проведенная отъ одной до другой, не коснется сплюснутаго носа; наконецъ черепъ, по рѣдкости своей, безъ всякаго сомнѣнія, послужилъ бы украшеніемъ Блюменбахскаго кабинета.

Въ этомъ мѣстѣ, на нѣсколько футовъ отъ поверхности воды, обнаруживался желтобурый песчаникъ, попадавшійся намъ уже подъ гальками рѣки Печоры. Этотъ песчаникъ, по наружному виду, совершенно похожъ на тотъ, который является на берегахъ Цыльмы частію самостоятельнымъ, частію цементомъ неоднократно упомянутаго мною конгломерата. Нѣсколько по-дальше онъ является лежащимъ на отвердѣлой глинѣ, слои которой, имѣя только нѣсколько футовъ толщины, въ свою очередь покрываются мягкой пластической глиной наносной земли. Эта пластическая глина или выходитъ наружу, или прикрыта еще нѣсколькими слоями песку, или наконецъ смѣшивается съ пескомъ, представляя иногда совершенную смѣсь, а иногда только перемежаясь слоями, или же вовсе переходитъ въ песокъ, такъ что

отвердѣлая глина лежитъ непосредственно на песчаномъ берегу.

Противъ устья рѣки Ижмы, впадающей въ Печору съ лѣвой ея стороны, лежитъ мысъ Поганый носъ (*), или выдавшаяся скалистая часть берега, у подошвы которой, на 10 или 15 ф. отъ поверхности воды, находится обнаженная горная порода, въ которой обнаруживается желѣзистый конгломератъ Цильмы и плотный кварцевый известнякъ, въ неясныхъ другъ къ другу отношеніяхъ, и притомъ такъ, что обѣ горныя породы являются перемѣшанными въ видѣ толстыхъ обломочныхъ глыбъ или изломанныхъ пихтъ, при чемъ однакожъ въ верхнихъ частяхъ преобладаетъ конгломератъ, а въ нижнихъ известнякъ. Имѣя удивительную твердость и тонкозанозистый или тонкозернистый изломъ, этотъ известнякъ можетъ быть разматриваемъ какъ песчаникъ; онъ имѣетъ сѣроватый или желтоватый, а въ разсѣлинахъ бурый цвѣтъ и встрѣчается большею частію растрескавшимся на подобіе плиты. Изъ окаменѣлостей я могъ открыть здѣсь только слѣды окаменѣлаго дерева. Конгломератъ часто переходитъ въ грубый бураго и желтобураго цвѣта песчаникъ, служащій ему цементомъ, и здѣсь также покрывается отвердѣлой глиной на которой осаждается глинистая потопная формація. Нѣсколько подальше кварцевый известнякъ является болѣе самостоятельнымъ, однакожъ покрывающій его конгломератъ закрытъ отъ

(*) Происхожденія этого страннаго названія я не могъ допытаться; суди по анологіи многихъ подобныхъ названій въ землѣ Самоѣдовъ, съ большою вѣроятностію можно предполагать, что этотъ мысъ былъ нѣкогда мѣстомъ жертвоприношеній языческихъ Самоѣдовъ.

взоровъ наблюдателя наносной землей, которая прячетъ за собой и слои известняка.

На высотѣ мыса, омываемаго правымъ берегомъ р. Ижмы, находится первая зыряпская деревня, лежащая на берегу Печоры, подъ 65° 17' 48" с. ш. и 50° 34' 50" в. д. Она называется *Ижемское Устье* или *Усть-Ижма* и просто *Устье*. На всѣмъ пространствѣ р. Печоры, начиная отъ Устьцыльмы до этой деревни, живутъ Русскіе; остальное же пространство, начиная отъ Усть-Ижмы на востокъ, по всѣмъ притокамъ Печоры до самыхъ ея источниковъ, занимаютъ одни Зыряне.

Дождь, заладившій послѣ обѣда, заставилъ насъ уже въ 8 часовъ вечера искать себѣ ночлега, который мы дѣйствительно нашли подъ густыми вѣтвями ели, стволъ которой, будучи измѣренъ на высотѣ трехъ футовъ отъ земли, имѣлъ 6' 10" въ окружности и 2, 2' въ діаметрѣ. Термометръ стоялъ на 7' ½° Ц.

(19 Іюня). Утромъ рано, когда дождь поутихъ, мы снова пустились въ путь, но такъ какъ намъ приходилось ѣхать противъ быстраго теченія, то плаваніе наше было очень затруднительно и мы невольно завидовали скорой и легкой ѣздѣ попавшихся намъ на встрѣчу Зырянъ, которые на трехъ лодкахъ, нагруженныхъ шкурами сѣверныхъ оленей, возвращались изъ большеземельной тундры въ Ижму. Въ 15 верстахъ выше устья Ижмы мы пристали къ берегу у деревни, называемой Ижемскимъ материкомъ или Щелюрской деревней. Послѣднимъ своимъ названіемъ это селеніе обязано выдавшемуся голому песчаному и глинистому мысу, на которомъ оно лежитъ; потому что подъ именемъ «щелья» (испорченное слово ушелье) Архангельцы разумѣютъ всякій крутой, нѣсколь-

ко возвышенный скатъ, лишенный растительности, не разбирая впрочемъ, горнаго ли онъ происхожденія или нѣтъ, слово же юръ означаетъ на зырянскомъ языкѣ голову, такъ что селеніе представляетъ какъ бы голову крутаго отклона, на которомъ оно лежитъ и на которомъ пропасти, простирающіяся до самой подошвы, ясно обрисовываютъ туловище. На высотѣ этого мыса водруженъ крестъ.

Между тѣмъ какъ мы проплажались въ Щелиорской, съ противоположнаго берега къ намъ приближалась лодка съ зырянскими женщинами и дѣвками, напѣвавшими какую-то унылую пѣсню, звуки которой доходили до насъ. Меня сильно поразило удивительное сходство этихъ пѣсенъ съ тѣми, которыя я такъ часто слышалъ изъ устъ эстляндскихъ крестьянъ въ Лифляндіи. Не переставая пѣть, эти женщины вышли на берегъ и каждая изъ нихъ несла по вѣткѣ зеленой ивы, сорванной для рогатаго скота. У мужей, которые всѣ говорили по-русски, я думалъ выпытать слова напѣваемой пѣсни, но любопытство мое не удовлетворилось, потому что они меня увѣряли, что сами не знаютъ, о чемъ жены ихъ плачутъ. Этотъ родъ пѣнія и составленія стиховъ сильно напоминаетъ финское поколѣніе. Архангельскіе Зыряне обыкновенно не поютъ никакихъ пѣсенъ на собственномъ своемъ нарѣчіи; звуки ваппамошковой арфы не долѣтали до печорскихъ лѣсовъ, и какъ мужчины, говорящіе хотя ломанымъ, однакожъ сноснымъ русскимъ языкомъ, такъ и женщины, которымъ этотъ языкъ большею частію совершенно чуждъ, поютъ только по-русски; точно также и молитву свою Зырянинъ творитъ не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, такъ-что

мнѣ довольно часто приходилось слышать русскія молитвы даже изъ устъ такихъ Зырянъ, которые по-русски ни слова не понимали. Значитъ, послѣдніе звуки народной пѣсни Зырянъ сохранились только еще въ плачевныхъ пѣсняхъ, расиѣваемыхъ женщинами, которыя обыкновенно сильнѣе бываютъ привязаны къ обычаямъ предковъ. Сосѣди Русскіе обнаружили сильное вліяніе на всю народность архангельскихъ Зырянъ. Они исповѣдуютъ православную вѣру, принесенную къ нимъ пермскимъ епископомъ Степаномъ въ одно время съ введеніемъ въ Россіи Христіанства, а именно въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIV вѣка (*). Служба у нихъ отправляется на славянскомъ церковномъ языкѣ, молиться ихъ учатъ не иначе какъ по-славянски и только очень недавно одинъ русскій духовникъ, проживавшій въ Ижмѣ, перевелъ Новый Завѣтъ изъ славянскаго языка на зырянскій. Зыряне перенесли въ свои хижины, вмѣстѣ съ наружными правами и обычаями, отчасти характеръ русской семейной жизни. Архитектура и внутреннее устройство зырянскихъ жилищъ ни въ чемъ не отличаются отъ архангельскихъ; ихъ хозяйство, образъ жизни и занятія представляютъ мало уклоненій. Зырянскій языкъ сроденъ съ финскимъ, что доказывается не только большею частію коренныхъ словъ, которыя можно указать въ нынѣшнемъ финскомъ языкѣ, но и грамматическими формами; нынѣшній же языкъ, на которомъ говорятъ, покрайней-мѣрѣ, архангельскіе Зыряне, заключаютъ множество выраженій, заимствованныхъ для многихъ простыхъ понятій изъ русскаго языка, между тѣмъ какъ собственно

(*) Крестининъ въ путешествіи Лепехина т. IV стр. 417. 418.

зырянскія выраженія для тѣхъ же понятій преданы забвенію, такъ что его можно считать славяно-финскимъ нарѣчіемъ. Самымъ тѣло-сложеніемъ и чертами лица Зыряне теперь не отличаются существенно отъ славянскаго племени и далеко не соотвѣтствуютъ характеристическому типу Финновъ въ Эстляндіи и Финляндіи. Зырянинъ большею частію высокаго или, по крайней мѣрѣ, средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; черты лица его правильны, а у женщинъ часто очень пріятны; волосы бѣлокурые, часто рыжеватые, глаза обыкновенно голубые. Не смотря на это наружное сходство съ Русскимъ, Зырянинъ сохранилъ въ характерѣ что-то особенное, невыгодно отличающее его отъ Русскаго. Будучи серьезнѣе послѣдняго, онъ не такъ весело проводитъ жизнь, какъ Русскій; подобно настоящему Финну, онъ рѣдко поетъ или смѣется; въ разговорѣ онъ нисколько не унижаетъ себя, но это происходитъ не отъ сознанія собственнаго своего достоинства, а отъ того, что онъ упрямъ и не услужливъ.

У Щелюрской, гдѣ край берега покрытъ безчисленнымъ множествомъ гальковъ, находятся всѣ уже исчисленныя нами горныя породы, заисключеніемъ однакожъ горныхъ породъ позднѣйшаго происхожденія, найденныхъ мною ниже и отдѣлившихся отъ Погапаго носа.

Для ночлега мы избрали мѣстечко Рочёву, лежащее на правомъ берегу Печоры, въ 10 верстахъ отъ Щелюрской. Нѣсколько молодыхъ рыбаковъ, которыхъ дѣла заставили слѣдовать избранному нами пути и которые въ послѣднемъ мѣстечкѣ очень хорошо замѣтили, какъ я интересовался ихъ пѣснями, явились ко мнѣ съ предложеніемъ спѣть зырянскую пѣснь. Я охотно принялъ это

предложеніе и пѣвцы мои, освѣживъ предварительно свои горла порядочною порціею водки, заорали кто во что̀ горазд̀ь. Но каково было мое удивленіе, когда они, вмѣсто обѣщанной зырянской пѣсни, запѣли чисто русскую, только на голосъ, свойственный Зырянамъ и совершенно чуждый Русскому. Когда я ихъ спросилъ о причинѣ, онѣ отвѣтили мнѣ, что не знаютъ и даже никогда не слыхали ни одной зырянской пѣсни, потому что мужчины ихъ націи умѣютъ пѣть только по-русски. И дѣйствительно, поэзія Зырянъ, кажется, издавна ограничивается импровизаціею пѣсенъ, которыя, выражая чувства одного какого-нибудь лица, весьма скоро забываются.

(20 Іюня). Небо прояснилось, однакожъ противный сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ опять такъ сильно, что въ обѣденное время мы должны были пристать къ селенію Пяченскому Материку и выжидать благопріятнѣйшей погоды, которая, какъ мы замѣтили, устанавливалась обыкновенно къ вечеру. Между тѣмъ какъ мы здѣсь проглажались, къ намъ пришелъ какой-то зажиточный Зырянинъ (говорю зажиточный, потому что въ тундрахъ у него паслось до 4000 сѣверныхъ оленей), съ цѣлію пригласить меня на чашку чаю. Я охотно принялъ приглашеніе и меня ввели въ его домъ, гдѣ я встрѣтилъ самого хозяина и нѣсколько человѣкъ гостей. Чай, этотъ любимый напитокъ Русскихъ, у Зырянъ менѣе употребителенъ: только въ богатыхъ домахъ, и то когда бываютъ гости изъ Русскихъ, водится подавать на столъ здоровенный самоваръ, на которомъ помѣщается огромный чайникъ, представляющій въ этомъ случаѣ неизсякаемый источникъ благосостоянія, который въ продолженіе нѣ

сколькихъ часовъ безпрестанно наполняетъ опустошаемыя чашки гостей. У Зырянъ есть обыкновеніе (что впрочемъ и у насъ бываетъ) подавать, вмѣстѣ съ самоваромъ, блюдо мяса, рыбы, и т. п., которымъ подчуютъ гостей послѣ чаю, или которое предпочитается неохотниками до горячаго. Впрочемъ Зыряне не такъ-то наблюдаютъ опрятность въ домашней утвари, значитъ, они и въ этомъ отстаютъ отъ Архангельцевъ, которые вообще обращаютъ вниманіе на чистоплотность.

Какъ исповѣдующимъ Православную Вѣру, Зырянамъ при крещеніи даютъ русскія имена и фамиліи, а при учтивомъ привѣтствіи, какъ и у Русскихъ, къ имени, данному при крещеніи, всегда присовокупляется имя отца; однакожъ въ зырянскомъ языкѣ эти оба имени претерпѣваютъ особенное и странное сокращеніе и притомъ имя отца всегда предшествуетъ имени, данному при крещеніи, такъ что вмѣсто русскаго «Василій Ивановичъ» Зыряне говорятъ: «Ваня Вась».

Зыряне называютъ свой народъ *Ко́ми* (во множеств. числѣ Коміясъ), а единоплеменниковъ своихъ, Пермяковъ,—*Ко́ммуза* или *Ко́мменза* (во множ. числѣ Коммензаясъ). Русскихъ они называютъ *Рочь*, испорченное *Росъ* или *Русь*, а Самоѣдовъ—*Яронъ* или *Яранъ*. Названіе же «*Зыряне*», которое они получили отъ Русскихъ и подъ которымъ они вообще извѣстны, для нихъ совершенно чуждо; вообще начало и происхожденіе этого названія темны, хотя не было недостатковъ въ учебныхъ розысканіяхъ (*). Зыряне, живущіе по берегамъ Печоры и ея при-

(1) Въ путешествіи Лепёхина, ч. IV стр. 415, въ приведенномъ уже нами сочиненіи, которое, если я не ошибаюсь, написано Крестининомъ, названіе «Зырянъ» производится отъ зырянскаго слова *Зыродо-*

токовъ, начиная отъ устья Ижмы вверхъ по рѣкѣ, обыкновенно называются въ Архангельской губ. Ижемцами (по-зырянски Изватасъ), по богатому мѣстечку Ижмѣ, въ которомъ находится ихъ правленіе. Однакожъ мѣстопребываніе Зырянъ не ограничивается однимъ басейномъ Печоры: по верховьямъ Мезени, начиная отъ деревни Латтуги (лежащей по выше Вожгоры, при устьѣ тогоже имени) вверхъ по рѣкѣ со всѣми ея притоками, равно и по Вашкѣ —вездѣ они имѣютъ свои жилища, такъ-что они занимаютъ всю южную полосу Мезенскаго уѣзда, начиная отъ Урала до Пинегскаго уѣзда, примыкая такимъ образомъ, вдоль южныхъ границъ Арханг. губ., къ единоплеменникамъ своимъ Вологодцамъ (*).

У Няченскаго Материка, лежащаго почти подъ 65½ с. ш., занимаются землепашествомъ, не смотря на зна-

---

лолсъ (т. е. подвинувшіеся дальше), а изъ этой Этимологіи слѣдуетъ, что Зыряне прежде жили южнѣе, а именно по берегамъ рѣки Косвы и т. д., откуда они или были вытѣснены другими народами, или сами по себѣ переселились далѣе на сѣверъ. Однакожъ это значитъ на основаніи сомнительной этимологіи одного названія изобрѣтать цѣлую исторію народа.—Крестининъ, въ своей «Ист. Нач. о Двинск. народ.» стр. 82, полагаетъ, что Русскіе называютъ этотъ народъ Зырянами по рѣкѣ Зырянкѣ, впадающей въ Вашку, т. е. онъ принимаетъ причину за дѣйствіе. — Молчановъ же, замѣчу мимоходомъ, въ своемъ «Опис. Арх. губ.» стр. 49, говоритъ: здѣсь я считаю не излишнимъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:—и отъ слова до слова выписываетъ сочиненіе, помѣщенное въ путешествіи Лепёхина, ни разу не упоминая имени автора.

(*) Что касается до языка архангельск. Зырянъ, то я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ граммагич. формъ; но такъ какъ ученый филологъ, докторъ Костренъ, издалъ уже зыряпскую грамматику, то мои замѣчанія оказываются ненужными, почему я ихъ и выпустилъ, а сообщаю читателямъ только одинъ перечень словъ, который, надѣюсь, можетъ дать нѣсколько яснѣйшее понятіе объ архангельскомъ нарѣчіи зырянскаго языка (см. прибавленіе ко 2 части).

чительно-восточное положеніе этой деревни; здѣсь сѣютъ не только ячмень, но и небольшое количество ржи, и увѣряютъ даже, что въ прежніе годы получался хорошій урожай; но теперь здѣсь, какъ и вездѣ, жалуются на дурной климатъ. Впрочемъ это мѣсто для ржи самая сѣверная граница; выше она уже нигдѣ не встрѣчается. Плугъ, употребляемый прибрежными жителями Печоры, равно и Русскими, живущими по теченію нижней Мезени и въ окрестностяхъ Архангельска, имѣетъ особенное устройство (какъ это видно на чертежѣ таб. I фиг. 2), въ слѣдствіе котораго онъ поднимаетъ землю только съ одной правой стороны, между тѣмъ какъ обыкновенный русскій плугъ поднимаетъ ее съ обѣихъ сторонъ. Борона здѣшняя ни въ чемъ не отличается отъ лифляндской: она состоитъ изъ еловыхъ сучьевъ, которые концами своими обращаются во вспаханную землю, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Мезени и Архангельска употребляется русская борона. Серпъ у Зырянъ обыкновенный. За то въ сѣверной части Архангельской губ. и во многихъ странахъ Сибири употребляется совершенно особенный способъ кошенія сѣна, и нашъ рисунокъ (таб. I фиг. 3) представляетъ приспособленную къ тому косу. Ручка этой косы только на бездѣлицу длиннѣе лизвея, которое, при обыкновенной длинѣ лизвея русской косы, въ половину уже этого послѣдняго. Эта ручка прикрѣплена къ желѣзу подъ тупымъ угломъ и имѣетъ, какъ въ серединѣ, такъ и къ концу, два изгиба а и б, за которые косецъ держитъ косу, отправляя свою работу не иначе, какъ въ нагнувшемъ положеніи; если работникъ выставляетъ правую ногу впередъ, то онъ правой рукой хватается за изгибъ *а*, а лѣвой за изгибъ *б* и за-

махивается косой влѣво; потомъ онъ лѣвой ногой дѣлаетъ большой шагъ впередъ и въ тоже время перекидываетъ косу такъ, чтобы изгибъ *а* пришелся въ лѣвую, а изгибъ *б* въ правую руку, и замахивается косой вправо и т. д. Легко понять, что эта работа, при затруднительной позиціи въ наклонномъ положеніи, при низкихъ поклонахъ, которые приходится дѣлать на каждомъ шагу, и при безпрестанномъ перекидываніи косы, — весьма скоро утомляетъ работника. Оттого-то Мезенцу не извѣстно обыкновенное русское выраженіе «*косить*», а вмѣсто его онъ всегда употребляетъ слово «*страдать*»; самое же занятіе онъ называетъ страдой (т. е. страданіемъ), а время сѣнокоса—*страдной порой*. Впрочемъ тѣ, которые привыкли къ этой работѣ, отправляютъ ее весьма скоро. Косы, употребляемыя для этой работы женщинами, имѣютъ ручку нѣсколько по-короче и вообще устройство нѣсколько удобнѣйшее; такая коса называется *горбушой* (отъ слова горбиться), а обыкновенная русская, въ противоположность ей,—*стойкой* (отъ слова стоять), въ другихъ же мѣстахъ Россіи просто *косой* (отсюда слово косить), а въ Сибири—*Литовкой*. Изъ этихъ различныхъ названій видно, что общепринятый нѣкогда въ Россіи родъ косы была горбушка, обыкновенная же коса съ прямой ручкой была заимствована уже послѣ у Литовцевъ и Поляковъ.

Въ этомъ мѣстѣ воды рѣки Печоры далеко не такъ богаты рыбой, какъ при Устьцыльмѣ и въ особенности при Пустозерскѣ, за то здѣсь рыбная ловля составляетъ только побочный промыселъ, главные же промыслы—ломоводство и земледѣліе. Но въ особенности важно для Зырянъ, живущихъ по берегамъ рѣки Печоры, разведе-

ніе сѣверныхъ оленей, какъ главный источникъ ихъ богатства и доходовъ; этотъ промыселъ вошелъ здѣсь во всеобщее употребленіе не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Зыряне такъ ревностно предаются ему, что владѣтели стадъ часть года и даже нѣсколько лѣтъ сряду кочуютъ вмѣстѣ со своими оленями въ большеземельной тундрѣ Самоѣдовъ, вдали отъ дома.

Что касется до рыбной ловли, то прибрежные жители Печоры производятъ ее какъ на самой Печорѣ, такъ и на сосѣдственныхъ притокахъ ея и на окрестныхъ озерахъ, обильныхъ рыбою. Рыбачьи сѣти имѣютъ различную длину, смотря по свойству водъ, въ которыхъ производится ловля; такъ напр. сѣти, употребляемыя въ Устьцыльмѣ, бываютъ до 200 сажень длиною; кромѣ сѣтей, для рыбной ловли на Печорѣ употребляются такъ называемые фетели, т. е. родъ корзинъ, сдѣланныхъ изъ сѣтей. Эти фетели представляютъ сѣтчатый мѣшокъ, имѣющій видъ конуса, которому основаніемъ служитъ отверстіе, и натянутый четырмя обручами. Къ отверстію этого мѣшка придѣлываются два сѣтчатыхъ крыла, изъ которыхъ каждый имѣетъ около 10 ар. длины и до двухъ ширины, поперечными же палками края ихъ поддерживаются въ параллельномъ другъ къ другу положеніи. Весь этотъ снарядъ, помощію трехъ заостренныхъ кольевъ, прикрѣпляется въ руслѣ рѣки за концы обоихъ крыльевъ и мѣшка такимъ образомъ, чтобы отверстіе мѣшка было обращено къ устью рѣки; одно крыло ставится параллельно берегу, а другое поперегъ рѣки, но такъ, чтобы оно составляло съ берегомъ прямой или покрайней мѣрѣ больной острый уголъ. Въ это-то послѣднее крыло обыкновенно попадается плывущая вверхъ по рѣкѣ рыба, ко-

торая, желая изъ него выпутаться, стремится въ самый уголъ, откуда ей открывается только одинъ путь—въ отверстіе сѣтчатаго мѣшка. При счастливой ловлѣ за одну ночь можно такимъ образомъ поймать отъ 20 до 40 пудъ рыбы.

Къ вечеру погода поутихла и позволила намъ ночью продолжать путь нашъ.

(21 Іюня) Рано утромъ мы проѣзжали мимо села *Брекаловской*, называемаго также *Сизóвой*; тутъ подулъ прохладный югозападный вѣтерокъ, который, при измѣнившемся теченіи рѣки, принимающей здѣсь направленіе къ юго-западу, позволилъ намъ натянуть прямой парусъ и проѣхать быстро довольно значительное пространство, пока вѣтеръ опять не утихъ и не заставилъ насъ снова прибѣгнуть къ весламъ и веревкѣ. Не измѣняя своего свойства, берегъ въ этомъ мѣстѣ уже значительно понизился, однакожъ, какъ и прежде, изобилуетъ краснымъ лѣсомъ въ мѣстахъ глинистыхъ, и напротивъ того хвойными деревьями въ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ песокъ.

Въ 9 часовъ вечера мы расположились на низменномъ глинистомъ берегу, поросшемъ краснымъ и чернымъ звѣробоемъ, ольхой (Alnus viridis) и ивами. На немъ были видны слѣды недавняго наводненія, потому что земля, на которой повсюду лежали вырванныя съ корнями деревья, была еще покрыта мягкою иловатою глиною, а пучки соломы и травы, оставшіеся висѣть на сучьяхъ ивы, указывали даже на высоту, до какой достигала вода, убывшая теперь уже на 15 футовъ. Около 11 часовъ пошелъ дождь и въ тоже время на полерштомъ тучами небѣ показался опять тотъ дивный розовый свѣтъ, который я не зналъ чѣмъ считать, вечернейли зарей, или сѣвернымъ

сіяніемъ. Спустя нѣсколько минутъ, этотъ свѣтъ скрылся, ложкь пересталъ и совершенное безвѣтріе, которое наступило сегодня утромъ послѣ югозападнаго вѣтра, перешелъ въ сѣверо-восточный.

(22 Іюня) Послѣ дождливой ночи погода у насъ была туманная, въ высшей степени сырая и холодная при совершенно облачномъ небѣ и сильныхъ порывахъ вѣтра, дувшаго съ СВ. Мы проѣхали нѣсколько необитаемыхъ хижинъ, подобныхъ тѣмъ, которыя мы встрѣчали тамъ и сямъ по берегамъ Печоры; онѣ частію служатъ ночлегомъ для возвращающихся изъ тундры Зырянъ, частію даютъ временное убѣжище рыбакамъ и охотникамъ. Глинистый плоскій берегъ, какъ и до сихъ поръ, изобилуетъ краснымъ лѣсомъ. Новое неудобство, на которое жаловались мои люди, представлялось въ размягченномъ грунтѣ берега, отъ воды, и затрудняло бугсировку нашего судна; и дѣйствительно, всѣ низменности рѣчнаго берега до такой степени были размыты водой, что нога на каждомъ шагу вязла въ глинѣ до самой лодыжки. Эти низменности обыкновенно покрыты высокими ивовыми кустарниками, изъ которыхъ преобладаютъ S. hastata, viminalis и stipularis; но и S. pyrolaefolia Ledeb. нерѣдко встрѣчается.

Для ночлега мы избрали себѣ открытое мѣсто въ глубокой пропасти, при устьѣ небольшаго ручья, правый берегъ котораго, представляя высокій, крутой и лишенный растительности скатъ, выдался наружу на подобіе мыса и позволилъ намъ разглядѣть слои, изъ которыхъ онъ составился:

1) Поверхностные слои песку, около 30 ф. толщиною.

2. Отвердѣлая глина, представлявшая горизонтальный и нѣсколько волнистый слой въ 2' толщиною.

3) Песокъ въ 7'.

4) Слой гальковъ въ 1½-ф, толщ.; валуны большею частію малы, очень округлены и, подобно рыхлымъ галькамъ на краю берега, возникли изъ древнѣйшихъ горныхъ породъ.

5) Песокъ въ 7 ф.

6) Глина, въ 2 ф. толщ., за которой слѣдуетъ

7) Слой песку, а за этимъ опять глина; дальнѣйшіе слои нельзя уже было изслѣдовать.

На высотѣ ската ростетъ: Vaccinium Myrtillus и Vitis Idaea, Rubus arcticus, Ledum palustre и нѣсколько кривыхъ березъ и елей. По бокамъ Polytrichum juniperinum образуетъ тамъ и сямъ высокія и мягкія мшистыя пивы; на пескѣ мѣстами ростетъ Dicranum Schreberi Sw., между которыми цвѣла нѣжная, едва примѣтная Jungermannia crenulata. Берегъ ручья усѣянъ растеніемъ Salix chrysantha Vahl., которое показывало уже плоды; также я собралъ Salix Lapponum L. и Carex globularis Wahl.

(23 Іюня). Оставивъ устье рѣчки Горной Чарки влѣво, намъ пришлось ѣхать противъ быстраго теченія, которое, при совершенно противномъ и сильномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, не давало намъ никакой возможности подвигаться впередъ, и мы должны были пристать къ берегу и обождать, пока не уймется вѣтеръ. Правый берегъ, гдѣ это необыкновенно быстрое теченіе болѣе чувствительно, начиная отъ устья Горной Чарки на пространствѣ 10 верстъ вверхъ по рѣкѣ, извѣстенъ прибрежнымъ жителямъ подъ именемъ Горностаи-

наго прилука (1), и, какъ мнѣ кажется,—но я не могъ въ этомъ убѣдиться, потому что я стоялъ на низменномъ берегу, откуда нельзя было обозрѣть страну,—это то самое пространство берега, гдѣ рѣка описываетъ кривую линію, чтобы перемѣнить прежнее свое сѣверное теченіе на югозападное.

Новая наша попытка плыть противъ теченія оказалась безполезною и мы тотчасъ же опять пристали къ берегу въ устьѣ рѣчки Большой Мутной, которая вливается въ Печору вмѣстѣ съ другой рѣчкой, по имени Іоль. Это явленіе встрѣчается на Печорѣ нѣсколько разъ; такъ однимъ устьемъ вливаются Цыльма и Пижма, Двойники и объ Лебяжьи. Нѣсколько рыбаковъ, спустившихся къ намъ по Мутной, принесли намъ для закуски рыбы и вообще обрадовали насъ своимъ присутствіемъ въ такой безлюдной странѣ. Къ вечеру погода наконецъ утихла и позволила намъ продолжать путь ночью.

(24 Іюня) Густой туманъ, объявшій всю страну, постепенно опускался внизъ и наконецъ раскрылъ передъ нами ясное небо. Берегъ въ этомъ мѣстѣ сохранилъ свой однообразный характеръ, и вліяніе почвы, смотря по тому, глина или песокъ образуетъ верхніе слои ея, часто очень ясно обнаруживается въ растительности, потому

---

1) Подъ словомъ «прилукъ» Архангелецъ разумѣетъ наружную дугу рѣки, около которой теченіе становится замѣтно быстрѣе, не обращая впрочемъ вниманія на то, низменный ли это берегъ, или возвышенный; онъ говоритъ: вода прилучается, словомъ «материкъ» обозначается высокій, особливо крутой и обрывистый, но не скалистый берегъ; скалистый же здѣсь называется *Щельей*; Материкъ происходитъ отъ прилагат. *«матерый»*.

что въ то время, какъ на глинистомъ берегу преобладаетъ красный лѣсъ, мѣстами смѣшанный съ елью и лиственницею, другой низменный и болѣе ровный песчаный берегъ, представляя часто сухую степь, на которой растетъ только ягель и Arctostaphylos officinalis, несетъ на себѣ богатыя сосны, такъ рѣдко встрѣчающіяся по теченію Печоры. Въ этомъ мѣстѣ берегъ былъ весьма удобенъ для бугсировки судна и мы не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы подвинуться впередъ; но вскорѣ это удобство прекратилось и мы должны были переправиться къ другому берегу, гдѣ намъ представилась большая возможность къ дальнѣйшему плаванію и, проѣхавъ значительное пространство, остановились для ночлега у подошвы высокаго ската. Край берега здѣсь покрытъ многими гальками, между которыми я находилъ плотный известнякъ, содержавшій чашеячейникъ вмѣстѣ съ Harmohytes parallelis Fisch., далѣе упомянутый уже древнѣйшій конгломератъ, глинистый и точильный сланецъ, окаменѣлое дерево, превратившееся въ плотный сферозидеритъ, съ металлическимъ блескомъ на поверхности; наконецъ рѣже встрѣчалъ я обугленное дерево, Халцедонъ, Дендролитъ (fasciculatum Phill. и irrègulare Phill.), обломки Белемнитовъ и Аммонитовъ (Amm. Tschewkini d'Orb)

Крутой глинистый скатъ, обросшій березовыми и ивовыми кустарниками и полернутый Tussilago farfara и glabrata, возвышается двумя уступами или террассами, около 127 ф. надъ поверхностью рѣки или около 300' надъ уровнемъ моря; на немъ сохранились еще огромныя глыбы снѣгу. Съ высоты берега видна обширная безлѣсная равнина съ болотной землей, или, говоря лѣ-

...лимъ языкомъ, настоящая тундра, которая была еще заморожена покрайней мѣрѣ на 3 или 4 вершка въ глубину. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега находится чрезвычайно тощій хвойный лѣсъ, состоящій изъ ели, сосны и нѣсколькихъ лиственницъ; изъ нихъ сосна въ особенности уродлива; также здѣсь встрѣчается нѣсколько березъ, но онѣ ростутъ небольшими кустарниками, рѣдко превышающими два человѣческихъ роста. Земля здѣсь была усѣяна слѣдующими растеніями: Rubus Chamaemorus, Ledum palustre, Andromeda polifolia и calyculata, первая въ цвѣтѣ, другая уже отцвѣтала; Betula nana, Empetrum nigrum, Vaccinium Vitis Jdaea и uliginosum, Schollera Oxycoccos, Eriophorum vaginatum. Sphagnum, Polytrichum и т. д.

Съ высоты берега взорамъ представляется открытый видъ черезъ весь восточный горизонтъ. Уподошвы ската Печора изливаетъ свои широкія воды въ сѣверовосточномъ направленіи, не измѣняя своего сѣвернаго теченія, котораго она придерживается, начиная отъ самаго истока до упомянутаго нами Горностайнаго прилука, и здѣсь уже перемѣняетъ его на югозападное. Правый берегъ казался намъ низменнымъ и былъ покрытъ краснымъ лѣсомъ; нѣсколько по дальше отъ берега простирается ровная лѣсистая страна, на краю котораго вооруженнымъ глазомъ можно видѣть безлѣсную Большеземельную тундру съ бѣлѣющимся на ней снѣгомъ, а можетъ быть и покрытыя еще льдомъ озера; по ту сторону этой тундры опять слѣдуетъ лѣсъ, вѣроятно окаймляющій долину какой нибудь побочной рѣки; на В. и СВ. видна синѣющаяся вдали окраина холмовъ, обозначающая высшія точки Большеземельной тундры. Увѣ-

ряютъ даже, что иногда въ хорошую ясную погоду можно видѣть чрезвычайно отдаленную вершину Урала.

Уже нѣсколько дней насъ сильно безпокоили комары и мы не иначе могли защититься противъ нихъ, какъ разложивъ огонь, дымъ котораго не допускалъ ихъ близко къ намъ; также здѣсь употребляютъ противъ нихъ родъ сѣтей изъ лошадинаго волоса, обшитыхъ холстинкой, которая одѣвается на затылокъ и на плечи. Хотя мы также запаслись подобными покрывалами, однакожъ я не могъ носить ихъ, потому что въ нихъ во-первыхъ душно, а во-вторыхъ ничего почти невидать, почему порядочно и потерпѣлъ отъ этихъ несносныхъ насѣкомыхъ. Чтобы имѣть отъ нихъ покой ночью, люди мои обыкновенно ограждали себя парусами, между тѣмъ какъ я искалъ себѣ убѣжища въ судиѣ, гдѣ, разогнавъ докучливыхъ гостей табачнымъ дымомъ, мгновенно запирался и засыпалъ тогда безъ всякаго опасенія.

(25 Іюня) При ясномъ небѣ подувалъ тихій сѣверовосточный вѣтерокъ. Теченіе рѣки здѣсь все еще сѣверозападное и оно не измѣняется до устья рѣки Узы и нѣсколько подальше. Между тѣмъ какъ мы держались лѣваго берега, на правомъ осталось опустѣвшее теперь мѣстечко Кирвенскій материкъ, котораго жители, не видя никакой возможности заниматься въ немъ земледѣліемъ, нашли себѣ новое убѣжище въ Ижмѣ. Мы расположились на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ рѣкою въ изрядномъ количествѣ какъ здѣсь, такъ и въ нижнемъ ея теченіи. Такъ какъ эти острова по большой части низменныя, то они иногда скрываются подъ водою, иногда выходятъ наружу, смотря потому, прибы-

ваетъ ли вода въ рѣки, или убываетъ. На нихъ ростутъ различные виды ивы, изъ которыхъ чаще встрѣчаются: Salix stipularis, viminalis, arbuscula и hastata, рѣже береза и также ель, но только дальше къ серединѣ, гдѣ вода не можетъ задѣвать ее. Кромѣ того рѣка, при мелководіи, покрывается многими песчаными отмелями, которыя, если не становятся опасными для корабельщиковъ, то по крайней мѣрѣ отнимаютъ у нихъ много времени. При глубокомъ руслѣ рѣки вода ея казалось очень мутною, между тѣмъ какъ въ другое время она отличается своею удивительною прозрачностію; архангельскіе патріоты приписываютъ ей даже особенное цѣлебное свойство.

Оставивъ въ сторонѣ нѣсколько острововъ, образующихъ, противъ устья Узы, цѣлый архипелагъ, мы подъѣхали къ богатому зырянскому мѣстечку Усть-Узѣ, лежащему на правомъ берегу Узы, при самомъ впаденіи ея въ Печору, подъ 65° 58' 27'' с. ш. и 54° 34' 22'' в. д., и обитаемому 8-ю семействами. Въ настоящее время земледѣліе ограничивается здѣсь только разведеніемъ небольшаго количества ячменя, между тѣмъ какъ прежде здѣсь сѣялась и рожь, не рѣдко дававшая хорошія жатвы, пока наконецъ нѣсколько неурожайныхъ годовъ сряду не поколебали мужества крестьянъ и не заставили ихъ ограничиться однимъ ячменемъ. Значитъ, за самую сѣверную границу возможнаго еще разведенія хлѣба въ этихъ краяхъ можно принять 66°, недоходящій до дуги, описываемой Печорою по принятіи ею притока Узы; потому что въ Кирвенскомъ материкѣ, лежащемъ только нѣсколько сѣвернѣе Усть-Узы и оставленномъ жителями по причинѣ его безводной почвы,

ячмень постоянно замерзаетъ, между тѣмъ какъ въ Усть-Узѣ мы находимъ не только ячмень, но и рожь ; да и около мѣстечка **Проскана**, о которомъ мы прежде не упоминали и которое лежитъ почти подъ однимъ градусомъ съ Усть-Узой, подъ дугой, описываемой Печорою, ячмень разводится еще довольно успѣшно. Что касается до ржи, то границу ея возможнаго произрастанія можно обозначать 65¾ градусомъ, потому что разведеніе этого хлѣба около Усть-Узы оказывается безполезнымъ, тогда какъ около Няченскаго Материка, лежащаго подъ 65½°, и до сихъ поръ еще занимаются имъ, а въ Ижмѣ, лежащей еще полъ-градусомъ ниже, не только постоянно разводится рожь и ячмень, но даже пытались сѣять коноплю, хотя попытки эти никогда не могли увѣнчаться успѣхомъ. Мы не мало удивлялись, когда увидѣли, что въ странахъ, лежащихъ гораздо восточнѣе, границы разведенія этихъ двухъ родовъ хлѣба обозначаются почти совершенно тѣми же градусами, какъ и въ странахъ, лежащихъ по рѣкѣ Мезени.

(26 Іюня). Мы оставили Печору и пустились вверхъ по Узѣ, вливающейся въ югозападномъ направленіи въ свою главную рѣку. Рѣка эта, будучи шириною съ нижнюю Рочугу, имѣетъ низменные глинистые берега, покрытые ивовыми и березовыми кустарниками. Попутный юговосточный вѣтеръ позволилъ намъ употребить парусъ, такъ что мы быстро подвигались впередъ и, проѣхавъ 20 в., оставили эту рѣку и своротили въ Колву, которая впадаетъ въ Узу съ сѣвера и которой глинистые и песчаные берега обросли краснымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Проѣхавъ 4 в. по Колвѣ, мы достигли наконецъ желанной цѣли нашего путешествія—мѣстечка,

лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки, у церкви Святаго Чудотворца Николая. Эта церковь,—деревянное выкрашенное масляной краской зданіе,—и два священническихъ жилища; потомъ домы недавно здѣсь поселившихся Зырянъ и Самоѣдовъ, недавно выстроенные и потому имѣвшіе красивую наружность, равно нѣкоторыя недостроенныя еще зданія; наконецъ нѣсколько палатокъ, раскинутыхъ Самоѣдами, которые, оставивъ кочевую жизнь, на всегда расположились въ этомъ мѣстѣ и только изрѣдка еще живутъ въ воздушныхъ квартирахъ—все это, будучи окружено угрюмыми соснами и елями, умильно и привѣтливо смотритъ съ высоты песчанаго берега. Священникъ Иннокентій, который въ это время прогуливался по берегу, увидѣлъ насъ и поспѣшилъ къ намъ на встрѣчу; онъ привелъ меня къ себѣ въ квартиру, гдѣ мнѣ тотчасъ же отвели маленькую комнату на все время пребыванія моего въ этомъ мѣстечкѣ.

Такъ какъ три церкви, находящіяся теперь въ самоѣдскихъ земляхъ, обязаны своимъ происхожденіемъ дѣятельности духовной миссіи, которая съ 1825–1830 г. обращала языческихъ Самоѣдовъ Архангельской губерніи къ христіанской религіи, а распространеніе христіанства между этимъ народомъ не только ближе познакомило насъ съ нимъ, но и возбудило вниманіе на него Правительства и было причиною многихъ существенныхъ перемѣнъ, какъ въ гражданскомъ и административномъ бытѣ, такъ и въ самой жизни Самоѣдовъ,—то я, съ позволенія читателя, сдѣлаю небольшое отступленіе, чтобы изложить исторію этой миссіи, матеріалъ для которой я большею частію почерпнулъ изъ заведенныхъ при церквахъ памятныхъ книгъ.

Первый опытъ обращенія Самоѣдовъ къ христіанству былъ сдѣланъ въ 1822 г., когда архангельское духовное Правленіе послало въ Тундры священника Ѳеолора который долженъ былъ дѣйствовать на язычниковъ путемъ увѣщеванія. Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ посланнаго священника дошла до Императора Александра Благословеннаго и возбудила въ немъ желаніе нарядить миссію для распространенія въ этихъ земляхъ христіанскаго ученія; въ слѣдствіе чего тогдашнему архангельскому Епископу Неофиту дано было порученіе составить проектъ съ изложеніемъ мѣръ, которыя должны быть приняты для совершенія такого богоугоднаго дѣла. Проектъ этотъ, посланный на разсмотрѣніе Свят. Правит. Сунода, былъ Высочайше утвержденъ 5 Авг. 1842 г., послѣ чего тотчасъ же была назначена миссія, которая должна была дѣйствовать подъ руководствомъ настоятеля Сійскаго монастыря, Архимандрита Веньямина. 29 Авг. 1825 г, Веньяминъ, въ сопровожденіи священника, одного дьякона, свѣтскаго чиновника, знакомаго съ нравами и образомъ жизни Самоѣдовъ Канинской тундры, служившаго переводчикомъ, отправился изъ Архангельска въ Мезень, гдѣ немедленно приступилъ къ дѣлу. Отсюда онъ ѣздилъ въ Канинскую тундру, однакожь вскорѣ возвратился назадъ, съ цѣлію отыскивать Самоѣдовъ въ тогдашнихъ ихъ жилищахъ у Долгощельской, лежащей на рѣкѣ Кулоѣ, гдѣ онъ окрестилъ 178 человѣкъ. Затѣмъ миссія пустилась по морю и пристала къ Канинскому полуострову, около устья рѣки Чижи, гдѣ она сожгла значительное число деревянныхъ идоловъ, поставленныхъ на Кійской вершинѣ Шомокшасской возвышенности. Проѣхавъ весь

полуостровъ, гдѣ дѣйствовало одно кроткое увѣщеваніе, миссія снова возвратилась въ Мезень и провела здѣсь остатокъ зимы въ крещеніи язычниковъ и въ обученіи новообращенныхъ.

1 Марта 1826 г. Миссія уничтожила въ Козьминомъ перелѣскѣ одинъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ языческихъ жертвенниковъ архангельскихъ Самоѣдовъ и, снабдивъ себя походною церковью, отправилась изъ Мезени черезъ малоземельную тундру къ Печорѣ, а потомъ вверхъ по Печорѣ и Узѣ въ Большеземельную тундру Самоѣдовъ, гдѣ она пробыла два года (1826 — 1827). Какъ въ Малоземельной, такъ и въ Большеземельной тундрахъ христіанскіе миссіонеры дѣйствовали хотя гораздо удачнѣе, чѣмъ въ Канинской землѣ, однакожъ не всегда съ равнымъ успѣхомъ.

Ревностно исполняя возложенную на нее обязанность, миссія объѣхала всѣ земли Самоѣдовъ, на востокѣ до уральскаго хребта и Карскаго моря, а на сѣверѣ до острова Вайгача, гдѣ истребила огнемъ извѣстнѣйшій жертвенникъ Самоѣдовъ (который уже путешественники 16-го столѣтія описываютъ такимъ, какимъ его нашла миссія), лежащій на Болванскомъ носу, и водрузили вмѣсто него крестъ. Миссіонеры намѣревались проникнуть даже дальше этого мѣста и вѣроятно исполнили бы свое намѣреніе, если бы номады не отказали имъ въ своей запряжкѣ, чтобы переѣхать Югрскій проливъ, чего они не могли сдѣлать со своими собственными оленями. Эта неудача заставила ихъ возвратиться на твердую землю и продолжать здѣсь свое святое дѣло до Іюня 1828 г., когда они отправились по Цыльмѣ и Розѣ въ Мезень, а оттуда опять въ Канинскую землю. Здѣсь они слиш-

комъ 1½ года (1828—1830) неутомимо занимались крещеніемъ язычниковъ и проповѣдываніемъ Евангелія, проводя осень, это неблагопріятное для путешествій время года, въ мѣстечкѣ на рѣкѣ Неси, гдѣ дѣятельный архимандритъ изучалъ самоѣдскій языкъ и переводилъ на него Библію.

По показаніямъ миссіи, число Самоѣдовъ, крещеныхъ въ 1825 и 26 годахъ простиралось: въ Канинской тундрѣ до 454, въ Малоземельной тундрѣ до 324, а въ Большеземельной до 977; въ 1827 г. въ Большеземельной тундрѣ всего были крещены 984 души обоего пола, такъ что въ этомъ году всего было уже 2739, а въ началѣ 1830 г.—3303 крещеныхъ Самоѣда.

Между тѣмъ Высочайше утвержденнымъ (17 Февр. 1829 г.) докладомъ отъ Свят. Правит. Синода было повелѣно раздѣлить новообращенныхъ всѣхъ трехъ тундръ на три прихода и построить въ удобныхъ для того мѣстахъ столько же церквей съ домами для священниковъ и церковныхъ служителей, на что было ассигновано 75000 руб. Для наблюденія за этой постройкой была наряжена духовная строительная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Платона, архимандрита архангельскаго монастыря. Что же касается до миссіи, то она была упразднена 2 Мая 1930 г., потому что во всѣхъ трехъ тундрахъ оставалось какихъ нибудь 680 некрещеныхъ Самоѣдовъ (1), обращеніе которыхъ было поручено чле-

---

(1) Значитъ въ 1830 г. во всѣхъ трехъ тундрахъ Мезенскаго округа было всего 3983 души обоего пола, а по оффиціальному показанію отъ 1841 г., число ихъ простирается на 4495, т. е. 2390 душъ мужескаго и 2105 душъ женскаго пола.

намъ духовной строительной коммиссіи и священникамъ, приставленнымъ къ строившимся тогда церквамъ.

Церковь, стоящая на берегу Колвы, стараніями духовной строительной коммиссіи, была окончена въ 1830 г., вскорѣ послѣ двухъ другихъ, изъ которыхъ одна находится въ Канинской землѣ, на берегу Неси, а другая въ Малоземельной тундрѣ, на берегу Роши. Она посвящена святому Чудотворцу Николаю. Первый духовникъ, приставленный къ этой церкви, былъ отецъ Матѳей, тотъ самый, которому Зыряне обязаны переводомъ библіи на ихъ языкъ и который теперь переведенъ священникомъ въ Ижму. Ему наслѣдовалъ, по должности, нынѣшній отецъ Иннокентій, которому недавно прислали въ помощники еще другаго; но кромѣ этихъ двухъ священниковъ къ церкви приставленъ дьяконъ и два церковныхъ служителя.

Въ одно время съ построеніемъ церкви здѣсь поселилось нѣсколько Зырянъ, точно такъ какъ въ послѣдствіи нѣсколько семействъ Самоѣдовъ—христіанъ сдѣлались осѣдлыми въ этомъ мѣстѣ. Въ рыбной ловлѣ, скотоводствѣ и охотѣ, особливо на гусей, здѣшніе обыватели находятъ себѣ скудное пропитаніе. Земледѣліемъ здѣсь еще не пытались заниматься, да и едва ли оно когда нибудь будетъ вознаграждать труды крестьянина; еще въ этомъ году священникъ посадилъ нѣсколько огородныхъ овощей, а именно капусту и рѣдьку, которыя однакожъ подавали весьма мало надежды на созрѣніе. Для обезпеченія Самоѣдовъ Большеземельной Тундры, у колвенской церкви устроено два казенныхъ магазина, одинъ хлѣбный, другой соляной; оба они, по контракту, ежегодно наполняются Чердынскими купцами, изъ кото-

рыхъ нѣкоторые по-пути заѣзжаютъ сюда единственно для этой цѣли. Хлѣбный магазинъ имѣетъ въ запасѣ ежегодно до 2500 п. ржаной муки, а соляной–до 300 пудъ соли; изъэтого-то количества муки и соли Самоѣдамъ и отпускается, сколько имъ угодно, по самой умѣренной цѣнѣ. Въ послѣдствіи было предположеніе учредить, въ пользу Самоѣдовъ, также магазины пороховой и свинцовый. Зимою, когда кочующіе пастухи изъ дальняго сѣвера возвращаются къ прекраснымъ лѣснымъ наствамъ на берегахъ Колвы, здѣсь всякій годъ, 6 Января, бываетъ собраніе Самоѣдовъ, гдѣ они отдаютъ своему старшинѣ ясакъ, избираютъ новаго старшину, между прочимъ сбываютъ здѣшнимъ обывателямъ свои мѣха, чтобы потомъ на вырученныя деньги купить себѣ въ казенныхъ магазинахъ нѣсколько муки и соли.

Чтобы распространить христіанское ученіе между новообращенными Самоѣдами и въ тоже время пріобрѣсти новыхъ приверженцевъ его, священникамъ колвенской церкви вмѣняется въ обязанность одинъ или два раза въ годъ объѣзжать всю Тундру, гдѣ они отыскиваютъ Самоѣдовъ въ ихъ кочевьяхъ. Для этой цѣли, въ распоряженіе церкви дано 100 сѣверныхъ оленей, на которыхъ прежде разъѣзжали миссіонеры, а также нѣсколько шатровъ и нѣкоторыя другія вещи, необходимыя во время путешествій.

Послѣ многихъ увѣреній, я вполнѣ надѣялся найти у колвенской церкви сѣверныхъ оленей, которые бы перевезли меня далѣе на сѣверъ, однакожъ по прибытіи моемъ сюда, я увидѣлъ себя обманутымъ, потому что бывшіе здѣсь Самоѣды всѣ единогласно увѣряли меня, что въ это время года во всемъ околодкѣ

нельзя найти ни одного оленя, такъ какъ владѣльцы стадъ уже давно отправились къ безлѣсной тундрѣ, а что въ этой послѣдней еще можетъ быть можно встрѣтить, если подняться по одному изъ сѣверныхъ притоковъ Узы, для чего однакожъ придется еще ѣхать нѣсколько дней водой.

Послѣ такихъ извѣстій я рѣшился отправиться вверхъ по Колвѣ, въ лодкѣ, которую мнѣ одолжилъ мой услужливый хозяинъ, и такъ какъ мои устьцыльмскіе работники были распущены, то я нанялъ четырехъ Зырянъ. Также взялъ я къ себѣ здѣсь одного пжемскаго Самоѣда, который, владѣя хорошо самоѣдскимъ и зырянскимъ языками и въ то же время говоря довольно сносно по-русски, служилъ мнѣ переводчикомъ и долженъ былъ провожать меня до пріѣзда моего въ Пустозерскъ, за что получалъ отъ меня по 30 рублей въ мѣсяцъ. Да и Кузьминъ, проводникъ мой, сталъ для меня теперь необходимъ, тѣмъ болѣе, что онъ своею ловкостію оказывалъ мнѣ значительныя услуги и притомъ совершенно отказался отъ водки.

Наконецъ я запасся въ этомъ мѣстѣ еще нѣкоторыми предметами, необходимыми въ дорогѣ, особливо съѣстными припасами, которыхъ нельзя достать въ тундрѣ, какъ то: хлѣбными сухарями въ такомъ количествѣ, чтобы мнѣ хватило на все время путешествія моего на сѣверъ, далѣе солью, пшенной крупой, масломъ и наконецъ бочонкомъ водки, которая лучше всѣхъ двигателей побуждаетъ Самоѣда къ оказанію услугъ и потому была для меня весьма необходима.

VIII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО РѢКѢ КОЛВѢ И ПО БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬНОЙ ТУНДРѢ ДО ОСТРОВА ВАЙГАЧА.

(29 Іюня). Послѣ обѣда я простился съ добрыми священниками и пустился вверхъ по Колвѣ при довольно дурной погодѣ и противномъ вѣтрѣ. Къ тому же люди мои на прощаніе подгуляли, такъ что они почти вовсе не могли грести, почему я вскорѣ долженъ былъ остановиться для ночлега на низменномъ глинистомъ берегу, поросшемъ ольхою и изобилующемъ растеніемъ Geranium albiflorum Ledeb., котораго я до сихъ поръ еще нигдѣ не встрѣчалъ.

30 Іюня. При ясномъ небѣ попутный южный вѣтеръ быстро гналъ насъ впередъ. Рѣка Колва, которая главнымъ образомъ течетъ съ сѣвера на югъ и, повидимому, нѣсколько уклоняется на юговостокъ, имѣетъ, подобно Узѣ, глинистые берега; вода въ ней, при глубокомъ руслѣ, была въ это время такъ мутна, что ее не возможно было ни пить, ни употреблять для кушанья,

почему мы обыкновенно запасались водой изъ прозрачныхъ побочныхъ ручейковъ, впадающихъ въ Колву. Откуда произошло названіе этой рѣки—неизвѣстно; Самоѣды называютъ ее Тосьяга или озерная рѣка (отъ то, озеро, и яга, рѣка), потому что она беретъ свое начало въ горномъ хребтѣ Большеземельной тундры изъ нѣсколькихъ маленькихъ озеръ. Въ нижнемъ теченіи своемъ она будетъ шириною съ Узу.

Рано утромъ мы своротили у устья притока Хотояги влѣво и расположились у подошвы нѣсколько возвышеннаго берега, по соображенію работниковъ моихъ, въ разстояніи около 40 верстъ отъ колоніи и церкви. Берегъ этотъ былъ довольно богатъ растительностію, которая небольше трехъ недѣль какъ распустилась и потому явилась намъ во всей полнотѣ жизни; здѣсь цвѣли: Trollius europaeus, Ranunculus acris, Cardamine pratensis, Geranium albiflorum Led., Stellaria dahurica Schlecht., Cerastium furcatum Cham. Schlecht., Lychnis apetala, Pyrethrum inodorum и bipinnatum W., Polygonum Bistorta, Alopecurus pratensis, Atragene alpina, Carex caespitosa; далѣе здѣсь были еще нѣкоторыя съ почками, а именно: Aconitum Lycoctonum, Thalictrum flavum, Veratrum album, Conioselinum Fischeri, Juniperus nana и т. д.

Берегъ рѣки обыкновенно нѣсколько повышается, разстилаясь надъ крутымъ отклономъ въ видѣ горизонтальной или только нѣсколько выдающейся террассы, край которой усѣянъ приведенными нами растеніями и покрытъ небольшимъ лѣсомъ, состоящимъ, кромѣ нѣсколькихъ елей и березъ, изъ различныхъ породъ ивы, а именно: S. arbuscula, hastata, pyrolaefolia, livida; нѣсколько же подальше отъ берега находится густой лѣсъ,

На концѣ этой террассы земля вдругъ опять возвышается на 10 или 15 футовъ, представляя мшистый и покрытый лѣсомъ скатъ, и на высотѣ этого послѣдняго снова переходитъ въ горизонтальную плоскость, которая, подобно равнинамъ тундры, тянется широкой болотистой и безлѣсной полосой и которая только на концѣ имѣетъ нѣсколько тощихъ елей; таковъ почти вездѣ характеръ рѣчнаго берега и почти повсюду ясно видны двѣ террассы; разстояніе обоихъ скатовъ другъ отъ друга различно, начиная отъ ста до 300 саженъ; чѣмъ болѣе они приближаются другъ къ другу, тѣмъ наклоннѣе становится плоскость нижней террассы, которая наконецъ теряется въ постепенно понижающемся скатѣ, соединяющемъ неровный край берега съ равнинами возвышенной долины. Подобное устройство берега можно было замѣтить какъ на Розѣ, такъ и на Печорѣ, а изъ этого невольно выводишь заключеніе, что всѣ эти рѣки, впадающія въ сѣверное ледовитое море, были нѣкогда гораздо глубже; что же касается до отклона верхней террассы, лежащаго на пынѣшней высотѣ долины, то его можно принять за прежній рѣчной берегъ.

Гальки, найденныя нами на наносныхъ берегахъ рѣки Колвы, мало отличались отъ печорскихъ. Въ нихъ болѣе всего находились плотные известняки желтоватаго и сѣроватаго цвѣта; рѣже встрѣчался глинистый слапецъ и конгломератъ, попадавшійся намъ въ галькахъ печорскихъ, еще рѣже находили мы валуны кристаллической горной породы, образующейся изъ смѣси полеваго шпата и кварца; изъ окаменѣлостей мы видѣли здѣсь древовидный лигнитъ и неправильный дендролитъ Phill.

На хвойномъ лѣсѣ, который почти вездѣ окаймляетъ берегъ рѣки, уже довольно ясно выказывается вліяніе сѣвера. Ель, господствующая здѣсь порода деревъ, является тощею; въ смѣси съ нею находится лиственница, которая нѣсколько выше и на взглядъ крѣпче ели; но всего болѣе пострадала здѣсь изрѣдка показывающаяся сосна, низенькое, сухое и нерѣдко искривленное деревцо; то же самое можно сказать о березѣ, которая здѣсь нерѣдко растетъ кустарникомъ и вообще не превышаетъ два человѣческихъ роста. Осины я здѣсь вовсе не видѣлъ, впрочемъ люди мои увѣряли, что она еще встрѣчается кое-гдѣ маленькими деревьями; уже по Печорѣ она попадалась довольно рѣдко и въ худшемъ состояніи, нежели тамошняя береза, такъ что за сѣверную границу этого дерева можетъ быть принятъ $66\frac{10}{4}$° С. Ш. Alnus viridis, Ribes rubrum и Lonicera Pallasii еще вездѣ во множествѣ попадались намъ. Лѣса не простираются далеко отъ берега; въ нижнемъ теченіи Колвы они окаймляли берегъ полосой, не болѣе 3 до 4 верстъ шириною; чѣмъ болѣе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ уже становится эта полоса, потому что лѣсъ болѣе и болѣе подвергается необходимости уступить холодному поясу сѣвера.

Подвигаясь частію посредствомъ паруса, частію посредствомъ веревки, мы достигли мѣста нашего ночлега, гдѣ на высотѣ долины я впервые собралъ свойственныя сѣверному поясу растенія: Pedicularis lapponica и Ranunculus lapponicus. Но кромѣ ихъ здѣсь еще цвѣли: Carex limosa и Chordorhiza, Caltha palustris, Rubus arcticus, Ledum palustre, Andromeda polifolia, Vaccinium uliginosum, Lonicera Pallasii и мн. др.

(1 Іюля) Дождь, шедшій всю ночь, перешелъ къ утру въ снѣгъ, который падалъ большими хлопьями, но тотчасъ же таялъ. На берегу мы видѣли частые слѣды сѣверныхъ оленей и медвѣдей, а равно нѣсколько волчьихъ слѣдовъ. Впрочемъ сѣверный олень здѣсь находится не въ первобытномъ своемъ дикомъ состояніи, а если они и встрѣчаются здѣсь такими, то это скорѣе одиночные олени, которые, отставъ отъ ручныхъ стадъ, заблудились и одичали уже на волѣ. Медвѣдей около Колвы удивительно много и, какъ разсказываютъ, они довольно часто заглядываютъ въ самоѣдскія палатки, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, или гость, или самъ хозяинъ теряетъ свою голову; люди, гуляющіе одни въ здѣшнихъ лѣсахъ, нерѣдко дѣлаются добычею этихъ неумолимыхъ звѣрей, и даже были ли примѣры, что одинъ медвѣдь уничтожалъ всѣхъ жителей палатки. Во время постройки Колвенской церкви эти звѣри очень часто прогуливались здѣсь около жилыхъ строеній, и хотя они теперь рѣже показываются, однакожъ отецъ Иннокентій разсказывалъ мнѣ, что не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ медвѣдь заглянулъ въ палатку одного живущаго здѣсь Самоѣда, но къ счастію нашелъ ее пустою. Старикъ, хозяинъ этой палатки, сообщая это событіе отцу Иннокентію, весьма сожалѣлъ о томъ, что его не была дома, потому что, по его мнѣнію, Богъ посылалъ ему богатую добычу. Въ медвѣдяхъ, обитающихъ въ окрестностяхъ колвенской церкви, есть еще одна странная черта: не щадя ни людей, ни сѣверныхъ оленей, они никогда не нападаютъ на роготую скотину, которая потому безопасно можетъ бродить, гдѣ ей угодно. Вѣроятно незнакомство съ

рогатымъ скотомъ,—такъ какъ коровы здѣсь появились очень недавно, – заставляетъ медвѣдя страшиться этихъ смирныхъ животныхъ.

Къ вечеру мы около устья рѣчки Сандрамы своротили вправо. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились для ночлега, протекалъ небольшой ручей, на травянистыхъ берегахъ котораго цвѣли: Valeriana capitata Pall., Luzula parviflora Desv., Spiraea chamaedryfolia, Juniperus nana, Atragene alpina, Stellaria dahurica, Geum rivale, Myosotis palustris и sylvatica Hoffm., Trollius europaeus, Ranunculus acris и мн. др. На возвышенностяхъ же, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, я собралъ Lycopodium clavatum и alpinum.

(2 Іюля) Утромъ мы проѣзжали мимо маленькой хижины, въ которой по временамъ останавливается рыбакъ, чтобы укрыться отъ непогоды. Это мѣсто отстоитъ отъ колвенской церкви на 4 дня пути, хотя мы, вспомоществуемые вѣтромъ, проѣхали это разстояніе въ 2½ дня; дневной путь среднимъ числомъ считается 40 в., если ѣхать по водѣ помощію веревки.

Между тѣмъ лѣса постоянно рѣдѣли, а тундра болѣе и болѣе выказывала свой суровый климатъ. Возвышенныя мѣста рѣчныхъ береговъ совершенно лишены деревьевъ и представляютъ настоящую тундру или неровный мшистый торфяный кряжъ земли, на которой ягель раздѣляетъ свое господство съ Sphagnum и Polytrichum, а также съ мелкими кустарниками ерника (betula nana), Vaccinium uliginosum и ивовыми кустарниками, особливо S. Lapponum, arbuscula, chrysanthos и т. д. Rubus Chamaemorus здѣсь почти повсюду встрѣчается, равно какъ и Pedicularis lapponica и Nardosmia frigida Dc.

(послѣдняя уже отцвѣтшею). Въ полдень мы видѣли послѣднія щедушныя деревца сосны, такъ-что около $66\frac{1}{2}$ дерево это достигаетъ самой сѣверной границы, которая, какъ здѣсь, такъ и по всей Сибири, находится ниже пограничной линіи лиственницы и еще ниже границы елей. На скандинавскомъ полуостровѣ, какъ извѣстно, распредѣленіе границъ этихъ деревъ совершенно противоположное, такъ-что въ шведской Лапландіи ель отстаетъ отъ сосны на одинъ, а въ Норвегіи даже на три градуса. Ель здѣсь невысока, тонка, съ сухими, короткими и сжатыми сучками, а береза, также не высокая, часто пускаетъ вѣтви около корня или изъ нижней части ствола.

Къ вечеру мы проѣзжали мимо устья рѣчки Лыдуй, впадающей въ Колву съ лѣвой ея стороны. Теплый, едва движущійся воздухъ привлекъ сюда безчисленное множество комаровъ, которые насъ жестокимъ образомъ терзали и даже выгоняли изъ лѣсовъ оленей и медвѣдей на берегъ рѣки, гдѣ стопы этихъ послѣднихъ ясно отпечатались на сѣроватомъ коврѣ изъ сухаго хрупкаго ягля.

(3 Іюля) Лѣсъ, который здѣсь уже значительно порѣдѣлъ, окаймлялъ узенькими полосами только скаты рѣчнаго берега, между тѣмъ какъ равнины высокой юдоли, начиная отъ самаго края этой послѣдней, тянутся безлѣсной тундрой. При этомъ искривленныя ели являются за-частую совершенно засохшими, или съ зеленѣющимися вѣтвями, ростущими только въ нижней части ствола, между тѣмъ какъ верхняя часть дерева вся изсохла. Вечеромъ мы оставили за собой послѣднія лиственницы, которыя хотя и представляли тощія деревца,

однакожъ не много были искривлены; за сѣверную границу ихъ мы приняли $66^3/_4^\circ$ с. ш. Особенно странными кажутся малорослые виды березъ; часто дерево это обнаруживало еще стволъ въ 5 или 6 дюймовъ толщиною (т. е. въ діаметрѣ), который впрочемъ, возвышаясь едва на одинъ или нѣсколько футовъ, пустилъ кругомъ сучковатыя, сильно перепутавшіяся вѣтви, представлявшія вѣнецъ дерева, и такъ какъ эти вѣтви безпрестанно стремились прижаться къ скудной и холодной землѣ, то онѣ, на высотѣ трехъ или четырехъ футовъ отъ земли, казались обстриженными. Но часто и этотъ остатокъ ствола скрывался подъ землею, такъ-что это прекрасное дерево нашей рощи, по милости суроваго сѣвера, обращается въ жалкій кустарникъ и становится на одну линію съ березою-ерникомъ, которая съ гордостью подымаетъ свои вѣтви передъ бѣдною искривленною сестрою своею. Изъ кустарниковъ я замѣтилъ здѣсь Vaccinium uliginosum и Vitis Jdaea, Andromeda polifolia и calyculata, Empetrum nigrum; далѣе Salix chrysanthos и hastata. Также я здѣсь впервые нашелъ Alctostaphylos alpina Dc., на которой были уже маленькіе плоды. Кромѣ того мы сбирали здѣсь Equisetum arvense ster., а на берегу, покрытомъ валунами, Allium Schœnoprasum, корни котораго люди мои съ жадностію сбирали для соусу; наконецъ Nardosmia laevigata Dc., находившаяся еще въ полномъ цвѣтѣ. Изъ мховъ здѣсь растетъ Hypnum cordifolium Hedw. и Conostomum boreale Sw. На краю береговаго ската сохранились еще снѣжныя массы.

(4 Іюля). Послѣ обѣда мы оставили за собой послѣднія зеленѣющія деревья. Ели встрѣчаются еще на до-

вольно большемъ пространствѣ, прежде нежели онѣ достигнуть настоящей опушки лѣса, но уже изрѣдка, и то въ видѣ мертвыхъ деревъ, на которыхъ только въ самыхъ нижнихъ частяхъ ствола сохранились зеленыя вѣтви. Также и береза, если только она ростетъ не настоящимъ кустарникомъ, а представляетъ нѣчто въ родѣ дерева, всегда обнаруживаетъ свою изсохшую вершину. Долина рѣки представляла уже совершенную пустыню, а тундра простиралась кругомъ на необозримое пространство. На береговыхъ скатахъ и въ пропастяхъ вездѣ лежали снѣжныя массы. Тамъ, гдѣ снѣгъ только-что успѣлъ разстаять, видны были молодые отростки Trollius Europaeus, Veratrum album, Geranium albiflorum, Aconitum Lycoctonum, Epilobium angustifolium и мн. другихъ растеній. Едва можно было понять, какъ эти растенія могли цвѣсти и созрѣвать; но матушка природа дала растеніямъ сѣвера разныя средства для поддержанія ихъ породы, а именно: прочные корни, ползучіе, подземные стебельки, отростки, почки и луковицы (Saxifraga cernua, foliolosa R. Br. и др.) и допустила созрѣніе сѣмянъ даже подъ осеннимъ снѣгомъ. Правда, она слишкомъ поздно вывела своихъ любимцевъ изъ оцѣпенѣнія, но за то согрѣвающіе лучи полуночнаго солнца дѣйствуютъ на нихъ такъ благотворно, что краткая жизнь ихъ, при скоромъ, но сильномъ развитіи, непремѣнно должна совершить опредѣленное природою теченіе. Наконецъ, при наступленіи зимнихъ непогодъ, природа заранѣе разстилаетъ снѣжное покрывало надъ тихимъ царствомъ травъ, которыя, будучи обезпечены со стороны холодныхъ вѣтровъ, на долго засыпаютъ въ нѣдрѣ земли, чтобы потомъ снова про-

снуться на нѣсколько мгновеній, такъ-что онѣ никогда не стираются съ лица земли.

Доѣхавши до устья побочной рѣки Сандивей, мы остановились на противоположномъ правомъ берегу Колвы для ночлега. Съ возвышенія можно было обозрѣвать рѣку на нѣкоторомъ пространствѣ: она течетъ здѣсь въ сѣверовосточномъ направленіи, чтобы принять въ себя главный притокъ свой Сандивей, текущій съ сѣвера, и уже съ нимъ направить свое теченіе къ сѣверовостоку. Въ этомъ мѣстѣ даже на высотѣ долины опять появляется нѣсколько кривыхъ и засохшихъ елей и кустарниковъ березы. На всемъ пространствѣ кругомъ, какъ далеко только глазъ человѣческій проникнуть можетъ, тянется тундра; страна эта нѣма и безжизненна и только одинокій орелъ еще гнѣздится въ запутавшихся вѣтвяхъ сухой ели. Растительность тундры состоитъ преимущественно изъ березы-ерника, маленькихъ ивовыхъ кустарниковъ, какъ: S. arbuscula, Lapponum, chrysanthos Vall.; далѣе изъ Andromeda polifolia, Ledum palustre, Vaccin. uliginosum и Vitis idaea (съ дюймъ длиною), Empetrum nigrum, Rubus chamaemorus и arcticus, Eriophorum vaginatum; наконецъ вездѣ встрѣчаются 3 или 4 рода мха и ягля, которые вполнѣ завладѣли поверхностію тундры и только изрѣдка принимаютъ въ свою среду другіе виды своего рода. На низменныхъ мѣстахъ берега Колвы, гдѣ мягкая и вязкая глинистая почва затрудняетъ ѣзду, разбросаны, кромѣ помѣнованныхъ видовъ ивы, также S. hastata и stipularis, а изъ другихъ растеній Alnus viridis и Ribes rubrum, которыя ограждаютъ роскошные травянистые луга. Здѣсь, а равно и на открытыхъ солнечныхъ возвышеніяхъ ростутъ: Spi-

raca Ulmaria, Juniperus nana, Lonicera Pallasii, Arctostaphylos alpina, Pyrethrum bipinnatum, Ranunculus auricomus, Eguisetum arvense, Galium boreale. Vicia sepium, Viola biflora и palustris, Lamium album, Saxifraga cernua, Cardamine pratensis, Geranium albiflorum, Polygonum Bistorta, Nardosmia frigida, Thalictrum flavum, Pedicularis lapponica, Valeriana capitata, Veronica longiflora, Tanacetum vulgare, Aconitum Lycoctonum, Trollius europaeus Astraaalus alpinus. Arctostaphyllos Uva Ursi, попадавшееся мнѣ еще на берегахъ нижней Колвы, теперь уже не встрѣчалось, равно какъ и Ribes nigrum, граница котораго находится около 66° ш.

(5 Іюля) Лѣсъ провожалъ насъ еще далеко за устье рѣки Сандивей, представляя длинный и узкій рядъ голыхъ стволовъ, тянувшихся вдоль береговъ Колвы и наводившихъ уныніе своею ужасною мертвенностью; но вскорѣ и этотъ жалкій остатотъ лѣса изчезъ и мы думали, что уже переступили лѣсную границу. О появленіи мертвыхъ деревъ на самыхъ сѣверныхъ границахъ ихъ произрастанія читататель потрудится прочитать прибавленія, гдѣ объ этомъ предметѣ говорится нѣсколько подробнѣе,

Теперь намъ вмѣсто деревьевъ попадалось множество дикихъ гусей, изъ которыхъ нѣкоторые, находясь уже въ періодѣ линянія, лишились правильныхъ перьевъ и потому не могли летать. При видѣ насъ, они обыкновенно устремлялись къ берегу, гдѣ мы немедленно ихъ начинали преслѣдовать; тогда они искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ, но на открытомъ полѣ имъ нельзя было спастись отъ насъ, потому что мы ихъ очень скоро настигали и убивали палками. За то на равнинахъ, покры-

тыхъ низенькими кустарниками, они были нѣсколько счастливѣе: при видѣ опасности, они прятались подъ кусты, и такъ какъ сѣрый цвѣтъ этихъ послѣднихъ нисколько не отличается отъ цвѣта гусиныхъ перьевъ, то преслѣдователи очень часто проходили мимо, не замѣчая притаившейся добычи. Впрочемъ они прибѣгаютъ къ этому средству только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и показываютъ при этомъ то же благоразуміе, какое и Страусъ, т. е. они прячутъ въ кустъ одну шею и полагаютъ, что ихъ уже никто не видитъ. Охота за этими гусями есть, можетъ быть, самая занимательная изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ охотъ; она производится по Колвѣ и нѣкоторымъ другимъ маленькимъ рѣкамъ и продолжается обыкновенно съ 1-го до 20 Іюля, т. е. во весь періодъ линянія гусей. По большой части сю занимаются Зыряне и Самоѣды, живущіе близъ рѣки Колвы, и хотя та же самая цѣль влечетъ сюда и отдаленныхъ жителей, однакожъ добыча всегда достается только весьма немногимъ. Охоту эту мнѣ описывали нѣсколько разъ и потому я передаю читателямъ слышанное мною слово въ слово.

Три или четыре охотника, въ сопровожденіи собакъ, садятся въ одну или двѣ лодки и подымаются вверхъ по рѣкѣ до самаго устья ея, гдѣ занятіе начинается. Гуси во время линянія, чтобы легче отыскивать себѣ пищу, со всѣхъ окрестностей выбираются къ близлежащей рѣкѣ, гдѣ они, на краю берега, образуютъ небольшія группы, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 5—12 штукъ; при видѣ же людей они быстро взбираются на высоту берега или уходятъ въ воду. Охотничья лодка, въ которой остается одинъ или два человѣка, медленно

подвигается внизъ по рѣкѣ, между тѣмъ какъ остальные охотники, находясь вмѣстѣ съ собаками по обѣимъ берегамъ въ небольшомъ разстояніи отъ лодки, загоняютъ всѣхъ встрѣчающихся имъ на пути гусей въ воду; тогда эти послѣдніе, полагая, что они уже внѣ опасности, спокойно плывутъ впередъ; между тѣмъ стая безпрестанно увеличивается и держится все одного направленія-внизъ по рѣкѣ, потому что сзади плыветъ лодка, а по берегамъ находятся охотники, неусыпно занимающіеся своимъ дѣломъ, и собаки, бдительно слѣдящія за каждымъ движеніемъ гусей. Если охотникамъ на пути встрѣтится побочная рѣка, на которой также можно ожидать добычи, то и по ней спускается лодка съ однимъ или двумя охотниками и нѣсколькими собаками, которыя весьма хорошо дрессированы и вообще оказываютъ большую услугу въ этой охотѣ; другіе же охотники, оставшіеся на берегу, опять таки загоняютъ всѣхъ находящихся около берега гусей въ рѣку, такъ что вся стая, образовавшаяся на этой побочной рѣкѣ, приближается постепенно къ устью ея и здѣсь уже съ крикомъ присоединяется къ стаѣ, плывущей по главной рѣкѣ. Такимъ образомъ занятіе продолжается при постепенно увеличивающейся стаѣ гусей, беззаботно плывущихъ впередъ. Но такъ какъ гуси отъ продолжительнаго плаванія могутъ устать, а слѣдовательно сдѣлаться тощими, то для этого придумано на опредѣленныхъ станціяхъ давать имъ и отдыхъ и пищу; опытные охотники знакомы съ приспособленными для этой цѣли низменными травянистыми берегами, находящимися въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; недоѣзжая нѣсколько этихъ станцій, преслѣдованія прекращаются и гуси, невидя

болѣе ни лодки, ни охотниковъ, ни собакъ, выходятъ на опредѣленный берегъ и, мучимые голодомъ и усталостію, вбираютъ въ себя пищу, послѣ чего всѣ вмѣстѣ предаются покою. Обыкновенно приправливаютъ такъ, чтобы подобные отдыхи приходились къ ночи, потому что измучившимся въ продолженіе дня охотникамъ также нуженъ покой. Рано утромъ гусей снова загоняютъ въ воду, и бѣдныя животныя, видя тѣже преслѣдованія, какія были на-канунѣ, въ томъ же порядкѣ пускаются въ плавь внизъ по рѣкѣ, пока имъ вечеромъ опять не дадутъ отдохнуть; само собою разумѣется, что съ каждымъ новымъ ночлегомъ гуси значительно увеличиваются въ своемъ числѣ. Такимъ образомъ охота эта продолжается нѣсколько дней сряду; наконецъ охотники, видя, что устье рѣки уже близко и что нѣтъ большой надежды на увеличеніе стаи, приступаютъ къ ловлѣ своихъ жертвъ. Для этой цѣли еще до начатія охоты выбираютъ удобное мѣсто, т. е. такое, гдѣ берегъ образуетъ перпендикулярный скатъ, отъ подошвы котораго непосредственно тянется низменная плоская часть береговаго края, такъ, чтобы гуси, выходя изъ воды на этотъ низменный край, не могли бы взобраться на высоту берега, гдѣ они очень легко могутъ разсѣяться и уничтожить всѣ труды. Одинъ изъ участниковъ охоты, съ намѣреніемъ оставленный въ этомъ мѣстѣ, занимается на показанномъ берегу приготовленіемъ засады для загоняемыхъ сюда гусей. Засада эта дѣлается слѣдующимъ образомъ. На низменномъ краю берега вбивается нѣсколько кольевъ, которые, будучи обтянуты сѣтями, образуютъ довольно просторный кругъ, называемый *чумомъ* и служащій для вмѣщенія пойманныхъ гусей.

Этотъ чумъ открытъ только сверху, но кромѣ того, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ земли, есть еще одно отверстіе, называемое *дверью* и обращенное къ источнику рѣки. Къ отверстію этому ведетъ нѣсколько наклонно положенныхъ досокъ, засыпанныхъ землею и клочками травы, дабы придать слѣду болѣе естественный видъ. Вдоль отверстія, къ которому ведетъ этотъ искуственный путь, настилаются гибкіе ивовые прутья, подающіеся при малѣйшемъ давленіи внутрь чума. Два сѣтчатыя крыла, натянутыя поперекъ берега, съ одной стороны соединяютъ чумъ съ высокимъ береговымъ скатомъ, а съ другой тянутся на нѣкоторое пространство поперекъ рѣки. Приготовивъ такимъ образомъ засаду, оставшійся здѣсь охотникъ поджидаетъ загоняемыхъ гусей, приближеніе которыхъ онъ слышитъ уже издалека, потому что они всегда плывутъ съ крикомъ, и лишь только завидитъ ихъ, тотчасъ спускается нѣсколько ниже того мѣста, гдѣ приготовлена засада, и, скрываясь такъ, чтобы его самого не было видно, осторожно высовываетъ свою руку и уже издали грозитъ имъ длинной хворостиной, какъ бы предостерегая ихъ плыть по этому направленію. Трусливая стая, видя передъ собою угрожающую хворостину, а сзади лодку и сабакъ, не можетъ плыть ни взадъ ни впередъ, значитъ, ей остается одинъ путь-выйти на какой-нибудь берегъ; но такъ какъ на одномъ изъ нихъ ее неутомимо преслѣдуютъ собаки и охотники, то она невольно должна избрать другой, т. е. тотъ, на которомъ приготовлена засада. Здѣсь же она съ одной стороны не можетъ взобраться на высокую крутизну берега, а съ другой не дерзаетъ опять пуститься въ воду, гдѣ охотничья лодка съ собаками

напрает на нее болѣе и болѣе, и ей не остается другаго спасенія, какъ итти вдоль низменнаго берега; но такъ какъ здѣсь путь ей совершенно загражденъ сѣтями, то она съ пронзительнымъ крикомъ тѣснится къ засадѣ. При этомъ нѣкоторые гуси уже въ слѣдствіе сильнаго напора непремѣнно направятъ путь свой къ двери, гдѣ, вступая на гибкіе ивовые прутья, тяжестію своею заставляютъ ихъ податься и такимъ образомъ другъ за другомъ падаютъ въ чумъ. Примѣру первыхъ гусей слѣдуетъ уже вся стая, которая потому подвергается той же участи, хотя конечно нѣкоторые при этомъ спасаются другими путями. Послѣ того охотникамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ свернуть пойманнымъ гусямъ шеи; но при этомъ занятіи охотники лишаются нѣкоторыхъ гусей самымъ страннымъ образомъ: притворяясь на время мертвыми, они ускользаютъ вниманія охотниковъ и потомъ при случаѣ задаютъ тягу. Число гусей, попадающихся въ чумъ, при счастливой охотѣ, простирается отъ 1500 до 2000 штукъ. Надо однакожъ замѣтить, что охота эта требуетъ знанія мѣстности, навыка и въ особенности осторожности, безъ которой могутъ пропасть всѣ труды, потому что стая, чуть неосторожно преслѣдуемая, разсѣевается по всѣмъ направленіямъ. Добытыхъ гусей солятъ въ бочкахъ и продаютъ возвращающимся въ это время изъ Пустозерска Чердынскимъ купцамъ по 25 и 30 коп. штуку; перья же ихъ покупаются тѣми же купцами по 8 руб. за пудъ.

Такъ какъ мы въ этой странѣ надѣялись встрѣтить кочующихъ пастуховъ и сѣверныхъ оленей, то мы отъ времени до времени приставали къ берегу, чтобы съ

высоты его озираться кругомъ, не замѣтимъ-ли гдѣ палатку, но до сихъ поръ старанія наши были тщетны; наконецъ у изгиба рѣки взорамъ нашимъ представилась палатка, лежавшая въ углубленіи на самомъ берегу. Обрадованные этимъ открытіемъ, мы немедленно пристали къ берегу, но вскорѣ увидѣли себя обманутыми, потому что палатка эта принадлежала какому-то бѣдному Зырянину, который не имѣлъ вовсе оленей, а находился здѣсь единственно для рыбной ловли и охоты на гусей. Однакожъ онъ извѣстилъ насъ объ одномъ самоѣдскомъ чумѣ (1), который по его мнѣнію долженъ былъ находиться въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Я тотчасъ же отрядилъ двухъ своихъ работниковъ, въ сопровожденіи слуги этого Зырянина, который, какъ Самоѣдъ, очень хорошо зналъ всѣ дороги и закоулки тундры и долженъ былъ помочь моимъ людямъ отыскать этотъ чумъ, а я съ остальными людьми остался въ палаткѣ Зырянина, ожидая возвращенія посланныхъ.

Къ вечеру сдѣлалось ненастье: при сильномъ СВ. вѣтрѣ дождь и снѣгъ безпрестанно смѣнялись другъ съ другомъ и мы должны были сожалѣть о высланныхъ людяхъ, которымъ приходилось провести ночь подъ открытомъ небомъ, тогда такъ мы, будучи хорошо приняты гостепріимнымъ хозяиномъ палатки, преспокойно расположились у пылающаго огня; только недоставало мнѣ весельчаковъ Русскихъ, потому что Зыряне, хотя они и говорили всѣ по-русски, не прерывали скучнаго

---

(1) Подъ словомъ *чумъ* въ сѣверовосточ. части Арх. губ. вообще разумѣютъ палатку кочующаго пастуха; Зыряне говорятъ *чомъ*. Происхожденіе этого слова вовсе неизвѣстно, потому что сами Самоѣды называютъ свою палатку *ма*.

для меня молчанія; даже самъ хозяинъ, который такъ радушно принялъ меня подъ свой кровъ, смотрѣлъ на меня съ какою-то недовѣрчивостью: хитрыми вопросами своими, обращенными ко мнѣ, онъ повидимому хотѣлъ выпытать у меня настоящую цѣль моего путешествія, такъ какъ та, о которой я ему говорилъ, казалась ему не совсѣмъ правдоподобною. Молодая, но отвратительная Самоѣдка молча ласкала своего не менѣе противнаго голаго сосуна и съ материнскою заботливостью укутывала его въ мягкую шерсть молодыхъ сѣверныхъ оленей, которою была обложена внутренность яицевидной плоской корзинки, обведенной ободкомъ не болѣе 3 дюймовъ шириною. Эта корзинка служила люлькой, въ которой ребенокъ былъ затянутъ ремнемъ: таково обыкновеніе у Самоѣдовъ. Родительница Самоѣдки сидѣла подлѣ нея также молча и безсмысленно смотрѣла на пылающій огонь.

(6 Іюля) День мы провели у палатки въ ожиданіи посланныхъ людей, которые къ вечеру возвратились съ непріятною вѣстью, что они нигдѣ не нашли предполагаемой палатки и что на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла нѣсколько дней тому назадъ, они видѣли множество волчьихъ слѣдовъ и претерпѣли сильныя гоненія со стороны комаровъ, обстоятельства, которыя, по всей вѣроятности, заставили Самоѣдовъ переселиться въ другое мѣсто. Разсуждать было нечего и я долженъ былъ рѣшиться снова подниматься по Колвѣ, пока случай не наткнетъ насъ на кочующихъ пастуховъ. Къ слѣдующему утру все было приготовлено къ отъѣзду, а Самоѣда, провожавшаго моихъ людей, я взялъ съ собой какъ путеводителя.

(7 Іюля) Мы оставили палатку, лежавшую на правомъ берегу Колвы, около устья небольшаго ручья, называемаго Зырянами Kyytan-vis. Утромъ мы проѣхали устье Wysar-vis, впадающаго въ Колву съ правой ея стороны. Этотъ незначительный ручеекъ беретъ свое начало изъ болота, не освобождающагося ото льда до поздняго лѣта, и потому справедливо называется ручьемъ ледянаго болота (отъ самоѣдскихъ словъ wy„ болото" и sar «ледъ», и отъ зырянскаго слова vis„ ручей"). Въ полдень мы увидѣли послѣдніе остатки березы, возвышавшіеся не болѣе 2 футовъ отъ земли, съ перепутавшимися длинными вѣтвями, спускавшимися на землю и представлявшими на верху ровную плоскость на подобіе обстриженныхъ кустарниковъ. Неоднократно мною приведенные виды ивы, береза-ерникъ, Vacc. uliginosum и Vitis Jdaea (не болѣе 2 дюйм. длиною), далѣе Ribes rubrum, Lonicera Pallasii, Juniperus nana, Ledum palustre, Andromeda polifolia— все это остатки лѣсныхъ растеній, которыя еще можно встрѣтить въ Тундрѣ; въ Rubus arcticus и Chamaemorus также не было недостатка; далѣе я сбиралъ Callitriche autumnalis и Cortusa Mathioli, украшающія своими цвѣтами травянистые берега. Рѣчной берегъ, вообще слишкомъ однообразный, казалось, измѣнилъ свой видъ только тѣмъ, что объ поименованныя мною террассы, которыя въ нижнемъ теченіи рѣки такъ ясно вездѣ видны, здѣсь уже не отдѣляются другъ отъ друга, и что крутой скатъ берега на высотѣ своей или прямо переходитъ въ равнину тундры, или соединяется съ нею посредствомъ узенькой, постепенно повышающейся травянистой полосы. Если бы можно было допустить, что русло рѣкъ, текущихъ по сѣверной части

Архангельской губерніи, нѣкогда было глубже, какъ это съ большою вѣроятностію вытекаетъ изъ устройства рѣчныхъ береговъ и изъ другихъ причинъ,-то Колва, близъ источниковъ своихъ, была бы заключена въ своихъ теперешнихъ берегахъ почти одинаково, между тѣмъ какъ въ нижнемъ теченіи она была бы гораздо глубже и запяла бы берега нѣсколько просторнѣйшія, нежели теперь.

Теперь мы со всѣхъ сторонъ были окружены тундрой, представлявшей почти горизонтальную, покрытую низкимъ кустарникомъ, болотистую равнину, на которой тамъ и сямъ, въ едва примѣтныхъ углубленіяхъ, скопляются подъ болотнымъ мхомъ атмосферическіе осадки, образующіе иногда маленькія озера. Но и самый мягкій мохъ здѣсь не представляетъ вязкой обманчивой почвы, потому что онъ имѣетъ основаніемъ вѣчный ледъ, простирающійся почти на полъ-аршина въ глубину. Нѣкоторыя выдающіяся на равнинѣ возвышенія совершенно сухи и покрыты травою, но часто они бываютъ и песчанаго свойства. Открытый видъ здѣсь не имѣетъ границъ, какъ и на поверхности моря, и находитъ преграду только въ синѣющемся вдали туманѣ, гдѣ едва замѣтно волнующаяся линія, изчезающая въ блѣдномъ небосклонѣ, тамъ и сямъ обозначаетъ верхнюю черту холмовъ и служитъ Самоѣду вѣрнымъ компасомъ на этомъ тундристомъ океанѣ.

(8 Іюля) Въ 10 часовъ утра я не мало удивился, когда у изгиба рѣка вдругъ взору моему представился довольно богатый еловой лѣсъ; сначала я невольно долженъ былъ думать, что непопалъ-ли я какъ нибудь въ страну, лежащую подъ писпей широтой, но сообразивъ

всѣ обстоятельства, я убѣдился въ невозможности этого. Немедленно поднялся я на возвышеніе, откуда можно было обозрѣвать страну довольно далеко, и увидѣлъ значительную дугу рѣки, которая, обгибая выдавшійся уголъ земли, возвращается къ своему началу, и покрытую лѣсомъ низменную равнину наноснаго берега. между тѣмъ какъ противоположный правый берегъ, омываемый наружной дугой рѣки, покрытъ лѣсомъ только на береговыхъ скатахъ, а высота берега представляетъ здѣсь совершенно голую тундру. Нѣсколько выше, на берегу рѣки, также еще видѣнъ лѣсъ, а сама рѣка въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно обильна кривизнами. Есть три причины, которымъ можно приписать появленіе лѣса въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакой надежды на его произрастаніе; первая причина заключается въ безчисленныхъ кривизнахъ рѣки, которыя, сосредоточивая воду около одной опредѣленной мѣстности, оказываютъ тѣмъ мѣстное климатическое вліяніе на страну; вторая-въ возвышенностяхъ большеземельнаго хребта, которыя, лежа передъ покрытою лѣсомъ равниною, защищаютъ ее отъ сильныхъ и холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ; наконецъ третьей причиной можетъ служить близость морской губы Najodepadara, вліяніе которой на растительность простерлось до этой мѣстности. Которую изъ этихъ причинъ принять за дѣйствительную—рѣшить трудно. Я обошелъ этотъ замѣчательный лѣсъ вдоль и поперекъ и убѣдился, что онъ состоялъ изъ одних елей; хотя деревья эти не достигали значительной высоты, однакожъ они были хорошо взрощены и почти вовсе не кривы; большая часть ихъ, особливо находившійся въ серединѣ лѣса, обнаруживала полную жизнь, и какъ я замѣтилъ,

только на противолежащей наружной дугѣ рѣки, равно и на краю лѣсной оазы, обращенномъ къ тундрѣ, находилось нѣсколько мертвыхъ деревъ; я встрѣчалъ свѣжіе стволы, имѣвшіе около корня до 2 футовъ въ діаметрѣ, но эта толщина ихъ нисколько не соотвѣтствовала высотѣ деревьевъ. При всемъ моемъ стараніи я не могъ отыскать здѣсь слѣдовъ березы; отчего бы кажется ей не показаться вмѣстѣ съ елью? Сильная растительность покрывала нѣкоторыя открытыя лѣсистыя мѣста свѣжими луговыми цвѣтами, между которыми во множествѣ цвѣли Veratrum Lobelianum, Cartusa Mathioli и Viola biflora; на сухихъ же песчаныхъ берегахъ рѣки находились различныя маленькія растенія, какъ то: Potentilla verna, Erigeron alpinus, Draba repens Led. и muricella Wahl., Androsace septentrionalis, Lychnis apetala, Astragalus alpinus, Rumex acetosella, gramifolius Led. и т. д.

Въ послѣдствіи я узналъ отъ Самоѣдовъ, что лѣсная оаза, лежащая на берегу Колвы, не есть единственная въ этой странѣ, потому что, какъ они говорили, маленькое возвышеніе, тянувшееся отъ лѣваго берега рѣки, скрывала отъ насъ другую оазу, находившуюся къ востоку, нѣсколько подальше отъ берега, и извѣстную имъ подъ именемъ Haljmér-go. На возвышенномъ мѣстѣ этой лѣсной оазы, въ разстояніи около двухъ миль отъ берега Колвы, находится, по увѣренію тѣхъ же Самоѣдовъ, общественное ихъ кладбище, отъ котораго этотъ лѣсъ, почитаемый священнымъ мѣстомъ, и получилъ названіе Haljmer-go т. е. островъ мертвецовъ (отъ самоѣдскихъ словъ haljmér-трупъ, мертвецъ, и doh или do— островъ). По словомъ do очень удачно обозначается также лѣсная оаза, окруженная со всѣхъ сторонъ тундрою,

такъ что даже Русскіе тѣхъ странъ, по аналогіи, употребляютъ слово островъ не только для обозначенія морскихъ острововъ, но и для обозначенія лѣсныхъ оазъ тундры.

Изъ безчисленныхъ слѣдовъ саней и сѣверныхъ оленей, которыми были искрещены какъ открытыя мѣста тундры, такъ и лѣса, должно было заключить, что въ началѣ лѣта эта страна была полна народу; нѣкоторые изъ этихъ слѣдовъ показались мнѣ свѣжими и я пошелъ по нимъ, въ надеждѣ отыскать людей, но старанія мои были тщетны, да и люди мои нашли ихъ всѣхъ старыми, почему мы заключили, что кочующіе пастухи уже давно уѣхали отсюда. На нѣкоторыхъ ровныхъ береговыхъ скатахъ ясно можно было различать слои, изъ которыхъ они составлены; затвердѣлая сѣраго цвѣта глина, о которой я говорилъ уже на Печорѣ, и здѣсь находилась непосредственно надъ поверхностью воды; на ней было нѣсколько неопредѣленныхъ оттисковъ двустворчатыхъ раковинъ; рыхлая глина и песокъ, покрывающіе слоіі отвердѣлоіі глины, безпрестанно смѣняются другъ съ другомъ; эта наносная земля покрывается въ свою очередь слоемъ торфяной или болотной земли, образовавшимся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтіій изъ растительности тундры и имѣющимъ 3–4 ф. толщины. Огромныя массы земли часто срываются съ высоты ровныхъ береговыхъ скатовъ, падаютъ въ рѣку, смущая воду ея, и въ слѣдствіе наводненіій осаждаются на низменныхъ наносныхъ берегахъ въ видѣ вязкоі глины.

Вечеромъ мы проѣжали мимо устья рѣчки **Колвависъ**, впадающеі въ Колву съ лѣвоі стороны. Въ этомъ мѣстѣ рѣка сдѣлалась уже замѣтно уже и до такоі сте-

пени извилистою, что, несмотря на совершенно противный намъ СВ. вѣтеръ, мы иногда могли употреблять въ дѣло прямой парусъ; но все же мы проѣхали очень немного, если взять въ разсчетъ прямую линію, а не извилистую, которую рѣка описываетъ. Еловый лѣсъ по берегамъ смѣнялся съ открытыми мѣстами, пока онъ наконецъ совершенно не скрылся.

(9 Іюля) Небо было ясно, но сѣверный вѣтеръ все еще производилъ въ воздухѣ холодъ. Въ окрестностяхъ мы не могли уже открыть ни одного дерева; послѣдніе слѣды ели встрѣтились намъ еще на одномъ песчаномъ возвышеніи, но дерево здѣсь возвышалось отъ земли не болѣе какъ на полъ или много на одинъ футъ, уподобляясь болѣе дерну, постланному на землѣ; что касается до ствола, то слѣдъ его едва можно открыть на землѣ, а на переплетенныхъ между собою вѣтвяхъ изъ-за тѣсно сжатыхъ темнаго цвѣта иголъ, на подобіе цвѣта, выглядывали нѣжные свѣтложелтые отростки. На этомъ же возвышеніи намъ попадались сѣверныя ивы, S. herbacea и reticulata, изъ которыхъ первая, уже съ плодами, разрывала своими длинными вѣтвями рыхлый песокъ, а вторая, еще безъ цвѣтовъ, росла тамъ и сямъ на глинистой низменности. Далѣе я сбиралъ: Hierochloa alpina, Luzula arcuata Wahl., Juncus trifidus, Carex glareosa, Hedysarum obscurum, Bartsia alpina, Primula Hornemanniana Lehm. и Ranunculus hyperboreus.

Не потерявъ ни одного заряда пороха, мы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ добыли слишкомъ 20 гусей и одну утку, и кромѣ того убили одного песца. Между тѣмъ какъ лодка наша медленно подвигалась по извилистой и мелкой въ этомъ мѣстѣ рѣкѣ, которая все болѣе

и болѣе приближалась къ своему источнику, мы бѣгали по тундрѣ около береговъ и наслаждались непривычной, но удачной для насъ охотой. Небольшая самоѣдская собака, которую взяли съ собой мои люди, оказывала намъ при этомъ большія услуги; вообще эти животныя такъ хорошо пріучены къ охотѣ, что они сами отыскиваютъ по берегамъ притаившихся гусей, преслѣдуютъ ихъ, загрызаютъ и оставляютъ на мѣстѣ, чтобы пуститься въ погоню за другими бѣгущими гусями; значитъ, охотнику остается только наблюдать за собакой, слѣдовать по стопамъ ея и подбирать добычу, оставляемую ею. Впрочемъ охота эта можетъ быть производима и безъ помощи собаки: охотникъ самъ преслѣдуетъ гусей и убиваетъ ихъ дубинами, при чемъ добычи конечно бываетъ гораздо меньше. Я невольно удивлялся терпѣнію моихъ людей во время самой охоты: увлеченные непреодолимою страстью, они какъ сумасшедшіе блуждали по равнинамъ и не раньше оставили свое занятіе, пока я, видя, что мы уже достаточно запаслись, не приказалъ имъ сѣсть въ лодку.

Къ вечеру мы оставили за собой устье рѣки Нойяги и, проплывъ еще небольшое пространство, остановились для занятія ночлега. Эта рѣчка беретъ свое начало у подошвы невысокаго холма, покрытаго краснова-той тундрой, — вѣроятно Sphagnum, получающее отъ солнца красноватый цвѣтъ, или, что еще вѣроятнѣе, Arctostaphylos alpina, которая осенью покрываетъ возвышенія пурпуровымъ цвѣтомъ. Этому обстоятельству рѣка обязана своимъ самоѣдскимъ названіемъ Нойяга, т. е. суконная рѣка, потому что зыряпское слово noj, сукно, переведенное въ самоѣдскій языкъ, означаетъ въ немъ

также сукно, но въ особенности красное, которымъ обозначается эта красная вершина холма, находящагося около источниковъ Нойяги.

Съ возвышенія мы снова стали озираться кругомъ, не откроемъ ли гдѣ самоѣдскую палатку, но опять напрасно, потому что мы были окружены необитаемой тундрой. Мы уже приближались къ источникамъ рѣки, извилистое теченіе которой медленно подвигала насъ впередъ по прямой линіи; къ тому же русло рѣки начало угрожать намъ мелководіемъ, а другаго средства подвигаться впередъ намъ не представлялось, и я невольно сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ моего предпріятія. Самоѣдъ, проводникъ нашъ, увѣрялъ меня, что вблизи здѣсь нельзя надѣяться встрѣтить палатку, но что, по всей вѣроятности, таковая должна находиться въ извѣстномъ ему мѣстѣ, лежащемъ въ разстояніи двухдневнаго пути отъ берега. Въ такомъ критическомъ положеніи мы рѣшили, чтобы на слѣдующее утро Самоѣдъ, въ сопровожденіи переводчика моего, снова отправился отыскивать желаемую палатку. Сами же мы хотѣли потихоньку подвигаться по рѣкѣ и, доплывъ до устья рѣки Юнъяги, т. е. Тихой рѣки, впадающей въ Колву съ лѣвой стороны, расположиться на берегу и ожидать возвращенія посланныхъ. — Вечернее небо было совершенно ясно и большой, красноватый солнечный кругъ медленно скрывался вдали за горизонтъ безграничныхъ равнинъ.

(10 Іюля) Проѣхавъ нѣкоторое пространство, мы вдругъ совершенно неожиданно наткнулись на свѣжіе человѣческіе слѣды, которыми былъ испещренъ край берега. Обрадованные этимъ открытіемъ, мы вышли на берегъ осмотрѣть мѣстность и къ общей нашей радости

увидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи не только палатку, но и пасшееся около нея стадо сѣверныхъ оленей. Кузьминъ съ однимъ изъ людей моихъ тотчасъ же отправился туда, чтобы привести мнѣ повозку; между тѣмъ я былъ сильно озабоченъ тѣмъ, что не зналъ, какъ увѣдомить объ этомъ открытіи обоихъ Самоѣдовъ, отправившихся по моему приказанію въ совершенно противоположную сторону. Однакожъ забота эта скоро прошла, потому что найденная нами палатка не могла укрыться отъ зоркихъ глазъ ихъ; они направили шаги свои къ ней и по дорогѣ столкнулись съ Кузьминымъ, такъ что спустя нѣсколько времени, всѣ люди собрались на мѣстѣ нашего ночлега съ сѣверными оленями и санями. Хозяинъ этой палатки былъ Самоѣдъ владѣлецъ, какихъ-нибудь 150 оленей. Чтобы выказать состояніе своего чума и въ тоже время поразить меня рѣдкостію, онъ послалъ мнѣ на встрѣчу все свое стадо. Пока наши пожитки укладывали въ сани, сѣверные олени паслись на скатѣ, а дѣтеныши ихъ съ веселою беззаботностью прыгали около нихъ; между тѣмъ зовъ матерей и дѣтенышей, имѣющій нѣкоторое сходство съ хрюканьемъ свиньи, и страшный скрипъ копытъ производили для непривычнаго какой-то непонятный шумъ.

Когда вся поклажа наша была уложена, я отпустилъ своихъ зырянскихъ проводниковъ, — которые хотѣли воспользоваться обратнымъ путемъ по рѣкѣ Колвѣ для охоты на дикихъ гусей, — и олени быстро помчали меня черезъ бугры и холмы къ палаткѣ, между тѣмъ такъ сани съ поклажею слѣдовали за нами. Однакоже число оленей, которыми владѣлъ нашъ Самоѣдъ, было

недостаточно для того, чтобы перевезти, какъ насъ самихъ, такъ и поклажу, едва уложившуюся на шести саняхъ, а потому было рѣшено отправить Самоѣда впередъ къ извѣстной ему близлежащей зырянской палаткѣ, чтобы привезти оттуда свѣжую запряжку. На такомъ условіи отряженный тотчасъ же отправился по назначенію, между тѣмъ и мы со своими шестью санями, въ которыя было запряжено 20 оленей, пустились въ путь вслѣдъ за нимъ; остальное же стадо, оставшееся безъ пастуха, бѣжало вмѣстѣ съ нами, расположившись по обѣимъ сторонамъ каравана. Самоѣдъ растолковалъ моему переводчику, довольно хорошо знавшему эти мѣста, какого направленія должно держаться, и мы, вполнѣ довольные своею удачею, пустились, не разбирая ни болотъ, ни холмовъ, по направленію къ сѣверу и ССВ; при этомъ рѣка Колва оставалась по правую руку, большею частію въ виду нашемъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, во время которой мы останавливались нѣсколько разъ только для того, чтобы дать своимъ оленямъ отдохнуть, мы пріѣхали къ сухому пригорку, гдѣ и расположились ночевать. Для охраненія стада во время ночи былъ приставленъ провожавшій насъ Самоѣдъ-мальчишка, а для того, чтобы выѣхавшій впередъ насъ Самоѣдъ не могъ миновать нашего мѣста, на возвышеніи былъ воткнутъ харей, т. е. длинный шестъ, которымъ Самоѣды погоняютъ своихъ оленей и къ концу котораго была привязана бѣлая оленья шкура, служившая махавкой (какъ ее обыкновенно называютъ русскіе охотники) или условнымъ значкомъ. Затѣмъ мы собрали иного хворостняку и развели большой огонь, на которомъ сварили себѣ къ ужину соусъ изъ гусей. Во

время прогулки около мѣста нашего ночлега я нашелъ Salix Myrsinites L., такъ часто встрѣчающаяся въ тундрѣ, а также Carex dioica и Saxifraga hieracifolia Waldst. Kit. Между тѣмъ небо покрывалось тучами и мы начали безпокоиться о томъ, встанемъ-ли мы такими же сухими, какими ложились; однакожъ мы рѣшили, въ случаѣ нужды, укрыться отъ дождя подъ самоѣдскими санями и, согласившись съ тѣмъ, что самоѣдскія сани, хотя онѣ только три фута длиною, все же скорѣй защитятъ насъ отъ непогоды, нежели борона, спокойно уснули на мягкомъ ягелѣ.

(11 Іюля). Не раньше 10 часовъ утра, когда наши олени уже достаточно отдохнули отъ ѣзды, оставили мы свой лагерь. Вскорѣ мы наѣхали на упомянутую уже нами рѣчку Юпъягу, впадающую въ Колву съ правой ея стороны, въ сѣверовосточномъ направленіи. Колва въ этомъ мѣстѣ вообще называется Тосьягой, а на зырянскомъ языкѣ-Точьягой. Рѣчные берега здѣсь также образовались изъ отвердѣлой глины, покрытой слоями песку. Русло рѣки, благодаря находившимся въ немъ галькамъ, было такъ мелко, что мы безпрепятственно могли переѣхать его на саняхъ. Отъѣхавъ нѣсколько отъ берега, мы встрѣтились съ караваномъ, тянувшимся намъ на встрѣчу подъ предводительствомъ отосланнаго нами Самоѣда. Мы тотчасъ же переложили поклажу, перемѣнили оленей и отправились подъ предводительствомъ Зырянина къ его палаткѣ. Мы ѣхали по холмистой тундрѣ, на которой мѣстами, въ корыто-образныхъ углубленіяхъ, образовались небольшіе водоемы или озера; въ глубокихъ долинахъ, равно и на береговыхъ скатахъ Колвы, сохранились еще большія массы снѣга, ко-

торыя не могли разстаять по причинѣ холодовъ, стоявшихъ въ продолженіе всего Іюля мѣсяца.

Вечеромъ мы пріѣхали къ палаткѣ зажиточнаго Зырянина, нашего проводника. Она находилась къ сѣверо-востоку отъ самоѣдской палатки, въ разстояніи около 40 верстъ отъ послѣдней; такъ по крайней мѣрѣ разсчитывали Зыряне, но этотъ разсчетъ можетъ быть довольно невѣренъ. Не слишкомъ-то большую вѣрность представляетъ общепринятое въ тундрѣ опредѣленіе разстояній по дневной ѣздѣ. А именно, дневная ѣзда съ обозомъ (1) или караваномъ, когда кочующіе пастухи переходятъ съ одного мѣста на другое, считается въ лѣтнее время отъ 15 до 20 в. (3–4 миль), а по зимнему пути вдвое, т. е. отъ35-40 рус. верстъ. Однакожъ результаты, получаемые изъ этихъ разсчетовъ, такъ неточны, что они ни къ чему не служатъ: такъ напр. считаютъ, что разстояніе отъ зырянской палатки нашей до морскаго берега равняется 4–5 днямъ ѣзды съ обозомъ въ лѣтнее время, значитъ minimum 60, а maximum 100 в.—опредѣленіе слишкомъ неточное. И такъ, чтобы имѣть возможность хотя приблизительно судить о пространствѣ, пройденномъ въ тундрѣ, необходимо надо знать, во сколько времени можно проѣхать опредѣленное пространство при равномѣрномъ бѣгѣ оленей, для этого путешественникъ конечно безпрестанно долженъ смотрѣть на часы. (2)

(1) Аргышъ, или Арьюшъ есть здѣсь общеупотребительное для обоза слово, заимствованное изъ зырянскаго языка.

(2) То же средство употреблялъ кормчій Ивановъ во время пребыванія своего на Тиманскомъ берегу въ 1821 г.; онъ нашелъ, что сѣверный олень въ продолженіе часа времени пробѣгаетъ 7, 9 в., т. е. 1, 13 Геогр. мили, при чемъ однакожъ во время дальней ѣзды всегда дол-

(12 Іюля) У нашего хозяина Зырянина мы запаслись нѣкоторыми вещами, необходимыми для дальнѣйшаго путешествія по тундрѣ, а именно: двумя вьючными санями (утизы, а по самоѣд. гуто), кожаными сбруями для впряганія оленей, и огромнымъ сундукомъ, который, имѣя нѣкоторое сходство съ гробомъ и будучи проченъ и непромокаемъ, прикрѣпляется обыкновенно къ вьючнымъ санямъ и защищаетъ поклажу отъ дождя и сырости. Къ санямъ, въ которыхъ мы сами должны были ѣхать, я велѣлъ придѣлать кузовъ изъ оленьей шкуры, на подобіе русскихъ кибитокъ, между тѣмъ какъ прочая поклажа наша, расположенная по остальнымъ санямъ, была покрыта просто оленьей шкурой, предохранявшей ее отъ дождя. Такъ какъ Зырянинъ не могъ снабдить насъ надлежащимъ количествомъ всѣхъ этихъ вещей, то мы дополнили полученное нами отъ него въ другихъ палаткахъ, попадавшихся намъ по-пути. Запасшись такимъ образомъ большею частію необходимыхъ вещей, мы пустились въ дорогу; въ тоже время была снята палатка Зырянина, который покидалъ это мѣсто, чтобы сыскать для своего стада свѣжія пастбища. Палатка снимается не болѣе какъ въ четверть часа, и обязанность эта, какъ здѣсь, такъ и у Самоѣдовъ, лежитъ единственно на женахъ, которыя, по пріѣздѣ на новое мѣсто, опять должны раскинуть ее, между тѣмъ какъ мужья занимаются запряганіемъ и распряганіемъ сѣверныхъ оленей. — Что касается до времени, проводимаго кочующими пастухами Тундры на одномъ мѣстѣ,

жно брать въ разсчетъ время, которое дается оленямъ для отдыха. Ср. Иванова въ путешествіи Лютке въ русск. оригиналѣ ч. II. Стр. 248.

то оно бываетъ очень различно, смотря по качеству пастбищъ, болѣе или менѣе покрытыхъ ягелемъ, а также по величинѣ стадъ. Обыкновенно они мѣняютъ свои мѣста каждые два дня или даже каждый день; случается однакожъ, что они держатся на одномъ мѣстѣ по 3 и по 4 дня и даже гораздо дольше, особливо зимою, когда они располагаются въ лѣсахъ, гдѣ олени должны довольствоваться малымъ кормомъ, отрывая его себѣ изъ-подъ снѣга.

Отъѣхавъ на 4 версты отъ нашего ночлега, мы наткнулись на правый берегъ извѣстной уже намъ Колвы, которая здѣсь, близъ своихъ источниковъ, представляла мелкую незначительную рѣчку, такъ что мы столь же удобно могли переѣхать черезъ нее на саняхъ, какъ мы это сдѣлали на лодкѣ, которую намъ досталъ везшій насъ Зырянинъ. Вскорѣ послѣ того мы подъѣхали къ новой зырянской палаткѣ и, перемѣнивъ здѣсь оленей, отправились дальше.

По правой рукѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, видѣнъ былъ рядъ невысокихъ холмовъ, тянувшихся отъ ЮВ. къ СЗ. и служившихъ границею между упомянутой рѣчкой Юнъягой и другой, по имени Яптаяга, впадающая въ Юнъягу съ лѣвой ея стороны. Отъ этой-то Яптаяги рядъ холмовъ и получилъ самоѣдско-зырянское названіе Япта-мылькъ, т. е. гусиныя горы (отъ самоѣдскаго слова *япто*-гусь и зырянскаго *мылькъ*-вершина холма, рядъ возвышеній). Мы ѣхали на Сѣверъ по сѣверовосточному направленію. Земля покрывалась холмами и постепенно возвышалась по мѣрѣ приближенія къ высотамъ, служащимъ раздѣломъ водъ, текущихъ въ Печору и въ Сѣверное ледовитое море. Сырая болотистая земля, настоящая тундра, смѣняется съ полными

воды болотами, переходя въ слѣдъ за тѣмъ опять въ сухую глинистую почву, на которой во множествѣ ростетъ Dryas octopetala. Здѣсь же появляются прекрасные дерны, усѣянные Silene acaulis; далѣе Oxytropis borealis DC, а вмѣсто растенія Pedicularis lapponica, встрѣчающагося все рѣже и рѣже, начинаетъ показываться Pedic. versicolor Ledeb.

Къ вечеру мы опять встрѣтили новую зыряпскую палатку и рѣшились остаться въ ней ночевать. Мы находились уже на высотѣ холмовъ, отдѣляющихъ притоки Печоры отъ притоковъ Ледовитаго моря, потому что земля наклонялась и къ югу и къ сѣверу. Насъ окружала плоскохолмистая земля, перерѣзанная обширными долинами и котловидными углубленіями; она возвышалась на 480 пар. фут. надъ уровнемъ моря или 200 ф. надъ равнинами, разстилающимися около верховьевъ Колвы. Возвышенность эта на всемъ своемъ протяженіи,—начиная отъ нижней дуги Печоры до самыхъ крайнихъ отраслей своихъ въ верховьяхъ Коротаихи,—носитъ названіе Большеземельнаго хребта, заимствуемое ею отъ Большой земли Самоѣдовъ, которую она пересѣкаетъ вдоль отъ югозапада къ сѣверовостоку. Самоѣды называютъ ее просто Гой, т. е. земляной хребетъ, хотя впрочемъ у нихъ есть для нея и другое названіе—Гаркаганъ-гой! Отдѣльныя, болѣе выдающіяся вершины этого хребта имѣютъ, каждая, свое особенное названіе; но всѣ они, равно какъ и свойство мшистыхъ пастбищъ, находящихся на каждой изъ нихъ, извѣстны только Самоѣдамъ, какъ домашнимъ жителямъ Тундры, искрещенной ими вдоль и поперекъ.

Къ сѣверозападу отъ нашей палатки была видна группа возвышеній Іерзидай или среднія горы (отъ іеръ—средина и зидай—горы), представляющія самыя высокія вершины Большеземельнаго хребта. Нѣсколько перепутавшихся озеръ, изъ которыхъ Колва беретъ свое начало, должно находиться на западъ отъ палатки, въ разстояніи одного или двухъ дней пути.

(13 Іюля). Продолжительные сѣверные вѣтры, бывшіе причиною холодной и неблагопріятной погоды, наконецъ утихли и мы были обрадованы первымъ теплымъ іюльскимъ днемъ: небо было ясно, тихій югозападный вѣтеръ навѣвалъ прохладу и термометръ показывалъ около 2 часовъ пополудни 20° Ц.; за то съ другой стороны появились несносные для сѣверныхъ оленей слѣпни (Oestrus tarandi). Изъ другихъ насѣкомыхъ замѣчались только комары, извѣстные уже своею докучливостію, и мошки (Bibio sanguinarius).— Олени быстро мчали насъ впередъ, потому что для нихъ въ Тундрѣ нѣтъ препятствій и я ѣхалъ по непроходимымъ равнинамъ Тундры, подобно плывущему по водѣ моряку. Зыряне, проводники мои, безпрестанно стремились къ близлежащимъ палаткамъ, въ какой-бы сторонѣ онѣ не находились; однакожъ я всякій разъ, когда садился въ сани, бралъ въ руки свой компасъ и назначалъ имъ направленіе, по которому они должны были меня везти; хотя они мнѣ и говорили, что по желаемому мною направленію нельзя найти палатокъ, гдѣ бы можно было перемѣнить оленей (надо замѣтить, что Зыряне щадятъ своихъ животныхъ), но я не обращалъ на это вниманія и приказывалъ имъ ѣхать по направленію къ Вайгачу, и что же?—всякій разъ въ сумерки Зыряне отыскивали палатку пастуховъ

и перемѣняли измучившихся оленей на свѣжіе.

Въ полдень мы наткнулись на ручей или рѣчку Саадьягу, т. е. Горную рѣку, которая уже въ сѣверномъ направленіи течетъ къ морю. Мы переѣхали черезъ нее близъ того мѣста, гдѣ она вытекаетъ изъ маленькаго озера Саадто, т. е. горнаго озера, и встрѣтили зырянскую палатку, лежавшую у подошвы возвышенностей Гипратешъ-зейде. Холмъ этотъ также лежитъ на южномъ отклонѣ земляпаго хребта и съ плоской вершины его, возвышающейся на 570 Ф. надъ уровнемъ моря, взору путешественника представляется довольно открытый видъ. Отсюда видно, какъ горизонтъ, на всей сѣверной половинѣ компаса, начиная съ ЮВ. до СЗ. окаймляется горною цѣпью Большеземельнаго хребта; заостренныя въ видѣ плоскаго конуса, или длинныя кургановидныя возвышенія; холмы съ крутыми скатами и плоскими вершинами, раздѣленные узкими или болѣе или менѣе обширными болотистыми долинами, на днѣ которыхъ часто образуются маленькія озера,—вотъ формы этой цѣпи возвышенностей, замѣчаемыя на всемъ ея протяженіи. Только отдѣльныя части, отдѣльныя вершины и возвышенія, составляющія группу, замѣтно превышаютъ верхнюю черту холмовъ. Подобную группу холмовъ представляютъ упомянутыя Среднія горы (Іерзидаи), которыя, находясь на СЗ., далеко превышаютъ свои сосѣдніе холмы. На СЗ. видна долина Саадьяги, разстилающаяся въ сѣверовост. направленіи; на сѣверѣ лежитъ озеро Гипратей, которое получило свое названіе отъ лежащаго около него холма того же имени; Кромѣ того по плоскохолмистой равнинѣ Тундры разбросано множество небольшихъ озеръ и прудовъ, а равно

и снѣжныхъ массъ, которыя, какъ увѣрялп меня, не изчезаютъ по нѣсколько лѣтъ сряду. — Обнаженныхъ горныхъ породъ въ этой странѣ нѣтъ. Отвердѣлая глина, глинянын и песчаныя потопныя формаціи распространены здѣсь въ извѣстныхъ уже намъ отношеніяхъ, и мы съ большою вѣроятностію можемъ полагать, что горныя породы, повсюду покрытыя отвердѣлой глиной, также принадлежатъ къ желѣзистымъ конгломератамъ и кварцовымъ известнякамъ нижней Цыльмы и Печоры; къ этому заключенію побуждаетъ насъ не только сходство очертанія холмовъ и рѣчныхъ долинъ съ мѣстностью Печоры и Цыльмы, но и то обстоятельство, что нижній обнаженный здѣсь слой окаменѣлостей, т. е. отвердѣлая глина, около Печоры вездѣ распредѣленъ одинаковымъ образомъ, такъ что, находясь на Поганомъ носу, гдѣ Печора, встрѣчавшая до сихъ поръ препятствіе со стороны южнаго отклона Большеземельнаго хребта, снова принимаетъ направленіе къ сѣверу, а слѣдовательно перерѣзаетъ хребетъ,—можно видѣть разрѣзъ господствующаго слоя на всемъ его протяженіи до Каратаихи. Краснобурая глина, какъ самый верхній наносный слой, обыкновенно находится непосредственно подъ турфяной и болотной землей, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта послѣдняя замѣняется растительностію, она переходитъ въ голыя возвышенія, которыя въ сухое время года сильно отвердѣваютъ. Поверхности этихъ возвышеній, отъ сильнаго сжатія вязкой глины, образуютъ трещины, въ которыя собственно растенія и пускаютъ свои корни, такъ что часто возвышенія эти покрываются растительностію только по направленію трещинъ, между тѣмъ какъ промежутки остаются по

прежнему голые. Случается однакожъ, что возвышенія эти совершенно бываютъ лишены растительности и тогда, особливо въ дождливую погоду, глина размывается и сильно препятствуетъ ѣздѣ на саняхъ.

Флора, окружавшая меня, уже значительно обѣднѣла растеніями нижнихъ широтъ, но за то постепенно принимала характеръ, свойственный сѣверной растительности: Eriophorum vaginatum и angustifolium господствуютъ въ болотахъ вмѣстѣ съ Carex ampullacea и rotunda Wahl. Dryas octopetala покрываетъ мѣстами сухія возвышенія, а къ голой глинѣ прижимаются плотные дерны Silene acaulis. Далѣе находятся: Oxytropis borealis, Astragalus alpinus, Gymnandra altaica, Lychnis apetala, Myosotis alpestris, Pedicularis sudetica, hirsuta, versicolor и lapponica, Taraxacum ceratophorum β., Nardosmia frigida, Allium Schoenoprasum, Pinguicula alpina, Draba repens Led. и muricella Wahl., Senecio campestris α и β., Ranunculus lapponicus и nivalis, Polemonium cœruleum, цвѣты котораго гораздо больше и красивѣе, но за то блѣдиѣе, нежели въ нижнихъ широтахъ; Rubus Chamaemorus, все еще въ цвѣтѣ; Empetrum nigrum, Viola biflora, Eutrema Edwardsii, Valeriana capitata, Potentilla verna; Geranium albiflorum и Cartusa Mathioli, послѣднія два уже рѣдко встрѣчаются и малорослы; Veratrum Lobelianum еще за-частую попадается, но уже не въ такомъ видѣ, какъ оно растетъ въ лѣсахъ; Saxifraga cernua, hieracifolia и oppositifolia. Изъ новыхъ кустарниковъ здѣсь замѣчаются S. lanata Wahl., arbuscula и livida; но и эти уже становятся ниже, скуднѣе и часто лежатъ на землѣ, за то тѣмъ рѣзче выказываются сѣверныя формы въ S. Myrsinites, reticulata и въ особен-

пости въ S. herbacea, растущей на глинистыхъ равнинахъ. Даже береза-ерникъ все болѣе и болѣе скудѣетъ и уже не такъ часто попадается. Rubus arcticus я встрѣтилъ сегодня въ послѣдній разъ. Schollera Oxycoccos въ послѣдній разъ найдена мною 30 Іюня на берегахъ нижней Колвы; Vaccinium Myrtillus встрѣчается можетъ быть на бездѣлицу выше предыдущаго, такъ что изъ рода Vaccinium самые терпѣливые виды представляютъ V. uliginosum и Vitis Idaea, потому что первую я видѣлъ еще вчера, а послѣдняя (хотя рѣдко и въ видѣ крошечныхъ травъ) все еще встрѣчается тамъ и сямъ на озаряемыхъ солнцемъ холмахъ. Atragene alpina, въ послѣдній разъ попавшаяся мнѣ у мѣста впаденія Сандивея въ Колву, исчезаетъ вмѣстѣ съ лѣсомъ. Точно также послѣднее появленіе Linnaea borealis, которая впрочемъ вообще рѣдко попадается, связано съ появленіемъ густѣйшаго лѣса на берегахъ Колвы. Andromeda calyculata я находилъ еще 3 Іюля на возвышенныхъ мѣстахъ, но съ того времени оно мнѣ болѣе не попадалось. Iuniperus nana, Alnus viridis, Lonicera Pallasii и Ribes rubrum переступаютъ лѣсную границу, и встрѣчались мнѣ на открытой Тундрѣ, однакожъ послѣдней изъ нихъ я послѣ 10 Іюля нигдѣ не видалъ. Arctostaphylos alpina также постепенно исчезала за лѣсными границами вмѣстѣ съ S. hastata. Даже Ledum palustre я сегодня нигдѣ не могъ отыскать. Старые наши знакомые: Chrysosplenium alternifolium, Caltha palustris, Cardamine pratensis, Trollius europaeus, Ranunculus auricomus и acris, предвѣстники весны въ нашихъ широтахъ, и здѣсь еще встрѣчаются, хотя въ нѣсколько измѣнившемся видѣ; частію они были въ почкахъ, частію въ цвѣтахъ; но

исключая Nardosmia frigida, Eriophorum angustifolium и polystachyon, Empetrum nigrum и ивъ (кромѣ S. reticulata), едва-ли еще какія-нибудь растенія были обременены плодами; всѣ прочія или цвѣли, или только еще пускали почки. Въ странѣ, по которой пролегаетъ холмъ Терлей, я нашелъ на болотистомъ берегу небольшаго озера одно рѣдкое растеніе-Ranunculus Pallasii Schlecht. которое росло вмѣстѣ съ Ranunculus hyperboreus.

Часто, особливо на сырыхъ мхомъ покрытыхъ низменностяхъ, я видѣлъ слѣды водящихся здѣсь пеструшекъ: земля нѣкоторыхъ равнинъ была испещрена безчисленными дорожками, проложенными этими маленькими животными, которыхъ здѣшніе Русскіе называютъ просто мышами, а Самоѣды-нисе.

Мы поднялись на вершину горы Хаптегоха, возвышающуюся около 655 ф. надъ уровнемъ моря; на ней находилось 4 чума Самоѣдовъ. Здѣсь мы перемѣнили своихъ оленей и отправились дальше по сѣверовосточному направленію. Вечеромъ мы взошли на лежащее на открытомъ мѣстѣ возвышеніе, откуда намъ видны были отдаленные берега ледовитаго моря; на сѣверѣ, прямо противъ насъ, находилась морская губа Хайодепадара, которая граничитъ къ востоку мысомъ Науксале, по-русски Синькинъ носъ, а къ сѣверозападу отдаленнѣйшимъ мысомъ Мединъ-Заворотъ. Земля, по мѣрѣ приближенія ея къ берегу, уравнивалась все болѣе и болѣе, холмы становились ниже, а долины обширнѣе. У зырянской палатки, встрѣченной нами на вершинѣ Терлея, мы остановились для ночлега.

(14 Іюля) Сильная буря, поднявшаяся ночью, не переставала свирѣпствовать и утромъ и была для насъ

тѣмъ неспосиѣе, что сопровождалась проливнымъ дождемъ. Такъ какъ у меня коллекція растеній значительно увеличилась въ послѣдніе дни, а свѣжіе экземпляры, по причинѣ сырой погоды, не могли высохнуть, то я рѣшился воспользоваться неблагопріятной для путешествія погодой, для приведенія въ порядокъ моего гербаріума и для обсушки свѣжихъ растеній на огнѣ, который поддерживался единственно для этой цѣли. —

Самоѣды - язычники, возвращавшіеся съ моря, гдѣ они занимались ловлею морскихъ тюленей, остановились послѣ обѣда въ чумѣ нашего хозяина. Гренландскіе тюлени или Сѣрки (Phoca grœnlandica)—такъ русскіе охотники называютъ тѣхъ тюленей, которые еще не достигли одного года — весною оставляютъ зимніе берега Бѣлаго моря, гдѣ на нихъ охотятся Мезенцы, и уходятъ въ сѣверный океанъ, чтобы на лѣто присосѣдиться къ полярному льду въ широтахъ Новой Земли. Вѣтеръ и теченіе воды всегда гонитъ льдины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и держащихся на нихъ тюленей, къ берегамъ и въ морскія губы, находящіяся между Вайгачемъ и Канинскимъ полуостровомъ. На этихъ-то льдинахъ прибрежные Самоѣды и отыскиваютъ тюленей, убивая ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Для этой цѣли они выѣзжаютъ на маленькихъ лодкахъ и страются всегда держаться морскаго берега, боясь, чтобы ихъ не занесло въ открытое море, гдѣ они очень легко могутъ погибнуть. Кромѣ Сѣрки, Самоѣдами ловится еще другой родъ тюленей, попадающійся по-одиначкѣ на всѣхъ берегахъ и называющійся у русскихъ охотниковъ *Нерпой* (Phoca hispida Fabr). Добытую отъ этихъ животныхъ ворвань

Самоѣды продаютъ Русскимъ за водку или за какія-нибудь другія статьи мѣны.

Сегодня вечеромъ я имѣлъ случай присутствовать при пирушкѣ Самоѣдовъ, для которой былъ приведенъ сѣверный олень. Одинъ изъ Самоѣдовъ преспокойно повалилъ свою жертву на земь, хватилъ ее спинкою топора два раза въ лобъ и, пронзивъ ее ножемъ въ самое сердце, убилъ ее въ одно мгновеніе безъ малѣйшей потери крови. Послѣ того и другіе Самоѣды окружили убитое животное, содрали съ него шкуру и, разрѣзавъ ему брюхо, вынули оттуда всѣ кишки, которыя были брошены какъ вещи ненужныя; затѣмъ была перерѣзана большая артерія, отъ чего брюшная полость вся наполнилась кровью. Когда эта операція кончилась, Самоѣды съ жадностію присоѣдинились къ приготовленному ими блюду: каждый отрѣзывалъ себѣ кусокъ теплаго еще мяса и жиру, при чемъ всякій старался отыскать себѣ печенку и почки, какъ особенно вкусныя части, обмакивая отрѣзанный себѣ кусокъ въ кровь и, стиснувъ его зубами, искусно перерѣзывалъ его коротенькимъ ножемъ (который каждый Самоѣдъ носитъ при себѣ) около самыхъ губъ и пожиралъ съ большимъ аппетитомъ. Женъ не было за этой пирушкой, а была одна маленькая дѣвочка, которая впрочемъ также не отставала отъ другихъ Самоѣдовъ: она отломила себѣ кончики рогъ, которые въ это время мягки какъ хрящъ и, опаливъ предварительно находившіеся на немъ волоски, начала глотать ихъ съ жадностію. По окончаніи трапезы, когда, какъ это всякій себѣ можетъ представить, остались одни кости, появилось нѣчто въ родѣ общественной сал-

фетки, представлявшей клубокъ изъ тонко обстроганнаго дерева; этой-то салфеткой каждый обтиралъ себѣ кровь, которая текла по подбородку и по рукамъ, передавая ее потомъ своему сосѣду; обошедъ такимъ образомъ всю честную компанію, салфетка была брошена въ уголъ палатки, гдѣ она должна покоиться до слѣдующей пирушки.

Въ окрестностяхъ иногда находили окаменѣлую слоновую кость, которая частію выбрасывалась волнами, частію же появлялась на берегахъ озеръ. Самоѣды очень хорошо знаютъ происхожденіе этихъ костей и приписываютъ ихъ огромному животному, которое у Архангельцевъ называется Мамонтомъ, а у Самоѣдовъ Іеггора, т. е. подземнымъ оленьимъ козломъ или просто подземнымъ козломъ. (1) Они полагаютъ, что это животное и теперь еще уходитъ въ землю, иначе бы кости его, называемыя Іенамдъ, т. е. подземными костями, не могли выходить наружу столь свѣжими и невредимыми. По ихъ мнѣнію, оно въ глубинѣ земли дѣлаетъ себѣ различные ходы и питается землею. Самоѣды-язычники имѣютъ какой-то особенный страхъ къ таинственному существованію этого животнаго; они неохотно говорятъ объ немъ и вѣрятъ тому, что человѣкъ, который найдетъ мамонтову кость, или по-крайней мѣрѣ подыметъ ее съ земли, необходимо долженъ умереть въ короткое время, если онъ не замолитъ

---

(1) Отъ ja, земля, и bôra, которое, будучи прибавлено къ имени животнаго, означаетъ самца, а употребленное отдѣльно, безъ ближайшаго опредѣленія, значитъ-самецъ олень. Такимъ образомъ слово Jeggora очень удобно можетъ быть переведено словомъ подземный сѣверо-оленній козелъ или просто подземный козелъ. —

своей находки и не послушается приказанія волхва принести въ жертву Тадебціямъ одного оленя. Если же, напротивъ того, онъ выполнитъ все это, то онъ, нисколько не подвергаясь опасности умереть, можетъ продать найденную кость или употребить ее на что ему заблагоразсудится. По большею частію Самоѣды не пользуются подобной находкой: они предпочитаютъ ей ничтожную плату, которую имъ за нее даютъ Русскіе или Зыряне. Между тѣмъ послѣдніе, понимая очень хорошо цѣну этой кости, собираютъ ее въ тундрѣ и на нижегскихъ ярмаркахъ продаютъ ее Холмогорцамъ и Архангельцамъ, которое изъ нея приготовляютъ самыя красивыя издѣлія. И Самоѣды дѣлаютъ изъ этой кости нѣкоторыя незначительныя вещи; такъ напр. я видѣлъ у нихъ трубки, также родъ пуговицъ, прикрѣпляемыхъ къ копну харея или шеста, которымъ погоняютъ сѣверныхъ оленей, или наконецъ костяшки, которыя придѣлываются къ уздѣ, чтобы онѣ нѣсколько сильнѣе давили лобъ сѣв. оленя, когда имъ правятъ, и т. п. Если взять въ разсужденіе то, что всѣ эти бездѣлушки сдѣланы при помощи простаго, вовсе къ тому не приспособленнаго ножа, то работа ихъ довольно чиста и отчетлива. (1)

(Іюля 15). Погода была веселая и теплая, и мы со свѣжими силами снова пустились въ дорогу. Вскорѣ мы ограничились видомъ моря, открывавшимся нашимъ

---

(1) О Мамонтѣ въ землѣ Самоѣдовъ сравни также мое сочиненіе: Nachrichten von zweien Gerippen urweltlicher Thiere im Lande der Harjuzi-Samojeden im Bull. scient. de l'Académie de sciences à St. Petersbourg T. IV 1838 г. стр. 1.

взорамъ съ высоты холмовъ въ заливъ Хойодепадара, который мы видѣли уже на СВ съ мыса Науксале, т. е. мыса устья (отъ нау или яганау,—устье рѣки, и сале—мысъ), а на СЗ съ Медиць или Мидиць-Заворота. Заливъ этотъ получилъ свое названіе отъ рѣки того же имени—Хайодепадара или Хабиде-падаре-яга, которая, получая свое начало съ высотъ Большеземельнаго хребта, протекаетъ по равнинѣ въ сѣверовосточномъ направленіи (какъ это и видно на картахъ) и вливается въ заливъ широкимъ устьемъ. Около верховьевъ этой рѣки ростетъ кой-какой искривленный еловый лѣсъ, который въ настоящее время сильно вырубленъ; и здѣсь на открытомъ возвышеніи находится общественное кладбище Самоѣдовъ. Удивительно то, что какъ около Колвы, такъ и здѣсь, мѣстомъ погребенія мертвыхъ избраны самые сѣверные лѣса, и во время путешествія моего я буду имѣть случай указать еще на одно кладбище, находящееся также въ лѣсу на возвышеніи. Причина тому вѣроятно заключается въ близости лѣсовъ къ тундрѣ и легкое добываніе изъ нихъ матеріала для дѣланія гробовъ; однакожъ здѣсь заключается еще одна причина, болѣе важная, потому что она связана съ религіею Самоѣдовъ-язычниковъ; обитатели однообразныхъ равнинъ, которые открываютъ даже самое малое отступленіе природы, всегда склонны приписывать мѣстностямъ, отличающимся какимъ нибудь необыкновеннымъ явленіемъ природы, — какую-то святость и близкую связь съ таинственными силами; потому-то въ тундрѣ нельзя найти ни одного общественаго мѣста Самоѣдовъ, которое бы не отличалось какою-нибудь особенностью природы. Какъ здѣсь внезапно опять появившіеся въ тундрѣ лѣса и страшнымъ

образомъ искривленныя деревья поразили Самоѣда и заставили его избрать эти мѣста для своихъ кладбищъ, такъ особенное образованіе горныхъ породъ на остр. Вайгачѣ, какъ мы увидимъ послѣ, было причиною построенія на немъ общественнаго жертвенника. Упомянутый лѣсъ у залива Хабидепадара называется тѣмъ же именемъ, отъ котораго произошло и названіе рѣки, потому что слово это означаетъ грѣшный лѣсъ, т. е. святой лѣсъ, въ который безъ нужды грѣшно входить (отъ самоѣдскаго слова Хай—идолъ, а производное отъ него Хайоде или хабиде—святой, и падара—лѣсъ).

Мы переправились чрезъ рѣчку Саадьягу, которую мы уже разъ переѣзжали около источниковъ и которая течетъ здѣсь въ мелкомъ руслѣ, ограниченномъ высокими глинистыми берегами; послѣ того я разстался со своимъ караваномъ, который отправился по направленію къ ближайшей палаткѣ, и пошелъ осматривать морской берегъ. Холмами и болотистыми низменностями, на которыхъ во множествѣ встрѣчается Dupontia Fischeri R. Br., земля почти незамѣтно наклоняется къ морю; тундра со своею обыкновенною растительностію тянется однообразно до высокаго края морскаго берега, крутой скатъ котораго на всей высотѣ своей (50—60 ф.) состоялъ изъ глинистой потопной формаціи, безъ всякой обнаженной горной породы. На мысѣ мы сбирали Artemisia Tilesii Ledeb. Я засталъ море во время самаго отлива; на освободившемся отъ воды краю берега находилось нѣсколько большихъ глыбъ гальковъ, состоящихъ изъ песчаника, глинистаго и тальковаго сланцевъ и кремнезема. Однакожъ я не могъ открыть слѣдовъ морскихъ растеній и животныхъ. Скудный сплавной лѣсъ принадлежитъ

ерникамъ и ивамъ, ростущимъ на близлежащей полосѣ земли. На кругизнѣ высокаго берега лежали еще огромныя массы снѣгу, какъ бы упорствуя времени года: всѣ пропасти были ими наполнены.

Не совсѣмъ довольные своей прогулкой по морскому берегу, мы отправились догонять свой караванъ. На одномъ изъ холмовъ, по которымъ вела наша дорога, мы замѣтили шестеро саней, нагруженныхъ различными пожитками и покрытыхъ оленьими шкурами для предохраненія отъ дождя; онѣ стояли въ тундрѣ безъ всякаго проводника. Самоѣды, которыхъ домашнее богатство преимущественно состоитъ въ одеждѣ и принадлежностяхъ для палатокъ, защищающихъ ихъ отъ зимнихъ холодовъ, имѣютъ обыкновеніе укладывать эти вещи (какъ не нужныя во время лѣта) въ нѣсколько саней и оставлять ихъ на опредѣленномъ мѣстѣ среди тундры безъ всякаго присмотра, не заботясь о томъ, что можетъ случиться съ пожитками въ продолженіе всего лѣта. Это обыкновеніе можетъ дать понятіе объ удивительной честности сѣверныхъ народовъ; потому что еще очень недавно страшно было слышать, чтобы какой нибудь Самоѣдъ, ограбившій подобный караванъ, не ожидалъ себѣ за то справедливаго наказанія отъ неба. Теперь этотъ обычай уже рѣже соблюдается, потому что Зыряне, пользующіеся подобными случаями, не рѣдко опустошаютъ весь караванъ, а потому Самоѣды сдѣлались по-осторожнѣе и ставятъ свои сани съ пожитками гдѣ нибудь въ лѣсу, въ сокровенномъ мѣстѣ, или же оставляютъ среди тундры, но такъ, чтобы они находились близъ ихъ палатокъ, гдѣ бы имъ удобнѣе было смотрѣть за своею собственностію.

Въ Зыряской палаткѣ, гдѣ мы встрѣтили свою ком-

панію, мы перемѣнили оленей и пріѣхали къ чуму крещеныхъ Самоѣдовъ; это были первые, которыхъ лица выражали довольство и радость. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ и въ стрѣльбѣ изъ лука; впрочемъ Самоѣды не совсѣмъ хорошо владѣютъ этимъ оружіемъ, притомъ же оно въ нынѣшнее время мало употребляется, развѣ только для стрѣлянія дикихъ гусей и утокъ. Лукъ ихъ былъ нѣсколько короче руки, и хотя онъ былъ сдѣланъ довольно грубо и просто, однакожъ для того, чтобы совершенно натянуть его, требовалось порядочнаго напряженія силъ. Стрѣлы, отъ 2 до 3 ф. длиною, были снабжены на одномъ концѣ остріемъ изъ оленьей кости, а также изъ желѣза и слоновой кости, а на другомъ четверной бородкой изъ гусиныхъ перьевъ. Русская винтовка есть обыкновенное оружіе, употребляемое въ настоящее время прибрежными Самоѣдами, которые охотятся за морскими животными, тѣмъ болѣе, что одна эта охота требуетъ помощи оружія, такъ какъ песецъ попадается въ разставленныя западни самъ собою, а дичь во время линянія ловится помощію простой палки.

Растительность показывалась довольно однообразною; между тѣмъ холмы Большеземельнаго хребта, не смотря на незначительное возвышеніе ихъ надъ уровнемъ моря, оставались не безъ вліянія на появленіе нѣкоторыхъ растеній; такъ напр. Vac. uliginosum, Ledum palustre, Andromeda polifolia, которыхъ мы не встрѣчали на высотѣ хребта (а можетъ быть и не замѣтили), снова появились здѣсь на низменныхъ равнинахъ.

(16 Іюля). Въ обѣдъ мы выбрались изъ палатки стараго Самоѣда, нашего радушнаго хозяина и, продолжая свое путешествіе по холмистой странѣ, прибыли къ

рѣкѣ Ярайягѣ (т. е. песчаная рѣка), которая на сѣверѣ впадается въ море. Мы переправились черезъ нее безъ всякаго затрудненія и, отъѣхавъ нѣсколько отъ берега, встрѣтили на берегу озера Хуугы или Гууты небольшую хижину, явленіе весьма рѣдкое въ тундрѣ. Эта хижина прежде принадлежала Самоѣду, чумъ котораго мы только-что оставили, и была выстроена имъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ для склада зимнихъ пожитокъ его. Подлѣ него находилась палатка, обитаемая нѣсколькими безоленными Самоѣдами, которые смотрѣли за этой хижиной и занимались ловлею рыбы и гусей на безчисленныхъ озерахъ и прудахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ. Гусей они стрѣляли изъ лука, когда они были не въ періодѣ линянія, а то ихъ ловили обыкновеннымъ образомъ, помощію собакъ.

Самоѣды-рыбаки дали намъ маленькую лодку, которая намъ вскорѣ очень пригодилась, потому что, проѣхавъ нѣкоторое пространство по болянистымъ низменностямъ, мы наткнулись на рѣку Хабиденадара, которая въ этомъ мѣстѣ имѣла ширину Нижней Колвы и черезъ которую мы должны были переѣхать. Для этой цѣли сани наши были выгружены и поклажа помощію лодки перевезена на другую сторону рѣки; что же касается до переправы порожнихъ саней и самихъ оленей, то это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ: запряженные въ первыя сани четыре оленя были привязаны къ задней части лодки; олени, тащившіе вторыя сани, къ спашкѣ первыхъ саней и т. д.; лодка отчалила отъ берега и караванъ послѣдовалъ за нею въ величайшемъ порядкѣ, плывя поперекъ рѣки къ противоположному берегу, гдѣ олени и сани выходили изъ воды тѣмъ же порядкомъ. Такимъ образомъ, въ три пріема,

весь караванъ былъ переправленъ на другую сторону въ продолженіе какихъ-нибудь полчаса. Самоѣда, во время его ѣзды съ сѣвернымъ оленемъ, не останавливаютъ никакія рѣки: легкія сани его, въ случаѣ нужды, должны служить ему лодкой, которую запряженный олень безопасно перетаскиваетъ куда слѣдуетъ. Сѣверный олень не боится воды, плыветъ скоро и такъ легко, что почти половина туловища его высовывается изъ воды.

По равнинамъ и возвышенностямъ, перемежающимся съ озерами и болотистыми низменностями, мы подвигались къ С и СВ, между тѣмъ какъ холмы Большеземельнаго хребта постоянно находились въ виду нашемъ, по правую руку. Съ праваго конца долины Хабидепадара тянется рядъ холмовъ, высовываясь своими вершинами изъ равномѣрно возвышеннаго земляного хребта; Самоѣды называютъ его Гуута. Такъ какъ мы во всей окрестности не могли найти ни одного кочующаго наступа, олени же наши, будучи цѣлый день въ ѣздѣ, сильно устали, то мы рѣшились провести ночь въ тундрѣ, между тѣмъ какъ одинъ изъ Самоѣдовъ отправился отыскивать палатку, изъ которой бы намъ прислали свѣжихъ оленей.

(17 Іюля.) На слѣдующее утро посланный возвратился съ извѣстіемъ, что поиски ихъ были тщетны. Видя, что намъ нельзя надѣяться получить скоро свѣжую запряжку и что олени, не подкрѣпившіеся еще силами, не могутъ въ это время года вынести продолжительной ѣзды, я рѣшился послать къ палаткѣ, которая осталась у насъ въ сторонѣ, довольно далеко отъ нашего ночлега и терпѣливо ожидать возвращенія посланнаго.—Дождевыя тучи неслись надъ тундрою, ежеминутно угрожая

намъ своими разливами; вѣтеръ сильно подувалъ съ Ю Ю З, двигая однакожъ только нижніе слои воздуха; термометръ въ 7 час. вечера показывалъ 10° Ц. Земля, насъ окружавшая, наводила унынie своею безжизненностію; на югѣ видъ ограничивался вершинами Гууты; на В и З, теряясь въ синѣющейся дали, простирались необозримыя равнины тундры, на которыхъ, подобно волнамъ, только мѣстами возвышались отдѣльныя группы холмовъ; къ сѣверу простираются тѣже безпредѣльныя болота и низменности, сливающіяся на дальнемъ горизонтѣ съ туманомъ и дождемъ.

Не знаю, чему приписать это-скукѣ или водкѣ, но молодые Самоѣды мои вдругъ затянули пѣсню и, несмотря на монотонность ея, я такъ заинтересовался ею, что не замѣтилъ, какъ прошло время; между тѣмъ явился и нашъ посланный со свѣжими оленями. Я тотчасъ же велѣлъ все приготовить и мы отправились въ путь въ сумракъ ночи.

(18 Іюля) Утромъ рано мы остановились, чтобы дать оленямъ попастись, такъ какъ мы все еще не могли встрѣтить чума. Съ ЮЮЗ дулъ сильный вѣтеръ и дождь лилъ какъ изъ ведра; Самоѣды забрались подъ сани, чтобы найти хоть какую нибудь защиту отъ непогоды, а я со своимъ провожатымъ сѣлъ въ кибитку, которая, будучи прикрыта оленьей шкурой, хотя и защитила насъ отъ дождя, но за то съ другой стороны погрузила насъ въ египетскій мракъ, въ которомъ должно было стараться убить время философическими размышленіями или, за недостаткомъ ихъ, броситься въ объятія Морфея. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ дождь перешелъ и мы снова начали

собираться въ путь; но между тѣмъ прошло еще цѣлыхъ два часа, пока намъ удалось поймать нашихъ оленей. Если стадо велико, то поимка оленей, потребныхъ для запряжки, не представляетъ большихъ затрудненій: нѣсколько человѣкъ становятся среди стада, образуя довольно пространный кругъ, и начинаютъ монотонный зовъ, произносимый протяжными звуками: гой, гой, гой; на этотъ зовъ животныя, привыкшія къ запряжки, тотчасъ же отдѣляются отъ прочаго стада и собираются въ кругъ, составленный людьми; за тѣмъ веревка, лежащая на землѣ, поднимается всѣми вдругъ и стадо окружено; чрезъ постепенное укорачиваніе веревки, кругъ становится уже и тогда изъ сжатаго стада выбираются животныя, необходимыя для запряжки, и привязываются вдоль веревки. Собравъ такимъ образомъ достаточное число оленей, кругъ растворяется и лишнія животныя присоединяются къ общему стаду. Если олени пріучены и притомъ находятся близъ палатки, то операція эта не представляетъ никакаго труда; при маленькомъ же стадѣ, особливо если олени еще молоды и непривычны и если нѣтъ вблизи палатки, котораго стадо обыкновенно придерживается, поимка оленей для запряжки сопряжена съ большими хлопотами, потому что маленькое стадо иногда разсѣивается и тогда уже его ни какимъ образомъ не загонишь въ кругъ, что мы и имѣли удовольствіе испытать на дѣлѣ: одно животное, бывшее по-рѣзвѣе другихъ, какъ только приблизились къ нему, пустилось бѣжать во всѣ стороны, не убѣгая однакожъ далеко отъ лагеря, а за нимъ конечно и другія, такъ что надо было начать ловить ихъ по одиначкѣ съ помощію петли. При этомъ конечно нѣ-

которыя животныя поплатились частію своихъ роговъ, которые, будучи въ это время еще не совсѣмъ тверды, легко ломались отъ внезапной остановки оленя петлей; впрочемъ на это здѣсь не обращали вниманія, такъ какъ подобное несчастіе случается съ оленями довольно часто; нѣкоторые Зыряне,, имѣющіе благоустроенное хозяйство, часто съ намѣреніемъ отламываютъ рога тѣмъ оленямъ, которые къ осени назначаются на убой; они полагаютъ, что отъ этого олени скорѣй жирѣютъ, что впрочемъ очень возможно.

Наконецъ все было приведено въ порядокъ и мы опять отправились въ путь. Земля все еще была холмистая; сухія мѣста тундры смѣнялись болотами и озерами; нѣкоторые лишенные растительности холмы обнаруживали песокъ, дресву и гальки, большею частію содержащіе глинистый сланецъ. Вечеромъ мы подъѣхали къ одной жалкой палаткѣ, которая съ грѣхомъ пополамъ могла защитить насъ отъ проливнаго дождя; буря выла и гроза раздавалась громкими ударами; это первая гроза, которая была при насъ на Сѣверѣ за лѣсными границами. Послѣ грозы погода поутихла и чтобы не терять дорогаго времени, я опять взялъ въ помощь ночь для продолженія своего путешествія.

(19 Іюля) Небо значительно прояснилось, и къ утру, несмотря на то, что вѣтеръ еще не утихалъ, воздухъ согрѣлся отъ солнечныхъ лучей. Мы переѣхали рѣчку Яйягу, т. е. земляную рѣку (отъ я-земля, въ противоположность слову табъ, яраі, песокъ) и обѣ рѣчки Сарембой, вливающіяся въ море однимъ устьемъ. Тутъ мы направили путь свой къ многочисленному стаду сѣверн. оленей, замѣченному нами въ тундрѣ, и

вскорѣ настигли странствующій караванъ одного Зыряниna, который переселялся на другое мѣсто со всѣмъ домомъ. Трое саней, изъ которыхъ каждыя были запряжены четырмя оленями, и нѣсколько собакъ служили для того, чтобы недавать стаду разсѣяться и погонять его впередъ; стадо это, по показанію самого Зыряниna, заключало въ себѣ слишкомъ 2000 оленей. Длинный рядъ санеи, раздѣленный на нѣсколько частей подъ управленіемъ хозяина, хозяйки и одной служанки, слѣдовалъ за стадомъ; въ саняхъ этихъ были уложены всѣ пожитки хозяина: въ одних лежали спящія сладкимъ утреннимъ сномъ дѣти, укутанныя въ шкуры сѣв. оленей; въ другихъ-котелъ посуда и разная утварь; въ третьихъ—различная одежда и принадлжности для палатки, какъ то: ковры, древка и т. д., и все это въ величайшемъ порядкѣ, какъ этого требуетъ кочевая жизнь, чтобы всякая вещь, въ случаѣ нужды, была подъ рукою. Караванъ вскорѣ остановился и мы поздоровались съ хозяиномъ, указывавшимъ то мѣсто, гдѣ палатку должно было раскинуть; три женщины тотчасъ же принялись за дѣло и непрошло четверти часа, какъ домъ со всѣмъ внутреннимъ устройствомъ своимъ былъ готовъ къ услугамъ хозяина и гостей его. Вскорѣ и огонь запылалъ среди палатки на землѣ; около него, на мягкихъ коврахъ изъ оленьей шерсти, усѣлись домашніе и гости, первые по правую, а вторые по лѣвую сторону входа. Въ честь рѣдкаго гостя на огонь былъ поставленъ огромный чайникъ; столъ, или, лучше сказать, низенькая скамейка, площадка которой, будучи не больше листа бумаги, поддерживалась четырмя ножками, каждая въ 4 или 5

дюймовъ длины, былъ придвинутъ къ знатнѣйшимъ изъ гостей; за тѣмъ были принесены чашки, которыя по очереди наполнялись и осушались разохотившимися гостями. Однимъ словомъ, въ этомъ новомъ домѣ гостепріимнаго хозяина вскорѣ такъ хорошо всѣ устроились, какъ можетъ быть не жили еще въ старомъ.

Палатки кочующихъ пастуховъ—потому что Зыряне и Русскіе, какъ въ жилищахъ, такъ и во всей кочевой жизни своей, рѣшительно подражали Самоѣдамъ—имѣютъ устройство, вполнѣ соотвѣтствующее ихъ цѣли; онѣ раскидываются слѣдующимъ образомъ: два древка, каждое въ 15 Ф. длиною, связываются верхними концами своими помощію веревочнаго кольца и представляютъ основныя древка; ихъ ставятъ прежде другихъ, втыкая нижніе концы въ землю, такъ, чтобы разстояніе между ними равнялось діаметру палатки, между тѣмъ какъ верхніе концы древокъ скрещиваются и нѣсколько повыше точки ихъ пересѣченія поддерживаютъ веревочное кольцо. Прочія древка втыкаются въ землю около главныхъ такимъ образомъ, чтобы нижніе концы ихъ отстояли другъ отъ друга на 2 или на 3 фута, образуя на землѣ кругъ по данному діаметру, а верхніе вдѣваются въ кольцо, которое, соединяя верхніе концы главныхъ древокъ, теперь служитъ также точкою опоры и для другихъ; такимъ образомъ получается скилетъ палатки. Для покрышки его служатъ, въ лѣтнее время, рогожи изъ березовой коры, которыя иногда очень чисто выдѣланы; онѣ состоятъ изъ четырехугольныхъ кусковъ внутреннихъ гибкихъ слоевъ древесной коры, сшитыхъ вмѣстѣ, такъ что изъ нихъ образуется одна большая рогожа; для большей проч-

ности и непромокаемости эти рогожи складываются вдвое и даже въ втрое. Онѣ имѣютъ видъ трапеціи, параллельныя стороны которыхъ выгнуты двумя концентрическими дугами; въ верхнихъ углахъ ихъ привязаны веревки, посредствомъ которыхъ онѣ прикрѣпляются къ древкамъ палатки; шесть таковыхъ рогожъ достаточно для покрышки нижней части палатки, для верхушки же довольно двухъ или трехъ. Нижнія рогожи натягиваются прежде и притомъ такъ, чтобы края однѣхъ покрывались краями другихъ, и только между двумя древками оставляется пустое пространство для входа. Послѣ того уже покрывается верхушка: для этого два человѣка въ одно время поднимаютъ двумя шестами верхнія рогожи, зацѣпляя ихъ за сумки, придѣланныя на нихъ въ верхнихъ углахъ, и покрываютъ ими, какъ обтянутую уже нижнюю часть палатки, такъ и вершину ея; наконецъ двѣ длинныя веревки, привязанныя къ верхней части рогожъ, обвиваются вокругъ палатки въ видѣ спирали и прикрѣпляются къ основанію какаго нибудь древка, въ слѣдствіе чего покрышка палатки никогда не можетъ отпасть. На вершинѣ палатки остается круглое отверстіе, изъ котораго выходятъ скрестившіяся древка скелета и которое, вмѣстѣ съ выходомъ, служитъ трубою. Входъ обыкновенно дѣлается съ той стороны, гдѣ онъ защищенъ отъ вѣтра, отъ чего огонь въ палаткѣ спокойнѣе горитъ, да и дымъ не такъ безпокоитъ обитателей палатки. Въ палатку можно войти не иначе какъ наклонившись, потому что надъ входомъ довольно низко висятъ рогожи, а къ двумъ древкамъ, образующимъ пустое пространство, привязана поперекъ веревка, на

которую упираются концы двухъ горизонтальныхъ шестовъ, соединяющихся въ концѣ палатки подъ острымъ угломъ, гдѣ концы ихъ прикрѣплены къ перпендикулярно поставленной палаткѣ. Эти горизонтальные шесты служатъ для вѣшанія котла надъ огнемъ, но для этого употребляется еще плоскій шестъ, имѣющій по длинѣ своей рядъ отверстій, а на концѣ—крючекъ, загнутый къ верху. Въ одно изъ этихъ отверстій продѣвается поперечная палка, концы которой висятъ надъ горизонтальными древками палатки, между тѣмъ какъ крючекъ держитъ котелъ, который, смотря по надобности, можетъ быть поднятъ или опущенъ. Входъ палатки у туземцевъ завѣшивается оленьей шкурой, а у чужеземцевъ, живущихъ въ тундрѣ только временно,—кускомъ паруснны, которая, при входѣ въ палатку, всякій разъ должна быть откидываема. Чтобы, по возможности, лучше защитить палатку отъ вѣтра, ее обкладываютъ вокругъ мхомъ, а зимой снѣгомъ. Палатка, смотря по тому, для сколькихъ жителей она назначена, бываетъ большаго или меньшаго объема и, сообразаясь съ этимъ обстоятельствомъ, образуетъ иногда тупой, иногда острый конусъ; среднимъ числомъ діаметръ основанія конуса равняется 15 ф. Въ концѣ палатки у крещеныхъ номадовъ обыкновенно находится старинное распятіе изъ дерева или мѣди, или же изображеніе какаго-нибудь святаго, Даже у язычниковъ этому углу оказываютъ какое-то особенное благоговѣніе, На землѣ; около того мѣста, гдѣ разводится огонь, постланы ковры изъ оленьей шерсти, которые служатъ для домашнихъ постелью; зимой же, для предохраненія отъ сырости, происходящей отъ таящаго

снѣга, подкладываются еще рогожи изъ ивовыхъ прутьевъ, а у Зырянъ часто изъ соломы; за неимѣніемъ же ивы и соломы, употребляется простой ельникъ. Зимою палатки номадовъ покрываются не березовой корой, а оленьей шкурой, которая берется вдвое, такъ что шерсть приходится и внутрь и снаружи. При томъ же палатки эти, во время зимы, когда номады остаются на одномъ мѣстѣ по восьми дней и болѣе, устраиваются гораздо тщательнѣе и бываютъ обыкновенно просторнѣе, потому что зимой въ одной палаткѣ живутъ по нѣскольку самоѣдскихъ семействъ; такъ во время сильныхъ морозовъ Самоѣды сходятся между собою изъ 6 и 8 палатокъ. Въ остальномъ самоѣдскія палатки отличаются отъ зырянскихъ и русскихъ обыкновенно съ перваго взгляда по жалкой своей наружности. Между тѣмъ какъ зырянскія и русскія палатки всегда чисты и опрятны, самоѣдскія изъ далека узнаются по своей грязной и закоптѣлой наружности; покрышка ихъ не рѣдко состоитъ изъ лѣтнихъ и зимнихъ рогожъ, сшитыхъ изъ лоскутковъ и заплатокъ, такъ что вѣтеръ и ненастье весьма легко проникаютъ во внутренность чума.

Вечеромъ мы пустились въ дальній путь, пользуясь свѣтлою лѣтнею ночью, и переѣхали черезъ рѣчку Яраїягу, т. е. песочную рѣку.

(20 Іюля) Земля была попрежнему холмистая; однакожъ холмы становились уже площе, озера показывались рѣже; верхушки Большеземельнаго хребта, которыя до сихъ поръ постоянно находились въ виду напемъ съ правой стороны, наконецъ изчезли; кругомъ тянулись пространныя низменности, на которыхъ выдаются кой-какіе

незамѣтные холмы и возвышенія; хотя Самоѣды имѣютъ для каждаго изъ нихъ особенное названіе, однакожъ я пропускаю ихъ, потому что возвышенія эти имѣютъ свою важность только для кочующаго пастуха тундры, которому они служатъ путеводителями въ безпредѣльныхъ равнинахъ Сѣвера и который потому съ точностью можетъ разсказать не только взаимное положеніе и разстояніе ихъ другъ отъ друга, но и качество пастбищъ, лежащихъ въ ихъ окрестностяхъ.

Утромъ мы пріѣхали къ одной зырянской палаткѣ, лежавшей на лѣвомъ берегу Коротаихи (по самоѣдски Ядайяга, т. е. покатая рѣка), одной изъ значительнѣйшихъ прибрежныхъ рѣкъ Большеземельной тундры. Какъ хозяина, такъ и домашнихъ мы не застали дома, потому что они, по случаю праздника Ильина дня, отправились въ гости въ палатку, находившуюся по сосѣдству. Такъ какъ здѣсь было на лицо только два холопа и небыло людей, которые бы насъ проводили далѣе, то я рѣшился послать за хозяиномъ. Меня нестолько удивила общественность обитателей тундры, сколько то обстоятельство, что Зыряне здѣсь въ глуши не сбивались въ числахъ и помнили, когда долженъ быть праздникъ. Впрочемъ причина тому вскорѣ объяснилась: они имѣютъ при себѣ родъ календаря, приготовляемаго въ деревняхъ такъ называемыми книжниками. Календарь этотъ устроенъ самымъ простымъ образомъ и представляетъ четырехстороннюю деревянную призму, на двухъ противоположныхъ сторонахъ которой отмѣчены отдѣльные дни, при чемъ будни обозначены простой поперечной зарубкой, а воскресные дни крестикомъ; праздники, совпа-

дающіе съ простыми днями, обозначаются углубленіемъ, сдѣланнымъ въ поперечной зарубкѣ, а совпадающіе съ воскресеньями,-такимъ же углубленіемъ, сдѣланнымъ въ крестѣ; всѣ эти замѣтки, сдѣланныя вкось, означаютъ посты. Чтобы не сбиться съ толку, Зыряне по прошествіи извѣстнаго времени отрѣзываютъ тѣ значки, которые содержатъ въ себѣ минувшія уже недѣли, и когда призма, постепенно укорачиваясь, подходитъ къ концу, то кочующій пастухъ собирается оставлять тундру, чтобы переселиться на зиму въ деревню, гдѣ календарь ему уже не нуженъ. Русскіе крестьяне въ деревняхъ, какъ извѣстно, исчисляютъ время по числу дней, заключающихся между каждыми двумя большими праздниками, такъ что имъ не нужны ни мѣсяцы, ни числа.

Погода была веселая и термометръ въ 11 часовъ утра показывалъ $23^1/_2°$. Отсюда до моря считается два дня пути, т. е. около 40 в., между тѣмъ какъ еще вчера оно было видно съ холмовъ, гдѣ находилась палатка, въ которой мы ночевали.

Только къ вечеру явились Зыряне, за которыми я посылалъ, и мы начали готовиться въ путь. Поимка оленей, бывшихъ въ этотъ день очень безспокойны, потому что ихъ терзали слѣпни, и переправа черезъ рѣку задержали насъ еще на нѣсколько часовъ, которыми я воспользовался для осмотра здѣшней флоры. Растительность, украшающая высоту травянистаго берега, находилась въ полномъ цвѣтѣ и показывала удивительное разнообразіе травъ, свойственныхъ обыкновенно сухимъ плодоносным берегамъ рѣки, гдѣ слой чернозема замѣняетъ торфяную землю болотъ. Здѣсь я нашелъ слѣдующія

растенія: Armeria alpina, Saxifraga cernua, cæspitosa L. и видоизмѣненіе его β. groenlandica Wahl., Senecio campestris, Astragalus alpinus, Phaca frigida, Oxytropis borealis, Hedysarum obscurum, Stellaria dahurica, Cerastium furcatum, Arctostaphylos alpina, Parnassia palustris, Lychnis apetala, Draba muricella Wahl., Androsace septentrionalis, Erigeron alpinus, Sanguisorba officinalis, Viola biflora, Ranunculus acris, Myosotis alpestris, Allium Schoenoprasum, Polygonum Bistorta и viviparum, Oxyria reniformis, Juncus arcuatus Pachypleurum simplex и нѣсколько другихъ.

По этой сторонѣ рѣки, на безоблачномъ горизонтѣ, закатывалось солнце, бросая послѣдніе лучи свои на землю. Около палатки, на покрытомъ травою возвышеніи, собралось безчисленное стадо для пастьбы: молодые олени весело прыгали по лужку и терялись въ пасшемся стадѣ; бѣготня и смѣшивавшійся зовъ матокъ и молодыхъ, ищущихъ другъ друга, чрезвычайно оживляли страну. Между тѣмъ, спускаясь по отлогому скату берега, медленно тянулся длинный рядъ саней; люди и поклажа постепенно перевозились на легкомъ колеблющемся челнокѣ, и посидѣло было видѣть, какъ олени, слѣдуя за лодкой, плыли черезъ рѣку въ непарушимомъ порядкѣ.

Наступила ночь, когда караванъ нашъ тронулся; прекрасная тихая лѣтняя ночь! но и самыя свѣтлыя іюльскія ночи въ тундрѣ столь же нѣмы, какъ и зимнія; ни одна птичка нѣжнемъ своимъ не нарушаетъ скучнаго безмолвія; не слыхать даже чирканія сверчка или легкаго воздушнаго пархапія ночной бабочки: все нѣмо, все мертво; только изрѣдка бѣлая куропатка, испуганная топотомъ сѣверныхъ оленей, перелетаетъ съ

одного мѣста на другое. Между тѣмъ безпокойные комары, пользуясь теплымъ днемъ, не переставали надоѣдать намъ своими монотонными пѣснями и преслѣдовать насъ всю ночь. Страна эта пуста и необозрима и только кой-когда покажется въ ней человѣкъ, который, будучи окруженъ сѣверными оленями, образуетъ скудно разбросанную оазу. Взоръ путешественника съ жадностію отыскиваетъ въ туманномъ концѣ равнины холмъ или небольшое возвышеніе, чтобы открыть на немъ тѣ маленькіе, муравейникамъ подобные, конусы, подъ которыми покоится обитатель тундры; онъ видитъ, какъ они всплываютъ и увеличиваются, лай собакъ, располагающихся около палатки, возвѣщаютъ его прибытіе и закутанный въ оборванный мѣхъ Самоѣдъ выходитъ изъ закоптѣлаго чума своего, чтобы, встрѣтивъ своего гостя, предложить ему вмѣстѣ съ убѣжищемъ все, что у него есть лучшаго; и надо сказать, что гостепріимство этого сѣвернаго жителя всегда отличается честностью и безкорыстіемъ.

(24 Іюля) Утромъ мы пріѣхали въ палатку одного богатаго Зырянина и, перемѣнивъ здѣсь оленей, пустились впередъ. Обширныя болотистыя низменности смѣнялись мшистыми равнинами и перерывались мѣстами небольшими возвышеніями. Изъ растеній въ болотахъ, наполненыхъ водою, преобладаютъ: Carex rotundata Wahl. и ampullacea Good., Eriophorum vaginatum и angustifolium; Pedicularis sudetica служитъ украшеніемъ этихъ болотъ; на равнинахъ же, менѣе водянистыхъ, ростутъ: Sphagnum и Polytrichum, береза-ерникъ и ива; наконецъ сухія глинистыя возвышенія были устланы разнообразными альпійскими растеніями, какъ то: Saxi-

fraga, Oxytropis borealis и Astragalus alpinus, Dryas octopetala, Silene acaulis, Myosotis alpestris. Senecio campestris, Gymnandra altaica, Thalictrum alpinum и Pinguicula alpina.—Salix hastata я уже не находилъ, за то сѣверныя ивы и S. lanata попадались мнѣ довольно часто.

День былъ жаркій и олени слѣпни сдѣлались чрезвычайно тягостными для нашего скота. Въ теченіе нѣкотораго времени атмосфера, насъ окружавшая, была совершенно безоблачна, что весьма рѣдко бываетъ подъ этими широтами; но даже самое чистое небо надъ сѣверными болотами дастъ путешественнику чувствовать, что онъ находится подъ блѣднымъ гиперборейскимъ небомъ.

Пользуясь теплой погодой, и неструшки оставили свои подземные норы, чтобы погрѣться на солнцѣ. Поверхность сырыхъ мшистыхъ равнинъ тундры иногда по всѣмъ направленіямъ изрыты слѣдами этихъ животныхъ, которыя въ маѣ мѣсяцѣ переселяются черезъ уральскія горы и занимаютъ собою всѣ три тундры къ западу до Бѣлаго моря, а къ югу до лѣсныхъ границъ, потому что въ самомъ лѣсѣ онѣ никогда не встрѣчаются. Въ иные годы эти странствующія толпы бываютъ чрезвычайно многочисленны; разсказываютъ, что онѣ покрываютъ поверхность земли цѣлыми полосами и попадаются нерѣдко въ палаткахъ номадовъ или, вскарабкиваясь по наклонной плоскости конуса къ верхнему отверстію палатки, падаютъ въ огонь; при этомъ случается, что онѣ свариваются въ котлѣ и подаются на столъ вмѣстѣ съ кушаньемъ. Лисицы и песцы постоянно слѣдуютъ за неструшками, которыя составляютъ

главную ихъ пищу и появленіе которыхъ потому по справедливости можетъ считаться благомъ для обитателей тундры, такъ какъ эти послѣдніе въ такіе годы всегда производятъ счастливую охоту. Но эти хищные звѣри значительно истребляютъ пеструшекъ, часть которыхъ погибаетъ также въ рѣкахъ, во время переплавленія; наконецъ онѣ встрѣчаютъ самыхъ жестокихъ враговъ въ собакахъ, которыя, почуя вблизи пеструшечью нору, немедленно отрываютъ ее и загрызаютъ всѣхъ находящихся въ ней животныхъ; впрочемъ онѣ не пожираютъ ихъ, потому что онѣ у хозяевъ своихъ всегда имѣютъ достаточное количество пищи. Не всегда однакожъ пеструшки появляются въ такомъ множествѣ, иногда они не показываются нѣсколько лѣтъ сряду; въ нынѣшнемъ году ихъ также было немного. Осенью пеструшки снова отправляются во-свояси, впрочемъ нѣкоторое число ихъ остается по сю сторону уральскаго хребта и зимуетъ въ тундрѣ; но и въ это время года имъ нѣтъ покоя отъ лисицъ и песцовъ, потому что эти послѣдніе отыскиваютъ ихъ въ норахъ и преспокойно съѣдаютъ. Всѣ находившіяся теперь въ тундрѣ пеструшки были такія, которыя здѣсь зимовали. Норы ихъ вырыты не слишкомъ глубоко въ землѣ и имѣютъ горизонтальное или нѣсколько наклонное положеніе; входы обыкновенно устраиваются ими около земляного холмика или подъ низенькимъ кустарникомъ, такъ что дождь не можетъ свободно проникать въ ихъ жилища; отдѣльные входы соединяются между собою узенькими дорожками, протоптанными на мшистой поверхности земли. На менѣе сырыхъ болотистыхъ равнинахъ, поросшихъ мхомъ и кой-какимъ низенькимъ кустарникомъ, эти до-

рожки, пересѣкаясь по всѣмъ направленіямъ и соединяя отдѣльные норы, представляютъ необыкновенно живое зрѣлище, такъ что подобнымъ мѣстечкамъ весьма идетъ названіе многолюднаго пеструшечьяго городка, напоминающаго собою фантастическую землю Лиллипута. Если поймать пеструшку, то она издаетъ пронзительный писк на подобіе обыкновенной мыши, только нѣсколько громче. Въ послѣднее время, какъ я уже раньше замѣтилъ, пеструшки стали появляться рѣже; причина тому безспорно заключается въ истоптанныхъ мшистыхъ тундрахъ, которыя отъ сильнаго размноженія сѣверныхъ оленей обѣдняли мхомъ, служащимъ главною пищею пеструшекъ. Общій предразсудокъ Самоѣдовъ тотъ, будто сѣверные олени поѣдаютъ этихъ желанныхъ гостей.

Мы переѣхали двѣ рѣчки: Яггарейягу т. е. отвращающуюся рѣку, и Юрсакоягу, т. е. параллельно текущую (?); первая изъ нихъ названа такъ потому, что въ теченіи своемъ она совершаетъ внезапный поворотъ, чтобы влиться въ ледовитое море, а другая течетъ параллельно первой и значитъ также быстро поворачивается. Всѣ эти незначительныя прибрежныя рѣки отличаются своимъ мелководіемъ и каменистымъ русломъ, покрытымъ кварцовыми и глинисто-сланцовыми гальками. — Земля снова покрывается холмами; низменности смѣняются волнистыми возвышеніями, холмами и вершинами.

Къ вечеру мы пріѣхали въ палатку, принадлежавшую какому-то владѣльцу изъ Пустозерска, который самъ съ частію своею стада еще не пріѣзжалъ, почему мы и нашли здѣсь только двухъ бабъ и должны были послать въ сосѣднюю палатку за людьми, которые бы проводили насъ дальше. Послѣдніе подоспѣли

не раньше какъ къ ночи и мы, не теряя времени, перемѣнили оленей и пустились снова въ дорогу. Погода была тихая и термометръ еще въ 9 ч. вечера стоялъ на 21° Ц.; но между тѣмъ темныя тучи стали покрывать небо и мы уже издали видѣли зарницу и молнію. Подъ утро мы пріѣхали въ палатку Самоѣдовъ-язычниковъ и расположились отдохнуть нѣсколько часовъ.

(22 Іюля). Положеніе хижины на возвышеніи и чистота атмосферы, проясиѣвшей послѣ сильнаго дождя, дали мнѣ возможность разглядѣть окрестности на довольно отдаленномъ пространствѣ. Отъ ССЗ къ ВСВ небосклонъ ограничивался горнымъ хребтомъ, который, уже издали давая различать свои каменныя вершины, рѣдко отличался отъ Большеземельнаго хребта образованіемъ своихъ высотъ; да и съ перваго взгляда онъ обнаруживалъ несравненно значительнѣйшую высоту. Эта цѣпь горъ у Самоѣдовъ не имѣетъ общаго́ названія, за то есть особенныя названія для каждой отдѣльной части ея; такъ напр. на ССЗ возвышается группа Хаардарапай растрескавшагося вида и съ зубчатой вершиной, на которой по видимому находятся развалины древняго замка. Уже Самоѣдамъ пришло въ голову сравнить ее съ городкомъ или группою домовъ, почему гора эта и названа Хаардарапой (отъ слова haard-домъ, хижина, и paj, камень, т. е. гора съ каменною вершиною). Далѣе на сѣверъ тянется продолговатой кряжъ, который постепенно понижается къ ВСВ и очень удачно названъ Маалагой, т. е. палатовиднымъ хребтомъ, потому что на постепенно возвышающейся ровной поверхности его выдаются, подобно муравейникамъ, маленькіе коническіе зубчики или верхушки, которыя такъ обманчиво представляютъ видъ

отдаленныхъ палатокъ, что я считалъ страну эту весьма населенною, пока наконецъ Самоѣдъ не вывелъ меня изъ моего заблужденія. Въ небольшомъ разстояніи отъ насъ видно было два низкихъ ряда холмовъ, которые, уступая въ высотѣ предыдущему горному хребту и неся характеръ возвышенныхъ холмовъ Больше-земельнаго хребта, возвышаются надъ отдаленными равнинами: одинъ изъ нихъ называется Яггарей или Яггаггарейгой, т. е. кривымъ или отвращающимся хребтомъ; онъ тянется отъ ЮЮВ къ ССЗ, постепенно обращаясь къ западу, и получаетъ свое названіе отъ текущей по сосѣдству рѣки того же имени; другой, извѣстный подъ именемъ Тосоггокой, т. е. богатаго хребта, идетъ въ югозапад. и сѣверовосточномъ направленіяхъ; холмы его чрезвычайно обильны мхомъ, содержатъ въ себѣ множество песцовыхъ норъ и устланы нѣсколькими озерами, воды которыхъ обильны рыбою, а берега наполнены дикими гусями. Этому-то богатству во всѣхъ произведеніяхъ, необходимыхъ для обитателя тундры, хребетъ и обязанъ своимъ названіемъ. Тосоггокой, по видимому, примыкаетъ къ Яггарею, а этотъ послѣдній къ высшей горной цѣпи въ видѣ низенькихъ отраслей. Плоская земля и низменности простираются далѣе на западъ и на сѣверозападъ, гдѣ земля, умѣренно возвышаясь, скрываетъ отъ взоровъ путешественника цѣпь горъ Надаягой, т. е. хозяйскій хребетъ, пролегающій по одному направленію съ Маалагоемъ и Хаардараноемъ и превышающій своею высотою эти послѣдніе.

Проѣхавъ небольшое пространство по умѣренно возвышающейся землѣ, гдѣ я между прочими растеніями собралъ также: Papaver nudicaule, Parrya macrocarpa и

Saxifraga nivalis, мы очутились около обширной плоской долины, отдѣлявшей насъ отъ горной цѣпи, которая теперь лежала передъ нами во всемъ своемъ протяженіи. Самая южная часть его, Маалагой, помощію сѣдловидной впадины, отдѣляется отъ зубчатаго Хаарларапая, которому продолженіемъ служитъ менѣе возвышенная зубчатая группа горъ, не имѣющая особеннаго названія; за этой послѣдней наконецъ слѣдуетъ Надаягой, который съ двумя плоскими вершинами своими теряется на СЗ.

Земля, которая то понижалась, то снова возвышалась, привела насъ наконецъ къ довольно высокой горной цѣпи, верхушки которой образуются изъ трехъ скалистыхъ группъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сѣдловидными углубленіями и торчащихъ зубчатыми разрушившимися массами, которыя покрываются глыбами обломковъ и толстыми обрушившимися каменными плитами. Горная порода, которой эти скалы обязаны своими дикими очерками, есть твердая занозистая порода, свѣжій изломъ которой мѣстами очень ясно обнаруживаетъ строеніе мелкозернистаго песчаника. Она состоитъ изъ слоевъ, которые, будучи отъ 1 до 1½ Ф. толщиною, тянутся отъ СЗ къ ЮВ, съ маленькимъ уклоненіемъ къ ЮЗ. Порода эта обнаруживаетъ большую наклонность къ трещиноватости, образуетъ множество разсѣлинъ и потому распадается на острокрайные обломки, покрывающіе выходъ мѣсторожденія. Кварцовая порода нерѣдко принимаетъ въ свою массу тоненькія глинисто-сланцовыя пластинки, сообщающія ей сланцевидное сложеніе, въ слѣдствіе чего она незамѣтно переходитъ въ кварцовый и чистый глинистый сланецъ; этотъ

послѣдній, будучи не слишкомъ твердъ и чрезвычайно тонокъ, имѣетъ темно-сѣрый, а на освободившихся отъ глины поверхностяхъ охряножелтый побѣлѣлый цвѣтъ. Начала слоевъ этого глинистаго сланца нигдѣ не видать, потому что оно совершенно изчезаетъ подъ мелкой дресвой вывѣтрѣвшагося сланца; но привсемъ томъ очень ясно видно, что этотъ минералъ представляетъ подчиненный пластъ въ кварцовой породѣ, потому что, преслѣдуя дресву, можно замѣтить, какъ глинистый слапецъ, уподобляясь искусственно выровненной широкой ступени, проходитъ черезъ неровное мѣсторожденіе кварцовыхъ обломковъ и, переходя изъ одной скалистой группы въ другую и держась главнаго паправленія слоевъ кварцовой породы, тянется отъ ЮВ къ СЗ. — Развалившійся видъ, которымъ отличается не только Хаардарапай, но и всѣ отрасли этой сѣверной цѣпи горъ до уральскаго хребта, происходитъ отъ наклонности горныхъ породъ къ трещиноватости и отъ способствующаго тому свойства сѣверной атмосферы: горныя породы, подвергаясь вліянію сырости и морозовъ, даютъ сильныя трещины, вслѣдствіе чего онѣ распадаются и покрываютъ твердо стоящую скалу обломками, такъ что выходъ ея наконецъ совершенно изчезаетъ подъ послѣдними.

Наконецъ мы взошли и на ту вершину, которая, находясь южнѣе, была выше предыдущей, и менѣе растрескалась, нежели сѣверныя группы скалъ; она совершенно покрыта обломками и лишена всякой земли, а слѣдовательно и всякой растительности; только у подошвы ея на скудной почвѣ ростутъ нѣкоторыя растенія, какъ: Empetrum nigrum, Ledum palustre, Vacc. vitis Idaea, Salix lanata. На скатахъ ничего болѣе не

видать, кромѣ ягля, ростущаго между обломками скалъ, и коровидныхъ лишенъ, покрывающихъ гладкія поверхности каменныхъ массъ. Вершина, возвышающаяся на 1120 пар. ф. надъ уровнемъ моря, дала мнѣ возможность обозрѣть страну въ ученомъ отношеніи. На СЗ, изъ синѣющагося вдали тумана, выплываетъ плоская возвышенность Манезале, т. е. конечный мысъ (отъ мань-конецъ, и зале-вершина, мысъ). Ближе къ намъ, на СЗ видна округленная вершина Яранеи, т. е. крутая гора, а на ССВ Пазерлаха или Панзерлаха, т. е. барабановидная гора (отъ слова пазеръ или панзеръ-волшебный барабанъ Самоѣдовъ, и частицы лаха, соотвѣтствующей нашему видный). На С, въ синѣющейся дали, возвышается округленная вершина Васаимбаи или старческая скала съ покрытыми снѣгомъ скатами; эта гора, по видимому, выше всѣхъ лежащихъ въ окрестности. Нѣсколько ближе къ намъ, на ССВ, находится несравненно меньшей высоты гора Пугучембаи или старушечья скала, примыкающая къ Васаимбаю. Далѣе тянется длинная цѣпь горъ Хунтаибаи или Хунтобаи, за которой наконецъ слѣдуютъ двѣ лежащія другъ подлѣ друга вершины Войдараха. Равнины, мѣстами усѣянныя плоскими холмами, располагаются, подобно обширной долинѣ, между этими западными побочными горными цѣпями, на гребнѣ которыхъ мы находились, и между рядомъ исчисленныхъ нами горъ, которыя, за исключеніемъ Яранея и Пазерлахи, принадлежатъ къ главной цѣпи горъ, пролегающихъ по этой странѣ. Эта главная цѣпь лежитъ восточнѣе и беретъ свое начало съ хребта уральскаго, между тѣмъ какъ западныя горы примыкаютъ къ ней въ видѣ вѣтвей. Къ ВЮВ лежитъ гора Маала-

гой, отдѣляющаяся отъ Хаардараная горнымъ сѣдломъ, по направленіямъ же къ Ю, ЮЗ и З взоръ путешественика покоится на обширныхъ равнинахъ и низменностяхъ, прерванныхъ незначительными холмами и возвышеніями; наконецъ открытый видъ этотъ заключается высотой Падан, примыкающей на ЗСЗ къ Хаардарапаю.

Переступивъ кряжъ описанныхъ нами горъ, мы отправились въ дальній путь по равнинѣ, лежащей у сѣверовосточной подошвы горы. Только топкій слой перегноя, образовавшагося изъ растеній тундры, покрываетъ обширныя наполненныя обломочными породами поля, которыя располагаются у подошвы горъ и обнажаются въ руслѣ ручьевъ, стекающихъ съ горы. Проѣхавъ небольшое пространство, мы остановились у подошвы Падаягоя, чтобы подняться на эту гору. Она возвышается весьма постепенно, а плоская вершина ея, вмѣстѣ съ отлогостями, на которыхъ еще сохранились глыбы снѣга, покрыта обломочными породами; поверхность ея лишена растительности: только кое-гдѣ изъ-подъ обломковъ пробивается небольшое миловидное растеніе Andromeda tetragona. Горная порода здѣсь совершенно торжественна съ горной породой Хаардарапая: та же запозистая кварцовая порода, въ разсѣлинахъ которой образовались друзы, усѣянныя горнымъ хрусталемъ и обыкновеннымъ кварцомъ; однакожъ нигдѣ нельзя было открыть выходовъ горныхъ породъ, потому что скалистыя массы, разрушившіяся здѣсь гораздо сильнѣе, нежели на Хаардарапаѣ, скрыли все подъ своими обломками. Видъ съ вершины Падан, возвышающейся на 1476 п. ф. надъ уровнемъ моря, имѣлъ боль-

шое сходство съ тѣмъ, который представлялся намъ съ высоты Хаардарапая, съ тою только разницею, что сквозь вечерній туманъ онъ казался не совсѣмъ яснымъ; но за то къ З отдаленная поверхность океана и заливъ, обязующійся при устьѣ рѣки Коротаихи, позлащались лучами заходившаго солнца.

Плоско-холмистая земля вела насъ по направленію къ СЗ; между тѣмъ наступила ночь и небо покрылось черными тучами, которыя вскорѣ разразились сильнымъ проливнымъ дождемъ и громовыми ударами.

(23 Іюля) На утро мы подъѣхали къ рѣкѣ Гойяу, значительнѣйшему притоку Югрскаго пролива. Она течетъ по мелкому каменистому руслу, такъ что мы преспокойно переѣхали черезъ нее въ саняхъ; на правомъ берегу ея находилась палатка, въ которой мы не замедлили остановиться. Рѣка Гойяу, т. е. островское устье (отъ гой-островъ, и яу-устье), названная такъ по небольшому архипелагу, образовавшемуся въ дельтѣ широкаго устья ея, имѣетъ еще другое названіе — Гаркаиъ-Ойяу, т. е. великая, для отличія ея отъ побочной рѣки, впадающей въ нее съ лѣвой стороны и называющейся Нувенъ-Ойяу, т. е. маленькій Ойяу. Русскіе, живущіе въ этой странѣ, называютъ ее просто Великой рѣкой, и на нѣкоторыхъ картахъ она очень правильно обозначена именемъ Ойо.

Палатка, въ которой мы остановились, принадлежали одному Русскому изъ Пустозерска, бывшему въ отсутствіи, потому что стельность сѣв. оленей задерживала пустозерскихъ жителей на твердой землѣ, между тѣмъ какъ рабочій скотъ ихъ, отдѣленный отъ прочаго стада, былъ, къ счастію нашему, посланъ впередъ. Въ

это время Русскіе изъ Пустозерска обыкновенно пріѣзжаютъ сюда для ловли морскихъ животныхъ.

(24 Іюля) Къ утру подулъ сильный сѣверозападный вѣтеръ и погода сдѣлалась дождливая и сырая; густой туманъ объялъ всю страну, такъ что мы собрались въ путь не раньше какъ въ обѣдъ. У палатки мы снова переправились черезъ рѣку и вскорѣ добрались до упомянутаго притока ея, черезъ которую мы также переѣхали, оставивъ ее позади насъ. Земля здѣсь представляетъ обширныя болотистыя низменности; нѣсколько значительныхъ озеръ (у русскихъ они называются Пустынными, а у Самоѣдовъ Лымбетъ-тосъ, т. е. пустыя безрыбьи озера) и небольшая рѣка того же имени (Пустынная, а у Самоѣдовъ Лымбетъяга) остались у насъ въ лѣво. Низенькіе кустарники, которые постоянно становились рѣже и ниже, теперь почти совершенно изчезли; такъ ерникъ и Salix lanata, которые и безъ того рѣдко попадались намъ, уже совершенно потерялись изъ виду; да и Ledum palustre болѣе не встрѣчалось, значитъ, граница появленія его не доходитъ до самыхъ сѣверныхъ морскихъ береговъ континента. Только сѣверныя ивы, какъ: Salix herbacea, polaris и reticulata, Myrsinites и glauca попадались еще довольно часто; но только два послѣднихъ вида представляютъ кустарникъ въ пядень, остальные же вѣтвями и листьями своими плотно прилегаютъ къ землѣ.

(24 Іюля). Въ такомъ однообразіи низменности простираются до береговъ Югрскаго пролива, къ которому мы пріѣхали утромъ. Четыре небольшія хижины, обитаемыя русскими промышленниками изъ Пустозерска, и рядомъ съ ними нѣсколько палатокъ, принадлежащихъ

Самоѣдамъ-рыбакамъ, наконецъ маленькая часовня и нѣсколько крестовъ, какъ доказательство скромной набожности и благодаренія, возсылаемаго Провидѣнію послѣ благополучнаго окончанія опаснаго предпріятія,— все это находилось на пустомъ берегу и, казалось, грустно смотрѣло на скалистый берегъ острова Вайгача и на туманы, объявшіе Карское море.

Мы вошли въ одну хижину и встрѣтили въ ней трехъ Русскихъ, которые съ просонковъ не мало удивились приходу нашему и, протирая глаза, по видимому, хотѣли убѣдиться, на яву-ли они видятъ насъ или во снѣ. Между тѣмъ какъ хозяева наши одѣвались, я съ удовольствіемъ озиралъ теплую и чистенькую комнатку, какъ вдругъ меня поразилъ видъ книги, въ цвѣтномъ переплетѣ. Раскрывъ ее, я прочиталъ слѣдующее заглавіе: Геній хранитель несчастныхъ или тѣнь прекрасной Матильды, блуждающая между живущими. Романъ Шписа, переводъ съ нѣмецкаго. Москва 1820 г. часть III. Значитъ, это произведеніе фантазіи проникло даже къ Югрскому проливу! да, она распространилась и еще дальше и читалась даже на островѣ Вайгачѣ и на Новой Землѣ, потому что здѣсь мнѣ попалась только одна часть этого сочиненія; остальныя же части были взяты для чтенія охотниками, занимавшимися въ это время ловлею бѣлой рыбы на берегахъ Вайгача. Уже по ветхой наружности книги можно было заключить, что она много странствовала, многое испытала и доставляла читателямъ своимъ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что и промышленники единогласно утверждали, «что эта книга хороша». Теперь я обращаюсь къ тебѣ, моя возлюбленная книжечка, пріими мое отеческое благословеніе: размножь-

ся въ переводахъ, будь читаема и перечитываема и распространись, подобно Матильдѣ, отъ Костромы и Пустозерска до береговъ туманнаго ледовитаго моря, гдѣ ловятся моржи, и если можешь, отъ моря тьмы, гдѣ обитаютъ тюлени и бѣлые медвѣди, до Вайгача и Новой Земли! Къ сожалѣнію, тебѣ предстоитъ не много надежды!

Я имѣлъ намѣреніе проникнуть внутрь острова Вайгача (который, на Ивановой картѣ, простирается на 14 геогр. миль въ длину), какъ для того, чтобы познакомиться съ ея флорой, отъ которой можно было надѣяться показаній на счетъ сѣверныхъ границъ появленія нѣкоторыхъ растеній, такъ и для полученія яснѣйшаго доказательства касательно геогностической связи этого острова съ высотами континента. Но такъ какъ лѣто приходило уже къ концу, то я долженъ былъ оставить свое намѣреніе, а отправиться на ЮВ, вдоль горной цѣпи континента, для разрѣшенія сомнительной еще задачи касательно связи этой цѣпи съ хребтомъ уральскимъ. Но всеже я заблагоразсудилъ переѣхать на противолежащій берегъ острова, въ надеждѣ, что бѣглаго взгляда будетъ достаточно, чтобы вывести основательнѣйшее заключеніе о первоначальной связи этого острова съ твердой землей.

Охотничьи избы, находящіяся около Югрскаго пролива, называемаго у Русскихъ Югрскимъ Шаромъ, лежатъ подъ 69° 39' 30'' с. Ш. и подъ 60° 40' 6'' в. Д. (*), на плоскомъ берегу моря. Въ небольшомъ разстояніи отъ нихъ, по направленію къ западу, на высокомъ и неровномъ берегу, около выдающихся угловъ Тонкаго носа и Тайдовеца, обнаруживается горная порода, пред-

(*) По астроном. опред. Иванова. См. пут. Люткѣ въ руск. оригиналѣ Т. II стр. 235.

ставляющая черный или черно-сѣрый плотный известнякъ, который частію состоитъ изъ толстыхъ слоевъ ($\frac{1}{2}$ дюйма), частію же имѣетъ болѣе или менѣе сланцевидное сложеніе; главное направленіе слоевъ его сѣверозападное, хотя они впрочемъ уклоняются и на СВ., образуя уголъ наклоненія отъ 10 до 20°; окаменѣлостей въ этой породѣ небыло. Край берега покрытъ твердой каменистой глиной, которая имѣетъ множество разсѣлинъ, образующихъ удивительно правильные многоугольники (большею частію пятиугольники), на подобіе рѣчоточекъ въ сотахъ. Растительность находится только въ этихъ разсѣлинахъ, образуя на поверхности земли тѣже правильные круги и многоугольники, между тѣмъ какъ находящіяся между ними глиняныя плоскости остаются совершенно голыми. Sedum Rhodiola, Androsace Chamaejasme и villosa, Cochlearia linensis Ad., Eutrema Edwardsii, Platypetalum purpurascens R. Br., Artemisia borealis Dc. и прекрасная Nectarobothryum striatum съ бѣлыми колокольчиками,—вотъ растенія, украшающія голый вообще берегъ острова. Alopecurus alpinus попадалось намъ въ мѣстахъ, поросшихъ травою.

Приливъ спокойно смѣнился отливомъ и оставилъ на краю берега нѣсколько морскихъ растеній и животныхъ, въ изрядно измѣнившемся видѣ, а именно: раковины нѣкоторыхъ моллюсковъ и скорлуповатики, а также небольшое количество сплавнаго лѣса, который во время отлива тщательно собирается Русскими и Самоѣдами и идетъ на топливо, такъ какъ лишенная всякаго кустарника полоса земли ничего не производитъ для этой потребности.

(25 Іюля). Была веселая и теплая погода и я сѣлъ

въ лодку, чтобы отправиться на противолежащій берегъ острова, гдѣ къ утру появилась и самоѣдская палатка. Самоѣды мои, одушевленные водкою, которою я ихъ угостилъ, мигомъ привезли меня къ цѣли; на востокѣ, подобно парусамъ сильнаго флота, явились досихъ поръ нами незамѣченныя зубчатыя ледяныя горы Карскаго моря; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нашей лодки потѣшались дельфины, которые то скрывались въ глубину моря, то всплывали поверьхъ волнъ, выпуская изъ себя воду; также мы видѣли нѣсколько морскихъ зайцевъ и одного тюленя, который грѣясь на озаряемой солнцемъ скалѣ, ушелъ въ воду въ то самое время, когда мы причалили къ берегу. Растояніе этого берега отъ континента или ширина Югрскаго пролива, считая отъ Тонкаго носа, лежащаго на твердой землѣ, до Перевознаго носа, находящагося на берегу острова, всего только ½ мили; но надо замѣтить, что это самое узкое мѣсто пролива.

Около Перевознаго носа, гдѣ мы пристали къ берегу, возвышается скалистый берегъ въ 25 ф. вышиною, геогностическіе признаки котораго совершенно соотвѣтствуютъ противолежащему берегу твердой земли, потому что онъ образуется изъ того же плотнаго, лишеннаго окаменѣлостей, известняка, который и относительно главнаго направленія и уклоненія своихъ слоевъ не претерпѣваетъ ни малѣйшаго измѣненія. Горная порода острова отличается отъ континентальной только тѣмъ, что она не сланцеватая, а состоитъ изъ слоевъ различной толщины, начиная отъ ½ до 8 и 10 дюймовъ, имѣетъ плотный раковистый изломъ и, по направленію простиранія своего, пронизнута тоненькими нитями,

также слоями и жилами (3-4 д. толщиною) бѣлаго слоеватаго известковаго шпата. Послѣ такого удивительнаго сходства обоихъ береговъ въ геогностическомъ строеніи ихъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что горныя породы ихъ находятся въ связи другъ съ другомъ, что онѣ когда-то претерпѣли одинаковые перевороты и потому возвысились по одному направленію и подъ однимъ угломъ наклоненія, причемъ минералогическій характеръ горной породы измѣнился такимъ же образомъ. Что же касается до Югрскаго пролива, раздѣляющаго эти два берега, то его можно разсматривать какъ каналъ, образовавшійся изъ водъ и ледяныхъ массъ океана въ продолженіе тысячелѣтій безъ всякой насильственной катастрофы. Изъ всего этого слѣдуетъ, что возвышенности острова Вайгача суть ничто иное, какъ продолженіе горной цѣпи континента, которая, какъ мы въ послѣдствіи увидимъ, беретъ свое начало въ сѣв. части хребта уральскаго, тянется потомъ къ континенту въ сѣверозападномъ направленіи и переходитъ наконецъ на островъ. Горный кряжъ этого послѣдняго, держась того же направленія, проходитъ еще 14 геогр. миль, гдѣ прорывъ океана повторяется во второй разъ и въ гораздо большемъ размѣрѣ, образуя Карскія Ворота, отдѣляющія островъ Вайгачъ отъ Новой Земли, на нижней оконечности которой снова возвышается прежняя горная цѣпь, принимая почти неизмѣнное сѣверозападное направленіе и оканчиваясь подъ 77° С. Ш. мысомъ Желанным, представляющимъ самую сѣверную оконечность острова.

Мы отправились по берегу прямо къ самоѣдской палаткѣ, лежавшей въ небольшомъ разстояніи отъ насъ на востокѣ. У подошвы скалистаго берега лежали цѣ-

лыя кучи морскихъ травъ, между которыми было только весьма немного извѣстныхъ родовъ. Въ этомъ мѣстѣ берегъ принимаетъ плоскій видъ и образуетъ довольно большую выемку, представляющую Перевозную губу. Горная порода здѣсь ясно обнаруживаетъ свое вліяніе на образованіе берега, смотря потому, плотная–ли она, или сланцеватая, отчего зависитъ болѣе или менѣе прочная связь ея. А именно, горная порода, изъ которой составленъ плоскій берегъ Перевозной губы, отличается отъ горной породы, образующей высокій скалистый берегъ Перевознаго носа, только сланцеватымъ строеніемъ, отчего она получаетъ видъ, совершенно схожій съ наружнымъ видомъ горной породы, образующей противоположный берегъ материка. Эта сланцеватая горная порода, по сложенію своему не будучи въ состояніи противиться напору волнъ, была разрушена и унесена моремъ, которое на этомъ мѣстѣ промыло себѣ заливъ и низменный берегъ, стремясь проникать все далѣе и далѣе, между тѣмъ какъ таже горная порода, только плотнаго сложенія, образовала неровные мысы, гордо отражающіе нападенія безпокойныхъ волнъ.

Вскорѣ мы прибыли къ палаткѣ, принадлежавшей одному вольному Самоѣду–язычнику, владѣльцу небольшаго стада сѣв. оленей; мы велѣли ему приготовить для насъ нѣсколько саней, въ которыхъ поѣхали сначала по острову, но потомъ своротили на ЮЗ, къ Болванскому посу (по самоѣдски Хаесале). Болотистыя низменности острова тянутся въ обыкновенномъ своемъ однообразіи, и только среди тумановъ сѣверной дали виднѣются нѣкоторыя возвышенія, представляющія рядъ

холмовъ, наклонныхъ къ южной оконечности острова. Нѣсколько дальше мы переѣхали черезъ холмы, округленныя плоскія вершины которыхъ покрыты той же самой твердой глиной, которая находится на морскомъ берегу материка; она трещинами своими образуетъ такіе же многоугольники, какъ и тамъ, и также лишена растительности, хотя мѣстами и попадаются растенія, какъ: Papaver nudicaule, Artemesia borealis, Saxifraga caespitosa, nivalis и oppositifolia, Silene acaulis Arenaria ciliata или Spergula saginoides; всѣ они совершенно съежились и прижались къ каменистой почвѣ.

Наконецъ мы пріѣхали къ возвышенію, которое вело къ выдавшейся скалѣ, извѣстной подъ именемъ Больванскаго носа. Таже горная порода и въ тѣхъ же отношеніяхъ къ простиранію и уклоненію ея, въ какихъ мы видѣли ее у Перевознаго носа, образуетъ и здѣшній высокій берегъ (около 40 ф.), состоящій изъ перпендикулярныхъ и обрывистыхъ скалъ, висящихъ надъ зеркаломъ моря. Разрушительное вліяніе морскихъ волнъ на эту скалу обнаружилось тѣмъ, что онѣ продолбили внутри ея полый сводъ, верхняя сторона которой въ послѣдствіи провалилась и унесена водой; отъ этого образовалась полость, которая, начиная отъ подошвы, ведетъ вверхъ по скалѣ, образуя на высотѣ ея круглое отверстіе, откуда можно видѣть всю внутренность. Эта-то рѣдкость природы и была причиною, что Самоѣды, которые еще въ древнія времена приписывали этой скалѣ какую-то святость, издавна избрали ее общественнымъ мѣстомъ для жертвоприношеній, такъ что скала эта сдѣлалась извѣстною не только въ Большеземельи, и въ сосѣдственныхъ земляхъ, лежащихъ

къ востоку и западу. Уже въ 1556 г. Болванскій носъ былъ описанъ англійскимъ мореплавателемъ Стефаномъ Бурру (Burrough) (1), и въ такомъ же точно положеніи нашелъ его русскій шкиперъ Ивановъ въ 1824 г., слѣдовательно спустя почти три столѣтія (2). Теперь же, напротивъ того, видъ его совершенно измѣнился. Миссія, которая вскорѣ послѣ того начала свои дѣйствія въ самоѣдскихъ тундрахъ, истребляла огнемъ всѣ встрѣчавшіяся ей на пути общественныя мѣста Самоѣдовъ-язычниковъ, окропляя пепелища ихъ святой водой; лѣтомъ 1828 г. она проникла и въ эти отдаленныя пустыни, и древніе языческіе идолы, изъ которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій—какъ выражаются сами Самоѣды—образовалась цѣлая гора, должны были уступить свѣту новаго ученія, и вмѣсто капищъ водрузился христіанскій крестъ, который одинъ возвышается надъ скалами. Почва кругомъ его, удобренная золой сожженныхъ идоловъ и костей принесенныхъ имъ въ жертву сѣв. оленей, подернулась сѣроватымъ дерномъ изъ растенія Artemisia borealis. Только нѣсколько кусковъ заржавленнаго желѣза, принесенныхъ въ жертву прежнимъ идоламъ, разбросано мѣстами въ видѣ скудныхъ остатковъ, и два или три черепа бѣлыхъ медвѣдей, которые, не будучи истреблены огнемъ, выглядывали изъ травы. Это былъ самый сѣверный пунктъ, до котораго, слѣдуя своему призванію, дошли миссіо-

1) Hakluyt, Callect. of early vag. Ч. I стр. 313.

2) Ивановъ въ путешествіи Лютке въ рус. оригиналѣ. ч. II стр. 236. Сравни также описаніе этой мѣстности въ 1594 г. Линшотеномъ, сопутникомъ экспедиціи, посланной Голландцами въ эти страны, въ исторіи мореплаванія Аделунга стр. 132.

неры; дальше этого мѣста они не могли пробраться, потому что своихъ собственныхъ оленей, на которыхъ они разъѣзжали по тундрамъ, они оставили на материкѣ, такъ какъ ихъ нельзя было перевезти черезъ Югрскій проливъ; Самоѣды же, до сихъ поръ добровольно принимавшіе христіанскую вѣру, стали бояться, чтобы миссіонеры не проникли дальше, а потому отказывали имъ въ оленяхъ. Такимъ образомъ, неокончивъ своего дѣла на островѣ, миссія должна была возвратиться на материкъ, гдѣ она за то съ большею ревностію принялась за свое дѣло, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ.

Не смотря на удивительную кротость, руководившую миссіонерами при обращеніи Самоѣдовъ къ христіанству, многіе язычники, вѣрные религіи отцовъ своихъ, бѣжали, при одномъ слухѣ о появленіи Миссіи, за Уралъ и на ост. Вайгачъ и возвратились въ тундры не раньше, какъ по упраздненіи ея. Возвратившіеся язычники не тронули креста, водруженнаго христіанскими миссіонерами, но, не желая въ тоже время лишиться этого мѣста, освященнаго древнею памятью и страннымъ явленіемъ природы, они избрали для своихъ жертвоприношеній мѣстечко, лежащее только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ креста и по прежнему поставили здѣсь своихъ деревянныхъ идоловъ. Идолы эти представляютъ простые колья различной длины, обыкновенно отъ одного до трехъ футовъ, и имѣютъ видъ, изображенный на табл. II. На верхнихъ концахъ кольевъ вырѣзаны самымъ грубымъ образомъ черты лица человѣческаго, при чемъ, какъ кажется, образцемъ служили черты не самоѣдскаго лица, а какая-то другая норма; голова у нихъ къ макушкѣ постепенно съуживается, тогда какъ голова Самоѣда имѣ-

егъ видъ шара; лобъ и носъ выражены одной дугой, представляющей родъ свода, который выдается острымъ угломъ, отчего получается высокая лобная кость и орлиный носъ, между тѣмъ какъ выдавшіяся скулы монгольскаго племени совершенно изчезаютъ. Острый уголъ носа и лба всегда обращенъ къ Востоку (хотя впрочемъ это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ поворачивать его въ какую-угодно сторону), для того, чтобы глаза идола постоянно были устремлены на восходъ солнца. Что касается до глазъ, то они обозначаются двумя вырѣзанными линіями или точками, которыя рѣдко находятся на одной линіи; иногда глаза имѣютъ видъ круглыхъ или четыреугольныхъ полостей, или наконецъ деревяшка, представляющая идола, пробуравливается насквозь, отчего идолъ получаетъ глаза и спереди и сзади. Ротъ изображается болѣе или менѣе глубокимъ надрѣзомъ и всегда обнаруживаетъ слѣды приставшей къ нему крови, потому что Самоѣды, что бы показать большее усердіе, во время жертвоприношенія смачиваютъ губы своего идола кровью. На длиннѣйшихъ кольяхъ, служащихъ идолами, былъ навѣшанъ цѣлый рядъ оленьихъ череповъ, а вокругъ ихъ на землѣ были разбросаны копыты сѣв. оленей. Это объясняется тѣмъ, что во время закалыванія сѣверпаго оленя прежде всего удѣляется часть идолу, т. е. ему обмазываютъ губы кровью животнаго, потомъ все съѣдо мое поѣдается толпой, участвующей въ жертвоприношеніи, а кости тщательно выбрасываются, исключая черепа и копытъ, которые оставляются идолу для памяти, что ему жертва принесена.

Возвышеніе, на которомъ воткнуты самоѣдскіе бо-

ги, можетъ занять не только этнографа, но и геогностика, потому что послѣдній встрѣчаетъ на немъ свѣтло-сѣрый мелкозернистый известнякъ, который, состоя изъ неразличимыхъ слоевъ и лишенный окаменѣлостей, расположился толстымъ пластомъ (4 ф.) на плотной, темно-сѣраго цвѣта, слоеватой извести, образующей морскіе берега; но такъ какъ онъ выходитъ наружу только на самомъ незначительномъ протяженіи, то за напластованіемъ его слѣдить трудно.

Съ Болванскаго носа мы поѣхали обратно къ самоѣдской палаткѣ, слѣдуя высокому краю берега, который, подобно лежащей подъ нимъ скалѣ, свойствами своей безплодной глинистой почвы и растительности вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру, господствующему на берегахъ материка, и производитъ свойственныя морскимъ берегамъ растенія, изчезающія внутри острова. — Plantago alpina вмѣстѣ съ Artemisia borealis встрѣчаются во множествѣ, особливо на Болванскомъ носу, а прекрасная Eritrichia nana покрывала собою цѣлыя пространства. Кустарниковъ на островѣ не видать, исключая новыхъ, имѣющихъ всего четверть аршина вышины. Массы снѣга и льда сохранились еще во многихъ мѣстахъ, особливо у подошвы и въ рытвинахъ берега.

Въ саняхъ моего Самоѣда я замѣтилъ небольшой камень, укрѣпленный помощію ремня къ спинкѣ саней и тщательно завернутый въ оленьей шкурѣ; судя по крови, которою онъ былъ вымазанъ, его надо было принять за идола, и дѣйствительно, Самоѣдъ увѣрялъ меня, что это его геній хранитель, приносящій ему счастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ. Впрочемъ онъ непредставлялъ ничего особеннаго: онъ былъ поднятъ на морскомъ бе-

регу, образовавшемся изъ черной извести, былъ величиною съ обыкновенное куриное яицо и, только при самомъ пылкомъ воображеніи наблюдателя, могъ бы представлять нѣчто въ родѣ груднаго портрета человѣческаго лица, въ которомъ ротъ можно бы было узнать только по приставшей къ нему крови. Я просилъ Самоѣда уступить мнѣ этого идола, но онъ сначала какъ будто не понималъ меня, когда же предъ глазами его мелькнулъ стаканъ обворожительной водки, онъ призадумался, почесалъ себѣ ухо и наконецъ, какъ будто одержалъ надъ собою побѣду, произнесъ рѣшительно: «возьми его!» и тотчасъ же протянулъ руку за стаканомъ. Впрочемъ, по уговору, я самъ долженъ былъ отвязать идола отъ саней, чего Самоѣдъ мой низачто самъ не рѣшался сдѣлать, боясь мщенія оскорбленнаго своего патрона; а тутъ онъ утѣшалъ себя мыслію, что идолъ будетъ воображать, будто онъ не добровольно отданъ Самоѣдомъ, а скорѣй украденъ у него, и что онъ тогда можетъ избрать себѣ новаго Хая изъ лежащихъ на берегу камней. Такъ-то глупый Самоѣдъ обманываетъ своего еще глупѣйшаго идола, и точно также онъ продаетъ себя самого, свою свободу за какой-нибудь ничтожный стаканъ водки!

Небо было совершенно ясно и погода была тихая и безвѣтренная, когда мы вечеромъ возвратились на твердую землю къ нашимъ хижинамъ. За гладкою поверхностью моря видѣнъ былъ отдаленный Долгой островъ, возвышавшійся на Западѣ въ видѣ полосы плоскаго морскаго берега.

26 Іюля я пробылъ еще въ хижинахъ, лежащихъ на берегу Югрскагопролива, потому что мнѣ надо было при-

вести въ порядокъ свой гербаріумъ и написать нѣсколько писемъ, которыя я вручилъ одному охотнику, отправлявшемуся въ Пустозерскъ, съ тѣмъ, чтобы онъ отправилъ ихъ оттуда по адресу. (1). Въ заключеніе этой главы я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній касательно этой страны.

Несмотря на значительное количество соли, содержащейся въ Ледовитомъ морѣ, и на бури, свирѣпствующія на немъ, особливо въ концѣ лѣта, Югрскій проливъ почти ежегодно замерзаетъ; однакожъ онъ покрывается льдомъ не раньше какъ въ началѣ Декабря или даже въ началѣ Января, а освобождается отъ него только въ Іюнѣ. Весной Самоѣды еще свободно переѣзжаютъ со своими стадами по твердому ледяному покрывалу на островъ Вайгачъ, чтобъ провести лѣто на поросшихъ мхомъ болотистыхъ равнинахъ. Осенью же, или вѣрнѣе зимой, лишь только проливъ покроется льдомъ, они оставляютъ островъ, потому что онъ становится необитаемымъ по причинѣ ужасныхъ холодовъ и совершеннаго недостатка въ топливѣ. Разсказываютъ, что Самоѣды, когда проливъ долго не замерзаетъ, ввѣряютъ самихъ себя и стада свои льдинамъ, которыя привозятъ ихъ къ материку; правда, со стороны ихъ это большой рискъ, но если взять въ разсужденіе то, что зимованіе на островѣ Вайгачѣ, гдѣ они подвергаются холоду и голоду, для нихъ не менѣе пагубно, то оно по-

---

(1) Задержанный противнымъ вѣтромъ охотникъ пріѣхалъ въ Пустозерскъ тогда, когда уже я выѣхалъ оттуда, такъ что письма мои хотя и дѣйствительно пришли въ столицу, но только спустя двѣ недѣли по собственномъ моемъ прибытіи туда.

ведетъ на одно и тоже и отвага эта выходитъ вынужденная. Что нѣкоторые Самоѣды, по дѣламъ охоты за морскими животными, забираются къ Новой Землѣ,—то это очень вѣроятно; но я никогда не слыхалъ, чтобы тѣже Самоѣды отправлялись туда вмѣстѣ со стадами своими. Напротивъ того, островъ Вайгачъ бываетъ населенъ ими во время лѣта до самыхъ сѣверныхъ береговъ. На высотѣ выдающагося въ море мыса, лежащаго на СВ-чной оконечности острова, находится еще одинъ жертвенникъ Самоѣдовъ, представляющій высокую скалу, съ которой, при ясной погодѣ, видны берега Новой-Земли и которая также извѣстна подъ именемъ Болванскаго носа (по Самоѣдски Хаеснала или Хайсе).

Древнѣйшіе писатели и преданія поговаривали о благородныхъ металлахъ, встрѣчаемыхъ будто бы на ост. Вайгачѣ. Поводъ къ такимъ толкамъ подали безъ сомнѣнія желѣзный и мышьяковый колчеданы, которые, попадаясь также на Новой-Землѣ, принимаются многими корыстолюбивыми искателями за серебро и золото (1). Эти минералы собираются Самоѣдами между прочимъ и на мысѣ Вороновъ, лежащемъ на сѣверозападной оконечности острова, и служатъ имъ кремнями, потому что они, какъ замѣчаютъ, при столкновеніи со сталью, издаютъ отъ себя множество искръ и запахъ сѣры или чеснока. Г-нъ Эрманъ также нашелъ на скалистомъ бе-

---

(1) Уже Витзенъ говоритъ, что горы острова Вайгача блистятъ отъ находящагося въ нихъ сѣрнаго колчедана, который по наружности своей можетъ быть принятъ за золото и серебро, но на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакой цѣны! См. пут. Люткe въ нѣм. пер. стр. 9 и ссылка, дѣлаемая на Вит. II изд. ст. 916.

регу острова нѣсколько отломившихся кусковъ глинистаго сланца, которые содержали въ себѣ кубическіе кристаллы сѣрнаго колчедана (1).

Названіе острова Вайгача произведено, какъ изъ голландскаго и нѣмецкаго языковъ, такъ равно и изъ русскаго (2). Но искать происхожденіе его въ первыхъ двухъ языкахъ нельзя уже a priori, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что Русскіе первые открыли группу острововъ Вайгача и Новой Земли и уже вѣроятно тотчасъ же дали имъ свои названія, какъ это и видно по послѣднему острову; иностранные же мореплаватели давали попадавшимся имъ островамъ и берегамъ свои собственныя названія, не обращая вниманія на тѣ, которыя уже вошли въ употребленіе у жителей тѣхъ странъ; древнія путешествія полны этихъ произвольныхъ названій, несмотря на то, мы, на всемъ пространствѣ сѣвера до самаго Шпицбергена, не находимъ ни одной мѣстности, ни одного острова, названіе котораго было бы заимствовано изъ какого-либо другаго языка, кромѣ русскаго, или кромѣ языковъ приморскихъ поколѣній, какъ Самоѣдовъ, Лапландцевъ и прежней Чуди. Можно-ли послѣ этого предполагать, чтобы для острова Вайгача въ этомъ отношеніи сдѣлано было исключеніе? Названіе это такъ же мало можетъ быть произведено изъ другихъ европейскихъ языковъ, какъ Колгуевъ, Нокуевъ, Кильдинъ (3) и многія другія имена, встрѣчающіяся на

---

(1) Эрмана путеш. вокругъ земли ч. I стр. 650.

(2) Безполезныя гипотезы насчетъ этого пред. собраны въ пут. Лютке въ нѣм. пер. стр. 29—31.

(3) Лютке a. o. O. S. 31. Варандей же есть самоѣд. названіе острова, о которомъ будемъ говорить ниже.

архангельскомъ сѣверѣ, и хотя этимологія ихъ затерялась, однакожъ никто не пытался произвести ихъ изъ голландскаго или англо-сакскаго языка. Форстеръ придумалъ весьма хитрое объясненіе названія Вайгача, но Лютке опровергъ его рѣшительно (1). По этому я вмѣстѣ съ Лютке довѣряю словамъ Витзена, что островъ Вайгачъ получилъ свое названіе отъ нѣкоего Ивана Вайгача (2). У Самоѣдовъ островъ этотъ называется Хайодея или Хабидел, т. е. землей идоловъ или святой землей.

Названіе пролива «Югрскій Шаръ,» напоминаетъ намъ землю Югрію, подъ которой разумѣли пространство отъ земель, прилегающихъ къ нижней Оби, до береговъ Югрскаго пролива. Касательно происхожденія слова шаръ, которое не есть коренное русское, существовали различныя предположенія, но вопросъ черезъ то еще вовсе не рѣшился. Я полагаю, что это слово взято изъ языка чудскаго, жалкіе остатки котораго сохранились до сихъ поръ только еще во многихъ названіяхъ мѣстечекъ архангельскаго сѣвера; изъ этихъ остатковъ, не смотря на ихъ бѣдность, можно заключить, что чудскій языкъ имѣлъ болшое сходство съ языкомъ нынѣшнихъ архангельскихъ чухонъ, т. е. Зырянъ, а можетъ быть даже и замѣнялъ его. И дѣйствительно, это слово очень удобно производится изъ зыряпскаго языка, и очень можетъ быть, что не одно это слово заимствовано Мезенцами у сосѣднихъ Зырянъ и принято въ русскій языкъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ. Архангельскіе Зы-

(1) Форстера ист. Морепл. ст. 318. Лютке a. o. O. S. 30.

(2) Лютке стр. 31 и ссылка его на Вит. ко 2-му изд. стр. 915.

ряне обозначаютъ словомъ шаръ не только ручей или источникъ, но и проѣздъ между двумя островами или между однимъ островомъ и материкомъ; далѣе оно означаетъ также узкій рукавъ рѣки, который, или опять соединяется съ главною своею рѣкою, или на противоположномъ концѣ своемъ образуетъ стоячую воду безъ устья. Для такой стоячей воды у Архангельцевъ есть выраженіе Курья, между тѣмъ какъ прибрежные жители нижней Оби обозначаютъ ее словомъ *зорь*, въ которомъ опять-таки видно испорченное слово шоръ сосѣдственныхъ финскихъ поколѣній. (1).

Какъ съ одной стороны сибирское русское слово «зорь» произошло отъ зырянскаго «шоръ», такъ съ другой архангельское выраженіе шаръ образовалось изъ однозвучнаго почти шоръ, и такъ какъ то и другое служитъ для выраженія одного и того же понятія — проѣзда между двумя островами или между однимъ островомъ и материкомъ, не разбирая того, гдѣ находится подобный проѣздъ, на рѣкѣ или на морѣ: то проѣзды между островами, образовавшимися на рѣкахъ Мезени, Цыльмѣ, Печорѣ и др., вообще называются шарами, точно такъ какъ Югорской, Маточкинъ и др. шары, находящіеся на морѣ. Самоѣдамъ это слово совершенно чуждо: они, по духу своего языка, въ которомъ нѣтъ буквы

---

(1) Выраженіе это, какъ полагалъ Эрманъ, не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ словомъ озеро, см. пут. его вокругъ свѣта I. стр. 534. Слово полынья или полынья (но не полынья, какъ пишетъ Эрманъ), т. е. непокрытое льдомъ мѣсто на рѣкѣ или на морѣ, также мало имѣетъ общаго со словомъ полоса (а не полоса), хотя оно впрочемъ произволится отъ слова полый т. е. открытый (но не пустой). Архангелецъ также говоритъ «рѣка пола», т. е. свободна отъ льда, какъ «двери полья», т. е. открытыя двери.

звука *ша*, выговариваютъ его *сарь*, точно такъ какъ вмѣсто *кошка* они говорятъ *косха*. Тоже самое понятіе въ ихъ языкѣ выражается словомъ народъ, если проѣздъ такъ мелокъ, что черезъ него можно проѣхать въ саняхъ, и словомъ пой или гомбойи (что въ буквальномъ переводѣ значитъ вода между островами), если глубокое море раздѣляетъ острова.—Подъ словомъ салемалъ или мал-сале (отъ сале, вершина, возвышеніе, мысъ, и малъ—конецъ, крайняя граница) Самоѣды разумѣютъ самый наружный конецъ мыса, и очень можетъ быть, что Архангельцы заимствовали отъ нихъ слово салма, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляется въ одномъ значеніи съ шаромъ, потому что Русскіе понимаютъ подъ словомъ салма проѣздъ между двумя оконечностями земли, тогда какъ у Самоѣдовъ салемалъ означаетъ самую оконечность. Морская губа у Самоѣдовъ называется *наха*, а плоскій морской берегъ съ твердой почвой—*мара*. Савтагохъ (буквально—невидимый островъ) у нихъ значитъ неглубокое мѣсто или мель, которая не выдается наружу, хасуйгохъ (сухой островъ) означаетъ мель, высовывающуюся изъ воды; у Русскихъ же оба эти понятія заключены въ одномъ словѣ-мель, хотя у Архангельцевъ есть для этого болѣе спеціальное выраженіе, заимствованное у Лапландцевъ, а именно *кошка*.

Восточные берега ледовитаго моря посѣщаются Русскими, особливо изъ Пустозерска, съ цѣлію производить здѣсь охоту за морскими звѣрьми и рыбную ловлю. Что касается до этой послѣдней, то она производится большею частію на материкѣ; здѣсь ловятъ преимущественно Омылей (Salmo Omul Pall.), которые по-

падаются въ такомъ большомъ количествѣ, что прибрежные Самоѣды питаются ими цѣлое лѣто; кромѣ того ловятъ сиговъ и лососей, хотя не въ такомъ множествѣ какъ омулей. Морскія животныя, составляющія предметъ охоты, суть: моржи (Trichecus rosmarus L.), которые ловятся преимущественно на берегахъ Новой Земли, рѣже на материкѣ; потомъ дельфины или бѣлуха (Delfinus Leucas L.), и различные роды тюленей, а именно: Нерпа (Ploca hispida Fabr.), морской заяцъ (Phoca albigena Pall.), гренландскій тюлень или Сѣрка (Ph. groenlandica Müll.) и т. д. У охотниковъ въ различныхъ пунктахъ есть становища (станціи), гдѣ построены ихъ хижины, въ которыхъ они иногда зимуютъ; но большею частію они возвращаются на зиму въ свои селенія, вмѣстѣ со стадами сѣв. оленей, которыя во время охоты пасутся въ тундрахъ подъ присмотромъ наемныхъ Самоѣдовъ или въ близи самихъ владѣльцевъ. На Новой Землѣ охотники болѣе всего навѣщаютъ югозападный берегъ у Костина шара, впрочемъ они пробираются и гораздо дальше на сѣверъ. На островѣ же Вайгачѣ самое выгодное для ловли мѣсто есть Ламчина губа, гдѣ ежегодно собирается множество дельфиновъ; потому-то охотники, имѣющіе постоянное свое жилище въ хижинахъ, лежащихъ около Югрскаго пролива, всякій годъ отправляются на островъ къ упомянутому заливу. Мѣстность эта чрезвычайно приспособлена къ ловлѣ рыбы, потому что здѣсь, недалеко отъ берега, находится небольшое озеро, которое соединяется съ заливомъ посредствомъ канала: дельфины, плывущіе обыкновенно цѣлыми сотнями, подымаются по этому каналу, гдѣ обратный путь имъ загражденается раскинутыми сѣтями,

и окруженные со всѣхъ сторонъ животныя убиваются копьями. Количество добываемой такимъ образомъ рыбы бываетъ различно, смотря потому, какъ идетъ рыба; въ иные годы ея чрезвычайно много, въ другіе она появляется въ небольшомъ количествѣ. Что касается до охоты прибрежныхъ Самоѣдовъ, то она ограничивается только ловлею омылей и нѣкоторыхъ тюленей, потому что недостатокъ въ большихъ лодкахъ и необходимыхъ снарядахъ непозволяетъ имъ принимать участіе въ значительнѣйшихъ охотахъ; притомъ же у Самоѣдовъ и нѣтъ того предпріимчиваго духа.

Между всѣми обитателями этихъ странъ сохранилось преданіе, подтверждаемое даже исторіею,—что самая крайняя сѣверовосточная часть европейской Россіи въ прежнія времена (когда страна эта ели-ели была извѣстна) была обитаема совершенно другимъ племенемъ, нежели которое занимаетъ ее теперь. Племя это, равно и многія другія, говорящія не русскимъ языкомъ, извѣстно у Русскихъ подъ общимъ названіемъ *чуди*, т. е. чужаго народа. Самоѣды называютъ ихъ Сіирге и съ увѣренностію говорятъ, что они жили въ этой странѣ до нихъ, но что потомъ они ушли будто подъ землю. Такъ одинъ Самоѣдъ Малоземельной тундры разсказывалъ мнѣ, что въ настоящее время Сіирты живутъ подъ землею, потому что они не могутъ видѣть солнечнаго свѣта; хотя они и говорятъ своимъ собственнымъ языкомъ, однакожъ они понимаютъ и по-самоѣдски; «однажды,» продолжалъ онъ, «одинъ Ненецъ (т. е. Самоѣдъ), копая яму на какомъ-то холмѣ, вдругъ увидѣлъ пещеру, въ которой жили Сіирты. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему: оставь насъ въ покоѣ, мы страшимся солнечнаго

свѣта, который озаряетъ вашу страну, и любимъ мракъ, господствующій въ нашемъ подземельи, впрочемъ вотъ дорога, которая ведетъ къ богатымъ соплеменникамъ нашимъ, если ты ищешь богатствъ, а мы сами бѣдны. Самоѣдъ побоялся слѣдовать указанному ему мрачному пути, а потому скорѣй закрылъ вырытую имъ пещеру. Но это извѣстно,» продолжалъ разскащикъ, «что Сіирты большею частію богачи: у нихъ чрезвычайно много серебра и мѣди, желѣза, олова и свинца; да и какъ имъ не имѣть всего этого, когда они живутъ подъ землею, откуда, какъ говорятъ, всѣ эти предметы добываются?« Объ этой Чуди или Siirte сохранилось множество такихъ преданій. Такъ напр. я слышалъ отъ одного толковаго Мезенца, что на рѣкѣ Мезени, около 60 в. отъ селенія Вожгоры, находится мѣстечко Чучапала, обитаемое Чудью, которая во время войны съ Новгородцами была отсюда изгнана; но Русскіе преслѣдовали бѣжавшую Чудь, настигли ее въ 30 верстахъ отъ Чучапалы и совершенно уничтожали это племя: одна часть его погибла отъ меча русскаго, а другая нашла себѣ смерть въ волнахъ рѣки, отчего часть этой послѣдней и до сихъ поръ еще сохранила названіе Кровавой Плюсы. Что касается до жилищъ чудскихъ, то они были обращены въ русскую деревню, которая, въ память этому событію, была названа Чудь-пала, перемѣнившейся въ теченіи времени на Чучапалу. Кромѣ того на правомъ берегу Мезени, въ 50 в. отъ города Мезени, находится большое село Кузьминъ Городокъ, о которомъ преданіе говоритъ, что оно было въ прежнія времена чудскимъ городкомъ, отчего и до сихъ поръ еще сохранилось названіе городка. Чуквиска, одинъ изъ

приговоръ Розы, есть вѣроятно испорченная Чудь-виска, т. е. чудская рѣчка, изъ которой видно, что *виска* есть обрусѣлое чудское слово; въ немъ узнается нынѣшнее зырянское слово висъ, означающее рѣчку и сродное съ финскимъ вези. Наконецъ въ Пустозерскѣ есть нѣсколько русскихъ, а въ Ижмѣ нѣсколько зырянскихъ семействъ, которыя ведутъ свой родъ отъ чудскаго племени. Изъ крестьянскихъ семействъ, находящихся въ Пустозерскѣ, между прочимъ замѣчательны семейства Хабарова и Сумарокова; но къ несчастію моему, старикъ Иванъ Хабаровъ, обитатель Тельвиски, отъ котораго я надѣялся получить нѣкоторыя подробнѣйшія свѣдѣнія касательно Чуди, былъ въ отсутствіи въ то самое время, когда я находился въ Пустозерскѣ.

Кромѣ преданій и названій нѣкоторыхъ мѣстечекъ, въ которыхъ сохранилась память объ обитателяхъ этой страны, остались еще видимые слѣды ихъ пребыванія въ этомъ мѣстѣ, а именно тѣ же подземныя пещеры, которыя встрѣчаются по нижнему теченію Печоры и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ и которыя у Русскихъ извѣстны подъ названіемъ чудскихъ пещеръ или чудскихъ кургановъ; рѣка Печора, безъ всякаго сомнѣнія, обязана своимъ названіемъ этимъ подземнымъ пещерамъ. (1) Неизвѣстно, почему Чудь обитала подземныя

(1) Печора есть славянское выраженіе, соотвѣтствующее русскому слову пещера. Такъ мѣстечко и монастырь Печора, находящіеся въ Изборскомъ уѣздѣ Псковской губ., граничащей къ Лифляндіи, получили свои названія отъ подземныхъ пещеръ, которыя были вырыты въ мягкомъ песчаникѣ живущими по близости монахами и въ которыхъ эти послѣдніе основали подземную церковь и устроили изъ подземныхъ ходовъ катакомбы.

пещеры, когда она точно также могла имѣть свои хижины и надъ землею, особливо въ лѣсахъ, гдѣ отчасти также встрѣчаются ихъ пещеры; мы знаемъ только то, что она дѣйствительно жила въ нихъ, потому что они распространены по всему архангельскому сѣверу и по всей вѣроятности дали свое названіе всѣмъ жителямъ, обитавшимъ въ области рѣки Печоры; поэтому-то Чудь не есть самоѣдское племя, а чисто финское, и притомъ то самое, которое въ области рѣки Двины приведено Несторомъ подъ именемъ Заволоцкой Чуди. Очень можетъ быть, что имъ трудно было обработывать крѣпкія сѣверныя деревья, особливо тѣми дурными несовершенными инструментами, которыми они обладали, что сѣверная страна не производила хорошаго строеваго лѣса и что потому домы, построенные изъ него, не могли вполнѣ укрывать ихъ отъ жестокихъ морозовъ и холодныхъ вѣтровъ.

Что касается до дальняго сѣвера, то пещеры, которыя здѣсь особенно многочисленны, представляютъ самый удобный и самый естественный родъ жилищъ, потому что онѣ гораздо лучше защищаютъ обитателей своихъ отъ холодовъ и вѣтровъ, нежели надземныя хижины, которыя въ продолженіе 9 мѣсяцевъ полярной зимы требуютъ неимовѣрнаго количества топлива, между тѣмъ какъ страна эта лишена лѣса, сплавнаго же, выбрасываемаго изъ моря во время прилива, далеко не достаетъ для удовлетворенія потребности всѣхъ живущихъ здѣсь жителей. Мнѣ кажется, что эти пещеры и хижины были предназначены не для зимованія въ нихъ, а скорѣй для временнаго пребыванія ихъ владѣльцевъ, которые, по примѣру полукочевыхъ Лапланд-

цевъ, проводили лѣто на берегахъ ледовитаго моря или на берегахъ рѣкъ, обильныхъ рыбою,—съ цѣлію производить здѣсь охоту и рыбную ловлю, а на зиму перебирались со своими стадами подъ нисшія широты, поселялись въ лѣсахъ, подобно нынѣшнимъ номадамъ. Нынѣшніе жители Пустозерска поступаютъ точно также, съ тою только разницею, что они живутъ на берегахъ ледовитаго моря не въ подземныхъ пещерахъ, а въ хижинахъ, которыя имъ не трудно строить, потому что доставка лѣса на судахъ имъ ничего не стоитъ; тогда какъ полукочевая Чудь, не имѣя судовъ для привоза строеваго лѣса, по необходимости должна была жить въ подземныхъ пещерахъ. Лопари, живущіе на сѣверныхъ берегахъ русской Лапландіи, до сихъ поръ еще не построили себѣ ни одной хижины, а довольствуются во время лѣта простыми шалашами изъ хворостняка.

Итакъ, если вѣрить тому, въ чемъ впрочемъ все насъ убѣждаетъ, что Чудь, — подобно Лопарямъ, которые, занимая весь западъ до самой Норвегіи, отличаются своимъ образомъ жизни отъ своихъ южныхъ единоплеменниковъ Финновъ,—завела на сѣверѣ полукочевую жизнь, то очень легко разрѣшается вопросъ, почему она устроила себѣ жилища сперва только на самомъ сѣверѣ, а потомъ и южнѣе, но всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно было производить охоту и рыбную ловлю, а именно на берегахъ обильныхъ рыбою рѣкъ, преимущественно при впаденіи ихъ въ море; выборъ этихъ пунктовъ былъ весьма естественъ, потому что, спустя нѣсколько столѣтій, и Русскіе, отправлявшіяся на самый сѣверъ для той же цѣли, завели свои жилища въ этихъ же мѣстахъ. Самыя западныя чудскія пещеры, о которыхъ у насъ

сохранились извѣстія, лежатъ близъ устья рѣки Индеги, впадающей въ морскую губу Чошу, т. е. ниже того мѣста, гдѣ въ настоящее время поселился Василій Поповъ. Я не освѣдомлялся касательно этого предмета, потому что мы имѣемъ уже свѣдѣнія объ немъ отъ Витзена (1). Еще западнѣе, но въ тоже время гораздо южнѣе, лежатъ, какъ полагаютъ, подземныя пещеры, большая часть которыхъ находится вмѣстѣ близъ упомянутой деревни Чучапалы, по берегу рѣки Мезени; однакожъ я имѣю много причинъ сомнѣваться въ ихъ существованіи, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія объ нихъ я получилъ отъ мезенскаго мѣщанина, который не самъ ихъ видѣлъ.

---

(1) Witsen Noord en Oost Tat. стр. 600 а. в. «Если подиятся вверхъ по рѣкѣ Индегѣ, то на пути встрѣчается мѣстечко Городище (т. е. оставленное мѣсто, гдѣ стоялъ городъ, точно такъ какъ чумовище означаетъ пустое мѣсто, гдѣ стояла палатка), гдѣ въ древнія времена жилъ народъ, называемый Чудью; народъ этотъ велъ войну съ Русскими, но теперь совершенно исчезъ и отъ древняго города его остались только одни валы. Въ настоящее время здѣсь построены жилище и погребъ, принадлежащіе Русскимъ изъ Пинеги, которые платятъ въ Москву ежегодную дань соколами; для ловли ихъ они пріѣзжаютъ сюда всякую осень и остаются здѣсь до Рождества, производя торговлю съ Самоѣдами. Кромѣ того они ловятъ здѣсь въ рѣкѣ множество рыбы. Рѣка Индега очень богата рыбой, а именно въ ней водятся: Лососы, кипжи (Salmo leucomoenis Pall), гольцы (S. alpinus Fabr.), нельмы, сиги: также щуки, камбалы, окуни, наваги (Gadus navaga), которыя въ другихъ земляхъ неизвѣстны. По обѣимъ сторонамъ этой рѣки находятся прекрасныя пастбища, а въ 4 миляхъ отъ устья — пространный еловый лѣсъ, называемый здѣсь ельникомъ. Воздухъ здѣсь очень умѣренъ и очень жалко, что мѣстечко Городище не населено; однакожъ сомнительно, чтобы здѣсь родился хлѣбъ.

На дельтѣ, образуемой устьемъ Печоры, упоминается еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ находятся чудскія пещеры, а именно: островъ Конзеръ, того же имени мысъ, лежащій около самаго устья Печоры, деревня Норыга и наконецъ Пустозерской городокъ, находящійся въ 8 вер. къ востоку отъ Пустаго озера. Однакожъ во время пребыванія моего въ этихъ мѣстахъ здѣшніе жители не могли удовлетворить моего любопытства на счетъ ихъ. Г-нъ Лилья, уѣздный судья въ Пинегѣ, бывшій долгое время землемѣромъ въ Пустозерскѣ, увѣрилъ меня въ существованіи подземныхъ пещеръ въ этихъ мѣстахъ, хотя я прежде и сомнѣвался въ этомъ, потому что тамъ вмѣсто пещеръ очень удобно было строить хижины, имѣя подъ рукой обильные лѣса. Въ холмахъ, лежащихъ по берегамъ Сіиртеты, притока Кары (другія, менѣе правдоподобныя извѣстія приводятъ самую Кару), говорятъ, также встрѣчаются чудскія пещеры, въ которыхъ нѣкогда даже были найдены мѣдные и чугунные котлы, вмѣстѣ съ остатками олова и свинца. Наконецъ на правомъ берегу Коротаихи, близъ устья ея, находится 5 или 6 земляныхъ холмовъ, внутри которыхъ обитала Чудь; холмы эти и теперь еще извѣстны у Самоѣдовъ подъ именемъ Сіиртеса, а у Русскихъ подъ именемъ кургановъ, и въ существованіи ихъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ онѣ не только очень хорошо извѣстны Самоѣдамъ и русскимъ охотникамъ, но и описаны Архимандритомъ Веніаминомъ, который самъ бывалъ въ нихъ. Я самъ не видалъ этихъ интересныхъ остатковъ, потому что они лежали мнѣ не по пути. Самоѣдъ же, который былъ въ нихъ, описалъ мнѣ ихъ слѣдующимъ образомъ. Ихъ

, въ томъ мѣстѣ 5 или 6 холмовъ, почти четырехугольныхъ, такъ что они повидимому были сдѣланы человѣческими руками; внутренность ихъ пуста и представляетъ 4 угольное пространство, стѣны котораго вытесаны балками, на подобіе русскихъ жилыхъ комнатокъ; только крыши у нихъ не были покрыты тесомъ, отчего они почти во всѣхъ пещерахъ провалились, или, какъ полагаютъ, разрушены промышленниками, искавшими добычи. Двери или выходы этихъ подземныхъ хижинъ были низки и всѣ обращены къ востоку. Самоѣдъ этотъ нашелъ внутри этихъ жилищъ нѣсколько кусочковъ тетевы, сплетенной изъ травъ (1), также нѣсколько кусковъ моржоваго клыка и остатки заячьей кожи. У товарищей своихъ онъ видѣлъ свинецъ, а равно особеннаго устройства ножъ, найденный въ этихъ же чудскихъ пещерахъ.

«Изъ всего этого,» говоритъ разскащикъ, легко заключить, что Сіирты, подобно нынѣшнимъ Самоѣдамъ, находились на морскихъ берегахъ единственно для рыбной ловли и охоты за морскими животными. Самоѣды

---

(1) Можетъ быть изъ крапивы, которая, какъ извѣстно, приготовляется сѣверными народами для пряжи и тканья. Johann Bernh. Müller разсказываетъ объ Остякахъ (См. жизнь и обычаи Остяковъ стр. 30) слѣдующее: Они умѣютъ обработывать крапиву какъ ленъ и дѣлать изъ нея полотно И у Башкирцевъ крапива приготовляется для тканья (Georgi Beschr. d. Nationen d. russ. R. I. стр 177), а о Самоѣдахъ, подъ которыми здѣсь разумѣются въ особенности сибирскіе, граничащіе съ Остяками, говорится въ томъ же соч. (стр. 280): «Гдѣ растетъ крапива, тамъ она идетъ, какъ у Башкирцевъ и др., на пряжу, а не на тканье; изъ нея дѣлаютъ нитки, сѣти и канаты.» Архангельскіе Самоѣды ничего не знаютъ объ этомъ употребленіи крапивы и потому приготовляютъ себѣ упомянутыя вещи изъ оленьихъ жилъ.

также полагаютъ, что Чудь,—не смотря на то, что она представляла совершенно другой народъ и говорила другимъ языкомъ,—во многомъ согласовалась съ ними, особливо въ образѣ жизни; что будто она, подобно имъ, вела кочевую жизнь и имѣла стада сѣв. оленей, что подтверждается кой-какими слѣдами ихъ палатокъ, оставшимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тундры. Хотя я и не вхожу въ разсмотрѣніе этого послѣдняго обстоятельства, однакожъ не могу себѣ представить, чтобы народъ, живущій въ сѣв. тундрахъ, могъ вести какую-нибудь другую жизнь, кромѣ кочевой.

Мнѣніе наше, что первоначальными обитателями самоѣдскихъ тундръ была финская Чудь, подтверждается наконецъ многими названіями мѣстностей, ясно обнаруживающими финское происхожденіе, тѣмъ болѣе, что они не русскія и что тѣ же самыя мѣстности названы у Самоѣдовъ совершенно иначе. Названія эти встрѣчаются въособенности между большими прибрежными рѣками, какъ Вижасъ, Ома, Волонга, Индега, Вельтъ, Коротаиха и мн. др.; устье Печоры особливо богато такими названіями, а именно: Куя, Норыга, Тельвиска, Оксина, Конзеръ, Вандехъ и др. Впрочемъ названія эти не извѣстны на самомъ востокѣ, хотя и здѣсь были чудскія жилища; это происходитъ отъ того, что отдаленнѣйшіе берега сдѣлались извѣстными Русскимъ только впослѣдствіи и то черезъ Самоѣдовъ, почему всѣ здѣшнія названія взяты изъ языка Самоѣдовъ: Ойо или Великая, Талата, Салова, Кара. Южнѣе же, а именно во всей области рѣки Узы, до сихъ поръ еще сохранились зырянскія названія, хотя здѣсь никогда не жили Зыряне, а еслибы эти послѣдніе узнали эту страну черезъ Самоѣ-

довъ, то они вѣрно приняли бы и самоѣдскія названія для здѣшнихъ мѣстностей; однакожъ она уже издавна была имъ извѣстна и во время лѣта служила, какъ имъ, такъ и южной Чуди и единоплеменникамъ нашихъ полукочевыхъ сѣверныхъ обитателей пещеръ, мѣстомъ рыбной ловли и охоты, точно такъ, какъ для сѣверной Чуди служили устья прибрежныхъ рѣкъ. Такъ притоки Печоры и до сихъ поръ еще носятъ зырянскія названія, въ которыхъ слышны звуки чудскаго языка, равно большая часть побочныхъ рѣкъ Цильмы и Розы, гдѣ въ настоящее время Зыряне болѣе не встрѣчаются и гдѣ при рѣкѣ Мезени мы снова находимся въ области Заволоцкой Чуди. Что касается до того, какъ далеко по Печорѣ простираются жилища осѣдлой Чуди, гдѣ они оканчиваются и гдѣ начинается кочевая жизнь прибрежной Чуди, обитавшей въ пещерахъ, — то это неизвѣстно и трудно узнать; но тѣмъ не менѣе въ этомъ случаѣ можетъ быть допущена гипотеза: мѣстечко Чуксина, лежащее на правомъ берегу Печоры, въ двухъ верстахъ выше Устьцильмы, именемъ своимъ такъ сильно напоминаетъ намъ Чудь кончену или Чудь кончину (т. е. конецъ Чуди), что нельзя не допустить, что жилища осѣдлой Чуди простирались до этого мѣстечка, откуда начиная, берега рѣки Печоры на довольно большое протяженіе оставались необитаемыми, послѣ чего также Чудь встрѣчается въ видѣ полукочеваго Печорскаго народа не ближе какъ около устья Печоры. Здѣсь мы опять замѣчаемъ большую аналогію съ живущими на сѣверѣ Русскими: Устьцильмцы, какъ земледѣльцы, еще привязываются къ почвѣ, жители же Пустозерска, напротивъ того, не видя никакой пользы отъ земли, возла-

гаютъ всю свою надежду на жидкую стихію и потому представляютъ настоящихъ полукочевомъ: зимой вы ихъ встрѣтите на отечественныхъ берегахъ, а лѣтомъ они, подобно прежней полукочевой Чуди, разсѣваются по всѣмъ морскимъ берегамъ сѣвера; такимъ образомъ одна и таже почва всегда обусловливаетъ одинакія обстоятельства жизни.

IX.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОТЪ ЮГРСКАГО ПРОЛИВА КЪ УРАЛУ.

Въ полдень 27 Іюля я оставилъ хижины, стоявшія при Югрскомъ проливѣ, и на оленяхъ, доставленныхъ мнѣ изъ близлежащей самоѣдской палатки, пустился на востокъ вдоль берега, который, будучи частію ровенъ и скалистъ, частію плосокъ, сохранилъ на скатахъ своихъ еще множество глыбъ снѣга и состоялъ изъ песчаной и глинистой почвы. По дорогѣ я встрѣтилъ нѣсколько незначительныхъ рѣкъ, а именно: *Хайяту*, т. е. рѣку идоловъ, у Русскихъ Никольская, которая изливается около самыхъ хижинъ, *Хороягу*, т. е. оленью рѣку, и Гаптеягако, т. е. вонючій ручей, названный такъ по причинѣ неблаговонныхъ испареній одного болота, изъ котораго онъ беретъ свое начало. Мы безъ труда перешли черезъ всѣ эти рѣки и пріѣхали къ устью Великой, которая въ этомъ мѣстѣ значительно расширилась и образовала нѣсколько низменныхъ песчаныхъ острововъ, которымъ она и обязана своимъ самоѣдскимъ именемъ; острова эти называются у русскихъ охотниковъ Сторожевыми. Это мѣстечко отстоитъ отъ хижинъ, лежащихъ при устьѣ рѣки Ни-

кольской, почти на 8 верстъ. Съ помощію нѣсколькихъ лодокъ, находившихся у Самоѣдовъ въ запасѣ, мы счастливо переправили свои сани и поклажу на другую сторону и пріѣхали къ мѣстечку лежащему на правомъ берегу рѣки, гдѣ находилось 5 самоѣдскихъ палатокъ вмѣстѣ и гдѣ мы рѣшились перепочевать. Обитатели палатокъ были крещеные Самоѣды. Между тѣмъ какъ мужчины привѣтствовали меня своимъ «таровво, таровво!»—между собой Самоѣды никогда не здороваются, у нихъ даже нѣтъ выраженія для этого, а потому они, при встрѣчѣ съ Русскими, всегда употребляютъ одно и тоже слово «здорово!» которое они по свойственному языку ихъ ударенію, переиначиваютъ въ таровво,—женщины боязливо отошли въ сторону и поклонились намъ съ чрезвычайно смѣшнымъ жестомъ глубочайшаго почтенія.

Неровный край скалы, выдающейся въ море при устьѣ Гайяу или Великой, и здѣсь образуется изъ чернаго или сѣрочернаго известняка, который появляется въ тѣхъ же отношеніяхъ простиранія и уклоненія и, подобно известняку, изъ котораго образовался, какъ мы видѣли, Перевозный мысъ на островѣ Вайгачѣ, пропитанъ бѣлымъ известковымъ шпатомъ, въ видѣ гнѣздъ, тонкихъ слоевъ или жилокъ, тянущихся по всѣмъ направленіямъ. Густой туманъ, покрывавшій однокій скалистый берегъ, объялъ и ледяныя горы Карскаго моря, зубчатая кайма которыхъ едва была примѣтна на отдаленномъ горизонтѣ.

(28 Іюля) При ЮЮЗ вѣтрѣ небо было плотно покрыто тучами; туманъ и дождь совершенно окружили насъ и мы ѣхали къ Ю и ЮВ по болотистымъ низменностямъ, послѣ чего земля, по видимому, постепенно на-

чала возвышаться и сдѣлалась холмистою. Къ вечеру мы снова увидѣли кустарники Betula nana, Salix lanata и livida, также Rubus arcticus. Намъ пришлось переправиться черезъ два притока Великой: *Іензорѣяку*, т. е. Бѣлую рѣку, названную такъ потому, что въ руслѣ ея, между гальками черной извести, встрѣчаются также гальки бѣлаго известковаго шпата, — и *Опусияю*, т. е. Безлодочную, русло которой такъ мелко, что охота на гусей здѣсь можетъ производиться безъ помощи лодки. При устьѣ этой послѣдней лежитъ гора Опуси. Около ручья, протекающаго между неровными скалистыми берегами, я опять нашелъ черный известнякъ морскихъ береговъ, проникнутый бѣлымъ известковымъ шпатомъ. Мы переночевали въ самоѣдской палаткѣ.

(22 Іюля) Такъ какъ Самоѣды насъ предупреждали, что они не знаютъ ни одной палатки, которая бы находилась въ разстояніи одного дня пути отъ нашего ночлега, то мы взяли съ собой палатку и хозяйку, которая бы распоряжалась ею, а также нѣсколько запасныхъ оленей, отчего процессія наша походила на кочующій караванъ. Послѣ тихой ночи подулъ сильный СВ вѣтеръ, разогнавшій густой туманъ. Главный хребетъ земли оставался у насъ влѣво, а слѣдующія отдѣльныя возвышенія лежали по направленію его, начиная отъ самыхъ крайнихъ концовъ его около Югорскаго пролива далѣе внутрь материка; изъ нихъ тянутся здѣсь: Манесале, т. е. конечная вершина или конечный мысъ, послѣдняя возвышенная точка около моря, гдѣ хребетъ понижается близъ восточнаго исхода пролива, чтобы на островѣ Вайгачѣ снова подняться въ видѣ скалистыхъ мысовъ Коня-камня, Сухаго носа, Твистека

(Twisthoek) и Круйсхека (Kruyshoek) Голландцевъ съ тѣми же горными породами. (1) Далѣе отъ берега слѣдуетъ *Суввумбай*, т. е. зимняя скала, названная такъ по множеству озеръ, которыя, находясь въ ея окрестностяхъ, изобилуютъ рыбой и дикими гусями, такъ что Самоѣды, запасаясь здѣсь во время лѣта съѣстными припасами, преспокойно могутъ зимовать въ этомъ мѣстѣ. Потомъ слѣдуютъ: *Париденокай*, т. е. Черная скала, названная такъ по наружному ея виду; Надайпай, т. е. Мшистая скала, округленная вершина которой покрыта обильнымъ яглемъ, и *Пеумбай*, у подошвы которой вела наша дорога; на послѣднюю изъ нихъ я поднялся и нашелъ, что она возвышается на 765 п. ф. надъ уровнемъ моря. Она образуется изъ глинистаго сланца, который, подобно прежней кварцовой породѣ, обнаруживаетъ большую наклонность къ трещиноватости, почему вершина ея большею частію покрыта голыми обломочными породами, среди которыхъ возвышаются группы зубчатыхъ скалъ, между тѣмъ какъ скаты ея усѣяны растительностію тундры. Эта зеленоватосѣрая и плотная горная порода, имѣющая большею частію толстые или непримѣтные слапцы, принимаетъ въ свою массу кварцъ и полевой шпатъ, которые иногда, какъ это бываетъ на

---

(1) См. Linschotens Bericht v. Corn. Nay's u. Brand Yssbrand's Reise in Adelungs Gesch. d. Schiff. u. Vers. стр. 133, гдѣ изъ скудныхъ извѣстій о свойствѣ ЮВ оконечности Вайгача можно заключить по крайней мѣрѣ то, что эти скалы образуются изъ тѣхъ же горныхъ породъ, о которыхъ мы говорили. Ср. также Lütké's Reise стр. 31 для поясненія голландскихъ именъ.—Извѣстіе Иванова очень сухо и неполно; описывая эти берега, онъ говоритъ только о скалахъ и горныхъ породахъ, ни разу не упоминая о цвѣтѣ, а тѣмъ менѣе о свойствахъ ихъ.

группѣ скалъ, обнаруживающейся около подошвы горы, появляются въ одно время съ хлоритовымъ минераломъ, и въ такомъ множествѣ, что она совершенно теряетъ свое сланцевидное сложеніе, принимая вмѣсто него крупнозернистое кристаллическое строеніе и видъ сплошной горной породы, имѣющей сходство съ протогиномъ. Гора эта получила свое названіе отъ рѣчки, которая вытекаетъ изъ близлежащаго озера и называется Невьягой, гдѣ слово невъ выражаетъ начало, которое текучая вода беретъ изъ какого-нибудь озера, между тѣмъ какъ источникъ рѣки вообще, а не именно изъ озера, обозначается просто словомъ *мали*, конецъ).

Мы переѣхали черезъ эту рѣчку, имѣющую въ этомъ мѣстѣ отвѣсные скалистые берега, которые опять-таки образуются изъ чернозѣрой извести, пропитанной во всѣхъ направленіяхъ пластами и жилами бѣлаго известковаго шпата, такъ что, начиная отъ морскаго берега до этого мѣста, вездѣ, повидимому, господствуетъ одна и таже горная порода; впрочемъ это послѣдній пунктъ, гдѣ она появляется въ самостоятельномъ видѣ. Для ночлега мы избрали себѣ холмъ въ виду горы Тоондеlахи (отъ слова тоонде, выражающаго переднюю поперечную доску саней, объ которую упираются ноги, и отъ частички лаха, соотвѣтствующей нашему слову «видный» или «образный»), гдѣ и раскинули палатку.

(30 Іюля) Поименованная гора, т. е. Шиповидная, получила свое названіе отъ удлиненныхъ на подобіе шиповъ верхушекъ, образующихъ ея вершину, и находится въ горной цѣпи, которая, пролегая отъ ВЮВ къ ЗСЗ, тянется въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главна-

го хребта, соединяющагося съ нею въ странѣ Васаимбая. Къ этой отрасли принадлежатъ вершины Назерлаха и Яранеи, видѣнныя нами уже съ высоты Хаардарапая. Въ главномъ хребтѣ, за Пеумбаемъ, далѣе на югъ, слѣдуетъ прежде всего группа Салебаи, т. е. скала мыса, названная такъ потому, что она, какъ бы образуя мысъ, выдается нѣсколько изъ горной цѣпи къ западу (1); потомъ Пахандайерсале, т. е. вершина съ углубленіемъ въ срединѣ (отъ паха, заливъ, углубленіе или падрѣзъ, а въ горѣ-сѣдло; еръ, средина, и сале, вершина или мысъ), названная такъ по глубокой пропасти, раздѣляющей вершину ея, откуда беретъ свое начало горный ручей Пайяга, т. е. каменная рѣка, которая, протекая по узкому руслу, заключенному между высокими скалистыми стѣнами, вливается на западѣ въ рѣку Великую. Далѣе на югъ, по направленію главнаго хребта, слѣдуетъ вогнутая на подобіе сѣдла вершина Сыхабая, т. е. Поясовой скалы, которая наконецъ примыкаетъ къ Васаимбаю или стариковой скалѣ. На равнинѣ между Пахандайерсале и Сыхабаемъ, мы перешли черезъ рѣку Пайягу и, остановившись у подошвы Сыхабая, взобрались на вершину его, которая возвышается на 1120 пар. ф. надъ уровнемъ моря. По наружному виду и по геогностическому свойству своему гора эта нисколько не отличается отъ описанной уже нами Надан; отлогіе скаты ея, соединяющіеся въ округленной вершинѣ, покрываются той же кварцовой породой, обром-

(1) Вѣроятно главная цѣпь, которая до этой горы тянется въ ЗСЗ направленіи, поворачиваетъ здѣсь на СЗ къ Юрек. проливу, такъ что эта вершина выдается въ равнину въ видѣ мыса.

ки которой занимаютъ цѣлыя пространства. Такъ какъ въ продолженіе цѣлаго дня вся страна была объята густымъ туманомъ, то мы не могли воспользоваться возвышеннымъ своимъ положеніемъ на вершинѣ для обозрѣнія страны; къ вечеру подулъ сильный сѣверный вѣтеръ и термометръ въ $7\frac{1}{2}$ ч. показывалъ всего 2° Ц.

Мы подвигались между тѣмъ къ Васаимбаю, съ намѣреніемъ подняться на его вершину, однакожъ къ вечеру туманъ сдѣлался гуще и мы сбились съ дороги, такъ что даже сами Самоѣды не знали, гдѣ мы находимся; это заставило насъ остановиться и позаботиться о ночлегѣ; палатка была раскинута на возвышеніи, а запасливые проводники наши по дорогѣ набрали кучу хворостняка, служившему намъ для разведенія огня. Чрезвычайно ощутительный недостатокъ въ топливѣ, замѣчаемый въ странахъ, прилегающихъ къ Югрскому проливу, есть можетъ быть единственная причина, почему эта страна менѣе обитаема, нежели какъ она по свойству своему могла бы быть; потому что травы здѣсь такъ же много, какъ и въ тундрахъ, лежащихъ подъ низшими широтами, а ягель, появляющійся здѣсь въ гораздо большемъ количествѣ и въ лучшемъ видѣ, ясно доказываетъ меньшее число обывателей вообще, и отсутствіе чужестранныхъ обладателей въособенности; и дѣйствительно, до сихъ поръ эта крайняя и, по правдѣ сказать, мало привлекательная полоса Большеземельной тундры не была еще посѣщена Зырянами, многочисленныя стада которыхъ попортили уже множество прекрасныхъ нѣкогда пастбищъ.

Самоѣдъ, котораго мы послали освѣдомиться на счетъ палатки, возвратился, къ величайшему моему

удивленію, прямо къ нашему лагерю, не смотря на то, что по причинѣ густаго тумана нельзя было различать предметовъ даже въ 15 шагахъ.

(31 Іюля) Когда мы проснулись, солнце весело освѣщало нашу палатку; туманы послѣ тихой ночи исчезли, легкій ЗСЗ вѣтерокъ навѣвалъ прохладу и небо было почти совершенно безоблачно. Вѣрный инстинктъ руководилъ моими Самоѣдами, потому что послѣ долгаго шествія мы очутились у подошвы отыскиваемаго нами Васаимбая. Умѣренно возвышающаяся равнина была покрыта болотнымъ мхомъ или Carex glareosa, а мѣстами украшена различными травами и цвѣтами, какъ то: Pedicularis sudetica и versicslor, Saxifraga, Polemonium coeruleum, Dryas octopetala, Senecio campestris и lyratus, Ranunculus acris, Myosotis alpestris, Draba rapens, Papaver nudicaule, Polygonum Bistorta и viviparum, Oxyria reniformis, Salix herbacea и reticulata, Luzula arcuata, Agrostis grœnlandica и ми. др. Остановивъ свои сани, мы поднялись на гору, скаты которой до половины покрыты скуднымъ ягелемъ; остальное же пространство занято голыми обломками кварца, представляющими нерѣдко глыбы значительной величины, которыя возвышаются до самой вершины, разстилающейся въ видѣ голой, покатой со всѣхъ сторонъ плоскости, усыпанной обломками. Но и здѣсь нельзя открыть выхода этой горной породы, хотя по занозистой кварцовой породѣ, исключительно господствующей въ обломкахъ, смѣло можно заключать о первоначальномъ образованіи скалистыхъ массъ, такъ что кварцовая порода образуетъ самыя значительныя вершины этой страны, а окружающіе ихъ обломки обусловливаются постепеннымъ разру-

шеніемъ склонной къ трещиноватости породы. Мы нашли, что вершина эта возвышается на 1330 пар. ф. надъ уровнемъ моря, или около 1000 ф. надъ отлогими плоскостями, среди которыхъ она подымается. Окрестность разстилалась передъ нами подобно ландкартѣ: открытая со всѣхъ сторонъ, она ограничивалась только своею безпредѣльностію. Равнина тундры простирается отъ ССЗ на С и до ВСВ; на отдаленнѣйшей каймѣ ея виднѣются синеватыя воды Карскаго моря; за ними глазъ путешественника открываетъ свѣтлую полосу, обозначающую верхушки ледяныхъ горъ, надъ сѣдыми головами которыхъ вѣчно висятъ темносинія облака. На ЮЮВ возвышается вершина Хоимбай, а далѣе, по направленію отъ ЮЮВ до ЮЮЗ, тянутся отдѣльныя высоты Маалагоя, Хаардарапая и Падан, горный кряжъ которыхъ соединяется съ главною цѣпью посредствомъ менѣе высокой горы Хоимбая, служащей продолженіемъ Маалагоя. Этотъ кряжъ мы назовемъ Падайскимъ хребтомъ, такъ какъ вершина Падан выше всѣхъ другихъ, его составляющихъ: она возвышается на 1475 ф. Параллельно этому, отъ ВЮВ къ ЗСЗ, тянется другая, также упомянутая уже отрасль главнаго хребта, которая беретъ свое начало въ Пугучембаѣ или Старушичьей скалѣ (невысокой вершинѣ, которая, уклоняясь отъ главной цѣпи, прилегаетъ къ южной подошвѣ Стариковой скалы), тянется потомъ по показанному направленію и оканчивается на ЮЮЗ круглой вершиной Пазерлаха, а на ЮЗ круто возвышающимся Яранеемъ, имѣющимъ плоскую вершину; потому что уже длинный хребетъ Тоонделаха, обнаруживающійся на ЗЮЗ, несравненно ниже двухъ послѣднихъ, такъ что это единственныя горы,

изъ-за которыхъ глазъ путешественника, стоящаго на вершинѣ Васаимбая, ничего не видитъ. (1) На ЗСЗ видѣется Сыхабай, а далѣе къ С.—объятая туманомъ вершина Пеумбая; обѣ онѣ принадлежатъ къ главному хребту. Наконецъ можно было обозрѣть главный хребетъ на всемъ его протяженіи, какъ онъ, удерживая въ странѣ Васаимбая свое главное ЗСЗ направленіе, постепенно заворачиваетъ на СЗ и ССЗ къ Югрскому проливу, гдѣ объятыя туманомъ высоты сливаются съ облаками, несущимися надъ берегомъ на краю яснаго неба. На вершинѣ Васаимбая я находилъ, кромѣ Cladonia rangiferina и bicolor и горныхъ мховъ (изъ которыхъ Byssus Jolithus во множествѣ покрывалъ кварцовые обломки), также нѣсколько явнобрачныхъ растеній, а именно: Carex

(1) Такъ изложена система горъ въ моихъ путевыхъ запискахъ; однакожъ показанія на счетъ ихъ, судя по угламъ компаса и по приведеннымъ направленіямъ горныхъ цѣпей, не совсѣмъ вѣрны: горные кряжи, лежащіе къ Ю и З отъ главной цѣпи, у меня обозначены отраслями послѣдней, между тѣмъ какъ ихъ должно разсматривать какъ параллельные хребты горъ, которые тянутся въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ главной цѣпи, нигдѣ однакожъ не примыкая къ ней. Итакъ, если рѣчь идетъ о соединеніи какого-нибудь изъ этихъ хребтовъ съ главною цѣпью, какъ я тогда это полагалъ, то это должно понимать въ такомъ смыслѣ, что главная цѣпь соединяется со своею параллельною посредствомъ двухъ косогоровъ, образующихъ въ срединѣ сѣдловидное углубленіе; а такъ какъ параллельная цѣпь кажется выше главной, если смотрѣть на нее изъ углубленія, то и не удивительно, что она получаетъ видъ отрасли. Долина рѣки Великой есть, слѣдовательно, самая значительная въ этой странѣ: она образуетъ углубленіе между двумя параллельными цѣпями, сѣвернымъ Ураломъ на С и В и Падайскимъ хребтомъ на Ю и З; сама же рѣка беретъ свое начало тамъ, гдѣ Падайскій хребетъ соединяется съ главною цѣпью съв. Урала посредствомъ сѣдловиднаго углубленія, образующагося двумя косогорами.

saxatilis L., Salix herbacea и Vaccin. Vitis Idaea; хотя послѣдняя представляла самую скудную маленькую травку, однакожъ появленіе ея на высотѣ 1330 пар. ф. тѣмъ не менѣе поразило насъ. Лишь только мы сошли съ горы и успѣли сѣсть въ сани, чтобы отправиться дальше, какъ подулъ СЗ вѣтеръ и густой туманъ, который до того видѣлся вдали надъ горами, быстро придвинулся къ намъ и почти въ одно мгновеніе до того обьялъ окружавшую насъ страну, что мы не могли даже различать другъ друга; впрочемъ спустя нѣсколько часовъ, все это опять изчезло, воздухъ очистился и небо по прежнему прояснилось. Мы ѣхали по восточному отклону горнаго хребта и земля, по видимому, начала постепенно понижаться. Попавшійся намъ по пути горный ручей, черезъ который мы переѣхали и который называется Пугучейяга, т. е. старушечьей рѣкой, береть свое начало у подошвы Васаимбая и Пугучембая и впадаетъ въ Талату съ лѣвой ея стороны. На неровныхъ отвѣсныхъ берегахъ, ограничивающихъ русло этого ручья и имѣющихъ до 4 саж. вышины, появляется глинистый сланецъ, слои котораго главнымъ образомъ простираются отъ Ю на З, съ небольшимъ уклоненіемъ на В, образуя весьма малый уголъ наклоненія 5–15°. Между тѣмъ земля продолжала понижаться и мы опять увидѣли березу-ерникъ, S. lanata и livida, а также Veratrum Lobelianum и Ranunculus lapponicus, которыхъ мы на самомъ сѣверѣ не видали. Проѣхавъ небольшое пространство вдоль упомянутаго ручья, мы наткнулись и, лѣвый берегъ Талаты, черезъ которую мы переправились съ намѣреніемъ устроить себѣ ночлегъ на противоположномъ правомъ берегу ея. Эта Талата, которая

пробивать себѣ дорогу въ Карское море, — подобно другой рѣкѣ того же имени, вытекающей изъ горы Подаягхой и впадающей въ Ледовитое море,—получила свое названіе отъ высокихъ и неровныхъ скалистыхъ береговъ, ограничивающихъ русло рѣки въ верхнемъ ея теченіи; для такой мѣстности у Самоѣдовъ есть выраженіе—талва.

Мы отъѣхали уже на три дня пути отъ послѣдней палатки, а между тѣмъ все еще не могли встрѣтить кочующаго пастуха, и Самоѣды мои начали уже опасаться за своихъ измученныхъ оленей. Чтобы успокоить ихъ и въ тоже время дать имъ почувствовать, что я доволенъ ихъ услугами, я устроилъ для нихъ празднество, т. е. угостилъ ихъ водкой и раздарилъ имъ разныя бездѣлюшки, отчего Самоѣды мои вскорѣ опять повеселѣли.

Пользуясь водворившеюся радостью Самоѣдовъ, я попросилъ ихъ спѣть какую-нибудь пѣсню, на что они немедленно согласились. Одинъ изъ Самоѣдовъ, по имени Пари, т. е. Черный, спѣлъ дуэтъ съ одной молодой дѣвушкой, представленной намъ нашею хозяйкою; это была старинная пѣсня, въ которой прославлялись подвиги одного героя, такъ называемая Судыбаптсъ, любимѣйшій родъ пѣсенъ этого народа (См. прибавленія). Пари былъ одинъ изъ красивѣйшихъ Самоѣдовъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ; даже по европейскимъ понятіямъ о красотѣ онъ могъ быть названъ красивымъ мущиною. Черты лица его хотя и несли на себѣ неизгладимый отпечатокъ самоѣдской физіогноміи, однакожъ они были гораздо нѣжнѣе, нежели у другихъ его единоплеменниковъ; скулы у него выдавались очень умѣренно; ма-

ленькіе черные глаза пылали огнемъ и очень подходили къ маленькому носу и красивому небольшому рту его; глянцовитые волосы вились мелкими кудрями около его плечъ и затылка; даже нравъ его не обнаруживалъ той безпадежной безпечности, которая составляетъ отличительный характеръ всѣхъ вообще Самоѣдовъ; онъ былъ, напротивъ того, веселъ, даже занимателенъ и во время пѣнія обнаруживалъ удивительную живость.— Празднество кончилось далеко послѣ полуночи.

(1 Авг.) Утромъ въ 3 часа погода была тихая, небо совершенно ясное, но термометръ показывалъ всего и земля покрывалась инеемъ; несмотря на то, день былъ тихій и ясный. Продолжая путь свой по сѣверовосточному отклону горнаго хребта, мы переѣхали черезъ два притока Талаты: одинъ изъ нихъ названъ Хальмеръягой т. е. рѣкой труповъ, потому что въ прежнія времена на берегахъ его находилось самоѣдское кладбище, а другой-Тырыбейягой, т. е. мелкой рѣкой; оба они вытекаютъ изъ болотъ, лежащихъ къ югу отъ Васаимбая. У вершины Хабейлы, т. е. Остяковы кости, названной такъ по Остяку, кочевавшему въ Большеземельѣ и умершему въ ней, — къ общей радости нашей мы увидѣли стадо сѣв. оленей, пригнанное къ намъ изъ близлежащей палатки однимъ Самоѣдомъ, котораго я послалъ освѣдомиться на счетъ оленей. Мы тотчасъ же остановились, чтобы перемѣнить запряжку, и между тѣмъ какъ люди мои занялись приготовленіемъ къ дальнѣйшей ѣздѣ, я отправился посмотрѣть флору здѣшней мѣстности и нашелъ, что уже многія растенія отцвѣли; между прочимъ я встрѣтилъ здѣсь Papaver nudicaule, Taraxacum ceratophorum β., Saxifraga caespitosa и nivalis,

Pachypleurum simplex Gaud. и alpinum Ledeb., Parrya macrocarpa, Androsace Chamoejasme и Dianthus dentatus Fisch. Мы ѣхали сначала по холмистой странѣ, но потомъ очутились въ обширной низменности, гдѣ мы наткнулись на Еръягу, т. е. Среднюю рѣку, впадающую въ Карское море; на берегахъ ея мы опять нашли глинистый сланецъ, который, находясь въ тѣхъ же отношеніяхъ къ простиранію и паденію, образовалъ своими слоями уголъ наклоненія въ 5°. Переѣхавъ черезъ эту рѣку, мы вскорѣ прибыли къ Самоѣдской палаткѣ, откуда намъ прислали оленей, и рѣшились на сегодняшній день остаться въ ней.

Тутъ я узналъ, что настоящій проводникъ мой былъ Тадибъ или волшебникъ своего народа. Подстрекаемый любопытствомъ, я попросилъ его показать мнѣ свое искусство, но онъ посмотрѣлъ на меня съ недовѣрчивостью и сталъ отговариваться тѣмъ, что у него нѣтъ съ собой пензера, т. е. волшебнаго барабана. Къ счастію такой барабанъ находился въ палаткѣ, потому что Самоѣды имѣютъ обыкновеніе держать у себя этотъ инструментъ, чтобы въ случаѣ появленія Тадиба попросить его погадать. По устраненіи этого препятствія, Тадибъ нашъ не находилъ отговорки, а поднесенная ему чарка водки тотчасъ же побудила его исполнить мою просьбу. Принесли пензеръ и подержали его надъ огнемъ, чтобы кожа, которою онъ былъ обтянутъ, отъ постепеннаго нагрѣванія высушилась и получила надлежащую упругость. Онъ имѣетъ видъ плоскаго барабана (пензеръ, панзеръ или панссръ,), имѣющаго $1\frac{1}{2}$ Ф. въ діаметрѣ и около 4 д. длины; одно основаніе его обтянуто кожею,

а другое открыто и снабжено двумя крестъ на крестъ положенными палочками, служащими ручкой (памурча).

Для обтяжки барабана употребляется кожа только-что заколотаго оленя; помощію тупаго ножа она отчищается отъ волосъ и натягивается на инструментъ еще мягкою и сырою; для барабана этого необходима еще палочка (пеганчъ), также обтянутая оленьей кожей съ коротенькими волосами. Этой-то палочкой Тадибъ и бьетъ въ барабанъ.

Когда Тадибъ увидѣлъ, что пензеръ достаточно настроенъ, онъ попросилъ для бодрости еще чарку водки, послѣ чего избралъ себѣ въ помощники одного молодаго Самоѣда и усѣлся прямо противъ насъ. Всѣ присутствующіе молча расположились около волшебника и съ удивленіемъ устремили на него глаза свои. Тогда Тадибъ, взявъ въ лѣвую руку барабанъ, а въ правую палку, началъ тихо и мѣрно бить въ пензеръ, сопровождая барабанный бой протяжнымъ монотоннымъ зовомъ: гой, гой, гой, гой! этими звуками онъ призывалъ къ себѣ тадебціевъ или духовъ; когда же ему показалось, что послѣднихъ собралось уже достаточное число, онъ пересталъ бить въ барабанъ, а продолжалъ только монотонное пѣніе свое, вклеивая въ него различные вопросы, на которые онъ требовалъ отвѣта отъ вызванныхъ духовъ. Послѣ того онъ снова сталъ бить въ барабанъ и, вспомоществуемый своимъ Самоѣдомъ, который вмѣшался въ пѣніе, повторилъ тѣже вопросы гораздо громче, при чемъ звуки «гой, гой, гой» не переставали раздаваться. Между тѣмъ огонь, разведенный среди палатки и тщательно поддерживаемый престарѣлой Самоѣдкой, изливалъ тусклый свѣтъ на эту истинно живописную

группу. Волшебникъ, сѣдой старикъ за неимѣніемъ приличной званію его одежды, сидѣлъ укутанный въ свой суровый совокъ, капюшонъ котораго былъ отвороченъ; глаза его были закрыты, и на лицѣ его выражалась мнимая важность и вхождовеніе. Съ лѣвой стороны подлѣ него сидѣлъ его помощникъ, молодой Самоѣдъ, глупое лице котораго выглядывало изъ-за пензера, между тѣмъ какъ туловище его, во время пѣнія, подавалось то впередъ, то назадъ. Пари, который проводилъ насъ до этого мѣста изъ искренной своей ко мнѣ привязанности, сидѣлъ по правую руку Тадиба, небрежно облокотившись на опрокинутый котелъ; смуглый цвѣтъ лица его, красивыя юношескія черты и черные какъ смоль волосы, вившіеся кудрями около широкихъ плечъ его, наконецъ легкая, презрительная улыбка, по временамъ показывавшаяся на устахъ его, — все это составляло сильный контрастъ съ сидѣвшимъ подлѣ него важнымъ волшебникомъ. Далѣе къ выходу спдѣлъ самъ хозяинъ, на лицѣ котораго выражалось строгое благоговѣніе. Въ задней части палатки видна была молодая Самоѣдка, прислонившая голову свою на колѣни старшей своей подруги, которая, по видимому, мало обращала вниманіе на происходившее передъ ея глазами, потому что она съ большимъ усердіемъ отыскивала что-то въ головѣ, лежавшей у ней на колѣняхъ, и по временамъ раздавался трескъ, происходившій отъ давленія острія ножа на несчастную добычу. Въ маленькой плоской корзинкѣ, стоявшей позади женщинъ, спалъ беззаботный сосунъ, тщательно укутанный въ мягкую шерсть. Наконецъ въ задней же части палатки, противъ самаго выхода, находились различныя вещи, необходимыя для хозяйства,

какъ то: котлы, ушаты, миски, а изъ съѣстныхъ припасовъ заднюю четверть и грудинка отъ молодаго, только-что заколотаго оленя, а также обгложенный черепъ и копыты этого животнаго.

Наконецъ волшебникъ нашъ прервалъ какъ музыку, такъ и пѣніе и, обратившись къ хозяину, сказалъ: «послушай, старикъ! ты держишь при себѣ Хая!»—«Точно такъ, Тадибъ»—«Но ты не приносишь ему ни какихъ жертвъ!»—При этихъ словахъ на лицѣ бѣднаго хозяина выразился сильный испугъ, какъ будто бы его обличали въ какомъ-нибудь тяжкомъ преступленіи; онъ молчалъ и слушалъ. «Это плохо», продолжалъ волшебникъ, «очень плохо! вы должны оба умереть, ты и жена твоя; у васъ есть еще сынъ, онъ на морѣ,—берегитесь, вы будете плакать объ немъ». — Печаль и опасеніе выразились на лицѣ хозяина, даже старая Самоѣдка ужаснулась этихъ словъ и, прервавъ на время свое занятіе, печально посмотрѣла на Тадиба; напуганный хозяинъ спросилъ волшебника, нѣтъ ли какого-нибудь средства умилостивить Хая? Волшебникъ, ударивъ въ барабанъ, отвѣчалъ: «ты долженъ, какъ можно скорѣй, принести своему патрону жертву, заколовъ одного изъ лучшихъ своихъ оленей.» — Сказавъ это, онъ вторично ударилъ въ барабанъ и обратился потомъ къ сосѣду, сидѣвшему съ правой его стороны: «Я былъ другомъ отца твоего, Пари», сказалъ онъ ему, «а ты жаловался на меня.»— «Я жаловался на твоего сына, Тадибъ, а съ тобой я не ссорюсь». — «Что я, что сынъ мой, это все равно; я говорю тебѣ, мы должны остаться друзьями, слышишь Пари!»—

Такимъ образомъ волшебникъ продолжалъ свои увѣщеванія и заклинанія, то останавливаясь, то снова хватаясь за пензеръ. Въ то время, когда онъ билъ въ барабанъ или пѣлъ, его никто не смѣлъ прерывать; во время же антракта всякій изъ присутствующихъ могъ предлагать ему вопросы и разговаривать съ нимъ какъ съ товарищемъ. Пользуясь одною изъ такихъ паузъ, я спросилъ Тадиба: «что ты видишь?»—«Я вижу духовъ, меня окружающихъ».—«Что они дѣлаютъ».—«Они сидятъ и разговариваютъ между собой».—«О чемъ они говорятъ?»—«Этого я не знаю, потому что языкъ ихъ мнѣ неизвѣстенъ».—«Да вѣдь ты спрашиваешь же ихъ и говоришь съ ними?» — «Я говорю съ ними посредствомъ третьяго, который имъ переводитъ слова мои на понятный для нихъ языкъ». — «Какое же существо твой переводчикъ?»—«Такой же тадебцій какъ и другіе.» — «Отчего же онъ говоритъ на непонятномъ для другихъ языкѣ?»—«Этого я не знаю; знаю только, что онъ говоритъ на другомъ языкѣ.» — «Какой видъ у твоихъ духовъ?» — «Они имѣютъ образъ человѣка; только они гораздо меньше и равняются по величинѣ своей птицамъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ ростъ человѣческій.» — «Ужъ вѣрно они отличаются въ чѣмъ нибудь отъ прочихъ людей; можетъ быть у нихъ огненные глаза, рога на лбу или косматый хвостъ?»—Самоѣды при этомъ громко захохотали. — «Напротивъ того», отвѣчалъ волшебникъ «они совершенно походятъ на людей, только голова у нихъ кверху заострена, носъ длинный и горбатый; многіе изъ нихъ кривоглазы или имѣютъ только по одному глазу; нѣкоторые хромы и изувѣчены». Это описаніе живо напомнило мнѣ деревянныхъ идоловъ,

видѣнныхъ мною на островѣ Вайгачѣ и получившихъ свою форму, вѣроятно, по приказанію и наставленію Тадиба.— Какъ твои духи одѣты? спросилъ я опять волшебника, «что, у нихъ такая же малица и такой же совокъ, какъ у васъ?»—Нѣтъ, одежда ихъ скорѣй подходитъ подъ твою: они носятъ красные, зеленые, желтые и различные пестрые платки; многіе же изъ нихъ совершенно голы.» — «Теперь я вижу, что ты хорошо знаешь своихъ духовъ, сказалъ я, «но угадай-ка, какъ приметъ меня князь Обдорскій?» — Волшебникъ съ важностію взялъ опять въ руки пензеръ и сталъ напѣвать свои вопросы; по временамъ онъ останавливался и углублялся въ мысли, но потомъ, начавъ сильнѣе бить въ барабанъ и громче восклицать, какъ бы останавливая удаляющихся отъ него духовъ, вдругъ пріутихъ; «ты благополучно прибудешь въ Обдорскъ,» сказалъ онъ мнѣ наконецъ, «сильныя бури не настигнутъ тебя во время путешествія по горамъ; но князь Остяковъ встрѣтитъ тебя грозно и спроситъ, за чѣмъ ты пріѣхалъ торговать въ страну бѣдную, гдѣ жители привыкли къ скудной жизни? ты не пугайся однакожъ этого: онъ тутъ же опомнится, что ты не торговецъ и приметъ тебя какъ нельзя лучше». Изъ этого подробнаго предсказанія я заключилъ, что Тадибъ мой былъ одинъ изъ такихъ хитрецовъ, которые всегда умѣютъ выпутаться. Во-первыхъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія ѣхать въ Обдорскъ; но по вопросу моему онъ долженъ былъ заключить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ невидѣлъ никакихъ причинъ, которыя бы могли удержать меня отъ этой поѣздки; во-вторыхъ я и безъ него зналъ, что въ это время года мнѣ нечего опасаться бурь по дорогѣ въ Обдорскъ, хотя въ

горныхъ проходахъ осенью и зимой бываютъ сильные, такъ называемые, сибирскіе бураны, отъ которыхъ погибаютъ нерѣдко цѣлые караваны. Что касается наконецъ до Обдорскаго Князя, то этотъ послѣдній, привыкшій къ посѣщеніямъ откупщиковъ хлѣба, — которые изъ Пустозерска и Пжмы отправляются также въ землю Остяковъ, употребляя и здѣсь тѣ же обманы, какіе мы видѣли выше, когда я описывалъ пребываніе свое въ Устьцыльмѣ,—очень легко могъ бы принять меня за такого же купца и обойтись со мной какъ съ обманщикомъ; но потомъ, увидѣвъ, что я посланный отъ казны чиновникъ, передъ которымъ Остяки благоговѣютъ подобно Самоѣдамъ, вѣроятно побоялся бы не принять меня какъ слѣдуетъ. Чтобы еще болѣе запутать своего хитраго Тадиба, я спросилъ его, могутъ ли его духи открыть ему, кто я такой и для какой цѣли путешествую по тундрамъ? Но и тутъ вѣдь лукавецъ вывернулся довольно хитро: «я бы тебѣ сказалъ это», возразилъ онъ, «но я вижу изъ твоего вопроса, что ты не довѣряешь моему искусству и что тебѣ очень хочется посмѣяться надо мной, между тѣмъ какъ это можетъ послужить тебѣ во вредъ, чего бы мнѣ не хотѣлось. Ты просилъ меня показать тебѣ свое искусство и я исполнилъ твое желаніе; поэтому мнѣ кажется намъ пора оставить пензеръ, тѣмъ болѣе, что я уже утомился и больные вѣки мои сильно страдаютъ; а дай-ка мнѣ лучше еще чарку водки, это вѣрно облегчитъ мою боль. Послѣ такихъ словъ я не хотѣлъ больше испытывать его, а подносъ ему стаканъ водки и онъ употребилъ самую маленькую частичку ея для омоченія своихъ больныхъ глазъ, а остальное припялъ внутрь для подкрѣпленія

силъ. По увѣренію Самоѣдовъ, этотъ волшебникъ хотя также прославился между ними, однакожъ есть еще лучшіе, которые, при посредствѣ своихъ тадебцій, вонзаютъ себѣ въ животъ колья и ножи и могутъ продѣвать сквозь тѣло ремни такъ, что не останется даже ни малѣйшаго знака. О ловкости сибирскихъ Шамановъ, съ помощію которой эти чудеса производятся, мы уже многое знаемъ отъ Гмелина и другихъ путешественниковъ, поэтому я не намѣренъ распространяться объ этомъ предметѣ, а воспользуюсь отступленіемъ, чтобы сообщить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно религіи Самоѣдовъ.

Самоѣды признаютъ божество нумъ, обитающее небо, отчего у нихъ слово нумъ служитъ также для обозначенія неба. Этотъ нумъ есть существо безтѣлесное и, подобно небу, не имѣетъ никакого образа; онъ считается творцомъ всѣхъ живущихъ и потому называется также шлеумбарте; имъ сотворены всѣ земныя существа, равно земля и звѣзды. Нумъ добръ, величественъ и силенъ; онъ все видитъ, все и знаетъ, но онъ слишкомъ возвышенъ для того, чтобы съ высоты слѣдить за судьбами жалкаго рода человѣческаго, а потому, одушевивъ однажды всѣ существа, онъ предался покою и предоставилъ управленіе свѣтомъ тадебціямъ, невидимымъ безтѣлеснымъ существамъ, одареннымъ отъ нума сверхъестественной силой; они распространены по землѣ и по воздуху и повсюда управляютъ судьбами людей. Духи эти представляютъ начало зла, противодѣйствующее началу добра, т. е. нуму; они хотятъ повсюду распространить зло и творятъ его, однакожъ дѣлаютъ также добро, но только тѣмъ, которые почитаютъ

ихъ и приносятъ имъ большія жертвы. Хотя тадебціи и безтѣлесны, однакожъ они являются нѣкоторымъ людямъ въ образѣ человѣка, а именно Тадибамъ, которые при помощи пензера собираютъ ихъ вокругъ себя; что же касается до высшаго божества Нуна, имя котораго Самоѣды всегда произносятъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, то оно никогда не показывается людямъ въ видимомъ образѣ, по этому-то поклонники его никогда и не пытались изображать его въ видѣ идола. Всѣ самоѣдскіе идолы суть ничто иное, какъ изображенія тадебціевъ, представляющія въ различныхъ формахъ перемѣнчивое начало зла.

Татибы или тадибы (у Русскихъ кудесники) суть мудрецы и волшебники, и во всѣхъ религіозныхъ дѣлахъ единственные наставники Самоѣдовъ-язычниковъ, на простой умъ которыхъ они имѣютъ сильное вліяніе. Тадибъ не самъ пріобрѣлъ себѣ мудрость, а обязанъ ею тадебціямъ, которымъ онъ служитъ. Тотъ изъ Самоѣдовъ, котораго тадебціи хотятъ избрать въ это званіе, преслѣдуется ими на каждомъ шагу: они являются ему въ различныхъ видахъ, какъ во снѣ, такъ и на яву, терзаютъ душу его разными заботами и опасеніями, особливо въ уединенныхъ мѣстахъ, и не отстаютъ отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ, не видя болѣе никакихъ средствъ итти противъ воли божества, не сознаетъ наконецъ своего призванія и не рѣшится послѣдовать ему. — Уступивши разъ, бѣдный избранный новичокъ прибѣгаетъ къ старому и опытному Тадибу, который и показываетъ ему употребленіе пензера и научаетъ его призывать духовъ и обходиться съ ними. Тадибъ, по мнѣнію Самоѣдовъ язычниковъ, можетъ околдовать ненавистна-

го ему человѣка, такъ что послѣдній не будетъ имѣть счастія въ охотѣ, или же впадетъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой его можетъ избавить только другой. Однимъ тадибамъ также принадлежитъ власть созывать духовъ, что, какъ мы видѣли, дѣлается посредствомъ звука волшебнаго барабана, по которому тадебціи необходимо должны являться. Для бесѣды со своими духами Тадибъ обыкновенно избираетъ вечернее или ночное время, потому что тогда человѣкъ бываетъ болѣе воспріимчивъ къ играмъ фантазіи, да и инструментъ волшебника, подвергаясь теплотѣ огня, поддерживаемаго въ палаткѣ, не можетъ такъ скоро разстроиться. Во время бесѣды Тадибъ имѣетъ особенную одежду: кожаный совокъ, окрашенный въ разные цвѣта и обвѣшанный разнаго рода лоскутками, черепками и бубенчиками. Я не имѣлъ случая видѣть ее, но она вѣроятно имѣетъ большое сходство съ костюмомъ сибирскихъ шамановъ; да у Самоѣдовъ она и не нужна, потому что Тадибъ и въ обыкновенной своей одеждѣ совершенно ослѣпляетъ своихъ простячковъ зрителей. Тадебціи, съ которыми волшебникъ ведетъ постоянный разговоръ, раскрываютъ ему, согласно съ его вопросами, судьбу людей; они предостерегаютъ отъ угрожающей опасности и даютъ средства отвращать ее; наконецъ они предписываютъ ему различныя формы, въ которыхъ они желаютъ, чтобы ихъ изображали. Выслушавъ такимъ образомъ волю духовъ своихъ, Тадибъ или самъ вырѣзываетъ идоловъ, или поручаетъ это дѣло одному изъ Самоѣдовъ, который уже въ точности долженъ исполнить данное ему порученіе. Эти идолы, извѣстные у Самоѣ-

довъ подъ именами: *хай* или *хахе* и *садай*, (1) вырѣзываются обыкновенно изъ дерева и имѣютъ видъ кольевъ, которые на одномъ концѣ снабжены однимъ или нѣсколькими, другъ подлѣ друга вырѣзанными, человѣческими лицами, на подобіе тѣхъ, которыя мы видѣли на мысѣ идоловъ и которыя довольно вѣрно были описаны уже Степаномъ Буррохъ и Линшотеномъ (2). Нѣкоторымъ изъ этихъ идоловъ Тадибъ считаетъ нужнымъ придать видъ птицы или четвероногаго животнаго, а другіе представляютъ простые камни, на которыхъ вырѣзаны человѣческія лица и которые тщательно завертываются въ сукно или мѣхъ; этихъ послѣднихъ я не видалъ, потому что Самоѣды всегда обнаруживаютъ какую-то недовѣрчивость, когда ихъ объ этомъ спрашиваютъ. Идоловъ этихъ Самоѣдъ обыкновенно разставляетъ на открытомъ возвышеніи или на извѣстномъ мѣстѣ жертвоприношенія, или же отводитъ своему кумиру поче-

---

1) Оба эти выраженія обозначаютъ идоловъ, и хотя они не совсѣмъ однозначущи, однакожъ я не могъ узнать различія идоловъ, обозначенныхъ тѣмъ и другимъ именемъ; нѣкоторые Самоѣды называли деревянныхъ идоловъ *садаями*, а каменныхъ *хаями;* но что это не у всѣхъ принято, то это доказывается тѣмъ, что мысъ идоловъ на о. Вайгачѣ называется *Хаенсале*, между тѣмъ какъ тамъ одни деревянные идолы. Очень можетъ быть, что и у Самоѣдовъ эти два понятія не разграничиваются строгимъ образомъ; мнѣ же кажется что садаемъ называется такой хай, который поставленъ на возвышеніи, потому что и этимологія этого слова (садай) показываетъ, что оно составлено изъ *са, се* или *седа*, вершина, возвышеніе, и изъ слова *хай*; значитъ *садъ-хай* или *садай*, т. е. идолъ на холмѣ, родъ самоѣдской ореады.

2) См. Hakluyt's Collect. of early Voy. Vol. I стр. 313 и Линшотена въ Аделунговой исторіи мореплаванія стр. 132.

тный уголъ въ палаткѣ, или наконецъ помѣщаетъ его передъ палаткой своей, на открытомъ воздухѣ. Не рѣдко случается, что онъ прячетъ его въ сани и разъѣзжаетъ съ нимъ, какъ съ счастливымъ сопутникомъ, по охотамъ и другимъ важнымъ дѣламъ. Но жертвы приносятся не имъ самимъ, а тадебціямъ, которыхъ они представляютъ.

Такъ какъ нумъ, т. е. начало добра, не вмѣшивается на дѣлѣ въ судьбы людей и такъ какъ онъ, несмотря на свое могущество, не можетъ отвратить зла, которое причиняютъ людямъ тадебціи,—то вся религія Самоѣдовъ-язычниковъ, единственнымъ двигателемъ которой служитъ темное чувство боязни, совершенно овладѣвающее слабымъ характеромъ этого народа, ограничивается почти однимъ поклоненіемъ идоламъ, представляющимъ тадебціевъ, и только въ случаѣ тяжкой болѣзни и крайней нужды обѣщаютъ жертвы и Нуму; но надо сказать, что подобныя обѣщанія исполняются свято.

Каждое жертвоприношеніе дѣлается по приказанію Талиба. Для совершенія этого обряда всѣ мущины, живущіе вмѣстѣ въ одной палаткѣ, собираются къ поставленному на возвышеніи садаю, или приносятъ съ собой вновь сдѣланнаго хая и ставятъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ жертвоприношеніе должно совершаться, потомъ приводятъ сѣвернаго оленя, назначеннаго на убой, надѣваютъ ему на шею петлю, концы которой держатся двумя Самоѣдами, стоящими по обѣимъ сторонамъ животнаго, между тѣмъ какъ третій хватаетъ его за заднія ноги; за тѣмъ, по данному знаку, петля затягивается и олень падаетъ мертвый. Тогда съ него снимаютъ шкуру, а мясо тутъ же пожирается присут-

ствующими; если же при этомъ часть мяса остается, то его сберегаютъ для будущей потребности; идолу же, представляющему въ этомъ случаѣ безмолвнаго зрителя, Самоѣды обмазываютъ губы кровію животнаго, что впрочемъ дѣлается и съ домашними идолами, всякій разъ, когда даже закалываютъ животное только для собственной потребности. Въ память такого жертвоприношенія у идола оставляются рога и копыты съѣденнаго животнаго, а прочія кости, какъ непужныя, бросаются какъ можно дальше отъ мѣста жертвоприношенія. Такимъ же образомъ и на открытомъ же мѣстѣ приносятся жертвы главному божеству Нуму, при чемъ однакожъ Самоѣды наблюдаютъ большую осторожность, избирая для совершенія этого обряда такое мѣсто, гдѣ нѣтъ вблизи какого-нибудь хая, который легко можетъ разгнѣваться, видя, что они не ему приносятъ жертву. Во время жертвоприношенія Нуму мясо заколотаго животнаго точно также съѣдается присутствующими, а въ память совершеннаго обряда складываютъ въ одну кучу всѣ кости съѣденнаго оленя. Женщины, какъ творенія нечистыя (самаи), исключаются отъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и не могутъ даже присутствовать при жертвоприношеніи; мало того, онѣ не только не смѣютъ прикасаться къ хаю, но даже и подходить близко къ нему; впрочемъ женщины, отправляющія должность Тадиба, не подвергаются такимъ запрещеніямъ. Этими-то жертвами, приносимыми каждымъ отдѣльнымъ Самоѣдомъ, по обѣщанію или по приказанію Тадиба, ограничивается все богослуженіе Самоѣдовъ, которое поэтому есть чисто наружное; о молитвахъ, возсылаемыхъ божеству, они не имѣютъ никакого по-

нятія. Хотя у Самоѣдовъ и есть нѣсколько общественныхъ мѣстъ для жертвоприношенія, однакожъ они никогда не совершаютъ своего обряда цѣлыми обществами или въ опредѣленные годовые дни, отчего у нихъ вообще весьма неточное лѣтосчисленіе, за основаніе котораго они принимаютъ перемѣны луны. Оттого они не имѣютъ также никакого понятія о праздничныхъ и воскресныхъ дняхъ. Кромѣ высшихъ нетлѣнныхъ существъ, обожаемыхъ Самоѣдами, эти послѣдніе питаютъ также какую-то особенную боязнь къ нѣкоторымъ животнымъ, которыя наводятъ на нихъ страхъ своею силою и кровожадностію. Изъ такихъ животныхъ особливо замѣчательны обыкновенный и бѣлый медвѣди, которымъ поклоняются не потому, чтобы они представляли боговъ, но потому что они могутъ сильно вредить людямъ. Что животныя эти не почитаются наровнѣ съ безтѣлесными духами, это доказываютъ медвѣжьи черепа, найденные на мысѣ идоловъ и оставленные тамъ въ знакъ памяти, что тадебціямъ былъ принесенъ въ жертву медвѣдь. Притомъ же Самоѣды стрѣляютъ медвѣдей, никогда однакожъ не хвастая счастливой охотой; если даже имъ и случится убить одного звѣря, то они никому не говорятъ объ этомъ, а просто прячутъ его въ свою палатку вмѣстѣ съ другимъ богатствомъ. У Самоѣдовъ есть странная примѣта: если кому нибудь попадется подъ ноги клочекъ волосъ отъ бѣлаго медвѣдя, то это значитъ, что съ тѣмъ случится несчастіе. Какъ языческіе, такъ и христіанскіе Самоѣды, при поимкѣ медвѣдя, даютъ страшную клятву; для этого приносится или вся, или только часть медвѣжьей шкуры, и тотъ, который долженъ дать клятву, протыкаетъ ее ножемъ;

если же онъ преступитъ клятву, то, по его убѣжденію, онъ въ скоромъ времени долженъ сдѣлаться жертвою медвѣдя. Впрочемъ такое клятвопреступленіе со стороны Самоѣдовъ бываетъ очень рѣдко и, что всего удивительнѣе, клятвопреступники всѣ были растерзаны медвѣдями. У нихъ есть еще другой способъ давать клятву, а именно: дающему клятву приносится небольшая кучка снѣгу или земли и онъ, срѣзая ножомъ верхнюю часть кучки, произноситъ слѣдующія слова: «если я клянусь ложно, то пусть я умру и пусть снѣгъ этотъ (или земля) покроетъ кости мои»! Таже форма присяги употребляется при судебныхъ изслѣдованіяхъ въ судахъ и имѣетъ тамъ для язычниковъ законную дѣйствительность.

Язычество и христіанское ученіе у Самоѣдовъ вовсе не строго отдѣляются другъ отъ друга. Съ давнихъ временъ уже, а еще болѣе со времени дѣйствій миссіи, когда Самоѣды пришли въ близкое соприкосновеніе съ Русскими и слышали разсказы новообращенныхъ своихъ единоплеменниковъ, они узнали христіанскаго Бога и въ особенности святаго Чудотворца Николая, заступника Русскихъ. Самоѣды вѣрили въ могущество этого Святаго и даже давали ему различные обѣты въ крайнихъ случаяхъ, въ которыхъ имъ не могли помочь ихъ идолы; въ настоящее время Самоѣды-язычники гораздо чаще прежняго дѣлаютъ подобные обѣты, и за избавленіе отъ несчастія обѣщаютъ христіанскому Богу не только принести жертву, но и принять христіанскую вѣру, исполняя эти обѣщанія во всей точности. Такъ, во время пребыванія моего въ хижинахъ, стоящихъ у Югрскаго пролива, здѣсь находил-

ся Самоѣдъ племени Харуци, который, за избавленіе его жены отъ тяжкой болѣзни, обѣщалъ принести жертвы не только идоламъ, но и Святителю Николаю. Исполнивъ свой обѣтъ, данный идоламъ на о. Вайгачѣ, онъ отправился въ Пустозерскъ, гдѣ хотѣлъ заколоть 10 сѣверныхъ оленей въ честь Чудотворца Николая и посвященной ему церкви.

Какъ язычники почитаютъ христіанскаго Бога, или лучше сказать, его святыхъ,—потому что по ихъ понятію о божествѣ, христіанскій Богъ, подобно самоѣдскому Нуму, не можетъ на дѣлѣ вмѣшиваться въ судьбы людей,— такъ съ другой стороны новообращенные Самоѣды, благодаря совершенному невѣдѣнію своему въ христіанскомъ ученіи, приближаются къ язычникамъ, такъ что, поклонясь христіанскому Богу, они считаютъ очень удобнымъ поклоняться въ тоже время языческимъ идоламъ. Да и можетъ ли это быть иначе, когда за сущность христіанскаго ученія у Самоѣдовъ принимаются только нѣкоторые, и то дурно понятые догматы, которые, переходя изъ устъ въ уста въ видѣ преданія, явились наконецъ страшно искаженными. Для лучшаго преподаванія имъ Закона Божія, конечно, можно бы было устроить при церквахъ училища, но спрашивается: есть-ли какая-нибудь надежда на то, что Самоѣды не будутъ стараться избѣгать ученія?

Язычество въ настоящее время сохранилось почти только между Самоѣдами Большеземельной тундры, изъ которыхъ половина еще не приняла христіанскую религію; всѣ же кабальные Самоѣды суть христіане. Впрочемъ христіанство ихъ ограничивается только тѣмъ, что они умѣютъ креститься по-христіански, хотя есть надеж-

да, что выстроенныя для нихъ церкви и разъѣзды священниковъ по тундрамъ, которые имѣютъ цѣлію не только отправленіе богослуженія, но и наставленіе Самоѣдовъ въ новой вѣрѣ, будутъ имѣть въ этомъ отношеніи благодѣтельное вліяніе. Пусть время и ревностныя старанія наставниковъ ухаживаютъ за сѣменами, брошенными миссіею между язычниками сѣверныхъ тундръ, а плоды вѣрно сами собою покажутся, если не во всѣхъ, чего и требовать нельзя, то покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ, потому что христіанство своими высокими ученіями не примнетъ обнаружить своего вліянія на характеръ хотя грубаго, но отъ природы добраго и честнаго народа. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что миссія имѣла чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на благосостояніе Самоѣдовъ, потому что она не только подарила имъ христіанство, плодами котораго будутъ пользоваться ихъ правнуки, но и вывела ихъ изъ той непзвѣстности, въ которой они обитали сѣверныя пустыни. Мало того, благодаря миссіи, новообращенные Самоѣды, будучи нѣсколько десятковъ лѣтъ сряду притѣсняемы чужеземными выходцами и находясь въ совершенно беззащитномъ состояніи, обратили на себя вниманіе Правительства, а обнародованный въ слѣдствіе этого «Уставъ объ управленіи европейскими Самоѣдами,» доставившій этому народу защиту закона и долженствовавшій измѣнить стѣснительныя отношенія его къ чужестранцамъ,— непремѣнно осчастливитъ Самоѣдовъ, если онъ сдѣлается имъ извѣстнымъ и приведется въ исполненіе, чего до сихъ поръ нельзя было ожидать, потому что уставъ этотъ изданъ еще очень недавно. Наконецъ миссія сблизила

Самоѣдовъ съ ихъ образованнѣйшими сосѣдами, отъ которыхъ они были отдѣлены язычествомъ, бывшимъ причиною того, что до появленія миссіи народъ этотъ отвергалъ всякое благодѣтельное вліяніе со стороны его сосѣдей. Послѣ этого и не удивительно, что Самоѣды, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, какъ они извѣстны исторіи, ни на шагъ не подвинулись въ умственномъ образованіи, и до сихъ поръ еще встрѣчаются такими же, какими они были изображены Европѣ писателями XVI и XVII столѣтій. Конечно нельзя умолчать о томъ, что первое вліяніе сближенія Самоѣдовъ съ ихъ сосѣдними племенами было весьма не выгодно для нихъ, потому что, въ слѣдствіе обращенія съ послѣдними, они потеряли прежнюю свою откровенность и честность, такъ что въ Малой и Канинской земляхъ теперь уже гораздо рѣже можно встрѣтить честнаго Самоѣда, нежели въ уединеннѣйшихъ странахъ Большеземельной тундры. Однакожъ должно надѣяться, что высшая степень умственнаго образованія съумѣетъ превратить это вліяніе въ благодѣтельное, потому что не знать дурнаго есть странная добродѣтель необразованныхъ народовъ, тогда какъ истинною добродѣтелью называется то, когда мы избѣгаемъ сознаваемаго нами зла.—Но обратимся къ нашему путешествію.

(2 Авг.) Оставивъ свой ночлегъ, мы отправились по сѣверному отклону горнаго хребта, главное направленіе котораго и здѣсь, по видимому, идетъ отъ ВЮВ къ ЗСЗ. Подошва горы была окружена равнинами и плоскохолмистой землей, по которой протекали двѣ небольшія рѣки: Ливыръяга, т. е. рѣка мягкой травы (отъ *ливыръ*, мягкая или мелкая трава, покрывающая берега

этой рѣки, въ противоположность слову *нема*, т. е. жесткая или крупная трава), притокъ рѣки Еръяги, и Сааяга, т. е. быстрая рѣка, впадающая въ Кару. На берегахъ Сааяги мы опять замѣтили глинистый сланецъ, слои котораго простирались по направленію къ ССЗ съ паденіемъ къ ВСВ, подъ угломъ наклоненія 15 до 20°

Съ вершины Седабая, т. е. куповой скалы, мы опять могли обозрѣвать окружавшую насъ страну, потому что атмосфера была совершенно чиста. Гора эта страннымъ названіемъ своимъ обязана устройству вершины своей, потому что высота, покрытая частію травой, частію разбросанными обломками скалъ, носитъ характеръ возвышенія, поросшаго травою (седе или седа), и въ тоже время характеръ скалистой горы, пай, что и выражено въ словѣ «Седабай.» Съ высоты этой вершины, возвышающейся на 800 пар. фут. надъ уровнемъ моря, по направленію къ ЮВ и ВЮВ, мы усмотрѣли на дальнемъ горизонтѣ два синеватыхъ облачка, представлявшихъ ничто иное, какъ вершины уральскаго хребта, который здѣсь прежде всего бросился намъ въ глаза. По тому же направленію, ближе къ нашему мѣсту, стелется, по видимому, равнина, перерѣзанная однакожъ, какъ намъ говорили наши проводники, низенькимъ и плоскимъ хребтомъ съ нѣкоторыми обнаженными горными породами. Хребетъ этотъ, извѣстный у Самоѣдовъ подъ названіемъ Хуптобая, т. е. длинной скалы, лежитъ на оси сѣверозападной отрасли главнаго хребта уральскаго, на верхушкѣ которой мы находились. Между ЮВ и ЮЮВ мы замѣтили постепенно возвышающуюся купу Лапчампаї, т. е. ровную скалу, служащую продолженіемъ Хуптобая, а подлѣ нея

видна гораздо высшая куна, извѣстная подъ именемъ Ладхайбая, т. е. растрескавшейся скалы. На ЮЮВ, еще ближе къ намъ, возвышается Сайвайайбайпай, т. е. скала слезящихся глазъ (отъ сайва, глазъ, айбай, влажный, сырой, и пай, скала); гора эта названа такъ потому, что Самоѣды, проживая здѣсь во время весны, когда снѣгъ отъ солнечныхъ лучей получаетъ ослѣпительный блескъ, возвращаются всегда съ больными, слезливыми глазами. Она имѣетъ двѣ вершины: Гарку, т. е. большую, и Нуде, т. е. малую, изъ которыхъ первая находилась ближе къ намъ. На Ю видна гора Хамдебай, т. е. крутая скала, а на ЮЮЗ гора Тальбедопай, т. е. пропастная скала (отъ талва или тальбе, заключенная между скалистыми стѣнами пропасть, изъ которой обыкновенно вытекаетъ горный ручей); на ЮЮЗ возвышается гора Хадуумапай, т. е. бурная скала. Отъ ЮЮЗ къ ЮЗ тянется длинная плоская возвышенность Недаголвопай, т. е. скала, черезъ которую ведетъ дорога (отъ неда, дорога, слѣдъ саней, и голво, находится), значитъ родъ горнаго прохода, гдѣ кочующіе пастухи обыкновенно переѣзжаютъ на своихъ саняхъ черезъ горный хребетъ, такъ какъ гора эта ниже другихъ, близъ нея лежащихъ, а вершина ея, будучи менѣе камениста, не такъ сильно портитъ тонкія полозья саней. Подлѣ этой возвышенности (все еще по направленію къ западной и сѣверной точкѣ компаса) начинается Маалагой, а ближе къ намъ, на ЗЮЗ, появляются купы Войдараха, лежащія нѣсколько отдѣльно отъ горной цѣпи, къ которой онѣ принадлежатъ. Къ ЗСЗ земля возвышается, образуя умѣренно-наклонныя плоскости, которыя

закрываютъ видъ отъ глазъ нашихъ и ведутъ, какъ намъ сказали наши проводники, въ показанномъ направленіи горной цѣпи, къ широкой и плоской вершинѣ Париденопаіі, за которой слѣдуетъ Хуптобаіі, т. е. долгая скала (ее должно различать отъ упомянутой уже горы того же имени), примыкающая къ восточной сторонѣ извѣстнаго уже намъ Васаимбая (1).

(1) Изъ этаго обзора, представляемаго путевыми записками, можетъ быть выведенъ слѣдующій вѣрный орографическій взглядъ. Седабаіі, лежащій въ главной сѣверной цѣпи, на ЗСЗ соединяется съ двумя широкими плоскими возвышенностями, Париденопаемъ и Хуптобаемъ, изъ которыхъ первая западнымъ концомъ своимъ примыкаетъ къ Васаимбаю. Эти два промежуточные члена, между Васаимбаемъ и Седабаемъ, не имѣютъ слишкомъ высокихъ вершинъ, а потому я во время обозрѣнія страны и не поименовалъ ихъ. Такія же низенькія возвышенія служатъ продолженіемъ главной цѣпи, по противуположному ея направленію (т. е. ВЮВ) къ Уралу, гдѣ онѣ, постепенно понижаясь, переходитъ наконецъ въ равнину.—Что касается до прочихъ вершинъ, представлявшихся глазамъ нашимъ съ высоты Седабая, то всѣ онѣ принадлежатъ къ той южной и западной цѣпи, которую мы обозначали именемъ Падайскаго хребта. Цѣпь эта появляется къ западу отъ Кары прежде всего въ видѣ длиннаго плоскаго хребта, весьма мало возвышеннаго надъ окружающими его равнинами, простирающагося главнымъ образомъ на ЗСЗ и извѣстнаго подъ именемъ Хуптабая или длинной скалы (которую не должно смѣшивать съ другимъ хребтомъ того же имени, лежащимъ въ сѣверной цѣпи, къ западу отъ Седабая). Далѣе на западъ показывается первая высокая вершина этой цѣпи, а именно Лапчаампай, за которой, держась главнаго направленія горной цѣпи, слѣдуютъ: Ладхайбаіі, большой Савгайбаіі съ его сѣверной купой-мальмъ Савгайбаемъ и его югозападнымъ мысомъ Хамдебаемъ; потомъ Тальбедопаіі, Хадуумапаіі и наконецъ низкій, плоскій и длинный Недаголвопаіі, гдѣ хребетъ начинаетъ значительно понижаться, но только для того, чтобы потомъ опять постепенно подняться и въ горномъ хребтѣ Маалагоѣ достигнуть извѣстной высоты. Горныя цѣпи, которыя тянутся далѣе отъ Маалагоя, намъ уже извѣстны. Наконецъ группа Войдараха возвышается, по видимому, совершенно отдѣльно между упомянутыми нами двумя параллельными цѣпями.

Съ высоты Селабая мы спустились на широкое, перерѣзанное нѣсколькими холмами дно долины, гдѣ открытая нами самоѣдская палатка послужила намъ ночлегомъ.

(3 Августа) Мы поднялись на противоположный скатъ долины, и проѣхавъ небольшое пространство, наткнулись на горную пропасть, заключенную между ровными, почти перпендикулярными скалами; здѣсь гора представлялась намъ въ боковомъ разрѣзѣ и мы очень хорошо могли слѣдить за горными породами, ее составляющими, потому что слои ихъ ясно выказывались на скалистыхъ стѣнахъ. Пропасть эта идетъ отъ сѣвера на югъ, умѣренно возвышаясь; на днѣ ея журчитъ ручей, наполняемый черезъ верхній конецъ пропасти частію болотной водой, частію снѣжными массами, образовавшими на скатѣ значительную толщу. Поверхность этихъ снѣжныхъ массъ была подернута багровой краснотой, которая покрывала зернистую, медленно таявшую и испарявшуюся снѣжную массу не равномѣрно, а въ видѣ разсыпавшагося краснаго порошка. Это окрашивающее вещество проникало въ снѣжную масеу едва на полдюйма, и кто не узналъ бы въ немъ нѣжнаго Protococcus nivalis, этаго перваго дыханія растительной жизни, вызванной на холодную поверхность снѣга живительнымъ свѣтомъ солнца и поддерживаемой таящимъ снѣгомъ и лежащимъ на немъ слоемъ воздуха! И такъ это есть произведеніе атмосферы, совершенно независимое отъ земли.

Здѣсь находится тонкослоистый глинистый сланецъ, слои котораго, имѣя одинъ или нѣсколько футовъ толщины, весьма правильно перемежаются съ тончай-

шими, имѣющими всего около полуфута толщины, слоями темносѣраго плотнаго известняка; по цвѣту, сланцевидному сложенію и перемежающимся свѣтлымъ полоскамъ, идущимъ по направленію плоскостей сланцевъ глинистаго сланца, этотъ известнякъ часто имѣетъ большое сходство съ глинистымъ сланцемъ, но это бываетъ только въ образчикахъ; въ большихъ же массахъ эта плотная горная порода, имѣющая ровный изломъ, переходящій въ раковистый, тѣмъ разительнѣе отличается отъ тонко-слоистаго глинистаго сланца, что она, благодаря плотному сложенію и значительнѣйшей твердости своей, имѣетъ гораздо большую способность противиться разрушительнымъ вліяніямъ атмосферилій и что слои ея торчатъ надъ выходами глинистаго сланца (которые, превращаясь въ мелкую дресву, уносятся водой) въ видѣ параллельныхъ реберъ, которыя не распадаются въ дресву, а растрескиваются на продолговатые плитки, покрывающія подошву выходящихъ частей. Главное направленіе этихъ перемежающихся между собою горныхъ породъ идетъ отъ ВЮВ къ ЗСЗ между 7 и 8, съ паденіемъ къ ССВ подъ угломъ наклоненія 10–20°; сланцы же, находящіеся въ отдѣльныхъ слояхъ глинистаго сланца, равно и полосоватость или признакъ сланцеватости въ известнякѣ, обнаруживаютъ гораздо большее паденіе, такъ что сланцовые листы съ плоскостями слоевъ постоянно сходятся подъ острымъ и тупымъ углами. Этотъ тонкослоистый глинистый сланецъ мѣстами содержитъ въ себѣ сѣрный колчеданъ кубической формы и бураго побѣжалаго цвѣта; иногда сланцы его описываютъ мѣстами волнистую или извивающуюся линію и тогда они прини-

мають въ свою среду такіе же извивающіеся толстые (въ нѣсколько дюймовъ) пласты крупно-зернистой кристаллической смѣси кварца и альбита. Перемежающійся съ нимъ известнякъ, въ свою очередь, нерѣдко принимаетъ параллельные плоскостямъ слоевъ промежуточные пласты бѣлой, мелкозернистой и большею частію тонкослоистой извести, на поверхностяхъ слоевъ которой мѣстами находятся бураго цвѣта дендритовыя изображенія. Въ известнякѣ также замѣчаются кубики желѣзнаго колчедана, хотя гораздо рѣже, нежели въ глинистомъ сланцѣ; иногда онъ бываетъ окрашенъ въ болѣе яркій цвѣтъ и тогда пятна или параллельныя полоски, на немъ обрисовывающіяся, отражаются гораздо ярче, при чемъ полосоватость въ то же время влечетъ за собой трещиноватость по направленію полосокъ, а отъ этого горная порода получаетъ сланцевидное сложеніе.

Если слѣдить за пропастью, подымаясь по подошвѣ ея къ югу, то перемежающіеся слои только-что описанныхъ нами горныхъ породъ исчезаютъ, а вмѣсто ихъ появляется плотный известнякъ, который, находясь въ сосѣдствѣ съ глинистымъ сланцомъ, бываетъ темносѣраго цвѣта и въ соединеніи съ кислотой не такъ сильно кипитъ; но далѣе къ югу онъ мало по малу переходитъ въ свѣтлосѣрый плотный и чрезвычайно твердый известнякъ съ красивымъ раковистымъ изломомъ, расположенный слоями отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ фут. толщиною. Около выходовъ своихъ онъ становится щеловатымъ, получаетъ желто-бурый побѣлѣлый цвѣтъ и распадается на плитовидные или неправильные острокрайные обломки, покрывающіе подошву. Подымаясь еще выше, можно видѣть діоритъ, весьма твердую свѣтлосѣра-

го цвѣта горную породу, которая, будучи мелко-зернистаго сложенія, болѣе походитъ на зернистый известнякъ; она въ соединеніи съ кислотами также не очень шипитъ и по направленію пласта растрескивается на параллельные слои, имѣющіе отъ 5—9 фут. толщины; поверхности неправильныхъ обломковъ діорита, въ слѣдствіе вывѣтренія, линяютъ и покрываются различными мхами. За этимъ діоритомъ слѣдуетъ опять свѣтлосѣрый плотный известнякъ (о которомъ мы сейчасъ говорили), который мало по малу принимаетъ темный цвѣтъ и признакъ сланцевиднаго сложенія; съ такими же признаками снова является глинистый сланецъ, съ которымъ мы познакомились уже выше и который изчезаетъ на верхнемъ краю пропасти подъ пластомъ щебня. Діоритовый пластъ имѣетъ около 30 ар. толщины, между тѣмъ какъ каждый изъ двухъ заключающихъ его известняковыхъ пластовъ будетъ всего около 10 арш. толщиною; простираніе и уклоненіе этихъ пластовъ находятся въ тѣхъ же отношеніяхъ между собою какъ и въ перемежающихся известнякахъ и глинистыхъ сланцахъ.

На краю пропасти я находилъ во множествѣ діоритовые обломки и точно такой же діоритъ образуетъ всѣ слѣдующія группы горъ и возвышенія этой страны. Онъ всегда является въ трещинахъ, идущихъ по направленію къ В и З, съ небольшимъ уклоненіемъ на сѣверъ, подъ весьма малымъ угломъ наклоненія, и повсюду представляетъ господствующую горную породу, такъ что почти нельзя сомнѣваться, что упомянутые нами глинистый сланецъ и известнякъ приподняты діоритомъ и что этотъ послѣдній во время приподниманія ихъ втерся въ видѣ толстаго пласта между ихъ слоя-

ми. При этомъ слои чернобураго известняка, въ слѣдствіе давленія на нихъ сплошной горной породы, превращаются въ плотную свѣтлосѣрую известь, которая, по мѣрѣ удаленія ея отъ зальбанда, въ постепенномъ переходѣ, снова возвращается къ горной породѣ съ ея обыкновеннымъ характеромъ, въ видѣ темнобураго известняка. Вліяніе же слившихся массъ далѣе обнаруживается еще только тѣмъ, что на известнякѣ остаются пятна или параллельныя полоски, влекущія за собою слоеватость съ уклоняющимся направленіемъ слоевъ, точно такъ какъ и въ глинистомъ сланцѣ сланцеватое сложеніе отступаетъ отъ обыкновеннаго, при чемъ тонкіе листы сланцевъ получаютъ мѣстами волнистую и зивзвающуюся поверхность, а кварцъ и альбитъ, соединяясь между собою въ кристаллахъ, выдѣляются изъ составныхъ частей ихъ, между тѣмъ какъ известь въ свою очередь освобождаетъ чистое известковое вещество, которое въ видѣ мелко-зернистыхъ кристалловъ самостоятельно располагается въ промежуточныхъ пластахъ, параллельныхъ плоскостямъ слоевъ.

Одна изъ упомянутыхъ діоритовыхъ купъ, казавшаяся мнѣ выше другихъ, возвышается надъ уровнемъ моря не болѣе какъ на 390 пар. фут.; значительнѣйшія возвышенія, которыя я видѣлъ съ высоты этой купы, суть: на ВЮВ упомянутый уже Ладхайбай, называющійся также Лекахайбаемъ, а на ЮЮВ высокая гора Савгайбай или Сайвайайбайпай, которая, по причинѣ высоты своей, всегда является объятая туманомъ. Варварское названіе этой горы намъ перевели здѣсь точно также, только иначе растолковали, какъ будто оно происходитъ отъ *савъ*-глась и *гай*-

сырой, мокрый, и означаетъ гору влажныхъ глазъ, т. е. такую, съ вершины которой, по причинѣ окружающаго ее тумана, рѣдко можно обозрѣвать окрестности горы, а всегда смотришь какъ бы влажными или мутными глазами.

Тутъ мы опять наткнулись на зырянскую палатку, которая, изъ всѣхъ встрѣчавшихся намъ въ этихъ странахъ, была самая сѣверная. Вмѣстѣ съ этимъ народомъ, какъ непремѣнные ихъ спутники, явились и несправедливости, притѣсненія и жалобы; они только-что разрушили нѣсколько находившихся на близлежащемъ возвышеніи песцовыхъ норъ, изъ которыхъ, какъ мы узнали, было добыто около 100 молодыхъ песцовъ. Самоѣды, по обыкновенію, горько жаловались на это и справедливо приписывали этому безпощадному искорененію значительное уменьшеніе пушныхъ звѣрей, которое теперь повсюду замѣчается въ самоѣдскихъ земляхъ. Завидѣвъ издали наши сани, Зыряне, чтобы скрыть отъ насъ свою несправедливость, торопились убрать добытыя ими шкуры: однакожъ дорога наша вела мимо разрушенныхъ пещеръ и мы легко могли догадаться, въ чемъ дѣло. Послѣ крупнаго разговора и угрозъ съ нашей стороны, Зыряне наконецъ должны были уступить нашимъ требованіямъ и дать намъ свѣжихъ оленей, на которыхъ мы отправились далѣе, переѣзжая по неправильно разбросаннымъ возвышеніямъ и группамъ скалъ, разрушившіяся вершины которыхъ были составлены изъ діорита и зеленаго камня. Потомъ мы начали подыматься по умѣренно возвышающимся болотистымъ равнинамъ, ведущимъ къ подошвѣ довольно высокой купы, гдѣ мы рѣшились

остановиться и подняться на высоту, частію для наблюденія за возвышающимся хребтомъ, частію для того, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли вблизи палатки, въ которой бы мы могли ночевать. Купа эта представляетъ извѣстный уже намъ Хамдебай, т. е. крутую скалу; съ той стороны, гдѣ мы поднялись на вершину, эта купа дѣйствительно крута и, какъ это обыкновенно бываетъ при такомъ условіи, скатъ ея былъ покрытъ толстымъ слоемъ снѣга. Какъ округленная вершина, такъ и скаты ея со всѣхъ сторонъ покрыты обломками и глыбами горныхъ породъ, между которыми исключительно господствуетъ діоритъ; только на берегу небольшаго озера, лежащаго у сѣверной подошвы горы, находились обломки свѣтлосѣраго плотнаго известняка съ раковистымъ изломомъ, весьма похожаго на тотъ, который мы видѣли сегодня утромъ въ горной пропасти. Выходовъ этихъ горныхъ породъ нигдѣ нельзя было открыть, но и здѣсь, по видимому, известь прерывается діоритомъ, покрывающимъ выходящія ея части. Высота вершины надъ уровнемъ моря не превышала 570 п. ф. Термометръ на этой высотѣ едва показывалъ 2° Ц.; сильный холодный ВСВ вѣтеръ дулъ въ продолженіе цѣлаго дня безъ умолку и сырость атмосферы препятствовала обозрѣнію окружавшей насъ страны на дальнемъ разстояніи. Но за то вся мѣстность являлась намъ въ дивно-живописномъ свѣтѣ, потому что западный и сѣверный горизонтъ вспыхнулъ отъ вечерней зари, а освященныя облака изливали прозрачно-розовый свѣтъ свой по равнинамъ, на которыхъ блуждали длинныя мрачныя тѣни окрестныхъ высотъ; свѣтъ и тьма, казалось, вели страшную борьбу между собою; меж-

ду тѣмъ, въ далекѣ на ЮВ, уральскій хребетъ озарялся слабымъ блескомъ вечерней зари и снѣжныя пропасти его, подобно огненнымъ потокамъ, низвергались съ верхушекъ горы къ ея подошвѣ.

Направленіе главнаго хребта, на высотѣ котораго мы находились, было чисто западное; слѣдовательно гора была обращена болѣе въ восточную сторону, къ Уралу. Съ вершины видно, какъ отъ ССЗ къ ВСВ и отъ ЮЮЗ къ ЗЮЗ стелятся равнины и какъ только нѣсколько волнующаяся плоская земля ограничивается горизонтомъ. По другимъ направленіямъ тянутся различныя группы возвышеній и цѣпи горъ, связь которыхъ за одинъ разъ нельзя было хорошо разсмотрѣть, потому что мы стояли на мало возвышенномъ мѣстѣ; да и Самоѣды, которые, состарившись во служеніи у Зырянъ, впервые попали въ эту страну, не могли мнѣ, ни расталкавать мѣстностей, ни назвать тѣхъ высотъ, которыя представлялись взорамъ нашимъ. Хамбдебай въ высотѣ уступаетъ очень немногимъ окрестнымъ горамъ, вершины которыхъ препятствовали обозрѣнію страны. На В мы увидѣли Іоидапей, который, кажется, немногимъ ниже Хамдебая; на З вдали видна нѣсколько возвышеннѣйшая купа, имени которой мнѣ не могли назвать; на ССВ выглядываетъ несравненно значительнѣйшая гора, отдѣляющаяся отъ Хамдебая только однимъ горнымъ сѣдломъ; это—Большой Савгайбай, а подлѣ него, болѣе къ сѣверу, близнецъ его—Малый Савгайбай; къ сожалѣнію мы не могли подняться на эти двѣ вершины, потому что для этого требовалось много времени, между тѣмъ какъ намъ надо было спѣшить дальше. На сѣверѣ мы также замѣтили довольно высокую, по видимому, гору, на-

званія которой я не могъ узнать, а также длинную, но невысокую возвышенность Сундебай, похожую на небольшую уединенную цѣпь горъ, которую мы видѣли на ЮЮВ.

Тутъ мы перешли черезъ горную цѣпь, чтобы по южному склону ея продолжать наше путешествіе. Проѣхавъ небольшое пространство, мы остановились у зырянской палатки, гдѣ опять услышали столько жалобъ, принесенныхъ Самоѣдами на Пжемцевъ, что сопутнику моему не мало было труда передать ихъ всѣхъ бумагѣ, какъ это ему было поручено Правительствомъ. Да и мнѣ, признаться, народъ этотъ уже сильно опротивѣлъ, потому что, кромѣ обидъ, которыя они наносили бѣднымъ Самоѣдамъ, они всякій разъ ссорились со мной за то, что я требовалъ у нихъ свѣжихъ оленей для дальнѣйшихъ разъѣздовъ, и всякій разъ долженъ былъ прибѣгать къ угрозамъ. Владѣльцы стадъ сѣверныхъ оленей, казалось, согласились между собой препятствовать моему путешествію, гдѣ только можно, тѣмъ болѣе, что они никакъ не могли понять цѣли моего путешествія по тундрамъ и, видя, что я познакомился уже, какъ съ состояніемъ земли, такъ и съ отношеніями ихъ къ Самоѣдамъ, сильно опасались за послѣдствія. Однакожъ, въ чемъ они согласились всѣ вмѣстѣ, того не смѣлъ на дѣлѣ выполнить ни одинъ отдѣльный Зырянинъ, потому что этому народу стоитъ только сказать нѣсколько грозныхъ словъ, и онъ тотчасъ же дѣлается уступчивымъ, покорнымъ и предупредительнымъ.

(4 Августа) Теперь мы были принуждены удаляться отъ горнаго хребта, котораго мы до сихъ поръ

держались, потому что по направленію его мы не могли бы встрѣтить ни одной палатки; притомъ же каменистая почва, которая у подошвы его часто на большихъ, пространствахъ, покрыта обломками горныхъ породъ, непремѣнно затруднила бы нашу ѣзду. Отъ этого послѣдняго обстоятельства полозья саней нашихъ уже значительно пострадали, и я боялся вовсе лишиться ихъ, тѣмъ болѣе, что потеря эта, въ странѣ необитаемой и лишенной лѣса, не могла бы быть возвращена и потому заставила бы насъ возвратиться назадъ. По этому мы рѣшились ѣхать по южному склону горной цѣпи, мало по малу подвигаясь къ уральскому хребту.

Покатая земля вела насъ мимо многихъ, безъ всякой системы разбросанныхъ, горныхъ группъ, образовавшихся изъ упомянутаго нами діорита и зеленаго камня; въ этихъ горныхъ породахъ повсюду замѣчается одно и тоже направленіе ихъ разсѣлинъ, т. е. отъ В на З, такъ однакожъ, что массы, похожія на слои, и пласты, съ небольшимъ уклоненіемъ на сѣверъ, стоятъ почти вертикально. Обширная болотистая низменность, прерываемая плоскими возвышенностями лежала, по видимому, совершенно въ равнинѣ и привела насъ къ зырянской палаткѣ, гдѣ мы думали перемѣнить оленей; къ несчастію самого хозяина здѣсь небыло и мы узнали отъ его сожителя, что онъ теперь занятъ отдѣленіемъ своего многочисленнаго стада отъ другаго столь же многочисленнаго, съ которымъ оно соединилось отъ неусмотрѣнія пастуховъ. Въ такомъ случаѣ нѣтъ другаго средства разъединить стада, какъ, загнавъ ихъ въ кругъ, перевязать ноги всѣмъ оленямъ одного хозяина, которые тогда по неволѣ остают-

ся на мѣстѣ, а стадо другаго хозяина угнать. При многочисленныхъ стадахъ занятіе это можетъ длиться цѣлыя сутки и даже болѣе.

Мы продолжали путь свой по направленію къ востоку и насъ опять-таки провожали неправильно разбросанныя группы горъ, которыя впрочемъ видомъ своимъ отличались отъ предыдущихъ, потому что онѣ были нѣсколько круглѣе и усѣяны лучшею растительностію. Горы эти образовались изъ чернобураго мелкозернистаго известняка, проникнутаго жилками бѣлаго известковаго шпата, который располагался въ общей массѣ въ видѣ зеренъ и маленькихъ гнѣздъ; слои известняка, будучи отъ 6–10 дюймовъ толщиною, направлены главнымъ образомъ къ востоку и западу, съ небольшимъ уклоненіемъ на югъ, подъ угломъ наклоненія 20°. Одна изъ этихъ горныхъ группъ, превышавшая всѣ прочія, возвышалась всего на 230 пар. фут. надъ уровнемъ моря; впрочемъ нѣсколько подальше находились возвышенія, образовавшіяся изъ того же известняка, которыя были значительно выше. На горахъ этихъ я находилъ мѣстами Sedum quadrifidum Pall., Poa bulbosa, Pedicularis amœna и Silene inflata Otth.

При ясной погодѣ, дозволявшей намъ обозрѣвать страну довольно далеко, мы лучше могли созерцать Уральскій хребетъ, между тѣмъ какъ оставленная нами горная цѣпь изчезала за плоско-холмистой землей. Къ вечеру мы перемѣнили своихъ оленей у зырянской палатки и, продолжая путешествіе свое во время ночи, переѣхали черезъ рѣку Сіпртетаягу, т. е. чудскую рѣку. Отчего рѣка эта, преимущественно передъ другими, получила названіе, которое напоминаетъ намъ перво-

бытныхъ жителей тундры, т. е. Сіиртовъ или русскую Чудь—этого я не могъ узнать отъ Зырянскихъ Самоѣдовъ, такъ какъ они не были знакомы съ преданіями этой страны; точно также не могъ я допытаться названій двухъ притоковъ этой рѣки, черезъ которыя намъ приходилось переѣзжать; можетъ быть около нея находятся чудскія подземныя пещеры, о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущей главы, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что, судя по словамъ русскихъ охотниковъ, татаковыя пещеры встрѣчаются на берегу близлежащей рѣки Кары, хотя Самоѣды, слышавшіе преданія объ этомъ таинственномъ для нихъ народѣ, вѣроятно изъ страха, говорятъ, будто они ничего не знаютъ о подземныхъ жилищахъ около Кары. Названіе рѣчки Сіиртеты переведено впрочемъ у русскихъ посредствомъ слова Сибирца. (1).

(1) Только въ послѣдствіи времени неоднократно упомянутый мною мѣщанинъ Окладниковъ подтвердилъ мое предположеніе на счетъ чудскихъ пещеръ около Сіиртеты и въ то же время разстолковалъ мнѣ русское названіе этой рѣки. А именно, въ прежнія времена сибирскіе промышленники обыкновенно пріѣзжали къ Карскому заливу и, занимаясь здѣсь, около устья Кары, ловлею дельфиновъ, заставляли этихъ послѣднихъ подниматься вверхъ по Карѣ и Сибирцѣ, гдѣ имъ не трудно было завладѣть своей добычей. Такъ какъ они занимались здѣсь также вытопкою жира этихъ животныхъ и производили мѣновую торговлю съ тамошними Самоѣдами, то они для пребыванія своего построили себѣ нѣсколько охотничьихъ хижинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ печку для топленія жира; отъ этого-то единовременнаго поселенія Сибиряковъ въ этихъ мѣстахъ рѣчка Сіиртета и названа Русскими Сибирцой. Существованіе чудскихъ подземныхъ пещеръ около Кары отвергаетъ и Окладниковъ, а это обстоятельство убѣждаетъ меня въ томъ, что охотники, отъ которыхъ я получилъ извѣстіе объ этихъ пещерахъ, разумѣли тѣже пещеры около Сіиртеты, потому что Русскіе, въ своихъ показаніяхъ, очень часто называютъ главную рѣку, а между

(5 Августа). Рано утромъ мы увидѣли палатку, находившуюся вправо отъ насъ, въ довольно большомъ разстояніи, и тотчасъ же послали туда одного Самоѣда за свѣжими оленями, а сами остались пока на открытой тундрѣ въ ожиданіи запряжки. Отъ насъ можно было обозрѣвать выдающуюся часть главной цѣпи Урала, за которой мы слѣдовали, и неправильно разбросанныя ея невысокія вершины и возвышенія, казалось, вездѣ указывали на образованіе ихъ изъ зеленаго камня; названій же отдѣльныхъ, болѣе возвышенныхъ горъ этой отрасли я не могъ узнать. Отъ В къ ВЮВ, съ спѣющейся дали, возвышался горный гребень главнаго хребта; но, къ несчастію, кругомъ располагалась плоскохолмистая земля и скрывала отъ насъ весь видъ, котораго я тѣмъ болѣе жаждалъ, что никакъ не могъ дознаться орографическихъ отношеній этой страны: я ожидалъ, что земля будетъ наклоняться къ югу, начиная отъ выдающейся части сѣвернаго Урала до рѣки Узы, а потому не мало удивился, когда увидѣлъ, что рѣка Сіиртета, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее переѣзжали, принимаетъ сѣверное теченіе, и когда узналъ отъ Самоѣдовъ, что рѣка эта, усиленная своими притоками, пробивается черезъ выдающійся къ сѣверу горный хребетъ сѣвернаго Урала и, омывая потомъ обширныя низменности, вливается въ сѣверовосточномъ направленіи въ Кару. Такъ какъ эта

тѣмъ разумѣютъ вмѣстѣ съ нею и побочную ея. Точно также мѣсторожденіе домашка около Ухты, притока Ижмы, указывается Устьцыльмцами всегда на послѣдней. Не считаю лишнимъ замѣтить, что на Ивановой картѣ упоминается еще одна рѣчка, также Сіиртета, которая вливается въ море между Югрскимъ проливомъ и устьемъ Коротаихи; названіе этой рѣчки, слѣдовательно, и здѣсь напоминаетъ Чудь.

послѣдняя, съ своей стороны, также пробиваетъ этотъ хребетъ, чтобы потомъ, около устья своего, принять сѣверное направленіе, чего я никакъ не предполагалъ, потому что думалъ найти начало ея въ сѣверномъ отклонѣ горы, — то я принужденъ былъ во многомъ измѣнить начертанный мною орогрофическій планъ и заключить, что отрасль главнаго хребта, обусловливающая обыкновенное наклоненіе земли къ сѣверу, находится нѣсколько южнѣе; въ чемъ я въ послѣдствіи совершенно убѣдился, потому-что въ горной цѣпи Носпаембоѣ я дѣйствительно открылъ предполагаемую мною отрасль. Растительность, украшавшая равнину, и сегодня окружала насъ, характеризуясь различныхъ видовъ ивами, какъ то: Salix arbuscula, lanata и Myrsinites, также другими растеніями, какъ Betula nana, Vaccinium Vitis Idaea, Vaccinium uliginosum, Veratrum Lobelianum, Trollius asiaticus, Sanguisorba officinalis, Nardosmia frigida, Veronica longiflora, Carex ampullacea и др. Судя по показанію барометра, равнина, на которой мы находились, возвышалась на 630 п. ф. надъ уровнемъ моря, что впрочемъ не совсѣмъ вѣроятно.

Между тѣмъ олени наши пріѣхали и мы могли продолжать наше путешествіе. Возвышенія становились все площе и площе, а вмѣстѣ съ тѣмъ изчезали и группы горныхъ породъ. Переѣхавъ черезъ двѣ побочныя рѣки Сіиртеты, мы прибыли къ палаткѣ, обитаемой частью языческими Самоѣдами, частью другими ихъ земляками, которымъ было поручено стеречь небольшое стадо сѣверныхъ оленей, принадлежавшее Колвенской церкви. Въ палаткѣ этой только-что родился мальчикъ, которому я далъ имя Савво-чу (т. е. счаст-

ливый путь!); всякому, кто послѣ меня вздумаетъ путешествовать по пустыннымъ мѣстамъ тундры, желаю встрѣтить на пути этого ребенка. Языческіе Самоѣды хотя и имѣютъ свои особенныя имена, однакожъ они нерѣдко даютъ дѣтямъ своимъ прозванія, соотвѣтствующія разнымъ случайнымъ событіямъ, сопровождающимъ ихъ рожденіе; также соображаются при этомъ съ мѣстомъ и временемъ рожденія, или же наконецъ просятъ постороняго дать ребенку ихъ какое нибудь названіе; оттого-то у Самоѣдовъ сплошь и рядомъ бываютъ чрезвычайно странныя названія, какъ-то: Кабанъ, Конь, Вошь, Маій, Сентябрь и т. п., данныя имъ проѣзжавшими во время рожденія ихъ Русскими. Новообращенные Самоѣды перемѣнили свои языческія названія на русскія; чистоязыческія же имена Самоѣдовъ суть, мужскія: Аркумбой, Мала, Пыхай, Юмгыло, Тата, Пыы и т. д., а женскія: Ало, Аттело и т. п. (1).

Выѣхавъ изъ палатки, мы увидѣли ручей, на берегахъ котораго находился глинистый сланецъ съ тѣмъ же западнымъ и восточнымъ направленіемъ его слоевъ и съ тѣмъ же уклоненіемъ на югъ подъ угломъ наклоненія 20°, какъ и известнякъ этой страны. Уральскій хребетъ между тѣмъ показывался все яснѣе и яснѣе, возвышаясь надъ плоскостями рѣзко ограниченными профилями. Двѣ горныя массы, изъ которыхъ одна, лежащая южнѣе, называется Гатò, а другая, по-сѣвернѣе, Аюргою, т. е. челноковидною, отдѣляясь другъ отъ друга глубокимъ разрѣзомъ, превышаютъ своею высо-

(1) Лепехинъ въ своемъ путешествіи ч. IV стр. 25 приводитъ цѣлый списокъ собственныхъ именъ Самоѣдовъ.

тою всѣ прочія вершины, которыя, пролегая далѣе на сѣверъ, изчезаютъ наконецъ за возвышающейся плоской землей. Округленныя вершины, перемежающіяся съ зубчатыми профилями, образуютъ верхушечную линію этого хребта. Провожаемые сильнымъ проливнымъ дождемъ, мы продолжали свое путешествіе ночью, переѣзжая черезъ нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ Силваягу, черезъ рукавъ этой послѣдней, Силва-тарку, и черезъ плоскохолмистую землю, пока мы наконецъ,

6 Августа въ полдень, не достигли упомянутой нами рѣки Силвы, которая, будучи одною изъ главныхъ этой страны, вливается въ лѣвый берегъ Кары. Глинистымъ и точильнымъ сланцамъ, окаймляющимъ рѣчной берегъ и распространеннымъ даже между его галькамп, рѣка эта обязана своимъ именемъ, которое въ переводѣ означаетъ осколочную рѣку, такъ какъ Самоѣды употребляютъ эту горную породу на оселки (сплва). Русскіе называютъ рѣку эту Силовой, а на картахъ она обозначена подъ именемъ Сàловы. Впрочемъ Силваяга имѣетъ свойство всѣхъ рѣкъ этой страны: имѣя прозрачную, текущую по каменистому руслу воду, она не широка, а въ сухое время года даже не глубока; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переправлялись черезъ нее, она имѣла еще столько воды, что мы не могли переѣхать черезъ нее просто на саняхъ, какъ мы это обыкновенно дѣлали, а должны были прикрѣпить каждыя двое саней одинъ къ другимъ, отчего верхнія, во время переправы нашей, остались сухими, и какъ пассажиры, такъ и поклажа благополучно достигли другаго берега. Этотъ способъ переправленія въ послѣдствіи былъ употребляемъ нами довольно часто.—У близлежавшей зырянской палатки мы перемѣ-

или запряжку и отправились дальше.

Ясная и тихая погода вчерашняго вечера замѣнилась во время ночи туманами и дождями, за которыми послѣдовалъ югозападный вѣтеръ, дувшій въ продолженіе нѣкотораго времени безъ умолку; но потомъ онъ мало по малу началъ утихать и наконецъ превратился въ зефиръ, который, при проясневшемся небѣ, едва колебалъ воздухъ; однакожъ это продолжалось весьма не долго, потому что тотчасъ же опять появились туманы и дожди, сопровождаемые уже не югозападнымъ, а сѣверозападнымъ вѣтромъ. Эти явленія природы повторяются здѣсь довольно правильно, слѣдуя всегда одному и тому же порядку. Всякій новый вѣтеръ, какой-бы онъ ни былъ, начинался сильными порывами и всегда бывалъ причиною тумана и дождя; по прошествіи же нѣсколькихъ часовъ онъ начиналъ ослабѣвать, туманы изчезали и воздухъ становился чистъ и прозраченъ; но въ то время, когда вѣтеръ утихалъ или вовсе переставалъ дуть, навѣрно можно было ожидать новаго вѣтра съ какой-нибудь другой стороны; и дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, онъ появлялся съ тѣми же сильными порывами, съ тѣми же туманами и дождями, какъ и прежніе вѣтры. Несмотря однакожъ на то, что явленія эти въ продолженіи всего лѣта повторялись здѣсь съ такою правильностію и послѣдовательностію, нельзя было вывести никакого закона насчетъ того, сколько времени дулъ одинъ и тотъ же вѣтеръ и какъ долго продолжались сопровождавшіе его феномены. Вѣтры, дувшіе съ сѣверной половины компаса, вообще продолжались дольше вѣтровъ южной половины; первые начинались большею частію сильными порывами и даже въ ви-

дѣ бурь, особливо въ концѣ лѣта; пасмурная и дождливая погода, сопровождавшая ихъ, часто продолжалась нѣсколько дней, и вообще вѣтры эти приносили съ собой холодную и сырую атмосферу. Напротивъ того, южные вѣтры, при началѣ, дуютъ всегда несравненно тише; туманы, ихъ сопровождающіе, скоро разсѣиваются, потому что они, или ниспадаютъ въ видѣ проливнаго дождя, или разгоняются самимъ вѣтромъ, послѣ чего устанавливается ясная и теплая погода съ весьма умѣреннымъ вѣтромъ, или даже совершенное безвѣтріе; это продолжается иногда нѣсколько дней сряду, но чаще случается, что за такимъ безвѣтріемъ очень скоро слѣдуетъ новый вѣтеръ, обыкновенно съ сѣверной половины. Надо еще замѣтить, что вѣтры, дувшіе изъ промежуточныхъ румбовъ компаса, были несравненно чаще обыкновенныхъ вѣтровъ, т. е. западнаго, восточнаго и полуденнаго; изъ этихъ послѣднихъ, чаще другихъ, дулъ сѣверный вѣтеръ. Архангельцы, привыкшіе къ морской жизни, очень хорошо знаютъ употребленіе морскаго компаса: они различаютъ прежде всего главные и побочные вѣтры, которые отчасти обозначаются толькоздѣсь употребительными именами, а именно: сѣверный вѣтеръ у нихъ называется *сьвером*ъ или *сиверомъ*, восточный—*востокомъ* или *встокомъ*, западный—*западомъ*, а южный—*лѣтомъ*; сѣверовосточный—полуночникомъ, сѣверозападный—*глубникомъ* (т. е. морской вѣтеръ, дующій съ моря—морская глубь), югозападный—*шелонникомъ* и наконецъ югговосточный—*обѣдникомъ* (такъ какъ архангельскіе промышленники обѣдуютъ въ то время, когда солнце стоитъ на югозападѣ). Потомъ есть еще промежуточные вѣтры, дующіе между показанными направленіями; они называ-

ются вообще *межниками*, но каждый изъ нихъ имѣетъ еще отдѣльное названіе, смотря потому, между какими двумя направленіями онъ находится; такъ напр. ВЮВ вѣтеръ есть межникъ востока и обѣдника, и Архангельцы говорятъ: «вѣтеръ межъ востокъ и обѣдникъ»; про ССЗ вѣтеръ они говорятъ: «вѣтеръ межъ глубникъ и сиверъ» и т. д.

Вечеромъ погода намъ весьма неблагопріятствовала, а потому мы не мало обрадовались, встрѣтивши самоѣдскую палатку, въ которой можно было укрыться отъ ненастной ночи. При входѣ нашемъ въ палатку, мы были поражены страшной сценой: всѣ находившіеся въ ней Самоѣды, поджавши ноги, сидѣли около огня; нѣкоторые изъ нихъ, какъ будто невольно перемѣнивъ положеніе, спали крѣпкимъ сномъ, а другіе, выторощивъ безсмысленные глаза свои на пагасавшіе уголья, едва-едва посмотрѣли на насъ и тотчасъ же опять углубились въ свою безотчетную думу. Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ я узналъ, что они только-что возвратились изъ храма Бахуса, которому они, какъ видно, принесли въ жертву не только все свое имущество, но даже свободу и семейства свои! Мы преспокойно усѣлись между ними и молчаливые сосѣди наши нисколько не мѣшали намъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они мало по малу отправились въ гости къ Морфею. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть хмѣльное состояніе въ такой рѣзкой противоположности съ душевными силами; впрочемъ, въ такомъ состояніи, Самоѣды не всегда бываютъ такъ недѣятельны и безжизненны, какими я ихъ видѣлъ теперь: иногда они во время хмѣля приходятъ въ ужа-

сное бѣшенство, и тогда они способны на всякаго рода преступленія.

(7 Августа) Проспавшись отъ хмѣля, Самоѣды наши сегодня уже не были такъ молчаливы, какъ вчера; напротивъ того, мы почерпнули отъ нихъ нѣсколько полезныхъ свѣдѣній касательно того, что дѣлается въ тундрахъ. Сопутешественнику моему опять представилась работа-записывать жалобы протрезвившихся Самоѣдовъ на безбожныхъ Зырянъ; въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней онъ выслушалъ не менѣе восемнадцати жалобъ, которыя всѣ были очень основательны и имѣли предметомъ своимъ, большею частію, разбой и грабежъ со стороны Зырянъ. Передъ палаткой нашей я замѣтилъ воткнутый въ землю шестъ, къ концу котораго была прикрѣплена вырѣзанная изъ дерева фигура весьма грубой работы. Фигура эта изображала птицу съ желѣзнымъ клювомъ, проткнутую поперекъ туловища желѣзной палочкой, горизонтальные концы которой, высовывались съ обѣихъ сторонъ, представляли крылья, между тѣмъ какъ вмѣсто ногъ были придѣланы два желѣзныхъ проволока. Мы узнали, что птица эта была вырѣзана покойнымъ хозяиномъ этой палатки, который, будучи тадибомъ своихъ сожителей, наставлялъ ихъ обожать своего генія-хранителя подъ этимъ видомъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тадебціи нерѣдко являлись ему въ видѣ птицы.

Продолжая путешествіе, мы ѣхали по равнинамъ и плоскохолмистой землѣ. Растительность здѣсь не представляла ничего новаго; притомъ же большая часть растеній уже отцвѣла; Salix livida и lanata росли порядочными кустарниками; также намъ удалось опять видѣть

Salix hastata. Кромѣ обыкновенныхъ мховъ и ягля, покрывавшихъ мокрыя тундристыя болота, я замѣтилъ еще слѣдующія растенія: Rubus arcticus и Chamaemorus, Trollius europaeus и asiaticus, Veratrum Lobelianum, Aconitum Lycoctonum, Pyrethrum bipinnatum, Taraxacum ceratophorum β, Valeriana capitata, Viola biflora, Lychnis apetala, Geranium albiflorum, Hedysarum obscurum, Oxytropis borealis, Saxifraga hieracifolia, Hyrculus, Stellaris caespitosa и biflora, Draba repens и muricella, Senecio campestris, Silene acaulis и graminifolia, Myosotis alpestris, Thalictrum alpinum, Cerastium furcatum, Stellaria dahurica, Oxyria reniformis, Androsace Chamaejasme, Epilobium nutans Hornem., Hierochloa alpina, Poa flexuosa, Ranunculus acris var., Veronica longiflora, Archangelica officinalis, Pachypleurum simplex, Pedicularis lapponica, versicolor, sudetica и amœna, Potentilla palustris, Polygonum viviparum и Bistorta, Parnassia palustris, Luzula arcuata, Vitis Vaccinium Jdaea и uliginosum, Ledum palustre, Arctostaphylos alpina, Dryas octopetala, Salix Myrsinites, herbacea и reticulata.

Мы встрѣтили палатку, обитаемую сибирскими олепными Остяками, первыми, которыхъ намъ удалось вилѣть. Тѣ изъ Самоѣдовъ и Остяковъ, которые кочуютъ около сѣвернаго Урала, переселяются на все лѣто на обильныя пастбищами равнины, находящіяся около западной подошвы хребта, а осенью снова переправляются черезъ горы, чтобы провести зиму на богатой лѣсами восточной полосѣ уральскаго хребта.

Остяки извѣстны у Самоѣдовъ подъ именемъ *Хабій*, которымъ они обозначаютъ также свой собственный народъ; Остяки называютъ Русскихъ-Русь, Зырянъ-*Сарань*

(вѣроятно это названіе заимствовано у Русскихъ), а Самоѣдовъ-*Ориой*. (1) Остяки, подобно Самоѣдамъ, раздѣляются на поколѣнія и роды; языкъ ихъ, изъ всѣхъ финскихъ нарѣчій, ближе всего подходитъ къ языку Вогуличей, имѣетъ однакожъ большую примѣсь самоѣдскаго языка (2); это послѣднее обстоятельство весьма легко объяснить: Остяки, граничащіе съ Самоѣдами, обыкновенно говорятъ на обоихъ языкахъ, какъ это дѣлаютъ и наши Остяки, слѣдовательно отечественный языкъ Остяковъ необходимо долженъ былъ принять мало по малу большее или меньшее число чужихъ выраженій. Впрочемъ примѣсь эта не такъ велика, чтобы Самоѣды въ состояніи были понимать языкъ Остяковъ, даже нельзя сказать, чтобы оба эти языка имѣли близкое сродство между собою. Черты лица Остяковъ не такъ рѣзко отличаются отъ самоѣдскихъ: только цвѣтъ лица, какъ у присутствовавшихъ здѣсь Остяковъ, такъ и у тѣхъ немногихъ, которыхъ я встрѣчалъ въ послѣдствіи, былъ гораздо бѣлѣе, обстоятельство, которое особливо замѣчается въ женщинахъ и которое отчасти можетъ быть приписано ношенію покрывала, защищающаго лица ихъ отъ вліянія солнечныхъ лучей; волосы у нихъ большею частію бѣлокурые и русые, между тѣмъ какъ такой же цвѣтъ волосъ у Самоѣдовъ составляетъ исключеніе. Палатка и домашняя утварь Остяковъ ни въ чемъ не отличается отъ самоѣдскихъ; также мало различается и мужская одежда ихъ; за то женщины, вмѣсто са-

---

1) Касательно этого послѣдняго имени и вѣроятнаго тожества его съ названіемъ Югровъ древняго сибирскаго сѣвера, сравни взглядъ мой въ прибавленіяхъ II-го тома.

2) Georgis, Beschreibung russ. Nat. стр. 73.

мѣдской верхней одежды, носятъ длинную и простую остякскую паницу, а на головѣ—обшитое голуномъ покрывало, висящее на спинѣ и на плечахъ; оно покрываетъ лице только вполовину, но такъ, чтобы Остячки, вообще недурненькія собой, могли выглядывать изъ-подъ него своими черненькими глазками. Я не мало удивился, когда увидѣлъ между ихъ домашнею утварью шахматную доску, на которой мои Самоѣды усѣлись играть въ шашки; меня увѣряли, что игра эта въ большомъ употребленіи, какъ у Самоѣдовъ, такъ и у Остяковъ; она, вѣроятно, перешла къ нимъ отъ Русскихъ. Впрочемъ доска эта имѣла только въ ширину обыкновенныхъ 8 клѣтокъ, въ длину же цѣлыхъ девять; каждый изъ играющихъ имѣлъ по 8 шашекъ, которыя разставлялись въ каждые два нижнихъ ряда, такъ-что между ними пять рядовъ оставались свободными. Въ остальномъ игра шла обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что шашками ходили и били только впередъ и что отъ воли играющихъ зависило-бить шашку или не бить; дамками же можно было ходить и бить какъ впередъ, такъ и назадъ, но всегда черезъ одно только поле, а никакъ не болѣе. Цѣль игры состояла въ томъ, чтобы преслѣдовать противника, ослабить его шашками и запереть въ уголъ. Но такъ какъ у кочеваго народа, который всегда возитъ съ собой всѣ свои пожитки, ничего не можетъ быть лишняго, а всякая вещь должна быть необходима и имѣть извѣстное употребленіе, то какой-нибудь предметъ роскоши, какъ напримѣръ шахматная доска, весьма естественно, не могъ служить для одной игры, а потому и представлялъ въ тоже время блюдо для

мяса, отчего доска эта, покрытая кровью, походила на поле сраженія. Обстоятельство это вѣрно было сообра-жено мастеромъ, приготовлявшимъ шахматную доску, потому что клѣтки ея отличались одинъ отъ другихъ не цвѣтомъ, а тѣмъ, что одна половина ихъ (т. е. тѣ, которыя оставались безъ употребленія) представляла углубленія, а другая лежала въ одной плоскости съ доской. При такомъ устройствѣ доски не мудрено, что въ углубленныхъ клѣткахъ всегда видны слѣды предшествовавшей трапезы, что впрочемъ нисколько не препятствовало игрѣ, тѣмъ болѣе, что поле сраженія всегда должно быть обагрено кровью.

При сильномъ сѣверозападномъ вѣтрѣ, погода цѣлый день была пасмурная и дождливая, къ вечеру же вѣтеръ утихъ, небо прояснилось и мы могли ожидать благопріятной перемѣны въ погодѣ. Горный кряжъ лежалъ теперь прямо противъ насъ, облаченный въ облака и туманы, которые, несясь надъ его высотами, придавали ему разныя странныя формы, или, разгоняемые вѣтромъ, совершенно обнажали ихъ сѣдыя вершины, покрытыя только что выпавшимъ снѣгомъ. Сквозь эти блуждающіе туманы солнце изливало различный свѣтъ на оконечности скалъ и на округленныя вершины горнаго кряжа. Мы переѣхали черезъ нѣсколько побочныхъ ручьевъ Кары и на берегу одного изъ нихъ нашли тонкозанозистую, весьма твердую кварцовую породу темносѣраго цвѣта и неяснаго слапцевиднаго сложенія; минералъ этотъ, по видимому, способствовалъ переходу въ глинистый слапецъ, слои котораго имѣли отъ нѣсколькихъ дюймовъ до цѣлаго фута толщины.

Проѣхавъ обширныя болотистыя низменности, мы

очутились около рѣчки Кары, которая въ этомъ мѣстѣ представляетъ узенькую, окаймленную низменными травянистыми берегами рѣку, изливающую свои неглубокія, но свѣтлыя воды по каменистому руслу. Переправившись черезъ нее, мы поѣхали по весьма умѣренно возвышающимся низменностямъ, все болѣе и болѣе подвигаясь къ горному кряжу. Между тѣмъ небо снова покрылось тучами, пошелъ маленькій дождь и мы принуждены были остаться на нѣсколько часовъ въ степи, потому что, при темной ночи, очень легко можно было сбиться съ дороги.

(8 Августа). Утромъ мы открыли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ цѣлыхъ четыре палатки, находившіяся вмѣстѣ у подошвы горнаго кряжа, и съ радостію поспѣшили къ нимъ; онѣ были обитаемы сибирскими Самоѣдами, между которыми замѣшалось также нѣсколько Остяковъ, женатыхъ на Самоѣдкахъ. Новые мои хозяева разсказывали мнѣ, что лѣтъ десять тому назадъ, зимою, когда они кочевали на восточной сторонѣ уральскаго хребта, имъ случилось провожать мужчину, который, подобно мнѣ, разъѣзжалъ съ различными инструментами и много писалъ. Мнѣ не нужно было долго ломать головы своей, чтобы узнать въ этомъ загадочномъ для Самоѣдовъ путешественникѣ—Г-на Эрмана, который зимой 1828 г. осматривалъ полярный Уралъ подъ этими широтами; я разсказалъ имъ нѣкоторыя частности, извѣстныя мнѣ изъ путешествія Эрмана вокругъ земли, чему Самоѣды мои не мало удивились; они съ своей стороны сдѣлали также нѣсколько замѣчаній, которыя меня убѣдили, что они дѣйствительно служили Эрману проводниками. Такъ какъ я зналъ, что Эрманъ, поте-

рявъ по дорогѣ свой барометръ, опредѣлялъ высоту вершинъ, на которыя онъ подымался, помощію точки кипѣнія воды на термометрѣ, то я приблизительно разсказалъ своимъ Самоѣдамъ, какъ онъ при этомъ поступалъ: загадочный путешественникъ велѣлъ, будто бы, нарубить своимъ проводникамъ вязанку дровъ и положить ее въ сани, потомъ отправился вмѣстѣ съ ними на гору, велѣлъ тамъ развести огонь и поставить на него котелъ со снѣгомъ; когда вода вскипѣла, путешественникъ взялъ, будто бы, мѣдную штучку, похожую на ту, которую я имъ показалъ, т. е. термометръ, окунулъ ее въ воду, подержалъ тамъ нѣсколько времени и потомъ, разсмотрѣвъ ее со вниманіемъ, записалъ что-то въ свою книжку, а воду, къ немалому удивленію своихъ проводниковъ, велѣлъ вылить. Слушатели мои чрезвычайно удивлялись тому, какъ я могъ знать до тонкости это обстоятельство, когда меня вовсе не было при этомъ, и готовы были принять меня за человѣка необыкновеннаго, которому извѣстно какъ прошедшее, такъ и будущее.

Къ обѣду вѣтеръ, дувшій до того съ большою силою, началъ утихать и горный кряжъ, при ясномъ небѣ, почти совершенно освободился отъ тумановъ, обстоятельство, весьма рѣдкое въ этихъ мѣстахъ. Мы рѣшились воспользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ и поднялись на вершину южной горной массы Гато, у подошвы которой находились наши палатки. Вершина эта была самая высокая въ этой части горнаго кряжа, и только Анорга, если смотрѣть на нее съ равнины, могла, по видимому, соперничать съ нею въ высотѣ своей, отнюдь однакожъ не превышая ее.

Въ 2 часа пополудни я собрался въ путь вмѣстѣ со своими людьми и тремя Самоѣдами, которые послѣдовали за мной изъ одного любопытства. Сначала мы шли по весьма умѣренно возвышенной тундрѣ, которая была покрыта растительностію равнины и не производила ничего особеннаго, кромѣ прекраснаго Saxifraga bronchialis, сорваннаго мною на солнечномъ скатѣ холма; послѣ того растеніе это мнѣ болѣе не встрѣчалось.

Нѣсколько наклонная равнина вела насъ къ круто возвышающимся холмамъ, округленныя вершины которыхъ были усѣяны растеніями, между тѣмъ какъ у подошвъ ихъ находилось нѣсколько гальковъ горныхъ породъ, образовавшихъ весь горный кряжъ. Ближе къ горѣ, возвышенія эти крутыми скатами своими спускаются въ глубокую пропасть, на днѣ которой, по обломкамъ и галькамъ, струился быстрый горный ручей. На противоположной сторонѣ долины видны были горныя породы, а именно тонкослоистый тальковый глинистый сланецъ, слои котораго главнымъ образомъ простирались отъ ЮЮЗ къ ССВ съ небольшимъ уклоненіемъ на западъ, подъ весьма различными углами наклоненія, начиная отъ 25° до вертикальности. Суля по минералогическимъ признакамъ этого минерала, его можно было отнести и къ тальковому и къ глинистому сланцу.

Подъ вліяніемъ вывѣтренія онъ превращается въ охряножелтую глинисто-тальковую массу, которая на днѣ пропасти покрывала слои свѣжей горной породы. Мы подымались по купамъ и скатамъ, поверхности которыхъ, усѣянныя обломками, хотя и не находились еще на значительной высотѣ, однако уже были лишены всякой растительности, потому что растенія также мало

могли пускать корни свои въ подвижной зыбкой дресвѣ, какъ и подъ огромными глыбами обломковъ. Это свойство сѣвернаго хребта Урала лишило меня всякой возможности слѣдить за постепеннымъ изчезаніемъ растеній по мѣрѣ возвышенія горнаго кряжа. Въ одномъ мѣстѣ видишь зеленью покрытые холмы, а въ другомъ, на такой же высотѣ и только раздѣленные пропастью,— другіе, которые отъ подошвы до вершины лишены растеній и представляютъ обломками покрытыя поля, гдѣ скалы подернуты только сухимъ и жесткимъ мхомъ. Травой покрытые холмы группируются только близъ подошвы горнаго хребта, гдѣ растительность тундры, распространившись мало по малу, произвела тонкій слой земли, между тѣмъ какъ далѣе кверху всѣ растенія вдругъ изчезаютъ. Размноженію растительности въ этихъ мѣстахъ очень много препятствуютъ долины и пропасти, дно которыхъ усѣяно толстыми глыбами обломковъ, безпрестанно обрывающихся съ крутыхъ скатовъ и падающихъ въ быстрый потокъ, образующій изъ нихъ гальки: а если на какомъ-нибудь скатѣ и появится кой-какое растеніе, то снѣгъ, который весной чрезвычайно скоро таетъ, тотчасъ же смываетъ его и уноситъ въ глубину пропасти или долины, гдѣ оно, или пропадаетъ подъ огромными глыбами обломковъ, или теченіемъ воды пригоняется на равнину. Вотъ обстоятельства, обусловливающія голый видъ всѣхъ горныхъ скатовъ на отдаленномъ сѣверѣ.

Всѣ эти обломки принадлежатъ одной твердой массѣ, смежность которой съ упомянутыми нами слоеватыми горными породами мы не могли различить; измѣнивъ во многомъ свой минералогическіе признаки, она пред-

ставляетъ преобладающую здѣсь горную породу, образующую самыя огромныя горныя массы и возвышающуюся до самыхъ высокихъ вершинъ горнаго кряжа. Это есть ничто иное, какъ весьма твердый авгитовый порфиръ съ темноцвѣтной роговидной основной массой, въ которой содержатся небольшіе кристаллы авгита оливковаго цвѣта. Этотъ авгитовый порфиръ, подобно всѣмъ горнымъ породамъ дальняго сѣвера, обнаруживаетъ большую наклонность къ трещиноватости и распадается на острокрайные обломки, которые частію покрываютъ скаты, частію же обрушиваются къ ихъ подошвѣ; всѣ скаты, уголъ наклоненія которыхъ не такъ значителенъ, чтобы обломки эти не могли держаться на нихъ, усѣяны ими, а на неприступныхъ скалистыхъ стѣнахъ обнаруживаются выходы этого порфира въ видѣ неровныхъ и отвислыхъ скалъ.

Потомъ мы спустились къ широкой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ грудами обломочныхъ горныхъ породъ; отлогій скатъ ея, обращенный къ сѣверу, былъ покрытъ довольно толстымъ слоемъ снѣга; журчащій ручей, вбиравшій въ себя воду тающей снѣжной массы, протекалъ на западъ отъ исхода долины. Все было пусто и мертво; только во время переправленія пеструшекъ черезъ горы страна эта нѣсколько оживляется; мы открыли здѣсь слѣды этихъ маленькихъ странниковъ, нашедъ на снѣгу нѣсколько околѣвшихъ индивидуумовъ, которые, вѣроятно настигнутые мятелью, были засыпаны снѣгомъ или просто замерзли; впрочемъ тѣла ихъ сохранились на поверхности снѣга совершенно невредимыми.

Наконецъ мы стали подниматься по крутому скату,

ведущему прямо къ вершинѣ горной массы. По мѣрѣ того, какъ мы взбирались на верхъ, гора принимала болѣе дикій характеръ: свободные обломки, а частію огромныя глыбы скалъ, навьюченныя одна на другую, покрывали весь скатъ и выставляли свои острые края и углы. Подыматься по этому скату было весьма утомительно, потому что намъ приходилось переступать или, лучше сказать, взлѣзать съ одной глыбы на другую. Ближе къ вершинѣ поверхность ската была покрыта свѣжимъ снѣгомъ. Вправо отъ насъ находилась глубокая долина, по скату которой, подобно колоссальнымъ горнымъ ребрамъ, тянулись въ глубь огромныя шиповидныя возвышенія, перемежающіяся очень правильно съ бороздчатыми углубленіями и покрытыя глыбами обломковъ вездѣ, гдѣ они только могутъ держаться, не обрушиваясь; только вершины отдѣльныхъ высотъ выдавались въ видѣ крутыхъ и обрывистыхъ скалъ; по всей скалистой массѣ не видать ни малѣйшей зелени: куда ни посмотришь, вездѣ тотъ же камень, только въ другихъ формахъ; все пусто и безжизненно.

Поднявшись еще нѣсколько, мы очутились на самой высокой вершинѣ горной массы, откуда можно было обозрѣвать окрестности вдоль и поперекъ. Во всей западной половинѣ компаса, начиная съ С къ Ю, взоры наши покоились на неизмѣримыхъ равнинахъ, окаймленныхъ вечернимъ небомъ; безчисленное множество маленькихъ озеръ, болотъ и прудовъ, въ которыхъ отражалось заходившее солнце, свѣтлѣлось на горизонтальной равнинѣ до отдаленнаго горизонта; на ССЗ, не смотря на ужасную даль, можно было усмотрѣть поверхность Каркагоморя, а около самой подошвы горы, по-

добно узкой серебристой лентѣ, извивающіяся воды рѣки Кары. Совершенно другая картина представляется взору на восточной половинѣ: здѣсь тянется горный хребетъ, котораго голые, покрытые обломками скалъ верхушки и скаты, разбросанные въ ужасномъ безпорядкѣ, уподоблялись исполинскимъ волнамъ моря, внезапно остановленнаго сверхъестественною силою. Долины и пропасти, на днѣ которыхъ съ шумомъ протекаютъ горные ручьи, извиваются около подошвы этихъ высотъ, описывая различныя кривыя линіи; но растеній здѣсь нигдѣ не было видно, только мѣстами въ глубинахъ, между однообразными сѣрыми скалистыми массами, можно было открыть кой-какое темнозеленое пятно, представлявшее жалкую оазу растительной жизни. Въ этихъ пустыняхъ блуждало нѣсколько дикихъ сѣверныхъ оленей, которые, не боясь здѣсь никакихъ преслѣдованій, преспокойно паслись на берегахъ ручьевъ; въ настоящее время, горныя пропасти представляютъ единственныя убѣжища, въ которыхъ сѣверные олени могутъ еще встрѣчаться въ дикомъ состояніи; на равнинахъ же Большеземельной тундры они попадаются только ручными, т. е. въ стадахъ.

Уралъ подъ этими широтами возвышается надъ равниною въ видѣ рѣзко ограниченной главной горной цѣпи и простирается главнымъ образомъ отъ ЮЮЗ на ССВ; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ группы Гатоумбая, на вершинѣ которой мы находились, онъ, говорятъ, вдругъ достигаетъ сѣверной своей оконечности, такъ что высокая группа горъ Хорамага, которою онъ оканчивается, оставляя передъ собой еще много пустаго пространства, переходитъ на сѣверъ въ равнину.

Такъ говорятъ всѣ Самоѣды и Остяки. Однакожъ на дѣлѣ нельзя допустить, чтобы эта огромная горная цѣпь оканчивалась такъ внезапно, какъ это представляется помадамъ: соображаясь болѣе съ природой, эту Хорамагу должно скорѣе разсматривать какъ горную группу, которая, выдаваясь въ равнину по направленію главнаго хребта, ни въ какомъ случаѣ не оканчиваетъ этого послѣдняго, а только переламываетъ ось его подъ прямымъ угломъ, направляя ее къ западу; при этомъ, въ тоже время, отдѣльныя высоты ея понижаются до незначительной плоской возвышенности, но только для того, чтобы потомъ, въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи на сѣверозападъ, въ видѣ цѣпи сѣвернаго Урала, достигнуть прежней высоты. Судя по этому внезапному пониженію главной цѣпи и по измѣнившемуся направленію ея оси, несвѣдущій наблюдатель, конечно, долженъ былъ заключить, что она оканчивается, между тѣмъ какъ продолженіе ея на западѣ онъ очень легко могъ принять за совершенно отдѣльную горную цѣпь, или, уже много, за незначительный отростъ главнаго хребта.

Съ вершины Гатоумбая, въ довольно большомъ разстояніи, мы дѣйствительно увидѣли горную цѣпь, на которой отъ насъ можно было замѣтить пять округленныхъ отдѣльныхъ возвышеній; цѣпь эта, непосредственно у главнаго хребта, образуетъ уголъ и, сколько можно было разсмотрѣть издали, пролегаетъ къ западу или ЗСЗ; однакожъ она, по видимому, не имѣетъ большаго протяженія, потому что пятое изъ ея округленныхъ отдѣльныхъ возвышеній, кажется, переходитъ въ горизонтальную равнину. За то съ другой

сторопы, въ этой же равнинѣ, открывается новый, едва замѣтный рядъ возвышенностей, отдѣльныхъ холмовъ котораго нельзя было различить въ отдаленіи (1) и который служитъ продолженіемъ пятикупнаго хребта (здѣшніе уроженцы называютъ его Іондапейгой) и тянется по тому же западному или ЗСЗ-му направленію. Слѣдя за протяженіемъ этого ряда возвышенностей на западъ, мы видѣли, какъ онъ, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, становился выше и замѣтнѣе, такъ что вскорѣ даже можно было различать его отдѣльныя купы и возвышенія; впрочемъ только одну изъ этихъ послѣднихъ Самоѣды могли намъ назвать по имени, а именно ту, которая на ССЗ превышала высотою своею всѣ прочія (2); это была та высокая вершина Сайвайайбайпая, въ странѣ которой мы уже были и которая своею высотою повелѣваетъ всею окрестностью.

Упомянутой горы Хорамаги, т. е. Оленьяго Хребта, нельзя было видѣть, потому что она скрывалась за другими высотами, особливо за горной массой Аноргой, закрывавшей видъ страны даже съ высочайшей вер-

---

(1) Тутъ я невольно сталъ сожалѣть объ утратѣ зрительной трубы своей, которая, по неосторожности людей моихъ, испортилась еще во время путешествія моего около Колвы и которая, при значительномъ отдаленіи невысокихъ горъ, могла бы оказать мнѣ большую услугу, между тѣмъ какъ теперь я долженъ былъ ограничиться простымъ глазомъ.

(2) Самоѣды, проводники мои, были очень мало знакомы съ названіями отдѣльныхъ высотъ, представлявшихся намъ съ вершины Гатоумбая; да это и не могло быть иначе, потому что они вообще мало знаютъ тѣ мѣстности, гдѣ они никогда, или можетъ быть очень рѣдко, кочуютъ.

шины Гатоумбая; но мы могли видѣть ее, какъ намъ сказали, съ другой, самой крайней вершины Гатоумбая, которая выдается въ равнину и, по близости своей, кажется самою высокою, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она чуть ли не изъ самыхъ низкихъ. Съ этой же крайней вершины видна, говорятъ, другая горная масса, такъ называемый Миниссейпай (т. е. скала конечныхъ купъ), который лежитъ къ западу отъ Хорамаги и отдѣляется отъ нея только горнымъ сѣдломъ или пропастью. Этотъ Миниссейпай представляетъ узелъ, отъ котораго къ западу тянется пятикупный хребетъ Іонданей, между тѣмъ какъ на сѣверозападѣ и ССЗ къ главному хребту примыкаетъ другой низменный рядъ холмовъ, которые впрочемъ, вскорѣ переходятъ въ равнину. Вершины главной цѣпи, лежащія между Аноргой и Хорамагой, относительно не высоки и даже эта послѣдняя, не смотря на то, что она достигаетъ значительной высоты, далеко уступаетъ двумъ главнымъ массамъ горъ—Гато и Аноргѣ. Разстояніе отъ Хорамаги до Карскаго моря равняется около 35 в.; по другимъ извѣстіямъ Миниссей отстоитъ отъ моря на 25—30верстъ, такъ что лѣтомъ, въ одинъ день, можно съѣздить взадъ и впередъ, если только ѣхать безъ поклажи. Въ долинѣ, раздѣляющей Хорамагу отъ Миниссея, беретъ свое начало рѣчка Пармеяга, которая, стекая съ горы въ югозападномъ направленіи, вливается въ Кару около южнаго склона Іонданейскаго хребта, выше того мѣста, гдѣ эта послѣдняя перерѣзаетъ сѣверный уральскій хребетъ. Гора Іонданейгой обязана своимъ названіемъ Самоѣду Іонданѣ, кочевавшему около ея подошвы;

окончаніе же гой означаетъ хребетъ (1). За послѣднимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ западнымъ отдѣльнымъ возвышеніемъ Іондашейгоя слѣдуютъ въ той же оси еще двѣ невысокія купы: Неупай и Синдупай, отдѣленныя другъ отъ друга широкой долиной, подошва которой лежитъ почти въ одной плоскости съ поверхностью равнины; въ этой-то долинѣ рѣка Кара и беретъ свое начало, чтобы, разрѣзавъ горный хребетъ сѣвернаго Урала, принять сѣверное направленіе и излить воды свои въ Карское море. Эта впадина есть самая глубокая во всей оси сѣвернаго Урала, какъ это намъ очень ясно показалось съ вершины Гато; подобной мы не встрѣчали на всемъ протяженіи полярнаго хребта до Югорскаго пролива. За упомянутой невысокой купой Синдупаемъ, въ продолженной оси горной цѣпи, слѣдуетъ мало по малу увеличивающійся въ своей высотѣ Хунтобай, за нимъ Ламчаампай, Ладхабай и Сайвайпайбайпай. Направленіе этой горной цѣпи, на всемъ ея протяженіи отъ Мишисейпая до Савгайбая, чисто западное, между тѣмъ какъ съ высоты Гато оно намъ казалось болѣе ЗСЗ.

И такъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что цѣпь Уральскихъ горъ на сѣверѣ ни въ какомъ случаѣ не окан-

---

(1) Слово гой означаетъ горный хребетъ безъ всякаго обнаженія скалистыхъ массъ; скалистые же кряжи горъ, будь это цѣльныя скалы или только обломками покрытые скаты, получаютъ названіе пай (камень или скала), между тѣмъ какъ Русскому-выраженію «сопка», означающему возвышеніе, покрытое травою, соотвѣтствуетъ самоѣдское «са, се, сей, сидей; всѣ эти слова, подобно *гой* и *пай*, прибавляются къ собственнымъ именамъ. Наконецъ слово сале означаетъ мысъ или также гору или холмъ, который выдается изъ главной цѣпи въ сторону.

чивается такъ внезапно, какъ это показано во всѣхъ руководствахъ къ географіи и на всѣхъ географическихъ картахъ, что она скорѣй принимаетъ западное направленіе и тянется въ видѣ значительнаго горнаго хребта, о которомъ говорилъ даже Зуевъ, проникавшій въ Карскій заливъ съ восточной его стороны, и что наконецъ продолженіемъ цѣпи должно считать острова Вайгачъ и Новую Землю съ ихъ отчасти еще очень значительными возвышеніями (1).

Въ заключеніе орографическаго очерка этой страны обратимъ взоръ свой на югъ; хотя мы здѣсь и не можемъ слѣдить за протяженіемъ главной цѣпи (которая, по словамъ здѣшнихъ уроженцевъ пролегая въ южномъ направленіи съ гораздо низшими вершинами, доходитъ до Гатоумбая), потому что она представляетъ лабиринтъ скалистыхъ высотъ; однакожъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ виденъ рядъ невысокихъ холмовъ, который начинается также отъ уральскаго хребта и тянется по равнинѣ отъ юговостока на сѣверозападъ. Горная цѣпь эта извѣстна у здѣшнихъ жителей подъ именемъ Носипаембоя или малой скалы песцовъ (отъ нохо, песецъ, и паембой, умепьшительное слово пай, камень или ска-

---

1) Зуевъ, сопутешественникъ безсмертнаго Палласа, немногими словами очень удачно характеризуетъ сѣверный конецъ Урала. «Это высокіе скалистые и голые вершины горъ», говоритъ онъ, «которые, не доходя какихъ-нибудь 20 верстъ до морскаго берега, раздробляются и изчезаютъ. Но главная цѣпь Урала обращается къ западу, достигаетъ здѣсь еще значительной высоты, потому что изъ Карскаго залива видно, какъ она теряется въ облакахъ и оканчивается на берегу, противолежащемъ Новой Землѣ». См. путеш. Палласа ч. III стр. 36.

листая гора); она служитъ раздѣломъ водъ Узы и Кары и далѣе къ сѣверу соединяется можетъ быть съ холмистымъ хребтомъ Намдозигоемъ, служащимъ ея продолженіемъ.

По барометру оказалось, что вершина Гатоумбая возвышается на 4190 пар. фут. надъ уровнемъ моря или на 3730 ф. надъ равниною, гдѣ находились наши палатки. Несмотря на такую значительную высоту этой горы и на положеніе ея подъ такой высокой сѣверной широтой, на вершинахъ ея нигдѣ не было снѣга; только въ долинахъ и пропастяхъ, а также на не слишкомъ крутыхъ скатахъ, обращенныхъ къ сѣверу, мѣстами лежали снѣжныя массы, которыя, какъ это было видно и какъ намъ говорили здѣшніе уроженцы, никогда не изчезаютъ. Нѣкоторыя изъ этихъ снѣжныхъ массъ простирались внизъ до самой подошвы горы; но такъ какъ между ними находилось множество пустыхъ пространствъ, то не было никакой возможности опредѣлить снѣжную границу въ этихъ горахъ. Все здѣсь зависитъ болѣе отъ мѣстностей, нежели отъ вліянія географическихъ широтъ.

На вершинѣ термометръ показывалъ всего 2° Ц. Солнце уже закатилось, когда мы начали спускаться внизъ; поднялся сильный холодный вѣтеръ, предвѣстникъ бури и тумановъ, но между тѣмъ небо надъ нами было еще совершенно ясно. Для обратнаго пути мы избрали новый трактъ, который показался намъ нѣсколько короче; но за то здѣсь намъ пришлось спускаться по крутому скату, гдѣ небольшіе свободные обломки скалистой массы, смоченные растаявшимъ свѣжимъ снѣгомъ, подъ вліяніемъ рѣзкаго вѣтра, покрылись ледяной корой

и потому безпрестанно скользили подъ нашими ногами. Наконецъ мы спустились на умѣренно наклонную поверхность, усѣянную обломками, и увидѣли, что вмѣсто того, чтобы сократить путь, мы сдѣлали значительный кругъ, потому что дорога наша пересѣкалась долинами и пропастями, и странствованіе наше по нимъ продолжалось до глубокой ночи. Мѣсяцъ свѣтилъ надъ самой горой и сегодня мы въ первый разъ замѣтили звѣзды, которыя до того, даже въ свѣтлыя ночи полярнаго сѣвера, не были видны. Между тѣмъ небо все болѣе и болѣе темнѣло, тучи и туманы быстро собрались къ вершинамъ и едва мы успѣли дойти до своихъ палатокъ и расположиться около огня, какъ въ пропастяхъ началъ раздаваться вой бури и проливной дождь забарабанилъ по крышѣ палатки.

Въ дополненіе къ своему орографическому и гидрографическому описанію этой страны, я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній: цѣпь Уральскихъ горъ до сѣвернаго межеваго камня ея въ горной массѣ Хорамагѣ, гдѣ начинается западное ея продолженіе, называется у Самоѣдовъ Пайгоемъ, т. е. скалистымъ хребтомъ, а у западныхъ Самоѣдовъ—Хабіігоемъ, т. е. Остякскимъ хребтомъ, потому что около ея кочуютъ Остяки; Мезенцы же называютъ эту цѣпь просто «Камнемъ», или также Сибирскимъ камнемъ. Средняя ширина горной цѣпи, въ странѣ горной массы Гатоумбая, равняется 15верстамъ; эта послѣдняя лежитъ подъ $67\frac{1}{2}^{0}$ с. ш., къ сѣверозападу отъ городка Обдорска, въ разстояніи какихъ-нибудь ста верстъ отъ него, потому что, по показаніямъ Эрмана, городокъ этотъ отстоитъ отъ восточной подошвы Гатоумбая на 75 верстъ, а если взять въ разсчетъ ширину хребта, то и

получится показанное разстояніе. Пять горныхъ группъ, различаемыхъ Эрманомъ, обозначены у него не самоѣдскими именами; между тѣмъ провожавшіе его Самоѣды называли самую высокую изъ нихъ (и вѣроятно первую, обозначенную у Эрмана) Пагаемъ, т. е. Какой камень! (отъ пай, камень, гора, и междометія ай); поводомъ къ этому названію послужило удивленіе, произведенное на Самоѣдовъ ужасною высотою этой горы. Въ тоже время проводники Эрмана говорили, что этотъ Пагай находится на восточной сторонѣ той самой горной массы, на западномъ краю которой такой же высоты достигаетъ вершина Гато. Опредѣляя высоту Пагая тригонометрически, Эрманъ нашелъ, что она равняется 4530 ф; значитъ, она не такъ уже превышаетъ найденную нами для Гато высоту, чтобъ разница между ними могла броситься въ глаза, тѣмъ болѣе, что измѣрить въ одно время обѣ эти вершины не возможно.

Хотя Уралъ и тянется къ извѣданнымъ нами вершинамъ въ сѣверномъ направленіи, однакожъ въ нижнихъ широтахъ онъ уклоняется къ сѣверозападу и принимаетъ свое главное сѣверовосточное направленіе, удерживая его до источниковъ Печоры; здѣсь же, около горы Сабли, подъ 65° с. ш., онъ образуетъ тупой уголъ и тянется уже въ одномъ южномъ направленіи до самаго южнаго конца своего.

Полярный Уралъ—подъ которымъ я разумѣю простирающую въ сѣверовосточномъ направленіи часть сѣвернаго Урала географовъ, отъ Сабли до Хорамаги,—представляетъ гору большею частію дикаго, скалистаго свойства; здѣсь рѣдко гдѣ можно встрѣтить сопку и вообще только подошва его можетъ быть обитаема но-

мадами. Ужасная высота его, при значительной ширинѣ его хребта, дѣлаетъ переходъ черезъ него возможнымъ только въ немногихъ мѣстахъ. Въ этой части Урала намъ извѣстно четыре такихъ прохода; изъ нихъ два южнѣйшихъ были извѣстны уже въ XVI столѣтіи, потому что посредствомъ ихъ сообщались съ Сибирью; по нимъ же каждую зиму переходятъ Уралъ жители Пустозерска, Устьцыльмцы и ижемскіе Зыряне, которые ежегодно посѣщаютъ устраиваемую въ Обдорскѣ ярмарку, чтобы запастись здѣсь мукой, такъ какъ количество хлѣба, привозимое чердынскими купцами изъ внутреннихъ губерній, далеко не хватаетъ для продовольствія сѣверныхъ жителей. Даже Самоѣды, зимующіе по сю сторону Урала, тѣми же путями отправляются на эту ярмарку для закупки хлѣба, а также разной мѣдной и чугунной посуды, сукна для одежды и т. п., между тѣмъ какъ сибирскіе Самоѣды и Остяки каждое лѣто перебираются на эту сторону, съ цѣлью доставить оленямъ своимъ лучшія пастбища. Важнѣйшій изъ этихъ двухъ южныхъ проходовъ есть тотъ, который у Русскихъ извѣстенъ подъ именемъ Большаго Перехода; Самоѣды называютъ его Гарка Матулова. Въ этомъ мѣстѣ притокъ Узы сближается на какихъ-нибудь двѣ версты съ источниками Соби (у Самоѣдовъ Падъяга), пробивающей себѣ дорогу къ Оби. Самоѣдское названіе этой рѣки, какъ намъ говорили проводники наши, напоминаетъ будто-бы Остяковъ изъ рода Падъ, имѣвшихъ свои юрты при впаденіи ея въ Обь. По берегамъ Соби растетъ, говорятъ, богатый лиственичный лѣсъ, а около устья ея—даже сибирскіе кедры; несмотря на то, что она не глубока и

имѣетъ очень каменистое русло, въ 1807 г., Сенаторомъ Кориловымъ былъ составленъ проектъ соединенія ея съ притокомъ Узы; для чего это было сдѣлано? — этого никто не знаетъ, развѣ для того только, чтобы легче было перевозить черезъ Уралъ кой-какія жалкія произведенія прибрежныхъ жителей Печоры?— другой цѣли не могло быть при этомъ. Впрочемъ безполезный проектъ этотъ не состоялся и имѣлъ слѣдствіемъ своимъ только углубленіе самой Узы, фактъ, который дѣйствительно хранится въ Адмиралтейскомъ архивѣ въ С. Петербургѣ, гдѣ даже упоминается имя производителя работъ,—Подполковника Новова. «Я помню еще то время,» разсказывалъ мнѣ одинъ старикъ Самоѣдъ, «когда мудреные Русскіе хотѣли прокопать даже гору, для того, чтобы заставить воду одной рѣки вливаться въ другую; однакожъ камень былъ потверже ихъ воли и изъ этого ничего не вышло, потому что съ обѣихъ сторонъ пропасти высовываются страшныя скалы, на вершину которыхъ до сихъ поръ еще никто не дерзалъ взлѣсть, боясь разбиться до смерти. Если смотрѣть на нихъ снизу, то онѣ кажутся не слишкомъ высокими, а забирись-ка на верхъ, такъ и голова закружится; стоя на вершинѣ, мнѣ также кажется, что теперь до неба ужъ не далеко, а поди-ка, достань!» И Русскіе подтверждаютъ, что проходъ этотъ лежитъ высоко на горахъ и что зимой здѣсь бываютъ страшныя мятели, отъ которыхъ погибаютъ нерѣдко цѣлые караваны; по этому зимой здѣсь очень рѣдко переправляются черезъ горы.

Такъ какъ проходъ этотъ сопряженъ съ такими большими опасностями, то съ нѣкотораго времени на-

чали пользоваться другимъ, лежащимъ нѣсколько южнѣе перваго, и хотя при переправленіи черезъ него приходится дѣлать значительный кругъ, особливо тѣмъ, которые отправляются въ Обдорскъ, но зато онъ не такъ высокъ и не противопоставляетъ такихъ затрудненій и опасностей какъ предыдущій. Это тотъ самый проходъ, о которомъ упоминается уже въ исторіи и до котораго съ давнихъ временъ достигали водой, хотя этому сильно препятствовало мелководіе рѣкъ; въ долинѣ Ельца онъ ведетъ вверхъ и, пройдя волокъ, простирающійся на 10 в. въ ширину, спускается на сибирскую сторону къ Сынѣ. (1).

Другіе два горные прохода, о которыхъ я получилъ свѣдѣнія, лежатъ къ сѣверу отъ первыхъ, близъ сѣверной окончности горной цѣпи, и служатъ болѣе для перехода помадовъ съ одной стороны уральскаго хребта на другой. Первый изъ нихъ, извѣстный у Самоѣдовъ подъ именемъ Ныриге—Матулова, а у Русскихъ подъ именемъ Щучьяго Перехода, возвышается къ сѣверу и къ югу отъ Анори и раздѣляется на двѣ вѣтви, представляющія собственно два отдѣльныхъ перехода, подъ однимъ и тѣмъ же именемъ. Среди нагорной возвышенности находится довольно длинное озеро,

---

(1) Лерберга а. а. о. стр. 13. Здѣсь упоминается еще о двухъ переходахъ чрезъ сѣверный Уралъ, которые, подобно большому, были извѣстны уже въ XVI в., но которые лежатъ къ югу отъ Сабли, т. е. не въ той части хребта, которую я называю Полярнымъ Ураломъ. Такъ какъ жители Архангельской губерніи теперь уже не проходятъ по нимъ, то я и не хотѣлъ узнавать подробностей объ нихъ. Первый изъ этихъ проходовъ, какъ говоритъ Лербергъ, ведетъ вверхъ по Щугору и потомъ по ту сторону горы къ Сывѣ, притоку Сосвы; другой слѣдовалъ по Илычу вверхъ и спускался на восточной сторонѣ Урала къ Вогульѣ, также притоку Сосвы.

называемое Нырягандо, которое даетъ начало двумъ рѣкамъ, текущимъ по совершенно различнымъ направленіямъ, притоку Кары, изливающемуся по узкой долинѣ въ западномъ направленіи, и Ныряягѣ, т. е. Щучьей рѣкѣ, пробивающей себѣ дорогу на востокъ, къ Оби; эта Ныряга названа такъ по обилію рыбъ, особливо щукъ, которыя ловятся около ея устья безоленными Самоѣдами. Къ югу отъ озера Нырягандо лежитъ другое горное озеро, извѣстное подъ именемъ Тыедо, т. е. узкаго озера, которое, подобно первому, даетъ начало двумъ въ противуположныя стороны текущимъ рѣкамъ: (1) на западѣ Ныряягѣ (которую не должно смѣшивать съ упомянутою нами сибирскою рѣкою того же имени), которая въ горахъ еще соединяется съ приведеннымъ нами притокомъ Кары, а на востокѣ Тыедоягѣ, которая, на равнинахъ, лежащихъ по ту сторону Урала, вливается въ сибирскую Ныряягу. Лѣтомъ по обѣимъ вѣтвямъ этого горнаго прохода почти нельзя переходить, потому что дорога здѣсь на всемъ пространствѣ усѣяна камнями: зимой же Русскіе изъ Пустозерска и Зырянс обыкновенно по этому тракту отправляются въ Обдорскъ, для закупки осетровъ, которыхъ они потомъ продаютъ на ярмаркахъ въ Пинегѣ и около Вашки.

---

(1) Вѣроятно обстоятельство это не должно принимать такъ буквально; вѣрно есть какая нибудь узкая полоса земли, можетъ быть болотистая равнина (какъ между Узол и Надъягой въ Большомъ Переходѣ) которая отдѣляетъ озеро съ его истокомъ въ одну сторону отъ источниковъ рѣки, текущей въ противоположную сторону.

Что касается наконецъ до втораго сѣвернаго прохода, то по немъ весьма рѣдко ѣздятъ, потому что онъ лежитъ очень недалеко отъ сѣвернаго конца уральскаго хребта и всякій предпочитаетъ лучше обогнуть этотъ конецъ около сѣверной подошвы Хорамаги, нежели подвергаться неизвѣстности. Проходъ этотъ называется Хута-Матулова; въ немъ рѣчка Хутаяга, къ югу отъ Хорамаги, направляетъ свое теченіе къ Оби, сближаясь своими источниками въ горахъ съ рѣчкой Пармеягой, впадающей въ Кару.

Горный кряжъ Поспаембой, пролегая по сѣверо-западному направленію, переходитъ въ плоско-волнистую равнину, но потомъ въ нѣкоторомъ разстояніи снова выступаетъ въ видѣ отдѣльно лежащаго ряда невысокихъ холмовъ, подъ именемъ Намдозигоя, т. е. хребта безъ костей, (1) который вскорѣ совершенно сглаживается въ равнину. Этотъ горный кряжъ, вмѣстѣ съ отраслями своими, служитъ раздѣломъ водъ между притоками Узы на югѣ, притоками Коротаихи на западѣ и Карою на востокѣ и сѣверѣ.

Рѣка Коротаиха, принимающая около своего устья сѣверозападное направленіе, представляетъ, вмѣстѣ съ своими притоками, послѣднюю или самую западную изъ горныхъ рѣкъ; далѣе же на западъ начинаются рѣки, текущія по равнинамъ. Источники Коротаихи на югѣ сближаются съ источниками Хырмора, притока Узы,

---

(1) О причинѣ такого названія я не успѣлъ пріобрѣсти свѣдѣній; вѣроятно оно происходитъ отъ того, что Самоѣды находились въ этой странѣ въ то время, когда олени ихъ перемѣняли свои рога; почему названіе это правильнѣе было бы переводить словами «хребетъ безъ роговъ»,

раздѣломъ же между ними служитъ послѣдняя или самая восточная группа возвышеній, которая, подъ именемъ Паундея, оканчиваетъ на востокѣ Большеземельный хребетъ. Этотъ Паундей лежитъ на линіи лѣсныхъ границъ, потому что хотя около него и ростутъ кривыя ели и межжевеловые кустарники, однакожъ березы все еще не видать. Именемъ своимъ онъ обязанъ болѣзни сѣверныхъ оленей, которая, какъ разсказываютъ, характеризуется рвотою изо рта и изъ-носу; болѣзнь эта однажды показалась въ этой странѣ, и Самоѣдъ, кочевавшій въ ней, лишился значительной части своего стада.

Рѣка Кара называется у Самоѣдовъ Харяягой т. е. извилистой рѣкой. Начало ея въ горахъ показано на картахъ гораздо сѣвернѣе и слишкомъ далеко отъ Узы, между тѣмъ какъ обѣ эти рѣки, въ верховьяхъ своихъ, такъ близки другъ къ другу, что даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ, выходя изъ пропастей горы, спускаются къ ея подошвѣ, разстояніе между ними не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ саженъ. Самоѣды говорятъ, что если на равнинѣ, между этими двумя рѣками, находится палатка, то принадлежащее ей стадо сѣверныхъ оленей пасется около обѣихъ рѣкъ и отъ палатки видно, какъ эти послѣднія изливаютъ воды свои, одна съ правой стороны, а другая съ лѣвой.

У Самоѣдовъ Уза называется Сабрейягой, отъ слова сабарта, означающаго рѣку, заключенную между скалистыми берегами; свойство это дѣйствительно замѣчается на нѣкоторомъ протяженіи рѣки, а именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ она пробивается чрезъ гору Адакъ. Рѣка вытекаетъ изъ горъ двумя главными притоками; сѣвернѣйшій изъ нихъ беретъ свое начало въ горной массѣ

Юпѣндо, лежащей близъ упомянутыхъ двухъ озеръ, Ныріягандо и Тыедо, которыя даютъ начало Карѣ. По выходѣ изъ горъ, она изливается около ихъ подошвы въ южномъ или югозападномъ направленіи, чтобы соединиться съ другимъ, южнѣе лежащимъ притокомъ, берущимъ свое начало въ Большомъ Переходѣ, около источниковъ Соби или Падъяги. Въ югозападномъ своемъ направленіи, Уза принимаетъ различные притоки, изъ которыхъ нѣкоторые, вытекая изъ Носпаембоя и Большеземельнаго хребта, впадаютъ въ свою главную рѣку съ правой, а другіе, вытекающіе изъ главной цѣпи Урала,—съ лѣвой стороны. Значительнѣйшіе изъ южныхъ ея притоковъ суть: Елецъ, Кочпель, Ломва, Кочмасъ, Коза̀, Ада̀къ, Заостровна, Ивовая, Ольховая и Сыня; но главные притоки ея впадаютъ въ нее съ правой стороны, а именно: Воркота, Сойда, Хузьморъ, Хырморъ и Колва; всѣ они вытекаютъ изъ Большеземельнаго хребта, извиваясь по обширнымъ сѣвернымъ равнинамъ. Рѣка Уза мѣстами разливается очень широко, а берега ея большею частію усажены лѣсомъ; какъ сама она, такъ и притоки ея весьма обильны рыбою, особливо такъ называемыми озерскими сельдями (Salmo albula Pall., у Самоѣдовъ Нилакъ), которыя встрѣчаются огромными сонмами преимущественно въ верховьяхъ рѣки до горы Адака, гдѣ теченіе ея не такъ быстро.

Между Хырморомъ и Хузьморомъ, представляющими, послѣ Колвы, два важнѣйшихъ сѣверныхъ притока Узы, въ южномъ юго-западномъ направленіи, тянется значительная горная цѣпь скалистаго свойства съ зубчатыми и растрескавшимися профилями; эта извест-

ковая гора, со всѣми известняками, содержащими окаменѣлости, извѣстна подъ именемъ Адака и, будучи прервана рѣкою Узою, примыкаетъ, въ южномъ направленіи, къ уральскому хребту. Въ этой скалистой горѣ упоминается два минеральныхъ источника желѣзной воды, изъ которыхъ одинъ бьетъ изъ скалы весьма холодною водою, а другой, находящійся около Каменной или Полой рѣчки, въ ста верстахъ отъ устья Хырмора, представляетъ теплый ключъ; вода этого послѣдняго имѣетъ странное свойство, по которому всякое тѣло, пролежавшее въ ней нѣсколько времени, покрывается желѣзистой примазкой металлическаго блеска. Вслѣдствіе этого замѣчанія, которымъ я обязанъ Архимандриту Веніямину и Окладникову, объяснилось, почему гальки, распространившіеся по Печорѣ въ такомъ множествѣ, были покрыты желѣзистой примазкой металлическаго блеска, и еслибъ первоначальное появленіе известковыхъ гальковъ, распространившихся въ одно время съ печерскими, можно было искать также въ известковой горѣ Адакѣ, то известняки этого послѣдняго съ увѣренностію можно бы было отнести къ солурійской группѣ. Благодаря теплотѣ адакскаго источника, какъ разсказываютъ миссіонеры, окраины береговъ его усѣяны цвѣтами и зеленью, между тѣмъ какъ всѣ окрестности его покрыты глубокимъ снѣгомъ. Самоѣды же говорятъ объ этомъ такъ: если подняться на полтора дня пути вверхъ по Хырмору, то на лѣвомъ берегу его представится устье небольшой рѣки Харотаяги, т. е. лиственничной, названной такъ по множеству находящихся около ея устья лиственницъ, которыя въ верхнемъ теченіи уже не встрѣчаются, новое доказательство того, что лѣсъ этотъ появляется вмѣ-

стѣ съ известняками. Около Харопы бьетъ теплый ключь; если же подняться вверхъ еще на три дня пути, то на правой рукѣ можно замѣтить другой источникъ, который, вытекая изъ сосѣдняго земляного хребта, изливаетъ свои горячія воды по каменистому руслу и вливается въ Хырморъ. Это вѣрно тотъ самый, о которомъ говоритъ Архимандритъ, между тѣмъ какъ другой представляетъ упомянутый нами холодный источникъ, который, будучи посѣщаемъ во время зимы моими разскащиками, казался имъ относительно теплымъ. Рѣка Хырморъ называется у Русскихъ Роговою; названіе это напоминаетъ мѣстечко Роговой Городокъ, гдѣ въ XVI и XVII вѣкахъ производилась мѣновая торговля съ Самоѣдами. Въ настоящее время Роговой Городокъ заброшенъ и бывшія здѣсь колоніи уничтожены по распоряженію Правительства, на томъ основаніи, что изъ Сибири сюда привозились разные запрещенные товары. Зимой 1614 г. это мѣстечко было посѣщено англійскими купцами, которые по торговымъ дѣламъ зимовали въ Пустозерскѣ; въ томъ же году William Gourdon of Hull опредѣляя положеніе его, нашелъ, что оно лежитъ подъ 65° 48' сѣв. ш., что впрочемъ не совсѣмъ вѣрно; оно должно быть нѣсколько выше. Теперь страна эта необитаема; только зимой здѣсь кочуютъ номады, а объ мѣстечкѣ, которое въ прежнія времена играло такую большую роль, нѣтъ уже никакой помины.

X.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОТЪ УРАЛЬСКАГО ХРЕБТА ЧЕРЕЗЪ БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬНУЮ ТУНДРУ КЪ ПУСТОЗЕРСКУ.

Такъ какъ я уже осмотрѣлъ сѣверовосточный уголъ европейскаго материка, который до того не былъ посѣщенъ еще ни однимъ ученымъ путешественникомъ, и вопросъ объ орографической связи Уральскихъ горъ съ Югорскимъ полуостровомъ и островомъ Вайгачемъ казался мнѣ достаточно разрѣшеннымъ,—то я рѣшился посвятить остатокъ лѣтняго времени бѣглому обзору самоѣдскихъ тундръ, этого огромнаго пространства земли, которое, начиная отъ Урала до губы Чоши, еще необъѣзжено, а оттуда до рѣки Мезени хотя и изслѣдовано Лепехинымъ, но очень неудовлетворительно. Съ этою цѣлью я отправился прямой дорогой, по Большеземельной тундрѣ, въ Пустозерскъ. Что же касается до намѣренія моего—точнѣе разсмотрѣть такъ называемый конецъ горной цѣпи Урала или тѣ крайнія невысокія возвышенности, въ которыхъ, по мѣрѣ приближенія къ Карскому морю, ось Урала теряется, а

потомъ бросить взглядъ на совершенно неизвѣстный еще полуостровъ Ялмалъ или на страну Самоѣдовъ племени Харуци,—то я долженъ былъ оставить его, боясь приближавшейся осени, когда въ этихъ странахъ очень скоро все покрывается снѣгомъ.

(9 Августа) Я собрался въ дорогу, а такъ какъ и Самоѣды въ тоже время оставляли свой лагерь, то мы отправились цѣлой вагагой, представляя своимъ шествіемъ караванъ номадовъ, тянувшійся въ большомъ порядкѣ мѣрнымъ шагомъ. Одинъ изъ Самоѣдовъ, ѣхавшій въ легкихъ саняхъ, запряженныхъ четырмя рысистыми оленями, съ помощію собакъ держалъ въ порядкѣ тянувшееся подлѣ насъ стадо, побуждая его идти въ уровень съ караваномъ. Между тѣмъ погода была дождливая; густой туманъ совершенно закрывалъ небо и мы были очень довольны, что успѣли воспользоваться благопріятнымъ временемъ для осмотрѣнія окрестностей, чего нельзя бы было сдѣлать теперь, такъ какъ эти послѣднія совершенно закрывались туманами, принесенными бурнымъ вѣтромъ. Мы ѣхали около подошвы горы, по плоской землѣ тундры, которая, не смотря на то, что она прилегала непосредственно къ горѣ, разстилалась въ видѣ горизонтальной почти равнины съ едва примѣтнымъ наклоненіемъ къ западу. Подъ вечеръ мы прибыли къ рѣкѣ Карѣ, гдѣ номады наши остановились съ намѣреніемъ раскинуть свои палатки, между тѣмъ какъ мы отправились еще нѣсколько впередъ, вдоль берега рѣки. Двѣ самоѣдскія палатки (здѣсь все сибирскіе Самоѣды), находившіяся у самой подошвы горы, остались у насъ въ лѣвой сторонѣ, а двѣ другія мы вскорѣ увидѣли на противоположномъ лѣвомъ бе-

регу Кары, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, протекая по покрытому гальками руслу, дѣлится на два рукава, омывающіе небольшой островъ. Здѣсь мы рѣшились переправиться черезъ рѣку; но такъ какъ проводники наши не знали, глубока-ли она въ этомъ мѣстѣ, то они прибѣгли къ обыкновенному своему средству: привязали одному оленю веревку и съ помощію харея загнали его въ рѣку; животное, при выходѣ своемъ на противоположный берегъ, встало на дно и тѣмъ дало возможность судить о глубинѣ воды; за тѣмъ олень, посланный для измѣренія глубины рѣки, снова былъ притянутъ на нашу сторону. Изъ этого изслѣдованія оказалось, что нагруженныя сани, привязанныя сверхъ пустыхъ, могутъ быть перевезены невредимо. Переправившись на ту сторону, мы зашли въ самоѣдскую палатку и остались тамъ ночевать.

(10 Августа) Послѣ холодной и бурной ночи установилась теплая и хорошая погода, при совершенно почти безоблачномъ небѣ. По равнинамъ и плоскохолмистой землѣ насъ привезли къ чуму одного богатаго Зыряпина, который встрѣтилъ насъ довольно дерзкими выраженіями, когда узналъ что мы хотѣли перемѣнить у него запряжку. Будучи по-смѣлѣе другихъ своихъ единоплеменниковъ, онъ преважно обратился ко мнѣ съ вопросомъ: кто мнѣ далъ право разъѣзжать по самоѣдскимъ тундрамъ? и не смотря на то, что со мною находился очень хорошо извѣстный ему членъ Земскаго Суда, требовалъ отъ меня еще письменнаго доказательства. Но надо было видѣть этого смѣльчака въ ту минуту, когда сопутникъ мой, зная очень хорошо, что Зыряне, кочующіе въ тундрахъ, никогда не имѣютъ при себѣ паспорта, по-

требовалъ у него видъ, прибавляя со строгостію, что, если онъ сейчасъ же не исполнитъ этого законнаго требованія, его арестуютъ какъ безпаспортнаго и отправятъ съ конвоемъ въ Пякму. Это произвело на моего Зырянина такое впечатлѣніе, что онъ тотчасъ же присмирѣлъ какъ овечка и не только старался исполнить всѣ наши желанія, но даже убѣдительно просилъ засѣдателя исходатайствовать ему мое прощеніе, боясь, чтобы дерзость его не имѣла какихъ-нибудь дурныхъ послѣдствій. При этомъ всегда въ высшей степени страннымъ кажется контрастъ домашняго гостепріимства, оказываемаго Зырянами всякому чужестранцу, зашедшему къ нимъ въ палатку, съ тѣмъ упорствомъ, которое они оказываютъ тому же лицу въ исполненіи требуемыхъ отъ нихъ обязанностей: въ то время, когда самъ хозяинъ ссорится съ гостемъ, хозяйка приготовляетъ для послѣдняго что ни есть лучшаго, и хозяева считаютъ себя сильно обиженными, если гость, отказываясь отъ подносимаго ему хлѣба-соли, берется за свои собственные припасы.

Хозяинъ, будучи напуганъ засѣдателемъ, согласился дать намъ своихъ оленей; но такъ какъ поимка ихъ продолжалась довольно долго, то мы выѣхали не раньше ночи. Гора, отъ которой мы удалялись теперь все болѣе и болѣе, направляя путь свой на югозападъ, и которая была освѣщена послѣдними лучами закатывавшагося солнца, представлялась намъ въ очаровательномъ облаченіи нѣжно-розоваго цвѣта; необыкновенно большой огненный кругъ на тверди небесной медленно изчезалъ за отдаленной каймой неизмѣримой тундры, въ которой мало по малу водворялась ночь; луна медленно

катилась по безоблачному небу, какъ бы присматривая за многочисленнымъ своимъ стадомъ блѣдныхъ звѣздъ. Между тѣмъ холодный воздухъ и легкій иней, располагавшійся на травѣ, давали чувствовать приближеніе конца скоро-проходящаго сѣвернаго лѣта. Безмолвная ночная тишина, господствовавшая на равнинахъ, изрѣдка прерывалась раздававшимся вдали воемъ волковъ, при чемъ олени наши, не прерывая равномѣрнаго бѣга, закидывали назадъ свои головы и громко фыркали ноздрями, а собаки робко и безмолвно тѣснились ближе къ санямъ нашимъ.

(11 Авг.) Въ 5 часовъ утра мы пріѣхали къ горной цѣпи Носпаембой или Малой Скалѣ Песцовъ; передъ нами возвышалась каменная плотина съ плоскою вершиною; на скатѣ и у подошвы ея видна была особенной формы скала, которая съ верваго взгляда представляла новую, до сихъ поръ нами еще не встрѣчавшуюся горную породу. Это былъ конгломератъ, который частію возвышался въ видѣ равномѣрно округленныхъ массъ, частію же торчалъ надъ своими выходами, представляя видъ невысокихъ башенъ, колоннъ или обращенныхъ колоколовъ. У подошвы скалистаго ската находится множество гальковъ, освободившихся изъ общей массы вслѣдствіе вывѣтренія; имѣя почти совершенно круглую форму, они скатываются съ высоты къ подошвѣ и образуютъ около нея власть валуновъ. Менѣе крутые скаты этой плотины покрываются зеленью только мѣстами, между тѣмъ какъ плоскія верхушки ея болѣе или менѣе усѣяны растеніями, только изрѣдка представляя выходящій наружу камень, и никогда не покрываются обломками скалистыхъ массъ. Плотина

Эта возвышается на 950 пар. ф. надъ уровнемъ моря; она, казалось, пролегала въ юговосточномъ и сѣверозападномъ направленіи, теряясь сѣверозападнымъ концомъ своимъ въ равнинахъ. Что касается до преобладающей въ ней горной породы, то основная масса конгломерата образуется изъ весьма плотнаго камня, похожаго нѣсколько на діабазъ и имѣющаго землистый изломъ и темнозеленый цвѣтъ; если разсматривать его чрезъ увеличительное стекло, то онъ составленъ изъ мелкихъ кусочковъ различныхъ минераловъ, какъ то: кварца, яшмы, полеваго шпата и др. и въ немъ можно даже различить тонкіе листочки слюды. Въ этой массѣ находятся совершенно округленные валуны, которые, будучи иногда величиною съ горошину, а иногда съ человѣческую голову, легко выпадаютъ изъ связывающаго ихъ цемента и вмѣстѣ съ нимъ покрываютъ концы выходовъ. Эти валуны принадлежатъ роговику, полевошпатовому порфиру, плотному полевому шпату и глиняному камню.

Сѣдловидный изгибъ далъ намъ возможность перейти черезъ гору по умѣренно наклоннымъ скатамъ холмовъ, послѣ чего мы отправились по направленію къ западу и, спустя нѣсколько часовъ ѣзды, остановились посреди тундры, чтобы послать одного изъ Самоѣдовъ за свѣжей запряжкой въ близлежащую палатку, которую мы видѣли съ высоты Посипаембоя. Между тѣмъ мы всѣ жестоко ошиблись въ расчетѣ, потому что палатка лежала несравненно дальше, нежели какъ намъ это показалось, и посланный нашъ возвратился съ оленями не ближе вечера. Долгое отсутствіе свое Самоѣдъ оправдывалъ тѣмъ, что онъ во-первыхъ не засталъ у палат-

ки пастуховъ, которые были заняты гусиной охотой на близлежащемъ озерѣ, а во-вторыхъ поимка безпокойныхъ отъ жару оленей продолжалась нѣсколько дольше обыкновеннаго. И дѣйствительно, бѣдныя животныя отъ поѣзда въ самое жаркое время дня (когда термометръ показывалъ 20°) такъ утомились, что они безъ предварительнаго отдыха не могли быть употреблены въ дѣло, и мы по неволѣ должны были переночевать на мѣстѣ, вслѣдствіе чего вскорѣ была раскинута палатка, которую привезли съ собой Зыряне.

(12 Авг.) Рано утромъ мы переѣхали черезъ Сабуягу, а вслѣдъ за тѣмъ черезъ извѣстную уже намъ рѣку Силву, близъ впаденія предыдущей въ эту послѣднюю. Обѣ эти рѣчки не глубоки и имѣютъ чистую и прозрачную воду, окаймленную въ этомъ мѣстѣ плоскими берегами. Этимологія названія «Сабуяга» довольно странна и я едва могъ до ися добиться; слово «Сабу» у Самоѣдовъ означаетъ особенныя сани (въ каждой самоѣдской палаткѣ есть подобныя), находящіяся исключительно въ распоряженіи женщинъ, которыя, вмѣстѣ съ другими принадлежащими имъ пожитками, кладутъ въ нихъ и нижнюю свою одежду, загаженную мѣсячными очищеніями, почему сани эти и получаютъ названіе сабу, т. е. нечистыхъ (сродное со словомъ «самай»—нечистый). Всякій мужчина, изъ боязни осквернить себя, избѣгаетъ соприкосновенія съ ними, а если случайно на нихъ очутится вещь, принадлежащая мужчинѣ, то она безъ дальнихъ околичностей выбрасывается изъ палатки какъ поганая; конечно этого не дѣлаютъ съ вещами цѣнными или необходимыми, но все же ихъ въ такомъ случаѣ не прежде употребляютъ

опять въ дѣло, пока онѣ не будутъ тщательно вымыты въ отварѣ березовой коры (тунцы) и окурены горячимъ паромъ жарящагося оленьяго жира. Такъ какъ Самоѣды часто раскидываютъ свои палатки около Сабуяги, то женщины обыкновенно отправляются на своихъ саняхъ къ рѣкѣ и полощатъ въ ней свои грязныя нижнія платья. Вотъ причина, почему рѣка эта названа Сабуягой, т. е. нечистой рѣкой.

Вообще у грубыхъ номадовъ сѣвера женскій полъ находится въ удивительномъ пренебреженіи. Несмотря на то, что на женщинѣ лежатъ всѣ обязанности по домашнему хозяйству, — она должна готовить кушанье, обшивать всѣхъ жителей палатки съ ногъ до головы, раскидывать палатку и опять снимать ее; кромѣ того у ней есть еще множество другихъ работъ, не позволяющихъ ей сидѣть сложа руки; между тѣмъ какъ мужчины, не зная другихъ занятій, кромѣ осматриванія разставленныхъ ловушекъ во время зимы и охоты на гусей, продолжающейся нѣсколько недѣль во время лѣта, большую часть времени проводятъ въ праздности, сидя поджавши ноги около огня;—несмотря на все это, она тѣмъ не менѣе представляетъ въ глазахъ мужчинъ самое презрѣнное, нечистое и во всѣхъ отношеніяхъ безполезное существо. Такое обидное пренебреженіе, ни на чемъ не основанное, преслѣдуетъ несчастную женщину на всякомъ шагу. Хотя въ палаткѣ хозяйка и занимаетъ мѣсто, смежное съ тою частью, которая, лежа противъ выхода и называясь *синикуй*, считается нѣкоторымъ образомъ священною и которая въ то же время представляетъ сподручную каморку хозяйки, у которой здѣсь вся посуда и всѣ съѣст-

ные припасы находятся подъ рукой; однакожъ она, по мнѣнію Самоѣдовъ, не можетъ перешагнуть черезъ священное мѣсто, неосквернивъ его, и въ случаѣ надобности перейти на другую сторону, она должна обойти кругомъ, мимо входа. Если бы она еще вздумала пройти по тому мѣсту, гдѣ разводится огонь, то это предвѣщало бы еще большее несчастіе, потому что тогда осквернился бы огонь. Такимъ же образомъ считаются погаными всѣ тѣ обыкновенные предметы, черезъ которые перешагнула женщина, и они не иначе входятъ опять въ употребленіе, какъ по предварительномъ окуриваніи ихъ оленьимъ жиромъ или тунцей; въ противномъ случаѣ Самоѣдъ, употребившій поганую вещь, непремѣнно долженъ ожидать себѣ несчастія. Когда номады собираются куда-нибудь въ путь и въ это время передъ санями, поперекъ дороги, пройдетъ женщина, то это значитъ, что по дорогѣ съ ними должно случиться какое-нибудь особенное несчастіе, и тогда поѣздка откладывается до другаго дня. Мало того, жены не смѣютъ садиться за столъ въ одно время съ мужьями, а должны ждать, когда тѣ откушаютъ, и довольствоваться тѣмъ, что осталось отъ трапезы. Женскій полъ не смѣетъ даже вкушать мяса заколотаго оленя, потому что право на это принадлежитъ однимъ мужчинамъ; медвѣжина имъ вовсе возбраняется, такъ какъ медвѣдь, по понятіямъ Самоѣдовъ-язычниковъ, есть животное, само по себѣ священное; мужчина же потому пользуется правомъ вкушать мясо этого животнаго, что онъ убилъ его.

Самоѣды живутъ въ полигаміи; каждый беретъ себѣ столько женъ, сколько ему угодно или сколько онъ можетъ прокормить; впрочемъ, при нынѣшнемъ бѣдномъ

состояніи этого народа, а можетъ быть и вслѣдствіе водворяющейся мало по малу христіанской религіи, только немногіе Самоѣды имѣютъ по двѣ жены; теперь даже между богатыми весьма рѣдко можно встрѣтить такого, у котораго бы было три или четыре жены; мнѣ назвали всего двухъ сибирскихъ номадовъ, имѣвшихъ по четыре жены. Самоѣдъ, желающій жениться на какой-нибудь дѣвушкѣ, долженъ пріобрѣсти ее отъ отца путемъ покупки. Для веденія переговоровъ избирается посредникъ, который, будучи чуждъ какъ той, такъ и другой сторонѣ, условливается съ отцемъ невѣсты на счетъ цѣны ея; эта послѣдняя, смотря по состоянію жениха и родителей невѣсты, бываетъ различна и равняется 20 и 30 сѣверныхъ оленямъ, если искатель имѣетъ посредственное состояніе, и доходитъ до 200, если искатель богатый владѣлецъ. Такая покупка можетъ быть принята скорѣй за мѣну, потому что плата жениха вознаграждается почти одинаковой цѣнности приданымъ, даваемымъ за невѣстой. Молодая жена приноситъ своему мужу полное хозяйство, какъ то: новую палатку со всѣми ея принадлежностями, а равно нѣсколько саней, нагруженныхъ женской одеждой, домашнею утварью и всякаго рода жизненными припасами; при этомъ олени, которые, въ числѣ 10 или 20 штукъ, везутъ упомянутое приданое, остаются также въ пользу молодыхъ.

Если должна быть сыграна свадьба, то мать жениха, сопровождаемая гостями, утромъ рано отправляется къ палаткѣ, гдѣ живутъ родители невѣсты; но пріѣхавшіе гости не раньше впускаются въ палатку, пока они не предъявятъ привезенныхъ съ собой свадебныхъ по-

дарковъ, состоящихъ въ сукнѣ, мѣхѣ и т. п. Послѣ того разставляется длинный рядъ саней, нагруженныхъ приданымъ; одни изъ нихъ назначаются для самой невѣсты, которая, будучи разодѣта въ самыя лучшія свои платья, конечно, безъ всякаго вкуса и нерѣдко даже очень неуклюже (такъ какъ при этомъ имѣется въ виду только показать присутствующимъ богатство приданаго),— садится въ нихъ съ громкими воплями и жалобами, обнаруживающими ея дѣвственную стыдливость. Когда все уже готово, то сани быстро начинаютъ кружиться вокругъ палатки и какъ мужья, такъ и холостые, на перерывъ другъ передъ другомъ, стараются выхватить невѣсту изъ саней; при этомъ многіе, будучи довольно неповоротливы, уступаютъ своей тяжести и падаютъ ницъ, въ слѣдствіе чего раздается громкій хохотъ, между тѣмъ какъ тотъ, который успѣетъ вытащить невѣсту изъ саней, имѣетъ полное право поцѣловать стыдливую невинность. По окончаніи этой шутки, вся честная компанія отправляется къ жениху, который между тѣмъ поджидаетъ своихъ гостей и по появленіи ихъ тотчасъ же начинается угощеніе. У всякаго порядочнаго жениха, кромѣ мяса и крови, непремѣнно должны быть также лакомыя вещи, какъ то: хлѣбъ, масло и преимущественно водка, безъ которой и праздникъ не въ праздникъ. Цѣлый день проводится въ ѣдѣ и питьѣ, въ пѣсняхъ и веселомъ шумѣ; этимъ свадьба и кончается; гости разъѣзжаются и молодые остаются совершенно одни. Хотя они со дня свадьбы и живутъ въ одной палаткѣ, однакожъ еще цѣлый годъ и даже дольше воздерживаются отъ брачнаго ложа, пока наконецъ молодая супруга не почувствуетъ желанія сдѣлаться матерью и не устроитъ

себѣ подлѣ особенной палатки, въ которой мужъ и начинаетъ посѣщать ее. Если у Самоѣда нѣсколько женъ, то палатки ихъ разставляются вокругъ мужниной.

Самоѣды женятся обыкновенно тотчасъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, отчего нерѣдко случается, что жена или мать бываетъ всего двѣнадцати лѣтъ. У нихъ свои особенныя понятія о кровномъ родствѣ, препятствующемъ браку, потому что отецъ вмѣняетъ себѣ въ непремѣнную обязанность, особливо если онъ вдовецъ, жениться на женѣ умершаго своего сына, и дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что ему не надо платить за нее; точно также Самоѣдъ съ радостію женится на вдовѣ покойнаго брата своего, потому что онъ не только ничего не платитъ за нее, но даже еще получаетъ ея приданое. Изъ этого видно, что поводомъ къ такимъ понятіямъ послужили, какъ необходимость обезпечить и защитить оставшихся вдовъ и сиротъ, такъ и расчетъ выгоднаго пріобрѣтенія хозяйки. Но за то, съ другой стороны, языческіе Самоѣды строго соблюдаютъ правило—не жениться на женщинѣ одного съ ними племени, такъ что напримѣръ Самоѣдъ изъ племени Ванойта непремѣнно долженъ избрать себѣ въ жены женщину изъ племени Лага; напротивъ того, два брата могутъ жениться на двухъ сестрахъ, если только послѣднія принадлежатъ не къ одному племени съ первыми.

Многоженство есть главная причина, не только рабскаго состоянія женщины, но и нравственнаго пренебреженія ея, вслѣдствіе котораго она считается существомъ, сотвореннымъ единственно для пользы и удовольствія мужа. По существующему между Самоѣдами обычному праву, мужъ не смѣетъ продать жены своей кому-нибудь другому, а можетъ, если

ему угодно, только развестись съ нею, т. е. отослать ее обратно къ родителямъ, не возвращая однакожъ ея приданаго. Точно также и жена во всякое время можетъ покинуть своего мужа, но въ такомъ случаѣ мужъ нетолько оставляетъ себѣ ея приданое, но и требуетъ отъ ея родителей возвращенія платы, которую онъ внесъ за нее, чего въ первомъ случаѣ не бываетъ. Особенныя правила соблюдаются у Самоѣдовъ при разрѣшеніи женъ ихъ отъ бремени. Чувствуя приближеніе этого момента, беременная женщина отправляется въ особенную, собственно для этой цѣли устроенную палатку, называющуюся нечистой, самай ма или мадико (уменьшительное отъ слова ма), послѣ чего посылаютъ за престарѣлой женщиной, которая обязана помогать ей во время родовъ.

При рожденіи дитяти, отецъ или кто-нибудь изъ постороннихъ, безъ дальнихъ околичностей, надѣляетъ его именемъ; родильница же еще въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ считается нечистою: мужъ остерегается сближаться съ нею и она остается въ своей палаткѣ, часто безъ всякаго попеченія, отчего нерѣдко погибаетъ не только мать, но и новорожденное дитя. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ начинаютъ окуривать какъ родильницу, такъ и палатку, въ которой она разрѣшилась, послѣ чего она со всѣми окружающими ее предметами считается очищенною. Странно, что Самоѣды вообще считаютъ женскій полъ нечистымъ, когда они сами нисколько не превосходятъ ихъ въ чистоплотности, представляя, напротивъ того, самый грязный народъ, который никогда или, покрайней мѣрѣ, весьма рѣдко вздумаетъ помыть какую-нибудь часть своего тѣла или вычесать

свою косматую голову, такъ что мѣховое платье ихъ, надѣваемое на голое тѣло, всегда бываетъ наполнено безчисленнымъ множествомъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ не можетъ уберечься ни одинъ путешественникъ, ночующій у нихъ въ палаткѣ.

Однакожъ я до сихъ поръ еще ничего не сказалъ ни объ одеждѣ, ни о тѣлосложеніи Самоѣдовъ, между тѣмъ какъ это прежде всего бросается путешественнику въ глаза.

Верхнее мужское платье Самоѣдовъ состоитъ въ малицѣ (порусски малица), т.е. шубы, сшитой изъ оленьей шерсти, на подобіе рубашки, мѣховой стороной внизъ. Около шеи мягкая шерсть выворачивается въ видѣ воротника (икъ), который плотно прилегаетъ къ подбородку и затылку; концы рукавовъ находятся въ соединеніи съ рукавицами (ова), которыя, будучи сдѣланы изъ нѣсколько болѣе жесткой шерсти, взятой съ оленьихъ ногъ, обращены мѣховой стороной наружу; на внутренней сторонѣ рукавицы, противъ ладони, находится поперечный разрѣзъ, черезъ который кисть руки во всякое время можетъ быть освобождена изъ перчатки. Сверхъ эту мѣховую рубашку одѣвается другая, обращенная мѣховой стороной наружу и называющаяся у Самоѣдовъ совокъ или сова, а у Русскихъ совикъ. Совокъ этотъ снабженъ капоромъ, служащимъ для прикрытія головы; вмѣсто капора у Самоѣдовъ Малой и Канинской земель капоръ обыкновенно замѣняется шапкой (сова), которая дѣлается изъ мягкой оленьей шерсти, взятой вдвое, такъ что мѣхъ съ обѣихъ сторонъ выходитъ наружу; шапка эта плотно прилегаетъ къ головѣ и ушамъ и завязывается подъ подбородкомъ, или короткимъ ремнемъ,

или удлиненными узкими клапанами. Чтобы мальца и совокъ, сшитые довольно просторно, не отставали слишкомъ отъ туловища, ихъ подпоясываютъ кожанымъ поясомъ (пи), который, будучи украшенъ однимъ или двумя рядами большихъ мѣдныхъ пуговицъ, застегивается спереди мѣдной пряжкой. За пазухой у Самоѣда остается пустое пространство, служащее ему карманомъ; сюда онъ кладетъ свою трубку и рожокъ съ табакомъ, и если ему вздумается покурить, то онъ долженъ вытащить руку изъ рукава и, взявъ свою трубку, передаетъ ее черезъ поперечный разрѣзъ рукавицы другой рукѣ.

Нижняя одежда состоитъ изъ пары пантолонъ (пиме, по-русски штаны) и пары чулокъ (лупть или тобакъ, у Русскихъ литы); объ эти вещи сдѣланы изъ шерсти молодыхъ оленей, мѣхомъ внутрь. Сапоги (пива, передѣл. на русск. пимы) сшиты изъ параллельно скроенныхъ кусковъ гладковолосой шерсти, взятой съ ногъ сѣверныхъ оленей, при чемъ темныя и бѣлыя полоски перемежаются между собой довольно красиво; для подошвъ берется та часть оленьей шкуры, которая находится на внутренней сторонѣ лодыжки, гдѣ жесткіе волосы стоятъ въ видѣ крутящихся вихоровъ. На этихъ сапогахъ мѣховая сторона выходитъ наружу, точно такъ, какъ и у особеннаго рода коротенькихъ полусапожекъ (тобура въ Канинской землѣ, харнакъ въ Большеземельной тундрѣ), которые при сильномъ морозѣ одѣваются сверхъ первыхъ и завязываются ремнемъ нѣсколько выше лодыжки. Малоземельные и канинскіе Самоѣды, въ лѣтнее и осеннее время, обыкновенно носятъ русскіе бахилы или грубые непромокаемые са-

поги, которые подвязываются кожанымъ ремнемъ около самаго колѣна. За то съ другой стороны Русскіе Архангельской губерніи почти до Двины, какъ мужчины, такъ и женщины переняли отъ Самоѣдовъ малицу, которою спѣшитъ запастись всякій путешественникъ, пріѣзжающій въ тундры, потому что ни одна шуба не сидитъ такъ спокойно на плечахъ и не въ состояніи такъ хорошо защитить человѣка отъ холода, какъ эта малица. Русскіе обыкновенно покрываютъ эту шубу толстой и плотной матеріей или тонкимъ цвѣтнымъ ситцемъ, такъ-что и здѣсь женщинамъ представляется случай наряжаться по-красивѣе. Единственный большой недостатокъ малицы тотъ, что оленья шерсть, даже отъ малѣйшей сырости, начинаетъ крутиться и линять; а это тѣмъ непріятно, что волосъ оленьей шкуры весьма плотно пристаетъ ко всякой шероховатой матеріи (какъ напр. сукно), такъ-что нѣтъ никакой возможности отчистить его щеткой, а приходится снимать почти каждый волосокъ отдѣльно. Впрочемъ неудобство это очень легко можетъ быть устранено болѣе тщательной обработкой мѣха, а то Самоѣды просто скоблятъ его сперва тупымъ ножомъ, а потомъ растираютъ между пальцами, пока онъ не сдѣлается мягкимъ; работа эта опять-таки принадлежитъ Самоѣдкамъ.

Женщины, вмѣсто мальцы и совока, носятъ два верхнихъ платья, изъ которыхъ одно, надѣваемое на голое тѣло, называется яндыі (по-русски яндица), а другое, одѣваемое сверхъ перваго, — панеі (по-русски паница). Послѣднее представляетъ мѣховый кафтанъ, обращенный мѣховой стороной внизъ; верхъ этого кафтана, до самаго пояса, покрытъ ситцами вмѣстѣ ку-

скими жестковолосой шерсти отъ оленьихъ ногъ; при этомъ обыкновенно заботятся о томъ, чтобы основной цвѣтъ кафтана былъ бѣлый, потому что тогда на немъ легче выводить узоры, состоящіе изъ темнаго цвѣта клочьевъ и полосокъ той же шерсти; спереди, начиная отъ воротника почти до колѣнъ, паница застегивается ремнями или лептами (сизи). Объ украшеніи нижней части паницы, т. е. полъ (панда́), не менѣе того заботятся; потому что если верхняя половина отличается различными узорами темнаго цвѣта на бѣломъ полѣ, то нижняя, напротивъ того, обшивается одной или нѣсколькими широкими опушками изъ мягкой рухляди (т. е. собачьяго или песцоваго, а у богатыхъ даже лисьяго и собольяго мѣха), перемежающимися подобными же суконными кромками различныхъ цвѣтовъ. Для подпоясыванія этой паницы употребляется такой же кожаный поясъ, какой и у мужчинъ, съ тою только разницею, что существо прекраснаго пола снабжаетъ его огромной пряжкой, которая, имѣя по-крайней мѣрѣ ⅔ фута въ діаметрѣ, состоитъ изъ трехъ концентрическихъ мѣдныхъ кружковъ. Въ обуви женщины нисколько не отличаются отъ мужчинъ, но за то на головѣ онѣ, вмѣсто мужскаго капора, носятъ большую мѣховую шапку (сова́) съ широкимъ околышкомъ изъ песцоваго мѣха; верхъ шапки суконный, а назади къ краю пришито нѣсколько пестрыхъ суконныхъ лентъ съ разными металлическими бездѣлушками, какъ то: мѣдными пуговицами и разнаго рода кольцами, которыя, при малѣйшемъ движеніи, сталкиваются между собой и тѣмъ производятъ странный шумъ. Волосы свои Самоѣдки заплетаютъ въ двѣ длинныя косы, ко-

торыя, вися на спинѣ, снабжены на концахъ своихъ лоскутками сукна, отчего онѣ кажутся еще длиннѣе, и соединены между собою коротенькимъ горизонтальнымъ снуркомъ, нагруженнымъ опять-таки различными мѣдными пуговицами и колечками. На шею женщины навѣшиваютъ себѣ нѣсколько нитокъ стеклянныхъ бусъ, которыя различаются и видомъ, и цвѣтомъ. Цѣль, для которой самоѣдскія красавицы обременяютъ себя всѣми упомянутыми нами побрякушками, состоитъ въ томъ, чтобы обратить на себя вниманіе, если не лицомъ, то по крайней мѣрѣ бренчаніемъ, которое слышится во время ходьбы или другаго какаго-нибудь движенія. Нѣкоторыя даже привѣшиваютъ къ рукавамъ платья колокольчики и стараются выказать себя какъ можно болѣе расторопными въ хозяйствѣ, отчего поклонники ихъ невольно удостоиваютъ ихъ своего вниманія. Жаль, что эти сѣверныя красавицы не проникли еще тайны поддѣльнаго туалета, а то нѣсколько румянъ принесло бы имъ большую пользу! Объ украшеніяхъ татупированіемъ, которыя были замѣчены Эрманомъ у Остяковъ, живущихъ по берегамъ Оби, и Тунгузцевъ, архангельскіе Самоѣды ничего не знаютъ.

Наружность самоѣдскихъ женщинъ мы уже описали, остается только прибавить, что онѣ не всегда бываютъ до такой степени безобразны и что между ними иногда встрѣчаются даже такія, которыя, по европейскимъ понятіямъ о красотѣ, довольно сносны; конечно это бываетъ весьма рѣдко. Черты лица Самоѣдовъ вообще носятъ на себѣ печать монгольскаго типа: шаровидная голова съ узкимъ вздернутымъ кверху лбомъ и сильно выдав-

шимися скулами: глаза маленькіе, часто очень узкіе и нѣсколько наклонные къ носу; лемешъ очень коротъкій, ротъ и подбородокъ правильные; весьма смуглое лице и черные гладкіе волосы, которые, находясь только на головѣ, бровяхъ и вѣкахъ, весьма рѣдко образуютъ у мужчинъ короткую, рѣдкую и жесткую бороду, такъ что Самоѣды большею частію бываютъ совершенно безъ бороды. (1) Между Самоѣдами очень рѣдко можно встрѣтить высокаго мужчину, и вообще всѣ они скорѣй низенькаго, нежели средняго роста. Шея у нихъ короткая, туловище длинное, ноги короткія, стопы и руки (кисти) маленькія. Въ смѣшеніи съ другими племенами, напр. Славянскимъ и Финскимъ, Самоѣдъ не выдерживаетъ своего типа, такъ что уже во второмъ поколѣніи его едва можно узнать.

Въ этихъ грязныхъ и укутанныхъ въ мѣха фигурахъ монгольскихъ гиперборейцевъ обитаетъ невинная, миролюбивая душа безъ всякихъ страстей и безъ всякой почти энергіи, но полная безпримѣрной доброты и честности. Безпечное хладнокровіе есть главная черта, повсюду отличающая темпераментъ Самоѣда. Лѣнивый работать, онъ болѣе всего любитъ праздность и въ состояніи нѣсколько часовъ сряду просидѣть въ своей палаткѣ у огня, поджавши ноги, почти безъ всякаго движенія и устремивъ неподвижный взоръ свой на погасающіе уголья; лѣность эта доходитъ до того, что онъ не хочетъ даже поправить огонь или

---

(1) Самый удачный портретъ Самоѣда написанъ извѣстнымъ голландскимъ живописцемъ Cornelius de Bruin во время пребыванія его въ Архангельскѣ 1701 г. См. Reizen over Moscovia door Persia etc.

только повернуть языкъ свой, чтобы приказать это суетящейся около него хозяйкѣ. Будучи до такой степени лѣнивъ, Самоѣдъ невольно дѣлается молчаливымъ и нерѣдко кажется мрачнымъ и угрюмымъ, мало того, его можно сочесть даже за глупаго и безсмысленнаго человѣка; а заговорите-ка съ нимъ по-ласковѣе или затѣйте съ нимъ шуточный разговоръ, особливо если вы предварительно поподчивали его живительнымъ напиткомъ, — и вы увидите, что подъ этой безсмысленной личиной нерѣдко скрывается веселый и даже забавный характеръ. Добродушіе Самоѣда обнаруживается во всѣхъ его поступкахъ: онъ не можетъ видѣть нуждающагося человѣка безъ того, чтобы не помочь ему, если это только по его силамъ; по этому, у палатки даже умѣреннаго богатаго Самоѣда, всегда можно встрѣтить нѣсколько бѣдныхъ его единоплеменниковъ, которымъ онъ помогаетъ, чѣмъ только можетъ; онъ кормитъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ семействами, даетъ имъ въ пользованіе своихъ оленей, платитъ за ихъ ясакъ и даже одѣваетъ ихъ. Въ замѣнъ всего этого добросердечный хозяинъ пользуется отъ нихъ только той добычей, которая имъ достается на охотѣ, и кой-какими услугами, далеко не вознаграждающими его благодѣяній. Для улучшенія своего состоянія, бѣдный обыкновенно получаетъ отъ богатаго въ заемъ нѣсколько сѣверныхъ оленей, безъ всякаго обезпеченія, безъ процентовъ и на неопредѣленное время, пока бѣдный не поправитъ своихъ обстоятельствъ и не будетъ въ состояніи заплатить свой долгъ; если же при этомъ случится, что нѣкоторые изъ занятыхъ оленей падутъ или по необходимости будутъ съѣдены, то кредиторъ рѣдко-когда требуетъ за

ихъ вознагражденія. Это сильное стремленіе дѣлать добро ближнимъ нерѣдко бываетъ причиною того, что зажиточные сами попадаютъ въ нищету и терпятъ крайнюю нужду; мы видѣли нѣсколько такихъ Самоѣдовъ, которые, будучи слишкомъ добры и довѣрчивы, роздали всѣхъ своихъ оленей, а сами остались ни при чемъ. По за то съ другой стороны для богатаго Самоѣда нѣтъ ничего постыднѣе скупости или нежеланія помочь своимъ собратамъ, и въ древнихъ преданіяхъ или судьбантсъ скупцы служатъ предметомъ насмѣшекъ и порицаній, а щедрые осыпаются похвалами.

Лѣнивый темпераментъ Самоѣда дѣлаетъ его терпѣливымъ и способнымъ забывать всѣ нанесенныя ему обиды и заставляетъ его чувствовать какое-то беззащитное безсиліе, которое и бываетъ причиною того, что онъ трепещетъ передъ своими притѣснителями. Противъ открытой силы онъ большею частію возражаетъ совершенною покорностію, даже трусостію, если только можно такъ выразиться, говоря о человѣкѣ, который, будучи самъ-десять, не осмѣливается защищаться противъ одного Зырянина, тогда какъ тотъ же Самоѣдъ одинъ одинехонекъ съ помощію какого нибудь ничтожнаго орудія, пускается въ неравный бой съ бурымъ, а еще чаще съ бѣлымъ медвѣдемъ. Самоѣдъ въ высшей степени гостепріименъ и ничего не щадитъ, чтобы угостить даже самаго бѣднаго гостя своего всѣмъ, что у него есть лучшаго въ домѣ. Народъ этотъ очень миролюбивъ; они не терпятъ ни драки, ни ссоры, и живутъ въ удивительномъ согласіи между собою, какъ будто это члены одного семейства, и не было еще примѣра, чтобы Самоѣдъ жаловался на своего единоплеменника старостѣ или мезенскому

суду; а если между ними и возникаетъ какая-нибудь ссора, то они стараются прекратить ее добромъ, при помощи посредника. Это-то согласіе и есть причина, почему они поступаютъ другъ съ другомъ честно и благородно, безъ всякой фальши, безъ всякаго коварства, и почему кредиторъ не знаетъ другаго обезпеченія, кромѣ упованія на честность должника. Воровство у Самоѣдовъ, особливо другъ у друга, есть большая рѣдкость, почти никогда не встрѣчающаяся, несмотря на то, что пожитки ихъ всегда лежатъ на открытомъ воздухѣ, около палатки, безъ всякаго присмотра, и стада ихъ большею частію пасутся безъ пастуха. Мы уже имѣли случай познакомиться съ самоѣдскимъ обыкновеніемъ оставлять сани, навьюченныя всѣми зимними пожитками на все лѣто среди тундры, на открытомъ мѣстѣ и безъ всякой стражи; обыкновеніе это вполнѣ характеризуетъ общую увѣренность другъ въ другѣ, но съ другой стороны оно находится въ тѣсной связи съ суевѣріемъ этого народа, потому что нагруженныя сани снабжаются деревяннымъ идоломъ, который, наводя страхъ на проѣзжающихъ, можетъ быть тѣмъ самымъ и сберегаетъ отданныя подъ его покровительство вещи. Даже путешествующему Самоѣду, можетъ быть, не разъ приходилось оставлять среди тундры пожитки свои, которые онъ, благодаря испугану и просторѣ своихъ единоплеменниковъ, находилъ въ сохранности послѣ нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ. Мы уже видѣли, какъ поселившіеся въ тундрахъ чужеземцы научили ихъ быть осторожнѣе въ этомъ отношеніи; также разсмотрѣли вліяніе, какое эти чужеземцы произвели и теперь еще производятъ на нравственность злѣйшихъ уроженцевъ. Та-

перь намъ остается только замѣтить, что Самоѣды никогда не допускаютъ себя совершить какое-нибудь важное преступленіе; и дѣйствительно, въ мезенскомъ судѣ не упоминается ни объ одномъ убійствѣ, которое бы было учинено Самоѣдомъ. Бѣлявскій, въ своей «Поѣздкѣ къ Ледовитому морю», Москва 1833 г. стр. 160, говоритъ объ одномъ смертоубійствѣ, случившемся между сибирскими Самоѣдами въ пылу негодованія, но тутъ же прибавляетъ, что это было первое и послѣднее въ Обдорскѣ и что убійца тотчасъ же самъ наказалъ себя, наложивъ на себя руку. Что касается до грабежей и убійствъ, которые были учиняемы Самоѣдами изъ племени Харуци, во время нападеній ихъ на европейскія тундры, то объ нихъ не должно судить слишкомъ строго, потому что въ древнихъ пѣсняхъ они считаются болѣе воинскими подвигами. — Однакожъ обратимся опять къ нашему путешествію.

При едва чувствительномъ южномъ вѣтрѣ, воздухъ сегодня, какъ и во всѣ эти дни, былъ чистъ и прозраченъ; термометръ показывалъ 21° Ц. и веселое, безоблачное почти небо парило надъ обширными равнинами, которыя мѣстами прерывались плоскими холмами. Большая часть растеній тундры уже отцвѣла, а нѣкоторыя были уже съ плодами, почти совершенно зрѣлыми. Ясно, что этому обстоятельству весьма много способствовали продолжительные жары и ясные погоды, явленія, весьма рѣдкія подъ этими широтами. У зырянской палатки мы перемѣнили запряжку, переѣхали вечеромъ черезъ безъименной побочный ручей Силвы и, чтобы не измучить оленей, такъ какъ въ окрестностяхъ нельзя было открыть палатки, остались ночевать среди

тундры. Мы обыкновенно пользовались такими тихими ночами для продолженія нашего путешествія, тѣмъ болѣе, что при ночной прохладѣ олени не такъ скоро уставали и мы быстрѣе подвигались къ цѣли; но теперь мы невольно должны были оставить наше ночное путешествіе, потому что зырянскіе проводники наши, не будучи въ состояніи разсмотрѣть палатокъ, лежащихъ по обозначенному на компасѣ направленію, очень легко могли бы привести насъ къ ближайшей палаткѣ, не разбирая того, по пути-ли она намъ лежитъ или нѣтъ, лишь бы только скорѣй избавиться отъ обязанности проводника.

(13 Августа). Утромъ рано мы пустились по обширной равнинѣ, перемежающейся съ плоскими холмами и углубленіями, которыя, принимая въ себя осадки атмосферы, образуютъ болота или служатъ бассейнами для безчисленныхъ озеръ и прудовъ. При ясномъ небѣ термометръ показывалъ 18½° Ц. и южный вѣтеръ перемѣнился на юговосточный; но надо замѣтить, что переходъ этотъ не былъ сопряженъ съ тѣми явленіями, которыя постоянно сопровождаютъ перемѣну вѣтровъ изъ противоположныхъ половинъ.

Избравъ для ночлега палатку безоленныхъ Самоѣдовъ, которые поддерживали свое существованіе рыбною ловлею въ окрестныхъ озерахъ, мы послали предварительно къ ближайшему мѣстопребыванію номадовъ за свѣжими оленями. Самоѣды наши, поджавши ноги, сидѣли около огня и съ видимымъ наслажденіемъ курили трубку, переходившую кругомъ изъ рукъ въ руки. Трубка эта, имѣя пол-аршина въ длину, была сдѣлана изъ твердой кости и отличалась странностію формы; работа ея могла быть

названа искусною, если взять въ разсужденіе то, что она производилась помощію неуклюжаго ножа. Трубка и чубукъ были вырѣзаны изъ одного куска; цилиндрическое отверстіе, довольно большаго діаметра, на концѣ загибается кверху, въ видѣ узенькаго канала, а этотъ послѣдній, расширяясь кверху болѣе и болѣе, представляетъ вмѣстилище табаку, которое внутри вылито оловомъ, а снаружи украшено широкимъ ободкомъ изъ кости. Вмѣстилище это имѣетъ видъ и величину раскалотой по-поламъ шелухи обыкновеннаго орѣха, изъ чего можно заключить, какъ мало туда входитъ табаку. Деревянная, оловомъ обложенная штучка втыкается въ верхній конецъ чубука и служитъ мундштукомъ; къ чубуку, около его средины, привязывается кожаный мѣшочекъ, который, не смотря на свою миніатюрность, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ принадлежности куренія, какъ то: табакъ, трутъ, огниво и кремень (1). Когда Самоѣдъ усѣлся поджавши ноги и наполнилъ свою трубку самымъ дурнымъ листовымъ табакомъ, то онъ, съ самодовольнымъ видомъ и въ полномъ ожиданіи удовольствія, кладетъ въ набитую трубку горящій уголь или широкій кусокъ трута и, какъ бы готовясь къ наслажденію, зажмуриваетъ свои маленькіе, косвенно лежащіе глаза и затягивается съ выраженіемъ видимаго блаженства, послѣ чего тотчасъ же передаетъ трубку своему сосѣду, который принимается за нее съ такимъ же наслажденіемъ. Переходя такимъ образомъ во вторыя или третьи руки, трубка уже выгораетъ и тогда она немедленно вытрясается и изчезаетъ, сквозь отверзтіе рукавицы, въ

(1) Изображеніе самоѣдской трубки въ «Поѣздкѣ къ Ледовит. морю.» Бѣлявскаго Таб. II фиг. 3.

рукавъ, а отсюда за назуху, гдѣ она покоится до слѣдующаго раза.

(14 Августа). Мы могли отправиться въ дорогу не раньше какъ къ обѣду. Плоскохолмистыя равнины, поросшія множествомъ кустарниковъ ивы и березы-ерника, разстилались въ видѣ обширныхъ болотъ, въ которыхъ Seggen вмѣстѣ съ Eriophorum angustifolium достигали такой высоты, что они приходились оленямъ по самую грудь. Мы переѣхали черезъ рѣчку Намдоягу, т. е. роговую, которая вливается съ правой стороны въ Хаягу и уже вмѣстѣ съ этой послѣдней въ Коротаиху; источники ея находятся въ невысокомъ горномъ хребтѣ того же имени, т. е. Намдагоѣ, который, какъ говорятъ, до переселенія Зырянъ въ тундры, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ дикихъ оленей; почему на холмахъ его особенно часто попадались отпавшіе рога этихъ животныхъ, обстоятельство, которому хребетъ этотъ и обязанъ названіемъ Намдагой, т. е. хребта оленьихъ роговъ; а отъ хребта названіе это перешло и на рѣку, которая здѣсь беретъ свое начало (1).

---

(1) Положенія Намдагоя я не могъ узнать отъ Самоѣдовъ; только вслѣдствіе позднѣйшихъ освѣдомленій у мезенскихъ мѣщанъ, а именно у Окладникова, я получилъ подробное извѣстіе объ упомянутомъ прежде горномъ хребтѣ Намдозигоѣ (стр. 413), названіе котораго, хотя и имѣетъ совершенно противоположное значеніе, т. е. «хребетъ безъ роговъ», однакожъ, по моему мнѣнію, ни сколько не противорѣчитъ названію Намдагой, такъ-что оба они принадлежатъ одной и той же мѣстности; противоположное же названіе ихъ очень легко объяснить, если взять въ разсужденіе то обстоятельство, что дикій олень, которому хребетъ обязанъ своимъ названіемъ, тамъ больше не встрѣчается, вслѣдствіе чего и Намдагой переименованъ въ Намдозигой.

Проѣхавъ еще нѣкоторое пространство, мы переправились черезъ рѣку Хаягу, которая, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ мы черезъ нее переѣзжали, образуетъ нѣсколько тихо вьющихся водоворотовъ, почему рѣкаи получила у Самоѣдовъ названіе водоворотистой. Такъ какъ водящіяся въ Хаягѣ рыбы преимущественно стремятся къ этимъ водоворотамъ, то бѣднѣйшіе Самоѣды, поддерживающіе себя во время лѣта единственно рыбной ловлей, почти всегда раскидываютъ здѣсь свои временныя палатки. Изъ рыбъ здѣсь чаще другихъ попадается Чиръ (Salmo Nasus Pall.), названный у Самоѣдовъ Идырчь, изъ котораго, въ слѣдствіе искаженія, вѣроятно произошло русское названіе чиръ.—Въ зыряпскомъ чумѣ мы перемѣнили оленей и въ ночи прибыли къ Коротанхѣ, гдѣ и расположились ночевать.

(15 Августа). Утромъ рано мы долго разъѣзжали вдоль берега рѣки, ища брода; но вода была повсюду такъ глубока, что намъ нельзя было попасть на другую сторону безъ помощи лодки. Не зная, на что рѣшиться, мы посмотрѣли на противоположный берегъ, какъ вдругъ изъ-за возвышенія показался спаситель нашъ, мохнатый Самоѣдъ, который, соскочивъ съ саней, спустился на край берега и привѣтствовалъ насъ своимъ «тарово». Мы радостно встрѣтили его и, узнавъ, что онъ по близости стерегъ стадо какого-то Зыряпина, тотчасъ же послали его къ хозяину стада, чтобы онъ отъ нашего имени потребовалъ у него лодку. Самоѣдъ нашъ, не говоря ни слова, отправился къ своему хозяину и черезъ нѣсколько времени дѣйствительно возвратился съ лодкой, при помощи которой мы, не болѣе какъ черезъ четверть часа, очутились на другомъ берегу вмѣстѣ съ санями и

поклажею. Посланный Самоѣдъ сказалъ намъ, что хозяинъ его сильно гнѣвался на него и дѣлалъ ему жестокіе выговоры за то, что онъ показался на берегу; однакожъ Самоѣдъ, не совсѣмъ глупый парень, умѣлъ отговориться тѣмъ, что онъ, будто бы, принялъ нашихъ олепей за своихъ и потому хотѣлъ пуститься догонять ихъ и что потомъ онъ хотя и замѣтилъ свою ошибку, но уже было поздно, потому что мы, будто бы, остановили его. Такимъ образомъ я и здѣсь не имѣлъ причины раскаиваться въ дружбѣ, которую я заключилъ съ Самоѣдами. Народецъ этотъ уже вездѣ былъ извѣщенъ о моемъ путешествіи, а такъ какъ цѣли его ни кто не могъ понять, то всякій толковалъ ее по своему и рѣшили наконецъ тѣмъ, что будто я посланъ отъ Правительства съ цѣлію подробно узнать, сколько у каждаго владѣльца сѣверныхъ оленей,—что имъ и дѣйствительно могло показаться, потому что сопутешественникъ мой въ каждой палаткѣ освѣдомлялся о числѣ оленей,—чтобы потомъ раздѣлить ихъ по-ровну между всѣми обитателями тундры. При такихъ цѣляхъ, которыя мнѣ приписывали, всѣ богатые хозяева, а слѣдовательно и Зыряне, должны были сдѣлаться явными противниками моими, между тѣмъ какъ обѣдиѣвшіе и обманутые Самоѣды отъ души полюбили меня, потому что считали меня виновникомъ всего будущаго своего счастія. Такое стеченіе обстоятельствъ заставило насъ, вездѣ, гдѣ мы только проѣзжали, скрывать отъ Зырянъ предполагаемое нами направленіе пути, чтобы тѣмъ отнять у нихъ всякую возможность дѣйствовать противъ насъ единогласно; иначе они могли бы согласиться перебраться къ лѣсамъ, — къ чему они и безъ того го-

товились, такъ какъ становилось уже довольно холодно, —и тѣмъ самымъ отрѣзать намъ путь въ Пустозерскъ. Къ счастію, намъ этого нечего было опасаться и, кромѣ нѣкоторыхъ споровъ за оленей, къ которымъ мы впрочемъ скоро привыкли, путешествіе наше не встрѣчало препятствій.

Проѣхавъ небольшое пространство, мы очутились у палатки того Зырянина, къ которому мы посылали за лодкой, онъ принялъ насъ очень ласково, однакожъ мы не намѣрены были оставаться у него, а перемѣнили только своихъ оленей и отправились дальше. Но дорогѣ мы опять увидѣли отдѣльныя возвышенія Большеземельскаго хребта, который тянулся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, съ лѣвой стороны. Около одного изъ этихъ возвышеній, называемаго Салиде, беретъ свое начало рѣчка Ладхейяга, т. е. разсѣкающая рѣка, названная такъ потому, что глубокая пропасть, въ которой находятся ея источники, по видимому, разсѣкаетъ холмъ. Рѣчка эта представляетъ побочную Коротаихи; воды ея неглубоки, а потому намъ не стоило большаго труда переѣхать черезъ нее. Въ тундрахъ природа уже замѣтно начинала мертвѣть; почти всѣ растенія уже клонились къ увяданію; листья березы-ерника, S. hastata и herbacea, равно и созрѣвшей морошки, первые приняли желтый цвѣтъ, предвѣщавшій приближеніе зимы; полагаютъ, что морошка въ этихъ мѣстахъ не всегда приноситъ плоды, или покрайней-мѣрѣ они не всегда созрѣваютъ.

И теперь намъ опять бросилась въ глаза разница между рѣками, текущими на западъ и на востокъ отъ Коротаихи; первыя, т. е. западныя, протекая между

глинисто-песчаными берегами, имѣютъ всегда воду мутную, между тѣмъ какъ воды восточныхъ рѣкъ постоянно прозрачны; даже сама Коротаиха, вмѣстѣ съ притоками, впадающими въ нее съ лѣвой стороны, принадлежитъ еще къ мутнымъ рѣкамъ. Галыки ея состояли изъ глинистаго сланца, кварца и известняковъ, которые, по видимому, вполнѣ соотвѣтствовали горнымъ породамъ, замѣченнымъ нами на сѣверномъ Уралѣ. Къ вечеру небо покрылось тучами, а сильный дождь, продолжавшійся всю ночь, заставилъ насъ укрыться отъ непогоды въ зырянской палаткѣ.

(16 Августа). При облачномъ небѣ подувалъ тихій юговосточный вѣтерокъ; тундра разстилалась передъ нами въ чрезвычайномъ однообразіи, являясь, то совершенно ровною, то плоскохолмистою, а между тѣмъ холмы Большеземельнаго хребта все еще провожали насъ съ лѣвой стороны; растительность была столь же однообразна, какъ и сама земля: кромѣ Allium Schoenoprasum, Dianthus dentosus Bge., Delphinium intermedium, Campanula rotundifolia, Veronica longiflora, Sanguisorba officinalis, Epilobium Hornemannianum Rchb., Achillea Millefolium и Ptarmica, уже ничего болѣе не цвѣло; Agrostis groenlandica покрывала нѣкоторыя низменности роскошной травой. Подъ вечеръ мы пріѣхали къ тремъ самоѣдскимъ палаткамъ, находившимся другъ подлѣ друга на одномъ холмѣ. Должно замѣтить, что Зыряне и Русскіе, со своими безчисленными стадами, всегда кочуютъ врось, а Самоѣды обыкновенно странствуютъ нѣсколькими семействами, потому что съ одной стороны для незначительныхъ стадъ ихъ не нужно слишкомъ большихъ пастбищъ, а съ другой и самое имущество

ихъ черезъ то лучше сберегается; по этому-то на одномъ мѣстѣ нерѣдко можно встрѣтить двѣ, три и даже пять самоѣдскихъ палатокъ. При этомъ стада ихъ пасутся вмѣстѣ, рыбная ловля производятся общими силами и если приходится закалывать оленя, то бѣдныя семейства собираются къ зажиточному, который тогда играетъ роль хозяина и угощаетъ всѣхъ живущихъ вмѣстѣ съ нимъ единоплеменниковъ, такъ что бѣднѣйшіе болѣе или менѣе живутъ на счетъ зажиточныхъ.

(17 Августа) Вмѣстѣ съ южными вѣтрами изчезла и умѣренная теплота воздуха и ясное небо, которое до того времени намъ улыбалось; холодный сѣверовосточный вѣтеръ принесъ съ собой туманы и дожди; обширныя низменности и болотистыя равнины, по которымъ мы ѣхали, утомляли насъ своимъ однообразіемъ. Мы переѣзжали черезъ двѣ рѣчки: Пармейягу, т. е. красную рѣку, которая беретъ свое начало изъ возвышенія Большеземельнаго хребта, покрытаго красноватымъ дерномъ (Spagnum, а можетъ быть и покраснѣвшіе во время осени дерна Arctost. alpinus), а потомъ Сарембойягу, т. е. поворачивающуюся рѣку, которая, принявъ съ правой стороны Пармейягу, поворачивается назадъ, течетъ почти параллельно самой себѣ и около источниковъ своихъ вливается въ Коротаиху съ лѣвой ея стороны. Во время скучнаго путешествія по однообразнымъ болотамъ насъ занята охота собакъ нашихъ за молодымъ песцомъ или крестоватикомъ, который, будучи преслѣдуемъ со всѣхъ сторонъ, наконецъ выбился изъ силъ и долженъ былъ поддаться неутомимымъ своимъ гонителямъ. Шкура на этомъ животномъ была лѣтняя, сѣраго цвѣта съ тремя бурыми полосками, изъ которыхъ

одна шла вдоль спины до хвоста, а другія двѣ, начиная отъ первой, спускались къ переднимъ лапамъ и къ пахамъ; отъ этого-то выступка оно и получило названіе крестоватика. Эта мѣстность, повидимому, очень богата песцами, потому что мы видѣли здѣсь множество ловушекъ, разставленныхъ по сухимъ холмамъ; но настоящая ловля начинается тогда, когда песецъ уже одѣлъ свою бѣлую зимнюю шубу. Описаніе этихъ ловушекъ смотри въ прибавленіяхъ Т. II.

Такъ какъ мы не могли открыть палатки, а темнота ночи постепенно усиливалась, то мы рѣшились ночевать среди тундры, на берегу Ейяги, т. е. земляной рѣки, получившей названіе свое отъ глинистыхъ береговъ (для отличія отъ сосѣднихъ рѣкъ, имѣющихъ болѣе песчаные берега) и впадающей въ Хабидепадару. Между тѣмъ бурный вѣтеръ пригналъ тучи, разразившіяся сильнымъ дождемъ, почему Самоѣды мои не преминули сдѣлать довольно справедливое замѣчаніе, что въ маленькой палаткѣ удобнѣе ночевать, нежели въ большой, т. е. подъ открытымъ небомъ, потому что въ большой, сквозь крышу, сильно протекаетъ; но такъ какъ маленькой палатки при насъ небыло, то мы по-неволѣ должны были довольствоваться большою, и Самоѣды, покоряясь необходимости, опрокинули свои сани на бокъ, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя отъ сильнаго вѣтра, укутались въ свои малицы и совки и, не обращая вниманія на бурю и дождь, вскорѣ захрапѣли.

(18 Августа.) Мы переѣхали черезъ нѣсколько безъименныхъ ручьевъ, притоковъ Ейяги, и черезъ рѣчку Хоруціейягу, побочную Хайодепадары, вытекающую изъ Большеземельнаго хребта, около подошвы отдѣльнаго

возвышенія того же имени (Харуцiейседе); земляной холмъ этотъ обязанъ своимъ названіемъ одному Самоѣду изъ племени Харуци, который кочевалъ нѣкогда въ этой странѣ, а рѣчка названа уже по возвышенію, около котораго она беретъ свое начало. Вечеромъ мы прибыли къ берегу Хабидепадары и упомянутыя уже нами высоты Гууты Большеземельнаго хребта находились по лѣвую руку, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ. Чтобы дать утомившимся своимъ оленямъ отдохнуть, мы остановились среди тундры и послали одного Самоѣда разъузнать, нѣтъ-ли гдѣ по близости палатки. Между тѣмъ люди мои развели огонь и начали стряпать кушанье, а я занялся ботаникой на поросшемъ травою берегу рѣки. Dianthus dentosus попадалось намъ здѣсь довольно часто и пускало корни свои глубоко въ песокъ; на высотѣ берега находились различныя растенія, между которыми замѣчательнѣйшія были: Astragalus oroboides и alpinus, Vicia Sepium, Polemonium humile Pall., Saussurea alpina и Conioselinum Fischeri; кромѣ того, послѣ долгой разлуки, мы опять свидѣлись съ обыкновеннымъ можжевельникомъ (Juniperus nana) и растеніемъ Andromeda polifolia.

Посланный для развѣдки Самоѣдъ возвратился съ неблагопріятнымъ извѣстіемъ, что онъ не нашелъ ни палатки, ни тѣхъ рыбацкихъ хижинъ, о которыхъ мы упоминали, когда ѣхали туда. Еще въ тотъ самый вечеръ мы перешли рѣку въ бродъ и расположились почлегомъ на противоположномъ берегу, гдѣ разведенъ былъ огонь, вокругъ котораго усѣлись развеселившіеся отъ водки Самоѣды. Тутъ у насъ начались разговоры, а когда матеріалъ для бесѣды истощился, то

принялись за пѣсни, мелодіи которыхъ, будучи столь же однообразны, какъ и сама тундра, раздавались до глубокой ночи. Съ особеннымъ усердіемъ Самоѣды распѣвали двѣ, молодымъ самоѣдскимъ парнемъ предложенныя пѣсни остроумнаго, но весьма неблагопристойнаго содержанія, которымъ самоѣдскія пѣсни вообще очень богаты. Другая пѣсня возникла, какъ они говорили, въ землѣ Самоѣдовъ племени Харуци, которая вообще славится своими прекрасными пѣснями.

(19 Августа) Послѣ непродолжительной ѣзды мы наткнулись на наши рыбацкія хижины, а вскорѣ послѣ того и на палатку, служившую мѣстопребываніемъ для владѣльцевъ тѣхъ хижинъ, т. е. для тѣхъ самыхъ Самоѣдовъ, гостепріимствомъ которыхъ мы уже пользовались однажды. Мы и теперь опять зашли къ нимъ и рѣшились провести у нихъ остатокъ дня, чтобы привести въ порядокъ кой-какія дѣла. По просьбѣ проводниковъ нашихъ я послалъ нарочнаго въ близлежавшую зыряпскую палатку съ порученіемъ увѣдомить хозяина ея о нашемъ намѣреніи пріѣхать завтрешній день къ нему, чтобы тѣмъ самымъ остановить его намѣреніе перемѣнить свое кочевье, потому что, въ противномъ случаѣ, намъ пришлось бы искать новой палатки. Правда, это былъ большой рискъ съ моей стороны, потому что трудно было представить себѣ, чтобы Зырянинъ, противникъ мой, былъ такъ простъ и сталъ бы ожидать моего прибытія; но тѣмъ не менѣе я рѣшился испытать это средство.

Среди различныхъ занятій я и не замѣтилъ, какъ начало смеркаться; но я былъ очень радъ вечеру, потому что надѣялся провести его въ бесѣдахъ съ Самоѣдами о негостепріимной тундрѣ и ея обитателяхъ. И

дѣйствительно, въ этотъ вечеръ я пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній касательно страны и жителей, и часть времени прошла въ торгѣ съ обитателями палатки, у которыхъ я покупалъ самоѣдскій женскій нарядъ. Такъ какъ торговля Самоѣдовъ ограничивается почти исключительно мѣною товаровъ на товары, то я замѣтилъ, что они имѣютъ весьма плохое понятіе о русскихъ деньгахъ; почти вездѣ цѣнность монетъ увеличивалась вдвое и втрое; маленькія монеты имъ, по видимому, еще кое-какъ были извѣстны, что же касается до цѣлковаго, то я у нихъ никогда не видалъ его; бумажныхъ денегъ они также вовсе незнаютъ. Такое незнаніе русскихъ монетъ съ намѣреніемъ поддерживается торгующими здѣсь Русскими и Зырянами, потому что они находятъ въ этомъ большую выгоду. Во время моего пребыванія въ странѣ сѣвернаго Урала, я однажды торговалъ у одной старой Самоѣдки собаку; не смотря на свою старость, она еще не оставила свойственную прекрасному полу всѣхъ поясовъ слабость къ нарядамъ и потому требовала отъ меня за свою собаку кусокъ краснаго сукна, эту главную принадлежность женскаго туалета, которою она думала возобновить истертыя и испачканныя заплатки своей паницы; кромѣ того она просила въ придачу нѣсколько нюхательнаго табаку для подкрѣпленія жизненныхъ силъ своихъ, такъ какъ предметъ этотъ находится въ большомъ употребленіи безъ различія возраста и пола; но потомъ она опомнилась и спросила у меня еще деньгами одинъ рубль. Исполняя просьбу ея, я положилъ на ладонь нѣсколько размѣнныхъ монетъ, начиная отъ пятачка до цѣлковаго, и велѣлъ ей выбирать: она очень скро-

мно взяла вторую съ краю, т. е. гривенникъ, будучи вполнѣ увѣрена, что она не ошиблась въ выборѣ; потомъ я узналъ, что эта монета, па-ровнѣ съ пятиалтынным, выдается здѣсь русскими торговцами за рубль и что потому Самоѣдка моя сдѣлала очень основательный выборъ и конечно должна была удивиться моей щедрости, когда я ей далъ другой гривенникъ и еще двадцать копѣекъ мѣди. Будучи мало знакомь съ употребленіемъ денегъ, Самоѣдъ до сихъ поръ еще увлекается болѣе количествомъ, нежели достоинствомъ монетъ; поэтому онъ, при продажѣ товара своего на наличныя деньги, охотнѣе беретъ мѣдныя деньги или нѣсколько мелкихъ монетъ, нежели одну серебряную монету одинаковой или даже большей цѣнности. Въ самоѣдскомъ языкѣ спачала даже не было слова для выраженія понятія денегъ; только въ новѣйшее время, когда Самоѣды, вслѣдствіе торговли съ Русскими, познакомились съ монетой, понятіе это выражается словомъ «iecce», которое первоначально означаетъ желѣзо. Изъ этого должно заключить, что въ прежнія времена Самоѣды, производя мѣновую торговлю со своими пограничными сосѣдями, получали въ замѣнъ своихъ продуктовъ желѣзо или желѣзные товары, а потому перевели названіе этого металла и на деньги, которыя имъ начали предлагать вмѣсто желѣза; потому что русскія деньги едва-ли болѣе одного столѣтія тому назадъ (когда онѣ даже въ самой Россіи были еще довольно рѣдки) начали проникать въ сѣверныя тундры, и если бы до того времени, въ торговыхъ сношеніяхъ Самоѣдовъ съ другими народами, а можетъ быть и съ Русскими, желѣзо не употреблялось въ видѣ

общаго, деньгамъ соотвѣтствующаго товара, то они для обозначенія русскихъ денегъ вѣрно не избрали бы названія желѣза, а скорѣй обратились бы къ названіямъ тѣхъ металловъ, изъ которыхъ чеканятся монеты, т. е. къ названію серебра или мѣди, тѣмъ болѣе, что оба эти металла, точно такъ, какъ и свинецъ, имѣютъ въ самоѣдскомъ языкѣ свои особенныя названія. Напротивъ того золото, какъ металлъ, до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстный Самоѣдамъ, не имѣетъ и названія; серебро у нихъ называется *напай*, мѣдь—*парова*, а свинецъ—*хуупть*. Далѣе мы находимъ еще особенное названіе для олова въ словѣ харигуптъ, которое однакожъ составилось изъ двухъ словъ: *харъ*—ножъ, и *хуупть*—свинецъ, изъ чего можно заключить, что свинецъ есть первый металлъ, съ которымъ Самоѣды познакомились; между тѣмъ какъ олово они узнали гораздо позже, а именно когда начались ихъ торговыя сношенія съ другими народами, преимущественно съ Русскими, дававшими имъ въ замѣнъ полученныхъ товаровъ ножи, черенки которыхъ были украшены различными фигурами изъ олова, походившаго цвѣтомъ на свинецъ и получившаго потому названіе харихуптъ, т. е. свинецъ для ножей. И до сихъ поръ еще у Самоѣдовъ встрѣчаются подобные ножи, а также рожки для табаку и нѣкоторые другіе предметы, привезенные къ нимъ Русскими и украшенные оловянными фигурами.

Но возвратимся къ деньгамъ. Монетная единица, по которой Самоѣды обыкновенно расчитываютъ, есть *нойманъ*, т. е. русскій рубль мѣди или лучше сказать одинаковой цѣнности кусокъ грубаго сукна самаго яркаго цвѣта, преимущественно краснаго, а также зеленаго,

синяго и желтаго; сукно это привозится въ тундры Русскими и Зырянами и тщательно отыскивается туземцами. Такой кусокъ сукна, имѣющій одинъ аршинъ въ длину и четверть аршина въ ширину, имѣетъ цѣнность монетной единицы или пойманa, названіе котораго, происходя отъ зырянскаго слова пой— сукно, перешло въ самоѣдскій языкъ и относится также къ упомянутому куску сукна. Условіе, по которому европейскій купецъ отмѣриваетъ своему покупателю сукно только въ длину, здѣсь не существуетъ; Самоѣды требуютъ, чтобы имъ мѣрили сукно и въ длину и въ ширину; такимъ образомъ кусокъ, имѣющій одинъ аршинъ длины и 2 четверти ширины, считается здѣсь за два аршина, а аршинъ въ квадратѣ составляетъ 4 аршина, равняющіеся въ цѣнѣ четыремъ пойманамъ или 4 рублямъ мѣди, за которые смѣло можно купить хорошій песцовый мѣхъ. Такой способъ торговать сукномъ потому употребителенъ здѣсь, что Самоѣды обыкновенно покупаютъ его въ видѣ узенькихъ лоскутковъ, которыя большею частію идутъ на оборки женскихъ паницъ, гдѣ узкая кайма пришитыхъ другъ къ другу разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ вкусу. Только изрѣдка можно встрѣтить зажиточнаго Самоѣда, совокъ котораго сшитъ изъ сукна одного или еще лучше двухъ, рѣзко другъ отъ друга отличающихся цвѣтовъ; это весьма цѣнный и не легко пріобрѣтаемый нарядъ, который одѣвается только во время торжества и переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Тѣ Самоѣды, которые чаще сходятся съ Русскими, совершенно вѣрно расчитываютъ русскія деньги по копѣйкамъ, причемъ слово копѣйка, по свойственному

языку ихъ превращенію буквы к въ х,—такъ какъ въ немъ не достаетъ первой согласной, — выговаривается хопѣйха и употребляется только въ единственномъ числѣ (гопой, хопѣйха), между тѣмъ какъ въ двойственномъ и множественномъ числахъ оно замѣняется словомъ iесе, которое прибавляется къ числительному; такъ напр. спде-iесе значитъ двѣ копѣйки, ю-iесе — 10 коп. и т. д., такъ что слово iесе, означавшее первоначально желѣзо, стало потомъ выражать деньги, а наконецъ и опредѣленную денежную единицу—копѣйку.

Впрочемъ товары у Самоѣдовъ оцѣниваются большею частію не деньгами, а общеупотребительными мѣновыми статьями; вотъ предметы, слѣдующіе другъ за другомъ въ постепенно понижающейся цѣнѣ.

Олень стоитъ не болѣе 10, а среднимъ числомъ 8 рублей ассигнац.

Хорошая шкура съ большаго сѣвернаго оленя не болѣе 5 рублей.

За бѣлый песцовый мѣхъ, равный въ цѣнѣ шкурѣ полуросłаго оленя (неблу), платится среднимъ числомъ 3 или 3½, а уже много 4 рубля.

Сѣрый мѣхъ крестоватика стоитъ около одного рубля или даже 80 коп.; наконецъ шкурка со всѣхъ четырехъ ногъ оленя, идущая на обувь, весьма дешева.

Мѣра вѣса Самоѣдамъ вовсе неизвѣстна, а потому Русскимъ очень выгодно продавать имъ муку; то же можно сказать и о мѣрѣ жидкости; но по всей вѣроятности у нихъ нѣкогда была своя мѣра длины, потому что единица ея, выражаясь въ ихъ языкѣ словомъ тибе, въ настоящее время равняется русской саженп, между тѣмъ какъ аршинъ у нихъ обозначается русскимъ словомъ. Изъ

этого должно заключить, что первоначальная единица, т. е. тибе, ближе подходила къ русской сажени, чѣмъ къ аршину, и вѣроятно обозначала туже мѣру, т.е. естественную римскую оргію или разстояніе между обоими концами горизонтально протянутыхъ рукъ, которому первоначально соотвѣтствовала и русская сажень, потому что настоящая длина ея, т. е. 3 арш. или 7 англ. футовъ, дана ей законнымъ образомъ не болѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ, по вывѣреніи ея съ англійскою саженью. По этому-то русскій крестьянинъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ Россійской имперіи, какъ въ Архангельской, такъ и сибирскихъ губерніяхъ, подъ именемъ сажени и теперь еще понимаетъ оргію, между тѣмъ какъ къ законнымъ образомъ введенной сажени онъ всегда прибавляетъ прилагательное — печатная, и считаетъ, что первая относится къ послѣдней какъ 5 къ 6.

Для записыванія своихъ долговъ Самоѣды употребляютъ (заимствованныя, вѣроятно, у Русскихъ) бирки, одну половину которыхъ удерживаетъ должникъ, а другую кредиторъ, и на которыхъ количество долга обозначается оленями и песцовыми мѣхами или, въ сношеніяхъ съ чужестранцами, — русскими деньгами. Между собою они употребляютъ это средство очень рѣдко, и то только при большихъ долгахъ, которые, будучи сдѣланы постепенно, очень легко могли бы быть забыты; при малыхъ долгахъ память должника и кредитора служитъ векселемъ, а честность — порукой, и надо имъ отдать въ этомъ полную справедливость, что подобнаго рода порука почти всегда или, по крайней мѣрѣ, большею частію бываетъ вѣрнѣе всякаго векселя и залога. Письменныхъ обязательствъ у нихъ уже потому

не можетъ быть, что они о письмѣ не имѣютъ никакого понятія. И потому я не мало удивился, когда нашелъ въ языкѣ ихъ особенное выраженіе *падръ*, означающее книгу; впрочемъ это выраженіе, по всей вѣроятности, происходитъ отъ слова *падъ*, т. е. кожаная сумка. Выраженіе же *толаванджъ*, соотвѣтствующее нашему глаголу — читать, означаетъ первоначально *считать*. Единственный письменный знакъ, употребляемый Самоѣдами, есть волюта, которую изобрѣлъ или наслѣдовалъ отъ своего отца каждый глава семейства; этой волютой они отмѣчаютъ своихъ оленей на ушахъ и въ пахахъ и эту же волюту употребляютъ въ судѣ для своей подписи, которая получаетъ полную силу. Этотъ знакъ отдѣльныхъ семействъ въ оффиціальныхъ бумагахъ называется ихъ клеймомъ. Члены одного семейства дѣлаютъ обыкновенно нѣкоторыя измѣненія въ своемъ знакѣ, чтобы ихъ легче было различить другъ отъ друга (1).

(20 Авг.) Мы ѣхали по югозападному направленію къ высотамъ Большеземельнаго хребта, гдѣ, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, номады въ это время года кочуютъ весьма близко другъ отъ друга. Самоѣды мои указали мнѣ въ отдаленіи опушку лѣса, замѣченную ими въ верховьяхъ Хабидепадары; это была та самая лѣсная оаза, которая, за исключеніемъ лѣсовъ, находящихся въ нижнемъ теченіи Печоры, представляетъ самую сѣверную въ Большеземельной тундрѣ и которая, подобно лѣснымъ оазамъ около Точъяги, служитъ самоѣдскимъ

---

(1) Лепехинъ приводитъ цѣлый списокъ такихъ волютъ. См. путешествіе его. Т. IV стр. 285 — 288.

кладбищемъ. Она называется Хайодепадара, т. е. священнымъ лѣсомъ, и передаетъ свое названіе протекающей около нея рѣкѣ, на берегахъ которой этотъ лѣсъ находится въ разстояніи 20 верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы переѣзжали черезъ нее на возвратномъ пути. Лѣсъ этотъ состоитъ исключительно изъ кривыхъ елей, между которыми кое-гдѣ попадаются кустарники можжевельника.

Ясное небо благопріятствовало нашему путешествію, но за то съ другой стороны сѣверозападный вѣтеръ навѣвалъ осеннюю прохладу. Подымаясь по умѣренно возвышающимся холмамъ, мы переправились черезъ ручей Іеттеягу, притокъ Хабидепадары, получившій свое названіе отъ старика Самоѣда, который здѣсь нѣкогда кочевалъ. Наконецъ мы пріѣхали къ тому самому мѣсту, гдѣ Зыряниномъ долженъ былъ поджидать насъ, но, какъ это можно было себѣ представить, его уже давно не было; стадо въ 50 сѣв. оленей, пасшееся въ этомъ мѣстѣ на берегахъ небольшаго озера, доказывало, что Зырянинъ, для избѣжанія нашей встрѣчи, сильно спѣшилъ удалиться и потому не замѣтилъ даже, какъ 50 оленей изъ его стада остались на мѣстѣ. Впрочемъ мы вскорѣ забыли шутку, которую Зырянинъ сыгралъ съ нами, потому что, проѣхавъ небольшое пространство, мы увидѣли длинный рядъ саней другаго Зырянина, тянувшійся довольно далеко впереди насъ; мы прибавили шагу и увидѣли, что хозяинъ этого каравана остановился на возвышеніи и передъ глазами нашими началъ раскидывать просторную бѣлую палатку. Мы пріѣхали въ ту самую минуту, когда палатку уже совершенно окончили, не раз-

бирая того, радъ-ли былъ хозяинъ нашему пріѣзду или нѣтъ; впрочемъ мы пробыли только до тѣхъ поръ, пока намъ запрягли свѣжихъ оленей, и тотчасъ же отправились въ путь. Подвигаясь по холмистой землѣ, мы переѣхали черезъ рѣчку Парсъягу, которая, вытекая изъ озера того же имени (Парсато), вливается въ Хабидепадару. Къ ночи мы опять встрѣтили зырянскую палатку, въ которой и расположились ночевать.

(21 Авг.) Послѣ дождливой ночи вѣтеръ подулъ съ юговостока и, при чувствительномъ холодѣ, принесъ съ собой дождь со снѣгомъ. Мы слѣдовали направленію холмовъ Большеземельнаго хребта и оставили влѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, одно изъ значительныхъ озеръ этой страны, а именно Саадто, т. е. горное озеро, которое получило свое названіе отъ окружающихъ его песчаныхъ возвышеній и купъ. По другую сторону этого озера виденъ одинокій крестъ, памятникъ, воздвигнутый христіанской миссіей, которая сооружала здѣсь свою походную церковь и крестила многихъ языческихъ Самоѣдовъ. Къ вечеру вѣтеръ перемѣнился и подулъ съ ЗЮЗ; мы ночевали въ попавшейся намъ по дорогѣ зырянской палаткѣ, гдѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ прежнихъ палаткахъ, жаловались на скотскій падежъ, начинавшій обнаруживаться между сѣверными оленями. Судя по описанію признаковъ этой болѣзни, я принялъ ее за заразительную язву въ копытахъ, которая почти всякій годъ въ это время болѣе или менѣе истребляетъ стада номадовъ. (Сравни прибавленіе о сѣверномъ оленѣ.)

(22 Авг.) Небо было ясно, но съ ЮЮЗ дулъ суровый вѣтеръ. Почти незамѣтно перешли мы черезъ

рубежъ водъ Большеземельнаго хребта и, держась южнаго отклона этого послѣдняго, поѣхали по плоскохолмистой тундрѣ, покрытой безчисленными, но незначительными озерами и перерѣзанной узенькими ручьями. Изъ послѣднихъ самый значительный Саръеръяга, которая, вливаясь въ лѣвый берегъ рѣки Колвы или Точъяги, получила названіе свое отъ того, что она вытекаетъ изъ озера Саръерто. Это послѣднее довольно велико и освобождается ото льда очень поздно; весной (т. е. въ этихъ странахъ въ первой половинѣ Іюня), когда берега озера уже освободились отъ ледянаго покрывала, а въ серединѣ еще находится ледъ, сюда ежегодно стекаются нѣкоторые Самоѣды рыбаки для рыбной ловли, которая въ это время всегда бываетъ удачна; послѣ же, когда озеро совершенно очистится и рыбы разсѣятся по всему бассейну, эта ловля становится невозможною. Этому-то обстоятельству озеро и обязано своимъ названіемъ, которое переводится словами: озеро со льдомъ по серединѣ (отъ *сарь* — ледъ, *іерь*—середина и *то*—*озеро*).

Теперь мы прибыли къ зырянской палаткѣ, хозяинъ которой владѣлъ стадомъ, состоявшимъ изъ 4000 олепей слишкомъ; во время проѣзда нашего туда, онъ узналъ въ сосѣдней палаткѣ о нашемъ прибытіи и потому наскоро собрался и свернулъ на три дня пути въ сторону отъ нашей дороги, ближе къ лѣсамъ. Мы узнали въ немъ того самаго богатаго Зырянина, который, во время нашего плаванія по Печорѣ, такъ радушно принялъ насъ въ своемъ домѣ. Слѣдовательно причина, почему они избѣгали насъ, заключалась не въ томъ, что они не желали давать намъ на прокатъ нѣсколько оленей, а

скорѣй въ томъ, что они сознавали всю гнуспость своихъ поступковъ противъ уроженцевъ тундры и боялись, чтобы все это не вышло наружу, тѣмъ болѣе, что они видѣли, какъ неутомимо перо моего сопутешественника передавало бумагѣ жалобы Самоѣдовъ на ихъ притѣснителей.

Перемѣнивъ оленей, мы отправились далѣе и безъ труда переѣхали мелкое русло рѣки Колвы, нѣсколько выше впаденія Юнъяги въ правый берегъ ея, а также эту послѣднюю побочную рѣку, около самаго устья ея. На берегахъ этихъ рѣкъ мы нашли Cortusa Mathioli и можжевеловый кустарникъ, который теперь и въ открытой тундрѣ началъ показываться отдѣльными низенькими кустиками. При наступленіи ночи насъ засталъ дождь, отъ котораго мы впрочемъ во-время нашли убѣжище въ попавшихся намъ по дорогѣ самоѣдскихъ палаткахъ.

Мѣсто, гдѣ мы находились, лежитъ почти на меридіанѣ острова Варандея, который въ видѣ узкаго, но длиннаго пространства земли отдѣляется отъ материка мелкимъ морскимъ рукавомъ и прилегаетъ къ морскому берегу (1). Этотъ островъ представляетъ Боровдайскую землю лживаго de la Martinière, который, предпринявъ отсюда свое торговое путешествіе по тундрамъ Самоѣдовъ, выдумалъ объ этомъ повѣсть, изъ которой нѣтъ никакой возможности узнать даже направленія пути, которому онъ слѣдовалъ. Какъ Варандей, такъ и Долгой, лежащій болѣе на сѣверовостокѣ, ближе къ Вайгачу, служатъ ежегоднымъ мѣстопребываніемъ нѣкоторыхъ оленныхъ Самоѣ-

(1) Ср. Иванову карту въ путешествіи Лютке и его журналъ тамъ же ч. II стр. 220.

ловъ,которыераннейвесной переправляются по льду черезъ море, чтобы на этихъ островахъ пользоваться пастбищами, а также производить на морѣ рыбную ловлю и охоту за морскими звѣрями. О качествѣ острова Варандея намъ могли сообщить только то, что онъ представляетъ плоскую и песчаную землю, на которой растетъ множество ягля. Названіе Варайдей или Варандей означаетъ на самоѣдскомъ языкѣ береговую или крайнюю землю (отъ варъ или выръ,—край, и я,—земля, страна) и произошло вѣроятно отъ положенія острова, который отдѣляется отъ параллельнаго ему берега материка только узенькимъ проливомъ. Островъ Долгой называется у Самоѣдовъ Ямбу-го, названіе, имѣющее одинаковое значеніе съ предыдущимъ и основанное на формѣ острова; этимъ опять-таки доказывается, что имена многихъ, даже всѣхъ почти мѣстностей на морскихъ берегахъ и на морѣ, начиная отъ устья Мезени до Оби, суть самоѣдскія, изъ которыхъ многія, по невозможности перевести ихъ однимъ словомъ на русскій языкъ, передѣланы на русскій ладъ. Доказательствомъ тому служатъ безчисленныя имена мѣстностей, находящихся какъ по берегамъ, такъ и внутри самой тундры, и мнѣ кажется, что даже названіе Новой Земли произошло скорѣй отъ самоѣдскаго имени Ядей-я, имѣющаго одно и тоже значеніе, нежели на оборотъ; потому что нельзя допустить, чтобы Самоѣды, которые съ высоты своего священнаго мѣста Хаенсале на Вайгачѣ всякій годъ видѣли передъ собой морской берегъ острова, заимствовали названіе этого послѣдняго у Русскихъ. По этому я полагаю, что Самоѣды первые увидѣли этотъ островъ и дали ему названіе, а предпріимчивые

русскіе мореплаватели первые посѣтили его, тѣмъ болѣе, что на здѣшнихъ берегахъ ни какія другія самоѣдскія названія мѣстностей не встрѣчаются, тогда какъ на островѣ Вайгачѣ почти всѣ мѣстности надѣлены самоѣдскими именами. Знакомясь здѣсь мало по малу съ мѣстностями, Русскіе должны были давать имъ свои собственныя названія, въ которыхъ мы за-частую находимъ увѣковѣченныя имена первыхъ открывателей; подобныя названія встрѣчаются и на берегу материка, но только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, потому что здѣсь нѣтъ почти ни одного названія мѣстности, которое бы не было дано Самоѣдами, исключая конечно тѣхъ, которыя введены въ науку ученымъ русскими мореплавателями. За то съ другой стороны нѣтъ ни одного мѣстечка, названіе котораго, будучи дано иностранцами, вошло бы въ употребленіе между жителями сѣверныхъ береговъ, и я не вижу никакой причины, почему нѣкоторые ученые утверждаютъ противное объ несчастномъ островѣ Вайгачѣ. Что Русскіе, пускаясь на своихъ плохихъ судахъ въ море, предварительно знакомились съ морскими берегами на сушѣ, черезъ здѣшнихъ уроженцевъ, то это доказывается упомянутыми нами выраженіями, заимствованными отъ прибрежныхъ жителей для отдѣльныхъ мѣстностей въ морѣ, какъ-то Финскими: шаръ, кошка, самоѣдскимъ салма и т. п.

(23 Авг.) Безвѣтріе, установившееся вчера вечеромъ, смѣнилось во время ночи сильнымъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, который принесъ съ собою проливной дождь, продолжавшійся довольно долго. Мы снова поѣхали по однообразной плоскохолмистой полосѣ земли, весьма мало возвышенной. Небольшой ручей Момбойя-

гако, несмотря на свою незначительную ширину, развившуюся едва двумъ саженямъ, заставилъ насъ призадуматься о томъ, какъ переправиться на другой берегъ его; значительная глубина русла его была вездѣ одинакова, а берега его были слишкомъ круты, такъ что намъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ послать въ близлежащую палатку за лодкой, которую намъ не замедлили доставить и на которой мы благополучно совершили переправу; между тѣмъ насталъ вечеръ и мы рѣшились ночевать въ попавшейся намъ зырянской палаткѣ. Этотъ маленькій ручей получилъ свое названіе *кустарниковаго* (отъ *мохъ*—сучекъ и уменьшительнаго слова *момбой* — маленькая вѣтка или кустикъ, и *ягако*, - ручей, уменьшительное отъ *яга*—рѣка) отъ какого-то малорослаго искривленнаго ельника, ростущаго около верховьевъ его въ Большеземельномъ хребтѣ, почти въ параллель съ самыми сѣверными лѣсами по берегамъ Колвы; поэтому здѣсь, какъ и на всемъ пространствѣ земли, начиная отъ рѣки Мезени до Уральскаго хребта, самая сѣверная лѣсная граница обозначается почти исключительно елью, которая оставляетъ за собой березу и лиственницу, и только за этими послѣдними, гораздо южнѣе, опять появляется сосна. Ручей Момбойягако впадаетъ въ лѣвый берегъ одной изъ значительнѣйшихъ прибрежныхъ рѣкъ этой страны, Ureръяги, вытекающей изъ озера того же имени, которое осталось у насъ въ сторонѣ, далѣе къ сѣверу, и по берегамъ котораго кочевалъ нѣкогда старикъ Самоѣдъ, по имени Ureръ; объ этомъ старикѣ сохранилось преданіе, будто онъ живой взлетѣлъ на небо вмѣстѣ со своими оленями.

(24 Авг.) Установившееся вчера вечеромъ безвѣтріе обмануло меня въ моей надеждѣ, потому что, вмѣсто ожидаемой мною перемѣны, сѣверозападный вѣтеръ продолжалъ навѣвать пронзительный холодъ. Между тѣмъ земля представилась намъ въ зимней одеждѣ, такъ какъ поверхность ея во время ночи покрылась порядочнымъ слоемъ снѣга. Прошло довольно много времени, пока намъ собрали оленей, потому что во время ночи все стадо разсѣялось и три оленя были растерзаны волками; хозяинъ нашъ жаловался, что и въ предыдущую ночь онъ лишился такимъ образомъ двадцати оленей. Слѣдуя западному направленію, мы продолжали путь свой по холмистымъ тундрамъ и между прочимъ переѣхали черезъ рѣчку Хабидеггобеягу, впадающую въ лѣвый берегъ упомянутой уже рѣки Урера и вытекающую изъ озера Хабидеггобендо. Это послѣднее, т. е. «озеро медвѣжьей шкуры» отъ *хабиде* или *хайвиде*–медвѣдь, *хоба*–мѣхъ, шкура, и *то*–озеро) обязано своимъ названіемъ тому обстоятельству, что въ этой странѣ нѣкогда былъ убитъ медвѣдь, явленіе, весьма рѣдкое въ безлѣсной тундрѣ. Къ западу отъ упомянутаго озера находится другое, по имени Іенаидто, т. е. озеро слоновой кости, названное такъ потому, что на берегахъ его нѣкогда былъ найденъ кусокъ окаменѣлой слоновой кости, которая въ этихъ странахъ весьма рѣдко, а въ западной тундрѣ даже вовсе не попадается. Изъ этого послѣдняго беретъ свое начало небольшая рѣка того же имени, которая, протекая въ восточномъ направленіи черезъ озеро Хабидеггобендо, вливается въ Ureръягу.

Рядъ саней, который мы теперь замѣтили вдали, остановился впереди насъ на равнинѣ и тотчасъ же раскинулась палатка. По прибытіи нашемъ къ тому мѣсту мы увидѣли нѣсколько бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые держали путь къ морю, чтобы отвезти тѣло только-что умершей хозяйки дома на общественное кладбище, лежащее близъ морскаго берега. Трупъ, обернутый въ бересту, лежалъ на вьючныхъ саняхъ, везомыхъ парою оленей, нарочно для этого назначенныхъ. Не смотря на то, что Самоѣды, по причинѣ огромныхъ разстояній, не всегда имѣютъ возможность отвозить своихъ покойниковъ на общественныя кладбища, они выполняютъ это по силѣ возможности и, для достиженія своей цѣли, нерѣдко предпринимаютъ весьма продолжительныя путешествія. Кромѣ морскихъ береговъ, подобныя кладбища находятся еще въ упомянутыхъ нами лѣсныхъ оазахъ, около Колвы, Хабидепадары, Хальмеръяги (т. е. рѣки труповъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Для этого избираютъ сухія возвышенныя мѣста значительнаго протяженія и съ песчаной почвой, которая во время лѣта протаиваетъ на несравненно бо́льшую глубину, нежели глина, и въ которой потому гораздо легче рыть могилу. Надо замѣтить, что каждое изъ такихъ мѣстъ служитъ для погребенія мертвыхъ одного только племени (тензъ), а такъ какъ мы видѣли, что всѣ Самоѣды одного и того же племени первоначально считали себя близкими родственниками, то всякое мѣсто погребенія Самоѣдовъ представляетъ семейное кладбище въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Способъ погребенія тѣлъ, принятый у этого народа, подобно многимъ другимъ обычаямъ, описанъ уже нѣсколько разъ; но такъ какъ извѣстія, пріобрѣ-

тенныя мною касательно этого обряда въ Большеземельѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи разнятся отъ извѣстій, полученныхъ Лепехинымъ изъ Канинской тундры, то я не считаю лишнимъ сообщить ихъ читателю.

Въ случаѣ смерти Самоѣда, въ палаткѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ скончался, дѣлается отверстіе, т. е. отворачивается рогожка; черезъ это отверстіе покойника выносятъ изъ палатки головою впередъ, но отнюдь не изъ дверей, потому что въ противномъ случаѣ должно опасаться возвращенія покойника, который, привыкшій при жизни своей входить въ двери палатки, можетъ и послѣ смерти являться своимъ сожителямъ въ видѣ привидѣнія. Съ покойника не скидаютъ одежды, которая была на немъ передъ его смертію, а сверхъ того его завертываютъ, зимой въ оленью шкуру, а лѣтомъ въ бересту, и ремнями привязываютъ къ санямъ, въ которыя, смотря по состоянію семейства, впрягается отъ 2 до 4 сѣверныхъ оленей, служившихъ покойнику для разъѣздовъ еще при жизни его. Всѣ пожитки, которыми онъ владѣлъ, укладываются въ особенныя сани, послѣ чего трупъ отвозится на клабище, указанное случаемъ или тадибомъ. По прибытіи къ мѣсту назначенія, начинаютъ рыть могилу, которая обыкновенно бываетъ только такой глубины, что въ нее можетъ помѣститься не болѣе одного трупа; въ эту-то могилу и опускаютъ тѣло усопшаго, и притомъ такъ, чтобы голова его приходилась къ З или СЗ, а лице обращено бы было къ землѣ, или же покойникъ кладется такъ, чтобы онъ, лежа на лѣвомъ плечѣ, смотрѣлъ бы глазами своими частію въ землю, частію на сѣверъ или сѣверовостокъ, гдѣ онъ не ослѣпляется солнцемъ, которое,

свѣтя покойнику прямо въ глаза, могло бы оживить его. Подлѣ него кладутъ всѣ предметы, которыми онъ при жизни пользовался, какъ то: лучшую одежду его, котелъ для варки кушанья, миску съ ложкой и ножикъ; кромѣ того топоръ, рожокъ съ табакомъ, петлю для поимки оленей, наконецъ ружье или лукъ и стрѣлы, если только при жизни у него все это дѣйствительно было. Впрочемъ каждая изъ этихъ вещей съ намѣреніемъ подвергается предварительно порчѣ: въ каждомъ парядѣ вырѣзается дира, на днѣ котла и миски пробивается отверстіе, ложка, лукъ и стрѣлы переламываются. Покойницѣ-женщинѣ даютъ съ собой въ могилу всѣ аппараты, употребляющіеся для женскихъ работъ, а именно: скобильный ножъ, иглу и жилу для шитья и т. д. Когда покойникъ обложенъ такимъ образомъ всѣми своими пожитками, то онъ покрывается досками и могила его засыпается наровнѣ съ поверхностію земли. Послѣ того принимаются ломать сани, въ которыхъ трупъ былъ привезенъ, и обломки ихъ, вмѣстѣ съ испорченной упряжью, оставляютъ на могилѣ; что касается до оленей, которые везли покойника, то ихъ тутъ же закалываютъ въ честь усопшаго; это дѣлается слѣдующимъ образомъ: два Самоѣда становятся по обѣ стороны олéня, а третій сзади его; вооруженные длинными деревянными пиками, они, по данному знаку, всѣ вдругъ нападаютъ на свою жертву, и если при этомъ олень не разомъ издохнетъ, то это предвѣщаетъ несчастіе; точно также убиваются и другіе олени, одинъ за другимъ, и вся запряжка укладывается передъ могилою такъ, чтобы олени, находясь въ головахъ покойника, лежали въ наклонной линіи другъ подлѣ друга, т. е. точно въ такомъ порядкѣ, въ какомъ

они запрягаются въ сани, какъ будто-бы покойникъ долженъ былъ ѣхать съ этими оленями на западъ или сѣверозападъ. Олени эти не съѣдаются, какъ это бываетъ при религіозныхъ жертвоприношеніяхъ, а оставляются на могилѣ, гдѣ они или истлѣваютъ, или дѣлаются добычею дикихъ звѣрей. По окончаніи обряда погребенія, каждый изъ присутствующихъ взываетъ къ остающемуся покойнику въ видѣ прощанія: «не ходи за нами, ступай лучше въ свою собственную страну; твоя страна и пути твои хороши; не ходи за нами!» Послѣ такого строгаго увѣщанія всѣ присутствующіе расходятся. Надъ могилой зажиточныхъ Самоѣдовъ ставится иногда родъ памятника, т. е. простая, а иногда рѣзбой украшенная четыреугольная деревяшка, имѣющая видъ гроба или ящика и упирающаяся на четырехъ столбахъ. Происхожденіемъ своимъ этотъ обычай обязанъ, можетъ быть, тому обстоятельству, что неглубоко зарытыя тѣла покойниковъ часто вырывались медвѣдями, и Самоѣды, устраивая подобные памятники, вѣроятно имѣютъ въ виду предохранять трупы отъ хищныхъ звѣрей. Что касается до умирающихъ новорожденныхъ дѣтей, то тѣла ихъ, во время зимы, вѣшаются вмѣстѣ съ люлькой на сучекъ дерева въ лѣсу, а лѣтомъ, когда Самоѣды кочуютъ далеко отъ лѣса, ихъ предаютъ землѣ какъ взрослыхъ.

Хотя Самоѣды-язычники, согласно своимъ понятіямъ, отвергаютъ, что душа по смерти человѣка продолжаетъ жить, однакожъ тѣмъ не менѣе у нихъ есть какое-то безотчетное предчувствіе объ этой высокой истинѣ, въ которой люди убѣждаются обыкновенно не прежде, какъ по достиженіи ими нравственной зрѣлости. Это безотче-

тное предчувствіе, представляя можетъ быть самое древнее преданіе изъ нѣкогда высшаго состоянія духовнаго образованія, сохранилось въ грубой вѣрѣ сѣверныхъ сыновъ въ видѣ едва мерцающаго свѣта высшаго познанія, несмотря на ложныя ученія самоѣдскихъ шамановъ, старавшихся всѣми силами поддерживать въ народѣ суевѣріе. Въ пользу этой темной вѣры Самоѣдовъ въ безсмертіе души говоритъ не только то обстоятельство, что они въ могилу покойниковъ своихъ кладутъ всѣ необходимые въ жизни предметы, но и опасенія ихъ на счетъ того, что покойникъ можетъ ожить и явиться къ нимъ въ видѣ страшнаго привидѣнія. На этомъ-то основаніи Самоѣды не только увѣщеваютъ покойника остаться въ своей хорошей странѣ, но и кладутъ его въ могилу лицомъ къ землѣ (что дѣлается въ особенности съ трупами шамановъ, которыхъ они въ этомъ отношеніи опасаются несравненно болѣе), что, какъ видно, дѣлается изъ предосторожности, чтобы воспрепятствовать возстанію мертваго изъ гроба. Вѣрованіе Самоѣдовъ въ загробную жизнь подтверждается наконецъ прямымъ сказаніемъ, повѣствующимъ объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ волшебниковъ ихъ, по имени Уреръ, который, кочуя нѣкогда на берегахъ упомянутаго притока Колвы, взлетѣлъ будто бы вмѣстѣ съ оленями своими на небо, гдѣ и теперь еще живетъ.— Самоѣды наблюдаютъ строгое молчаніе о недавно умершемъ собратѣ своемъ; боясь вызвать его изъ могилы, они всячески избѣгаютъ называть его по имени, а если уже необходимость заставляетъ говорить объ немъ, то это дѣлается обиняками. Только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ тадибъ нарушаетъ молчаніе о покойникѣ, и то въ такомъ только случаѣ, если онъ

найдетъ это возможнымъ. Если же покойникъ самъ былъ тадибъ, то, какъ разсказываютъ Самоѣды, имя его позволяется произносить не раньше какъ по прошествіи человѣческаго вѣка и даже болѣе; послѣ чего, въ честь давно-умершаго, который, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ воздушными и земными духами, наконецъ самъ сдѣлался тадебціемъ или ытармой (какъ онъ теперь называется), вырѣзается деревянный Садай, которому съ этого времени начинаютъ приносить жертвы.

Послѣ обѣда почти весь снѣгъ, покрывавшій землю, растаялъ; но къ вечеру поднялась сильная мятель, которая снова облекла страну въ зимнюю одежду и заставила насъ искать убѣжища въ зырянской палаткѣ, гдѣ мы и переночевали.

(25 Авг.) Въ $4\frac{1}{2}$ час. утра термометръ показывалъ всего 1° Ц.; земля была покрыта снѣгомъ; воздухъ былъ чистый, но зимній. Мы переѣхали черезъ упомянутую рѣчку Енамльягу, близъ ея источниковъ, обошли озеро того же имени и направили путь свой къ юго-западу. Спустя нѣсколько часовъ ѣзды, мы встрѣтили нѣсколько палатокъ зажиточныхъ Самоѣдовъ, у которыхъ рѣшились провести остатокъ дня, пославъ предварительно посла въ сосѣднія палатки, чтобы тамъ точнѣе узнать, гдѣ бы можно было найти вольныхъ оленныхъ Самоѣдовъ. Посланный явился къ ночи съ радостнымъ, но весьма неопредѣленнымъ извѣстіемъ, что мы до самаго Пустозерска будемъ встрѣчать и Самоѣдовъ и оленей. Эти люди имѣли иногда странную привычку говорить лаконически, какъ бы боясь потерять нѣсколько лишнихъ словъ.

(26 Авг.) Дулъ западный вѣтеръ; термометръ утромъ показывалъ только 1° Ц.; земля была покрыта снѣгомъ. Вставши со своихъ постелей, мы не мало удивились, когда намъ поднесли чай въ полномъ сервизѣ русскаго фарфора; чай этотъ показался намъ тѣмъ вкуснѣе, что нашъ собственный запасъ этихъ необходимыхъ для удобства жизни китайскихъ листьевъ уже давно вышелъ; притомъ же онъ былъ и на дѣлѣ гораздо лучше, нежели какъ этого можно было ожидать въ палаткѣ Самоѣда сѣверной тундры. Хозяинъ нашъ покупалъ его въ Пустозерскѣ по 10 рублей за фунтъ, цѣна весьма умѣренная, суля по отдаленности страны; онъ самъ не употреблялъ этого напитка, а держалъ его у себя дома только для дорогихъ гостей своихъ.

Мы ѣхали по холмистой странѣ, не уклоняясь отъ западнаго направленія. Морошка, которая намъ попадалась здѣсь во множествѣ и которую такъ охотно ѣдятъ номады, особливо Зыряне,—потому что Самоѣды не находятъ особеннаго вкуса въ растительной пищѣ, — повсюду была захвачена послѣдними ночными морозами, такъ-что она не успѣла даже совершенно созрѣть. Зыряне замѣчаютъ, что созрѣваніе или замерзаніе морошки въ безлѣсныхъ тундрахъ всегда соотвѣтствуетъ созрѣванію или замерзанію хлѣба на поляхъ около Ижмы; въ продолженіе семи лѣтъ, когда въ тундрѣ замерзала морошка, въ Ижмѣ ни разу не созрѣвалъ хлѣбъ на поляхъ. Что подобныя замѣчанія не имѣютъ почти никакого основанія, не смотря на то, что они часто оправдываются, то, это видно между прочимъ изъ примѣра нынѣшняго лѣта, когда хлѣбъ уродился удачно не только въ Ижмѣ, но и въ Устьцыльмѣ и Мезени, между тѣмъ какъ морошка, во всей поло-

сѣ безлѣсной тундры до самой Мезени, сдѣлалась жертвою морозовъ. Холодное почти лѣто, невыгодное для тѣхъ мѣстъ, гдѣ разводится зерновый хлѣбъ, — такъ какъ этотъ послѣдній, во время сыраго и холоднаго лѣта не будучи въ состояніи скоро созрѣть, необходимо подвергается наступающимъ въ Августѣ ночнымъ морозамъ, —обнаруживаетъ благодѣтельное вліяніе, какъ на дальній сѣверъ, такъ и на кочующихъ обитателей его, потому что стада сѣверныхъ оленей избавляются отъ различныхъ заразительныхъ и другихъ болѣзней, которыя во время теплаго лѣта съ большею или меньшею силою свирѣпствуютъ въ тундрахъ. Притомъ же во время прохладнаго лѣта, или покрайней мѣрѣ, если жары совпадаютъ не съ началомъ его, какъ это было во всѣ послѣдніе годы, нѣтъ такого ужаснаго безпокойства отъ комаровъ, которые, при благопріятствующей имъ температурѣ, появляются миріадами и нерѣдко разгоняютъ цѣлыя стада оленей; то же можно сказать и объ оленьихъ оводахъ, которыхъ впрочемъ, какъ замѣчаютъ, въ нынѣшнее лѣто было очень не много.

Перемѣнивъ своихъ оленей около попавшейся намъ самоѣдской палатки, мы отправились далѣе, держась все западнаго направленія, и наткнулись на правый или сѣверный берегъ рѣки Шапкиной, которую мы, благодаря мелкому ея руслу, переѣхали просто на саняхъ. На географическихъ картахъ рѣка эта представлена въ видѣ одного изъ значительнѣйшихъ притоковъ Печоры, который, по показаніямъ жителей Пустозерска, впадаетъ въ свою главную рѣку, въ 100 верстахъ выше этого мѣстечка. Верховья его, находясь около сѣвернаго отклона Большеземельнаго хребта, образуетъ запад-

ную границу кочевьевъ ижемскихъ Самоѣдовъ или ту часть Большеземелья, которая въ административномъ отношеніи причисляется къ ижемскому округу. Самоѣды называютъ эту рѣку Пилворъягой, т. е. весьма глубокой рѣкой (отъ *пили*—очень, весьма, и *іеро*-глубокій); но это названіе отнюдь не основано на глубинѣ рѣки, потому что она, какъ мы видѣли, вовсе не значительна и даже въ нижнемъ своемъ теченіи, говорятъ, не очень глубока; скорѣй надо думать, что она получила это названіе отъ озера того же имени, т. е. Пилворидо или Шапкино (таково его названіе на русскихъ картахъ), изъ котораго она беретъ свое начало и которое, какъ разсказываютъ, при довольно значительномъ объемѣ, необыкновенно глубока.

Во время всего нашего путешествія по сѣвернымъ болотамъ мы сегодня въ первый разъ имѣли причину жаловаться на остановку въ ѣздѣ, произведенную качествомъ почвы, между тѣмъ какъ въ руководствахъ къ географіи привыкли считать тундры за непроходимыя болота. Правда, сѣверная тундра усѣяна болотами, занимающими иногда довольно огромныя пространства; но весьма ошибаются тѣ, которое полагáютъ, что сѣверныя тундры состоятъ изъ однихъ болотъ, созданныхъ для наказанія обитателей. Изъ путевыхъ записокъ моихъ читатель уже видѣлъ, что тундра не имѣетъ недостатка въ сухой и даже песчаной холмистой землѣ, въ пространствахъ, образовавшихся изъ твердой, часто каменистой глинистой почвы, которая по причинѣ сухости своей даетъ трещины и только отъ продолжительныхъ дождей до того размывается, что образуетъ вязкую поверхность, не мало замедляющую путешествіе на саняхъ, единственный способъ ѣзды, возможный во всякое время года.

Наконецъ турфяныя равнины,—въ которыхъ слои турфа образовались вслѣдствіе медленнаго разложенія низменныхъ и сжатыхъ растительныхъ дерн и потому сдѣлались чрезвычайно твердыми,—представляютъ удобный путь, особливо тамъ, гдѣ турфъ образуетъ ровную поверхность, не прерываемую ни бугорками, ни углубленіями, какъ это бываетъ подъ низшими широтами, ближе къ лѣснымъ границамъ. Что же касается до тѣхъ сѣверныхъ болотъ, которыя, будучи обыкновенно смѣшиваемы съ болотами умѣреннаго пояса, считаются непроходимыми, то по нимъ, даже въ самое жаркое время года, очень удобно ѣздить, потому что основаніемъ этимъ болотамъ служитъ, какъ извѣстно, твердая, никогда не тающая подпочва, такъ что легкія сани, не останавливаясь, скользятъ по покрывающимъ ее травянистымъ и мшистымъ нивамъ. Глубина, на какую протаиваютъ болота въ лѣтнее время, простирается большею частію не болѣе какъ на четверть, а уже много на одинъ футъ, между тѣмъ какъ около низменныхъ холмовъ, у подошвы полярнаго Урала, ледяная кора находится непосредственно подъ зеленымъ дерномъ, такъ что глубина эта зависитъ отъ весьма многихъ обстоятельствъ, заключающихся во времени года и въ мѣстномъ образованіи почвы, не говоря уже о вліяніи полярной высотѣ.

Покакъ бы то ни было, дорога была довольно плохая, потому что олени наши уходили въ вязкое болото по самую грудь, и мы подвигались очень медленно. Теплые дни, бывшіе въ началѣ Августа, вѣроятно, болѣе всего способствовали размягченію замерзшей подпочвы. Погода была очень непостоянная: снѣгъ и градъ смѣнялись съ солнечнымъ сіяніемъ, подъ вліяніемъ котораго весь снѣгъ

къ вечеру опять растаялъ. Зырянская палатка послужила намъ желанным почлегомъ.

(27 Авг.) При ясномъ небѣ и довольно сильномъ западномъ вѣтрѣ снѣгъ совершенно изчезъ. Между тѣмъ тундры повсюду приняли осенній видъ: береза-ерникъ одѣлась въ красную одежду; равнины, поросшія ивовыми кустарниками, пожелтѣли, а самыя ивы уже лишились своихъ листьевъ; сухіе скаты холмовъ, покрытые дернами изъ Arctostaphylos alpina, окрасились въ ярко-пурпуровый цвѣтъ, рѣзко отличавшійся отъ пожелтѣвшей вокругъ зелени; блѣдная и заморожешая морошка жалко выглядывала изъ-за темно-красныхъ своихъ листочковъ, и только мѣстами развивался еще запоздалый цвѣтъ какого-нибудь Polemonium cœruleum, Polygonum Bistorta, Dianthus dentosus, Delphinium intermedium, Saussurea alpina, Archangelica officinialis, Solidago Virgaurea, Achillea Millefolium, Veronica longiflora, Pyrethrum bipinnatum и т. д —Плоскохолмистая земля, мѣстами прерываемая незначительными пропастями, опять привела насъ къ рѣкѣ Шапкиной, черезъ которую мы здѣсь вторично переѣхали; на краю плоскаго глинистаго берега этой рѣки намъ попалось еще одно осеннее растеніе, — Poa flexuosa. Перемѣнивъ оленей своихъ около зырянской палатки, мы отправились дальше и очутились на обширной долинѣ, по которой извивается весьма незначительный ручеекъ *Саредамако*, т. е. дождевой ручей (отъ саро, дождь), названный такъ потому, что онъ послѣ сильныхъ проливныхъ дождей принимаетъ въ себя нѣсколько притоковъ и вслѣдствіе того значительно и быстро углубляется. Такимъ образомъ номадъ принимаетъ въ соображеніе даже самыя малѣйшія примѣ-

чательности тѣхъ мѣстностей, по которымъ онъ странствуетъ, а потому и названія, основанныя на этихъ особенностяхъ, бываютъ большею частію очень удачны. При этомъ невольно удивляешься, до такой степени сыны сѣверныхъ тундръ бываютъ смѣтливы насчетъ опредѣленія мѣстности и открытія пути: одаренные острымъ зрѣніемъ, они въ состояніи различить, на дальнемъ горизонтѣ, даже самую незначительную возвышенность, самую ничтожную вершину, которая тотчасъ же указываетъ имъ направленіе ихъ пути. Около лѣсныхъ границъ они сообразаются съ различнымъ размѣщеніемъ деревъ на равнинѣ, а также съ наружностью самихъ деревьевъ, которыя, будучи обращены густыми вѣтвями всегда къ югу, указываютъ имъ страну свѣта. На снѣжныхъ поляхъ они узнаютъ направленіе вѣтра, который принесъ съ собою снѣгъ, а по вѣтру расчитываютъ и направленіе своего пути; поэтому они во время мятели останавливаются, чтобы не сбиться съ дороги, замѣчаютъ направленіе вѣтра и, по окончаніи мятели, когда не видать ни одного предмета, ни одного слѣда, удачно выпутываются изъ безпредѣльныхъ равнинъ. По слѣдамъ, оставляемымъ санями и оленями, они могутъ расчитать время, когда именно сани проѣхали по этому мѣсту, и расчеты такіе бываютъ большею частію совершенно вѣрны. Наконецъ ночью они наблюдаютъ за теченіемъ звѣздъ. Кстати я сообщу нѣкоторыя свѣдѣнія касательно астрономическихъ познаній и календаря Самоѣдовъ.

Самоѣды, подобно намъ, дѣлятъ годъ на четыре времени года или на 12 мѣсяцевъ, которые получаютъ свои названія отъ совпадающихъ съ ними различныхъ явленій природы или занятій номадовъ. Понятія о не-

дѣли у нихъ первоначально не было, а они заимствовали его впослѣдствіи у своихъ христіанскихъ сосѣдей, такъ-что наша недѣля у нихъ теперь выражается словомъ *Сивъ-яле*, т. е. семь дней, или просто *сивъ*, т. е. семь, имѣющій аналогію съ русской седмицей (отъ семь или седмь). Мѣсяцъ, разсматриваемый какъ періодъ времени въ четыре недѣли, называется у нихъ *Тетъ-зивъ*, т. е. четыре седмицы или 4 недѣли; для цѣлаго же мѣсяца есть выраженіе *Гіярій* или *Грій*, которое въ то же время означаетъ луну. День у нихъ называется *Яле*, и тоже самое слово выражаетъ солнце. Воскресные и праздничные дни сдѣлались извѣстны Самоѣдамъ только вслѣдствіе сношеній послѣднихъ съ сосѣдними народами, и каждый христіанскій праздникъ у нихъ безъ различія называется *Хайбиди-яле*, т. е. священный день. Звѣзды у нихъ выражаются словомъ Нумгы, этимологія котораго, означая небесныя уши, представляетъ намъ божество въ совершенно особенномъ видѣ, т. е. будто оно, съ высоты необозримыхъ пространствъ неба, смотритъ на землю и безчисленнымъ множествомъ ушей выслушиваетъ все, что дѣлается на этомъ грѣшномъ свѣтѣ. Многія созвѣздія очень хорошо извѣстны Самоѣдамъ и въ свѣтлыя зимнія ночи служатъ имъ путеводителями. По ихъ астрономическимъ понятіямъ полярная звѣзда, Піеръ-нумгы, называемая у архангельскихъ Русскихъ сѣверной звѣздой, стоитъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, между тѣмъ какъ другія обращаются около нея и показываютъ различныя времена ночи. Утренняя и вечерняя звѣзда у нихъ называется Ялеръ-нумгы, т. е. суточной звѣздой, а у Архангельцевъ-зарницей (отъ заря, утренняя и вечерняя).

Большая медвѣдица называется *Сомъ* или *Сивъ-пумы*, т. е. семизвѣздіемъ, а у Русскихъ–лосемъ. Группа плеядъ, сравниваемая съ утинымъ гнѣздомъ, получила у Самоѣдовъ названіе *Набы–сарнь*, т. е. утиныхъ яицъ (отъ набы-утка, и сарнь—яйце), а Русскіе называютъ ее утинымъ гнѣздомъ. Персей названъ *Хабій–пумы*, т. е. остяцкимъ созвѣздіемъ , а Русскіе, заимствовавшіе это названіе у Самоѣдовъ, называютъ его *Остяцкимъ лосемъ*.

Что касается до названій мѣсяцевъ, то они. повидимому, въ разныхъ мѣстахъ бываютъ различны; по-крайней мѣрѣ названія, принятыя въ Малой и Канинской Земляхъ, различаются отъ названій, употребительныхъ въ Большеземельѣ. Мы будемъ говорить только о послѣднихъ.

Январь въ Большеземельѣ называется *Сывы-гійрій*, т. е срединъ мѣсяцемъ (отъ сывы—средина). Въ Канинской землѣ онъ называется *Тынкымпе-гійрій* , названіе указывающее на то обстоятельство , что отъ сильныхъ морозовъ, которые бываютъ въ этомъ мѣсяцѣ, желѣзный топоръ (тынка) ломается или трескается какъ дерево (пé).

Февраль — *Ярій-гійрій*, т. е. мѣсяцъ возвращенія, потому что въ этомъ мѣсяцѣ солнце возвращается къ лѣту. Въ Малой Землѣ онъ называется Намдози-гійрій, т. е. мѣсяцъ безъ роговъ.

Мартъ — *Лемби–гійрій*, т. е. орлиный мѣсяцъ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ орелъ , какъ самая ранняя перелетная птица, появляется на сѣверѣ.

Апрѣль — *Хале-гійрій*, т. е. рыбный мѣсяцъ, когда впервые начинаютъ ловить рыбу въ озерахъ.

Май—*Нитзе-гійрій*,т. е.мѣсяцъ, вкоторомъ телятся олени.

Іюнь — *Іептома-пйрій*, т. е. гусиный мѣсяцъ, потому что въ послѣднихъ числахъ его гуси начинаютъ линять, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и охота за ними.

Іюль — *Тима-пйрій*, т. е. пернатый мѣсяцъ, когда гуси, послѣ трехнедѣльнаго линянія, около 20 числа снова получаютъ способность летать; впрочемъ, какъ утверждаютъ, это касается только яловыхъ гусей, т. е. такихъ, которые не высиживаютъ птенцовъ; дѣтники же, т. е. тѣ гуси, которые высиживали птенцовъ, только около 20 числа начинаютъ линять и оперяются не раньше какъ въ половинѣ Августа, такъ что ловля гусей продолжается цѣлыхъ 6 недѣль.

Августъ — *Мальсынь-пйрій*, т. е. мѣсяцъ малицъ, потому что только та шкура идетъ на малицы, которая снимается съ оленя въ этомъ мѣсяцѣ. Онъ называется также *Сельвы-пйрій*, указывающій на то обстоятельство, что у сѣверныхъ оленей въ это время сходитъ съ роговъ волосами обросшая кожица.

Сентябрь — *Хоре-пйрій*, равнозначущій съ *Марем-баде-пйрій*, т. е. мѣсяцъ, въ которомъ олени начинаютъ бѣгаться; онъ называется также *Яумгале-пйрій*, т. е. мѣсяцъ морскихъ рыбъ, потому что въ это время около береговъ ловятся Омыли (по самоѣдски гаумгале, т. е. морская рыба).

Октябрь — *Хапъялова-пйрій*, т. е. мѣсяцъ, въ которомъ начинается охота за пушными звѣрями.

Ноябрь — *Нерте-пайоде-пйрій*, т. е. первый темный мѣсяцъ, когда солнце не показывается на сѣверѣ. Наконецъ Декабрь — *Ґарка-пайоде-пйрій*, т. е. большой темный мѣсяцъ; оба вмѣстѣ называются *Сиде-Пайоде*, два темныхъ мѣсяца.

Продолжая путешествіе, мы наткнулись на двѣ палатки языческихъ Самоѣдовъ и рѣшились переночевать въ нихъ. Между тѣмъ какъ мужья распрягали на дворѣ измучившихся оленей, мы вошли въ палатку, которая освѣщалась пламенемъ разведеннаго въ ней огня, и преспокойно расположились на разостланныхъ оленьихъ шкурахъ. Около огня стояла заботливая хозяйка, которая, держа въ рукахъ до-чиста обгложенный черепъ молодаго оленя, по временамъ совала рога его въ огонь, чтобы опалить находившіеся на нихъ волосы; послѣ того она начала отскабливать приставшій къ нимъ уголь и по окончаніи этой операціи бросила приготовленный такимъ образомъ черепъ двумъ краснощекимъ мальчуганамъ, которые, будучи укатаны въ маленькія малицы и сидя позади своей родной матушки, терпѣливо ожидали ужина. Они съ жадностію бросились на черепъ и каждый изъ нихъ, схвативъ по одному рогу, началъ грызть его съ большимъ напряженіемъ; однакожъ зубы ихъ не могли разгрызть твердой кожицы, а потому мать, замѣтивъ тщетныя усилія дѣтей, отняла у нихъ черепъ и сдѣлала продольный разрѣзъ на каждомъ рогѣ, отчего плотно прилегающая къ нему кожа отстала сама-собою и представила два длинныхъ рубца. Конецъ одного изъ нихъ мать дала въ зубы младшему дитяти и, натянувъ рубецъ, отрѣзала отъ него кусокъ около самыхъ губъ ребенка; этотъ послѣдній вынулъ отрѣзанный кусокъ изо-рта и положилъ его въ руку, между тѣмъ какъ мать дала ему въ зубы слѣдующій конецъ. Операція эта продолжалась до тѣхъ поръ, пока не былъ изрѣзанъ весь рубецъ, и малютка, собравъ всѣ кусочки его, началъ поѣдать ихъ

съ большимъ аппетитомъ. Точно также былъ удовлетворенъ и другой ребенокъ.

Въ пищу Самоѣды употребляютъ большею частію оленье мясо, которое они всего охотнѣе ѣдятъ въ сыромъ видѣ, обмакивая отрѣзанные куски его въ кровь или запивая каждый кусокъ теплою кровью, какъ мы это уже имѣли случай сообщить читателю. Остающееся послѣ такой трапезы мясо въ послѣдствіи съѣдается вареное, а иногда оно сперва коптится на огнѣ, а потомъ уже варится. Во время господствующихъ между оленями болѣзней, когда большее число животныхъ падаетъ, нежели сколько можетъ быть употреблено, мясо зарываютъ въ мерзлую землю, гдѣ оно, какъ въ погребѣ, сохраняется для постепеннаго употребленія; изрѣдка дѣлаются также запасы сушенаго и соленаго мяса. Въ странахъ, имѣющихъ большой недостатокъ въ горючемъ матеріалѣ, а именно около Югрскаго пролива, въ Карачейской землѣ, на Вайгачѣ и на полуостровѣ Ямалѣ, почти всегда ѣдятъ сырую пищу, какого-бы рода она ни была; едва одинъ разъ въ недѣлю здѣсь можно видѣть стряпню на огнѣ, который разводится оленьими волосами и особеннымъ родомъ чернаго ягля (Evernia divergens Fr.). Бѣдные Самоѣды, особливо тѣ, которые не имѣютъ оленей, поселяются около озеръ и заливовъ, гдѣ они главнѣйшимъ образомъ питаются рыбою, которая идетъ въ пищу сырая, вареная и только изрѣдка соленая. Лѣтомъ, въ продолженіе 6 недѣль, линяющіе дикіе гуси составляютъ почти исключительную пищу всего народонаселенія тундры. Оленья кровь, которая не употребляется въ сыромъ видѣ, выливается на кипящее въ котлѣ мясо или смѣшивается съ мукой, отчего получается довольно вкусная

и питательная похлебка. Самоѣды не отказываются и отъ роговъ, пока эти послѣдніе имѣютъ хрящеватую конструкцію, но потомъ, когда рога превратились уже въ костяную массу, они ѣдятъ только покрывающую ихъ тонкую и нѣжную кожицу, при чемъ, какъ мы видѣли, предварительно обжигаютъ находящіеся на ней волосы. Наконецъ самые бѣдные употребляютъ даже кости убитаго оленя, изъ которыхъ они варятъ себѣ похлебку.

Самоѣды охотно ѣдятъ мясо медвѣдя, не смотря на то, что они питаютъ къ этому животному какую-то таинственную боязнь; впрочемъ женщины, какъ существа нечистыя, не смѣютъ вкушать мясо этого священнаго животнаго. За неимѣніемъ другаго мяса, Самоѣды нерѣдко ѣдятъ мясо собаки, песца, тюленя или другаго нечистаго животнаго, не чувствуя при этомъ никакаго отвращенія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что сыны сѣверныхъ тундръ употребляютъ въ пищу даже мясо палыхъ и хищными звѣрьми растерзанныхъ оленей; остается только прибавить, что это обыкновеніе, не только въ частныхъ случаяхъ, но даже при повальныхъ болѣзняхъ между сѣверными оленями, бываетъ причиною одновременнаго появленія эпидеміи между Самоѣдами, питающимися дохлой скотиной. Въ выборѣ пищи Самоѣды не знаютъ никакаго отвращенія: въ Малой землѣ мнѣ удалось однажды видѣть, какъ Самоѣдъ холостилъ одного безпокойнаго оленя, и при этомъ съ аппетитомъ проглотилъ половину вырѣзанной части половаго органа, а другую отдалъ своему товарищу, который не замедлилъ послѣдовать его примѣру. Зимой, когда Самоѣды кочуютъ около Архангельска, они охотно раскидываютъ свои палатки близъ бойни, чтобы имѣть возможность

пользоваться кишками и другими негодными частями заколотыхъ животныхъ. Также мнѣ случалось видѣть, какъ они наполняли кровью желудокъ заколотаго оленя, въ которомъ находилась непереварившаяся жидкая кашица зеленаго цвѣта, похожая на пометъ животнаго, подвергали смѣсь эту вліянію мороза и, разрубивъ ее на кусочки, по мѣрѣ надобности, опускали въ котелъ, гдѣ варилось кушанье (1). Другіе оставляютъ эту смѣсь коптиться на огнѣ въ продолженіе восьми дней, прибавляютъ къ ней потомъ нѣсколько муки и наконецъ варятъ. Если замѣтить Самоѣду нечистоту этой пищи, то онъ преспавно отвѣчаетъ, что «олень вѣдь ничего больше не ѣлъ, кромѣ чистаго ягля», и онъ въ этомъ отношеніи совершенно правъ, потому что чѣмъ, напримѣръ, калъ кулика, употребляемый европейскими гастрономами, чище помета пербореискаго оленя?... suum cuique. Изъ этого можно заключить, сколько есть другихъ отношеній, въ которыхъ утонченный вкусъ расточительнаго европейца, отстраняя всякое предубѣжденіе, снова возвращается къ первобытной трапезѣ грубаго питомца природы. Les extrêmes se touchent.

Изъ растительной пищи Самоѣды употребляютъ почти только муку, которую они иногда закупаютъ въ русскихъ городахъ и мѣстечкахъ и которая идетъ въ при-

---

(1) Капитанъ Бакъ, въ своемъ путешествіи въ сѣв. Америку (стр. 30), упоминаетъ о подобной же пищѣ, употребляемой Индѣйцами; она, какъ разсказываетъ Палласъ, употребляется и у сибирскихъ оленныхъ народовъ: «sanguinem cum chymo ventriculi mixtum intestinis infarciunt et congelatum aſservant in futuros dapes. Illum etiam chymum adhuc calidum cochleatim comedunt, tanquam unitati proficuum laudantes. Pall. Zoogr. ross.-asiat. I pag. 210.

праву или рѣже на прѣсные хлѣбы, сберегаемые большею частію для русскихъ гостей; гораздо рѣже они употребляютъ масло и молоко отъ русскихъ коровъ (потому что Самоѣды не доятъ своихъ оленей), и статьи эти появляются на столѣ только по какому-нибудь особенному случаю и притомъ у тѣхъ только Самоѣдовъ, которые кочуютъ близь русскихъ селеній; и тогда уже подаются и другіе предметы роскоши, также русскія произведенія, какъ то: пряники, кедровые орѣхи и т. д., не говоря уже о чаѣ и водкѣ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно торжество. Употребленія грибовъ, этого лакомаго блюда архангельскихъ Русскихъ, Самоѣды вовсе не знаютъ; они иногда примѣшиваютъ къ хлѣбу Allium Schœnoprasum, чтобы придать ему пряный вкусъ. Изъ Arctostaphylos alpina (по-самоѣдски Малогоде), при слу-чаѣ, варится жидкая кашица, которую Самоѣды ѣдятъ довольно охотно; кромѣ того Тундры производятъ еще слѣдующіе сѣдомые плоды: водяницу (Empetrum nigrum, по-самоѣдски Тосале), бруснику (Vaccinium Vitis Idaea, у Самоѣдовъ Іензидей), голубица (Vacc. uliginosum, по-самоѣдски Линзирте) и преимущественно моронку (Rubus Chamaemorus, по-самоѣдски Маратта). Впрочемъ Самоѣды не очень большіе охотники до всѣхъ этихъ плодовъ.

(28 Авг.) Мы снова переѣхали черезъ ручей Сареду, а потомъ черезъ Пайлгу, мелкую прибрежную рѣку, которая, вытекая изъ Большеземельнаго хребта, принимаетъ въ себя съ правой стороны упомянутый ручей. Самоѣды назвали эту рѣку Каменной, потому что она мѣстами имѣетъ каменистое русло, усѣянное гальками, и окаймляется въ нижнемъ своемъ теченіи скалистымъ берегомъ,

горная порода котораго, будучи чернаго цвѣта, подала Русскимъ поводъ назвать эту рѣку Черной. О свойствѣ этой горной породы я ничего не могъ узнать.

Рядъ умѣренно-наклонныхъ холмовъ, которые пролегаютъ отъ ЮЮЗ къ ССВ и черезъ которые мы переѣзжали, служитъ раздѣломъ водъ, текущихъ въ Черную на востокѣ, и въ Пещанку на западѣ. Будучи, по всей вѣроятности, отраслью Большеземельнаго хребта, этотъ рядъ холмовъ примыкаетъ съ одной стороны къ главному своему хребту, а съ другой концами своими образуетъ, между устьями упомянутыхъ двухъ рѣкъ, выдающуюся береговую землю, гдѣ онъ, еще довольно замѣтно возвышаясь надъ окружающими его равнинами, подъ именемъ Пыткова камня, начинаетъ постепенно понижаться и наконецъ переходитъ въ плоскую окраину берега. Такъ какъ этотъ Пытковъ камень лежитъ близъ морскаго берега и потому даже издали могъ быть замѣченъ мореплавателями, то онъ обозначенъ уже на всѣхъ новѣйшихъ морскихъ картахъ. Названіемъ своимъ онъ обязанъ одному Самоѣду, по имени Пытка, который нѣкогда кочевалъ около него; у Самоѣдовъ же онъ называется *Пахангеда*, т.е. бухтовой купой (отъ паха, бухта, заливъ, и седа), потому что онъ лежитъ по сосѣдству съ Поганченской губой. Что же касается до цѣпи холмовъ, къ которой принадлежитъ Пытковъ камень и черезъ которую мы только-что переѣхали, то она у Самоѣдовъ извѣстна подъ именемъ Арвисгой. Этимологію послѣдняго мнѣ растолковали слѣдующимъ образомъ: слово *нисъ* означаетъ у Самоѣдовъ покрывало, которое предохраняетъ находящуюся подъ нимъ поклажу и которое состоитъ изъ нѣсколькихъ одна на другую положенныхъ и плотно связанныхъ

оленьихъ шкуръ; *гарка* или *арка* есть прилагательное «большой»; такимъ образомъ цѣлое слово *Арка-писъгой* или сокращенное *Арвисгой* указываетъ на то обстоятельство, что умѣренные отклоны упомянутой цѣпи холмовъ, располагаясь мало по малу одна на другую, на подобіе оленьихъ шкуръ, прикрывающихъ вьючныя сани, образуетъ возвышенный хребетъ, округленная вершина котораго уподобляется нагруженнымъ санямъ. На югѣ Арвисгой сближается съ другою цѣпью холмовъ, которая тянется въ нѣсколько параллельныхъ другъ другу рядовъ невысокихъ холмиковъ и служитъ раздѣломъ водъ, текущихъ въ Пещанку на востокѣ и въ Печору на западѣ. Эта цѣпь у Самоѣдовъ извѣстна подъ именемъ *Самдейгой*, т. е. земляной хребетъ мыса (отъ *сале*, возвышеніе, мысъ, и *я*, земля, страна, которая въ сложныхъ словахъ часто превращается въ конечный слогъ ей). Согласно своему названію, эта цѣпь холмовъ, слѣдуя югозападному или ЮЮЗ направленію, болѣе или менѣе параллельно берегу Печоры, пролегаетъ по уголку земли, заключенному между правымъ берегомъ рѣки Печоры и морскимъ берегомъ, и сѣвернымъ концомъ своимъ, обращеннымъ къ морю, упирается въ острый скалистый уголъ мыса, образуемый правымъ берегомъ Печоры (1). Въ прежнія времена, когда Русскіе еще мало посѣщали здѣшнія мѣстности, этотъ крайній сѣверозападный мысъ, выдающійся въ море и имѣющій для Самоѣдовъ большое значеніе, слу-

(1) См. Иванову карту, приложенную къ Путеш. Лютке въ русскомъ оригиналѣ.

жилъ мѣстомъ жертвоприношеній, которое, подобно мѣстамъ на Вайгачѣ и въ другихъ пунктахъ морскаго берега, названо было Хаенсале, а по-русски Болванскимъ носомъ; Русскіе всегда величаютъ этихъ деревянныхъ идоловъ именемъ болвана.—Впрочемъ всѣ упомянутыя высоты, взаимное расположеніе которыхъ я пытался изобразить по силѣ возможности, основываясь на однихъ скудныхъ показаніяхъ туземцевъ, такъ какъ я не имѣлъ случая обозрѣть страну съ возвышеннаго мѣста,— представляютъ только весьма отлогіе и слегка округленные холмы, характеризующіе всѣ возвышенности западной части Большеземелья. Всѣ онѣ весьма мало возвышаются надъ уровнемъ моря, что можно видѣть и безъ помощи барометра, изъ простаго сравненія ихъ растительности, которая видомъ нисколько не отличается отъ растеній окрестныхъ равнинъ. Только Пытковъ камень, по видимому, возвышается болѣе другихъ и, какъ скалистая группа холмовъ, имѣетъ особенный характеръ. Здѣсь я впервые услышалъ отъ одного Самоѣда настоящее названіе Большеземельнаго хребта, а именно Гаркаягангой, между тѣмъ какъ этотъ главный раздѣлъ водъ Большеземельной тундры у нихъ обыкновенно называется просто Гой, т. е. горнымъ хребтомъ.

Мы подъѣхали къ нѣсколькимъ самоѣдскимъ палаткамъ въ то самое время, когда хозяева ихъ собирались перемѣнить кочевье, и потому поспѣшили перемѣнить своихъ оленей. Главный хозяинъ этихъ палатокъ, зажиточный Самоѣдъ, находился въ жалкомъ состояніи, потому что застарѣлая сифилитическая болѣзнь совершенно изнурила его; онъ уже вовсе не въ состояніи былъ ходить, а потому его возили въ саняхъ

какъ маленькаго ребенка. Это былъ уже третій Самоѣдъ, котораго я видѣлъ здѣсь въ этой болѣзни, но этотъ страдалъ уже пятый годъ и болѣзнь его сдѣлала успѣхи особливо въ послѣднее время: при страшной худобѣ онъ имѣлъ на лицѣ злокачественныя язвы, говорилъ въ носъ очень не внятно и особливо жаловался на боль въ костяхъ; впрочемъ половыя части, какъ и у тѣхъ, которыхъ я прежде видѣлъ въ этой болѣзни, были совершенно здоровы, и Самоѣды увѣряютъ, что болѣзнь эта у нихъ вовсе не заразительна, даже во время сонтія, а что ее распространяютъ между ними Русскіе изъ Пустозерска и Обдорска. Извѣстно, что на сѣверѣ болѣзнь эта или прямо начинается вторичною степенью, безъ пораженія половыхъ частей, или сперва обнаруживается на половыхъ органахъ и потомъ, вслѣдствіе малѣйшей простуды, тотчасъ же переходитъ во второй періодъ. Она называется здѣсь вавокò Мерò, т. е. злокачественной чесоткой, и вообще рѣдко появляется въ архангельскихъ тундрахъ; другихъ болѣзней, одолѣвающихъ Самоѣдовъ, также не много. Натуральная оспа появляется у нихъ довольно часто и, подобно обыкновенной чесоткѣ и всѣмъ другимъ накожнымъ болѣзнямъ, называется у нихъ мерò; сюда же относится и дѣтская корь, которая впрочемъ, какъ мнѣ кажется, здѣсь вовсе не бываетъ. Кашель у Самоѣдовъ называется *Хо* или *Хòдамби* и есть болѣзнь весьма обыкновенная въ тундрахъ, точно такъ какъ и простудные ревматизмы, подъ которыми разумѣютъ ломъ въ членахъ и въ костяхъ. Цынготная болѣзнь бываетъ здѣсь довольно рѣдко и поражаетъ большею частію тѣхъ, которые при сырой и холодной погодѣ охотятся на озерахъ за гу-

сями. Средства, употребляемыя противъ этой болѣзни съ большимъ успѣхомъ и извѣстныя уже всѣмъ Самоѣдамъ, суть: ложечная трава (cochlearia), морошка, какъ нѣкоторые утверждаютъ, и въ особенности свѣжая, еще неостывшая кровь сѣвернаго оленя. Самоѣды называютъ эту болѣзнь Сигга, откуда безспорно произошло русское названіе «Цынга», потому что Русскіе познакомились съ этою болѣзнію только здѣсь, во время посѣщенія ими береговъ Ледовитаго моря, а это намъ служитъ новымъ доказательствомъ, что знакомство съ народами, обитающими морскіе берега, предшествовало охотѣ за морскими животными. Наконецъ самая обыкновенная у Самоѣдовъ болѣзнь состоитъ въ воспаленіи глазныхъ вѣкъ, которымъ въ особенности часто страждутъ старые люди и которое у нихъ принимаетъ хроническій характеръ, между тѣмъ какъ у другихъ оно обыковенно обнаруживается только въ видѣ острой болѣзни. Въ исходѣ весны, послѣ того, какъ глазъ, въ продолженіе всей зимы, подвергался дѣйствію сильнаго блеска снѣга и ѣдкаго дыму отъ огня, разводимаго въ палаткахъ, болѣзнь эта часто является въ видѣ эпидеміи, но продолжается обыкновенно очень не долго. Кромѣ этихъ болѣзней, Самоѣды вѣроятно знаютъ еще очень не многія, потому что въ языкѣ ихъ не имѣется названій даже для самыхъ обыкновенныхъ нашихъ болѣзней, какъ напр. лихорадки, горячки и т. д.; а можетъ быть это происходитъ и отъ того, что они не умѣютъ различать ихъ. У отдѣльныхъ лицъ, особливо у женщинъ, бываетъ особенная болѣзненная раздражительность нервовъ, родъ истерическихъ припадковъ, которые обнаруживаются пугливостію, доходящею до

бѣшенства, какъ это описалъ уже Палласъ, говоря о сибирскихъ Самоѣдахъ (1). Впрочемъ во время путешествія нашего по тундрамъ мы не встрѣчали другихъ больныхъ, кромѣ упомянутыхъ Самоѣдовъ, страдавшихъ сифилисомъ, и нѣкоторыхъ стариковъ съ хроническимъ воспаленіемъ глазныхъ вѣкъ. Это доказываетъ, что простой образъ жизни, какую ведетъ питомецъ природы, не знаетъ всѣхъ тѣхъ разнородныхъ болѣзней, которыя большею частію суть слѣдствія противныхъ природѣ обычаевъ!

По понятіямъ Самоѣдовъ, всякая болѣзнь, по крайней мѣрѣ та, которая невидимо для глаза поражаетъ какую-нибудь часть тѣла, есть ничто иное какъ злой червякъ, который будто бы терзаетъ тѣло больнаго, прокладывая себѣ пути и ходы; если этотъ злодѣй спитъ, то больному легко, въ противномъ случаѣ боли возстановляются; нерѣдко даже можно видѣть, какъ онъ прогуливается подъ кожею, однакожъ только тадибу предоставлена власть вынуть его, послѣ чего больной конечно выздоравливаетъ. Для этого тадибъ предварительно начинаетъ бить въ свой пензеръ и вызываетъ тадебціевъ, вѣроятно съ намѣреніемъ узнать, въ какой части тѣла червякъ находится, и вызвать его подъ кожу; потомъ приказываетъ пацієнту обнажить какую-нибудь часть тѣла, дѣлаетъ на ней разрѣзъ и вынимаетъ изъ раны червяка, который, какъ говорятъ Самоѣды, нерѣдко еще сильно шевелится. Наконецъ волшебникъ разрѣзаетъ злаго мучителя на части и съѣдаетъ его съ хлѣбомъ или мясомъ; иногда же онъ одну половину его ки-

(1) Палласъ, путеш. по разнымъ губ. Рос. Имп. Ч. III стр. 76.

лаетъ въ огонь а другую съѣдаетъ. — Такимъ образомъ здѣсь, какъ и у всѣхъ грубыхъ народовъ, волшебникъ представляетъ въ одно время и пастыря и врача, и съ какимъ успѣхомъ пастырь заботится о спасеніи души, съ такимъ же, въ свою очередь, врачь заботится о здравіи тѣла; обѣ заботы употребляются во зло шарлатаномъ, потому что, имѣя въ виду личныя выгоды свои, онъ только морочитъ довѣрчивыхъ собратьевъ своихъ: сзываетъ какихъ-то небывалыхъ духовъ, вырѣзаетъ изъ тѣла видимаго дождеваго червяка, котораго онъ, какъ это всякій себѣ можетъ представить, держитъ у себя за рукавомъ и для полученія большаго довѣрія, къ удивленію глазѣющихъ зрителей, даже рѣшается проглотить; но такъ какъ онъ не въ состояніи совершенно преодолѣть отвращенія къ этой гадости, то онъ находитъ нужнымъ ѣсть ее не иначе какъ съ хлѣбомъ или мясомъ и при томъ только половину ея. Между тѣмъ всѣ эти сѣверные обманщики Эскулапа такъ не свѣдущи въ медицинѣ, что, въ случаѣ надобности, не умѣютъ даже открыть кровь, не говоря уже о томъ, что они не имѣютъ никакаго понятія о цѣлебныхъ свойствахъ различныхъ травъ. Единственный способъ леченія, употребляемый ими въ разныхъ болѣзняхъ, состоитъ въ томъ, что они сожигаютъ на тѣлѣ больнаго такъ называемую ядну (по-самоѣдски тунць), т. е. родъ нароста на стволѣ березы, отчего образуется не легко заживающая рана, которая, отвлекая дурные соки съ больной части тѣла, доставляетъ паціенту облегченіе. Это средство они употребляютъ преимущественно при равматизмѣ, который у нихъ извѣстенъ подъ именемъ боли въ костяхъ, а также при воспаленіи глазныхъ вѣкъ и т. д.

Продолжая путь по западному направленію, мы подъѣхали къ группѣ самоѣдскихъ палатокъ, гдѣ и рѣшились ночевать. Около разведеннаго въ палаткѣ огня образовался мало по малу довольно значительный кругъ Самоѣдовъ, которые, послѣ продолжительной и веселой бесѣды, наконецъ пріутихли, чтобы со вниманіемъ слушать сказку, которую я одному старику-Самоѣду велѣлъ разсказать себѣ и которая, не смотря на то, что ее сильно расхвалили, представляла жалкое произведеніе скудной фантазіи сѣвернаго жителя; пусть читатель самъ судитъ объ ней, прочитавъ ее въ одномъ изъ прибавленій. Гораздо болѣе заинтересовала меня самоѣдская пѣсня, которую они запѣли по окончаніи сказки, потому что въ ней сѣверныя горы аллегорически представляли свадебное общество (см. въ прибавленіяхъ). По окончаніи пѣнія начались разговоры о разныхъ предметахъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ съ дѣтскою откровенностію разсказалъ намъ одинъ примѣръ зырянскаго судопроизводства, который онъ, много лѣтъ тому назадъ самъ испыталъ и который я считаю не лишнимъ сообщить читателю. Какой-то Зырянинъ, раскинувъ свою палатку по сосѣдству съ палаткой Самоѣда, недосчитался въ своемъ стадѣ одного оленя, отличавшагося отъ всѣхъ другихъ особеннымъ значкомъ; чтобы вознаградить свою потерю добромъ, безъ всякаго насильственнаго поступка, Зырянинъ возъимѣлъ подозрѣніе въ этой пропажѣ на своего бѣднаго сосѣда, или, можетъ быть только показалъ видъ, что подозрѣваетъ его. Для этого онъ взялъ заднюю часть только-что заколотаго оленя и въ сопровожденіи нѣсколькихъ

товарищей, отправился въ палатку своего сосѣда, гдѣ довольно дерзко началъ увѣрять, что принесенный кусокъ мяса есть часть того самаго оленя, котораго Самоѣдъ будто бы похитилъ и закололъ, основывая свое обвиненіе на томъ, что мнимый кусокъ мяса найденъ имъ будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сосѣдъ его до того кочевалъ. Тщетно клялся Самоѣдъ въ своей невинности; тщетно старался онъ объяснить своему обвинителю, что представленный имъ для улики кусокъ мяса очень легко могъ принадлежать другому олению, тѣмъ болѣе, что на немъ не было никакой примѣты. Наконецъ счастливый случай, о которомъ разскащикъ и теперь еще съ восторгомъ вспоминалъ, освободилъ его изъ темницы: одинъ изъ его единоплеменниковъ нашелъ пропавшаго оленя, который лежалъ среди тундры, растерзанный волками, и представилъ его несправедливому обвинителю.

(29 Августа). Вѣтеръ подулъ съ ЮЮВ и погода сдѣлалась очень непостоянною. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы начали постепенно подниматься на высоту хребта Арвисгой, откуда намъ можно было обозрѣть поверхность моря, гдѣ, въ изчезающемъ отдаленіи, на СЗ отъ насъ, видѣлась синеватая кайма Мелкой Губы (у Самоѣдовъ Таробаха) и полоса берега, упирающагося въ Болванскій носъ. Съ этой же высоты мы увидѣли лежавшую на ССЗ отъ насъ палатку, къ которой мы не замедлили подъѣхать. Она принадлежала какому-то Зырянину и, какъ намъ сказали, представляла послѣднее кочевье, встрѣченное нами на пути къ Пустозерску; а такъ какъ до этого мѣстечка было еще довольно далеко, то мы запаслись здѣсь достаточнымъ числомъ

сѣверныхъ оленей и взяли съ собой одного изъ проводившихъ насъ до этого мѣста Самоѣдовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ указывалъ намъ дорогу. Продолжая путь свой, мы наѣхали на рѣку Пещанку, которая, соотвѣтственно названію своему, течетъ между плоскими песчаными берегами. Широкую долину этой мелкой рѣки ограничиваютъ съ обѣихъ сторонъ умѣренно наклонныя равнины. Названіе Неротаяги, т. е. кустарниковой рѣки, она получила отъ растущихъ по берегамъ ея ивовыхъ кустарниковъ. Рѣка эта, какъ мы уже упомянали, вытекаетъ изъ Большеземельнаго хребта и впадаетъ въ мелкую губу или Таробаху; оба послѣднія названія означаютъ неглубокій заливъ, который на картахъ обозначается именемъ Болванской губы, на томъ основаніи, что она на западѣ граничитъ съ Болванскимъ носомъ. Густые туманы, сильные дожди и мракъ ночи заставили насъ сдѣлать привалъ и позаботиться о ночлегѣ.

(30 Авг.) При непрерывномъ ЮЮВ-номъ вѣтрѣ, мы были окружены сырымъ туманомъ. Не уклоняясь отъ югозападнаго направленія, мы переѣхали черезъ рѣчку Гормъ-ягу, т. е. сѣверную, названную такъ потому, что она въ верхнемъ своемъ теченіи неуклонно слѣдуетъ сѣверному направленію и только ближе къ устью вдругъ поворачивается на З или СЗ, чтобы влиться въ правый берегъ Куи, притока Печоры. Въ широкой плоской долинѣ, заключенной между параллельными рядами холмовъ, мы, послѣ долгой разлуки, снова встрѣтили первую лѣсную оазу. Правда, лѣсъ этотъ находился въ жалкомъ состояніи, потому что онъ представлялъ небольшую болотистую равнину, покрытую нѣсколькими низенькими, искривленными и вялыми елями, изсохшія

вѣтви которыхъ, какъ бы тоскуя по смерти деревьевъ, повѣсили свои черныя и сѣрыя бороды, развѣваемыя вѣтромъ; не смотря на то, намъ очень отрадно было видѣть даже скудный лѣсъ, тѣмъ болѣе, что всматриваясь въ него, мы мѣстами открывали тусклую зелень, сохранившуюся въ нижней части нѣкоторыхъ молодыхъ стволовъ. Даже береза, которая нѣкогда росла около лѣсной оазы въ видѣ зеленыхъ кустарниковъ, представляла теперь только тонкіе, сучковатые, къ землѣ прижавшіеся стволы, служившіе, по видимому, только доказательствомъ прежняго своего существованія на этомъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ лѣсомъ явилось и растеніе Ribes rubrum, котораго мы до того не видали, между тѣмъ какъ Ribes nigrum, будучи распространено на самомъ сѣверѣ, осталось далеко за первымъ видомъ. Spiraea Ulmaria и Rubus arcticus попадались намъ очень часто, а на солнечныхъ скатахъ мы снова увидѣли растеніе Arctostaphylos officinalis.

Къ обѣду всѣ туманы разсѣялись, воздухъ сдѣлался теплѣе и солнечный свѣтъ озарилъ холмы, яркіе осенніе цвѣта которыхъ составляли сильный контрастъ съ унылой тундрой. На попадавшихся намъ по пути желтосѣрыхъ песчаныхъ равнинахъ разстилались со свѣжею лѣтнею зеленью густые дерны растенія Empetrum nigrum, черныя ягоды котораго большею частію были совершенно зрѣлы; многія возвышенія были усѣяны красными и желтыми листьями березы-ерника и яркопурпуровыми дернами растенія Arctostaphylos alpina. Все это разнообразіе цвѣтовъ придавало странную пестроту ночной одеждѣ, въ которомъ природа отправлялась на покой подъ снѣжное зимнее покрывало сѣверной ночи.

Озираясь съ возвышенія, мы открыли новую лѣсную оазу, которая, находясь довольно далеко отъ насъ на западѣ, уподоблялась острову на морѣ; она состояла изъ тощихъ лиственницъ, окаймляющихъ берега Патумбойяги, притока рѣки Печоры, который впадаетъ въ свою главную нѣсколько ниже устья Куи и который названіемъ своимъ обязанъ этому скудному лѣсу, растущему по берегамъ ея, потому что Патумбойяга значитъ рѣка маленькихъ деревьевъ (отъ *патумбой*, уменьшительнаго слова *па*, дерево). Между тѣмъ наступила ночь и мы расположились почевать на берегу озера, на который мы въ потьмахъ наѣхали.

(31 Авг.) Когда густые утренніе туманы разсѣялись, небо снова подернулось чистою лазурью; вѣтеръ былъ необыкновенно тепелъ и термометръ показывалъ въ обѣденные часы около 15° Ц. Слѣдуя югозападному направленію, мы теперь подвигались очень медленно, какъ потому, что олени наши послѣ продолжительной ѣзды сильно утомились, такъ и потому, что отъ безпрестанной сырости погоды и отъ ѣзды по довольно глубокимъ болотамъ, сбруя сдѣлалась совершенно мокрою и до того растерла плеча оленей, что они не могли вовсе бѣжать. При такомъ положеніи дѣлъ мы не мало обрадовались, когда въ долинѣ рѣки Куи встрѣтили рядъ саней какого-то Зырянина, который отправлялся на югъ, къ лѣснымъ границамъ, и отъ котораго мы, противъ нашего ожиданія, получили свѣжихъ оленей. Между тѣмъ какъ люди мои занялись приведеніемъ саней въ порядокъ, я отправился осмотрѣть берега рѣки, протекавшей мимо нашей палатки. Куя есть притокъ Печоры, который впадаетъ въ эту послѣднюю

около мѣстечка того же имени. Самоѣды называютъ эту рѣку Ольягой, т. е. маленькой рѣкой, потому что, въ сравненіи съ Печорою, она дѣйствительно мала, но въ отношеніи къ другимъ притокамъ она не можетъ быть названа маленькою, потому что она ни одному изъ нихъ не уступаетъ въ ширинѣ. Русское названіе этой рѣки указываетъ на чудское происхожденіе его. Скудный лѣсъ, находившійся на берегу рѣки, состоялъ изъ елей, которыя были уже нѣсколько по благообразнѣе прежнихъ; впрочемъ, и здѣсь не было недостатка въ совершенно засохшихъ экземплярахъ; береза также появлялась мѣстами, но только въ видѣ низенькаго кустарника, листья котораго были уже совсѣмъ желты; несравненно чаще попадались намъ большіе, но уже совершенно засохшіе кустарники этого дерева. Кромѣ того мы встрѣтили нѣсколько экземпляровъ Alnus Viridis и рябины; Salix hastata, растущая на самомъ берегу, высотой своей далеко превышаетъ человѣческій ростъ. Изъ мелкихъ травъ мы видѣли здѣсь Senecio octoglossus, Geranium sylvaticum, Thalictrum flavum, Silene inflata, Delphinium intermedium, Dianthus dentosus, Hierochloa borealis, Lycopodium alpinum и многія другія; нѣкоторыя изъ нихъ еще цвѣли.

Переправа черезъ рѣку Кую стоила намъ большихъ хлопотъ и не мало времени, потому что только послѣ продолжительныхъ поисковъ мы нашли мелкое мѣсто, гдѣ можно было переѣхать черезъ рѣку безъ помощи лодки. Мы отправились по направленію къ ЗЮЗ и переѣхали нѣсколько цѣпей холмовъ, которыя, будучи и здѣсь болѣе или менѣе параллельны одна другой, тянулись отъ ЮЗ или ЮЮЗ на СВ или ССВ.

Вся полоса земли, начиная отъ Нещаки до Печоры, перерѣзана такими цѣпями, которыя въ совокупности образуютъ упомянутый уже нами Салидейгой или мысовую страну на правомъ берегу рѣки Печоры. Эти параллельные ряды холмовъ, слѣдуя направленію берега рѣки, были насыпаны въ видѣ ряда песчаныхъ бугровъ, покрывшихъ мало по малу находящійся подъ ними каменистый грунтъ, такъ-что послѣдній можно видѣть теперь только на самомъ краю морскаго берега.

Пространство земли, лежащее къ западу отъ Нещаки, изобиловало яглемъ въ гораздо большемъ количествѣ и лучшаго качества, нежели тѣ мѣста тундры, по которымъ мы до сихъ поръ проѣзжали; это можно объяснить тѣмъ, что страна эта въ лѣтнее время бываетъ населена несравненно меньше другихъ; мало того, окрестности Пустозерска, на пространствѣ нѣсколькихъ дней пути, будучи сберегаемы какъ зимнія пастбища, на лѣто совершенно покидаются номадами; зимой же, когда поверхность тундры уже покрылась снѣгомъ, страна эта замѣтно начинаетъ оживляться, потому что тогда всѣ жители Пустозерска, владѣющіе стадами сѣверныхъ оленей, мало по малу переселяются сюда съ намѣреніемъ провести здѣсь всю зиму. Обиліе ягля приходится тогда стадамъ очень кстати, потому что зимой олень, будучи принужденъ выкапывать себѣ кормъ изъ подъ снѣга, требуетъ, чтобы на меньшемъ пространствѣ находилось большее количество ягля, между тѣмъ какъ лѣтомъ, пасясь на просторныхъ лугахъ, онъ довольствуется и гораздо скуднѣйшимъ кормомъ, тѣмъ болѣе, что онъ тогда питается не однимъ яглемъ, но и различными травами, листья-

мн и молодыми отростками кустарниковыхъ растеній. Кромѣ того лѣтомъ олень, при всей пышности травы и ягля, требуетъ для своей пастьы несравненно обширнѣйшія пространства, потому что онъ не столько съѣстъ, сколько истопчетъ, особливо въ жаркое лѣто, когда стадо, терзаемое комарами и слѣпнями, бросается во всѣ стороны съ ужаснымъ безпокойствомъ, такъ что огромное зеленое пастбище, въ короткое время, превращается въ черное болото, на которомъ едва остается одинъ зеленый стебелекъ. Такія истоптанныя пастбища за-частую можно встрѣтить около палатокъ, когда номады чуть нѣсколько дольше остаются на одномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ пастбища эти въ состояніи произвести новую растительность не раньше какъ по протествіи многихъ лѣтъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, очень легко всякій пойметь, какимъ образомъ безчисленныя стада въ тундрѣ, въ какихъ-нибудь три десятилѣтія, могли до того опустошить такое неизмѣримое пространство земли, какъ Большеземельная тундра, что не безъ основанія уже начинаютъ опасаться за существованіе здѣшняго народа въ будущемъ, такъ какъ оно тѣсно связано съ существованіемъ сѣверныхъ оленей.

Ель и береза попадались намъ теперь чаще прежняго и даже начали показываться на возвышеніяхъ, хотя большая часть ихъ, особливо березъ, представляла только сухіе экземпляры. Лиственичный лѣсъ, который мы видѣли вчера, остался у насъ вправо. точно такъ какъ и селеніе Никитца, лежащее на берегу Печоры, въ 40 верстахъ отъ Пустозерска.—Ночлегомъ мы расположились у подошвы нѣсколькихъ холмовъ, гдѣ

немедленно развели огонь, потому что люди мои безъ всякаго труда собрали огромную вязанку березовыхъ дровъ. Ночной воздухъ былъ чистъ и умѣренъ; луна выглядывала изъ-за облаковъ, какъ-бы желая вступить въ соперничество съ сѣвернымъ сіяніемъ, которое освѣщало небо своими яркими полосами. Такое явленіе, т. е. сѣверное сіяніе съ разноцвѣтными расходящимися лучами, измѣняющими яркость своего свѣта, у архангельскихъ Русскихъ называется *Сполохами* или *столбами*, между тѣмъ какъ слабое сѣверное сіяніе, появляющееся на горизонтѣ въ видѣ равномѣрнаго краснаго свѣта, извѣстно подъ именемъ зари. Самоѣды называютъ это явленіе *Харичъ* и, подобно Русскимъ, считаютъ его предвѣстникомъ бури.

(1 Сентября.) И сегодня погода опять была ясная; послѣ обѣда термометръ стоялъ на 19° Ц., что очень много для страны, лежащей подъ 68° с. ш., а тѣмъ болѣе для 1 Сентября: судя по близости Ледовитаго моря и по положенію мѣстности къ востоку отъ Пустозерска, весьма трудно было ожидать такой температуры. Продолжая путь свой по ЗЮЗ-ному направленію, мы подвигались къ цѣли нашего путешествія; но по мѣрѣ приближенія нашего къ Пустозерску, возростали и препятствія, которыя мы встрѣчали въ качествѣ почвы. Не столько затруднялъ нашу ѣзду безпрестанно сгущавшійся лѣсъ, сколько перепутавшіеся кустарники ивы(Salix hastata и lanata), которые, покрывая всѣ водой пропитанныя низменности, нерѣдко уступали дорогу только топору; кромѣ того глубоко протаявшія болота, въ которыхъ наши олени вязли почти по грудь, водостоки и глубокія болотныя лужи, въ которыхъ вода скоплялась подъ

болотнымъ мхомъ какъ въ мягкой губкѣ, — все это несносно долго задерживало насъ въ то самое время, когда мы были уже почти у цѣли. Наконецъ лѣсъ мало по малу сдѣлался гуще и принялъ лучшій видъ; но всеже въ немъ было еще много искривленныхъ елей, не говоря уже о березѣ, которая, представляя большею частію низенькій кустарникъ съ опущенными на землю вѣтвями, только изрѣдка являлась намъ даже въ видѣ тощаго дерева. Въ такомъ же жалкомъ видѣ представлялась намъ и лиственница. Замѣченные нами медвѣжьи слѣды доказывали, что по сосѣдству находятся густые лѣса; особенно часто эти слѣды попадались намъ на сухихъ возвышеніяхъ, куда медвѣди, вѣроятно, ходятъ за сладковатыми ягодами Empetrum nigrum, которыя на сѣверѣ составляютъ ихъ любимую пищу.

Въ нѣкоторомъ разстояніи, вправо отъ насъ, осталось два селенія: *Куя*, около устья небольшой рѣки того же имени, и *Тельвиска*, лежащая нѣсколько выше, на берегу Печоры, которой мы, по причинѣ множества находящихся на ней острововъ, никакъ не могли видѣть. Между тѣмъ мало по малу начали показываться извѣстныя уже намъ растенія низшихъ широтъ, а именно: Andromeda calyculata, Lonicera Pallasii, Cicuta virosa, Pedicularis Sceptrum, Tanacetum vulgare, Alchemilla vulgaris, Pyrola rotundifolia и мн. др.

Наконецъ мы попали на узкую проселочную дорогу, по которой было довольно сносно ѣхать; вскорѣ лѣсъ остался позади насъ и мы очутились на просторной равнинѣ, откуда можно было видѣть Пустозерскъ или южное мѣстечко его, называемый Городкомъ, который, находясь на противоположномъ берегу небольшаго

озера Пустаго, церковными башнями своими уподобляется улыбающемуся городку и радостно привѣтствуетъ странника, возвращающагося изъ негостепріимной тундры. Однакожъ мы направили путь свой къ другому мѣстечку, такъ называемой Устьинской Слободкѣ, которая, находясь нѣсколько сѣвернѣе Городка, во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступаетъ послѣднему. Сухія сѣроватыя равнины, поросшія яглемъ и Stereocaulon tomentosum (между которыми попадаются также Arctostaphylos alpina, Empetrum nigrum и Armeria alpina) переходятъ въ зыбучій песокъ, на которомъ мѣстами показываются только тощіе экземпляры Polemonium humile и кой-какія отдѣльно ростущія кривыя березы и лиственницы; вокругъ стволовъ этихъ послѣднихъ зыбучій песокъ образуетъ иногда коническіе холмы, которые совершенно закрываютъ деревья, оставляя на виду одинѣ верхушки ихъ. Эти-то безплодныя песчаныя равнины непосредственно прилегаютъ къ мѣстечку, въ которое мы наконецъ въѣхали. Голова или староста, за которымъ мы посылали, тотчасъ же явился, поздравилъ насъ съ пріѣздомъ и отвелъ намъ квартиру у одного зажиточнаго мѣщанина. По древнему обычаю русскаго гостепріимства, насъ прежде всего угостили чаемъ; послѣ того намъ приготовили баню, въ которую мы поспѣшили съ неописанною радостію, желая какъ можно скорѣе избавиться отъ мукъ, терзавшихъ насъ въ продолженіе всего времени нашего путешествія по тундрамъ.

XI.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПУСТОЗЕРСКѢ.

Подъ общимъ именемъ Пустозерска или Слободки Пустозерской разумѣется совокупность восемнадцати селеній, расположенныхъ по широкому устью рѣки Печоры, частію вдоль берега ея, частію на многочисленныхъ островахъ, находящихся въ дельтѣ рѣки. Въ тѣсномъ смыслѣ (какъ оно употреблялось почти всѣми писателями), подъ именемъ Пустозерска разумѣютъ обыкновенно только ту часть его, которая лежитъ на югозападной сторонѣ Пустаго озера, подъ 67° 32′ с. ш. и подъ 52° 40′ вост. д. (1) и которая прибрежными жителями Печоры называется Пустозерскимъ Городкомъ, или просто Городкомъ, а также Городецкой Слободкой. Мы будемъ употреблять имя Пустозерска въ обширномъ смыслѣ (какъ это дѣлается и въ оффиціальныхъ бумагахъ), и все, что мы будемъ говорить объ немъ подъ этимъ именемъ, надо будетъ относить ко

---

(1) См. Иван. въ путеш. Люткe, въ русск. оригиналѣ ч. II стр. 213.

всѣмъ мѣстечкамъ и селеніямъ, лежащимъ при устьѣ рѣки Печоры.

Всѣ селенія Пустозерска образуютъ, какъ мы уже говорили, одну волость Мезенскаго уѣзда, которая, вмѣстѣ съ Нжмою и Утьцыльмою, извѣстна подъ общимъ названіемъ отдаленныхъ слободокъ. Всѣ они принадлежатъ къ одной общинѣ, которая имѣетъ свою церковь въ Городкѣ, гдѣ прежде находилось и Правленіе общины, переведенное въ 1832 году въ мѣстечко Устье. По послѣдней ревизіи во всей волости считается 1000 душъ обоего пола. Отдѣльныя мѣстечки и селенія суть слѣдующія:

1) *Городокъ* или *Пустозерской Городокъ*, положеніе котораго показано уже выше, находится въ 130 верстахъ отъ Болванскаго носа, при устьѣ Печоры, и заключаетъ въ себѣ 47 душъ муж. пола.

2) *Устье*, гдѣ мы проживали, лежитъ на правомъ берегу протока, называемаго Устьинской виской, которая вытекаетъ изъ сѣверозападной части Пустаго озера, въ одной верстѣ выше Устья и вливается, въ такомъ же разстояніи ниже этого мѣстечка, въ мелкій рукавъ Печоры, извѣстный подъ именемъ Устьпара или Городецкаго шара (а не на СВ-номъ берегу упомянутаго озера, какъ это показано у Иванова). Разстояніе этого мѣстечка отъ Городка равняется 3 верстамъ; впрочемъ это только зимой, когда озеро покрыто льдомъ, а лѣтомъ, если ѣхать водой черезъ озеро и Устьинскую виску, будетъ нѣсколько дальше; самый длинный трактъ (отъ 6 до 8 в.) представляетъ шоссе, пролегающее около западнаго берега озера. Въ Устьѣ считается 73 души муж. пола. Теперь слѣдуютъ мѣстечки, рас-

положенныя на материкѣ, вдоль праваго берега рѣки Печоры, а именно:

3) Деревушка *Тельвиска*, лежащая въ 18 верстахъ отъ Устья, на берегу упомянутаго мелкаго и узкаго рукава рѣки Городецкаго шара (По показаніямъ Иванова въ 16 верстахъ отъ Городка, по прямой линіи, и въ 8 верстахъ отъ фарватера Печоры; число жителей 42 души муж. пола) (1).

4) *Никитца*, въ 40 верстахъ отъ Городка (подъ 67° 45′ с. ш.; 51 душа муж. пола).

5) *Куя*, лежащая при устьѣ рѣки того же имени, въ шести верстахъ ниже предыдущей. (По Ив. только въ 5 верстахъ отъ Никитцы; 55 душъ муж. пола. «Здѣсь находится главный фарватеръ Печоры, отдаленный отъ твердой земли и лежащій между островами; вдоль берега простирается рукавъ рѣки, имѣющій 35 в. въ длину и называемый *Куйскимъ шаромъ*. Деревня Куя есть единственное мѣстечко по всему теченію рѣки, гдѣ суда безопасно могутъ зимовать; всѣ же прочія подвержены напору весенняго льда, нерѣдко отрывающаго огромные куски берега»). На правомъже берегу, вверхъ по рѣкѣ, находится мѣстечко

---

1) Показанія мои о положеніи и разстояніяхъ мѣстечекъ основаны на извѣстіяхъ, полученныхъ мною въ Пустозерскѣ. Я въ скобкахъ присовокупляю къ нимъ и показанія Г-на Иванова, которыя частію согласуются съ моими, частію отступаютъ въ нѣкоторомъ отношеніи (какъ вѣрнѣйшія можетъ быть), чтобы изъ соединенныхъ извѣстій читатель могъ составить себѣ лучшее понятіе объ этомъ предметѣ; хотя я не могу не замѣтить, что на счетъ мѣстечекъ Городка и Устья, съ которыми я самъ ознакомился, Иванова карта не совсѣмъ согласуется съ природою; а можетъ быть я и ошибаюсь.

6) *Пылемецъ*, лежащее въ 20 верстахъ отъ Городка (по показаніямъ Иванова подъ 67° 25' с. ш., въ $4\frac{1}{2}$ миляхъ отъ югозападнаго устья Городецкаго шара. Начиная отсюда, самый восточный рукавъ рѣки, по причинѣ незначительной глубины своей, получаетъ названіе Сухой Печоры. Въ этомъ мѣстечкѣ всего 8 душъ муж. пола). На лѣвомъ берегу Печоры лежитъ только

7) Деревня *Вандехъ*, расположенная на мысѣ, который образуется лѣвымъ главнымъ рукавомъ рѣки (называемымъ Малой Печорой) и вдающимся далеко въ землю рѣчнымъ заливомъ (Голодной губой), параллельнымъ берегу рѣки, къ юговостоку отъ Саундея, возвышающагося на западномъ берегу упомянутаго залива (По извѣст. Иванова, эта деревня называется *Андехъ* и лежитъ въ 17 верстахъ отъ Нарыги; въ ней считается 31 душа муж. пола). На островахъ дельты находятся слѣдующія мѣстечки:

8) *Лабазское*, лежащее на южномъ концѣ острова *Лабазнаго*, одного изъ значительнѣйшихъ рѣки Печоры, въ 11 верстахъ отъ *Пылемца* (Ивановъ не упоминаетъ объ этомъ мѣстечкѣ, потому что онъ не доходилъ до этого мѣста).

9) *Бушуево*, незначительное мѣстечко, оставленное своими обѣдиѣвшими жителями; (оно лежитъ на небольшомъ островѣ, около югозападнаго устья Городецкаго шара, и заключало въ себѣ всего 2 души муж. пола).

10) *Оксино*, одно изъ значительнѣйшихъ мѣстечекъ волости, находится на сѣверозападномъ концѣ острова, называемаго Большимъ Сѣнокоснымъ, и вмѣщаетъ въ себѣ 88 душъ муж. пола (По Иванову оно лежитъ подъ 67° 35' 45'' с. ш.); въ 7 миляхъ отъ этого мѣстечка

находится югозападное устье Городецкаго шара, который иногда, при низкомъ стояніи воды въ рѣкѣ, совершенно высыхаетъ; въ мѣстечкѣ этомъ считается 73 души муж. пола).

11) *Голубкова*, небольшое мѣстечко, лежащее на сѣверной сторонѣ острова того же имени и вмѣщающее въ себѣ 15, а по Иванову 18 душъ муж. пола.

12) *Бьдово*, лежащее на островѣ того же имени, (около мелкаго рукава, раздѣляющаго острова Бѣдовый и Сѣнокосный; въ немъ считается 34 души муж. пола).

13) *Іокушецъ*, лежащій на лѣвомъ берегу Городецкаго шара, въ 3 верстахъ ниже Тельвиски (у Иванова мѣстечко это называется Юкушцей и вмѣщаетъ въ себѣ 24 души муж. пола).

14) *Макарова*, на островѣ того же имени, прилегаетъ на сѣверѣ къ островамъ Бѣдовому и Сѣнокосному (на лѣвомъ берегу Большой Печоры, въ 5 верстахъ отъ Юкушцы).

15) *Норыга*, на островѣ того же имени, около Малой Печоры (подъ 67° 49‘ с. ш.; 57 душъ.)

(Ивановъ называетъ еще 16-тое мѣстечко, деревню *Сопку*, лежащую на югозападномъ концѣ острова Чулкина, въ Малой Печорѣ, подъ 67° 42‘ 30“ с. ш., и имѣющую 31 душу муж. пола; названіе этого мѣстечка онъ производитъ отъ небольшихъ песчаныхъ холмовъ съ острыми вершинами, покрывающихъ берегъ материка и называющихся сопками).

17) *Виска* или *Великовисошка*, лежащая около лѣваго берега Печоры, на небольшомъ островѣ, при устьѣ маленькой рѣчки, которая называется просто Виской (финск. слово — рѣчка) и которой мѣстечко обязано сво-

имъ названіемъ; разстояніе Виски отъ Городка равняется 40 верстамъ.

18) *Пойлова*, самая сѣверная деревня, лежащая на островѣ того же имени (Ивановъ показываетъ положеніе ея на восточной сторонѣ фарватера, въ 7 верстахъ отъ Куи и въ 70 отъ устья Печоры; это-послѣдняя колонія около Печоры; въ ней считается 37 душъ м. пола. Внизъ по теченію рѣки, ближе къ морю находится еще нѣсколько разбросанныхъ хижинъ, служащихъ временнымъ убѣжищемъ для охотниковъ и рыбаковъ.

Къ волости Пустозерской принадлежитъ наконецъ еще деревня Сула или Сульская, лежащая на берегу небольшой рѣки того же имени, по прямой линіи въ 50 верстахъ отъ впаденія ея въ лѣвый берегъ Печоры. Рѣка Сула беретъ свое начало около восточнаго отклона Чанцына или Тиманскаго камня и вливается въ Печору въ 100 верстахъ выше Пустозерска; это—та самая рѣка, около которой въ древности разработывали руду.

Границы между пустозерскою областью и самоѣдскими тундрами до сихъ поръ еще не были опредѣлены, и только въ слѣдствіе Высочайшаго Устава объ управленіи Архангельскими Самоѣдами, вошедшаго въ силу въ 1835 г., губернскія присутственныя мѣста обратили свое вниманіе на этотъ предметъ, пославъ въ каждую изъ трехъ отдаленныхъ слободокъ землемѣровъ съ цѣлію снять съ нихъ планы. При мнѣ землемѣры уже третій годъ были заняты измѣреніемъ территоріальныхъ границъ отдѣльныхъ мѣстечекъ Пустозерской волости, такъ какъ по Уставу для каждой ревизской души мужескаго пола, приписанной къ мѣстечку, назначалось въ собственность 60 десятинъ земли, а площадь этого измѣреннаго

пространства должна была опредѣлить все владѣніе мѣстечка и его границу съ тундрами, которую никто не смѣетъ переступить безъ обоюднаго согласія общинъ.

Главныя условія существованія жителей Пустозерска суть: богатая рыбная ловля и охота за морскими звѣрями; но кромѣ того есть еще другія отрасли промышленности, поддерживающія существованіе здѣшнихъ жителей, а именно: торговля, посредствомъ которой Пустозерскъ превращаетъ свои произведенія въ деньги, а на эти покупаетъ себѣ хлѣбъ и прочія необходимыя потребности жизни; потомъ разведеніе сѣверныхъ оленей, которое во многомъ способствуетъ распространенію торговли, и наконецъ побочные промыслы: разведеніе рогатаго скота, охота за дичью, производимая на островѣ Калгуевѣ и въ окрестностяхъ мѣстечекъ, и т. д.

Самое главное занятіе жителей, какъ мы уже сказали, есть рыбная ловля. Весной, лишь только рѣка вскроется (а это бываетъ обыкновенно въ исходѣ Мая или въ первой половинѣ Іюня), по ней начинаютъ разъѣзжать рыбачьи лодки, потому что въ это время бываетъ ловля бѣлорыбицы, т. е. породъ рыбъ съ бѣлымъ мясомъ, къ которымъ относятся: чиръ (Salmo Nasus Pall.) пеледь (S. Pelet Lepech.), пельма (S. Leucichtys Pall.), сигъ (S. lavaretus L.) и налимъ (Gadus Lota L.). Всѣ эти пять породъ извѣстны подъ общимъ названіемъ *бѣлорыбицы*, въ противоположность *красной рыбѣ*, подъ названіемъ которой разумѣютъ Семгу (Salmo nobilis.); ловля этой послѣдней бываетъ нѣсколько позже.—Бѣлорыбица обыкновенно ловится сѣтями, имѣющими отъ 80 до 100 саж. длины, и все количество пойманной рыбы немедленно подвергается соленію, исключая виро-

чемъ налима, который гораздо чаще сушится, потому что сушеный налимъ вообще предпочитается соленому. Хотя попадающаяся въ сѣти обыкновенная рыба, какъ напр. щуки, лещи, окуни и т. п., также имѣютъ бѣлое мясо, однакожъ она не включается въ число бѣлорыбицы и потому не поступаетъ въ продажу, а потребляется самими ловцами. Тоже бываетъ и съ налимомъ, если добыча его незначительна.

Все количество запасенной рыбы сбывается Чердынцамъ, которые, въ концѣ Іюня или въ началѣ Августа, спускаются на своихъ каюкахъ изъ Устьцыльмы къ Пустозерску, и въ замѣнъ полученной рыбы оставляютъ зерновый хлѣбъ, какъ главную потребность здѣшнихъ жителей. Цѣна рыбы зависитъ съ одной стороны отъ большаго или меньшаго успѣха ловли, а съ другой отъ цѣны хлѣба въ южнѣйшихъ странахъ. Въ настоящее лѣто, когда Чердынцы необыкновенно возвысили цѣну на хлѣбъ, въ Пустозерскѣ за пудъ ржаной муки платили по 2 р. 60 к. и даже по 3 р., такъ что хлѣбъ, въ слѣдствіе провоза изъ Устьцыльмы сюда, вздорожалъ 60-ю коп. и даже цѣлымъ рублемъ. Соотвѣтственно этому и цѣны на рыбу были слѣдующія: за пудъ сушенаго налима получалось 2 пуда ржаной муки или отъ 5 до 6 р. деньгами; за пудъ соленой нельмы—$1\frac{1}{2}$—2 пуда ржаной муки или отъ 4 до 6 р. деньгами; за пудъ соленой пеледи или чира (такъ какъ они стояли въ одной цѣнѣ)—$1\frac{1}{2}$ п. муки или 4—$4\frac{1}{2}$ рубля; за пудъ соленаго сига (если рыба была крупная) 1 п. ржаной муки, или 2 р. 60 к.—3 р. деньгами. Надо еще замѣтить, что количество соли, употребляемой на соленіе всѣхъ этихъ рыбъ, не входитъ въ составъ приведенныхъ нами цѣнъ, а купцы платятъ за

нее особо; впрочемъ жители Пустозерска снабжаются солью исключительно изъ казенныхъ магазиновъ, и только весьма незначительное количество ея привозится купцами, которые продаютъ ее своимъ извѣстнымъ уже покупателямъ.

Въ исходѣ Іюня мѣсяца жители Пустозерска приступаютъ ко второй рыбной ловлѣ, а именно къ лову семги и омыля, который производится частію на фарватерѣ Печоры, частію около морскихъ береговъ, въ Малой губѣ, и продолжается до замерзанія водъ осенью. Семгу ловятъ такъ называемою поплавью, т. е. особеннаго рода сѣтями, длина которыхъ, смотря по ширинѣ фарватера, равняется 300 саженямъ, а отвѣсная глубина, заключая въ себѣ отъ 45 до 50 ячеевъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ $3\frac{1}{2}$ или $3\frac{1}{4}$ вершка длины (т. е. одна сторона квадрата), бываетъ различна, отъ $9\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ аршинъ. Одна долевая сторона этого невода, помощію привѣшанныхъ къ нему поплавковъ, поддерживается на поверхности воды, а другая, къ которой привязываются маленькія камешки или круглыя пластинки жести, уходитъ въ воду, такъ что неводъ по всей длинѣ своей получаетъ отвѣсное положеніе подъ зеркаломъ воды. Съ этою поплавью, одинъ конецъ которой привязывается къ лодкѣ, между тѣмъ какъ другой, приблизившійся къ противоположному берегу, оставляется на произволъ теченія воды, рыбаки плывутъ внизъ по фарватеру Печоры. Подымающаяся вверхъ по рѣкѣ семга идетъ на встрѣчу сѣтямъ и, и въ то самое время, когда она хочетъ пройти, попадаетъ въ одинъ изъ ячеевъ, которые довольно широки для того, чтобы пропустить рыбу, но не далѣе какъ до брюшныхъ перьевъ включительно, такъ что она, не будучи въ состояніи итти,

ни взадъ (чему препятствуютъ брюшныя перья), ни впередъ (потому что туловище ея не проходитъ), остается висѣть въ ячеѣ. Когда рыбаки такимъ образомъ проѣхали ту часть фарватера, которая досталась имъ по обычному праву, то сѣти вытаскиваются изъ воды и попавшіяся въ нихъ рыбы освобождаются изъ ячеевъ.

Точно также ловится и омыль въ рѣкѣ; только поплавь, для этого употребляемая, сплетена изъ болѣе тонкой пряжи, имѣетъ до 200 саженъ длины и, подобно поплави для лова семги, отъ $3\frac{1}{2}$ — 4 саж. глубины; существенное различіе этихъ двухъ неводовъ состоитъ въ томъ, что тотъ изъ нихъ, который употребляется для ловли омыля, имѣетъ гораздо меньшіе ячеи (всего какихъ-нибудь $1\frac{1}{2}$ вершка въ сторонѣ квадрата), такъ какъ омыль гораздо меньше семги. Обѣ поплави закидываются въ одно время: ловцы семги ѣдутъ впереди, а ловцы омыля сзади, такъ что этотъ послѣдній, идя на встрѣчу рыбакамъ, проходитъ свободно въ большіе ячеи первой поплави и попадаетъ въ малые, откуда уже не можетъ освободиться.

Рыбная ловля около морскихъ береговъ производится преимущественно въ упомянутой уже нами Мелкой губѣ (по-самоѣд. Тарóбаха), восточная часть которой мелководіемъ своимъ особенно способствуетъ рыбному промыслу и потому названа у жителей Пустозерска Мелкой губой въ тѣсномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ западная половина ея, прилегающая къ Болванскому носу, извѣстна у нихъ подъ именемъ Болванской губы. Кромѣ того рыбаки посѣщаютъ еще одну полосу берега, такъ называемый Захарьинъ берегъ, который тянется отъ Печорской дельты на сѣверъ, къ мысу, извѣстному подъ

именемъ Русскаго Заворота, гдѣ онъ соединяется съ Тиманскимъ берегомъ въ Малой Землѣ. Полоса эта омывается моремъ, которое, по причинѣ чрезвычайнаго мелководія и многихъ песчаныхъ отмелей, получило названіе Сухаго моря. Обычное право, по которому фарватеръ Печоры раздѣленъ на участки, предоставленные въ пользованіе отдѣльныхъ рыбаковъ, и по которому никто не можетъ переступать точно опредѣленныхъ границъ своего временнаго владѣнія, было также причиною раздѣленія на участи упомянутыхъ нами морскихъ береговъ, покрайней-мѣрѣ тѣхъ, которые наиболѣе посѣщаются рыбаками. Каждый изъ такихъ участковъ предоставляется въ исключительное пользованіе того, кому онъ достается, и извѣстенъ у жителей Архангельской губерніи подъ именемъ тони. Всѣ они имѣютъ свои межевые знаки, которые очень хорошо извѣстны всѣмъ участвующимъ въ рыбной ловлѣ; но такъ какъ не всѣ тони имѣютъ равныя качества и слѣдовательно не всѣ рыбаки пользуются равной добычей, то для этого учреждена очередь, по которой каждому, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, приходится пользоваться прибыльными тонями. Такимъ образомъ всякій житель Пустозерска, мало-мальски способный къ работѣ, получаетъ въ неоспоримое владѣніе извѣстную часть берега и право это, упроченное обычаемъ, не нарушается даже тогда, когда какой-нибудь рыбакъ не въ состояніи самъ пользоваться доставшимся ему участкомъ, какъ это иногда бываетъ съ недостаточными, не имѣющими своихъ собственныхъ неводовъ для произведенія ловли. Такіе бѣдные рыбаки отдаютъ свои

участки въ арендное содержаніе зажиточнѣйшимъ, на одинъ или на нѣсколько лѣтъ.

Ловъ семги около упомянутыхъ береговъ производится такъ называемыми перемотами, т. е. сѣтями, устройство которыхъ основано на томъ же началѣ, какъ и устройство поплави, но которыя имѣютъ всего не много болѣе сажени ширины (какихъ нибудь 16 ячей) и употребляются нѣсколько иначе. Длина этихъ перемотовъ соображается съ мѣстностями, гдѣ ихъ употребляютъ въ дѣло. Перемотъ разставляется по прямой линіи, пересѣкающей направленіе береговъ подъ прямымъ угломъ такъ, что одинъ конецъ его приходится на низменный берегъ, который во время прилива покрывается водою, а другой въ самое море, на такомъ разстояніи отъ берега, на какомъ это допускаетъ мелководіе. И здѣсь сѣти раскидываютъ такъ, чтобы онѣ глубиной своей приходились перпендикулярно къ морскому дну. Длина перемотовъ бываетъ весьма различна, смотря по быстрому или медленному прибыванію воды въ морѣ или по степени возвышенія плоскаго берега; такъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мелкой губы они простираются не менѣе 5 верстъ въ длину. Чтобы такія длинныя сѣти на всемъ протяженіи своемъ держались въ отвѣсномъ положеніи, для этого въ дно вколачиваются колья, которые, отстоя другъ отъ друга на $1\frac{1}{2}$ сажени, служатъ подпорою перемота по всей его длинѣ. Этотъ снарядъ, будучи разъ приготовленъ, остается уже на все время ловли, которая обусловливается временемъ прилива, потому что тогда весь перемотъ потопляется водою, а рыба, пригоняемая водой къ берегу, попадаетъ въ ячеи, въ которыхъ остается висѣть точнотакъ,

какъ это бываетъ при ловлѣ поплавью. При наступленіи отлива рыбаки отправляются осматривать свои перемоты, освобождаютъ изъ ячеевъ пойманную рыбу и тотчасъ же солятъ ихъ въ бочкахъ. Успѣхъ этой ловли главнымъ образомъ обусловливается дующими въ это время вѣтрами; самые благопріятные для этого вѣтры суть тѣ, которые дуютъ изъ сѣверной половины, такъ какъ они обыкновенно пригоняютъ къ берегу несмѣтное множество рыбъ; поэтому-то, во время ловли семги, всѣ жители Пустозерска съ трепетной надеждой умоляютъ Всевышняго ниспослать имъ спасительный вѣтерь, который иногда въ одну ночь можетъ обезпечить существованіе ихъ на цѣлый годъ; между тѣмъ какъ тотъ же самый вѣтеръ, въ странѣ, лежащей $2\frac{1}{2}$ градусами южнѣе, т. е. въ хлѣбной полосѣ, производитъ совершенно противное дѣйствіе, потому что въ одну же ночь уничтожаетъ всѣ труды бѣднаго земледѣльца, лишая его всякой надежды на урожай.

Въ морѣ омыль ловится не перемотомъ, а обыкновенными рыбачьими неводами и притомъ болѣе около устьевъ рѣкъ, куда рыбы стекаются большими сонмами. Между тѣмъ какъ семга, требующая особенныхъ и дорогихъ снарядовъ, достается въ удѣлъ исключительно русскому промышленнику, Самоѣду же попадается въ руки только случайно и въ гораздо меньшемъ количествѣ, омыль ловится и Самоѣдами и Русскими, на всемъ пространствѣ береговъ Большеземельной тундры, и во время лѣта служитъ главнѣйшею пищею прибрежныхъ жителей. Самые большіе и лучшіе омыли ловятся въ устьяхъ восточныхъ рѣкъ, Кары и Коротаихи.

Соленіе рыбы производится очень просто: слои очищенной рыбы перемежаются соотвѣтственными слоями чистой соли. Обыкновеннаго объема бочка, вмѣщающая въ себѣ отъ 16 до 18 пудъ соленой бѣлорыбицы, содержитъ около 2 пудовъ соли, т. е. $\frac{1}{8}$ часть всего вѣса, такъ что на каждый пудъ рыбы идетъ 5 ф. соли; между тѣмъ какъ такая же бочка, наполненная семгой, при тѣхъ же 16 или 18 пудахъ соленой рыбы, содержитъ всего $1\frac{1}{2}$ пуда, такъ что на каждый пудъ семги приходится около $3\frac{3}{4}$ ф. соли; омуль требуетъ еще меньшаго количества. Изъ этихъ показаній можно бы было приблизительно вычислить количество рыбы, которое ежегодно обращается въ продажу, не считая конечно того, что жители Пустозерска сами потребляютъ, если взять въ соображеніе то, что изъ казеннаго магазина всякій годъ отпускается 4—600 пудъ соли, и что все количество соли почти исключительно употребляется на соленіе рыбы. Количество же соли, привозимое въ Пустозерскъ купцами, весьма незначительно и кгому же уравнивается другимъ употребленіемъ его, какъ напр. соленіемъ гусей и т. п.

Что касается до икры, то она цѣнится только въ трехъ породахъ рыбъ, водящихся въ Печорѣ; впрочемъ добываемое количество ея такъ незначительно, что объ немъ не стоитъ даже упоминать, тѣмъ болѣе, что предметъ этотъ встрѣчается только въ домашнемъ употребленіи, и то довольно рѣдко. Икру эту берутъ отъ омуля и сига, также отъ пеледя; но надо замѣтить, что икра этого послѣдняго цѣнится только тогда, когда она добыта отъ озерной рыбы, а не отъ рѣчной. Отъ всѣхъ этихъ рыбъ, а въ особенности отъ сига, получается

очень нѣжная и жирная икра, которую поэтому нельзя много солить. Но такъ какъ она добывается въ весьма небольшомъ количествѣ и ктому же, вслѣдствіе малаго соленія, скоро портится,— то она не можетъ войти въ число торговыхъ статей. Зимой жители Пустозерска ограничиваются ловлею обыкновенныхъ рѣчныхъ рыбъ для собственнаго употребленія; ловля эта производится подо льдомъ обыкновенными сѣтями.

Вообще замѣчаютъ, что теперь рыбная ловля въ Пустозеркѣ далеко не такъ успѣшна, какъ прежде, и въ особенности это было замѣтно въ послѣдніе годы, когда многіе жители, вслѣдствіе этого обстоятельства, даже совершенно обѣднѣли. Замѣтимъ еще, что цѣны на семгу и на омыля, въ различные годы, также варьируютъ, какъ и цѣны на другія породы рыбъ; во время моего пребыванія въ Пустозеркѣ пудъ семги стоилъ круглымъ счетомъ 8 рублей, между тѣмъ какъ пудъ омыля стоилъ только половину этой цѣны. Впрочемъ, въ отношеніи нѣжности мяса и жира, пустозерская семга есть, можетъ быть, самая лучшая въ свѣтѣ, но къ сожалѣнію этотъ-то самый жиръ, не допуская до себя достаточнаго количества соли, которое необходимо для сохраненія самой рыбы, и есть причина, почему пустозерскія семги, не смотря на свои прекрасныя качества, въ цѣнѣ стоятъ гораздо ниже другихъ. Въ Петербургѣ существуютъ слѣдующія цѣны на семгу разныхъ мѣстъ: самая дорога семга — Онежская, которая, будучи очень жирна и при всемъ томъ превосходно просолена, въ совершенно свѣжемъ видѣ доставляется въ столицу, и потому покупается по 21 — 24 рубля за пудъ; мезенская семга уже значительно дешевле, а

именно 16 и 17 руб. за пудъ, потому что, хотя она также жирна какъ и предыдущая, но за то не такъ хорошо просолена; лапландская, ловимая около западнаго берега Бѣлаго моря, хорошо приправлена, но за то не такъ жирна, а потому пудъ ея стоитъ 14 и 15 руб.; наконецъ уже слѣдуетъ пустозерская, самая жирная, но въ то же время всѣхъ болѣе попортившаяся семга, которая продается только по 10 и 12 р. за пудъ, т. е. ровно вдвое дешевле противъ онежской семги, не смотря на то что провозъ этой послѣдней почти вдвое же дешевле провоза пустозерской.

Кромѣ рыбной ловли, часть жителей Пустозерска, во время лѣта, занимается также охотой за морскими звѣрями, которая производится преимущественно около береговъ Вайгача и Новой Земли, а также около устьевъ рѣкъ Коротаихи и Кары; здѣсь охотники мало по малу выстроили даже нѣсколько хижинъ, которыя, служа во время лѣта сборными мѣстами, принимаютъ видъ населенныхъ мѣстечекъ, откуда каждый отправляется на охоту. О ловлѣ дельфиновъ на Вайгачѣ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ; охота за моржами и тюленями, производимая около Новой Земли, и рыбная ловля въ рѣкахъ этого острова также извѣстны уже изъ другихъ описаній; и такъ съ моей стороны остается прибавить только тѣ немногія извѣстія, которыя я получилъ отъ самихъ антрепренеровъ. Устья Коротаихи и Кары, въ началѣ весны, посѣщаются промышленниками, которые, для выгодной охоты за тюленями, переѣзжаютъ на своихъ оленяхъ огромныя пространства тундры, отдѣляющія ихъ отъ этихъ рѣкъ; здѣсь они обыкновенно встрѣчаютъ нѣсколько Самоѣдовъ, которыхъ влечетъ сюда также цѣль.

Впрочемъ упомянутыя рѣки наиболѣе посѣщаются въ осеннее время, потому что тогда здѣсь бываетъ успѣшная рыбная ловля, доставляющая превосходныхъ омылей.

Охота за дичью, производимая на островѣ Колгуевѣ, есть такая отрасль промышленности, которая не доставляетъ столько средствъ къ жизни, чтобы здоровый и сильный промышленникъ тратилъ на нее свои способности, а потому она скорѣй должна быть разсматриваема какъ спекуляція, на которую ежегодно пускаются нѣкоторые зажиточные крестьяне Пустозерска и Мезени и въ слѣдствіе которой вся добыча, доставшаяся Самоѣдамъ на этой охотѣ, переходитъ въ руки русскихъ спекулянтовъ. Самоѣды, занимающіеся этой охотой, суть уроженцы этого острова, и потому не покидаютъ его даже на зиму; они заключаютъ съ Русскими условія, по которымъ обязуются отдавать имъ всю пойманную на охотѣ дичь, преимущественно гусей, получая за то необходимые для существованія съѣстные припасы, а также порохъ, дробь, сѣти и т. п. По этому-то каждый годъ, въ концѣ лѣта, изъ Пустозерска приходятъ сюда нѣсколько карбасовъ, чтобы принять отъ Самоѣдовъ дичь и оставить имъ провизію для слѣдующаго года. Гуси, которыхъ здѣсь ловятъ, бываютъ двухъ родовъ: обыкновенные сѣрые и черные; они прилетаютъ сюда безчисленными стаями и время линянія для нихъ здѣсь также пагубно, какъ и вездѣ на сѣверѣ, потому что всякій годъ большая часть ихъ дѣлается добычею охотниковъ. Мѣстности на островѣ Колгуевѣ весьма благопріятствуютъ этой охотѣ: на безчисленныхъ озерахъ, служащихъ мѣстопребываніемъ линяющей дичи, эту послѣднюю преслѣдуютъ разъѣз-

жающіе въ лодкахъ охотники, заставляя ее выйти на берегъ, гдѣ она при помощи собакъ загоняется въ разставленныя для этой цѣли полукруглыя тенета, которыми тотчасъ же окружаютъ всю стаю. Озера, имѣющія узкій отводный каналъ или соединяющіяся между собою помощію ручья, представляютъ особенно удобную для ловли мѣстность, потому что здѣсь дичь съ береговъ загоняется въ озеро, а оттуда въ каналъ, гдѣ разставленныя поперекъ его тенета въ одинъ моментъ окружаютъ всю нашедшую на нихъ стаю, такъ что дичь, какъ бы сама собою, дается въ руки охотникамъ. Пойманная дичь подвергается соленію въ бочкахъ, а полупушье сберегается. При случаѣ собираются и правильныя перья гусей и лебедей, также гагачій пухъ, но только въ гораздо меньшемъ количествѣ. Въ окрестностяхъ Пустозерска, не особенно изобилующихъ дичью, охота на гусей производится нѣкоторыми охотниками только случайно, но совершенно такимъ же способомъ. За лебедя, который впрочемъ рѣдко попадается на охотѣ, даже въ Пустозерскѣ платятъ по 5 и по 6 рублей, потому что снѣжнобѣлыя перья его охотно покупаются Чердынцами, у которыхъ они, по предварительной обработкѣ, идутъ на обшивку женской одежды, замѣняя такимъ образомъ мѣхъ. Подобное же употребленіе дѣлается изъ блестящихъ перьевъ покрывающихъ грудь и шею гагары; изъ нихъ приготовляютъ непромокаемыя шапки, которыя отличаются весьма красивой пестрой наружностію.

Разведеніе сѣверныхъ оленей въ Пустозерскѣ хотя и есть общее занятіе жителей, однакожъ оно далеко не достигаетъ того значенія, какое ему придали Шкемскіе

Зыряне въ Большеземельѣ; потому что въ то время, какъ эти послѣдніе находятъ свои выгоды въ безпрестанномъ размноженіи стадъ, дающихъ имъ возможность дѣлать изъ нихъ постоянное и различное употребленіе, въ Пустозерскѣ разведеніе оленей становится важнымъ не столько непосредственными выгодами, извлекаемыми изъ стада—что могло бы быть только для отдѣльныхъ владѣльцевъ большихъ стадъ, — сколько тѣмъ, что оно доставляетъ жителямъ Пустозерска средства заниматься промышленностью и торговлею. И дѣйствительно, безъ оленей они не могли бы предаться этимъ занятіямъ въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ это теперь бываетъ, потому что нѣкоторыя отрасли промышленности предпринимаются ими на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Большеземелья, а для торговли они должны ежегодно объѣзжать огромныя пространства негостепріимной тундры. Жители Пустозерска уже давно постигли эту истину, почему они, въ теченіе двухвѣковаго существованія на сѣверѣ, и не размножили своихъ стадъ до безконечности, какъ это сдѣлали Зыряне въ какихъ нибудь три десятилѣтія; по этому-то самому пустозерскія стада большею частію пасутся подъ наблюденіемъ Самоѣдовъ, между тѣмъ какъ сами хозяева, рѣдко присутствуя лично, всегда бываютъ заняты охотой и рыбной ловлей. Притомъ же жители Пустозерска, безсознательно избрали благоразумнѣйшее средство для упроченія своего существованія: они не истощаютъ тундры, подобно Зырянамъ, у которыхъ она въ послѣдствіи обратится въ совершенно безплодную почву, а пользуются ею умѣренно и вообще щадятъ не только землю, доставляющую стадамъ ихъ естественные луга, но и первобытныхъ оби-

тателей ея—Самоѣдовъ, какъ посредниковъ ихъ промышленности въ различныхъ отношеніяхъ. Все сказанное о Пустозерскѣ въ меньшей степени имѣетъ свою справедливость и для Устьцыльмы, хотя жители этого мѣстечка, въ отношеніи къ благосостоянію вообще, далеко отстали отъ жителей Пустозерска и Нжмы. Въ Пустозерскѣ самый богатый хозяинъ имѣетъ не болѣе 1500 или 2000 оленей, слѣдовательно едва четвертую часть того числа, какимъ обладаетъ иной богатый Зырянинъ. Стада ихъ частію пасутся въ Малой Землѣ, прилегающей къ лѣвому берегу рѣки Печоры, и за то владѣльцы ихъ ежегодно обязаны платить Самоѣдской общинѣ извѣстный процентъ, тогда какъ въ Большой землѣ Самоѣдовъ большая часть русскихъ стадъ пасется безъ всякой платы. Такъ какъ стада зимуютъ въ окрестностяхъ Пустозерска, то они постоянно находятся у своихъ хозяевъ подъ рукой и послѣдніе во всякое время могутъ употреблять ихъ для разъѣздовъ по дѣламъ торговли. Въ началѣ же весны промышленникъ со всѣми своими оленями отправляется къ отдаленнѣйшимъ берегамъ моря, гдѣ онъ по извѣстнымъ временамъ въ году, занимается охотой или рыбною ловлею. Здѣсь стада поручаются надзору самоѣдскихъ пастуховъ и пасутся около отдѣльныхъ сборныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ хозяева ихъ бываютъ заняты охотой на морѣ. По этому-то жителей Пустозерска съ ихъ оленями чаще всего можно встрѣчать на морскихъ берегахъ, около устья Коротаихи, при Югрскомъ проливѣ и около Кары до области сибирскихъ Самоѣдовъ Карачейскаго племени; Нжемцы же, которыхъ никакія занятія не привлекаютъ къ этимъ берегамъ, никогда и не посѣщаютъ ихъ, а кочуютъ болѣе

внутри тундръ и не находятъ даже нужнымъ проникать далѣе на Сѣверъ.

Торговыя сношенія съ Пустозерскомъ производятся по величественной рѣкѣ Печорѣ и этимъ же путемъ пріѣзжаютъ сюда тѣ пермскіе купцы, съ которыми мы познакомились уже въ Ижмѣ и Устьцыльцѣ. Суда этихъ Пермяковъ спускаются сюда изъ Устьцыльмы въ исходѣ Іюня и въ началѣ Іюля, но часть ихъ уже къ концу Іюля же снова оставляетъ Пустозерскъ, потому что пріѣхавшіе на нихъ купцы, вымѣнявъ привезенные запасы свои на добычу первой рыбной ловли, возвращаются въ Устьцыльму, съ цѣлью забрать здѣсь и добычу второй ловли; другая же часть выжидаетъ окончанія второй ловли въ Пустозерскѣ и уѣзжаетъ отсюда не раньше какъ къ концу Августа, т. е. послѣ продажи остатковъ поймашной рыбы; нѣкоторые купцы, въ этомъ ожиданіи, остаются здѣсь даже до половины Сентября, послѣ чего они конечно должны торопиться, чтобы до закрытія рѣки успѣть возвратиться въ свой отдаленный отечественный городъ, тѣмъ болѣе, что возвратный путь, ведя вверхъ по рѣкѣ, бываетъ труденъ и продолжителенъ. Причина такого опаздыванія заключается въ обстоятельствахъ, которыми обусловливается ловъ семги и которыя часто оказываются благопріятными для рыбака не раньше какъ во время глубокой осени, такъ что иногда купецъ, прождавъ напрасно, долженъ возвращаться домой съ пустыми руками.

Эта-то неизвѣстность, которая сопровождаетъ вторую рыбную ловлю, и была причиною открытія торговыхъ сношеній съ Пинегомъ и Мезенью, куда жители Пустозерска, помощію своихъ оленей, зимнимъ путемъ

доставляютъ добычу позднято лова семги, которая не можетъ быть продана Чердынцамъ. Зимняя ярмарка въ Нижегѣ весьма важна для Пустозерска въ этомъ отношеніи, между тѣмъ какъ мезенская ярмарка, по причинамъ, изложеннымъ нами въ своемъ мѣстѣ, въ настоящее время почти совершенно потеряла свое значеніе. Судя по дальнему транспорту на сѣверныхъ оленяхъ, которые не въ состояніи тащить слишкомъ грузныхъ возовъ, надо бы было заключить, что товары на мѣстѣ назначенія значительно возвышаются въ цѣнѣ, но между тѣмъ этого не бываетъ, потому что цѣна пустозерской рыбы держится въ Нижегѣ извѣстной средины, т. е. пудъ семги стоитъ 10, а пудъ омыля 5 руб., такъ что товаръ, въ слѣдствіе провоза, становится дороже всего 1½ рублями на пудъ. Весьма понятно, что обстоятельство это возможно только при перевозкѣ товаровъ на оленяхъ, содержаніе которыхъ во время перевозки не требуетъ никакихъ издержекъ. Кромѣ рыбы изъ Пустозерска привозятся въ Нижегъ различные мѣха, которые покупаются преимущественно кагопольскими и галицкими купцами; въ прежнія же времена, когда мѣховъ было слишкомъ много и когда они не находили еще сбыта въ Нижѣ, статья эта привлекала сюда покупателей даже изъ Костромы. Далѣе сюда привозится полупушье, собираемое на Колгуевѣ и во всей Большеземельной тундрѣ до Карачейской земли; оно различается по сортамъ, которые, смотря по добротѣ, имѣютъ различныя цѣны; самое мягкое густое полупушье привозится съ полуострова Ямала и продается на Нижежской ярмаркѣ по 13 и 14 рублей за пудъ. Наконецъ небольшое количество моржовыхъ клы-

ковъ и окаменѣлой слоновой кости также принадлежитъ къ торговымъ статьямъ, привозимымъ изъ Пустозерска въ Пинегъ, гдѣ они сбываются Холмогорскимъ мѣщанамъ, которые выдѣлываютъ изъ нихъ разныя вещи.

Кромѣ того часть жителей Пустозерска ежегодно отправляется въ Обдорскъ, мѣстечко, извѣстное на Архангельскомъ сѣверѣ подъ именемъ *Посово* или *Посоваго Городка* и обязанное этимъ названіемъ положенію своему на продолговатомъ мысѣ, который образуется берегомъ рѣки. Путешествіе это, смотря по цѣли его, совершается въ два различныя времени года: осенью, или зимой, въ началѣ Января. Осенью путешествіе предпринимается съ цѣлью закупать осетровъ, которые ловятся прибрежными жителями Оби и которыхъ жители Пустозерска, вмѣстѣ съ семгою, привозятъ на Никольскую ярмарку въ Пинегъ, а Пижемцы на ярмарку, устраеваемую въ первой половинѣ Января около деревни Криво, на рѣкѣ Вашкѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Совершенно другую цѣль имѣютъ жители Пустозерска, когда они отправляются въ Обдорскъ зимою: тутъ они имѣютъ въ виду запастись необходимымъ для нихъ количествомъ муки, такъ какъ чердынскіе купцы привозятъ ея въ Пустозерскъ слишкомъ мало. Мѣстечко это, находясь подъ полярнымъ кругомъ, хотя также не имѣетъ своего зернового хлѣба, но за то, благодаря легкому сообщенію по р. Оби, оно снабжается мукою изъ хлѣбородныхъ сибирскихъ губерній и эта послѣдняя покупается здѣсь вдвое и даже втрое дешевле чѣмъ въ Пустозерскѣ, а именно рублемъ и даже 1 р. 20 к. на пудъ. Кромѣ того, во время зимняго пути и сибирскіе Самоѣды, особливо Карачейскаго пле-

мени, которые во множествѣ посѣщаютъ Крещенскую ярмарку въ Обдорскѣ, закупаютъ здѣсь окаменѣлую слоновую кость и гусиное полупушье, за которое на слѣдующее лѣто Чердынцы платятъ въ Пустозерскѣ по 11, а зимой въ Пинегѣ по 13 и 14 р. за пудъ. Дорога, по которой жители Пустозерска отправляются въ Обдорскъ, ведетъ, черезъ безлѣсную Большеземельную тундру, по прямому направленію, осенью, къ источникамъ Кары, гдѣ Уралъ переѣзжаютъ черезъ Щучій переходъ, а зимой къ источникамъ Узы и сибирской Соби или Подъяги, гдѣ лежитъ Большой горный переходъ, который впрочемъ сопряженъ съ такими большими опасностями для путешественниковъ, что онъ теперь уже совершенно оставленъ; вмѣсто него торговцы отыскали другой переходъ, который, находясь южнѣе, въ долинѣ Хойлы или Ельца, заставляетъ путешественниковъ дѣлать значительный кругъ, но который за то гораздо безопаснѣе.

Въ первой половинѣ Января Пустозерскъ посѣщается Самоѣдами Большой и Малой земли, которые здѣсь вносятъ своимъ старшинамъ слѣдуемый ясакъ и вымѣниваютъ свои продукты на необходимыя для нихъ вещи. Кромѣ того имъ отпускается изъ казенныхъ магазиновъ требуемое количество муки, соли и вина, по установленнымъ цѣнамъ. Порохъ и свинецъ Самоѣды до сихъ поръ все еще получали отъ жителей Пустозерска, но это вскорѣ прекратится, потому что для этихъ предметовъ устроены казенные магазины, какъ здѣсь, такъ и около Колвенской церкви. Наконецъ Самоѣды получаютъ отъ жителей Пустозерска необходимые для хозяйства желѣзные товары, также сукно, нюхатель-

ный табакъ и нѣкоторые другіе предметы, которыхъ нужда требуетъ отъ безграничной европейской прихоти. Товары, которые Самоѣды вымѣниваютъ на необходимыя для себя вещи, состоятъ почти исключительно въ мѣхахъ, между которыми песцовые занимаютъ первое мѣсто, тѣмъ болѣе, что ими даже платятъ ясакъ. На слѣдующій годъ мѣхъ этотъ покупается чердынскими купцами, и 25 процентовъ, получаемыхъ на этотъ товаръ по прошествіи полугодія, дѣлаетъ эту торговлю весьма выгодною для Пустозерска. Такимъ образомъ песцовый мѣхъ, привозимый Самоѣдомъ на ярмарку, покупается у него за 3 и за 4, а среднимъ числомъ за 3 р., смотря по достоинству мѣха; чердынскій же купецъ покупаетъ его изъ рукъ жителя Пустозерска нѣсколько дороже, потому что тогда средняя цѣна этому товару равняется уже $4\frac{1}{2}$ рублямъ; крестоватикъ, купленный за 70 или 80 коп., продается за 1 р. 25 коп., а обыкновенная лисица, вымѣненная на товаръ цѣною въ 8 или 10 рублей, сбывается въ третьи руки по 11 и 12 рублей. То же самое бываетъ и со всѣми другими мѣхами, которые впрочемъ поступаютъ въ продажу гораздо рѣже вышеприведенныхъ. Такъ напр. волкъ, который, вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія, сталъ появляться въ тундрахъ гораздо рѣже, покупается изъ первыхъ рукъ за 15 рублей, бѣлый медвѣдь—за 15 и 20, а обыкновенный бурый—за 30 рублей. Городокъ и Устье суть главныя мѣстечки, въ которыхъ сосредоточиваются сношенія жителей Пустозерска съ пріѣзжающими сюда Самоѣдами; безчисленныя палатки бываютъ въ это время раскинуты въ окрестностяхъ этихъ двухъ мѣстечекъ и сани, съ быстрыми оленями и укутанными въ мѣха пас-

санирами, во множествѣ разъѣзжаютъ по всѣмъ улицамъ оживленнаго Городка. Впрочемъ такая жизнь продолжается всего какихъ-нибудь двѣ недѣли, послѣ чего Самоѣды снова отправляются въ свои тундры, а жители Пустозерска предаются прежнему покою, т. е. всѣмъ наслажденіямъ домашней и семейной жизни, составляющей для сѣвернаго жителя главное счастіе, которое онъ готовитъ себѣ во время проводимаго въ занятіяхъ лѣта.

Разведеніе домашнихъ животныхъ въ Пустозерскѣ довольно ограничено; самую важную роль играетъ рогатый скотъ: здѣшнія коровы, происходящія отъ холмогорской породы, довольно рослы и даютъ много молока; между ними не замѣчается выраживанія племени. Безчисленные острова и низменности, потопляемые весенними наводненіями, доставляютъ стадамъ прекрасные и обильные луга, потому что они въ то же время даютъ возможность дѣлать запасы сѣна на зиму. Конская скотина, столь обыкновенная въ Устьцыльмѣ и Пижмѣ, здѣсь не встрѣчается; овецъ разводятъ здѣсь очень не много. Лошади здѣшнихъ обитателей отличаются своимъ ростомъ и крѣпкимъ сложеніемъ и образуютъ смѣсь русскихъ лошадей съ жеребцомъ датскаго происхожденія, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ приведенъ сюда изъ Мезени съ цѣлію облагородить племя.—Изъ домашнихъ птицъ, кромѣ куръ, здѣсь ничего не держатъ.

Что касается до произведеній царства растительнаго, которыя бы въ домашнемъ быту находили какое-нибудь употребленіе, то скудная почва Пустозерска не производитъ ничего важнаго. Морошка составляетъ лю-

бимое лакомство здѣшнихъ жителей въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, но уже нѣсколько лѣтъ сряду она была настигаема морозами. Растеніе Empetrum nigrum, названное по цвѣту его плодовъ воронцей, а въ другихъ мѣстахъ водянцей (по сладковатому соку ягодъ), болѣе можетъ противиться ночнымъ морозамъ и, не смотря на странный горьковато-сладкій вкусъ его ягодъ, не только служитъ десертомъ для неизбалованнаго сѣвернаго жителя, но даже находитъ важнѣйшее употребленіе, потому что имъ питаются бѣднѣйшіе жители, которые собираютъ ягоды эти въ бочкахъ, подвергаютъ ихъ дѣйствію мороза, отчего онѣ дѣлаются вкуснѣе, и сберегаютъ такимъ образомъ на зиму. Къ такому же средству прибѣгаетъ и бѣдное народонаселеніе въ Пижмѣ и Усть-цыльмѣ, гдѣ въ этомъ отношеніи, большую роль играютъ также грибы, ростущіе во множествѣ въ окрестностяхъ Пустозерска. Въ Устьѣ пытались разводить рѣдьку, но корни получались отъ нея величиною не больше цѣлковаго. Вмѣсто китайскихъ чаевъ, около Пустозерска ростетъ Tanacetum vulgare, которое собирается бѣднѣйшими обитателями этого городка и пьется въ отварѣ, причемъ потребители его, которымъ южные листья кажутся слишкомъ дорогими, успокоиваютъ себя мыслію, что трава эта не уступаетъ во вкусѣ китайскому растенію. Кромѣ того здѣсь ростетъ суррогатъ растенія, Cochlearia Armoracia; трава, о которой я могу сказать только то, что коренья ея, будучи толщиною съ гусиное перо, называются хрѣномъ и, подобно послѣднему, употребляются для приправы кушанья.

Извѣстія, которыя я получилъ въ Пустозерскѣ на счетъ загадочныхъ жилищъ Чуди, уже сообщены мною

выше: тѣ люди, которые могли бы дать мнѣ объ этомъ предметѣ подробныя свѣдѣнія, находились въ отсутствіи, потому что были заняты рыбной ловлей около устья Печоры; вообще всѣ мѣстечки были при мнѣ довольно пусты: мужчины и женщины, не участвовавшіе въ рыбной ловлѣ, были заняты косьбою сѣна, а сѣнокосъ здѣсь бываетъ большею частію въ концѣ Августа и притомъ довольно далеко отъ городка, такъ что работники отправляются туда обыкновенно на цѣлую недѣлю, возвращаясь домой только на воскресенье. Поэтому-то мнѣ не удалось также видѣть тѣхъ предметовъ, которые собираются рыбаками во время ихъ пребыванія на морскихъ берегахъ и привозятся въ Пустозерскъ. Эти предметы суть: каменный или бурый уголь, который мѣстами выбрасывается моремъ на берегъ и который потому извѣстенъ здѣсь подъ именемъ морскаго угля; кромѣ того нѣсколько кусочковъ янтаря, который у промышленниковъ называется морскимъ ладаномъ, и наконецъ красноватая жидкость, извѣстная подъ именемъ морскаго масла и получаемая въ небольшомъ количествѣ изъ слизи, которая выбрасывается на берегъ или попадается въ рыбачьи сѣти. Жидкость эта тщательно собирается въ бутылки и привезится въ Пустозерскъ, гдѣ она служитъ средствомъ противъ ревматизмовъ, а также противъ наружныхъ болѣзней и ранъ.

3 Сентября я велѣлъ около Устья копать землю, чтобы узнать, на какой глубинѣ находится подземная ледяная кора. Такъ какъ мѣстечко это подвержено ежегоднымъ наводненіямъ, которыя, въ слѣдствіе остающейся послѣ нихъ сырости, имѣютъ вліяніе на искомое отношеніе, то я избралъ мѣстомъ изслѣдованія сосѣднюю

солнечную равницу, которая не подвержена дѣйствію наводненій и которой песчаная зыбкая почва покрыта плотнымъ дерномъ, между тѣмъ какъ окрестности ея образуются изъ голыхъ песчаныхъ равнинъ. Наносный песокъ въ этомъ мѣстѣ, по всей вѣроятности, уже очень давно укрѣпился подъ покрывающимъ его дерномъ, потому что тонкіе слои его неоднократно перемежались слоями чернозема, которые, хотя и засыпались отъ времени до времени находящимся по сосѣдству пескомъ, однакожъ, благодаря появляющейся на немъ растительности, снова воспроизводились. На глубинѣ около $2\frac{1}{2}$ англ. футовъ, эти слои чернозема изчезли, уступивъ свое мѣсто свободному кварцовому песку, который простирался на $5\frac{1}{2}$ футовъ въ глубину и подъ которымъ непосредственно находился предметъ нашихъ поисковъ — ледяная кора. Такъ какъ теперь работу нельзя было продолжать обыкновенными лопатами, а ломовъ добыть было не-гдѣ, то работники мои взялись за топоры, однакожъ мерзлый песокъ вскорѣ до того окрѣпъ, что онъ при каждомъ ударѣ топоромъ издавалъ искры; это насъ заставило отложить трудъ свой, тѣмъ болѣе, что не было никакой надежды въ скоромъ времени проломить замерзшіе слои земли. Неудовлетворенный произведеннымъ опытомъ, я обратился съ распросами къ жителямъ этого мѣстечка, чтобы узнать, нельзя-ли здѣсь пріобрѣсть какія-нибудь свѣдѣнія на счетъ толщины подземнаго льда. Изъ этихъ освѣдомленій я на первый случай узналъ, что глубина, на которой я самъ нашелъ ледяную кору, вообще считается необыкновенною и что ее съ одной стороны должно приписать сухости наносной песчаной почвы и положенію ея на соли-

цѣлъ, а съ другой — позднему времени года и необыкновенно теплому лѣту. И дѣйствительно, нѣкоторые старики увѣряли меня, что они запомнятъ одно только лѣто, которое, по продолжительной теплотѣ и сухости воздуха, можно бы быть сравниваемо съ настоящимъ, потому что даже умѣренная теплота лѣтнихъ дней въ этомъ году была для сѣверныхъ жителей такъ тягостна, что многіе по нѣскольку разъ обливались холодной водой и купались въ рѣкѣ, между тѣмъ какъ въ обыкновенные годы они даже не думаютъ объ этомъ. Обыкновенная глубина, на какой устьинскіе жители, при копаніи погреба или колодеза, встрѣчаютъ замерзшій слой земли, равняется отъ 1½ до 2 аршинъ. Замерзшую полпочву вездѣ образуетъ чистый песокъ, въ которомъ работа производится топорами; но такъ какъ это требуетъ много времени и инструментовъ, то въ настоящее время прибѣгаютъ къ помощи огня, который гораздо легче и скорѣй приводитъ къ цѣли. Для этого яма къ ночи наполняется дровами, которыя зажигаются, и огонь поддерживается въ продолженіе всей ночи, отчего замерзшая почва размягчается до извѣстной глубины, такъ что на слѣдующее утро остается только очистить яму отъ разстаявшей земли. Такимъ образомъ работа эта продолжается до тѣхъ поръ, пока погребъ не получитъ надлежащей глубины и ширины, или если вырываютъ колодезь, то до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится водяная жила, которая, протекая сквозь замерзшую землю, наполняетъ колодезь съ боку. Между многими колодезями различной глубины, о которыхъ я получилъ свѣдѣнія, только одинъ имѣлъ такую глубину, что можно было судить о толщинѣ подземной ледяной коры; колодезь

этотъ былъ вырытъ уже давно однимъ старымъ устьинскимъ жителемъ, по имени Михайло Павловъ, который мнѣ самъ объ этомъ разсказывалъ. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина работники проникли до замерзшаго слоя, въ которомъ работа продолжалась упорно до значительной глубины, но между тѣмъ вода все еще не показывалась. Наконецъ, когда уже прокопали яму въ 9 саж. глубины, топоръ вдругъ ушелъ въ лежащую подъ ледяной корой мягкую землю и длинный шестъ, воткнутый перпендикулярно въ вязкую почву, не встрѣтилъ никакого сопротивленія; когда же шестъ былъ вынутъ, вода вдругъ хлынула сквозь сдѣланное отверстіе и притомъ съ такой быстротой, что работники едва имѣли время выйти изъ ямы; вода заняла $\frac{2}{3}$ всей глубины колодеза. Въ слѣдствіе этой работы замерзшій слой земли былъ проломленъ, кажется, во всей толщинѣ его, такъ что эта послѣдняя, около Пустозерска, равняется $25\frac{1}{3}$ арш. или 60 англ. футамъ. Изъ всѣхъ описанныхъ нами работъ, о которыхъ я получилъ подробныя извѣстія, оказывается, что почва около Пустозерска никогда не таетъ до значительной глубины, такъ что эта послѣдняя, въ разные годы и въ разныхъ мѣстностяхъ, доходитъ до 5 ф.

Около Пустозерска рѣка Печора освобождается отъ ледянаго покрывала въ послѣднихъ числахъ Мая или чаще въ первой половинѣ Іюня, а покрывается льдомъ обыкновенно въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября; въ иные годы рѣка становилась уже въ половинѣ Сентября, а за то были годы, въ которые она покрывалась льдомъ четырмя недѣлями позже. Въ 1813 г. окрестныя озера не освобождались отъ своего ледяна-

го покрывала въ продолженіе всего лѣта, такъ что жители Устья отправлялись въ Городокъ по льду. Въ одномъ изъ слѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ, въ 1814 или 1815—въ которомъ именно, этого мнѣ не могли достовѣрно сказать, но вѣроятнѣе, что въ послѣднемъ — рѣка вскрылась только еще 14 Іюня; озера въ продолженіе всего лѣта сохраняли ледяное покрывало и только по краямъ, въ ширину какой-нибудь сажени отъ берега, воды были свободны ото льда; оттого въ тотъ годъ около Пустозерска не видать было ни одной семги. Послѣ умѣреннаго лѣта, слѣдовавшаго за этимъ годомъ, былъ опять такой годъ, въ который рѣка разошлась только еще 16 Іюня. Въ нынѣшнемъ году Печора вскрылась 5 Іюня. Надо еще замѣтить, что за суровыми лѣтами, о которыхъ мы сейчасъ говорили, слѣдовали необыкновенные зимніе холода. Въ одну изъ такихъ зимъ, какъ мнѣ разсказывали, замерзли всѣ лѣса около Пустозерска, такъ что всѣ деревья, которыя теперь здѣсь встрѣчаются, начиная съ высокихъ ивовыхъ кустарниковъ до елей, суть ничто иное какъ молодые потомки прежнихъ старыхъ деревьевъ. Этимъ разсказомъ вполнѣ подтверждается мнѣніе, которое у меня, послѣ нѣкоторыхъ наблюденій за обстоятельствами, имѣющими вліяніе на высыханіе деревьевъ около лѣсныхъ границъ, уже прежде перешло въ убѣжденіе, а именно, что это замѣчательное явленіе зависитъ единственно отъ необыкновенно сильныхъ холодовъ, которые, будучи сопровождаемы вѣтрами, уничтожаютъ цѣлыя лѣсныя пространства.

4 Сентября я совершилъ поѣздку въ Городокъ. Мы сѣли въ лодку и, проѣхавъ съ версту вверхъ по узенькому каналу, на которомъ это мѣстечко находится, очу-

тились около владенія его въ озеро Пустое или, говоря словами Архангельца, вошли въ устье, по которому носитъ свое названіе мѣстечко Устье, между тѣмъ какъ озеро Пустое, названное такъ потому, что въ немъ не водилось цѣнныхъ рыбъ, дало свое названіе другому, главному мѣстечку — Пустозерскому Городку. Легкій челнокъ, скользя по гладкому зеркалу озера, скоро привелъ насъ къ цѣли нашей поѣздки, и мы вышли около сѣвернаго конца мѣстечка на плоскій песчаный берегъ. Первое, что представилось здѣсь глазамъ нашимъ, было пустынное кладбище, на которомъ кости мертвецовъ мало по малу выходятъ наружу и разбрасываются вѣтромъ во всѣ стороны. Каждое дуновеніе вѣтра подымаетъ зыбучій песокъ, который, развѣваясь по всему мѣстечку, долетаетъ до жителей и невольно заставляетъ каждаго вспомнить, что и ему не миновать того мѣста, откуда летитъ песокъ. Къ этой унылой картинѣ присоединяется еще воздвигнутый по сосѣдству деревянный крестъ, окруженный высокимъ заборомъ изъ досокъ и украшенный разными фигурчатыми арабесками; это древній памятникъ, который у прибрежныхъ жителей почитается подъ именемъ Аввакумскаго креста и съ которымъ связано историческое преданіе.

Находясь на береговомъ мысѣ, выдающемся въ озеро Пустое, мѣстечко это съ трехъ сторонъ окружено водою, такъ что во время наводненія или вообще, когда вода наприбыли, оно совершенно отдѣляется отъ материка и представляетъ настоящій островъ, который впрочемъ никогда не потопляется водою. Пепельносѣрые домы, разбросанные на песчаныхъ равнинахъ, безлюдныя ули-

цы, все это отнюдь не соотвѣтствовало той веселой наружности, которая представлялась намъ издали. Не менѣе четырехъ церквей тѣснятся здѣсь на одномъ мѣстѣ; изъ нихъ двѣ уже такъ ветхи и гнилы, что ежедневно угрожаютъ своимъ разрушеніемъ, почему предположено было сломать ихъ и построить на томъ же мѣстѣ новую, такую же деревянную церковь, постройка которой уже нынѣшнее лѣто должна бы быть окончена. Такимъ образомъ это маленькое мѣстечко, заключающее въ себѣ всего 47 душъ муж. пола, все еще будетъ имѣть три церкви. Кромѣ этой новой церкви, мнѣ показали еще два небольшихъ деревянныхъ зданія, которыя также еще не были достроены и изъ которыхъ одно предназначалось для склада водки, а другое для соляного магазина. Эти магазины состоялись для Пустозерска только еще въ прошломъ году (1836), и для надзора за ними еще только весьма недавно присланы сюда отъ Правительства два чиновника. Предметы, которые, согласно предписанію, отпускались изъ этихъ магазиновъ преимущественно Самоѣдамъ, а также постояннымъ жителямъ Пустозерска, были: ржаная мука, соль и водка; въ послѣдствіи къ нимъ должны присоединиться также свинецъ и порохъ. Въ прошломъ году Пустозерцамъ и Самоѣдамъ было роздано около 6000 пудъ муки по весьма умѣренной цѣнѣ (по 2 р. пудъ), но количество это далеко не удовлетворило требованія Пустозерцевъ, несмотря на то, что изъ всей этой массы на долю Самоѣдовъ пришлась только самая малая часть. Соль, количество которой совершенно покрыло нужду Пустозерцевъ (такъ какъ ея ежегодно могло быть роздано отъ 4 до 6000 п.), продавалась Русскимъ по 2 р. 40 к., а Самоѣдамъ,

употребляющимъ ее въ гораздо меньшемъ количествѣ, по 2 р. 24 к. за пудъ. Изъ 6000 ведеръ водки, находившихся въ прошломъ году въ запасѣ, истреблена только половина. Эти магазины могутъ считаться учрежденіемъ въ высшей степени благодѣтельнымъ не только для Пустозерска, но и для всѣхъ обитателей тундры, потому что, благодаря имъ, житель отдаленнаго сѣвера добываетъ себѣ самыя необходимыя жизненныя потребности прямымъ путемъ и по возможно - умѣреннымъ цѣнамъ, между тѣмъ какъ безъ магазиновъ бѣдный Самоѣдъ не иначе можетъ пріобрѣтать самое необходимое, какъ совершая дальнія поѣздки и подвергаясь произволу и обманамъ продавцевъ. Изъ этого замѣчанія я менѣе всего исключаю водочный магазинъ, потому что съ одной стороны легкое пріобрѣтеніе этого пагубнаго товара покрайней мѣрѣ избавитъ бѣдныхъ Самоѣдовъ отъ невѣроятнаго лихоимства, съ которымъ сопряженъ тайный ввозъ водки въ тундры и для устраненія котораго Правительство, при всемъ желаніи, ничего не можетъ сдѣлать; а съ другой, открытая продажа вина лучше всякихъ запрещеній и увѣщаній умѣритъ въ Самоѣдахъ страсть къ этому напитку.

Отъ магазиновъ насъ повели къ ветхому деревянному домику, вмѣщавшему въ себѣ нѣкогда Воеводскую Канцелярію, которая, какъ намъ разсказывали, упразднена не болѣе 60 лѣтъ тому назадъ и архивы которой, содержаніе можетъ быть не одинъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Пустозерска и Самоѣдовъ, до сихъ поръ еще хранятся здѣсь.

Пустозерскій Острогъ, подъ именемъ котораго надо понимать мѣстечко, названное теперь Пустозерскимъ

городкомъ, основанъ, какъ извѣстно, въ началѣ XVI вѣка и имѣлъ цѣлью защитить вдѣшнихъ русскихъ поселенцевъ отъ частыхъ набѣговъ сибирскихъ Самоѣдовъ, которые въ то время были далеко не такъ миролюбивы, какъ нынѣшніе единоплеменники ихъ, кочующіе въ Архангельской губ. Средства, какими Пустозерскъ обладалъ для отраженія этихъ набѣговъ, намъ въ подробности неизвѣстны; но такъ какъ мы знаемъ, что сибирскіе остроги, защищаемые весьма небольшимъ гарнизономъ и деревянной стѣной, были въ состояніи отражать цѣлыя толпы хищниковъ, потому что послѣдніе, будучи вооружены одними стрѣлами, ничего важнаго не могли предпринимать,—то надо полагать, что и пустозерскіе жители не имѣли лучшей обороны, тѣмъ болѣе, что отъ нея не осталось никакихъ слѣдовъ. Но какъ бы то ни было, достовѣрно извѣстно, что острогъ для русскихъ поселенцевъ всегда составлялъ надежный оплотъ противъ разбоевъ Самоѣдовъ племени Харуци и что набѣги со стороны послѣднихъ продолжались до половины прошедшаго столѣтія, т. е. до 1746 г., когда гарнизонъ, вспомоществуемый всѣми Пустозерцами, способными носить оружіе, и нѣкоторыми Самоѣдами, окончательно отразили ихъ, давъ имъ рѣшительный отпоръ. (1)

Впрочемъ не надо думать, чтобы жители Пустозерска были въ однихъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Самоѣдами; напротивъ того, выгодныя торговыя сношенія уже давно заставили ихъ сблизиться не только съ европейскими номадами, но и съ сибирскими ихъ единоплеменниками, кочевья которыхъ простирались до го-

(1) Лепехина путеш. Т. IV стр. 279.

ролка Мангазеи. Самоѣды постоянно каждую зиму посѣщали Пустозерскъ, и притомъ въ гораздо большемъ числѣ, нежели теперь. Извѣстіями, сохранившимися на счетъ состоянія этихъ странъ и въ особенности на счетъ торговыхъ сношеній ихъ, мы обязаны агентамъ Англійской компаніи торговли съ Россіею, которые сносились съ Пустозерскомъ съ 1511 до 1614 г. и даже прожили въ немъ двѣ зимы (1). Одинъ изъ этихъ агентовъ, по имени Josias Logan, говоритъ, что число Самоѣдовъ, стекавшихся въ то время на зимнюю ярмарку въ Пустозерскъ, доходило до 3.000 (2); очень можетъ быть, что это показаніе преувеличено, потому что другой агентъ, по имени William Pursglove, насчитываетъ всего 8—900 самоѣдскихъ посѣтителей (3), но вѣдь и послѣдняя цифра довольно велика. Они привозили съ собой тѣже самые предметы, которые и теперь составляютъ ихъ богатство, т. е. мѣха, но только въ то время между ними попадались также сибирскіе бобры и дорогіе мангазейскіе соболи, которыхъ ловили не только сибирскіе номады, продававшіе ихъ Пермякамъ, но и кочующіе въ Уральскихъ горахъ европейскіе Самоѣды. Послѣдніе для этой цѣли всякій годъ отправлялись въ Мангазею и доставшуюся имъ здѣсь добычу продавали частію въ Пустозерскѣ, частію на славившейся въ то время мезен-

---

(1) Извѣстія эти помѣщены въ большомъ англійскомъ сборникѣ всѣхъ древнѣйшихъ путешествій Purchas his Pilgrims T. III стр. 530—556 Отрывокъ изъ этого сборника, заключающій въ себѣ самое главное, помѣщенъ мною въ Прибавл. II Тома.

(2) Purch. Pilgr. T. III стр. 546.

(3) Тамъ же стр. 548.

ской ярмаркѣ (1). Второстепенную роль въ этой торговлѣ играла окаменѣлая слоновая кость, которая привозилась въ Пустозерскъ въ весьма небольшомъ количествѣ, а также куски весьма цѣннаго въ то время горнаго хрусталя, который попадался въ кварцовыхъ породахъ арктическаго Урала и на берегахъ и островахъ Карскаго моря (2).

Жители Пустозерска въ свою очередь предпринимали торговыя путешествія черезъ тундры Самоѣдовъ въ Угорію, или черезъ тундры, лежащія около арктическаго и полярнаго Урала, въ Обдорскъ и Мангазею; но вражда, возникшая между восточными Самоѣдами и западными ихъ единоплеменниками, иногда уменьшала выгоды, которыя представлялись купцамъ отъ этихъ путешествій, потому что она положила границы сношенію съ враждебными областями. Въ слѣдствіе этой вражды и Самоѣды гораздо рѣже начали посѣщать Пустозерскъ; сибирскіе продукты, которые прежде привозились сюда для продажи, какъ напр. бобры, соболи, окаменѣлая слоновая кость и т. п., теперь попадались только изрѣдка и могли быть пріобрѣтаемы только за весьма дорогую цѣну, потому что торговыя сношенія европейскихъ Самоѣдовъ съ сибирскими ихъ единоплеменниками были прерваны. Другое путешествіе, которое также имѣло цѣлью мѣновую торговлю съ Самоѣдами, предпринималось жителями Пустозерска къ зимнимъ кочевьямъ номадовъ, въ лѣсную страну Больше-

(1) Тамъ же стр. 340.

(2) Witsen Noord en Oost Tartarye. стр. 358. — Linschoten въ Адедунгов. мореплав. стр. 143 и слѣд. — Purch. Pilgr. III p. 346.

земелья, гдѣ мѣстечко Роговой Городокъ, лежащее на рѣкѣ Хырморѣ или Большой Роговой, служило нѣкогда складочнымъ пунктомъ для запрещенныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Сибири. Мѣстечко это обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что Правительство къ концу XVI вѣка учредило таможни въ Березовѣ, Верхотурьѣ и другихъ небольшихъ сѣверныхъ городахъ Сибири. W. Gourdon of Hull вкратцѣ описываетъ одно изъ такихъ торговыхъ путешествій въ Роговой Городокъ, въ которомъ онъ самъ участвовалъ зимой 1614 г.(1). Наконецъ Пустозерцы ѣздили также въ Мезень, Пинегъ и Холмогоры, отвозя на тамошнія ярмарки вымѣненные у Самоѣдовъ товары; впрочемъ въ то время вывозъ этотъ производился большею частію иногородными купцами Вологодской и Архангельской губерній, которые постоянно каждую зиму пріѣзжали въ Пустозерскъ закупать товары, частію изъ первыхъ рукъ у Самоѣдовъ, частію же у Пустозерцевъ, такъ какъ послѣдніе, судя по разсказамъ Герберштейна (2), были еще такъ просты, что даже не знали цѣны своимъ дорогимъ товарамъ, потому что они, во время счастливой ловли, продавали пудъ семги за три пенса, между тѣмъ какъ теперь тотъ же пудъ стоитъ minimum 8 рублей. Точно также пудъ мелкаго гусинаго пуха продавали, на чистыя деньги, по 7 и 8 алтыновъ, а пудъ перьевъ бѣлой куропатки—всего по 2 пенса (3). Но времена и нравы мѣняются и теперь во всей обширной Россіи едва-ли найдутся крестьяне, которые превзо-

(1) Purch. Pilgr. III 553—556.

(2) Herberstein, rerum moscovit. comment. стр. 81.

(3) Purch. Pilgr. III стр. 536. 537.

шли бы Пустозерцевъ своею смѣтливостію и оборотливостію.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. за слишкомъ два столѣтія тому назадъ и морская торговля Пустозерска была гораздо значительнѣе, нежели теперь, потому что изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что сѣверные жители, для пріобрѣтенія дорогихъ соболей, ѣздили въ Мангазею не только сухимъ путемъ, но и по-морю. Путь, которому они при этомъ слѣдовали, подробно описанъ зимовавшими въ Пустозерскѣ Англичанами. Предпріимчивые купцы отправлялись на своихъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая вмѣщала въ себѣ отъ 12 до 30 человѣкъ, вдоль береговъ Большой Земли на востокъ, чрезъ Югорскій проливъ, объѣзжали потомъ низменный берегъ Карскаго залива до устья рѣки Мутной, которая, протекая по Ямалу (т. е. оконечность земли, отъ я—земля, и малъ—конецъ), обитаемому Самоѣдами изъ племени Харуци, вливается въ Карское море подъ 70° с. ш. Здѣсь они въ продолженіе 8 дней бугсировали свои ладьи вверхъ по рѣкѣ, пока не добирались до двухъ озеръ, которыя простирались на 10 — 12 англ. миль въ длину и которыя они проплывали обыкновенно въ 24 часа; послѣ чего выѣзжали на-волокъ (имѣвшій до 200 саж., а по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже около 2 верстъ ширины), гдѣ ладьи общими силами промышленниковъ перетаскивались къ третьему озеру, *Зеленому*, дающему начало рѣкѣ того же имени, которая въ верхнемъ своемъ теченіи имѣетъ столько отмелей, что промышленники безпрестанно должны были разгружать свои ладьи, отчего плаваніе ихъ по этой рѣкѣ, до впаденія ея въ Обскую

губу, продолжалось обыкновенно 10 дней. Оттуда они пускались вдоль морскаго берега до устья р. Таза, которая уже прямо вела въ городокъ Мангазею. Плаваніе по Тазу, при попутномъ вѣтрѣ, продолжалось четыре, а при обыкновенной ѣздѣ, съ помощію веселъ, — отъ 8 до 12 дней. Впрочемъ городокъ Мангазея отнюдь не служилъ предѣломъ предпріимчивому духу промышленниковъ, потому что послѣдніе подымались по Тазу далеко выше Мангазеи, проникали черезъ болотистый волокъ въ Волочанку, а отсюда въ Туруханъ до городка Туруханска, лежащаго при впаденіи Туруханска въ Енисей.

Въ этихъ морскихъ путешествіяхъ, совершеніе которыхъ по справедливости заслуживаетъ нашего удивленія, участвовали не только Пустозерцы, но и жители разныхъ другихъ городовъ, особливо Вологодцы, Устюжцы, Холмогорцы и Мезенцы, такъ что иногда ладьи ихъ, собравшись вмѣстѣ для одной и той же цѣли, составляли цѣлую флотилію. Первые опыты подобныхъ предпріятій были произведены вѣроятно въ началѣ XVI вѣка, потому что Josias Logan разсказываетъ намъ, будто онъ говорилъ съ однимъ Русскимъ, который хвалился тѣмъ, что онъ первый совершилъ путешествіе въ Мангазею по описанному нами пути (1). Статьи, которыя отвозились туда для торговли съ Самоѣдами, были: ржаная и овсяная мука, соль, масло (?), нѣсколько выдѣланной кожи, сукна и т. п., въ замѣнъ чего получались преимущественно соболи и другіе мѣха, а также окаменѣлая слоновая кость (2).

---

(1) Purch. Pilgr. III стр. 543.

(2) Тамъ же стр. 537.

Эта-то мѣновая торговля съ Самоѣдами, которая безпрестанно становилась обширѣе, и была причиною того, что въ Пустозерскъ начало стекаться множество купцовъ, обстоятельство, имѣвшее весьма благодѣтельное вліяніе на состояніе волости; и мы видимъ, что жители Пустозерска мало по малу не только входили въ торговыя сношенія съ восточными сосѣдями своими, какъ близкими, такъ и дальними, но даже начали посѣщать западныя ярмарки въ Мезени и на р. Двинѣ, чтобы сбывать тамъ свои мѣха и цѣнную рыбу, безъ посредничества иностранныхъ купцовъ, которые въ слѣдствіе этого гораздо рѣже начали показываться въ отдаленныхъ странахъ, лежащихъ по теченію Печоры. Но съ другой стороны цвѣтущее состояніе, въ которомъ Пустозерскъ находился въ началѣ XVII столѣтія, необходимо должно было привлечь сюда жителей другихъ городовъ и мѣстечекъ, и это вѣроятно было въ то самое время, когда постепенно начали возникать различныя селенія Пустозерской волости, которыя нашли себѣ обывателей въ пограничныхъ южныхъ и западныхъ полосахъ земли. Пе́рвыми поселенцами Пустозерска были Новгородцы, которымъ вся Архангельская губернія обязана большею частію своего русскаго народонаселенія и къ которымъ въ послѣдствіи присоединились уцѣлѣвшіе остатки аборигеновъ чудскаго племени, весьма скоро слившихся со Славянами.

Въ слѣдствіе такого описанія Пустозерска въ цвѣтущемъ его состояніи, невольно рождается вопросъ, что было причиною постепеннаго паденія этого богатаго нѣкогда городка? Отвѣтъ: первою и главною причиною тому было перемѣщеніе города Старой Мангазеи въ Туруханскъ, потому что оно разомъ положило конецъ всѣмъ

морскимъ путешествіямъ и торговымъ сношеніямъ съ Востокомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посѣщеніямъ Пустозерска иногородными купцами. Запрещеніе переплывать Вайгачскій проливъ, изданное Правительствомъ съ цѣлію воспрепятствовать безпошлинному ввозу сибирскихъ товаровъ и вообще устранить всѣ торговыя сношенія съ Востокомъ, не могло имѣть большаго вліянія на паденіе Пустозерска, потому что ему, какъ видно, очень мало слѣдовали. Что же касается до таможенъ, то онѣ, напротивъ того, были весьма благопріятны для жителей Пустозерска; поэтому вторую причину паденія послѣдняго должно искать въ уничтоженіи этихъ таможенъ, такъ какъ учрежденію ихъ описанный нами морской путь, можетъ быть, обязанъ первымъ своимъ открытіемъ. Третья причина заключается въ томъ, что внутреннія страны Сибири начали сноситься съ Обдорскимъ городкомъ посредствомъ рѣки Оби, въ слѣдствіе чего кочующіе тамъ Самоѣды нашли средство сбывать свои произведенія выгоднѣе и гораздо ближайшимъ путемъ, а мѣновую свою торговлю съ югорскими Самоѣдами, отправлявшимися каждую зиму въ Пустозерскъ, совершенно оставили, такъ что у послѣднихъ вскорѣ вовсе не стало сибирскихъ товаровъ. Въ новѣйшее время Пустозерскъ значительно пострадалъ въ слѣдствіе учрежденія въ Обдорскѣ зимней ярмарки, которая отвлекаетъ отъ него большую часть сибирскихъ Самоѣдовъ. Наконецъ замѣчаютъ, что рыбная ловля и охота за морскими животными годъ отъ году становится неудачнѣе, а потому насъ не должно удивлять, если съ постепеннымъ изсяканіемъ этихъ источниковъ дохода, обусловливающихъ существованіе сѣверной колоніи, силы этой по-

слѣдней также мало по малу изчезаютъ и самый городокъ теряетъ свое прежнее значеніе. Однакожъ довольно о прошедшемъ! пора возвратиться къ настоящему нашему пребыванію въ Пустозерскѣ.

Извѣстіе о моемъ присутствіи въ Городкѣ, вѣроятно, тотчасъ же распространилось между здѣшними жителями, потому что какой-то почтенный старикъ, въ то самое время, какъ мы проходили мимо его дома, вышелъ на лѣстницу и ласково просилъ насъ посѣтить его жилище. Просторная жилая комната, въ которую мы вошли, была чистенька и если не со вкусомъ, то покрайней мѣрѣ достаточно меблирована. По стѣнамъ висѣли умѣренной величины зеркала и множество пестрыхъ картинъ, приклеенныхъ одна подлѣ другой безъ всякаго порядка, какъ случай сводилъ ихъ; оттого, подлѣ изображенія какого-нибудь кровопролитнаго сраженія, вы вдругъ видите картину, представляющую мирную выставку товаровъ въ Москвѣ, или подлѣ карикатурнаго изображенія какого-нибудь историческаго героя — портретъ архіепископа, въ близи котораго красуется какая-нибудь турецкая одалиска. Почетный уголъ комнаты былъ уставленъ иконами, передъ которыми горѣла неугасаемая лампада. Надъ дверьми находилось нѣсколько полокъ, уставленныхъ оловянною и глиняною посудою; на столѣ, покрытомъ чистою скатертью изъ тонкаго полотна, стоялъ мѣдный хорошо выполированный самоваръ, безъ котораго здѣсь ни одинъ крестьянинъ не можетъ похвалиться благоустроеннымъ хозяйствомъ. Все это убранство, повидимому, имѣло цѣлью показать гостю благосостояніе дома. Послѣ непродолжительной бесѣды хозяинъ началъ угощать

насъ разными лакомствами, какъ-то: изюмомъ, прянниками и другими городскими печеніями, а также кедровыми орѣхами, извѣстными здѣсь подъ именемъ чердынскихъ орѣшковъ; при десертахъ такого рода, какъ и вообще при каждомъ пріемѣ гостей, въ какое бы время дня это ни было, графинъ съ водкой или ромомъ составляетъ необходимую принадлежность. Вскорѣ подали и чай, безъ котораго угощеніе дорогаго гостя считается не полнымъ и которой разносится самой хозяйкой въ красивомъ сервизѣ изъ тонкаго московскаго фарфора. По русскому обычаю хозяинъ съ хозяйкою, извиняясь передъ дорогимъ гостемъ въ томъ, что не могутъ угостить его чѣмъ-нибудь лучшимъ, безпрестанно уговариваютъ принять предлагаемое; гость, которому очень хорошо извѣстенъ этотъ обычай, благодаритъ за радушіе и съ намѣреніемъ отказывается отъ угощенія, зная очень хорошо, что ласковые хозяева не отстанутъ отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не возметъ предлагаемаго. Въ безпрестанныхъ угощеніяхъ и бесѣдѣ съ разумнымъ старикомъ, нашимъ хозяиномъ, мы и не замѣтили, какъ прошло время, и только наступленіе вечера напомнило намъ, что пора возвратиться домой. Простившись со своими радушными хозяевами, мы сѣли въ лодку и покатили обратно къ Устьинской слободкѣ. Вечеръ былъ тихій и теплый, но на восточномъ горизонтѣ показывались грозныя тучи; въ продолженіе всѣхъ этихъ дней дулъ западный вѣтеръ, бывшій причиною теплой и ясной погоды, только изрѣдка смѣнявшейся непродолжительными проливными дождями. Въ послѣднія двѣ ночи было яркое сѣверное сіяніе. По всѣмъ признакамъ

надо было ожидать перемѣны вѣтра на слѣдующій день.

Пятое Сентября мы провели въ различныхъ занятіяхъ, задержавшихъ насъ въ Пустозерскѣ. Вечеромъ я отправился къ мѣщанину Михайлу Павлову, изъ разсказовъ котораго я уже прежде почерпнулъ нѣсколько драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ этой странѣ и ея обитателяхъ. Такъ какъ это былъ день воскресный, то я нашелъ у него общество пустозерскихъ красавицъ, которыя, будучи разряжены въ праздничныхъ костюмахъ, составляли посреди комнаты кружокъ и угощались чердынскими орѣхами, пряниками и чаемъ, потому что хлопотунья— хозяйка безпрестанно подносила имъ то одно, то другое. Не желая своимъ присутствіемъ стѣснять это робкое общество пустозерскихъ дамъ, я раскланялся со всѣми присутствовавшими и отправился въ свое жилище, гдѣ приказалъ своимъ людямъ приготовиться на завтрешнее утро къ отъѣзду.

Но до оставленія мною Пустозерска, я думаю занять своего читателя, сообщивъ ему еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Самоѣдахъ, и притомъ такія, которыя послужатъ существеннымъ дополненіемъ ко всѣмъ предыдущимъ. Самоѣды называютъ свой народъ двумя различными именами: *Хасово и Ненець*; изъ нихъ первое болѣе употребительно на Востокѣ, а послѣднее на Западѣ отъ Печоры. О каждомъ изъ нихъ утверждали, что оно на самоѣдскомъ языкѣ означаетъ вообще человѣка (1) и что оно принято Самоѣдами въ слѣдствіе ихъ невѣжества,

(1) Georgi, Beschreib. russ. Nat 1 стр. 276.—Adelung, Mithridates 1. стр. 322.

такъ какъ они незнали своихъ сосѣдей, а считали себя единственнымъ народомъ на землѣ. Но Шлецеръ опять говоритъ, что слово *Лутце* на самоѣдскомъ языкѣ также значитъ человѣкъ (1); между тѣмъ это послѣднее слово есть ничто иное какъ перековерканное названіе «Русскій» и употребляется Самоѣдами для обозначенія Русскаго, точно такъ какъ сложное слово *Лысма-Лутца*, т. е. Пжемскій Русскій, у нихъ означаетъ Зырянина. А такъ какъ у Самоѣдовъ есть также слово для обозначенія Остяка, а именно *Хабій*, то нельзя утверждать, будто Самоѣды не знали своихъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что этому противорѣчитъ другое, хотя столь же неосновательное, мнѣніе Шлецера, будто Русскіе первоначально также имѣли общее названіе человѣка — κατ'ἐξοχήν. Но дѣло въ томъ, что самоѣдскій языкъ также мало обладаетъ выраженіемъ для родоваго понятія человѣка, какъ и для другихъ родовыхъ понятій, напр. птицы, животнаго и т. п., а что въ немъ каждый индивидуумъ называется по своему народу, точно такъ какъ каждое отдѣльное животное и каждая отдѣльная птица получаетъ свое названіе по виду, къ которому оно принадлежитъ. Равнымъ образомъ самоѣдскій языкъ не имѣетъ слова для выраженія понятія мужа или супруга, и Самоѣдка, говоря о своемъ мужѣ, употребляетъ слова: *Хасовау* илъ *Шеньцау*, если мужъ ея Самоѣдъ, и слово *Лутцау* или *Хабіеу*, если мужъ ея Русскій или Остякъ. Всѣ эти 4 слова выражаютъ одно и тоже понятіе: «мой мужъ». Нѣкоторые ученые никакъ не могли себѣ представить, чтобы въ самоѣдскомъ языкѣ не было слова

---

(1) Шлецера Nord. Geschichte, стр. 293.

для выраженія понятія человѣка, и вслѣдствіе того вздумали искать его въ словѣ *хувери*, между тѣмъ какъ это послѣднее есть ни что иное, какъ неопредѣленное мѣстоименіе, соотвѣтствующее нашему *кто-то* или *кто-нибудь*. Изъ всего этого явствуетъ, что слова *Хасово* и *Ненецъ* суть названія народовъ, подобно всѣмъ другимъ, и слѣдовательно не допускаютъ никакого дальнѣйшаго производства.

Что касается до Русскаго названія *Самоѣдъ*, то оно, въ теченіе двухъ вѣковъ, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ начали доискиваться его происхожденія, претерпѣло болѣе 10 различныхъ объясненій. Уже Витзена поразило значеніе этого слова и онъ, — подобно нѣкоторымъ Русскимъ, которые сами не могли объяснить себѣ этого имени,—взялъ себѣ право утверждать, будто Самоѣды пожираютъ своихъ военноплѣнныхъ. Мнѣніе это, очевидно, не заслуживаетъ даже опроверженія, тѣмъ болѣе, что, кромѣ Витзена, уже никто изъ ученыхъ больше не подозрѣвалъ въ этихъ мирныхъ и добродушныхъ сѣверныхъ номадахъ такого жестокаго обычая. Другая гипотеза касательно названія *Самоѣдъ* была допущена, еще прежде предыдущей, въ собраніи всѣхъ путешествій Пурхаса, который пишетъ, будто Самоѣды получили свое названіе отъ самоѣдскаго слова *самое*, означающаго первобытнаго жителя сѣверной земли, такъ какъ Самоѣды издавна поселились въ этой послѣдней и уже никогда не оставляли ея.—Клингштедтъ, старавшійся опровергнуть это химерическое мнѣніе, приводитъ другую этимологію, которая была принята многими писателями, хотя, по нашему мнѣнію, она отнюдь не можетъ служить авторитетомъ. Онъ производитъ сло-

во Самоѣдъ отъ *Соома*, что на финскомъ нарѣчіи значитъ болото, и замѣчаетъ, что названія *Самаланчъ* и *Самаемеесъ*, изъ которыхъ первое себѣ придаютъ Лопари, а второе—Карельцы, имѣютъ одинаковую съ нимъ этимологію. Но спрашивается, съ какой стати финская Чудь,—эти первобытные обитатели Печорскаго бассейна, изъ устъ которыхъ названіе, вѣроятно, дошло до Новгородцевъ,—стала бы называть Самоѣдовъ тѣмъ же самымъ именемъ, которое себѣ придавали Лопари и Карельцы, когда эти послѣдніе были сродные ей народы, а Самоѣды представляли совершенно чуждое ей племя? И какимъ образомъ она могла бы называть Самоѣдовъ болотными жителями, когда она сама обитала гораздо ужаснѣйшія болота иныхъ широтъ и когда сѣверныя тундры, въ которыхъ Самоѣды кочуютъ, не только не имѣютъ топкихъ болотъ, но даже вообще не могутъ быть названы болотной страной, не смотря на то, что онѣ обозначены таковыми на всѣхъ европейскихъ картахъ? Отчего же наконецъ архангельскіе Зыряне, съ которыми слилась сѣверная Чудь, также не назвали Самоѣдовъ первоначально болотными жителями, когда, напротивъ того, у уральскихъ жителей финскаго племени, а именно у Зырянъ, Пермяковъ и Вогуловъ, нынѣшнее названіе этого народа совершенно другое? (1) Фишеръ, придавая слову Самоѣдъ также значеніе болотнаго жителя, производитъ его отъ лапландскаго слова Samäädna (2). Хотя мнѣ и неизвѣстно, какое названіе придаютъ Самоѣдамъ Лапари и знаютъ-ли они

(1) Шлецера Nord. Gesch. стр. 293.

(2) Фишера Sibir. Gesch. T. 1 стр. 118.

вообще этотъ народъ или нѣтъ, однакожъ я сомнѣваюсь, чтобы Русскіе отправились отыскивать Лопарей въ ихъ степяхъ единственно для того, чтобы выпросить у нихъ названіе для Самоѣдовъ, тѣмъ болѣе, что Лопари были гораздо менѣе знакомы съ этимъ народомъ, нежели сами Русскіе. Лепехинъ, основываясь на замѣчаніи одного мезенскаго жителя, производитъ слово Самоѣдъ отъ самоѣдскаго *сажай* — нечистый, которое, по прибавленіи къ нему окончанія *ѣдъ*, означаетъ человѣка, вкушающаго все нечистое, какъ будто бы у Самоѣдовъ дѣйствительно есть это обыкновеніе (1). На это можно сдѣлать слѣдующее возраженіе: если бы Русскіе захотѣли дать этому народу названіе, соотвѣтствующее его обыкновенію, то они вѣроятно не прибѣгли бы къ помощи самоѣдскаго языка, а назвали бы его просто Поганоѣдами.—Лербергъ полагаетъ, что Самоѣдъ есть испорченное слово *Семгоѣдъ*, тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что р. Обь производитъ нѣсколько видовъ этой рыбы. Конечно справедливо, что Обь и Печора богаты видами Salmo, которыми Самоѣды могли бы питаться; но вѣдь только одинъ видъ, а именно S. nobilis называется семгою, слѣдовательно только объ немъ здѣсь и могла бы быть рѣчь, потому что всѣ прочіе виды для рыбака уже не будутъ семгами и каждый изъ нихъ, имѣя особенное названіе, тѣмъ менѣе можетъ быть извѣстенъ подъ общимъ именемъ семги, что промышленникъ строго отдѣляетъ эту послѣднюю отъ другихъ видовъ того же рода, относя ее къ красной рыбѣ, а всѣ

---

(1) Лепехина путеш. Ч. IV стр. 218.

(2) Лерберга «Unters. üb. ält. Gésch. Russl. стр. 64 примѣч.

прочіе къ мелѣе цѣнной бѣлорыбицѣ. Итакъ нѣтъ никакого основанія думать, чтобы Самоѣды питались преимущественно семгою и оттого получили свое названіе, когда очень хорошо извѣстно, что у нихъ ни теперь, ни прежде не было большихъ дорогихъ сѣтей, необходимыхъ для произведенія рыбной ловли въ большомъ размѣрѣ, и что только самые бѣдные безоленные Самоѣды принуждены заниматься этимъ промысломъ, тогда какъ прочіе всегда предпочитаютъ этому занятію счастливую кочевую жизнь, связанную съ разведеніемъ оленей. Совсѣмъ другое дѣло Остяки, которые, обитая такую страну, гдѣ олени не могутъ такъ успѣшно разводиться, по неволѣ прибѣгаютъ къ рыбной ловлѣ, какъ къ единственному доступному для нихъ промыслу, а слѣдовательно и должны мало по малу обзаводиться всѣми необходимыми для этого занятія принадлежностями. Къ тому же, между всѣми товарами, которые Русскіе получали отъ Самоѣдовъ въ замѣнъ своихъ произведеній, ни разу не упоминается о семгѣ, между тѣмъ какъ торговцы эти, очень хорошо всегда понимавшіе свою выгоду, не упустили бы случая выторговать у Самоѣдовъ эту цѣнную рыбу, если бы только она дѣйствительно была у нихъ, тѣмъ болѣе, что отъ Остяковъ, кочующихъ по берегамъ Оби, они умѣли же получать ее за безцѣнокъ. Наконецъ упомянемъ мимоходомъ еще объ одномъ мнѣніи на счетъ происхожденія слова *Самоѣдъ*, а именно о мнѣніи Бѣлявскаго (1), который хочетъ увѣрить насъ, будто слово *Самоединъ*, нерѣдко употребляющееся въ новѣйшее время вмѣсто прежняго

(1) Бѣлявскаго, Поѣздка къ Ледовитому морю стр. 134.

слова «*Самоѣдъ*», есть ничто иное, какъ буквальный переводъ названія *Хасово*, которое этотъ народъ самъ себѣ придаетъ; по его мнѣнію слово *хазъ* значитъ самъ, а *ово* — одинъ или единъ, такъ что слово Самоѣдъ видимо представляетъ искаженное *Самоединъ* и слѣдовательно означаетъ человѣка, живущаго въ одиночествѣ, а не въ обществахъ. Во-первыхъ не естественно думать, чтобы какой-нибудь народъ могъ дать себѣ ни съ чѣмъ не сообразное названіе «*живущаго въ одиночествѣ*», а во-вторыхъ приведенная нами этимологія кажется намъ чистымъ вымысломъ, потому что слова *хазъ* и *ово* не только не имѣютъ тѣхъ значеній, которыя имъ придаетъ Бѣлявскій, но даже вовсе не существуютъ въ самоѣдскомъ языкѣ: для мѣстоименія *самъ* у Самоѣдовъ есть слово *харнъ* или *хартъ*, а для числительнаго *одинъ* слово *гопой* или *опой*. Притомъ же, если анализировать названіе Хасово, то получится самый нелѣпый переводъ, потому что *ха* значитъ ухо, а *сово*— хорошо. Въ заключеніе всего сказаннаго нами объ этомъ предметѣ я долженъ представить на судъ читателя свое собственное мнѣніе и сказать вмѣстѣ съ Шлецеромъ (1): мнѣ кажется, что названіе *Самоѣдъ* есть чисто-русское и дѣйствительно означаетъ человѣка, ѣдящаго своихъ ближнихъ. Первые Русскіе, которые видѣли, что Самоѣды ѣли сырую рыбу и сырое мясо сѣверныхъ оленей, назвали ихъ *Сыроѣдцами*, и названіе это дѣйствительно встрѣчается въ дѣловыхъ бумагахъ; а другіе, по той же причинѣ, смотрѣли на нихъ какъ на Каннибаловъ или людоѣдовъ. Что названіе *Сыроѣдъ*

(1) Шлецера Nord. Gesch. стр. 198

очень легко могло быть передѣлано въ слово Самоѣдъ, то это видно изъ подобнаго же превращенія, которое въ новѣйшее время претерпѣло слово Самоѣдъ въ названіи Самоединъ, употребляющемся не только многими русскими писателями, но и въ оффиціальныхъ бумагахъ, несмотря на то, что оно имѣетъ совершенно другое значеніе. А что Самоѣды, имѣя обыкновеніе ѣсть сырое мясо, дѣйствительно могли получить отъ Русскихъ такое страшное названіе, то это доказывается примѣромъ даже древнѣйшихъ писателей, которые, считая обыкновеніе этого народа ужаснымъ варварствомъ, хотя и не надѣляли его названіемъ, потому что онъ уже и безъ того былъ надѣленъ имъ, но за то составляли ужасныя описанія, вполнѣ соотвѣтствующія данному ему названіе. Вотъ одно изъ такихъ описаній: Les Samoïedes, qui habitent les côtes de la mer, n'ont rien d'humain que la figure: leur génie n'est capable d'aucune conception, et leur naturel est aussi féroce, que celui des chiens et des loups. Ils mangent les charognes des chevaux (!), des ânes (!!) des chiens et des chats et vivent ordinairement de Baleines, de Vaches marines et d'une autre espèce de poisson, nommée Nerwal, que les cours des glaces amènent mort sur les rivages: peu leur importe que ces alimens soient cuits ou crus, ils dévorent tout avec la même avidité, il ne leur manque que des ailes, pour ressembler aux oiseaux de proie, appelés Malmukkes, qui vont, ainsi que les Ours blancs, chercher les corps morts des Baleines sur es mers du Groenland (1).

---

(2) Isbrants Ides, Voyage de Moscou à la Chine,—въ «Recueil des voyages au Nord, T. VIII, стр. 171.

Согласно тремъ частямъ, на которыя естественными границами были раздѣлены самоѣдскія владѣнія по сю сторону Урала и р. Кары, и все народонаселеніе этой земли также распалось на три части: на обитателей Большеземелья, Малоземелья и Канинской (Мысовой) земли, по-самоѣдски: *Аркаяндеръ*, *Нудеяндеръ* и *Салеяндеръ*. Въ этихъ послѣднихъ именахъ мы узнаемъ названія трехъ разныхъ полосъ земли, въ которыхъ окончаніе *деръ* означаетъ обитателя; по-русски они называются: Малоземельцы, Большеземельцы и Канинцы. Малоземельцы или Нудеяндеры, въ нѣкоторыхъ русскихъ извѣстіяхъ, именуются также Малоземельскими Лантандерами, т. е. обитателями равнинъ; однакожъ подъ этимъ именемъ разумѣется только та часть Малоземельцевъ, которая обитаетъ равнину, граничащую на западѣ Печорою, а на сѣверозападѣ морскимъ берегомъ. По ошибкѣ, сдѣланной Клингштетомъ, во всѣхъ древнѣйшихъ извѣстіяхъ на счетъ Самоѣдовъ, встрѣчается еще другое раздѣленіе этого народа, которое впрочемъ совершенно неправильно. Описывая Самоѣдовъ, живущихъ къ востоку отъ рѣки Мезени, Клингштетъ говоритъ: эта колонія извѣстна подъ именемъ *Объяндире*; другая, находящаяся по сосѣдству съ первою, называется *Тихїондире*, а та, которая лежитъ въ странѣ Пустаго озера, противъ Вайгачскаго пролива, и которая вообще называется *Гуторскою*, даетъ себѣ названіе *Гуаритци*. Анализируя эти названія, мы очень легко можемъ объяснить ошибку: слово *Объяндеръ*, въ буквальномъ переводѣ, значитъ *обитатель одной земли*, отъ числительнаго *гопъ* или *гопой*, а на малоземельскомъ нарѣчіи *опъ* или *опой*-одинъ; существительнаго *я*-земля, и окончанія

деръ, означающаго обитателя, между тѣмъ какъ слово *Тихїондире*, перековерканное писателемъ изъ *Тикыяндеръ* означаетъ *обитателя той земли*, отъ мѣстоименія *тикы* —тотъ, *я* и деръ. Само собою разумѣется, что если Канинскіе Самоѣды, живущіе около Мезени, были *Опяндерами* или жителями одной земли, то Большеземельные единоплеменники ихъ, кочующіе около Печоры, необходимо должны были, въ отношеніи къ первымъ, представлять *Тикыяндеровъ*, т. е. обитателей другой земли; и если бы писатель собиралъ свои извѣстія въ Пустозерскѣ, то названія тѣхъ и другихъ вышли бы противоположныя. Уже Лепехинъ замѣчаетъ, что мезенскіе Самоѣды никогда не употребляли названія *Объяндировъ*, которое имъ придаетъ Клингштетъ, и даже вовсе не знали его, но что они, относительно своихъ кочевьевъ, раздѣлялись на три части: *Аркаяндеровъ* или Большеземельцевъ, *Іоделяндеровъ* (вѣроятно опечатка вмѣсто *Нуделяндеровъ*) или Малоземельцевъ и *Хупто-Салаяндеровъ* (Хупто-Салеяндеръ, въ буквальномъ переводѣ, значитъ обитатель длиннаго мыса) или Канинцевъ (1).

Отъ этого географическаго раздѣленія совершенно независимо этнографическое, по которому не только всѣ европейскіе Самоѣды, но и сибирскіе ихъ единоплеменники до Обскаго бассейна раздѣляются на три главныя племени: *Лага*, *Вапойта* и *Харяци* или *Харуши*, которыя, по всей вѣроятности, считали другъ друга за разные народы, потому что слово *таязъ*, означающее племя, выражаетъ также понятіе *народа* и Самоѣды прибавляютъ его не только къ названіямъ своихъ собствен-

(1) Лепехина Путеш. Т. IV стр. 199. Примѣч.

ныхъ племенъ, но и къ названіямъ другихъ народовъ; такъ напр. они говорятъ «*Лутса-танзъ*». называя Русскихъ, «*Хабій-танзъ*,» называя Остяковъ, между тѣмъ какъ свои собственныя племена они также не иначе величаютъ какъ «*Лага-танзъ*, *Ванойта-танзъ*, *Харуци-танзъ*.

Каждый изъ этихъ танзовъ или главныхъ племенъ въ прежнія времена имѣлъ можетъ быть свои особенныя кочевья, которыя въ настоящее время сохранились только у Самоѣдовъ племени Харуци, такъ какъ эти послѣдніе, будучи уединены своимъ географическимъ положеніемъ, занимаютъ полуостровъ Ялмалъ между Карскимъ моремъ и Обскою губою или Карчейскую землю: Самоѣды же другихъ двухъ племенъ, безъ различія, занимаютъ все пространство земли отъ Мезени до Оби и съ давнихъ временъ (еще до знакомства ихъ съ Русскими) живутъ мирно и согласно, составляя какъ бы одинъ народъ. Но съ третьимъ племенемъ они долго враждовали, потому что нападенія его на европейскихъ Самоѣдовъ не прекращались даже въ половинѣ прошедшаго столѣтія. И до сихъ поръ еще миролюбивые европейскіе Самоѣды изображаютъ своихъ сибирскихъ единоплеменниковъ многочисленнымъ, дикимъ и необузданнымъ народомъ. Въ странѣ ихъ находится множество маммонтовыхъ костей, но за то нѣтъ ни лѣсу, ни даже кустарниковъ, почему обитатели ея разводятъ огонь оленьимъ волосомъ и черпымъ ягелемъ, между тѣмъ какъ сѣрый, котораго у нихъ очень немного, сберегается для корма оленямъ. Земля ихъ не имѣетъ горъ, а представляетъ плоскохолмистую равнину, на подобіе Большеземельной тундры. «Такъ какъ Самоѣды племени

Харуци извѣстны намъ очень мало, и то только по преданіямъ, то мы ограничимся извѣстіями на счетъ двухъ другихъ племенъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ подраздѣляется на отрасли и роды (іеркаръ), подробное знаніе которыхъ требуетъ тщательнаго изученія, а такъ какъ у насъ для этого не было времени, то мы сообщимъ читателю только тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы успѣли пріобрѣсти.

I. Племя *Лагай* раздѣляется на слѣдующіе роды;

1) *Хатынзей*; многочисленный родъ, распространившійся по Большеземельной тундрѣ. Они встрѣчаются также на сибирской сторонѣ, ближе къ землѣ Остяковъ.

2) *Паганзей* (т. е. обитатели бухты), кочевья которыхъ простираются до источниковъ Колвы и до морскаго залива Хайодепадара, отчего они и получали свое названіе (отъ *пага*—заливъ); нѣкоторые изъ нихъ находятся во служеніи у Пустозерскихъ Русскихъ, съ которыми они кочуютъ по тундрамъ.

3) *Тайвори*, кочующіе около Хайодепадары.

4) *Тысыйи*, раздѣляющіеся на двѣ вѣтви: а) *Нохотысыйе* (Песчовые Тысыйи) и *Вонакана* (собачьи сани), представляютъ многочисленный родъ, кочующій около лѣсныхъ границъ ближе къ Пустозерску въ Большеземельѣ, гдѣ онъ большею частію находится во служеніи у Пустозерцевъ; Самоѣды изъ этого рода встрѣчаются по берегамъ Колвы, Хайодепадары, Коротаихи и даже около Урала.

5) *Садай*, кочующій по обширной равнинѣ, которая простирается вдоль праваго берега рѣки Колвы до Усть-Цыльмы.

6) *Похо* (песцы) кочуютъ около Урала, гдѣ въ особенности много песцовъ.

7) *Падрагасово* (Лѣсные Самоѣды) кочуютъ около сѣвернаго Урала и нижней Оби.

8) *Гыйвай*, на сибирской сторонѣ, къ югу отъ Хатынзей.

9) *Седа*, въ Малой землѣ, гдѣ кочуютъ также Самоѣды, составляющіе родъ

10) *Вара*.

II. Племя Ванойта раздѣляется на слѣдующіе роды.

1) *Гуучи*, многочисленный родъ, раздѣляющійся на двѣ отрасли: *Лаптандеръ* и *Ламдуй*, изъ которыхъ первая обитаетъ малоземельную равнину (лапту), а послѣдняя только часть Большой земли и Сибири, около сѣверной оконечности Уральскаго хребта.

2) *Валей* странствуютъ, вмѣстѣ съ Зырянами, по сѣвернымъ тундрамъ; но попадаются также въ Канинской и Малой земляхъ.

3) *Пырирки*, родъ, кочующій по берегамъ рѣки Кары.

4) *Худе*, состоящій изъ сибирскихъ Самоѣдовъ. Слѣдующіе четыре рода также состоятъ изъ сибирскихъ Самоѣдовъ, кочующихъ по ту сторону Урала:

5) *Хороло*,

6) *Сарадата*.

7) *Гокдата*.

8) *Яптикъ*.

9) *Мыдъ*, обитающій Малую землю, и

10) *Ябене*, небольшой родъ, кочующій въ Малой землѣ и раздѣляющійся на двѣ вѣтви: *Апицынъ* и *Варатсынъ*.

Кромѣ этихъ поколѣній есть еще два рода, про-

схожденія которыхъ я не могъ доискаться, а именно: *Мендлово*, кочующій на сибирской сторонѣ вмѣстѣ съ Самоѣдами изъ рода *Гыйвай*, и *Ягасовой* (рѣчные Самоѣды), кочующіе на правомъ берегу рѣки Оби, ближе къ морю.

О происхожденіи нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ нами родовъ у Самоѣдовъ сохранились разныя преданія, которыя часто напоминаютъ позднѣйшимъ потомкамъ различныя частныя обстоятельства жизни ихъ родоначальниковъ. Такъ напримѣръ поколѣніе *Седа* получило свое названіе отъ того обстоятельства, что родоначальникъ его дожилъ до такой старости, что внучки его всякій вечеръ должны были убаюкивать его въ люлькѣ какъ младенца. Родъ *Вара* произошелъ отъ одного Самоѣда, который, покинувъ свою отечественную страну, поселился въ Малой землѣ; это подало Малоземельцамъ поводъ говорить: «*варата тяхамы*», т. е. *у него чесались подошвы*, когда онъ бѣжалъ изъ своей земли, чтобы отыскать себѣ новое отечество. Вслѣдствіе этого ему дали названіе *Вара*, а по этому послѣднему и рѣка, около которой онъ кочевалъ, была названа *Варамой* (у Русскихъ Черная); точно также названа и самая крайняя лѣсная оаза, лежащая на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ 10 верстахъ отъ морскаго берега, гдѣ старикъ снова нашелъ свое стадо сѣверныхъ оленей, которое въ одинъ жаркій лѣтній день разбѣжалось и которое онъ послѣ того долго искалъ, пока наконецъ не принесъ жертву своему идолу, который сжалился надъ нимъ и надоумилъ ему отправиться въ лѣсную оазу, гдѣ дѣйствительно находилось все его стадо.—*Варатсынъ*, побочная отрасль рода *Ябене*, обязанъ своимъ названіемъ одной

дѣвушкѣ изъ рода Ябене, которая родила на свѣтъ ребенка, и такъ какъ никто не зналъ отца этого дитяти, то Самоѣды насмѣшливо говорили о матери его: «*варась ховы*, т. е. что она «*украла его на сторонѣ*». Огорченная мать со слезами отправилась къ уединенному ручью и, обратясь къ своему дѣтищу, сказала: «если ты похищенъ на сторонѣ, то назовись же ты отпышѣ Варатсынъ и дай свое имя новому роду!» Что же касается до Апицына, другой отрасли рода Ябене, то онъ получилъ свое названіе отъ родоначальника Апицы, который былъ посланъ своимъ народомъ къ Московскому двору, гдѣ онъ получилъ отъ Царя грамоту, утверждавшую за Самоѣдами владѣніе ихъ землями, въ замѣнъ чего они должны были сдѣлаться данниками Россійскаго Царства. Родъ *Мыдъ* произошелъ отъ старика того же имени. Начальникомъ рода *Ламдуй* былъ Ламдо, т. е. *Низенькій*, названный такъ по своему малому росту; родъ *Яптикъ*, напротивъ того, произошелъ отъ начальника своего Яптика, т. е. *Худощаваго, тонкаго*. Родоначальникъ *Сарадаты* былъ владѣльцемъ бѣлыхъ оленей (отъ *сарь*-бѣлый, и *та*-олень); родъ *Гокдата* обязанъ своимъ происхожденіемъ богатому владѣльцу многихъ сѣверныхъ оленей (отъ *гокъ*-много и *та*–сѣв. олень). Начальникъ *Вонакана*, побочной отрасли рода Тысый, пріѣхалъ изъ земли Остяковъ, гдѣ онъ ѣздилъ въ саняхъ, везомыхъ собаками (отъ *вонеко*, собака, и *ханъ*, сани), и т. д. Другіе роды, какъ напр. Падраггасовой, Ягаггасовой, Паганзей, Нохо и Салай, названы по устройству ихъ кочевьевъ.

Пока Самоѣды были язычники, это раздѣленіе играло большую роль при вступленіи ихъ въ бракъ, по-

тому что, какъ мы видѣли, Самоѣдки племени Лага могъ жениться только на Самоѣдкѣ изъ племени Ванойта и на оборотъ; но съ принятіемъ христіанской вѣры оно потеряло свое значеніе для практической жизни: крещеные Самоѣды женятся теперь безъ различія племени, разбирая только степени родства по постановленіямъ Православной Церкви. Канинскіе и Малоземельные Самоѣды, особливо первые, еще во времена своего язычества, отчасти принимали русскія фамиліи, которыя они употребляли въ сношеніяхъ съ Русскими, но древніе племена и роды ихъ все еще имѣли полную свою силу. Теперь они, къ принятымъ ими русскимъ фамиліямъ, получаютъ еще имя при крещеніи; древнее же раздѣленіе ихъ на племена и роды мало по малу предается забвенію, сохраняя свое значеніе только еще у язычниковъ Большой земли и у сибирскихъ Самоѣдовъ.

Все самоѣдское народонаселеніе Архангельской губерніи, по оффиціальному показанію въ 1841 году, простирается до 4495 душъ обоего пола; а именно:

	муж.	жен.
I. Въ Большеземельной тундрѣ:		
1) принадлежащихъ къ Пустозерской волости	934	918
2) —— —— —— Устьцыльмской ——	161	145
3) —— —— —— Ижемской ——	480	389
II. Въ Малой землѣ	384	296
III. Въ Канинской землѣ	431	357
Итого	2390	2105

Изъ этого показанія видно, что Большая земля населена слишкомъ вдвое больше двухъ другихъ земель вмѣстѣ взятыхъ. Далѣе видно, что Малая земля несмотря по несравненно большее свое протяженіе за-

ключаетъ въ себѣ менѣе жителей нежели сосѣдняя Канинская Земля, которая вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе приспособлена къ кочевой жизни, нежели Малая Земля и Большеземельная тундра; менѣе же всѣхъ приспособлено къ кочевой жизни Малоземелье, хотя не должно забывать, что господствовавшая здѣсь съ 1831 до 1832 г. эпидемія значительно уменьшила его народонаселеніе. Что касается до отношенія мужескаго народонаселенія къ женскому, то на 8 мужчинъ приходится только 7 женщинъ, и хотя есть много причинъ, заставляющихъ насъ сомнѣваться въ точности числоваго показанія на счетъ женскаго народонаселенія, однакожъ оно во всякомъ случаѣ доказываетъ, что Самоѣды даже природою не назначены къ многоженству. Георги, производившій исчисленіе въ 1783 году, говоритъ, что все самоѣдское народонаселеніе равнялось только 2766 душамъ, т. е. 1349 муж. и 1317 женскаго пола. Однакожъ весьма ошибочно было бы заключать изъ этого, будто народонаселеніе въ теченіе этого времени, т. е. въ продолженіе 57 лѣтъ, удвоилось. Причина столь несогласныхъ показаній вѣроятно заключается въ томъ, что въ новѣйшее время исчисленіе народонаселенія производится съ большею точностію.

Самоѣды платятъ ясакъ, который, будучи переложенъ въ 1836 г. на деньги, равняется 3 р. 33 к. асиг. съ каждой ревизской души муж. пола, между тѣмъ какъ по прежнимъ постановленіямъ подать эта взималась съ лука, т. е. съ каждаго мужчины отъ 18 до 50 лѣтъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые были одержимы тѣлесными недугами. Ясачныя деньги выручаются изъ вносимыхъ Самоѣдами мѣховъ, потому что Самоѣды,

для платежа ясака, собираются въ опредѣленное для этого время (обыкновенно зимой) въ уѣздномъ городѣ или въ одной изъ трехъ отдаленныхъ слободокъ, смотря по удобству каждаго данника. Весь внесенный старостѣ мѣхъ продается здѣсь съ публичнаго торга, а излишекъ, буде таковой окажется, возвращается тому, кто его заплатилъ; дальнѣйшія постановленія объ этомъ предметѣ подробно изложены въ Уставѣ объ управленіи Архангельскими Самоѣдами. Витзенъ говоритъ, что величина ясака, который Самоѣды вносили въ концѣ XVII в., равнялась 10 голландскимъ штюверамъ, а Клингштетъ утверждаетъ, что еще не далѣе какъ въ половинѣ прошлаго столѣтія съ лука взималось только по 25 коп., изъ чего слѣдовало бы заключить, что подать, въ продолженія этого короткаго промежутка времени, чрезвычайно возвысилась; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оказывается противное, потому что Георги, писавшій немногимъ позже Клингштета, говоритъ, что Самоѣды платили съ лука по 3 песцовыхъ шкурки или соотвѣтствующее имъ количество денегъ; бо́льшая же цѣнность денегъ въ древнія времена была причиною возвышенія только числительной величины монеты, такъ-что, судя по нынѣшнимъ цѣнамъ на мѣхъ, ясакъ могъ бы быть уплаченъ только одной песцовой шкуркой, тогда какъ по прежней цѣнности денегъ для этого требовалось цѣлыхъ три. Итакъ, хотя подать теперь и взимается съ каждой ревизской души мужескаго пола, она всеже скорѣй уменьшилась, нежели увеличилась. Къ тому же подать эта до сихъ поръ нисколько не была тягостна для Самоѣдовъ. Государственный доходъ, получаемый отъ всего самоѣдскаго народонаселенія, если считать ясакъ

въ 3 р. 33 коп., не равняется даже полнымъ 8000 руб. ассигнаціями.

Чтобы дать читателю понятіе о гражданскомъ управленіи и законахъ самоѣдскихъ, я считаю необходимымъ помѣстить въ одномъ изъ моихъ прибавленій выписку изъ приведеннаго нами Устава объ управленіи Самоѣдами Архангельской губерніи, Высочайше утвержденнаго въ 1835 году. Въ высшей степени кроткія и человѣколюбивыя правила этого Устава заслуживаютъ полную признательность миролюбиваго и добродушнаго народа, для котораго онъ изданъ, и въ то же время заставляютъ каждаго благонамѣреннаго человѣка искренно пожелать, чтобы онъ во всѣхъ отношеніяхъ возъимѣлъ полную силу.

XII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПУСТОЗЕРСКА ВЪ МЕЗЕНЬ.

Въ полдень, 6-го Сентября, мы оставили Устье. Переправившись черезъ рѣку, на берегу которой это мѣстечко находится, мы поѣхали на лошадяхъ по юго-западному направленію, къ деревнѣ Оксинѣ. Городокъ остался у насъ въ лѣвой сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи; дорога наша вела черезъ безплодную равнину, производившую только ягель, Cladonia cornucopioides, Empetrum, Arctostaphylos alpina и березу-ерникъ. Только тамъ, гдѣ земля погопляется весенними разливами Печоры, равнина эта принимала видъ плодоносной низменности, поросшей высокими ивовыми кустарниками, преимущественно S. hastata, и разстилавшейся небольшими лугами, роскошная трава которыхъ, скошенная большею частію, только нѣсколько дней тому назадъ, доставила прекрасное сѣно, которое было собрано въ огромные стоги. Мы пріѣхали къ узкому рукаву Печоры, къ такъ называемому *Усть-шару* или *Городецкому шару*, который отдѣляетъ Большой Сѣнокосный островъ отъ материка. Будучи въ обыкновенное время не

глубокъ и незначителенъ, рукавъ этотъ, отъ дѣйствія сильнаго ССЗ вѣтра, до того углубился, что мы только съ помощію лодки могли переѣхать черезъ него. Послѣ непродолжительной ѣзды дорога наша повела вдоль берега другаго рукава, называемаго *Голубковскимъ шаромъ*, который, отдѣляя островъ Бѣдовый отъ Большаго Сѣнокоснаго, остался у насъ въ правой сторонѣ, точно такъ какъ и небольшая деревня *Голубкова*, находившаяся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, на берегу рукава, которому она дала свое имя. Тотъ же самый рукавъ, далѣе на СВ, между островами Бѣдовымъ и Малымъ Сѣнокоснымъ, называется Середовымъ шаромъ, потому что, изъ трехъ главныхъ рукавовъ, омывающихъ упомянутые острова, онъ дѣйствительно средній.

Неблагопріятная погода, угощавшая насъ попеременно дождемъ, градомъ и снѣгомъ, и холодный ССЗный вѣтеръ, который, не переставая дуть со вчерашняго дня, вселялъ въ жителяхъ Пустозерска надежду на счастливую ловлю семги, заставляли насъ отъ души пожелать найти хоть какое-нибудь убѣжище, чтобы укрыться отъ ненастной погоды, почему мы не мало обрадовались, когда намъ къ вечеру представилась деревня Оксина. Въ квартирѣ, которую намъ отвели для кратковременнаго нашего пребыванія, мы замѣтили то же благосостояніе и точно также радушно были приняты, какъ и въ Пустозерскѣ. Уѣздный судья, землемѣръ, а также голова и староста деревни, однимъ словомъ всѣ главныя лица этого мѣстечка поспѣшили посѣтить насъ, такъ-что, благодаря этому разнообразному обществу, вечеръ прошелъ для насъ въ поучительной и занимательной бесѣдѣ.

Оксина лежитъ на правомъ берегу широкаго рукава того же имени; на западѣ остается фарватеръ Печоры, раздѣляющійся въ этомъ мѣстѣ на нѣсколько рукавовъ, омывающихъ лежащіе здѣсь небольшіе острова. Высокій береговой скатъ и грунтъ, на которомъ построена самая деревня, образуются изъ песчаника, переходящаго, на сѣверномъ концѣ мѣстечка, въ голыя зыбкія песчаныя равнины, точно такъ какъ мы это видѣли около Устья и Городка. За неимѣніемъ другой почвы, и здѣсь кладбище было устроено на зыбкомъ пескѣ, такъ-что и здѣсь сильный вѣтеръ разбрасываетъ повсюду изломанные гробы, кресты и истлѣвшія кости покойниковъ, представляя каждому страннику ужасную картину тлѣнности и смерти.

(7 Сентября) Помѣстившись со всею поклажею въ трехъ карбасахъ, мы въѣхали въ Печору. Наши лодки, управляемыя здоровенными гребцами, поѣхали по Оксинскому шару, мимо устья Голубковскаго шара, оставшагося въ правой сторонѣ отъ насъ, потомъ, обогнувъ сѣверный конецъ острова *Стрѣлки*, находившагося по лѣвой рукѣ, проскользнули прямо въ главный фарватеръ Печоры. Вскорѣ мы причалили къ противоположному берегу, гдѣ насъ ожидали сѣверные олени. Здѣсь также нигдѣ нельзя было замѣтить твердой горной породы; песчаный слой, казалось, непосредственно покрывалъ отвердѣлую глину, чего впрочемъ нельзя было ясно видѣть. Въ болотахъ этой мѣстности находится землистая желѣзная лазурь (землистый вивіанитъ), которая иногда собирается и продается въ Ижмѣ, гдѣ она идетъ на украшеніе стѣнъ въ домахъ.

Когда сани наши были приведены въ порядокъ, мы поднялись на возвышенный крутой берегъ и начали свое путешествіе по холмистой землѣ. Видъ страны теперь совершенно измѣнился: въ то время какъ на правомъ берегу Печоры повсюду видѣнъ былъ лѣсъ, или покрайней мѣрѣ высокіе ивовые кустарники, здѣсь разстилалась почти совершенно голая тундра, и только на низменностяхъ или по берегамъ озеръ можно было встрѣтить нѣсколько елей, изъ которыхъ большая часть была уже совершенно суха, а другія только въ нижней части ствола имѣли зеленыя вѣтви, между тѣмъ какъ верхушки ихъ не обнаруживали никакой жизни. Лиственицы нигдѣ нельзя было встрѣтить, даже кустарниковъ было немного. По едва замѣтнымъ слѣдамъ санями проложенной дороги мы перебрались черезъ болота и очутились на большой дорогѣ, которая ведетъ изъ Пустозерска, черезъ село Пидегу, въ Мезень и которая привела насъ къ палаткѣ одного пустозерскаго жителя, хозяина нашихъ оленей; такъ какъ день начиналъ уже вечерѣть, то мы остались здѣсь ночевать.

(8 Сентября) Ночью былъ морозъ; сѣверовосточный вѣтеръ навѣвалъ сильную прохладу; несмотря на то, ясное небо благопріятствовало нашему путешествію; сегодня намъ также пришлось ѣхать по голымъ тундрамъ и холмистой землѣ и только въ низменныхъ мѣстахъ мы встрѣтили кой-какія скудныя, искривленныя сухія ели.

(9 Сентября) Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, сопровождаемый, по обыкновенію, влажными туманами, которые не изчезали въ продолженіе цѣлаго дня. И сегодня не видать было ни одного дерева; холмистая и

болотистая земля была покрыта, частію березой-ерникомъ и невысокими ивовыми кустарниками, частію поблекшей болотной травой. Ягля здѣсь было несравненно больше чѣмъ въ безлѣсной части Большеземельной тундры, изъ чего можно было заключить, что страна эта мало населена, или что жители ея не богаты; и то и другое оказывается справедливымъ.

(10 Сентября). Продолжая путешествіе по тундристымъ равнинамъ, утомлявшимъ насъ своимъ однообразіемъ, и неуклонно слѣдуя западному и сѣверозападному направленію, мы подъѣхали къ широкой цѣпи невысокихъ холмовъ, которая, казалось, пролегала съ Юга на Сѣверъ и которая, возвышаясь едва на 200 фут. надъ уровнемъ моря, служитъ раздѣломъ водъ между самыми сѣверными притоками нижней Печоры и рѣками, орошающими Тиманскій берегъ. Она же служитъ продолженіемъ другой цѣпи холмовъ, которая подъ именемъ Малаго Камня (Паембой) тянется отъ главнаго хребта, т. е. Тиманскаго Камня, на сѣверовостокъ, къ мысу *Святому носу*. На сѣверозападъ отъ насъ возвышалось нѣсколько отдѣльныхъ холмовъ, которые, будучи нѣсколько выше предыдущихъ, извѣстны подъ именемъ *Сарлейпы*, т. е. *Волчьихъ ушей*; на сѣверѣ, въ значительномъ отдаленіи отъ насъ, видно было возвышеніе съ двумя замѣтно выдающимися вершинами, называемое *Іоготанзейде*, т. е. *Вилковой сопкой* (отъ *іогота*-двузубая вила, и *зейде* или *сиде*—сопка); на СВ возвышалась сопка *Лимбензейде*, т. е. *Орловая сопка;* на востокѣ находилось незначительное возвышеніе *Хасизейде*, т. е. сопка идоловъ, и наконецъ на Юговостокѣ–*Увъярзейде*, т. е. травой поросшая песчаная сопка, полу-

чившая свое названіе отъ особеннаго рода травы (увъ)— вѣроятно Festuca ovina,—которая, будучи мелка и суха, служитъ подстилкой въ мѣховыхъ самоѣдскихъ сапогахъ, а также для дѣланія ковровъ, настилаемыхъ въ палаткахъ. Сухой песокъ (яръ), изъ котораго образуется вершина этой сопки, производитъ множество такой травы. Русскіе называютъ это возвышеніе просто *Песчаной сопкой*.

Спускаясь съ возвышенія, мы переѣхали черезъ узкій ручей *Іеттыяу* (у Русскихъ *Вельтъ*), а потомъ и черезъ другой ручей того же имени, который, будучи нѣсколько значительнѣе, вливается въ первый. Оба они берутъ свое начало изъ окрестныхъ холмовъ и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи образуютъ одну изъ величайшихъ рѣкъ этой страны, впвающуюся въ Ледовитое море въ сѣверозападномъ направленіи. Названіе *Вельтъ*, вѣроятно, принадлежитъ къ числу непереводимыхъ чудскихъ словъ. При ясной, но холодной осенней погодѣ, цѣлый день подувалъ небольшой сѣверный вѣтеръ, который къ вечеру почти совершенно утихъ. Ночлегомъ мы расположились въ попавшейся намъ палаткѣ Самоѣдовъ.

(11 Сентября) Ночью выпалъ снѣгъ, который покрылъ всю землю и тѣмъ самымъ приготовилъ намъ хорошую дорогу; но вслѣдствіе вліянія умѣреннаго ЮЗ вѣтра, сопровождаемаго влажными туманами, къ обѣду весь снѣгъ опять растаялъ. Продолжая путь по холмистой землѣ, мы переѣхали черезъ ручей Гикчу, т. е. Горлышко, притокъ Вельта, и прибыли къ самоѣдской палаткѣ, гдѣ намъ сообщили, что на пути къ мѣстечку Индегѣ намъ не попадется больше ни одной палатки.

Соображаясь съ этимъ обстоятельствомъ, мы отправились къ Индегѣ вмѣстѣ съ Самоѣдами и въ сопровожденіи многочисленнаго стада оленей и всего кочующаго каравана. Такимъ образомъ мы подъѣхали къ поросшей мхомъ сопкѣ, около которой и расположились почевать.

Всѣ Самоѣды, которые намъ попадались въ Малой землѣ и которыхъ я разспрашивалъ объ отношеніи ихъ къ кочующимъ между ними русскимъ владѣльцамъ стадъ сѣверныхъ оленей, отзывались о своей участи съ весьма хорошой стороны и всѣ они были весьма веселы и довольны. Спасительный законъ уже проникъ до лѣваго берега рѣки Печоры, потому что чиновники уѣзднаго Суда всякій годъ объѣзжаютъ тундры съ цѣлію освѣдомляться, наблюдаются-ли правила изданнаго Устава. Да и сами Самоѣды, какъ канинскіе, такъ и малоземельные, по нѣскольку разъ въ годъ бываютъ въ Мезени и Пустозерскѣ, такъ что имъ неоднократно представлялся случай познакомиться съ благодѣтельнымъ для нихъ уставомъ и, въ случаѣ какого-либо притѣсненія со стороны иногородцевъ, они всегда могутъ искать управы.

(12 Сентября). Таже туманная погода при сильномъ югозападномъ вѣтрѣ. Дорога наша вела сначала на ССЗ, но потомъ, вѣроятно для того, чтобы обойти болотистыя низменности, поросшія высокими ивовыми кустарниками, она описала большую кривую линію и обратилась на югъ. Мы переѣхали черезъ рѣчку Соїму, притокъ Сулы, и опять увидѣли лѣсъ, образующій на берегу Индеги опушку въ нѣсколько верстъ шириною и свидѣтельствующій о благодѣтельномъ вліяніи, которое морская губа Чоша оказываетъ на климатическое свойство этой страны. Впрочемъ ель представлялась намъ въ видѣ тощихъ, совершенно искрив-

ленныхъ деревьевъ, стволы которыхъ большею частію были совершенно сухи; даже тѣ изъ нихъ, которыя обнаруживали кой-какіе признаки жизни, имѣли зеленыя вѣтви только въ нижней части ствола, не выше 3 или 4 футовъ отъ земли. Совершенно здоровые экземпляры, большею частію молодыя деревья, были весьма рѣдки и находились только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заслонялъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ густой рядъ сухихъ деревьевъ. Береза, попадавшаяся намъ, частію въ видѣ кустарника, частію въ видѣ невысокаго деревца, обнаруживала слѣды своего существованія почти исключительно въ безжизненныхъ остаткахъ; нѣкоторыя живыя деревья, большею частію также молодые экземпляры, росли въ долинѣ, открытой къ югу, или попадались мѣстами среди хвойнаго лѣса; сосны и лиственницы мы вовсе не встрѣчали.

Къ вечеру мы пріѣхали въ селеніе, лежащее на берегу Индеги. Хозяинъ его, мѣщанинъ Василій Поповъ, гостепріимствомъ котораго я пользовался уже во время моего пребыванія въ Мезени, къ несчастію былъ въ отлучкѣ; однакожъ я не имѣлъ причины сожалѣть объ этомъ, потому что сыновья его приняли насъ точно также радушно и отвели намъ просторную и чистую комнату. Селеніе это находится на высокомъ правомъ берегу Индеги, въ 60 верстахъ отъ впаденія ея въ губу Чошу. Представляя первоначально жалкую хижину, построенную однимъ мезенскимъ охотникомъ, который обыкновенно проводилъ здѣсь зиму, оно переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну и наконецъ досталось нынѣшнему хозяину его, зажиточному мѣщанину, который обратилъ ветхую хижину въ красивый жилой домъ,

пристроивъ къ нему нѣсколько побочныхъ флигилей и снабдивъ его всѣми угодьями, необходимыми для порядочнаго жилья; мало по малу изъ Мезени сюда было пригнано нѣсколько рогатаго скота, овецъ и даже лошадь. Хозяинъ этого селенія былъ въ тоже время владѣлецъ порядочнаго стада сѣверныхъ оленей (въ 1000 головъ); кромѣ того онъ пользовался ежегодными доходами съ охоты за морскими животными, которая производилась на его счетъ въ губѣ Чошѣ и на восточномъ берегу Канинскаго полуострова. Предметы этой охоты суть: дельфины, моржи, морскіе зайцы и нерпы; гренландскій же тюлень въ этихъ водахъ такъ рѣдко попадается, что онъ только случайно дѣлается добычею охотниковъ; здѣшніе Самоѣды не имѣютъ даже особеннаго названія для этого животнаго, а называютъ его тѣми же именами, которыя ему даны русскими промышленниками.

Всѣ поименованныя животныя ловятся во время шествія льда, который пригоняется вѣтромъ къ канинскому берегу, и ловля эта продолжается до половины, а иногда и до конца Іюня мѣсяца, смотря по тому, какъ долго идетъ ледъ. Животныхъ этихъ стрѣляютъ изъ ружья, частію въ водѣ, частію на льдинахъ и по берегу. При стрѣляніи животныхъ на льдинахъ здѣшніе охотники употребляютъ особенную хитрость, посредствомъ которой они незамѣтно приближаются къ своей добычѣ на разстояніе выстрѣла. Для этого охотники всегда носятъ при себѣ особенный снарядъ, употреблявшійся прежде для охоты за дикими сѣверными оленями и имѣющій слѣдующее устройство: двѣ лыжи, передніе концы которыхъ загнуты кверху, соединены между собою поперечной доской, имѣющей одинъ аршинъ вы-

пины и полтора—ширины; переднюю площадку этой доски обиваютъ полотномъ, для того, чтобы сдѣлать ее нѣсколько похожею на льдину. Охотникъ, завидѣвшій животное, ложится ничкомъ за доску и, ползя на колѣняхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаетъ снарядъ до тѣхъ поръ, пока не приблизится къ своей добычѣ на разстояніе выстрѣла; послѣ того онъ просовываетъ стволъ ружья въ отверстіе, нарочно для того сдѣланное въ доскѣ, прицѣливается и дѣлаетъ удачный выстрѣлъ.

При ловлѣ дельфиновъ промышленники употребляютъ совершенно другаго рода уловку. Охота за этими животными бываетъ особенно удачна въ Іюнѣ и Іюлѣ, потому что въ это время они собираются около береговъ большими или меньшими юрками и, для пріисканія себѣ пищи, подымаются по прибрежнымъ рѣкамъ Пошѣ, Омѣ, Сопѣ, Вижасѣ и другимъ, протекающимъ по Каширской землѣ. Огромныя песчаныя мели, окаймляющія всѣ расширившіяся устья поименованныхъ рѣкъ, во время прилива потопляются водою, а во время отлива совершенно высыхаютъ. Здѣсь-то, по берегамъ, одинъ изъ охотниковъ неусыпно наблюдаетъ за появленіемъ дельфиновъ и, лишь только послѣдніе покажутся, немедленно даетъ объ этомъ знать своимъ товарищамъ; тогда двѣ лодки тотчасъ же подымаются вверхъ по рѣкѣ, изъ которыхъ одна старается опередить плывущій юрокъ. Охотники, сидящіе въ лодкѣ, начинаютъ шумѣть, чтобы тѣмъ самымъ заставить юрокъ возвратиться; но такъ какъ позади его также плыветъ другая лодка съ охотниками, то юрокъ необходимо долженъ избрать который-нибудь изъ береговъ, и притомъ тотъ, отъ котораго лодка съ шумящими охотниками болѣе отдалена. Между

тѣмъ двѣ другія лодки занимаютъ позицію въ самомъ устьѣ рѣки и находящіеся въ нихъ охотники вооружены сѣтями, имѣющими около 700 саж. длины и около двухъ глубины; ячеи этихъ сѣтей, имѣя $\frac{1}{2}$ аршина въ сторонѣ квадрата, связаны изъ веревокъ толщиною въ палецъ. Этотъ неводъ также располагается отвѣсно подъ зеркаломъ воды, а лодки, къ которымъ прикрѣплены концы его, находятся посреди устья, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Какъ скоро поставленный на высокомъ берегу караульный замѣтитъ, что юрокъ имѣетъ намѣреніе возвратиться въ море, онъ немедленно извѣщаетъ объ этомъ охотниковъ, находящихся въ устьѣ рѣки, водружая для этого такъ называемую махавку. Тогда одна лодка съ прикрѣпленнымъ къ ней концомъ невода приплываетъ къ берегу и, растягивая тѣмъ самымъ сѣти, преграждаетъ юрку дорогу въ море; между тѣмъ какъ другая лодка, къ которой прикрѣпленъ противоположный конецъ невода, обходитъ юрокъ и окружаетъ его такъ, что онъ по-неволѣ долженъ ограничиться самымъ небольшимъ пространствомъ воды около берега. Въ такомъ положеніи дельфины остаются до отлива, который, отводя отъ мелкаго берега всю воду, оставляетъ плѣнныхъ на сушѣ. Послѣ того охотники убиваютъ ихъ копьями и вытаскиваютъ на берегъ.

Всѣ эти животныя содержатъ въ себѣ ворвань, для которой они собственно и ловятся. Для полученія этой ворвани, съ животнаго прежде всего снимаютъ кожу, которая очень легко отстаетъ вмѣстѣ съ находящимся подъ нею слоемъ жиру; потомъ этотъ послѣдній отскабливаютъ ножемъ и кладутъ въ котелъ, помѣщаемый въ нарочно для того устроенную печку, гдѣ жиръ

вытапливается, принимая видъ жидкости и осаждая гущу, которая отдѣляется отъ полученной чистой ворвани какъ вещь безполезная. Моржевый жиръ осаждаетъ гущи на половину, жиръ тюленя и морскаго зайца около четверти, а жиръ дельфина еще меньшую часть, почему этотъ послѣдній и составляетъ главный предметъ охоты промышленниковъ. Жидкая ворвань разливается въ бочки и отправляется для продажи въ Пустозерскъ, гдѣ Чердынцы покупаютъ ее по 6 и 8 рублей пудъ, безъ различія животнаго, отъ котораго она добыта. Кожа этихъ морскихъ животныхъ также идетъ въ дѣло, особливо моржевая, за которую Чердынцы платятъ по 20 руб. Тюленья кожа отвозится на продажу въ Мезень, гдѣ она покупается по 70 или 80 коп., а уже много по рублю штука; кожа морскихъ зайцевъ разрѣзается на ремни, которые, по прочности своей, весьма годны для подпругъ при впряганіи сѣверныхъ оленей. Что касается до кожи дельфиновъ, то она до сихъ поръ еще не находитъ себѣ употребленія.

Изрѣдка, а именно одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, около здѣшнихъ береговъ появляется китъ, который, конечно, дѣлается уже непремѣнно добычею промышленниковъ. Наконецъ владѣлецъ индегскаго поселенія отправляетъ ежегодно нѣсколько карбасовъ на охоту за морскими животными около береговъ Новой Земли. На водахъ губы *Чоши* охота въ большомъ размѣрѣ устраивается теперь только еще двумя зажиточными поселенцами, пріютившимися на берегу рѣки Поши; между тѣмъ какъ ловля, производимая менѣе богатыми лицами, которыя не въ состояніи обзавестись всѣми необходимыми для этого промысла снарядами, вовсе не замѣ-

чательна. Богатые промышленники нанимаютъ себѣ въ работники Самоѣдовъ, которые получаютъ соотвѣтственную трудамъ ихъ плату, деньгами или съѣстными припасами. Кромѣ охоты за морскими животными, поселенцы индегскіе занимаются также рыбной ловлей, главный предметъ которой составляетъ семга. Эту послѣднюю ловятъ какъ около морскихъ береговъ, такъ и въ рѣкахъ. На морѣ ловля семги производится перемотами, которые употребляются и пустозерскими промышленниками, но которые, соотвѣтствуя устройству здѣшнихъ морскихъ береговъ, имѣютъ всего 50—70 саж. длины. Впрочемъ индегскіе поселенцы этимъ ничего не теряютъ, потому что, вмѣсто одного или двухъ большихъ перемотовъ, употребительныхъ въ Пустозерскѣ, они, въ случаѣ надобности, разставляютъ ихъ нѣсколько, такъ-что ловля оттого нисколько не бываетъ безуспѣшнѣе. При ловлѣ семги въ какой-нибудь рѣкѣ, эту послѣднюю перегораживаютъ кольями и прутьями, а рыбу преслѣдуютъ вверхъ по рѣкѣ и опутываютъ обыкновенными сѣтями.

Кромѣ семги, индегскіе поселенцы ловятъ также *омылей* (Salmo Omul Pall.), *кумжу* (S. leucomœnis Pall.), *гольцевъ* (S. alpinus Fabr.), камбалу (Pleuronectus Flesus L.) и навагу (Gadus Navaga Koelr.), Здѣшнія озера изобилуютъ неледями, сигами, щуками и мн. др. Что касается до чира (Salmo Nasus Pall.), то онъ водится только въ озерѣ Урдюгѣ. Обыкновенная рыба идетъ на домашнее употребленіе, а цѣнныя породы, какъ напр. омыли, неледи, сиги, чиръ и въ особенности семга подвергаются солепію и отсылаются для продажи на мезенскую ярмарку. Индегская семга предпочитается пу-

стозерской, и въ Мезени пудъ ея всегда покупается рублемъ дороже противъ послѣдней; это происходитъ оттого, что индегская семга всегда бываетъ достаточно просолена, между тѣмъ какъ пустозерская, по какому-то непостижимому расчету промышленниковъ, ее приготовляющихъ, будучи всегда худо приправляема, весьма скоро портится.

На здѣшніе берега моремъ иногда выбрасывается древовидный лигнитъ или бурый уголъ, извѣстный на всемъ сѣверѣ подъ названіемъ морскаго угля, а также изрѣдка небольшіе кусочки янтаря, обыкновенно завернутые въ растительныя плешки. Минералъ этотъ и здѣсь также называется морскимъ ладаномъ, и жители Мезени тщательно собираютъ его и держатъ у себя въ домахъ какъ счастливый талисманъ; женщины, при отправленіи своихъ мужей на рыбную ловлю, всякій разъ окуриваютъ имъ сѣти, надѣясь этимъ заманить въ нихъ большее количество рыбы.

Рѣка Индега обязана своимъ самоѣдскимъ названіемъ *Пайяги*, т. е. Каменной, какъ каменистымъ берегамъ, окаймляющимъ ее въ ея верховьяхъ, такъ и тому обстоятельству, что она служитъ отводнымъ каналомъ водъ, вливающихся въ нее съ Большаго и Малаго камней, т. е. съ *Чанцына* камня или *Пая*, какъ главнаго хребта, и съ сѣверовосточнаго отрога его, *Малаго* камня или *Пямбоя* (уменьшительное отъ слова *пай*). Кстати я сообщу читателю нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ этой мѣстности, доставшіяся мнѣ отъ здѣшнихъ жителей.

Въ 25 или 30 верстахъ къ сѣверу отъ индегскаго поселенія, находятся три озера, извѣстныхъ подъ име-

немъ *Сарванскихъ озеръ*, изъ которыхъ одно довольно значительно, а другія два весьма невелики. Около этихъ озеръ находится самый сѣверный лѣсъ, который, представляя нѣсколько группъ засохшихъ елей и березъ, доходитъ здѣсь такимъ образомъ до 68 с. ш.—На сѣверовостокѣ, около 20 верстъ отъ того же поселенія, по направленію отъ ЮЮЗ къ ССВ, тянется группа значительныхъ и весьма обильныхъ рыбою озеръ, называющихся *Индѣгскими озерами*, по самоѣдски *Пайягандовъ*, которыя, будучи въ числѣ четырехъ, соединяются между собою посредствомъ небольшихъ ручьевъ. Самый южный изъ нихъ даетъ начало маленькому ручью, который, въ одной верстѣ выше индегскаго поселенія, вливается въ Индегу съ правой ея стороны. Между этими Индегскими и Сарванскими озерами пролегаютъ холмы Сарванскаго хребта, изъ которыхъ Болванская сопка, по-самоѣдски *Хайсале*, высотой своей превышаетъ всѣ прочіе; этотъ рядъ холмовъ, повидимому, представляетъ отрасль Шамбоя или Малаго камня, главнаго рубежа водъ этой страны. Неподалеку отъ Индегскихъ озеръ, ближе къ озеру Урдюгѣ, находятся еще два маленькихъ озера, такъ называемыя *Петовы*, соединяющіяся посредствомъ ручья съ индегской группой. На ЮВ наконецъ, въ разстояніи 30 верстъ отъ индегскаго поселенія, лежитъ значительнѣйшее изъ всѣхъ до сихъ поръ поименованныхъ нами озеръ, а именно *Урдюга*, по-самоѣдски *Урьеръ*, замѣчательная тѣмъ, что въ ней постоянно два раза въ сутки бываетъ приливъ и отливъ. Явленіе это извѣстно не только всѣмъ русскимъ промышленникамъ, но и Самоѣдамъ, и даетъ намъ поводъ заключать, что воды этого озера подъ землею находятся въ соединеніи

съ моремъ. Замѣчаютъ, что при сильномъ приливѣ воды въ морѣ, Урдюга также замѣтно углубляется, и на оборотъ, при сильномъ отливѣ въ морѣ, вода въ озерѣ также значительно убываетъ. Зимой, говорятъ, ледяное покрывало этого озера получаетъ въ срединѣ трещину, которая во время прилива расширяется на $1\frac{1}{2}$ арш., а во время отлива снова закрывается и тогда едва бываетъ замѣтна; это явленіе, повторяющееся также постоянно два раза въ сутки, весьма легко объяснить, потому что, въ слѣдствіе давленія прибывающей въ озерѣ воды, ледяное покрывало этого послѣдняго выгибается и чѣмъ сильнѣе вода напираетъ, тѣмъ трещина конечно становится шире; когда же вода въ озерѣ начинаетъ убывать, ледяное покрывало постепенно принимаетъ горизонтальную плоскость, почему трещина необходимо должна закрыться. Кромѣ этихъ странныхъ явленій, здѣшніе жители разсказывали мнѣ еще объ одномъ, которое я не лишнимъ считаю сообщить читателю. Къ западу отъ Урдюги лежатъ два небольшія озера, такъ называемыя *Лебяжьи*, которыя, будучи нѣкогда соединены между собою посредствомъ незначительнаго ручья, изливали свои воды, черезъ рѣчку Лебяжью, въ Индегу; когда же ручей, ихъ соединявшій, мало по малу высохъ и заросъ, то одно изъ нихъ, а именно восточное, само собою образовало отводный каналъ, посредствомъ котораго воды его стали изливаться въ Урдюгу. Въ слѣдствіе этого обстоятельства оно значительно обмелѣло и плоскіе берега его высохли покрайней мѣрѣ на два аршина въ ширину, между тѣмъ какъ Урдюга оттого нисколько не углубилась, и даже Урдюгская Виска, которая изъ Урдюги вливается въ Сойму, осталась въ прежнемъ сво-

емъ видѣ. Но всего удивительнѣе то, что воды озера Урдюги, не смотря на предполагаемую связь его съ моремъ, не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей частицы соли и что въ ней водятся только такія рыбы, которыя могутъ жить въ одной прѣсной водѣ, т. е. тѣ же самыя рыбы, которыми изобилуютъ окрестныя озера; такъ напр. чиръ, который водится только въ прѣсной водѣ, принадлежитъ Урдюгѣ исключительно передъ всѣми здѣшними озерами. За неимѣніемъ времени я долженъ былъ оставить изслѣдованіе всѣхъ этихъ любопытныхъ явленій будущему наблюдателю.

Бурная и пронзительно-холодная погода побудила меня остаться на цѣлый день въ индегскомъ поселеніи. Утромъ 14 Сентября мы оставили его и переѣхали черезъ Индегу, которая, несмотря на свою значительную ширину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была такъ мелка, что, при переправѣ нашей горизонтъ воды не касался даже дна вьючныхъ саней. На лѣвомъ берегу рѣки также находится опушка лѣса, но только гораздо уже той, которую мы видѣли на противоположномъ правомъ берегу; это происходитъ вѣроятно оттого, что послѣдняя, будучи расположена непосредственно около умѣреннаго ската долины, не такъ сильно подвержена вліянію сѣверныхъ вѣтровъ. На обоихъ берегахъ лѣсъ состоялъ большею частію изъ высохшихъ деревьевъ, которыя, какъ замѣчаютъ здѣшніе обыватели, сильно пострадали отъ морозовъ, бывшихъ во время Французской кампаніи. И въ открытой тундрѣ мѣстами попадались намъ группы тощихъ деревьевъ, которыя впрочемъ мало по малу исчезали, между тѣмъ какъ умѣренно возвышающаяся холмистая земля, въ области рѣки Индеги, постепенно переходила въ

открытыя тундристыя равнины, по которымъ мы и поѣхали, держась югозападнаго направленія. Погода сего-дня, какъ и въ продолженіе всего этого мѣсяца, была очень непостоянная: при югозападномъ вѣтрѣ снѣгъ смѣнялся дождемъ, а солнечное сіяніе туманами, которые въ нашихъ глазахъ собирались и опять изчезали. Вскорѣ мы очутились около небольшой рѣки, которая, изливая воды свои въ югозападномъ направленіи, довольно долго провожала насъ, пока мы наконецъ не переѣхали черезъ нее. Каменистое русло этой рѣки было покрыто известковыми гальками, между которыми мы замѣтили также роговики и кремни, горныя породы, содержащія въ себѣ органическія примѣси и относящіяся потому къ горнымъ известнякамъ. Эти органическія примѣси представляли: Cyathophyllum ibicinum Fisch. и видоизмѣненіе ея minor, Fenestella Veneris Fisch., Terebratula Puschiana Vern. и planosulcata Kon., вмѣстѣ съ игловатыми оттисками растенія Archaeocidaris rossicus и трилобитовыми оттисками рода Phillippsia; кромѣ того мы нашли гигантскій полипъ Lithostrothion floriforme, который, представляя видъ правильнаго шара, имѣлъ слишкомъ футъ въ діаметрѣ. Рѣка эта называется *Большой Свѣтлой*, а у Самоѣдовъ *Янаяюй*, т. е. тихой рѣкой, и вливается въ Индегу въ 7 верстахъ ниже поселенія, въ которомъ мы останавливались. Потомъ мы наѣхали на ручей, извѣстный подъ названіемъ *Малой Свѣтлой*, по-самоѣдски *Хавыраяга* (отъ *хавыра*—тощій лѣсъ), который также впадаетъ въ Индегу, но только въ 12 верстахъ отъ поселенія. На крутыхъ скатахъ долины, окаймляющихъ этотъ ручей, мѣстами видно было нѣсколько неровно или перпендикулярно обрушившихся скалистыхъ стѣнъ, на

которыхъ обнаруживались частію горизонтальные, частію едва замѣтными волнами расположенные слои красноватаго и сѣровато-бѣлаго плотнаго известняка съ раковистымъ изломомъ. Изъ окаменѣлостей мы видѣли здѣсь только Cyathophyllum ibicinum; но въ этой же горной породѣ образовались, безъ всякаго сомнѣнія, и тѣ окаменѣлости, которыя были найдены нами между гальками Янайяги, потому что даже роговики и кремни этихъ послѣднихъ находились здѣсь въ первоначальномъ своемъ мѣсторожденіи, заключаясь въ общей массѣ известняка гнѣздами или нѣсколько округленными желваками, или также пластами, которые, будучи около 6 дюймовъ толщиною, выклинивались между слоями известняка. Въ узкой тѣснистой пропасти, у подошвы скалистыхъ стѣнъ, находилось еще нѣсколько огромныхъ глыбъ снѣга, который повидимому никогда не изчезаетъ. По краямъ этихъ снѣжныхъ массъ теперь только еще наступила весна, потому что Ranunculus nivalis и Arabis alpina были здѣсь въ полномъ цвѣтѣ. Подъ вечеръ мы пріѣхали къ палаткѣ одного мезенскаго мѣщанина, у котораго и остались ночевать.

(15 Сентября). Ночью выпалъ свѣжій снѣгъ, который значительно облегчилъ нашъ путь. Земля, по которой мы ѣхали, повидимому, возвышалась къ западу весьма постепенно и представляла обширныя долины и едва замѣтныя возвышенности; горизонтально напластованныя горныя породы обусловливаютъ полосу земли, почва которой производитъ огромное количество ягля. Переѣхавъ черезъ маленькій ручей, притокъ рѣки *Щучьей*, текущій по ВЮВ-ному направленію, мы увидѣли рядъ холмовъ, извѣстный у Самоѣдовъ подъ именемъ *Савсаръ*, т. е. бѣлой перхоти; названіе это указываетъ на расця-

нутую возвышенность, покрытую бѣлымъ ягелемъ и выдающуюся вдали на подобіе гребня. Съ верхушечной линіи хребта мы видѣли на ЮВ. *Болванскую сопку*, по-самоѣдски Хайседа, а на ССЗ отдѣльныя возвышенности, такъ называемыя *Двѣ Сопки*, по-самоѣдски *Сиде-Седе*; всѣ эти три сопки принадлежатъ къ цѣпи Савсаръ. На ЮВ мы открыли синѣющуюся въ отдаленіи долину, которая впрочемъ находится уже въ области лѣсовъ; это—то самое мѣсто, гдѣ рѣчка *Памбоны*, соединяясь при устьѣ своемъ съ другой рѣчкой, по имени *Талембай* (источниковъ которой мы не касались), образуетъ извѣстную уже намъ рѣку Сулу. Съ западной стороны мы ничего не могли видѣть, потому что высокая холмистая земля заслоняла намъ здѣсь весь горизонтъ; однакожъ на югозападѣ намъ указали направленіе, по которому расположены другъ подлѣ друга два значительныхъ возвышенія главнаго хребта Тиманскаго Камня, такъ называемыя *Двѣ Коврги*, по-самоѣдски *Сиде Хаврга*. На восточной сторонѣ, напротивъ того, мы видѣли высокій горный кряжъ, который представился намъ подлѣ самой Болванской сопки, съ лѣвой ея стороны, и котораго отдѣльныя возвышенія, представляя неровныя профили, свидѣтельствуютъ объ обнаженной въ нихъ горной породѣ. Это—*Памбой* или *Поцка-Бай*, т. е. Малой камень, названный такъ въ противоположность Чапцыну или Тиманскому камню, который у Самоѣдовъ извѣстенъ подъ именемъ *Арка-Бай*, т. е. Большой камень, или даже просто *Пай*, камень (каменная гора). Этотъ Памбой пролегаетъ, кажется, по сѣверовосточному направленію; къ нему примыкаетъ горный хребетъ Савсаръ, а также многіе другіе, служащіе раздѣломъ водъ, текущихъ въ Индегу.

Близъ главной сопки цѣпи Савсаръ, черезъ которую вела наша дорога, мы переѣхали второй или главный притокъ рѣки Щучьей, изливающій свои воды въ восточномъ направленіи и представляющій узенькую и весьма неглубокую рѣчку, русло которой усѣяно известковыми гальками. Третьяго ручья, протекающаго нѣсколько южнѣе, мы вовсе не касались. Рѣчка, образовавшаяся изъ этихъ трехъ ручьевъ, извѣстна у Самоѣдовъ подъ именемъ *Сатурайяги*, т. е. *Щучьей рѣки*, и впадаетъ въ Сулу нѣсколько ниже Помбоггы.

Въ самоѣдской палаткѣ намъ сообщили непріятную вѣсть, что мы не встрѣтимъ больше номадовъ, ни на пути къ рѣкѣ Ошѣ, ни даже около находящейся тамъ церкви. Это побудило меня снарядить посла къ самоѣдскому старостѣ, находившемуся въ то время около морскаго берега, съ требованіемъ собрать потребное для меня число оленей и прислать ихъ къ упомянутой церкви; самъ же я, въ сопровожденіи самоѣдскихъ семействъ, палатокъ и стадъ, отправился далѣе на западъ. По дорогѣ намъ пришлось переѣзжать черезъ три небольшихъ ручья, которые нѣсколько ниже образуютъ извѣстную уже намъ рѣчку *Палбоны*, впадающую въ Сулу близъ ея источниковъ въ главномъ хребтѣ. Первый и значительнѣйшій изъ этихъ ручьевъ окаймляется высокимъ (около двухъ саж.) скалистымъ берегомъ, на которомъ были видны горизонтальные слои зеленаго глинистаго песчаника, съ виду весьма похожаго на глинистый сланецъ; эта горная порода, будучи умѣренной плотности, въ верхнихъ слояхъ своихъ мѣстами принимала характеръ конгломерата, между тѣмъ какъ въ нижнихъ частяхъ представляла болѣе глинистую и мелко-зернистую

массу, которая всѣми своими минералогическими признаками соотвѣтствовала глинистымъ песчаникамъ, замѣченныхъ нами на рѣкѣ Цыльмѣ; въ ней мы нашли также окаменѣлые растительные стволы, въ нѣсколько дюймовъ толщиною, которые впрочемъ большею частію были сплюснуты. Остальные два ручья протекали между берегами, состоявшими изъ обломочныхъ глыбъ грубаго песчаника желтаго цвѣта.

Подавшись нѣсколько впередъ, мы, къ немалому нашему удивленію, очутились уже на западномъ откло-нѣ Чанцына камня, потому что стояли около побочнаго ручья рѣки *Волонги*, который беретъ свое начало изъ западной подошвы этого хребта. Такимъ образомъ мы незамѣтно перешагнули черезъ гребень отрога, и это очень легко могло случиться, такъ какъ округленныя и весьма умѣренно покатыя вершины его были вовсе не высоки. Между тѣмъ однообразіе, съ каковою широкія углубленія долинъ смѣнялись плоскими возвышенностями, покрытыми ягелемъ, отнюдь не соотвѣтствовало понятію, которое я себѣ составлялъ объ этомъ хребтѣ, такъ какъ я подъ названіемъ *пая* или *камня* всегда разумѣлъ цѣпь скалистыхъ горъ. Упомянутые три ручья находятся довольно высоко на рубежѣ водъ въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ притоками Волонги. На берегу одного изъ нихъ видны были горизонтальные слои желтаго песчаника, выходы котораго по краямъ и концамъ были округлены, отчего и самые холмы, изъ него образовавшіеся, имѣли, большею частію, округленныя формы. Однакожъ и здѣсь горная порода была обнажена только на весьма небольшомъ протяженіи, и вообще почва тундры очень мало благопріятствуетъ

геогностическимъ изслѣдованіямъ, потому что она вся покрыта болѣе или менѣе густымъ ягелемъ, изъ-подъ котораго ничего нельзя разсмотрѣть. Въ руслѣ того же ручья находилось нѣсколько обломочныхъ глыбъ желѣзосодержащаго песчаника, весьма похожаго на цыльмскій. Такимъ образомъ мы здѣсь находимъ тѣже самыя горныя породы, которыя образуютъ берега рѣки Цыльмы; нѣкоторыя изъ нихъ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ цыльмскихъ.

Такъ какъ мнѣ не удалось, не только прослѣдить за измѣненіями, какія происходили въ атмосферѣ и давленіи воздуха на высотѣ Чанцына камня, но и обозрѣть окрестности этого послѣдняго съ которой-нибудь изъ болѣе возвышенныхъ точекъ его, то я приказалъ своимъ провожатымъ везти себя вдоль гребня отрога, къ Оникиной сопкѣ (по-самоѣдски Оникиседа), которая, правда, только весьма немногимъ превышаетъ свои сосѣднія вершины, однакожъ, будучи видна уже издали, считается самой высокой вершиной Чанцына хребта. Дорога наша вела черезъ главный притокъ Волонги, который, представляя здѣсь мелкій ручей, струящійся по обломкамъ песчаника, извѣстенъ у Самоѣдовъ подъ именемъ *Хаюдеяги*, т. е. Медвѣжьей рѣки, и вливается въ море. Мѣстами намъ попадались небольшія голыя скалы, состоявшія почти исключительно изъ песчаника, горной породы, которая, измѣняясь только въ цвѣтѣ, являлась намъ то бѣлою, то соломенножелтою массою. Этотъ песчаникъ распространяется здѣсь по всей нагорной равнинѣ Чанцына Камня и служитъ почти единственною составною частью округленныхъ его сопокъ, которыя, вслѣдствіе легкой разрушаемости горной по-

ролы, не представляютъ почти ни одного значительнаго возвышенія. Такъ какъ начинало уже вечерѣть, то мы отложили обозрѣніе окрестностей до слѣдующаго утра и расположились ночлегомъ на одномъ изъ возвышеній Чанцына Камня, въ виду Опикиной сопки. Суровая осень сильно давала намъ чувствовать свое присутствіе, потому что термометръ въ 8 часовъ вечера стоялъ на—5° Ц.; стоячія воды подернулись ледяной корой въ полъ-дюйма толщины и при пронзительно-холодномъ ССЗ-номъ вѣтрѣ, цѣлый день шелъ снѣгъ.

(16 Сентября). Ясное небо и чистая атмосфера вполнѣ благопріятствовали моему намѣренію обозрѣть окрестности Чанцына хребта. Съ высоты, на которой мы ночевали и которая равнялась 675 футамъ, Опикина сопка представилась намъ на ЮЮВ; къ сѣверной и сѣверо-западной подошвѣ этой главной вершины примыкаетъ волнообразно-холмистая земля съ группой холмовъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ *Харіусовыхъ сопокъ*, по-самоѣдски *Туйото-седа*; къ этой группѣ относится и тотъ холмъ или возвышеніе, которое служило намъ ночлегомъ. На склонѣ холмистой земли, по направленію къ ЗСЗ, виднѣется небольшое озеро, которому упомянутая группа холмовъ обязана своимъ названіемъ, потому что оно также называется *Харіусовымъ озеромъ* (по-самоѣдски Туйото) и получило это названіе отъ рыбы *харіуса*, по-самоѣдски *туи* (Salmo Thymallus), которая ловится въ водахъ его. Харіусово озеро даетъ начало рѣчкѣ *Безмошицѣ* (по-самоѣдски *Падальсадаяа*, т. е. рѣка безъ моха), названной такъ потому, что болотистыя низменности, по которымъ она протекаетъ, почти вовсе лишены мха. Рѣчка эта вытекаетъ изъ озера

въ юговосточномъ направленіи, но по достиженіи сю равнины, прилегающей къ подошвѣ Харіусовыхъ сопокъ. поворачивается около этихъ послѣднихъ на югозападъ и въ этомъ направленіи вливается въ Пошу, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ стоитъ церковь.—Въ противоположной сторонѣ, т. е. на сѣверѣ, съ возвышенія, на которомъ мы находились, видна была самая высокая точка горнаго хребта, такъ называемыя *Кумженскія сопки* (по-самоѣдски Патара-седе), замѣтно превышающія свои сосѣднія вершины и находящіяся по компасу на ССЗ; около нихъ беретъ свое начало ручей или рѣчка *Кумжа*, по-самоѣдски *Патараяко*, обязанная своимъ названіемъ тому обстоятельству, что въ ней зачастую попадается рыба кумжа (Salmo leucomœnis Pall., по-самоѣдски патара); эта рѣчка вливается въ Волонгу съ правой ея стороны. На восточной половинѣ компаса видъ страны былъ заслоненъ высокими сопками Харіусовой группы; однакожъ я узналъ отъ своихъ провожатыхъ, что за этими сопками, по направленію къ ВСВ, находятся главныя высоты Чанцына камня, т. е. упомянутыя уже нами Двѣ Ковриги.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ все, что можно было видѣть съ возвышенія, служившаго намъ ночлегомъ, я сѣлъ въ легкія сани и велѣлъ отвезти себя къ Оникиной сопкѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ отлогими скатами, ведущими къ ея вершинѣ, усѣянной множествомъ ягля. Главный хребетъ Чанцына камня тянется здѣсь отъ юговостока на сѣверозападъ; но Оникина сопка представляетъ вершину не хребта собственно, а побочнаго рукава его, который отдѣляется отъ главной цѣпи въ видѣ отрасли и потомъ опять соединяется съ

нею. А именно, главный хребетъ, подымающійся изъ низшихъ широтъ въ высшія, почти по направленію меридіана, дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ поворотъ подъ весьма тупымъ угломъ, принимая сѣверозападное направленіе, въ которомъ и простирается до самаго моря. Противъ этого-то поворота главнаго хребта и лежитъ Оникина сопка, господствуя надъ боковымъ гребнемъ, который пролегаетъ отъ ЮЮВ на ССЗ, уклоняясь мало по малу на С и ССВ, гдѣ онъ опять соединяется съ Чапцынымъ камнемъ. Между этими двумя горными гребнями разстилается широкая плоскохолмистая долина, изъ которой вытекаютъ притоки Волонги и Безмошицы. Съ Оникиной сопки мы усмотрѣли на ССВ сопку Ковригу, а на сѣверозападѣ—Харіусово озеро. Всю западную сторону компаса занимала безпредѣльная равнина, которая терялась въ синѣющейся дали и на которой видиѣлась туманная кайма отдаленнаго лѣса. Только на юговостокѣ горизонтъ былъ ограниченъ находившимися передъ нами возвышеніями; почему я и направилъ путь свой въ ту сторону съ намѣреніемъ отыскать высочайшую точку тамошнихъ горъ и опредѣлить положеніе этихъ послѣднихъ по угламъ компаса.

Не прошло часу времени, какъ мы пріѣхали къ желанному мѣсту. Немедленно взобрался я на самую высокую вершину, откуда мнѣ со всѣхъ сторонъ представлялся обширный горизонтъ, и гдѣ я могъ составить себѣ самое ясное понятіе о взаимной связи здѣшнихъ горъ. Смотря съ этой вершины, Оникина сопка представилась намъ въ сѣверозападной сторонѣ, а главное направленіе побочнаго рукава, надъ которымъ она возвышается, вообще казалось намъ ССВ-нымъ, потому

что ССЗ-ному направленію онъ слѣдуетъ болѣе въ самомъ началѣ, около главной сопки. Отъ Опикиной тянется нѣсколько невысокихъ холмовъ, которые, пролегая поперекъ долины, примыкаютъ къ тому возвышенію, около котораго главный хребетъ дѣлаетъ поворотъ. Вправо отъ этого послѣдняго стелятся плоскохолмистыя равнины восточной стороны компаса, которыя мы уже объѣзжали и на которыхъ находятся источники Щучьей рѣки и Памбоггы, вытекающихъ изъ восточной подошвы Чанцына Камня. На юговостокѣ намъ представилась новая плоскохолмистая возвышенность, такъ называемый *Памбой* или маленькій камень, который, отдѣляясь отъ главнаго хребта въ видѣ незначительныхъ высотъ, тянется сперва въ ВЮВ-номъ направленіи, но потомъ дѣлаетъ поворотъ, чтобы направиться къ сѣверовостоку; у самаго этого поворота беретъ свое начало рѣка Памбоггы, которая въ переводѣ значитъ: *уши маленькаго камня*. Направленіе Памбоя обусловливаетъ также теченіе Сулы (по-самоѣдски Сойяга), потому что эта послѣдняя, вытекая изъ двухъ небольшихъ горныхъ озеръ, около Чанцына Камня, изливаетъ воды свои вдоль южной подошвы Памбоя, въ юговосточномъ направленіи, но потомъ, вмѣстѣ съ этимъ отрогомъ главнаго хребта, поворачивается на сѣверовостокъ и удерживаетъ это направленіе до самаго впаденія своего въ Печору. На ЮЮВ мы открыли еще одну возвышенность, представляющую нагорную равнину, южная подошва которой омывается рѣкой Сулой. Подлѣ этой возвышенности находятся гораздо значительнѣйшія горы, которыя тянутся по направленію главнаго хребта, представляя такимъ образомъ продолженіе этого послѣдняго на югъ.

Спустившись съ вершины, я поѣхалъ къ лежавшей на сѣверовостокѣ безъименной сопкѣ, около которой гора Памбой дѣлаетъ поворотъ; я сочелъ ее за самую высокую точку здѣшней мѣстности и не ошибся, потому что высота ея равнялась 815 ф., между тѣмъ какъ вершина, съ которой я только-что спустился, возвышается не больше какъ на 795, а Опикина сопка, считающаяся обыкновенно высочайшею точкою этой страны, — всего на 740 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ безъименной сопки Опикина представлялась намъ на ЗСЗ; Харіусовы сопки находились въ довольно большомъ разстояніи отъ насъ, на СЗ, а Кумженскія — на ССЗ.

Обозрѣвъ такимъ образомъ всѣ здѣшнія мѣстности, я возвратился къ своей палаткѣ и тотчасъ же велѣлъ своимъ людямъ приготовиться къ дальнѣйшему странствованію. Неуклонно слѣдуя юговосточному направленію, мы вскорѣ достигли лѣсной границы; дорога наша вела черезъ открытую тундру, на которой намъ мѣстами попадались лѣсныя оазы, состоявшія изъ замороженныхъ елей и тощихъ березъ, большею частію совершенно мертвыхъ; изрѣдка также привѣтствовала насъ Juniperus nana. Подъ кровомъ жалкаго лѣса мы раскинули свои палатки для ночлега, а олени были пущены въ открытую тундру. Сегодня Самоѣды наши замѣтили по дорогѣ дикаго сѣвернаго оленя, который присоединился-было къ ихъ стаду, но тотчасъ же опять скрылся. Также одному изъ нихъ удалось убить хареемъ куропатку; птица эта часто попадается въ открытыхъ тундрахъ и, по видимому, не очень-то пугается людей, потому что я сидѣлъ, какъ одна куропатка спокойно осталась сидѣть на своемъ мѣстѣ, не смотря на то, что наши сани про-

ѣхали мимо ея не больше какъ на разстояніи 8 шаговъ.

Здѣсь я считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя могутъ служить дополненіемъ къ изложенной уже мною орографіи и гидрографіи этой неизвѣданной еще земли. При этомъ поставляю себѣ долгомъ предупредить читателя, что свѣдѣнія эти я передаю точно такъ, какъ они достались мнѣ отъ свѣдущихъ обитателей здѣшнихъ странъ, какъ Русскихъ, такъ и Самоѣдовъ. Руководствуясь ими, я только составилъ себѣ планъ къ начертанію топографіи, такъ какъ эта послѣдняя, т. е. группировка отдѣльныхъ высотъ и водныя системы, не входитъ въ сферу наблюдательности питомцевъ природы, которые часто знаютъ самыя незначительныя возвышенія и воды своей страны, но между тѣмъ не могутъ дать себѣ никакого отчета въ существующей между ними связи.

Чанцынъ камень, какъ я уже замѣтилъ, въ своемъ южномъ протяженіи около Оникиной сопки, принимаетъ ЮЮВ-ное направленіе, только весьма незамѣтно уклоняясь отъ линіи меридіана, а въ области лѣса вдругъ сглаживается, такъ что верхушечная линія его совсѣмъ изчезаетъ, а самый хребетъ, вслѣдствіе горизонтальнаго наслоенія образующихъ его горныхъ породъ, получаетъ характеръ широкой, волнообразно-холмистой нагорной равнины, какой выказывается въ полосѣ земли, заключенной между рѣками Чиркой и Рочугой и возвышающейся среднимъ числомъ на 450 париж. фут. надъ уровнемъ моря. Эта нагорная равнина пересѣкается съ одной стороны Рочугой, а съ другой — Чиркой и Цыльмой; на восточной ея сторонѣ, образующей самый силь-

ный отклонъ, горизонтальные слои горной породы, по-видимому, часто обрушиваются на равнину, образуя террассы, которыя мѣстами принимаютъ видъ отдѣльныхъ горныхъ цѣпей; такъ напр. на правомъ берегу Космы, въ южномъ или ЮЮВ–номъ направленіи, почти параллельно главному хребту, тянется подобная цѣпь подъ именемъ *Косменскаго камня.*

Въ лѣсной странѣ, лежащей только нѣсколько южнѣе пограничной линіи лѣса, отъ сгладившихся возвышенностей главнаго хребта отдѣляется, въ видѣ отрога, невысокій волнообразно-холмистый хребетъ, который въ западномъ своемъ протяженіи представляетъ раздѣлъ водъ между береговыми рѣками съ одной, и притоками Пеши и Мезени съ другой стороны, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ замѣтнѣе возвышается, носитъ различныя названія. Хребетъ этотъ образуетъ частію ряды холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, частію возвышенныя, на подобіе нагорныхъ равнинъ, безлѣсныя тундры, которыя у здѣшнихъ Русскихъ называются степями; такъ напр. намъ извѣстна *Чушовская степь* съ двумя озерами: *Чушовымъ*, изъ котораго вытекаетъ притокъ Пеши, и другимъ небольшимъ рыбнымъ озеромъ, дающимъ начало береговой рѣкѣ *Спопъ*; также извѣстна намъ *Кривовская степь*, лежащая къ югу отъ Неси и представляющая почти горизонтальную, отчасти лѣсомъ поросшую нагорную равнину. Въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи этотъ земляной хребетъ постепенно принимаетъ ЗСЗ-ное и СЗ-ное направленіе, котораго не измѣняетъ до перехода своего на Канинскій полуостровъ, гдѣ самые крайніе концы его, образуя невысокій горный хребетъ, служатъ раздѣломъ водъ, текущихъ въ Чешскую губу и

Бѣлов мо́ре. На картахъ этотъ хребетъ обозначенъ въ видѣ самостоятельнаго горнаго кряжа, подъ именемъ *Шомоховскихъ горъ* (переименованныя нѣкоторыми въ *Шемеханскія горы*), между тѣмъ какъ названіе это есть чисто мѣстное и принадлежитъ только тѣмъ холмамъ, которые находятся около рѣчки *Шомокши*.

Къ югу отъ источниковъ Рочуги, Чапцынъ камень мало по мало принимаетъ юговосточное направленіе, а около источниковъ Цыльмы снова достигаетъ значительной высоты и пролегаетъ подъ именемъ *Малаго камня*. Въ этой части главнаго хребта беретъ свое начало рѣка Цыльма, которая сначала течетъ на сѣверъ, но при соединеніи своемъ съ Чиркой, изливающейся изъ нагорной равнины въ юговосточномъ направленіи, поворачивается на востокъ и въ этомъ направленіи вливается въ Печору. Въ странѣ Малаго камня главный хребетъ пускаетъ отъ себя на западъ невысокую отрасль, служащую раздѣломъ водъ между притоками Позы и Мезени; изъ этой отрасли вытекаетъ рѣка Самосара, которая въ соединеніи съ Рочугой образуетъ Позу.

О дальнѣйшемъ протяженіи Чапцына камня трудно получить какія-нибудь свѣдѣнія, потому что мѣстности подъ этими широтами необитаемы и почти вовсе неизвѣстны. Но тѣмъ не менѣе здѣсь пролегаетъ зимняя дорога, которая ведетъ изъ села *Вожгоры* (лежащаго на правомъ берегу Мезени, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ впаденія въ нее Пижмы) въ Устьцыльму и простирается около 225 в. въ длину. Дорога эта, извѣстная подъ именемъ *Вожгорской Тайболы*, въ сѣверовосточномъ своемъ протяженіи, слѣдуетъ теченію рѣки Пижмы до самыхъ ея источниковъ, и пересѣкаетъ на этомъ простран-

ствѣ рѣчку *Четлысъ*, которая въ СЗ-номъ направленіи вливается въ лѣвый берегъ Пижмы. Въ 5 верстахъ отъ рѣки Четлыса, дорога ведетъ черезъ «высокія каменныя горы», покрытыя мрачнымъ хвойнымъ лѣсомъ и названныя по рѣкѣ *Четлысскимъ камнемъ*; «горная порода образующая эти горы, можетъ быть употреблена на оселки», и представляетъ слѣдовательно такой же глинистый сланецъ, какой обнаруживается въ Маломъ камнѣ, на берегу рѣки Чирки. Въ разстояніи 20 верстъ отъ Четлысскаго камня находится хижина, которая, будучи расположена на берегу Мезенской Пижмы, служитъ пристанищемъ для путешественниковъ, отправляющихся изъ Вожгоръ въ Устьцыльму или обратно. На 8-й верстѣ отъ хижины лежитъ озеро, въ которомъ беретъ свое начало р. Пижма; далѣе Вожгорская Тайбола не касается уже никакихъ возвышенностей, а идетъ по болотистымъ низменностямъ до самой Устьцыльмы, гдѣ она пересѣкаетъ *Печорскую Пижму* недалеко отъ ея устья. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій оказывается, что Тиманскія горы и здѣсь также принимаютъ характеръ волнообразно-холмистой нагорной равнины, надъ которой не возвышаются никакія вершины и которая потому не имѣетъ никакого особеннаго названія. Что же касается до Четлысскаго камня на берегу рѣки Четлыса и до Малаго камня, находящагося около источниковъ Цыльмы, то оба они по всей вѣроятности, представляютъ ничто иное, какъ террассовидные обрывы этой нагорной равнины, подобно тому, какъ Косменскій камень, лежащій на берегу Космы, образуетъ террассовидные уступы, обращенные къ граничащей съ нимъ Печорской низменности. — Въ этой нагорной равнинѣ берутъ свое

начало объ одноименныя рѣки Пижмы, а также *Ухта*, притокъ Пижмы. Одна изъ ея отраслей обусловливаетъ теченіе Печоры, которая, описавъ большую кривую линію, перемѣняетъ свое прежнее западное направленіе на сѣверное и сохраняетъ это послѣднее до самаго впаденія своего въ море. Въ странѣ Поганаго носа эта отрасль, будучи пересѣчена Печорою, переходитъ черезъ эту послѣднюю, чтобы образовать плоскохолмистый земляной хребетъ, который пролегаетъ по Большеземельской тундрѣ подъ именемъ *Большеземельскаго хребта* и служитъ раздѣломъ водъ между притоками Печоры съ одной, и береговыми рѣками этой земли съ другой стороны. Нѣсколько ниже устья рѣки Узы Большеземельскій хребетъ еще разъ указываетъ Печорѣ направленіе, по которому она должна течь, и потомъ простирается къ источникамъ Коротаихи, гдѣ концы его встрѣчаются съ отрогами Полярнаго и Арктическаго Урала. О дальнѣйшемъ протяженіи Чанцына камня на юговостокъ, къ главному хребту Урала, я ничего не могъ узнать.

Обратимся теперь на сѣверъ. Мы видѣли, что главный хребетъ, начиная отъ группы Оникиной, принимаетъ сѣверозападное направленіе; остается только прибавить, что онъ удерживаетъ это направленіе (можетъ быть еще нѣсколько уклоняясь къ западу) до самаго моря, гдѣ онъ спускается къ его скалистому берегу, между устьями береговыхъ рѣкъ *Лямцы* и *Васькиной*, и гдѣ мысъ *Чанцынъ носъ* считается окончностію его. Этотъ мысъ далъ свое названіе всей горной цѣпи Чанцына камня, а самъ обязанъ имъ группѣ трехъ небольшихъ скалистыхъ острововъ, которые, находясь около самаго мыса, служатъ пристанищемъ безчисленному множеству морскихъ

птицъ, преимущественно чайкамъ, отъ чего они и получили названіе Чаичьихъ острововъ, по-самоѣдски *Холавгойе*. Далѣе надо упомянуть еще объ одномъ маленькомъ островѣ, находящемся въ морскомъ заливѣ, между мысами Чаицынымъ и Святымъ носами, противъ устья Индеги, это—островъ *Тіунецъ* или *Тиманецъ*, названіе котораго, по видимому, имѣло тѣсную связь не только съ названіемъ горнаго хребта, т. е. *Тиманскимъ* или *Тіунскимъ камнемъ*, но и съ названіемъ всей полосы земли, извѣстной подъ именемъ *Тиманской* или *Тіунской Земли*; но въ настоящее время связь эту трудно открыть. Замѣтимъ кстати, что островъ Тіунецъ или Тиманецъ, въ глазахъ промышленниковъ, замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ, какъ здѣшніе жители выражаются, *пробуравленъ*, т. е. что скалистый берегъ его имѣетъ впадину, подобную той, которую мы видѣли въ скалѣ Болванскаго носа на островѣ Вайгачѣ. Впрочемъ, касательно обоихъ названій одной и той же горной цѣпи, надо замѣтить, что эта послѣдняя у мезенскихъ мѣщанъ вообще называется Чаицынымъ камнемъ, тогда какъ въ земляхъ, лежащихъ около Печоры, она постоянно извѣстна подъ именемъ Тиманскаго камня; другое же названіе извѣстно только весьма немногимъ.

Если теперь провести прямую линію отъ Чаицына носа по направленію горной цѣпи на ЗСЗ, черезъ губу Чошу, то мы увидимъ, что она упрется въ скалистый мысъ *Микулкинъ* или *Толстый* носъ Канинскаго полуострова и что отсюда, по направленію главнаго хребта, тянется горный кряжъ, который, пролегая по сѣверной части этого полуострова, оканчивается *Канинскимъ* или *Тонкимъ носомъ*. Суля по всѣмъ дошедшимъ до меня

свѣдѣніямъ, этотъ горный кряжъ имѣетъ характеръ совершенно анологическій съ Чанцынымъ камнемъ, потому что онъ также представляетъ широкій волнообразно-холмистый хребетъ съ плоскими вершинами, который только въ пропастяхъ и поперечныхъ долинахъ, по берегамъ текущихъ изъ него рѣкъ, обнажаетъ свои высокія и неровныя скалы, образовавшіяся между прочимъ изъ выходящихъ наружу горизонтальныхъ слоевъ песчаника и известняка. По моему мнѣнію, эти Канинскія горы представляютъ конецъ Тиманской цѣпи, отдѣленный отъ своего главнаго хребта Чошской губой. На старыхъ картахъ цѣпь эта обозначена подъ именемъ *Земляныхъ горъ;* однакожъ я здѣсь нигдѣ не слыхалъ такого названія, тѣмъ болѣе, что оно даже вовсе не соотвѣтствуетъ свойству здѣшнихъ горъ. Русскіе называютъ ее *Канинскимъ камнемъ,* а Самоѣды–просто Паемъ, подобно Чанцыну камню въ Тиманской Землѣ и Уралу въ Большеземельѣ, такъ что каждая изъ трехъ главныхъ цѣпей горъ, пролегающихъ по тремъ тундрамъ, извѣстна у своихъ уроженцевъ подъ именемъ *Пая* или *Горы.* Итакъ Канинскій полуостровъ обязанъ своей формой проходящимъ по немъ концамъ Чанцына камня и западной вѣтви этого послѣдняго и представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самое крайнее звѣно Уральской цѣпи на сѣверозападѣ, а обширная долина Бѣлаго моря съ Онежскимъ и другими озерами отдѣляетъ область его отъ области Скандинавскихъ горъ, къ которой относится противолежащій Терійскій полуостровъ.

Чанцынъ камень пускаетъ отъ себя также восточную отрасль, которая, по видимому, обусловливаетъ видъ полосы земли, заключающейся между главнымъ хреб-

томъ и рѣкою Печорою, и которая, отдѣляясь около Оникиной группы подъ именемъ Памбоя, постепенно перемѣняетъ свое сѣверовосточное направленіе на чисто-сѣверное и сѣверозападное и въ этомъ послѣднемъ доходитъ до моря, гдѣ, нѣсколько сѣвернѣе устья Индеги, оканчивается мысомъ Святымъ носомъ. Отрасль эта, подъ именемъ Сарванскаго хребта, тянется между Индегскими и Сарванскими озерами, гдѣ самую высокую точку ея представляетъ извѣстная уже намъ Болванская сопка, потомъ поворачивается на сѣверозападъ подъ именемъ *Мутновскаго хребта*, заключающаго въ себѣ источники рѣки *Мутной*, которая вливается въ Индегу нѣсколько выше мѣстечка того же имени; наконецъ она переходитъ въ мысовую Землю, гдѣ пролегаетъ подъ именемъ горной цѣпи *Хальмергой* и гдѣ, на восточной сторонѣ Индегской губы, оканчивается узкой и длинной косой земли Святаго носа. Горная порода, встрѣчающаяся на скалистомъ берегу моря, около Святаго носа, представляетъ известнякъ, весьма похожій на тотъ, который образуетъ гальки на берегу *Сѣтлой* и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ этой страны; она содержитъ въ себѣ множество желваковъ сѣраго кремня, употребляющагося охотниками для высѣканія огня. Полоса земли, о которой мы сейчасъ упоминали, такъ узка, что охотникамъ представляется возможность самымъ простымъ образомъ ловить песцовъ, водящихся во множествѣ во всѣхъ здѣшнихъ холмахъ и сопка. Для этого они становятся въ рядъ у самаго основанія мыса и съ шумомъ и крикомъ подвигаются къ постепенно съуживающемуся концу его; песцы, спасаясь отъ преслѣдованій охотниковъ, необходимо должны сойтись на самомъ концѣ

мыса, гдѣ, не видя никакого средства къ спасенію, рѣшаются пройти сквозь рядъ своихъ неутомимыхъ преслѣдователей и при этомъ находятъ себѣ вѣрную смерть. Наконецъ островъ Колгуевъ, который лежитъ на продолженной линіи Памбоя, вѣроятно есть самый крайній конецъ этой побочной цѣпи, подобно тому, какъ сѣверная часть Канинскаго полуострова представляетъ собою конецъ главнаго хребта (¹).

Обширная долина, разстилающаяся между Чанцынымъ камнемъ и Памбоемъ, орошается притоками Индеги, которая служитъ главнымъ отводнымъ каналомъ для рѣкъ этой страны; въ верховьяхъ своихъ она слѣдуетъ сѣверному направленію, но потомъ мало по малу поворачивается на СЗ и уже въ этомъ направленіи достигаетъ своего широкаго устья. — На юговостокѣ здѣшнія воды принимаются Сулою, которая передаетъ ихъ Печорѣ. Изъ притоковъ ея самый значительный — *Сой-*

(¹) Самое раннее извѣстіе о Чанцынномъ камнѣ, сколько мнѣ извѣстно, дошло до насъ отъ Англичанина William Pursglove, который въ 1611 г. зимовалъ въ Пустозерскѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ, а оттуда по дѣламъ торговли совершилъ поѣздку въ Мезень и Холмогоры. «Ноября 23-го», говоритъ онъ, «покинулъ я Пустозеру съ намѣреніемъ отправиться въ Россію въ сопровожденіи нѣсколькихъ Русскихъ, Пермяковъ и Самоѣдовъ; послѣдніе, служившіе нашими проводниками, повели насъ черезъ горный хребетъ, который они называютъ *Камени* (Чанцынъ камень), но который образуется не изъ камня, какъ напр. Норвежскія горы, а представляетъ большею частію плоскій земляной хребетъ, въ которомъ болотистый грунтъ смѣшается холмами». См. Purch. Pilgr. T. III стр. 547. — Изъ русскихъ писателей Фоминъ, кажется, былъ первый, который довольно вѣрно изобразилъ этотъ горный хребетъ во всемъ его протяженіи. См. Фомина Описаніе Бѣлаго моря. стр. 43.

ма, которая, протекая по юговосточному направленію, вливается въ свою главную съ лѣвой ея стороны, въ 10 верстахъ выше деревни *Сульской*. По берегамъ Сулы находятся два селенія: упомянутая деревня *Сульская* или *Мысова*, лежащая въ 60 верстахъ выше впаденія Сулы въ Печору или въ 45 верстахъ, по прямой линіи, отъ деревни Великовисошны на берегу Печоры; другая деревня, лежащая 8-ью верстами выше Мысовой и двумя ниже впаденія Соймы, населена мезенскими переселенцами и не причисляется уже къ Пустозерской волости. Сула, какъ мы уже прежде замѣтили, извѣстна въ исторіи русскаго горнаго промысла, потому что въ одно время съ серебросодержащими мѣдными рудами, самыми древними, которыя были разработываемы Русскими на берегахъ Цыльмы и Космы, найдена была точно такая же руда на рѣкѣ Сулѣ, и фактъ этотъ подтверждается даже преданіемъ, сохранившимся объ немъ между Самоѣдами.

(17 Сентября). Утромъ, когда надо было впрягать оленей, мы, къ немалому нашему удивленію, не нашли ни стада, ни пастуховъ. На землѣ видны были волчіи слѣды, изъ чего мы заключили, что стадо наше было испугано волками и бѣжало, а пастухи отправились отыскивать его. Это непредвидѣнное обстоятельство заставило насъ остаться на мѣстѣ безъ всякаго дѣла. Не зная, какъ убить время, я началъ считать годовалыя кольца окружавшихъ насъ деревьевъ, чтобы по числу ихъ съ точностію опредѣлить годъ, въ которомъ здѣшній лѣсъ пострадалъ отъ морозовъ (1). Стадо наше было

(1) См. прибавл. во II Томѣ «Ueber die Grenzen der Holzgewächse etc.»

пригнано не раньше вечера, потому что съ нимъ дѣйствительно случилось то, что мы предполагали, но къ счастію оно не лишилось ни одного оленя. Погода сегодня цѣлый день была довольно теплая, не смотря на восточный вѣтеръ, который къ вечеру обратился въ бурю. Около 9 часовъ по полудни термометръ стоялъ на точкѣ замерзанія. Равнины, по которымъ мы ѣхали, возвышались на 200 париж. футовъ надъ уровнемъ моря.

(18 Сентября). Въ 7½ часовъ утра, при ясной погодѣ и умѣренномъ восточномъ вѣтрѣ, было 5 градусовъ морозу. Выпавшій почью снѣгъ ускорялъ нашу ѣзду. Полоса земли, по которой мы продолжали наше путешествіе, представляла совершенную равнину безъ всякихъ возвышенностей; безпрестанно улучшавшійся лѣсъ только мѣстами прерывался безплодными тундрами. Намъ попадались не только зеленѣющія ели, но и живыя березы, которыя однакожъ представляли только небольшія деревца, всего какихъ-нибудь двѣ, три сажени вышиною, и были уже совершенно голы. Мы переѣхали черезъ окаймленный крутыми, отвисльми берегами ручей *Заворотный*, который обязанъ своимъ названіемъ тому обстоятельству, что онъ впадаетъ въ море не въ сѣверномъ направленіи, какъ это дѣлаетъ большая часть рѣкъ этой страны, а течетъ сперва на югъ, чтобы соединиться съ Безмошницей, впадающей въ Пошу съ правой ея стороны, нѣсколько выше того мѣста, гдѣ находится церковь. По лѣвой рукѣ, около опушки лѣса, мы замѣтили крестъ. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ на небосклонѣ тянувшуюся надъ самымъ лѣсомъ снѣжную кайму, которая обозначала хребетъ Чанцына

камня; это была Оникина группа, пролегавшая въ сѣверовосточномъ направленіи. Наконецъ намъ представилась и церковь; мы подъѣхали къ опушкѣ лѣса, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ селеніе, расположенное на берегу Пошки. На здѣшнемъ лѣсѣ уже замѣтно обнаруживалось благодѣтельное климатическое вліяніе, производимое долиной рѣки Пошки и шпрокой широтой, подъ которой эта мѣстность лежитъ; потому что здѣсь намъ опять представилась сосна, которой мы не видали уже болѣе двухъ мѣсяцевъ. Правда, дерево это попадалось намъ здѣсь только въ видѣ маленькихъ и тощихъ экземплярахъ, но за то въ странѣ, лежащей всего какими-нибудь 30-ью верстами ниже, оно образуетъ мощные стволы, годные для строеваго матеріала, потому что всѣ зданія около Пошпекой церкви построены изъ сосноваго лѣса, сплавленнаго оттуда. Говорятъ однакожъ, что въ 7 или 8 верстахъ ниже церкви дерево это опять изчезаетъ, такъ что самая сѣверная граница его произрастанія въ этихъ мѣстахъ совпадаетъ съ $66\frac{1}{2}^{0}$ с. ш. Ель и береза представляли здѣсь большею частію живые и свѣжіе экземпляры, и полагаютъ, что онѣ, по крайней мѣрѣ первая, ростутъ по всему теченію Пошки до самаго впаденія ея въ море подъ 67° с. ш., обстоятельство, которому эта рѣка обязана своимъ самоѣдскимъ названіемъ *Пастыяги*, т. е. лѣсной рѣки. Кромѣ того мы находили здѣсь еще слѣдующія растенія: Prunus Padus, Pyrus Aucuparia, Lonicera Pallasii, Rosa acicularis, Ribes rubrum et nigrum, Andromeda calyculata, Spiraea Ulmaria, Senecio octoglossus и т. д. Что касается до лиственницы, то она въ этой полосѣ земли нигдѣ

не встрѣчается, потому что здѣшняя почва ей вовсе не соотвѣтствуетъ.

Наконецъ мы прибыли къ берегу рѣки и очутились противъ самой церкви; намъ немедленно прислали лодку, на которой мы переѣхали черезъ рѣку на противоположный берегъ, гдѣ насъ помѣстили въ просторной и чистой комнатѣ, въ квартирѣ священника.

Скромная деревянная церковь, окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, построена на высокомъ песчаномъ лѣвомъ берегу Поши въ 1732 г., совершенно по плану двухъ другихъ церквей, изъ которыхъ одна возвышается на берегу Колвы, а другая на берегу Неси. Подлѣ нея находятся жилища священника и дьякона, просторныя и жилыя зданія, построенныя по общепринятой въ Архангельской губерніи методѣ, по которой жилые покои располагаются во второмъ этажѣ, а нижній этажъ или, лучше сказать, подвалъ назначается для храненія домашней провизіи; подъ одной крышей съ жилымъ зданіемъ помѣщается и конюшня, а баня, какъ необходимая принадлежность каждаго Архангельскаго жителя, занимаетъ побочный флигель. Неподалеку отъ церкви группируются нѣсколько хижинъ, обитаемыхъ однимъ крестьянскимъ семействомъ, которое поселилось здѣсь еще до построенія церкви и поддерживаетъ свое существованіе рыбной ловлей и кой-какимъ скотоводствомъ. Прекрасные обильные луга, разстилающіеся по берегу рѣки, даютъ достаточное количество сѣна всѣмъ находящимся здѣсь животнымъ, тѣмъ болѣе, что число послѣднихъ очень ограничено. Здѣшній поселенецъ нѣсколько лѣтъ сряду пытался сѣять зерновой хлѣбъ, но наконецъ рѣшительно бросилъ это занятіе, потому что, кромѣ

ячменя, у него ничего не созрѣвало; даже рѣдька и морковь, которыя здѣсь сажаютъ каждое лѣто, производятъ большею частію только весьма тоненькіе корешки. Поименованныя овощи, вмѣстѣ съ лукомъ, разводятся и во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ до самой Мезени, и суть единственныя произведенія, которыя могутъ быть получаемы отъ здѣшней почвы, но и то только при самой тщательной обработкѣ этой послѣдней. Въ 20 верстахъ ниже Пошенской церкви, на той же самой рѣкѣ, лежитъ еще одно небольшое мѣстечко, гдѣ поселилось два семейства мезенскихъ мѣщанъ, которые занимаются рыбной ловлей и охотой за морскими животными.

Судьбѣ угодно было, чтобы я, въ ожиданіи своихъ оленей, цѣлую недѣлю провелъ въ бездѣйствіи, пользуясь гостепріимствомъ добродушнаго священника Пошенской церкви, однакожъ любезный мой хозяинъ всячески старался успокоить меня на этотъ счетъ и разсказалъ мнѣ одинъ случай, по которому какой-то путешественникъ, объѣзжавшій тундры до меня, долженъ былъ пробыть у него въ домѣ цѣлыхъ три недѣли. Дѣло въ томъ, что путешественникъ этотъ имѣлъ неосторожность отпустить оленей, на которыхъ онъ пріѣхалъ къ рѣкѣ Пошѣ, не позаботившись предварительно о полученіи другихъ; почему и долженъ былъ оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока Самоѣды не возвратились въ этотъ край, къ зимнимъ своимъ кочевьямъ, и не дали ему возможность продолжать свое путешествіе. Это былъ предпріимчивый Пахтусовъ, который, возвращаясь изъ Новой Земли, претерпѣлъ около устья Печоры кораблекрушеніе и потому долженъ былъ совершить свой обрат-

ный путь изъ Пустозерска сухимъ путемъ, по негостепріимнымъ тундрамъ.

Въ Воскресенье, 26 Сентября, Самоѣды наконецъ прибыли вмѣстѣ съ ожидаемыми оленями; я раскланялся со всѣмъ домомъ и пустился въ дорогу. Погода, во все это время, была очень непостоянна; сѣверный вѣтеръ смѣнялся южнымъ и оба они приносили съ собой попеременно морозъ и снѣгъ или сырые туманы и дожди. Пошла уже нѣсколько разъ покрывалась ледяной корой, которая однакожъ, при южномъ вѣтрѣ, всякій разъ опять пропадала; даже снѣгъ, покрывавшій всю землю, во многихъ мѣстахъ совершенно изчезалъ; 24 числа мы видѣли слабое сѣверное сіяніе. Дорога наша вела черезъ лѣсистыя равнины, растительность которыхъ имѣла характеръ лѣсовъ, находящихся по берегамъ Пошки, и представляла намъ всѣ тѣ же роды деревьевъ. Впрочемъ эти лѣсныя равнины простирались только до лѣваго притока Пошки, рѣчки *Захарьиной*, черезъ которую мы перешли по льду; за этой рѣкой лѣсъ смѣняется совершенно голой бугристой тундрой, которая, будучи прерываема вязкими, мшистыми болотами, безпрестанно заставляла насъ дѣлать большіе круги. Подъ вечеръ мы пріѣхали къ довольно скудной лѣсной оазѣ, гдѣ и раскинули свою палатку для ночлега.

(27 Сентября). Мы не мало обрадовались даже скудному лѣсу, потому что замѣтили, что полозья нашихъ саней, вслѣдствіе сильнаго треніа о мерзлую и неровную почву, почти совсѣмъ растрескались. Самоѣды мои тотчасъ же изготовили новыя полозья и при этомъ я невольно удивился, какъ проворно и искусно эти номады работаютъ, единственно съ помощію топора. Влажные

туманы и мелкій проницательный дождь, обыкновенный спутникъ юговосточнаго вѣтра, придавали полосѣ земли, по которой мы продолжали наше путешествіе, какой-то печальный и унылый видъ. Голыя тундристыя равнины, усѣянныя безчисленнымъ множествомъ высокихъ мерзлыхъ кочекъ, которыя покачивали наши сани то на одну, то на другую сторону; безчисленныя мшистыя болота, въ которыхъ олени уходили по самую грудь, такъ что ихъ оттуда надо было вытаскивать общими силами,—все это чрезвычайно замедляло нашу ѣзду. Теперь мы легко могли себѣ объяснить причину, почему номады вообще избѣгаютъ этихъ мѣстъ, которыя лѣтомъ одинаково непроходимы, какъ для номадовъ, такъ и для путешественниковъ, такъ что это пространство земли, отъ Индеги до Неси, въ это время года, можно переѣхать только въ одномъ мѣстѣ, а именно около морскаго берега. Печальное однообразіе этихъ сѣверныхъ пустынь только изрѣдка прерывается кой-какими скудными рощами, которыя красуются здѣсь подобно островамъ на поверхности моря и которыя, имѣя большею частію свои особенныя названія, встрѣчаются въ разбросѣ до самаго моря; онѣ состоятъ преимущественно изъ елей, а также изъ кривыхъ березъ и сосенъ. Въ долинѣ рѣки Сюпы, къ которой мы теперь подъѣхали, лѣсъ имѣлъ несравненно лучшую наружность, будучи и гуще и свѣжѣе, и состоялъ преимущественно изъ сосенъ, которыя, какъ мнѣ говорили, попадаются еще далеко на сѣверѣ, внизъ по теченію рѣки, отчего эта послѣдняя и получила свое самоѣдское названіе *Iettеяи* т. е. сосновой рѣки.

Спопа была еще свободна ото-льда; однакожъ послѣ непродолжительныхъ поисковъ, намъ удалось напасть на такое мѣсто, гдѣ она была покрыта тонкой ледяной корой. Здѣсь-то, т. е. нѣсколько ниже устья рѣчки *Васильевой*, впадающей въ свою главную, съ лѣвой ея стороны, мы рѣшились переправиться черезъ нее со всѣмъ своимъ багажемъ; для этого люди мои предварительно распрягли всѣхъ оленей и съпомощію веревокъ перетащили сперва сани, а потомъ принялись и за оленей; но такъ какъ поимка и переправа каждаго изъ нихъ по-одиночкѣ были сопряжены съ большею тратою времени и немалыми трудами, то мы рѣшили погнать всѣхъ остальныхъ оленей вмѣстѣ, при чемъ произошла довольно трогательная сцена, потому что ледъ, не будучи въ состояніи выдержать тяжести 22-хъ оленей, проломился въ самой срединѣ рѣки и все стадо очутилось въ водѣ, такъ что оно принуждено было пуститься въ плавь, и сквозь ледъ пробить себѣ дорогу къ нашему берегу. Эта переправа значительно сократила нашъ путь, потому что въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы позаботиться объ лодкѣ, для полученія которой мы бы должны были отправиться въ единственное населенное мѣстечко, лежащее на берегу этой рѣки, въ 10 верстахъ, по прямой линіи, отъ мѣста нашей переправы. Проѣхавъ еще нѣкоторое пространство, мы наткнулись на лѣсную оазу, въ которой и рѣшились расположиться ночлегомъ.

(28 Сентября). Характеръ полосы земли, по которой мы ѣхали, оставался все тотъ же. Узкій береговой ручей, извѣстный подъ именехъ *Омицы*, заставилъ насъ призадуматься, какъ переѣхать черезъ него, потому что онъ, подобно всѣмъ рѣкамъ этой мѣстности, окаймленъ

высокими крутыми берегами и не былъ еще покрытъ льдомъ; однакожъ мы и здѣсь отыскали такое мѣсто, гдѣ намъ можно было переправиться черезъ него по ледяному покрывалу. Отъѣхавъ нѣсколько отъ ручья, мы прибыли въ какое-то незначительное населенное мѣстечко, находящееся на правомъ берегу *Омы* (по-самоѣдски Хаата); здѣсь мы остались почевать, отправивъ пожитки свои на другой берегъ рѣки, гдѣ Самоѣды наши раскинули палатку.

Мѣстечко это находится въ 30 верстахъ отъ морскаго берега и все народонаселеніе его состоитъ изъ одного семейства мезенскаго переселенца, который, въ слѣдствіе скотскаго падежа, лишился почти всѣхъ своихъ оленей и теперь поддерживаетъ свое существованіе рыбной ловлей въ рѣкѣ Омѣ, охотой за тюленями и разведеніемъ рогатаго скота. Долина рѣки Омы довольно богата лѣсомъ, однакожъ сосны здѣсь не было, потому что послѣдніе тощіе экземпляры ея, которые мы видѣли, находились на берегу Омы, въ нѣсколькихъ верстахъ выше настоящаго мѣста нашего ночлега, между тѣмъ какъ ель окаймляетъ рѣку еще на пространствѣ цѣлыхъ 15 верстъ далѣе къ сѣверу. По берегамъ Сюпы это дерево изчезаетъ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже находящагося тамъ поселенія, рѣку же Пошу оно провожаетъ, какъ мы уже замѣтили, до самаго устья ея. Почти той-же полосы держатся разбросанныя по тундрѣ лѣсныя оазы.

(29 Сентября.) Мы переѣхали черезъ Ому и, видя, что Самоѣды мои уже все приготовили къ отъѣзду, немедленно пустились въ дорогу. По пути намъ пришлось переѣхать черезъ *Льтницкую* рѣчку, впадающую

въ Ому, а потомъ черезъ узенькій береговой ручей *Талейяу*. Между тѣмъ ѣзда наша по однообразнымъ и пустынным тундристымъ равнинамъ становилась все труднѣе и труднѣе, потому что относительно высокая температура и южные вѣтры, сопровождаемые безпрестанными дождями и туманами, размягчили всѣ болота и топи. Когда мы подъѣхали къ р. *Вижасу*, насъ не мало поразила свѣжесть находящагося здѣсь лѣса, потому что въ немъ не только не было ни одного сухаго дерева, но даже искривленные экземпляры ели и березы были весьма рѣдки. Насъ перевезли черезъ рѣку, которая была наполнена льдинами, пригоняемыми сюда изъ моря приливомъ, и мы расположились ночлегомъ въ находящейся на лѣвомъ берегу хижинѣ какого-то поселянина. Не смотря на то, что мѣсто нашего ночлега находилось въ 30 верстахъ отъ устья Вижаса, приливы и отливы здѣсь бываютъ весьма ощутительны; во время осени каждый приливъ гонитъ отставшія отъ морскихъ береговъ льдины вверхъ по рѣкѣ, которыя съ наступленіемъ отлива опять уходятъ. Въ Сюпѣ и Омѣ приливъ доходитъ до находящихся около нихъ мѣстечекъ, а въ Пошѣ только до перваго поселенія.

(30 Сентября) Мы продолжали наше путешествіе по той же пустынной землѣ, по тѣмъ же болотистымъ тундрамъ, какъ и въ предшествовавшіе дни; будучи перебрасываемы вмѣстѣ съ санями съ одной кочки на другую, мы подвергались опасности заболѣть морскою болѣзнію. Вообще эта полоса земли относится къ самымъ ужаснѣйшимъ пустынямъ своего рода и земной шаръ едва-ли можетъ похвалиться еще нѣсколькими подобными мѣстами.

На небольшомъ возвышеніи я замѣтилъ деревянное строеніе, которое, какъ мнѣ сказали, было ничто иное какъ самоѣдская могила; чтобы лучше разсмотрѣть ее, я велѣлъ своимъ Самоѣдамъ подвезти себя къ самому возвышенію. Могила эта имѣла видъ гроба и представляла четырехугольный ящикъ, сколоченный изъ коротенькихъ бревенъ, которыхъ только внутреннія стороны были кое-какъ обтесаны, между тѣмъ какъ наружныя сохраняли свою природную древесную кору со всѣми сучьями и неровностями. Два такихъ же короткихъ бревна служили ящику крышкой и держались на немъ только своею тяжестію; но чтобы хоть нѣсколько предохранить ихъ отъ паденія, для этого сверхъ ихъ, поперекъ ящика, были положены двѣ бревенчатыя доски, выдающіеся концы которыхъ, имѣя по отверстію, надѣвались на четыре столба, вколоченные въ землю по угламъ ящика. Столбы эти въ тоже время вѣроятно служили подпорою и всему зданію, потому что для этой цѣли, на землѣ, между ящикомъ и каждыми двумя столбами, было положено еще по одному коротенькому бревну. На все это неуклюжее строеніе не было употреблено ни малѣйшей частицы желѣза, ни одного деревяннаго гвоздя, а потому бревна, изъ которыхъ оно было составлено, такъ неплотно приходились другъ къ другу, что въ оставленныя между ними щели со всѣхъ сторонъ можно было видѣть лежавшій въ ящикѣ трупъ, для совершеннаго раскрытія котораго намъ стоило только снять со столбовъ верхнія доски и отодвинуть нѣсколько бревна, закрывавшія внутреннее пространство ящика. Трупъ, совершенно уже истлѣвшій, былъ покрытъ кускомъ сукна, отъ котораго сохранилось еще нѣсколько лоскут-

ковъ; судя по величинѣ его, онъ принадлежалъ вѣроятно десятилѣтнему мальчику и лежалъ въ гробу на лѣвомъ боку; голова его была обращена къ ЗСЗ, а лице къ С, но такъ, что глаза его смотрѣли больше въ землю. Въ головахъ, съ одной стороны находилась корзиночка изъ бересты, а съ другой — деревянная миска и такая же ложка; кромѣ этихъ вещей и еще порядочнаго количества шерсти, отставшей отъ одежды покойника, мы въ гробу ничего больше не видали; на возвышеніи же, подлѣ могилы, лежали сломанныя дѣтскія сани, брошенныя какъ будто случайно. Однакожъ слѣдовъ принесенныхъ въ жертву оленей мы здѣсь нигдѣ не замѣчали, и когда я спросилъ своихъ Самоѣдовъ, отчего это происходитъ, то мнѣ отвѣтили, что подобныя жертвы приносятся только при погребеніи взрослыхъ, которые при жизни своей сами умѣли управлять оленями. Изъ этого видно, что Самоѣды, вѣруя въ загробную жизнь, полагаютъ, будто покойники навсегда остаются въ томъ же самомъ возрастѣ, въ какомъ они оставляютъ здѣшній міръ.

Удовлетворивъ своему любопытству, мы отправились дальше и наѣхали на береговую рѣчку *Крутую* (по-самоѣдски *Сандекола*), прозванную *Большой* для отличія ея отъ другой рѣчки, извѣстной подъ именемъ *Малой Крутой* и впадающейся въ море къ западу отъ первой. Несмотря на узкое русло свое, рѣчка эта была довольно глубока и мы не иначе могли перебраться черезъ нее, какъ устроивъ предварительно мостикъ, при чемъ ростущія по берегамъ ели пришлись намъ очень кстати. Перебравшись благополучно черезъ рѣку, что конечно продолжалось довольно долго, мы поѣхали по

открытымъ тундрамъ, а нѣсколько дальше коснулись опушки нѣкоторыхъ изъ лѣсныхъ оазъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Бараковыхъ острововъ*. Между тѣмъ наступилъ вечеръ и мы расположились ночлегомъ среди тундры. Отъ безпрерывныхъ дождей и умѣренной температуры снѣгъ почти совершенно растаялъ; сильный югозападный вѣтеръ, не переставшій дуть въ продолженіе цѣлаго дня, къ вечеру обратился въ ужасную бурю, которая такъ сильно бушевала, что мы съ каждой минутой ожидали, что она снесетъ нашу палатку и оставитъ насъ подъ открытымъ небомъ, и это очень легко могло бы случиться, еслибъ мы не догадались обвертѣть свою палатку веревками и прикрѣпить концы ихъ къ санямъ. 1-го Октября вѣтеръ, дувшій наканунѣ, смѣнился сѣвернымъ; ясная погода безпрестанно уступала свое мѣсто, то снѣгу, то граду. Тундристыя равнины, по которымъ мы продолжали наше путешествіе, по-прежнему были унылы и однообразны. Вправо отъ насъ оставался лѣсной островъ *Іолгувъ*, названіе котораго напоминаетъ Самоѣдамъ слѣдующее историческое событіе: горсть сибирскихъ Самоѣдовъ (племени Харуци) изъ рода *Іолъ*, замѣревавшаяся сдѣлать нападеніе на городъ Мезень, была настигнута около этой лѣсной оазы мирными европейскими Самоѣдами, которые, желая избавиться отъ безпрестанныхъ набѣговъ этихъ сибирскихъ хищниковъ, воспользовались ихъ сномъ и умертвили ихъ. При этомъ случаѣ Самоѣды мои разсказали мнѣ еще одно подобное происшествіе, которому обязана своимъ названіемъ рѣчка *Грабежна*, впадающая въ море къ западу отъ Поши. Происшествіе это состояло въ томъ, что толпа сибирскихъ же Самоѣдовъ, послѣ совершенія удачнаго набѣга,

расположилась лагеремъ на берегу рѣчки (Грабежны), и когда всѣ мужчины отправились въ лѣсъ за дровами, оставивъ женъ своихъ караулить добычу и оружіе, состоявшіе, большею частію, изъ луковъ и стрѣлъ, то противники ихъ, Русскіе (?), незамедлили воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ для отомщенія нарушителямъ ихъ спокойствія: вышедши изъ засады, они бросились на беззащитный лагерь и овладѣли всѣмъ находившимся въ немъ караваномъ; возвратившихся же безоружныхъ мужей они положили на мѣстѣ. Изъ этихъ преданій видно, что несчастныя самоѣдскія женщины, даже во время походовъ, должны были слѣдовать за своими мужьями, чтобы доставлять имъ всѣ удобства кочевой жизни.

По дорогѣ, съ лѣвой стороны, насъ провожала полоса болѣе связнаго лѣса, которая, начинаясь подъ низшими широтами, тянется на сѣверъ и, подобно широкому береговому мысу, выдается въ море открытой тундры, отчего она и получила названіе *Толстаго носа*, (по-самоѣдски *Лыата-сале*). Земля, по мѣрѣ приближенія къ этой лѣсной полосѣ, постепенно возвышается, а по самой полосѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ, пролегалъ рядъ плоскихъ, лѣсомъ покрытыхъ, холмовъ, который, какъ намъ казалось, слѣдовалъ ЗСЗ-ному направленію. Та часть цѣпи, которая высотой своей превышаетъ остальную и вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе лишена лѣса, извѣстна у здѣшнихъ жителей подъ названіемъ *Кривовскаго хребта* или *Кривовской степи*; названіе это, вѣроятно, перешло отъ находящагося въ этой странѣ озера *Кривово*.

Наконецъ, къ общей нашей радости, мы увидѣли

церковь, которая, возвышаясь на правомъ берегу Неси, уже издали привѣтствуетъ ѣдущаго къ ней путешественника. Однакожъ мы не скоро еще добрались до нея, потому что ведущая къ ней прямая дорога во многихъ мѣстахъ прерывалась непроходимыми топкими болотами, по милости которыхъ мы безпрестанно должны были дѣлать лишніе круги. Такимъ образомъ намъ пришлось переѣхать черезъ побочный ручей Неси, извѣстный подъ именемъ *Яристой* рѣчки (т. е. рѣчки съ крутыми береговыми скатами) и лежавшій далеко въ сторонѣ отъ прямой дороги; потомъ должны были медленно и съ большою осторожностію перебираться черезъ вязкія болота, которыхъ мы, при всемъ нашемъ желаніи, никакъ не могли миновать, и только вечеромъ поздно мы очутились на правомъ берегу Неси, въ теплой и просторной комнатѣ, которую радушный священникъ здѣшней церкви отвелъ намъ въ своей квартирѣ.

Пользуясь свободными и спокойными часами, я сообщу читателю еще нѣкоторыя географическія свѣдѣнія о самоѣдскихъ тундрахъ. Упомянутый нами Кривовской хребетъ, сѣвернымъ концомъ своимъ, переходитъ въ равнину, и только въ 10 верстахъ отъ озера Паруснаго, дающаго начало рѣкѣ *Чижѣ*, по направленію того же хребта, снова возвышается рядъ невысокихъ холмовъ, который, пролегая въ ЗСЗ или даже просто въ сѣверозападномъ направленіи, извѣстенъ здѣсь подъ именемъ *Шомоховскихъ горъ*. Эта цѣпь холмовъ оканчивается, на западномъ берегу Канинскаго полуострова, мысомъ *Волосовымъ носомъ* и обязана своимъ названіемъ небольшой рѣкѣ *Шомокшѣ*, которая, вытекая изъ ея подошвы, вливается въ Бѣлое море, къ сѣверу отъ Чижи. Далѣе

на сѣверъ, до самыхъ Канинскихъ горъ, разстилается обширная равнина, безъ всякихъ возвышенностей. — Канинскій камень представляетъ волнообразно-холмистую цѣпь горъ съ такими отлогими скатами, что черезъ хребетъ его можно перейти почти незамѣтно. Юговосточнымъ концомъ своимъ этотъ горный кряжъ образуетъ выдающійся въ море широкій мысъ, *Микулкинъ* или *Толстый носъ*, отъ котораго онъ, постепенно съуживаясь тянется на сѣверозападъ, гдѣ оканчивается *Канинскимъ* или *Тонкимъ посомъ* (по-самоѣдски *Яптасале*, т. е. узкій мысъ). На этой узкой косѣ земли охота за песцами производится такимъ же способомъ, какъ и на Святомъ посу у Индегской губы.

Для пополненія свѣдѣній о геогностическомъ образованіи Канинскихъ горъ, я считаю не лишнимъ сообщить читателю все слышанное мною объ этомъ предметѣ отъ мезенскаго мѣщанина Алексѣя Окладникова. По его разсказамъ, по сосѣдству Микулкина или Толстаго носа, встрѣчается сплошной крупнозернистый гранитъ, который выходитъ наружу, какъ на сѣверномъ склонѣ горнаго хребта, при устьѣ рѣчки *Рыбной*, такъ и около южной подошвы его, на берегу Жемчужны. Та же самая горная порода, съ примѣсью слюды, появляется и на небольшомъ островѣ, который, находясь близъ морскаго берега, противъ самаго мыса, между устьями упомянутыхъ двухъ рѣчекъ, называется у Самоѣдовъ *Халавъ-ойе*, а у русскихъ промышленниковъ — *Чашьимъ островомъ* (чистый переводъ самоѣдскаго названія) или также *Кувшиномъ*, названіе, которое здѣсь очень часто дается уединеннымъ островкамъ и скалистымъ рифамъ.— Отъ Окладникова же я узналъ о существованіи на этомъ

полуостровѣ соляного ключа, который находится около рѣчки *Шойны*, въ 20 верстахъ отъ Канинскаго камня. Разскащикъ увѣрялъ меня, что онъ неоднократно самъ пробовалъ выварывать разсолъ изъ этого ключа и всякій разъ получалъ превосходную поваренную соль.

Рѣки, впадающія въ Чошскую губу, начиная отъ Чанцына мыса къ западу, встрѣчаются въ слѣдующемъ порядкѣ: *Васькина*, *Руманишна*, *Черная*, *Шубна*, *Великая*, *Средняя* или *Пещанка* (по-самоѣдски *Іеръяга*); *Волоша*, *Безужна*, *Пришатница*, *Пошица*, *Поша*, *Грабежна*, *Сношица*, *Сопа*, *Крутая*, *Омица*, *Ома*, *Вижасъ*, *Крутая*; *Большой Перепускъ* (по-самоѣдски *Неарцитаяга*, т. е. рѣка мелкаго кустарника, отъ *неарка*–мелкій кустарникъ); двѣ одноименныя рѣчки *Хуутаяга* (т. е. рѣка сплавнаго лѣса, отъ хуу—сплавной лѣсъ); *Голубница*, *Малый Перепускъ* (по-самоѣдски *Нуде-Неарцитаяга*, т. е. малая рѣка мелкаго кустарника) и наконецъ *Чоша* (по-самоѣдски Падараяга, т. е. лѣсная рѣка). Эта послѣдняя, сама по себѣ, очень невелика, но она имѣетъ свое значеніе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ она способствуетъ устройству воднаго пути, который почти непосредственно соединяетъ губу Чошу съ Бѣлымъ моремъ, а во-вторыхъ она передаетъ свое названіе огромной губѣ, которая омываетъ восточный берегъ Канинскаго полуострова и Малую Землю, до мыса Святаго носа, и кромѣ того южный берегъ острова Колгуева. Упомянутый нами водный путь образуется слѣдующимъ образомъ: рѣка Чоша беретъ свое начало изъ небольшаго безъименнаго озера, лежащаго въ горной цѣпи *Шомокшп*, и вливается въ Чошскую губу въ восточномъ направленіи; къ югу отъ ея источниковъ находится другое маленькое озеро, Па-

русное, которое даетъ начало рѣкѣ Чижѣ (по-самоѣд. *Одулга*), впадающей въ Бѣлое море въ западномъ направленіи; наконецъ вытекающій къ югу отъ Паруснаго озера побочный ручей Чоши, въ теченіи своемъ, такъ близко подходитъ къ южному берегу озера, что между ними образуется волокъ, всего какихъ-нибудь пять верстъ шириною, по которому суда изъ озера очень удобно перетаскиваются въ ручей, тѣмъ болѣе, что это узкое пространство земли имѣетъ водянистую иловатую почву. По этому водному пути, простирающемуся на 30 верстъ въ длину, ежегодно разъѣзжаютъ въ своихъ карбасахъ охотники, которые подымаются вверхъ по Чижѣ къ озеру, потомъ перетаскиваютъ свои суда черезъ волокъ, спускаются по побочному ручью въ Чошу, а изъ этой послѣдней въ Чошскую губу, гдѣ приступаютъ къ ловлѣ морскихъ животныхъ. Во время своего пребыванія здѣсь, охотники продовольствуются провизіею, которая доставляется имъ изъ Мезени этимъ же самымъ путемъ.

Что касается до большаго озера Окладникова, обозначеннаго на «Подробной Картѣ», то объ немъ, какъ здѣсь, такъ и въ Мезени, никто ничего не знаетъ, изъ чего съ достовѣрностію можно заключить, что озеро это существуетъ только на картахъ, а отнюдь не въ натурѣ. Поводомъ же къ помѣщенію на картѣ мнимаго большаго озера въ 50 верстъ длины, по всей вѣроятности, послужила группа нѣсколькихъ гораздо меньшихъ озеръ, лежащихъ около источниковъ Песи и извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Песскихъ озеръ*, изъ которыхъ *Кабаново*, самое большое, имѣетъ всего 10 верстъ длины и 5 — ширины. Озера эти принадлежали нѣкогда мѣщанскому семейству Окладниковыхъ, древнѣйшихъ

обывателей города Мезени, которые пользовались ими для рыбной ловли, но потомъ, когда въ городѣ выстроилась первая церковь, неимѣвшая еще рѣшительно никакихъ доходовъ, добровольно уступили ихъ этой послѣдней. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, на межевыхъ картахъ (служившихъ единственнымъ руководствомъ при составленіи Подробной карты), вмѣсто дѣйствительно существующей группы озеръ, было помѣщено одно большое, но мнимое, тѣмъ болѣе, что это послѣднее надѣлено тѣмъ же самымъ названіемъ, какое нѣкогда принадлежало и Несскимъ озерамъ. А что озеро это на картѣ поставлено близъ города Мезени, а не тамъ, гдѣ находятся Несскія озера, то это объясняется тѣмъ, что чертежники, составлявшіе межевыя карты, считая Окладниковыхъ уроженцами города Мезени (какъ оно и дѣйствительно есть), очень легко могли думать, что и озеро, имъ принадлежащее, должно находиться неподалеку отъ отечественнаго ихъ города. — По достовѣрнымъ извѣстіямъ, которыя я получилъ о группѣ Несскихъ озеръ, эта послѣдняя находится около верховьевъ трехъ главныхъ ручьевъ, которые, соединяясь между собою, образуютъ рѣку Несь, и образуется изъ слѣдующихъ озеръ: *Кабаново*, самое значительное, лежащее въ 10 верстахъ къ востоку отъ озера Лахтуры, выпускаетъ изъ себя самый восточный изъ упомянутыхъ ручьевъ Неси; къ западу отъ него находятся два озера, извѣстныя подъ названіемъ *Пещаныхъ*, изъ которыхъ вытекаетъ средній ручей; наконецъ къ западу отъ послѣднихъ лежатъ еще два озера, *Велико-Несское* и *Сиговецъ*, названный такъ по прекраснымъ сигамъ, которыми

онъ изобилуетъ; эти два озера находятся всего въ двухъ верстахъ отъ Лохтуры.

Названіе рѣки Неси священникъ здѣшней церкви производитъ отъ слова *несь*, т. е. несеніе воды, и этимологія эта мнѣ кажется очень правдоподобною, потому что ни по одной изъ береговыхъ рѣкъ приливъ моря не стремится съ такой удивительной быстротой, какъ по Неси. Мнѣ говорили, что около устья этой послѣдней (а также въ рѣкахъ Сомкѣ и Мезени) вода, во время прилива, достигаетъ неслыханной высоты 7-ми саженъ и что самый приливъ, даже около церкви (которая находится въ десяти верстахъ отъ устья рѣки), до того бываетъ ощутителенъ, что жители здѣшняго поселенія вовсе не могутъ пить воды изъ своей рѣки.

Кромѣ поименованныхъ нами озеръ Малой Земли, надо упомянуть еще о *Вижасѣ*, довольно значительномъ озерѣ, дающемъ начало небольшому притоку рѣки того же имени; а также о группѣ, извѣстной подъ именемъ *Голыхъ озеръ* и выпускающей изъ себя ручей, который впадаетъ въ Ому съ правой ея стороны.

Относительно лѣсныхъ границъ я скажу, что послѣднія деревья, окаймляющія берега Неси и Поши, образуютъ весьма рѣденькій лѣсъ. На правомъ берегу Неси, ближе къ устью ея, находится еще небольшая лиственничная роща, извѣстная здѣсь подъ именемъ лиственничнаго острова; къ сѣверу отъ *Малой Неси*, побочнаго ручья Главной Неси, лежитъ самая крайняя лѣсная оаза, которая обыкновенно называется *Крайнимъ островомъ* и состоитъ изъ ели, березы и лиственницы; наконецъ горная цѣпь *Шомокша*, подъ $67\frac{0}{1}$ с. ш., носитъ еще нѣсколько совершенно искривленныхъ елей и

березъ, отъ которыхъ она и получила свое самоѣдское названіе *Хайоденадара*. т. е. священнаго лѣса.

Канинскіе Самоѣды лѣтомъ кочуютъ въ окрестностяхъ своихъ горъ до самаго сѣвернаго морскаго берега, а зиму проводятъ около лѣсныхъ границъ своей земли, распространяя свои кочевья до рѣки Мезени, или перебираются черезъ рѣку, чтобы разсѣяться по обширнымъ лѣсистымъ пастбищамъ до самой Двины. Въ Январѣ мѣсяцѣ они посѣщаютъ пинегскую ярмарку, нѣкоторые для того, чтобы промѣнять свои мѣха на необходимые предметы, а другіе изъ одного любопытства или отъ нечего дѣлать. Деревня *Долощельская*, лежащая на берегу *Кулоя*, составляетъ въ этой землѣ центръ кочевой жизни канинскихъ Самоѣдовъ, которая такимъ образомъ простирается до деревни *Немюги*, т. е. до 65° с. ш., гдѣ ей полагаютъ предѣлы болѣе густые лѣса и земледѣліе. Кромѣ того, во всякое время года, можно встрѣтить нѣсколько самоѣдскихъ палатокъ въ окрестностяхъ Архангельска, гдѣ Самоѣды всегда норовятъ поселиться около скотныхъ дворовъ, чтобы пользоваться отъ мясниковъ внутренностями, кровью, рубцами и другими негодными частями закалываемыхъ животныхъ. Мясники же съ своей стороны также очень рады такому сосѣдству, потому что Самоѣды безплатно стерегутъ ихъ бойни отъ воровъ и звѣрей. Въ концѣ Марта мѣсяца все самоѣдское народонаселеніе покидаетъ свои временныя кочевья и мало по малу возвращается въ свои отечественныя тундры, на Канинскій полуостровъ.

Канинскіе Самоѣды, въ сравненіи съ Малоземельными, наслаждаются гораздо большимъ благосостояніемъ, потому-что, имѣя большею частію достаточное число

сѣверныхъ оленей, они ведутъ беззаботную жизнь и почти никогда ни въ чемъ не нуждаются. Самые богатые изъ нихъ обладаютъ стадами въ 2000 головъ, между тѣмъ какъ въ Малой Землѣ, вслѣдствіе господствовавшаго здѣсь съ 1831 до 1833 года скотскаго падежа, число оленей до того убавилось, что большая часть семействъ имѣетъ не болѣе какъ по 50 или по 100, а уже много по 200 головъ. Только тѣ изъ нихъ, которые кочевали около самыхъ сѣверныхъ морскихъ береговъ, куда скотскій падежъ не проникалъ, сохранили свои стада въ цѣлости; да и тѣхъ-то было всего трое, изъ которыхъ одинъ имѣлъ 800, а остальные два по 1500 оленей. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ въ настоящее время староста канинскихъ Самоѣдовъ и объ немъ разсказываютъ, что онъ, по прекращеніи скотскаго падежа, пожертвовалъ своимъ обѣднѣвшимъ землякамъ слишкомъ 100 оленей, для того, чтобы всякій бѣдный Самоѣдъ имѣлъ возможность отправляться со всѣмъ своимъ семействомъ въ такія мѣста, гдѣ онъ надѣется найти себѣ средства къ жизни. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ отправились къ озерамъ, изобилующимъ рыбою, другіе къ морскимъ берегамъ, а нѣкоторые заблагоразсудили пріютиться около русскихъ поселеній.

Въ слѣдствіе безпрестанныхъ сношеній съ сосѣдями, канинскіе Самоѣды далеко опередили своихъ единоплеменниковъ, какъ Малоземельцевъ, такъ и въ особенности Большеземельцевъ: они всѣ почти очень хорошо говорятъ по-русски и обнаруживаютъ большую развязность въ обращеніи.

Такъ какъ мнѣ до Мезени оставалось еще около ста верстъ, то я намѣревался проѣхать это простран-

ство водою, потому что на лодкѣ мы добрались бы до цѣли не больше какъ въ одни сутки; но на мое несчастіе, сѣверный вѣтеръ, благопріятствовавшій намъ 1-го Октября, смѣнился къ слѣдующему утру югозападнымъ и тѣмъ разстроилъ всѣ наши планы. Между-тѣмъ свѣжихъ оленей также нигдѣ нельзя было достать, потому что канинскіе Самоѣды всѣ еще кочевали около подошвы своихъ горъ, въ слѣдствіе чего мы по неволѣ должны были рѣшиться ѣхать въ Мезень на измученныхъ оленяхъ, давъ имъ предварительно день отдыха. Вечеромъ, 2-го Октября, я велѣлъ перевезти на другую сторону рѣки какъ оленей, такъ и пожитки наши, съ тѣмъ, чтобы на другой день отправиться въ дорогу какъ можно по-раньше.

(3 Октября). Переѣхавъ черезъ рѣку Несь, которую Самоѣды называютъ Хахайягою (т. е. рѣкой земли вдоловъ), мы увидѣли на берегу ея нѣсколько разбросанныхъ экземпляровъ лиственницы; дерево это, по мѣрѣ удаленія нашего отъ рѣки, попадалось намъ все чаще и чаще, потому что оно, вмѣстѣ съ березою, служитъ главною составною частью здѣшняго лѣса. Изъ кустарниковъ здѣсь растетъ Lonicera Pallasii, а также Calluna vulgaris, которой мы не встрѣчали ни въ одной самоѣдской тундрѣ и которая попадается здѣсь въ безчисленномъ множествѣ. Вскорѣ намъ начала показываться и сосна, которая однакожъ представляла большею частію кривыя и изсохшія деревья, между тѣмъ какъ ели, почти всѣ безъ исключенія, были свѣжи и стройны. Тундры, по которымъ мы ѣхали, были несравненно глаже малоземельныхъ, потому что въ нихъ не было такихъ ужасныхъ сугробовъ и кочекъ, которые бы не-

ребрасывали наши сани съ одной стороны на другую, какъ это было въ западной части Малой Земли. Погода была пасмурна и ЮЮВ-ный вѣтеръ сопровождался сильнымъ снѣгомъ. Мы пѣхали на узенькій ручей, такъ называемую *Огневую рѣчку*, которая своимъ самоѣдскимъ названіемъ *Тояги*, т. е. озерной рѣчки, обязана тому обстоятельству, что она, въ верховьяхъ своихъ, проходитъ черезъ три небольшихъ озера и потомъ вливается въ *Мглу*, съ правой ея стороны, неподалеку отъ морскаго берега. Перебравшись черезъ Огневую рѣчку или Тоягу, мы поѣхали по тундристымъ равнинамъ, изрѣдка смѣнявшимся лѣсными оазами, и, слѣдуя неуклонно южному направленію, наткнулись на рѣку Мглу, которая у Самоѣдовъ называется *Оюйтоягой*, на томъ основаніи, что она,—въ противоположность своей побочной рѣкѣ Тоягѣ, протекающей черезъ нѣсколько озеръ,—беретъ свое начало изъ *одного* (опой) только озера, извѣстнаго подъ именемъ *Мглинскаго*. На берегу этой рѣки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья, стояла хижина, жители которой снабдили насъ двумя карбасами и тѣмъ самымъ дали намъ возможность переправиться черезъ рѣку со всѣми оленями и всею нашею поклажею. Пловатые плоскіе берега рѣки, по-видимому, только-что освободились отъ воды, потопляющей ихъ во время морскаго прилива; между остатками здѣшней растительности мы замѣтили Plantago maritima и Triglochin maritimum.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ рѣки, мы расположились ночлегомъ на открытой тундрѣ. Между тѣмъ вѣтеръ безпрестанно усиливался и къ ночи перешелъ въ бурю, вой которой, сливаясь съ глухимъ шумомъ бу-

шевавшаго моря, наводилъ на насъ страшное уныніе. Море, казалось, было уже очень близко отъ мѣста нашего ночлега, но по причинѣ ужасной метели и водворявшейся ночи, мы не могли видѣть его.

(4 Октября). При сѣверозападномъ вѣтрѣ и умѣренной осенней температурѣ, насъ привѣтствовало ясное утро; однакожъ горизонтъ надъ моремъ былъ подернутъ темными тучами. Сначала мы поѣхали по открытой тундрѣ, вдоль высокаго морскаго берега, но потомъ, по отлогому скату сѣдловиднаго углубленія, спустились на плоскую окраину того же берега, которая, благодаря морозу и покрывавшему ее снѣгу, представляла совершенно гладкую дорогу. Высокій утесистый берегъ, провожавшій насъ съ лѣвой стороны, состоитъ изъ рыхлаго песку, покрывающагося слоемъ сѣроватой глины, на которомъ непосредственно располагается болотистая почва тундры. У подошвы его находилось множество сплавливаемаго лѣса, а мѣстами видны были также пласты гальковъ, представлявшихъ одинѣ плутоническія горныя породы, мѣсторожденіе которыхъ находится на противолежащемъ Терійскомъ полуостровѣ.— Здѣсь я познакомился со многими техническими выраженіями, которыя употребляются прибрежными жителями Архангельской губерніи для обозначенія различныхъ частей и мѣстностей морскаго берега. Такъ напримѣръ, высокій крутой берегъ, какъ и вообще всякій утесъ, называется здѣсь *Щельей*; плоская окраина, прилегающая къ его подошвѣ, извѣстна подъ именемъ *кошки*, которое въ тоже время употребляется для обозначенія песчаныхъ отмелей въ морѣ. Кошка, во время прилива, погопляется водою; но такъ какъ эта послѣдняя не всегда

достигаетъ одинаковой высоты, то она покрываетъ иногда большую, иногда меньшую часть кошки. Та часть плоской окраины или кошки, которая только-что освободилась отъ покрывавшей ее воды, называется *куйпака*. Итакъ мы ѣхали по затвердѣвшей отъ мороза и снѣгомъ покрытой кошкѣ, имѣя по лѣвую руку *щелью*, а по правую — мягкую глинисто-иловатую *куйпаку*; сплавной же лѣсъ, находившійся у подошвы утесистаго берега, доказываетъ, что по временамъ, когда приливъ бываетъ очень силенъ, и вся кошка обращается въ куйпаку, при чемъ морскія волны разбиваются о щелью. Поросшій травою низменный берегъ рѣки, коль скоро онъ потопляется водою, получаетъ у Архангельцевъ названіе *лайды* (1).

Около полудня шумящія волны возвѣстили начало прилива и побудили насъ съѣхать съ кошки. Между тѣмъ мы находились уже недалеко отъ деревни *Сомжи*; поднявшись на крутой берегъ, мы опять поѣхали по тундрѣ, мимо лѣсныхъ острововъ, состоявшихъ изъ ёлей, сосенъ и невысокихъ березъ, и вскорѣ достигли устья рѣки Сомжи, гдѣ насъ на лодкахъ перевезли къ деревнѣ того же имени, лежащей на противоположномъ берегу. Деревня эта населена зажиточными мѣщанами, которые переселились сюда изъ Мезени и занимаются рыбною ловлею и охотою за морскими животными, а

---

(1) Какъ объ этихъ, такъ и о многихъ другихъ выраженіяхъ, употребляемыхъ Архангельцами, я написалъ небольшую статью, которая уже въ Апрѣлѣ 1848 года отдана С. Петербургскому Географическому Обществу, но которая, не знаю, по какой причинѣ, до сихъ поръ еще не напечатана. Въ ней помѣщено около 350 техническихъ словъ съ объясненіемъ этимологіи большей части изъ нихъ.

также торговлею и разведеніемъ сѣверныхъ оленей. Они закупаютъ у канинскихъ Самоѣдовъ мѣха и другія произведенія тундры, которыя потомъ распродаются въ Мезени и въ особенности на ярмаркѣ въ Пинегѣ. Нѣкоторые богатые поселенцы обладаютъ стадами въ 1000 головъ и болѣе, которыя за ничтожную плату пасутся въ тундрахъ Канинской Земли. Около этой деревни было раскинуто слишкомъ 40 самоѣдскихъ палатокъ, принадлежавшихъ, большею частію, обѣднѣвшимъ малоземельнымъ Самоѣдамъ.

(5 Октября). Отъ Сомжи до Мезени, при попутномъ вѣтрѣ и морскомъ приливѣ, всего нѣсколько часовъ ѣзды; но даже это небольшое пространство мнѣ не удалось проѣхать водою, потому что утромъ я былъ пробужденъ сильнѣйшимъ вѣтромъ, стучавшимъ въ мои окошки; онъ дулъ съ юга и сопровождался страшною метелью, такъ что о ѣздѣ на лодкѣ нечего было и думать. Между тѣмъ на лошадяхъ, по здѣшнимъ топкимъ болотамъ, можно ѣхать только зимой или въ концѣ осени, а потому я по неволѣ опять долженъ былъ прибѣгнуть къ своимъ измученнымъ оленямъ.

Лѣса, по мѣрѣ приближенія нашего къ Мезени, становились связнѣе, а самыя деревья мощнѣе и свѣжѣе; лиственницу мы совсѣмъ потеряли изъ виду, но за то тѣмъ чаще намъ попадалась сосна. Къ вечеру погода поутихла и мы ночью, при лунномъ свѣтѣ, проѣзжали черезъ небольшой лѣсокъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, представлялъ одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ самоѣдскихъ жертвоприношеній и который получилъ свое названіе *Хурувемботь* (т. е. роща *Хурувѣ*) отъ главнаго идола *Хурувѣ*, потому что *подъ* или *бодъ* означаетъ

рощу, состоящую изъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ. У Русскихъ этотъ лѣсъ называется *Козьминымъ перелъскомъ*. Въ церковной книгѣ, хранящейся у священника Нясской церкви, я прочиталъ слѣдующее замѣчаніе, написанное однимъ изъ миссіонеровъ касательно древняго богослуженія языческихъ Самоѣдовъ.

«1-го Марта 1826 г. въ лѣсу, извѣстномъ подъ названіемъ *Козьмина Перелъска*, уничтожено одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ самоѣдскихъ жертвоприношеній. Лѣсъ этотъ, находясь по ту сторону рѣки Пыи, въ 20 верстахъ отъ города Мезени, простирается на 10 верстъ въ длину и на $\frac{1}{2}$ версты въ ширину и состоитъ изъ малорослыхъ елей и березъ. Самоѣды считали его священнымъ и обоготворяли наровнѣ съ идолами. Дерево, изъ котораго дѣлается волшебный барабанъ (пензеръ), непремѣнно должно быть срублено въ этомъ лѣсу и притомъ въ присутствіи тадибовъ всѣхъ самоѣдскихъ тундръ. Многіе Самоѣды имѣли обыкновеніе срубать здѣсь небольшія ели, которыя они до конца жизни своей возили съ собой вмѣстѣ съ хаями. Отслуживъ особенную обѣдню съ благодарственнымъ молебствіемъ, миссіонеры, при пѣніи псалма, предали пламени до 100 деревянныхъ идоловъ различной величины и разной формы. Изъ нихъ особенно были замѣчательны: а) 20 большихъ и толстыхъ идоловъ съ округленными черепами, имѣвшими форму человѣческой головы: б) 10 тонкихъ идоловъ въ одну сажень длиною, которые, представляя нѣчто въ родѣ семистороннеи призмы, имѣли, на каждой изъ семи сторонъ, по семи лицъ, вырѣзанныхъ самымъ грубымъ образомъ одно надъ другимъ. Первые 20 идоловъ были расположены въ рядъ и держались на своихъ плоскихъ

основаніяхъ, а послѣдніе 10 заостренными концами своими были воткнуты въ землю вокругъ толстой березы, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Нѣкоторые другіе идолы были сформированы изъ пней, оставшихся на корнѣ послѣ срубки деревьевъ. Вмѣстѣ съ идолами было сожжено болѣе 2000 различныхъ вещей, найденныхъ развѣшанными по деревьямъ, а именно: множество лоскутковъ сукна и оленьихъ шкуръ, пуговицы, пряжки и разныя другія металлическія бездѣлушки. Кромѣ того было предано пламени безчисленное множество роговъ, оставшихся отъ оленей, которыхъ Самоѣды закалывали въ честь здѣшнихъ идоловъ. Когда все это было превращено въ пепелъ, миссіонеры окропили лѣсъ святой водой, и на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли идолы, водрузили животворящій крестъ Господень.»

У опушки этого лѣса мы раскинули свои палатки и уснули спокойно, не испытавъ, со стороны сожженныхъ идоловъ, ни малѣйшаго покушенія отомстить намъ за свою гибель.

(6 Октября). Ночью шелъ снѣгъ, но подъ утро погода разгулялась и, вмѣсто вчерашняго холоднаго вѣтра, подулъ умѣренный южный. Мы отправились въ дорогу съ разсвѣтомъ и вскорѣ наткнулись на рѣку *Ныю*, сквозь ледяное покрывало которой мы съ большимъ трудомъ пробились къ противоположному берегу. Переправа эта, совершенная съ помощію лодки, которую мы взяли изъ Сомжи на всякій случай, избавила насъ отъ лишняго круга, потому что, въ противномъ случаѣ, намъ пришлось бы отправиться черезъ небольшое селеніе, лежащее при самомъ устьѣ рѣки. Начиная отъ Ныи. лѣса состоятъ почти исключительно изъ сосенъ, которыя

однакожъ представляютъ большею частію низенькія, тощія и нерѣдко даже кривыя деревья; ель и береза, напротивъ того, безпрестанно улучшаются; лиственницъ мы здѣсь вовсе не видали.

Наконецъ мы подъѣхали къ послѣднему сосновому лѣсу, смежному съ сѣвернымъ концомъ города Мезени, съ такъ называемой *Кузнецовой слободкой*, которая, несмотря на находящуюся въ ней церковь, походитъ болѣе на деревеньку, чѣмъ на часть города; впрочемъ и весь-то городъ только немногимъ развѣ лучше иной деревни. Дорога наша вела мимо городскихъ пашень, изъ которыхъ, въ нынѣшнее лѣто, только десятая часть была засѣяна ячменемъ, доставившимъ весьма посредственную жатву. Пріѣхавши въ городъ, мы остановились въ квартирѣ прежняго нашего хозяина, мѣщанина Василія Попова, которой однакожъ, къ сожалѣнію нашему, былъ въ отсутствіи.

По обыкновенному исчисленію, разстояніе между Пустозерскомъ и Мезенью равняется почти 550 верстъ, а именно: отъ Пустозерска до нидегскаго поселенія считается 150 в., отъ поселенія до Пошенской церкви— 140 в., отъ этой послѣдней до рѣки Сюпы, т. е. до того мѣста, гдѣ мы переѣзжали черезъ рѣку, — 40 в., оттуда до Омы — 30 в., до Вижаса 30 в., до Пешской церкви — 60 в.; отъ Пешской церкви до деревни Сомжи — 60 в., и наконецъ отъ Сомжи до Мезени — 40 в. Этотъ трактъ считается самымъ удобнымъ, потому что онъ проходитъ большею частію черезъ населенныя мѣстечки; но съ другой стороны онъ невыгоденъ тѣмъ, что по немъ можно проѣзжать только зимою, когда непроходимыя топкія болота, благодаря морозу, уже

совершенно затвердѣли: лѣтній же путь ведетъ, какъ мы уже замѣтили, отъ Неесской церкви, вдоль южнаго берега Чошской губы, гдѣ онъ около индегскаго поселенія сходится съ Пустозерской дорогой, по которой можно ѣздить во всякое время года.

XIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ МЕЗЕНИ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ, А ОТТУДА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Мезени, потому что былъ занятъ разсмотрѣніемъ и отправкою своихъ коллекцій; но 11 Октября оставилъ городъ съ намѣреніемъ возвратиться въ Петербургъ. Воздухъ былъ зимній; снѣгъ, шедшій нѣсколько дней сряду, образовалъ прекрасную зимнюю дорогу, по которой сани мои скользили быстро и безостановочно.

Изъ деревни *Дорогой горы*, лежащей въ 4 верстахъ отъ берега рѣки, люди мои приволокли лодку, съ помощію которой мы и переѣхали черезъ открытую еще рѣку Мезень. Перевозъ этотъ былъ сопряженъ съ опасностями, потому что вся рѣка была наполнена огромными льдинами, которыя такъ плотно сходились между собою, что надобно было прибѣгать къ разнаго рода маневрамъ, чтобы благополучно пройти между ними. — Но люди мои ни мало не унывали: вооруженные веслами и баграми, они мастерски проталкивали нашу лодку между льдинами, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было дѣйствовать веслами, преспокойно становились на льдину и подвигали лодку баграми; при этомъ не-

однократно случалось, что тонкая льдина, уступая тяжести стоящихъ на ней лодочниковъ, раскалывалась, но эти послѣдніе всякій разъ съ удивительною ловкостію впрыгивали опять въ лодку. Всѣ эти маневры сопровождались шутками и смѣхомъ, потому что для архангельскихъ промышленниковъ, сродившихся съ влажною стихіею, переправа наша, по-видимому, была просто забавой въ сравненіи съ тѣми опасностями, которымъ они подвергаются во время своихъ предпріятій на морѣ; притомъ же архангельскій крестьянинъ, благодаря своему веселому характеру, даже въ минуту опасности, всегда имѣетъ наготовѣ какое-нибудь острое словцо, который возбуждаетъ невольный смѣхъ въ находящихся съ нимъ товарищахъ. По достиженіи нами противоположнаго берега, я велѣлъ своимъ людямъ взять весь нашъ багажъ на плеча и мы отправились пѣшкомъ въ село *Кимжу*, которое, будучи окружено со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки того же имени, въ 1½ верст. отъ впаденія ея въ рѣку Мезень.

Жители Кимжи занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею. Земледѣліе ограничивается разведеніемъ ржи и ячменя, которые однакожъ довольно часто не созрѣваютъ, потому что здѣшніе крестьяне ведутъ не совсѣмъ правильное хозяйство и на черезъ чуръ унавоженныхъ поляхъ сѣютъ зерна слишкомъ часто. Нѣкоторые смышленые земледѣльцы замѣтили эту ошибку и вслѣдствіе этого, прошедшее лѣто, въ видѣ опыта, оставили свои поля неудобренными и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшили посѣвъ ровно на половину; результатомъ этихъ мѣръ было то, что хлѣбъ на неудобренныхъ поляхъ созрѣлъ какъ нельзя лучше и далъ очень спос-

ный урожай, между тѣмъ какъ на сосѣднихъ поляхъ, хозяева которыхъ слѣдовали общепринятой здѣсь методѣ, стебли сначала сильно поднялись, но потомъ легли и, будучи захвачены ночными морозами, не успѣли созрѣть, такъ что крестьяне должны были довольствоваться жатвою полузрѣлаго хлѣба. Нынѣшнее лѣто и около *Заозерья*, самой сѣверной границы разведенія ржи, эта послѣдняя, послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, опять созрѣла и доставила очень посредственную жатву.

Здѣшнія лошади, равно какъ и часть рогатаго скота, облагорожены англійскимъ племенемъ; что же касается до другой части скота, то она отличается равномѣрнымъ бурымъ цвѣтомъ шерсти и происходитъ, какъ говорятъ, отъ голландской породы, введенной здѣсь стараніями бывшаго Архангельскаго Генералъ-Губернатора Клокачева. Скотники изъ Архангельска и Холмогоръ ежегодно пріѣзжаютъ сюда зимнимъ путемъ для закупки кормнаго скота, который, подъ общимъ названіемъ холмогорскаго, пригоняется въ Петербургъ. Овецъ здѣсь разводятъ очень немного. Надо однакожъ замѣтить, что подъ этими негостепріимными широтами и для скотоводства очень часто бываютъ несчастные годы; иногда въ послѣдней половинѣ Іюля мѣсяца, т. е. во время сѣнокоса, бываютъ продолжительные дожди, отъ которыхъ все количество скошенной травы дѣлается негоднымъ къ употребленію; тогда бѣдному крестьянину ничего больше не остается какъ, до наступленія зимы, перерѣзать большую часть своего скота, потому что закупать для него кормъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ онъ не въ состояніи, да и не находилъ бы въ этомъ никакого расчета.

Рыбная ловля есть главное занятіе кимженскихъ крестьянъ и ограничивается преимущественно ловомъ семги; другія же породы, извѣстныя подъ общимъ названіемъ бѣлорыбицы, не играютъ большой роли, потому что онѣ потребляются самими ловцами. Ловля семги начинается 20 Іюля и продолжается до 1 Октября. Крестьяне отправляются на эту ловлю нѣсколькими партіями, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ трехъ человѣкъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи двѣ лодки; каждый членъ партіи непремѣнно долженъ взять съ собой поплавь, состоящую изъ трехъ сѣтей; три такихъ поплави, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одну большую, имѣющую 19 ячеевъ ширины и 9 сѣтей, т. е. 180 саженъ, длины. По окончаніи ловли, добыча дѣлится между участниками по-ровну. Впрочемъ и здѣсь успѣхъ рыбной ловли годъ отъ году уменьшается. Одинъ старый крестьянинъ, уроженецъ села Кимжи, разсказывалъ мнѣ, что 40 лѣтъ тому назадъ, здѣшніе жители одною поплавью забирали такое множество семги, что пудъ ея продавался по 80 коп. ассигнац. Еще не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ поплавь попадалось отъ 10 до 12 пудъ этой дорогой рыбы; но тогда за пудъ ея платили уже по 4 р. и 4 съ полтиной. Въ настоящее же время, когда въ Мезени за пудъ семги платятъ по 10 и 12 рублей, кимженскіе крестьяне расчитываютъ не болѣе какъ на 3 или на 4 пуда ежегодной добычи. Впрочемъ это только около села Кимжи; ближе къ устью рѣки ловля бываетъ нѣсколько удачнѣе.

Вліяніе морскаго прилива на рѣку Мезень не обнаруживается около села Кимжи, но тѣмъ не менѣе оно простирается еще до Лампожни, и разсказываютъ, что

за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ была ужасная сѣверная буря, которая заставила воду рѣки Мезени выйти изъ своего обыкновеннаго горизонта даже около Кимжи; во время этой бури на Бѣломъ морѣ нѣсколько судовъ претерпѣло кораблекрушеніе и погибло.

Оставивъ Кимжу, я выѣхалъ на новую, не совсѣмъ еще оконченную почтовую дорогу, которая ведетъ изъ Мезени въ Пинегу и которая, по совершенномъ окончаніи своемъ, значительно облегчитъ сообщеніе между этими двумя сѣверными городами, потому что она цѣлыми 130 верстами короче настоящей дороги, ведущей черезъ верхнюю Тайболу. Во время моего пребыванія на сѣверѣ не было окончено только еще 30-тиверстное протяженіе этой дороги; но такъ какъ это пространство наполнено самыми топкими мшистыми болотами, то и вся дорога остается пока безъ употребленія, покрайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не имѣютъ желанія пройти нѣсколько верстъ пѣшкомъ. Что касается до меня, то я только потому рѣшился отправиться по новой дорогѣ, что мнѣ непремѣнно хотѣлось осмотрѣть встрѣчающуюся по этому пути соловарню, а въ особенности пещеру, о которой я уже такъ много наслышался.

(12 Октября). Поручивъ весь свой багажъ четыремъ плечистымъ мужикамъ, которыхъ мнѣ дали въ мое распоряженіе, я пустился въ дорогу; но такъ какъ еще на пространствѣ цѣлыхъ 27 верстъ можно было ѣхать на лошадяхъ, то я не замедлилъ этимъ воспользоваться и, перебравшись черезъ рѣку Кимжу по льду, выѣхалъ на равнину, покрытую довольно густымъ лѣсомъ, который состоялъ большею частію изъ сосенъ,

елей и березъ, а также изъ весьма небольшаго числа осинъ, и въ которомъ не видать было ни одного сухаго, ни даже уродливаго дерева. На берегу рѣки Кимжи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нее переѣзжали, виденъ былъ красный известнякъ, который, подобно мезенскому, въ верхнихъ слояхъ своихъ совершенно разрушается, образуя дресву; эта горная порода смѣшана съ краснобурымъ суглинкомъ, который преобладаетъ болѣе въ верхнихъ пластахъ, гдѣ онъ образуетъ даже самостоятельный слой, расположенный непосредственно на известковомъ флецѣ и покрывающійся въ свою очередь слоемъ песку. Краснымъ цвѣтомъ своимъ здѣшній известнякъ обязанъ единственно примѣси краснобураго суглинка, потому что въ нижнихъ частяхъ своихъ, гдѣ онъ образуетъ твердую и сплошную массу, красноватый оттѣнокъ гораздо слабѣе; притомъ же мы видѣли, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вовсе нѣтъ слоя краснаго суглинка и гдѣ известнякъ лежитъ непосредственно подъ песчаными слоями (какъ напр. на берегу рѣки Позы у деревни *Лабановой*), эта горная порода является въ естественномъ своемъ цвѣтѣ. Въ правой сторонѣ отъ насъ извивался небольшой лѣсной ручей *Шала*, притокъ Немноги, который однакожъ вскорѣ своротилъ въ сторону и скрылся изъ виду. Издали здѣшній лѣсъ казался мнѣ обитаемымъ, потому что изъ-за деревьевъ часто выглядывали небольшія избушки или, лучше сказать, кубическія конуры безъ окошекъ, сколоченныя кое-какъ здѣшними работниками единственно для того, чтобы, въ случаѣ ненастной погоды, имѣть хоть какое-нибудь убѣжище. По мѣрѣ удаленія нашего отъ Кимжи, почва становилась все мягче и болотистѣе; наконецъ лошади наши

начали уже такъ сильно вязнуть, что мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ отослать сани домой и продолжать странствованіе на собственной своей парѣ. Люди мои, несмотря на свои тяжелые армяки и на пошу, которою я ихъ обременилъ, шагали впередъ очень бодро, напѣвая разныя пѣсни или разговаривая между собой; каждый изъ нихъ былъ вооруженъ длиннымъ шестомъ, служившимъ ему страннническимъ посохомъ. Пока мы шли среди лѣса, дорога намъ казалась довольно сносною, но, вышедши на поляну, усѣянную тощимъ сосновымъ кустарникомъ, мы встрѣтили такую ужасную почву, что не было ни одного мѣстечка, гдѣ бы мы не вязли въ нее по колѣна. Такое утомительное и весьма непріятное странствованіе продолжалось довольно долго, пока мы наконецъ не прибыли къ такъ называемымъ *гяжамъ*, т. е. бревенчатымъ подмосткамъ, служившимъ для проложенія шоссейной дороги черезъ здѣшнія болота. Эти гяжи состояли изъ нѣсколькихъ рядовъ бревенъ, расположенныхъ одинъ на другомъ такъ, что бревна, составлявшія нижній рядъ, лежали вдоль дороги, въ разстояніи двухъ аршинъ другъ отъ друга; сверхъ нижняго ряда находился рядъ поперечныхъ бревенъ, размѣщенныхъ въ такой же точно дистанціи другъ отъ друга, какъ и нижнія бревна; третій рядъ состоялъ опять изъ долевыхъ бревенъ и т. д. Поднявшись на эти подмостки, я увидѣлъ, что и здѣсь странствованіе наше не обойдется безъ приключеній; и дѣйствительно, съ непривычки балансировать на обтесанномъ бревнѣ намъ было вовсе не такъ легко, тѣмъ болѣе, что на наше несчастіе, бревна мѣстами были покрыты ледяной корой, скрывавшейся подъ снѣгомъ, вслѣдствіе

чего даже бывалый нерѣдко скользилъ и, къ общему смѣху товарищей и къ собственной своей досадѣ, падалъ въ мягкое болото, откуда снова долженъ былъ взбираться на верхнія бревна, съ пріятною надеждою, что маневръ этотъ въ непродолжительномъ времени повторится. Тутъ только я понялъ, почему провожатые мои вооружились длинными шестами: они оказывали имъ большую услугу, потому что, упираясь ими въ болотистую землю, они не разъ избавлялись отъ непріятности выкупаться въ грязномъ болотѣ. Вообще люди мои, благодаря частымъ упражненіямъ, удивительно искусно пробирались по этому шаткому пути, при чемъ ноша, которая у нихъ была за спиной, не только не стѣсняла ихъ, но даже служила имъ нѣкоторымъ образомъ балансомъ. Гораздо труднѣе намъ было пробираться по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, сверхъ третьяго ряда долевыхъ бревенъ, былъ положенъ еще четвертый; потому что тутъ мы безпрестанно должны были переступать черезъ поперекъ лежавшія бревна, при чемъ паденія совершались конечно еще чаще. Наконецъ самыя трудныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя опасныя мѣста для нашего странствованія были тѣ, въ которыхъ, сверхъ тѣхъ же долевыхъ бревенъ, были настланы мостки изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ, лежавшихъ такъ неплотно другъ подлѣ друга, что между ними оставались порядочные промежутки; а такъ какъ эти послѣдніе, будучи наполнены снѣгомъ, были вовсе не замѣтны, то мы ежеминутно подвергались опасности оступиться и переломить себѣ ногу. Однако Провидѣніе спасло насъ отъ подобнаго несчастія, и мы вздохнули гораздо свободнѣе, когда увидѣли, что 7 или 8 верстъ опаснаго пути было уже

пройдено. Между тѣмъ кстати начало смеркаться и мы, утомленные, холодные и голодные, посѣщали пріютиться въ крошечной избушкѣ, съ тѣмъ, чтобы въ ней же остаться и ночевать.

Нашъ домикъ былъ однимъ изъ самыхъ комфортныхъ своего рода, потому что, занимая пространство въ 4 или 5 квадратныхъ аршинъ, онъ имѣлъ цѣлыхъ три окошка или, лучше сказать, три квадратныхъ отверстія, представлявшія нѣчто въ родѣ оконъ, и даже большую печку, которая, будучи сдѣлана просто изъ глины, выпускала дымъ не въ трубу (такъ какъ при ней не было этой главной принадлежности), а въ люки и въ растворенную дверь. Хижинка эта вѣроятно была предназначена для малорослаго поколѣнія, потому что мы могли стоять въ ней не иначе какъ въ наклонномъ положеніи, а еслибы кому нибудь изъ насъ вздумалось выпрямиться, то рисковалъ бы удариться головой о потолокъ и волосами своими смахнуть съ него цѣлую кучу сажи. Къ боковымъ стѣнамъ были придѣланы широкія скамейки, служившія въ одно время и стуломъ и кроватью. Затопивъ нашъ великолѣпный каминъ, мы принялись за ѣду и, несмотря на скудную трапезу, угощались съ удивительнымъ аппетитомъ; между тѣмъ дымъ, валившій изъ печки, должно быть также былъ очень голоденъ, потому что онъ страшно ѣлъ наши глаза, и для избѣжанія его, мы должны были лечь на скамейку.

(13 Октября). На слѣдующее утро мы всѣ проснулись съ сильною головною болью, вѣроятно вслѣдствіе угара, который произошелъ оттого, что мы наканунѣ слишкомъ рано притворили двери. Погода была довольно теплая и югозападный вѣтеръ сопровождался мокрымъ

снѣгомъ, надавшимъ большими хлопьями. Почва все еще была мягкая, но, по мѣрѣ приближенія нашего къ цѣли, она постепенно улучшалась и вскорѣ на ней даже опять начали появляться стройныя сосны. Недоходя 8 верстъ до села Немноги, мы набрели на рѣчку *Сову*, которая, не будучи еще покрыта льдомъ, заставила насъ отыскивать такое мѣсто, гдѣ бы намъ можно было перебраться черезъ нее; послѣ продолжительныхъ поисковъ мы наконецъ нашли то, чего добивались, но такъ какъ мы не слишкомъ-то довѣряли тонкому ледяному покрывалу, то и заблагоразсудили настлать на него мостки изъ тонкихъ жердочекъ. Переправившись черезъ рѣку, мы пошли по лѣсной болотистой равнинѣ, которая вскорѣ смѣнилась холмистой землей, гдѣ появленіе стройныхъ и мощныхъ лиственницъ доказывало, что полоса земли, по которой мы продолжали наше страиствованіе, имѣетъ каменистую подпочву. Всѣ попадавшіяся намъ теперь болота были устланы мостками, наконецъ мы замѣтили конскіе слѣды и по нимъ уже пришли въ Немногу, большое село, состоящее изъ трехъ отдѣльныхъ деревень или Околодковъ: *Херпольской*, *Чижгорской* и *Савпольской*. Мы останавливались только въ Чижгорской деревнѣ, которая находится въ одной верстѣ отъ Херпольской, на лѣвомъ берегу рѣчки Совы, гдѣ она расположена довольно живописно на холмистомъ возвышеніи. Что касается до третьяго Околодка, т. е. Савпольской деревни, то онъ лежитъ противъ Чижгорской, на противоположномъ правомъ берегу той же рѣчки, нѣсколько выше впаденія ея въ рѣку Немногу. Жители этихъ деревень занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, а также ловлею семги въ рѣкѣ Кулоѣ.

Рожь и ячмень хотя и совершенно созрѣли нынѣшнее лѣто, однако доставили не очень-то завидную жатву.— Я видѣлъ здѣсь особенный родъ таракановъ (Blatta lapponica), распространившійся по всей здѣшней странѣ до Кимжи и Мезени, между тѣмъ какъ обыкновенные тараканы (Blatta orientalis), которые появились здѣсь послѣ первыхъ, въ непродолжительномъ времени опять вывелись или, какъ полагаютъ здѣшніе крестьяне, были съѣдены первобытными насѣкомыми. Не знаю, справедливо-ли это мнѣніе, но достовѣрно то, что я не замѣтилъ здѣсь ни одного обыкновеннаго таракана.

Въ Немногѣ я опять взялъ лошадей и, проѣхавъ по Савпольской деревнѣ, прибылъ къ рѣкѣ Немногѣ, къ тому мѣсту, гдѣ она съ правой стороны принимаетъ въ себя Сову, а съ лѣвой *Парсову*. Главная рѣка была еще открыта, почему мы должны были переѣхать черезъ нее въ лодкѣ, а лошадей заставить переплыть. Лѣсъ, по которому мы продолжали наше путешествіе, смѣнялся болотами и низенькимъ кустарникомъ, и дорога наша, на протяженіи 14 верстъ, была устлана деревянной мостовой изъ тонкихъ древесныхъ стволовъ. Попавшуюся намъ по пути рѣчку *Олму*, притокъ рѣки Кулоя, мы переѣхали на паромѣ, послѣ чего отсчитали еще 14 верстъ и очутились въ *Кулойскомъ Посадѣ*.

Это большое село лежитъ на правомъ берегу рѣки Кулоя, воды которой, изобилуя рыбой, даютъ здѣшнимъ жителямъ возможность заниматься ловлею семги. Въ окрестностяхъ его находятся великолѣпныя лиственичныя рощи, изъ которыхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вверхъ по рѣкѣ сплавлено было въ Пинегъ большое количество корабельнаго лѣса.

Соловаренный заводъ, находящійся неподалеку отъ этого села, самъ по себѣ незначителенъ, потому что на немъ ежегодно вываривается не болѣе 8500 пудовъ соли, количество, которое едва хватаетъ на пополненіе казенныхъ магазиновъ, устроенныхъ въ мезенскомъ и пинежскомъ уѣздахъ. Но онъ важенъ въ томъ отношеніи, что мѣстность, въ которой онъ находится, очень отдалена отъ людныхъ дорогъ, а главное тѣмъ, что даетъ здѣшнимъ крестьянамъ занятіе и вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ существованію. Озеро, изъ котораго добывается соль, имѣетъ не болѣе 12 саж. длины и около 7 саж. ширины, а средняя глубина его равняется 10 футамъ. Оно соединяется посредствомъ рва съ другимъ маленькимъ озеромъ, а это въ свою очередь сообщается съ двумя большими, воды которыхъ, правда, также содержатъ въ себѣ соль, но только въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ главное озеро, такъ что разсолъ ихъ вовсе и не вывариваютъ. Соленое озеро имѣетъ мягкое иловатое дно и разсолъ его содержитъ въ себѣ 2 процента соли. Выварка разсола здѣсь производится въ трехъ соляныхъ варницахъ, но только при одной изъ нихъ устроенъ насосъ, посредствомъ котораго разсолъ изъ озера поднимаютъ къ деревяннымъ желобамъ, откуда онъ проходитъ прямо въ чрены, т. е. сковороды, имѣющія 8½ дюймовъ глубины и 16 квадратныхъ англійскихъ дюймовъ въ основаніи; на другихъ же варницахъ разсолъ черпается изъ озера сосудами. Каждая варя продолжается двое сутокъ. Добываемая здѣсь соль не всегда бываетъ бѣла, иногда она имѣетъ грязножелтый цвѣтъ, происходящій отъ мутности разсола. Кромѣ этихъ трехъ соляныхъ варницъ здѣсь находится соляной магазинъ, два провіантскихъ

анбара, кузница и жилой домъ для служащихъ при заводѣ. Здѣшняя соловарня существуетъ уже съ давнихъ временъ, но лучшее устройство ей дано только съ 1801 г., между тѣмъ какъ до того при ней находились совершенно несвѣдущіе работники, которые вываривали разсолъ просто въ котлахъ. Теперь она состоитъ подъ вѣдомствомъ Онежскаго Солянаго Правленія (находящагося въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи), которому даютъ отчетъ и другія двѣ казенныя соловарни Архангельской губерніи, а именно: *Унская*, построенная на берегу Бѣлаго моря, при *Унской губѣ*, и *Владычинская*, лежащая въ 80 верстахъ отъ города Онеги; на этихъ двухъ заводахъ вываривается впрочемъ только морская вода.

Польза, которую Кулойскіе крестьяне имѣютъ отъ здѣшней соловарни, заключается главнымъ образомъ въ доставкѣ топлива; потому что они за каждую сажень наколотыхъ дровъ получаютъ по 1 руб. 40 коп., а заводъ истребляетъ ежегодно слишкомъ 3000 саженъ дровъ. Кромѣ смотрителя, штатнаго чиновника, при заводѣ находятся 3 соловара, 9 помощниковъ и 3 крестьянина, занимающіеся подвозомъ дровъ и получающіе по рублю 50 коп. за каждыя 10 саженъ, которыя потребны для одной вари. Соловарамъ и ихъ помощникамъ производятъ плату отдѣльно за каждую варю полнаго количества разсола и притомъ первымъ по рублю 70, а послѣднимъ по рублю 20 копѣекъ. Наконецъ работникъ, который починяетъ поврежденныя трубы, получаетъ по 20 рублей въ мѣсяцъ.

Около соловаренаго завода въ 1833 г. начали бурить въ землѣ отверстіе, надъ углубленіемъ котораго и при мнѣ еще трудились въ надеждѣ проникнуть до

соляного пласта. Къ этой предполагаемой соляной копи были приставлены мастеръ, 8 работниковъ и кузнецъ, а главный надзоръ за производствомъ работъ былъ ввѣренъ смотрителю здѣшней соловарни, г. Бабушкину, которому вмѣнено было въ обязанность вести журналъ всѣмъ проникнутымъ слоямъ земли. Изъ этого журнала я усмотрѣлъ, что глубина, до которой работники докопались въ продолженіе четырехъ лѣтъ, равнялась 91 сажени и что проникнутые слои земли состояли изъ известняка и гипсовой горной породы, перемежавшихся съ пластами рухляка. — Въ окрестностяхъ Кулойскаго Посада преобладаетъ гипсовая горная порода, которая особенно часто выходитъ наружу въ холмистой землѣ къ востоку отъ соляного озера.

(14 Октября). Въ полдень я выѣхалъ изъ Кулойскаго Посада и отправился по холмистой землѣ, примыкающей на востокѣ къ *Кулойскимъ горамъ*; здѣшній великолѣпный лѣсъ состоитъ преимущественно изъ сосенъ и лиственницъ, а также изъ елей, березъ и осинъ. Въ лощинѣ, на берегу рѣчки *Печовы*, притока рѣки Кулоя, выглядывалъ изъ-подъ снѣга бѣлый или красноватый гипсъ вмѣстѣ съ толстымъ слоемъ желтоватаго гипсоваго рухляка.

Къ вечеру мы пріѣхали къ деревнѣ *Кулогорамъ*, которая, находясь въ 39 верстахъ отъ Кулойскаго Посада, расположена на трехъ холмахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга небольшими ручьями, и состоитъ изъ 3 околодковъ, изъ которыхъ каждый носитъ названіе своего холма: *Соколова*, *Порядина* и *Шапыгина деревня*. Такъ какъ пещера, которую я намѣревался осмотрѣть, находится около послѣдняго изъ этихъ околодковъ, то я своротилъ съ

большой дороги и поѣхалъ прямо въ деревню Шаньгину, гдѣ и остался ночевать.

Рожь и ячмень въ этихъ деревняхъ почти всегда хорошо созрѣваютъ, но старанія развести овесъ еще ни разу не увѣнчались успѣхомъ. Здѣшніе крестьяне имѣютъ обыкновеніе сушить зерновый хлѣбъ у себя въ хатахъ и для этого развѣшиваютъ снопы по потолку, колосьями внизъ; правда, что этимъ путемъ они нѣсколько скорѣй достигаютъ своей цѣли и сверхъ того пользуются дивнымъ ароматомъ, распространяющимся отъ сноповъ, но съ другой стороны такой способъ сушенія хлѣба уже не разъ былъ причиною пожара, поглощавшаго цѣлыя деревни.

Въ холмистой землѣ, въ 4 верстахъ отъ деревни Кулогоръ, находятся источники рѣки Кулоя, который, на протяженіи $3\frac{1}{2}$ верстъ, извивается въ видѣ весьма незначительнаго ручья, но потомъ впадаетъ въ Сотку, съ правой ея стороны, и уже въ соединеніи съ нею принимаетъ названіе Кулоя и направляетъ теченіе свое къ морю. Замѣчательно, что ручей, который образуетъ верховья Кулоя, во время весеннихъ разливовъ здѣшнихъ рѣкъ, непосредственно сообщается съ Пинегой, при чемъ вода этой послѣдней отчасти изливается въ Кулой. Этому сообщенію способствуетъ такъ называемый *Полой*, небольшой узенькій рукавъ Пинеги, который во время мелководія представляетъ ничто иное какъ бассейнъ стоячей воды, отдѣляющійся отъ своей главной рѣки песчаной полосой въ 50 саж., а отъ Кулойскаго ручья пространствомъ земли въ 75 саж. шириною; весной же, когда вода въ Пинегѣ подымается на 3 сажени выше обыкновеннаго своего уровня, этотъ рукавъ

совершенно сливается не только съ Пинегой, но и съ ручьемъ Кулоя.

Здѣшніе крестьяне разсказывали мнѣ, что за 50 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, между Пинегой и Кулоемъ существовало также искуственное сообщеніе, которое было устроено съ цѣлью облегчить сплавъ корабельнаго лѣса; а именно: рѣка Сотка, которая сближается съ Пинегой на разстояніи 4 верстъ, изливала свои воды въ эту послѣднюю посредствомъ канала, въ слѣдствіе чего рѣка Кулой, до соединенія своего съ Бѣлою, превращалась въ узенькій и мелкій ручеекъ. Однакожъ чертъ (какъ выразился разскащикъ) не хотѣлъ, чтобы эти двѣ рѣки постоянно сообщались между собою и потому передѣлалъ все на старый ладъ. Противъ такого прагматическаго изложенія факта трудно было найти какое-нибудь возраженіе.

Пещера около Шапыгиной деревни извѣстна у здѣшнихъ жителей подъ названіемъ *Медвѣжьей*, хотя ни одинъ крестьянинъ не слыхалъ, чтобы въ ней когда-либо были найдены медвѣжьи слѣды. Впрочемъ ни одинъ изъ ученыхъ, описывавшихъ здѣшній край, не упоминаетъ объ этой пещерѣ; даже жители города Пинеги имѣютъ объ ней только самое неясное представленіе, потому что, кромѣ капитана-исправника Ростилова, никто еще не интересовался осмотрѣть эту столь близко отъ нихъ находящуюся рѣдкость природы. Я былъ очень доволенъ, что засталъ еще въ живыхъ того самаго старика, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сопутствовалъ г. Ростилову и который одинъ только подробнѣе зналъ внутреннее устройство пещеры; другіе же крестьяне питали какой-то суевѣрный страхъ противъ мрачныхъ

ходовъ ея и мнѣ стоило большаго труда уговорить своего молодаго хозяина слѣдовать за мной вмѣстѣ со старикомъ.

Утромъ рано мы всѣ трое отправились въ путь, взявъ съ собой деревянные подколѣнники и пару восковыхъ свѣчей, а также нѣсколько листовъ бумаги, разбросанные лоскуточки которой должны были служить намъ Аріадниной нитью въ перепутанныхъ между собой, на подобіе лабиринта, подземныхъ ходахъ. Мы спустились съ холма и, пройдя нѣсколько саженей вдоль западной стороны его, очутились у входа въ пещеру, который находится у подошвы огвѣсной каменной стѣны, образовавшейся изъ крупнозернистаго гипса. Входъ этотъ представляетъ низенькое отверстіе, расходящееся кверху открытымъ ущельемъ и закрывающееся дверью, въ которую мы могли войти не иначе какъ наклонившись. Первое, что намъ представилось, былъ портикъ, который, имѣя около 4 саж. выпины, заключалъ въ себѣ разную домашнюю утварь и нѣкоторые съѣстные припасы, потому что какое-то крестьянское семейство употребляло его вмѣсто погреба и чулана. Два хода ведутъ изъ этого портика во внутренность горы, на которой расположена деревня; одинъ изъ нихъ, представляя узенькое ущелье, образовавшееся въ задней стѣнѣ, находится по правой, а другой по лѣвой рукѣ; послѣдній, будучи пообширѣе перваго, служитъ главнымъ ходомъ, но очень можетъ быть, что и первый, въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи, выклинивается или даже соединяется съ главнымъ ходомъ, только никто объ этомъ не знаетъ. Мы пошли по главному ходу, который, при средней ширинѣ пяти футовъ, довольно низокъ и простирается подъ гору, сперва въ восточномъ, а потомъ въ

юговосточномъ направленіи. Силавленный лѣсъ, встрѣчавшійся намъ во множествѣ, и мерзлый слой рѣчнаго ила, покрывающій дно этого подземнаго хода, доказываютъ, что вода, во время весеннихъ разливовъ, ежегодно проникаетъ въ пещеру и наполняетъ ее, и очень легко можетъ быть, что этому постоянному напору воды и вся пещера обязана своимъ образованіемъ. Мѣстами главный подземный ходъ расширяется, образуя небольшіе склепы, въ которыхъ мы свободно могли гулять и стѣны которыхъ, унизанныя кристаллами величиною въ дюймъ, игриво отражали лучи зажженной свѣчки. На выпуклостяхъ тѣхъ же стѣнъ кристаллы эти мѣстами образуютъ прекраснѣйшія друзы необыкновенной величины и удивительной правильности, представляя частію плитки, покрывающія стѣны пещеры на подобіе коры, частію шестисторонніе пустыя пирамиды, основанія которыхъ имѣютъ до 2 и болѣе дюймовъ въ діаметрѣ, а боковыя плоскости образуютъ шестисторонніе воронки, обращенныя своими вершинами къ стѣнѣ, такъ что онѣ уподобляются цвѣтамъ, выдающимся изъ ледяной коры въ видѣ дивныхъ букетовъ. Въ иныхъ мѣстахъ образовались сосульчатые натеки, и вода, просачиваясь, капала со стѣнъ. Въ тѣхъ склепахъ и портикахъ, гдѣ нѣтъ илу, дно пещеры было подернуто тонкой ледяной корой, которая, отстоя отъ земли на нѣсколько дюймовъ, на каждомъ шагу разбивалась, издавая при этомъ звонъ. Въ портикѣ, блестящія кристаллическія стѣны котораго меня особенно привлекали, я увидѣлъ, что и дно его было устлано такимъ же прекраснымъ ледянымъ ковромъ, походившимъ на произведеніе великаго художника; это была та самая ледя-

ная кора, о которой мы только-что упоминали и которая при нашихъ глазахъ начинала формироваться. Пусть читатель представитъ себѣ обыкновенную снѣжинку, которая, при толщинѣ одной линіи, имѣла бы отъ 6 до 8 дюймовъ въ діаметрѣ, и множество подобныхъ, размѣщенныхъ на плоскости съ величайшею правильностію, такъ что каждая отдѣльная снѣжинка окружена шестью другими — и онъ будетъ имѣть понятіе о нашемъ ледяномъ коврѣ. Никакая человѣческая рука, какъ бы она ни была искусна, не смогла бы расположить всѣ малѣйшія частицы этого дивнаго ковра съ такою удивительною правильностію и въ такой строгой симметріи, какъ это дѣлаетъ природа. Каждая звѣздочка имѣла въ центрѣ своемъ наибольшую толщину, которая, по мѣрѣ приближенія къ периферіи, постепенно уменьшалась, такъ что окружность каждой звѣздочки представляла самую тоненькую пластинку; съ окружавшими ее другими звѣздочками она или совершенно сросталась, или прикасалась къ нимъ только концами шести главныхъ лучей своихъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ ее можно было вынуть, нисколько не повреждая другія звѣздочки. Каждый главный лучь представлялъ собою желобокъ, ведущій отъ центра къ концу радіуса, отъ котораго, подобно жилкамъ растительнаго листа, простирались параллельные другъ другу побочные лучи; наконецъ каждый изъ этихъ послѣднихъ пускалъ отъ себя еще по нѣскольку лучей, которыхъ впрочемъ простымъ глазомъ нельзя было разсмотрѣть, потому что они сливались вмѣстѣ, образуя самую тончайшую пленку.

По мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, температура въ пещерѣ постепенно возвышалась; всѣ слѣды

ледяной коры мало по малу пропадали и съ влажныхъ стѣнъ вода струилась все сильнѣе и сильнѣе; даже рѣчной илъ, который мѣстами покрывалъ дно пещеры, не былъ замороженъ, а представлялъ жидкую массу, не мало затруднявшую наше странствованіе. Низенькая подземная галлерея, по которой большею частію приходилось ползти на колѣняхъ, привела насъ въ новой портикъ, гдѣ дно было покрыто весьма толстымъ слоемъ рѣчнаго ила. Изъ этого портика ведутъ въ глубь лѣвѣ другія галлереи, изъ которыхъ одна, у самаго входа своего, была завалена огромной глыбой обломочнаго камня, оторвавшагося отъ верхняго свода, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго напора воды, потому что эта послѣдняя, какъ безпокойная, капризная хозяйка, всякій годъ придумываетъ какое-нибудь новое преобразованіе въ своемъ домѣ. Старикъ, провожатый мой, говорилъ мнѣ, что онъ съ Ростиловымъ доходилъ только до этого мѣста; но я этимъ не удовольствовался, а пожелалъ пробраться дальше, почему сопутники мои, съ помощію топора и молота, немедленно принялись отбивать острые края каменной глыбы, загражданшей намъ дорогу. Подземная галлерея, въ которую мы пролѣзли сквозь проломленное отверстіе, была такъ низка, что не было другаго средства пробираться по ней, какъ лечь на животъ и перебирать локтями. Невозможно описать того непріятнаго ощущенія, которое мы испытывали во время этого странствованія, когда снизу холодная влага рѣчнаго ила проникала сквозь одежду до нашего тѣла, а сверху висѣлъ шероховатый каменный сводъ, который, поминутно касаясь нашей спины, невольно вселялъ въ насъ какой-то безотчетный страхъ, какъ будто бы мы подвергались

опасности быть раздавленными горной массой. Мѣстами эта галлерея расширялась и пускала отъ себя множество побочныхъ ходовъ, по разнымъ направленіямъ. Сплавнаго лѣса мы здѣсь уже не встрѣчали, потому что онъ, вѣроятно, не заносится такъ далеко, но почва, между тѣмъ, становилась все мягче и иловатѣе. Наконецъ, мы выбрались въ такое мѣсто, гдѣ намъ можно было встать на ноги и выпрямиться; отсюда, въ видѣ продолженія пещеры, вела еще одна низенькая галлерея, которая также была наполнена иломъ; однакожъ мы не прельстились ею, потому что у насъ не доставало больше терпѣнія ползти ничкомъ, тѣмъ болѣе, что мы должны были приберечь свои силы для обратнаго путешествія. Странствованіе наше по медвѣжьей пещерѣ продолжалось ровно 4 часа и мы вышли оттуда въ такомъ ужасномъ видѣ, что намъ самимъ было совѣстно смотрѣть на себя: вся наша одежда была покрыта толстымъ слоемъ грязи и на насъ не было ни одной сухой нитки. По мнѣнію моихъ сопутниковъ, мы углублялись въ пещеру на двѣ версты, за достовѣрность чего я впрочемъ не ручаюсь. Такъ какъ до сихъ поръ еще никто не доходилъ до конца пещеры, то протяженіе ея намъ неизвѣстно; впрочемъ здѣшніе жители полагаютъ, что она оканчивается около *Крыловой* горы, пролегающей въ юговосточномъ направленіи, въ 12 верстахъ отъ Шапьгиной, и что тамъ есть другой входъ въ пещеру, имѣющій большое сходство съ описаннымъ уже нами ходомъ. Для подтвержденія этого мнѣнія разсказываютъ, будто собака, вбѣжавшая въ пещеру около Шапгиной горы, вышла изъ другаго входа около Крыловой. Я не берусь рѣшать, справедливо-ли это мнѣніе или нѣтъ, а только

скажу, что медвѣжья пещера, во время весенних разливовъ, по всей вѣроятности, находится въ непосредственной связи съ какой-нибудь рѣкой, потому что вода, которая всякій годъ наполняетъ ее, никогда уже не выходитъ изъ нея.

Горная порода, въ которой эта пещера образовалась, представляетъ снѣжнобѣлый и только изрѣдка сѣроватый мелкозернистый гипсъ, сплошная масса котораго состоитъ большею частію изъ безцвѣтныхъ кристалловъ селенита; группы, образуемыя этими кристаллами, иногда имѣютъ до $1\frac{1}{2}$ дюйм. въ діаметрѣ; но обыкновенно онѣ бываютъ меньше. Мѣстами попадается желтоватый гипсовый рухлякъ, расположенный въ преобладающей горной породѣ, въ видѣ горизонтальнаго пласта незначительной толщины. Округленные валуны жилковатаго гипса, разбросанные по дну пещеры, вѣроятно, занесены сюда водою въ одно время съ нѣкоторыми другими гальками, образовавшимися въ ближайшихъ окрестностяхъ пещеры.

Старикъ, сопутникъ мой, съ большимъ удивленіемъ разсказывалъ мнѣ о явленіи обратныхъ временъ года въ пещерѣ. Осенью, когда на дворѣ начинаются морозы, въ пещерѣ наступаетъ весна; ледяная кора таетъ, и дно дѣлается мягкимъ и иловатымъ; зимой здѣсь бываетъ страшная жара и во всей пещерѣ не видать ни малѣйшаго кусочка льда. Весной же, — по окончаніи разлитія водъ, которыя, наполняя пещеру, оставляютъ въ ней илъ и сплавный лѣсъ, — здѣсь начинаются холода: дно твердѣетъ, стѣны покрываются красивыми ледяными кристаллами и въ продолженіе всего лѣта господствуютъ сильные морозы. Только около выхода, гдѣ внут-

ренній воздухъ болѣе или уравновѣшивается наружной атмосферой, контрастъ этотъ исчезаетъ, такъ что въ пещерѣ постоянно можно имѣть вмѣстѣ и зиму и лѣто. Къ сожалѣнію, я упустилъ случай слѣдить за повышеніемъ и пониженіемъ температуры въ пещерѣ.

Молодой хозяинъ мой, съ радости, что онъ вышелъ изъ пещеры цѣлъ и невредимъ, приготовилъ мнѣ отличный завтракъ и потомъ отвезъ меня въ городъ, находящійся въ 4 верстахъ отъ Кулогоръ. Здѣсь я пробылъ до вечера, послѣ чего опять отправился въ дорогу. Такъ какъ около самаго города нельзя было переправиться черезъ Пинегу, то я поѣхалъ вдоль берега въ *Малотинскую деревню*, гдѣ меня благополучно перевезли на лодкѣ, не смотря на то, что рѣка была полна льду. Отсюда я пѣшкомъ добрался до деревни *Петрогорской*, лежащей на берегу рѣки того же имени, близъ впаденія ея въ Пинегу, гдѣ взялъ пару лошадей, которыя меня вскорѣ вывезли на почтовую дорогу; въ 3 часа ночи я былъ уже на станціи *Вошкомъ*, въ 22 верстахъ отъ Петрогорской.

(16 Октября). Утромъ рано я вторично переѣхалъ на лодкѣ черезъ Пинегу и не мало обрадовался, приблизясь къ великолѣпному лиственничному лѣсу, по которому дорога, вдоль праваго берега рѣки, ведетъ къ станціи *Кузонемъ*. При *Узенгѣ*, лежащей въ 20 верстахъ отъ послѣдней, мнѣ снова пришлось переправляться черезъ Пинегу, но только пѣшкомъ, по ледяному покрывалу, сверхъ котораго, для большей безопасности, было положено нѣсколько жердей. Въ деревнѣ, лежащей на противоположномъ лѣвомъ берегу рѣки, я взялъ лошадей и поѣхалъ къ Нижней Паленгѣ, гдѣ въ четвертый и въ

послѣдній разъ долженъ былъ измѣрить ширину Пинеги. Такъ какъ ледъ, покрывавшій рѣку, не въ состояніи былъ выдерживать тяжести лошади, а противоположный правый берегъ былъ необитаемъ, то мнѣ ничего больше не оставалось, какъ послать нарочнаго къ ближайшей станціи *Устьпинегу*, съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ оттуда экипажъ и лошадей, и терпѣливо ожидать его возвращенія. Спустя нѣсколько часовъ лошади пріѣхали, и я прибылъ въ Устьпинегу уже ночью.

(17 Октября). Я переѣхалъ черезъ Двину на паромѣ и вскорѣ очутился въ Холмогорахъ. Прекрасная санная дорога, вслѣдствіе оттепелей, бывшихъ въ послѣдніе дни, почти совершенно пропала. Переправившись черезъ Курью на паромѣ, а черезъ Двину на лодкѣ, я взялъ въ *Каскогорской деревнѣ* свѣжихъ лошадей и безпрепятственно проѣхалъ до самаго Архангельска.

22 Октября я вторично выѣхалъ изъ этого города, направивъ путь свой уже не къ тундрамъ, какъ это было въ первый разъ, а къ С. Петербургу.

Во время краткаго пребыванія своего въ Холмогорахъ, я, изъ любопытства, зашелъ въ мастерскую одного костяника, чтобы взглянуть на издѣлія, которыя такъ славятся во всей Россіи. Признаюсь, меня не мало удивляло, что изъ грубыхъ рукъ здѣшнихъ бородатыхъ художниковъ выходятъ такія изящныя произведенія, тѣмъ болѣе, что только самая малая часть послѣднихъ выдѣлывается на токарномъ станкѣ, остальныя же всѣ вырѣзываются руками, съ помощію немногихъ простыхъ инструментовъ, придуманныхъ самими художниками. Прекрасныя арабески и украшенія, отличающіяся удивительною чистотою отдѣлки и строгою симметріею, не-

вольно заставляютъ насъ удивляться тому, что люди, которые, можетъ быть, никогда карандаша въ рукахъ не держали, могутъ имѣть такой вѣрный глазомѣръ. Приготовляемыя здѣсь издѣлія состоятъ большею частію въ предметахъ роскоши и въ мелкихъ принадлежностяхъ дамскаго туалета, какъ то: корзиночки и коробочки всякаго рода, подушки для шитья, гребешки, наперсточки и игольники; но болѣе всѣхъ другихъ вещей обратило на себя мое вниманіе ожерелье, состоявшее изъ нѣсколькихъ рядовъ самыхъ мелешкихъ, вдѣтыхъ одно въ другое колечекъ, которыя, въ извѣстныхъ мѣстахъ, прерывались и закрѣплялись красиво выточенными костяными пластиночками. Не смотря на то, что ожерелье это имѣло болѣе аршина длины, оно стоило не полныхъ семь рублей ассигнац. — Иногда здѣшніе костяники пускаются въ историческія изображенія и тогда, конечно, дѣлаются самыми обыкновенными токарями; такъ напр. мнѣ удалось видѣть рѣзьбу, изображавшую охоту, а также нѣсколько пейзажей, наконецъ изображенія святыхъ и разныхъ эпизодовъ изъ священной исторіи: механическая часть работы въ нихъ была выполнена какъ нельзя лучше, но искуство выражать идею далеко не соотвѣтствовало чистотѣ и изящности отдѣлки въ частности.

Всѣ упомянутые нами предметы выдѣлываются большею частію изъ моржевой, рѣже изъ мамонтовой кости; послѣдняя узнается въ работѣ по свойственному ей желтоватому оттѣнку, а также по необыкновенной твердости массы, и вслѣдствіе того, будучи употребляема для выдѣлки даже самыхъ мелкихъ вещичекъ, цѣнится несравненно дороже моржевой кости, такъ что выдѣлашныя изъ нея вещи продаются не иначе, какъ на вѣсъ, и,

если не ошибаюсь, по 12 коп. золотникъ. Благодаря своей дешевизнѣ и красотѣ, приготовляемыя здѣсь вещи находятъ себѣ такой легкій сбытъ, что не только многіе холмогорскіе мѣщане, но и жители сосѣдней *Куростровской волости*, исключительно посвятили себя этому промыслу, доставляющему имъ самыя вѣрныя средства къ жизни. Множество произведеній такого рода хранятся въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Эрмитажѣ, и онѣ лучше всего могутъ свидѣтельствовать о томъ, до какой степени совершенства достигло въ Холмогорахъ искуство вырѣзыванія изъ кости.

На здѣшнихъ поляхъ хлѣбъ почти вездѣ доставилъ хорошую жатву; даже въ мѣстахъ, находящихся по берегамъ Пинеги, былъ довольно сносный урожай, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полей, на которыхъ хлѣбъ былъ захваченъ ночными морозами. Однакожь ячмень уродился вездѣ лучше ржи. Отъѣхавъ двѣ станціи отъ Холмогоръ, я долженъ былъ взять телѣгу, потому что на саняхъ ѣхать не было никакой возможности.

(24 Октября). Я ѣхалъ мимо монастыря Св. Антонія въ Сіи, церкви и стѣны котораго весьма живописно рисовались надъ синевою озера. Такъ какъ этотъ монастырь находился недалеко въ сторонѣ отъ большой дороги, то я рѣшился заѣхать къ настоятелю его, почтенному другу моему Архимандриту Веніамину, бывшему начальнику миссіи, о которомъ я уже неоднократно относился съ похвалою. Я нашелъ его въ кельѣ уже совершенно готовымъ отправиться служить обѣдню; звонъ колоколовъ вызывалъ всѣхъ монаховъ изъ своихъ келліи, и я послѣдовалъ за Архимандритомъ въ церковь. По окончаніи обѣдни, онъ повелъ меня по монастырю,

чтобы показать мнѣ всѣ достопримѣчательности его, и при этомъ случаѣ разсказалъ мнѣ мѣстное преданіе объ основаніи здѣшняго монастыря. Препод. Антоній, памяти котораго онъ посвященъ, возъимѣлъ твердое намѣреніе удалиться отъ свѣта, чтобы безпрепятственно совершать свои благочестивые подвиги, и съ этою цѣлію долго скитался, ища себѣ мѣста, гдѣ бы ему можно было жить пустынникомъ. Когда онъ нечаянно забрелъ въ эту страну, въ то время уединенную и пустынную, ему попался рыбакъ, которому онъ открылъ свое благочестивое намѣреніе и который ему на это сказалъ, что знаетъ одно озеро, гдѣ, въ волнахъ, всякій праздникъ, слышится небесный звонъ колоколовъ. Преподобный выслушалъ это дивное извѣстіе съ нѣкоторою недовѣрчивостію, но вскорѣ лично убѣдился въ истинѣ разсказа и принялъ это за намекъ Провидѣнія, которое указывало ему давно желанное мѣсто, гдѣ онъ могъ найти себѣ покой. Поэтому онъ, 1520 г., поселился въ этой странѣ и построилъ себѣ лачужку на небольшомъ островѣ, лежащемъ на Михайловскомъ озерѣ, куда вскорѣ пришли также нѣкоторые другіе благочестивые люди, съ намѣреніемъ вести пустынную жизнь. Спустя нѣсколько времени, здѣсь явилась чудотворная икона Пресвятой Дѣвы, въ слѣдствіе чего благочестивая братія избрали изъ своей среды двухъ старѣйшихъ пустынниковъ, которые должны были отправиться къ Великому Князю Іоанну Васильевичу и, объявивъ ему радостную вѣсть о явленіи чудотворной иконы, испросить у него въ то же время разрѣшеніе на основаніе монастыря. Государь не только изъявилъ на это свое согласіе, но даже послалъ, съ пришедшими къ нему пустынниками,

множество дорогихъ подарковъ, въ видѣ вспомоществованія. Въ слѣдствіе этого, тотчасъ же приступили къ построенію церкви и при ней монашескихъ келій; но, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, весь монастырь вскорѣ сдѣлался жертвою пламени; на развалинахъ его возникла новая церковь, въ которой погребено тѣло святаго мужа, умершаго вскорѣ послѣ построенія новаго храма, въ 1557 г., на 79 г. своей жизни. Но и эта церковь впослѣдствіи сгорѣла, почему на ея мѣстѣ былъ построенъ каменный Соборъ Пресвятой Троицы, которой и теперь еще существуетъ.

Въ этомъ соборѣ Архимандритъ показалъ мнѣ чудотворную икону, подъ которой находился возвышенный алковъ, вмѣщавшій въ себѣ мощи Св. Антонія и украшенный снаружи его изображеніемъ. У алтаря и по стѣнамъ висѣло множество священныхъ картинъ, писанныхъ монахомъ Филаретомъ Никитичемъ, который жилъ здѣсь до возведенія своего въ санъ Первосвятителя Московскаго. Изъ собора меня повели въ монастырскую ризницу, гдѣ хранятся дорогія архіерейскія шапки и ризы, богато-разукрашенныя купели, даровыя чаши и множество другихъ цѣнныхъ приношеній, доказывающихъ, что въ прежнія времена ничего не щадили для обогащенія монастырей и церквей. Здѣсь меня въ особенности заинтересовала книга Новаго Завѣта, написанная славянскимъ шрифтомъ съ необыкновенною чистотою и украшенная, на каждой страницѣ, арабесками и виньетками. Произведеніе это, конечно, не свидѣтельствуетъ объ особенномъ талантѣ того монаха, который его выполнилъ; но тѣмъ не менѣе надо удивляться прилежанію и терпѣнію переписчика. Изъ ризницы мы прошли въ монастыр-

скую библіотеку, въ которой, по словамъ Архимандрита, находится множество книгъ греческаго богослуженія; наконецъ, мы отправились въ архивъ, гдѣ, кромѣ множества другихъ лѣтописей, касающихся собственно монастыря, мнѣ показали нѣкоторыя грамоты съ подлинными подписями русскихъ Царей. Дѣятельный Архимандритъ въ это время занимался внесеніемъ въ монастырскія лѣтописи важнѣйшихъ фактовъ, открываемыхъ имъ изъ этого архива, а также приведеніемъ всѣхъ документовъ въ систематическій порядокъ. Работа эта обѣщаетъ много пользы для будущаго историка, который захочетъ воспользоваться драгоцѣнными свѣдѣніями, скрывающимися въ здѣшнемъ архивѣ.

Возвратившись въ келью Архимандрита, мы сѣли обѣдать, а послѣ обѣда провели время въ пріятной бесѣдѣ объ извѣстныхъ намъ обоимъ тундрахъ и обитателяхъ ихъ, Самоѣдахъ, которымъ мой образованный собесѣдникъ принесъ неоцѣненный даръ Христіанства; потому что только его неутомимому рвенію миссія обязана своими блестящими успѣхами.

Было уже совершенно темно, когда я, простившись со своимъ ласковымъ хозяиномъ, снова отправился въ дорогу. Станціи *Сійскую*, *Ваймугскую* и *Селецкую* я проѣхалъ очень скоро, потому что здѣсь была санная дорога; но потомъ я опять долженъ былъ сѣсть въ телѣгу, которой не покидалъ уже до тѣхъ поръ, пока, въ сопровожденіи дождя и тумана, по дурной осенней погодѣ, утромъ 31 Октября, я не прибылъ благополучно въ столицу.